

Наследие

Печатается по решению
Ученого совета
Научно-исследовательского института
гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

G. W. H. H. H.

The Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia

I. D. Voronin
SELECTED WORKS

Saransk
2005

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

И. Д. Воронин

ИЗБРАННОЕ

Саранск
2005

УДК 908 (470.345)
ББК Т3 (2 Рос.Мор)6
В 752

Редакционная коллегия:

В. А. Юрченков (председатель), Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева,
А. Н. Келина, И. Г. Кильдюшкина, Г. А. Куршева,
В. А. Ломшин, Л. И. Никонова, Ю. И. Сальников,
Е. Г. Скворцова, А. В. Чернов

Печатается по изданиям:

И. Д. Воронин. Саранск : Историко-документальные очерки.
Саранск, 1961 ;
И. Д. Воронин. Саранская живописная школа. Саранск, 1972

Рисунки М. С. Шанина

ISBN 5 — 900029 — 15 — 8

© И. Д. Воронин,
Н. И. Воронина, 2005
© Юрченков В. А., вступительная
статья, 2005
© ГУ «НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики
Мордовия», 2005

Иван Дмитриевич Воронин и феномен «Саранска»

Иван Дмитриевич Воронин занимает особое место в истории гуманитарного знания Мордовии. Его по праву называют основоположником научного краеведения в регионе, о чем в последнее время было много сказано и написано¹. При этом в его творчестве есть тема, осмысленная которой чрезвычайно важно именно сегодня, — тема родного города, тема Саранска.

Конец 1950-х гг. — особое время в развитии гуманитарного знания в нашей стране и республике. В эти годы распахнулись двери архивохранилища, в том числе ранее закрытые; в связи со снятием со многих «неудобных» тем существовавших долгие годы табу значительно изменилась тематика исследований; появилась тяга к осмыслению больших хронологических периодов, обусловившая написание первых обобщающих работ. В этих условиях и возникло явление, которое можно охарактеризовать как **феномен книги «Саранск»**. Именно так называлась работа, подготовленная профессором И. Д. Ворониным и опубликованная в 1961 г. Говоря о времени ее написания, он отмечал: «В стране заметно возрастают запросы на книги по истории городов, чаще стали появляться увлекательные монографии и статьи краеведческого характера. Немало запросов высказывается и относительно истории города Саранска»².

Характеристика книги И. Д. Воронина как феномена не случайна, поскольку работа была **во многом новаторская**, причем не только для региональной науки. Один из рецензентов писал: «Только писатель-ученый, страстно полюбивший свой край, мог создать такие великолепные очерки о столице нашей республики... Надо понять, как

¹ См.: *Юрченко В. А. Феномен «Саранска»* / В. А. Юрченко // Саранск: город и горожане : Материалы I и II Воронин. науч. чтений. Саранск, 2002. С. 23 — 24 ; *Он же. Воронины: историко-генеалогический очерк* // Центр и периферия. Саранск, 2003. ц 1. С. 100 — 103 ; *Бахмустов С. Б. Иван Дмитриевич Воронин: значение личности и трудов* / С. Б. Бахмустов // Саранск: город и горожане. С. 25 — 28 ; *Забавина В. М. Покой ему только снится... (К 95-летию со дня рождения И. Д. Воронина)* / В. М. Забавина // Там же. С. 29 — 30 ; *Воронина Н. И. Три слова об отце* / Н. И. Воронина // Саранск: история и образ города-провинциала : Материалы III Воронин. науч. чтений. Саранск, 2005. С. 44 — 50 ; *Вдовина Л. Р. Энциклопедист родного края* / Л. Р. Вдовина // Там же. С. 51 — 53 ; *Лецко К. Незабываемые встречи* / К. Лецко // Там же. С. 53 — 54.

² *Воронин И. Д. Саранск : Ист.-документ. очерки* / И. Д. Воронин. Саранск, 1961. С. 4.

много кропотливого труда, лабораторного исследования проведено автором, чтобы очерки были достоверными, а факты и события так описаны, чтобы в них легко мог разобратся даже не искушенный в исторической науке читатель. Тут сказались и большой опыт писателя-историка, и мастерство писателя-художника»³.

К началу 1960-х гг. отечественная наука обладала определенным опытом осмысления городской жизни, однако делалось это на примере крупных городов, чаще всего столиц или бывших губернских центров. Уровень бывших уездных городов российской провинции в научном плане никто не решался анализировать, поскольку работать с подобным материалом весьма сложно даже большим коллективам ученых. На этом пути было немало трудностей, особенно источниковедческого характера. Поэтому необходимо было обладать незаурядной научной смелостью, большим исследовательским опытом и определенной долей безоглядности на авторитеты, для того чтобы попытаться осмыслить эту тему.

Специфика имевшихся к началу 1960-х гг. исследований заключалась в отсутствии четко выраженного авторского подхода. В книгах, созданных, как правило, коллективом авторов, личный взгляд на историю нивелировался. Редакторский коллектив «выравнивал» текст: главы, написанные высокопрофессионально, подгонялись под средний уровень, а с погрешностями — дорабатывались. В результате возникал усредненный, как говорят, «причесанный», вариант книги. И. Д. Воронин достаточно резко порвал с этой традицией и предложил свой — **авторский подход к истории**, с ярко выраженной концепцией региональной истории и культуры, выверенными методологическими и методическими подходами. Он был предвестником широко распространенного сегодня социокультурного подхода. История города решалась им как серия очерков, расположенных в хронологической последовательности и написанных по единому плану. Однако и каждый очерк интересен сам по себе, читается с увлечением. С. Б. Бахмутов по этому поводу писал: «Заслуга профессора Воронина заключается в том, что он реанимировал творческое наследие предшествующего столетия и продолжил изыскания, не только приумножив совокупность данных о временах минувших, но и оформив их в виде очерков, имевших как самостоятельное, так и суммарное значение»⁴.

³ Климов И. Исторические очерки о Саранске / И. Климов // Литературная Мордовия. Саранск, 1964. № 1. С. 130.

⁴ Бахмутов С. Б. Указ. соч. С. 26.

Конечно, у профессора И. Д. Воронина были предшественники в разработке проблем истории Саранска. Многие сделали дореволюционные краеведы — священник А. И. Масловский, врач Г. П. Петерсон. В 1930-е гг. к данной тематике обращался сотрудник краеведческого музея С. П. Вернер. Она была и в планах исследований сектора истории НИИ языка, литературы и истории при СНК Мордовской АССР. На nive саранского краеведения трудился и Н. П. Руткевич. Однако все разработки велись на уровне небольших очерков, порой газетных статей, причем охватывающих незначительный отрезок времени и ограниченную тематику. И. Д. Воронин первым предложил **полную историю города**, с момента его основания до современного автору состояния.

Книга профессора И. Д. Воронина носит **комплексный характер**, что было ново для российской региональной историографии. Он анализировал провинциальную городскую жизнь во всех ее проявлениях. Сам Иван Дмитриевич отмечал: «При написании книги ставилась задача показать развитие города со времени возникновения и до наших дней, подъемы в его жизни и спады, причины, обусловившие эти перемены»⁵.

Книга содержит великолепные очерки провинциальной **политической истории**. Автор дал историю возникновения города в связи с общероссийскими событиями, создав своеобразный фон, вписав город в канву общей истории. Ученый воспроизвел события разинского и пугачевского движений, при этом начала просматриваться их трактовка как гражданских войн, втянувших в себя практически все слои российского общества. И. Д. Воронин детально охарактеризовал революционное пробуждение российской провинции в 1905 — 1907 гг., революцию 1917 г. При этом он отошел от общепринятой трактовки революционных событий как отклика на происходящее в центре и показал своеобразие местной истории. При освещении отдельных вопросов политической истории И. Д. Воронин стал первопроходцем. Например, он фактически первым дал характеристику выступления Донского казачьего корпуса Ф. К. Миронова в августе 1919 г.

И. Д. Воронину удалось вычленить определяющие моменты **экономической истории** города. Он охарактеризовал саранскую ярмарку, показал ее товарооборот, связи и место в общероссийской рыночной инфраструктуре. Ученый осмыслил процесс складывания и развития местной промышленности, ее модернизации и превращения Саранска в

⁵ Воронин И. Д. Саранск. С. 5.

крупный региональный экономический центр. Он первым отметил особую роль железной дороги в реорганизации уклада городской жизни, изменении экономической структуры уездного центра.

Несомненной заслугой И. Д. Воронина является характеристика Саранска как провинциального **культурного центра**. Показав первые очаги культуры, описав Саранскую живописную школу и деятельность подвижников культуры, он как бы воссоздал культурологическое пространство, существовавшее в провинции на протяжении целого ряда веков. Он подчеркивал: «Нельзя при анализе русской художественной культуры недоучитывать ее народных истоков, которые рождались не только в столицах, но и в провинции»⁶. Профессор Н. И. Воронина отмечает: «Иван Дмитриевич открыл для Саранска многие не только исторические факты, но и целые направления в культуре. Благодаря ему стали известны имена купцов, которые строили прекрасные дома (Кубанцевы, Желтухины), разводили тяжеловозов (Мышкины). Он собирал по крупицам планы, фотографии экстерьера и интерьера всех храмов города. Привез в Саранск И. К. Макарова, написал историю живописной школы Саранска»⁷.

За перипетиями политической истории, тяжеловесным ходом социально-экономического развития, блеском литературы и искусства порой забываются повседневность, нравы людей, их дела, а ведь именно события этого ряда составляют полнокровную ткань человеческой истории. Правда, писать о них чрезвычайно трудно, как правило, повседневность кажется слабо заслуживающей внимания, но без «мелочей» жизни нет осознания истории. И. Д. Воронин прекрасно понимал это. Его «Саранск» насыщен портретами людей, знаменитых и малоизвестных. Фактически им были заложены основы **социальной истории** и города, и края. В связи с этим представляется неслучайным его интерес к генеалогическим сюжетам, и это в условиях, когда генеалогию официально называли дворянско-буржуазной наукой.

Особо следует сказать об **источниковой базе** историко-документальных очерков профессора И. Д. Воронина. Сам ученый по этому поводу писал: «Книга создавалась на основе многолетнего изучения архивов Москвы, Ленинграда, Саранска, Пензы и Ульяновска. Приходилось выезжать также и в ближайшие районные города и села: в Инсар,

⁶ Воронин И. Д. Саранская живописная школа / И. Д. Воронин. Саранск, 1972. С. 22.

⁷ Воронина Н. И. Указ. соч. С. 45.

Краснослободск, Починки, Наровчат, Карсун, чтобы разыскать рукописные источники и записать предания»⁸. Последнее стоит отметить особо, поскольку запись **устной истории** в историографии стала практиковаться позднее и в этом смысле И. Д. Воронин также выступает первопроходцем. Однако исследователь прекрасно понимал относительность и субъективность предания как источника. Он писал: «Не имея достаточного количества документов, историк провинциального искусства вынужден широко применять воспоминания или предания, которые хотя и богаты романтикой, но требуют большой осторожности при выдаче их за подлинность»⁹. Определенную роль в складывании подхода И. Д. Воронина к источникам сыграла работа в НИИ языка, литературы и истории при Совете министров МАССР (ныне НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), где он с 1946 по 1951 г. возглавлял сектор истории. Именно в эти годы сотрудники института активно выявляли и публиковали документы по истории и культуре мордовского края, что обусловило серьезную источниковедческую работу, особенно в секторе истории.

Закономерным продолжением книги о Саранске явилась изданная в 1972 г. монография **«Саранская живописная школа»**, высоко оцененная рецензентами¹⁰. В ней И. Д. Воронин рассуждает по поводу сохранения культурных ценностей, специфики данного процесса: «Каждый вид искусства отличается от других не только своеобразием творческих приемов, которыми пользуется художник, но и спецификой хранения, накопления духовных ценностей. Писатель создает книги — многотиражные произведения, и наследие его передается преимущественно через чтение, он доступен всем грамотным людям. Зодчий оставляет потомству памятники архитектуры, которые живут столетия и постоянно открыты для обозрения не только людям грамотным, но и всем, кто пожелает их осмотреть. Они воспринимаются широким кругом зрителя. Творения художника-живописца (разумеется, в подлиннике) лишены и тех и других качеств, и многотиражности и длительности обзора на городских площадях...»¹¹. Учитывая это,

⁸ Воронин И. Д. Саранск. С. 4.

⁹ Он же. Саранская живописная школа. С. 63.

¹⁰ См.: Васильев Л. Ученый от книгац / Л. Васильев // Мокшень правда. 1973. 17 апр.; Котлов А. Книга о родном крае / А. Котлов // Сов. Мордовия. 1973. 17 апр.; Савин О. О родном крае / О. Савин // Молодой ленинец. [Пенза]. 1973. 12 июля; Он же. О художниках // Мичурин. правда. 1973. 24 авг.; Трубе Л. Свет из Арзамаса / Л. Трубе // Горьков. правда. 1973. 20 марта; Ховрин Е. Все о художниках Макаровых / Е. Ховрин // Кузнечий рабочий. 1973. 7 июня.

¹¹ Воронин И. Д. Саранская живописная школа. С. 200.

исследователь и поставил перед собой задачу познакомить читателя с сокровищницей российской провинциальной живописи на примере Саранской живописной школы и творчества И. К. Макарова. Одновременно он поднял проблему наследия крепостных художников, творивших в провинции.

Особо стоит остановиться на языке И. Д. Воронина, который и научен, и высоко художественен. Приведу лишь одну цитату: «Русская ярмарка была и праздником народным, и миру свиданием, и торгом великим. Сельский житель, выезжая в город на ярмарку, надевал свой лучший наряд, а его жена или дочь вплетала в гриву лошади разноцветные яркие ленты, сосед поздравлял соседа с ярмаркой широкой. И была она действительно по-русски широкой, с каруселями, цирковыми балаганами, с палатками, в которых подавали олады с пылу-жару...»¹². Сам И. Д. Воронин характеризовал свой стиль изложения следующим образом: «Опубликование первой монографии по истории города обязывает дать документированное описание событий, хотя знаешь наперед, что факты и цифры могут надоесть читателю. Автор предлагаемых очерков учитывал это и стремился в меру сил оживить изложение, вносить в текст элементы образности»¹³.

Значение книг о Саранске и Саранской живописной школе, несомненно, велико. На многие годы они стали эталоном для написания работ подобного рода, причем не только в Мордовии. И. Д. Воронин определил разнообразные подходы к событиям провинциальной реальности, принципы построения текстов, методику соотношения устной истории и архивных данных. Он оказал воздействие и на знатока саранских улиц и топонимики В. Н. Куклина, и на С. Б. Бахмутова, и на других исследователей и краеведов. Все это позволяет, еще раз повторюсь, говорить о феномене «Саранска».

*Доктор исторических наук
профессор В. А. Юрченков*

¹² Воронин И. Д. Саранск. С. 66.

¹³ Там же. С. 4.

САРАНСК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская историческая наука еще в XVIII и XIX столетиях накопила большие и разносторонние знания. На рубеже нашего века заметно оживилось и краеведение; в губернских центрах действовали ученые архивные комиссии, чаще стали появляться книги, посвященные истории отдельных городов. Научно-историческая мысль пробуждалась и у соседей Саранска. В 1898 году вышла в свет книга П. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования», в 1902 — В. Красовского «Трехсотпятидесятилетие города Алатыря», в 1908 — И. Юркина «Материалы для истории города Корсуна и его слобод», в 1911 — Н. Щеголькова «Исторические сведения в городе Арзамасе».

Саранск же, как и многие города России того времени, не имел монографического описания своей истории. О необходимости иметь книгу по истории Саранска не было суждений ни в школах города, ни в дворянском клубе, ни в городской думе, хотя, как известно, в то время проживал в Саранске энтузиаст-краевед, первый по губернии уездный врач Г. П. Петерсон, который был членом Пензенской ученой архивной комиссии. Он собирал сведения по истории Саранска, написал и напечатал в 1899 году небольшой очерк о достопримечательностях города. Но надлежащей поддержки городской управы краевед не встретил, и его изыскания остались незавершенными. Очень жаль, что до сих пор не удалось отыскать архивы этого замечательного энтузиаста.

Не скоро возникла мысль о написании истории Саранска и в советское время. Это объясняется тем, что в отсталой Мордовии сколь-нибудь значительных традиций изучения края в дореволюционные годы не создано и достаточно подготовленных для исследовательской работы историков ко времени Октябрьской революции не оказалось. Поэтому нужно было время, чтобы развилась краеведческая мысль в среде советской интеллигенции. Только в 30-е годы в Мордовии появились научные учреждения. В это время стал проявляться интерес и к истории Саранска.

В газете «Красная Мордовия» были опубликованы статьи местного историка С. П. Вернера о событиях в Саранске во время Февральской революции и о борьбе за власть Советов. К сожалению, довольно плодотворная деятельность этого историка была прервана Отечественной войной. Он погиб на фронте.

Много потрудился над изучением архивных материалов по Саранску Н. П. Руткевич, но мало что из его научных работ опубликовано. Некоторые из них до сих пор лежат на полках рукописных фондов.

По истории Саранска литературы немного. Небольшие статьи и заметки или очерки разбросаны в различных периодических изданиях: в дореволюционных губернских и епархиальных ведомостях и словарях, а также в газетах, сборниках, брошюрах, энциклопедиях советского времени. Мало опубликовано и мемуаров. До сих пор лежат в рукописи увлекательно написанные и содержательные воспоминания основательницы первой Саранской народной библиотеки Е. Л. Токаревой; не опубликованы также важные свидетельства — мемуары участника Октябрьских событий 1917 года, первого председателя Саранского укома РСДРП(б) Ф. С. Каплева.

Некоторые отрывочные сведения из истории Саранска опубликованы в «Очерках истории Мордовской АССР», в историко-архитектурном очерке «Саранск — столица Мордовской АССР» и других, преимущественно брошюрных изданиях.

Настало время создать обстоятельную, научно обоснованную и популярную литературу о столице Советской Мордовии. Эта мысль получила теперь широкое признание. В стране заметно возрастают запросы на книги по истории городов, чаще стали появляться увлекательные монографии и статьи краеведческого характера. Немало запросов высказывается и относительно истории города Саранска.

Советский человек вырос духовно. Он хочет знать историю родного края. Он хочет извлечь уроки из истории, обратить опыт прошлого на служение современности. Это радует и озадачивает.

Современный человек взыскателен к стилю. Он неохотно читает книгу, написанную сухим протокольным языком. И это относится не только к беллетристике, но и к исторической литературе.

Опубликование первой монографии по истории города обязывает дать документированное описание событий, хотя знаешь наперед, что факты и цифры могут надоест читателю. Автор предлагаемых очерков учитывал это и стремился в меру сил оживлять изложение, вносить в текст элементы образности.

Книга создавалась на основе многолетнего изучения архивов Москвы, Ленинграда, Саранска, Пензы и Ульяновска. Приходилось выезжать также и в ближайшие районные города и села: в Инсар, Краснослободск, Починки, Наровчат, Корсун, чтобы разыскать рукописные источники и записать предания. И это оказывалось весьма полезным. Так, например, поездка в Наровчат помогла найти документальные

данные середины XVII столетия о первых поселенцах Саранска, а поездка в Инсар способствовала уточнению наших представлений о сторожевой службе, существовавшей в районе Саранска до постройки города. В Починках была обнаружена церковная летопись, которая содержит сведения о сфере влияния Саранска к северу, к пределам Нижегородских земель. Важные свидетельства в виде преданий записаны в самом Саранске и его окрестностях. Автор, как уроженец этого города, использовал и семейные предания.

При написании книги ставилась задача показать развитие города, со времени возникновения и до наших дней, подъема в его жизни и спады, причины, обуславливавшие эти перемены.

Особенно увлекательным и важным представлялось показать процесс роста и превращения бывшего уездного центра в столицу Автономной Советской Социалистической Республики.

Современный Саранск, как и другие столицы автономных республик, имеет отличительные особенности в сравнении с областными городами Российской Федерации. Он является центром сосредоточения культуры целого народа, хотя и немногочисленного, однако с давних времен известного историкам. Автор стремился раскрыть эти особенности.

Мордовский народ много столетий общается с великим русским народом, находясь вблизи старейших центров России — Москвы, Нижнего Новгорода, Рязани. При создании книги постоянно уделялось внимание освещению экономических, политических и культурных связей этих двух народов, благотворного влияния передовой русской культуры на мордовское население.

Во время работы над книгой автор обменивался мнениями с историками, встречался со старожилками города, пользовался советами сотрудников архивов, получал ценные сведения от руководителей и служащих советских и хозяйственных учреждений, за что приносит им искреннюю благодарность.

В наше время происходит бурное развитие многих городов Советского Союза, в том числе и Саранска. Небывалый размах городского строительства требует большой творческой мысли архитекторов, проектировщиков и инженеров. Для того, чтобы при столь быстрых темпах роста города не ошибиться, не обезобразить улицы или площади, не допустить непоправимого, а смело и правильно производить застройку, немалую службу может сослужить и обобщенный опыт градостроительства прошлых поколений. Автор надеется, что и его скромный труд послужит на благо успешного развития и процветания родного города.

У БОЛЬШИХ ДОРОГ

Большие транспортные пути или перекрестки дорог — необходимое условие для полнокровной и большой жизни города. У больших путей в далекой древности возникли и развились наши столичные города Москва и Киев. На заре русской государственности процветали старинные очаги славянской культуры — Новгород и Псков, располагавшиеся на великом пути из варяг в греки. Семь с лишним веков тому назад на путях из Подмосковья к Уралу и Сибири возник Нижний Новгород. Позднее у ворот к Кавказу вырос Ростов-на-Дону, на пути к Средней Азии — Оренбург.

Большие пути доставляют населению промышленное сырье, товары, облегчают культурный обмен, дают заработки; малые — обрекают его на скромную жизнь.

Возникновение первых городских центров в местах расселения мордвы обусловлено этой же закономерностью.

К XVII столетию в Мордовии, как пограничном в то время крае Русского государства, образовались значительные узлы больших гужевых трактов, много десятилетий оживлявших экономическую жизнь местного населения.

Но впоследствии, благодаря удалению государственных границ на юго-восток и развитию новых средств сообщения, гужевые тракты Мордовии постепенно утратили былое значение и ко времени жизни нашего поколения остались лишь некоторые приметы их в виде сохранившихся кое-где огромных с дуплами екатерининских берез, стоявших на обочинах, да многоколейных (саженей в тридцать шириной) залуженных кусков на городских выгонах, где земли не распахивались.

Подобные куски бывшего Большого Московского тракта в северо-западных окрестностях Саранска лет сорок-

пятьдесят назад еще поражали пытлиное воображение подростков, забиравшихся с силками на березы снимать чижей. Но понять, для чего надобны были дедам и прадедам двадцать-тридцать колей проезжей части дороги, подростки не могли. Да и отцы этих юных птицеловов не застали того времени, когда по большому гужевому тракту постоянно шли обозы с товарами, а ямщики спешно на перекладных мчались с важными пассажирами или почтовыми грузами.

Не зная современных дорог с каменным или асфальтовым покрытием, наши предки приспособлялись к условиям своего времени и в дождливые дни использовали многочисленные залуженные колеи, чтобы не увязнуть в грязи.

В нашем крае, где нет и не было крупных речных путей, большие гужевые тракты имели первостепенное значение. Они с древнейших времен связывали мордву с ее соседями, у этих трактов происходили бои с татаро-монгольскими кочевниками, которые, как жители юга, выросшие в степных просторах, не знали леса и страшно боялись его, что заставляло их при набегах держаться открытых полей и безлесных промежутков. Во время становления Русского централизованного государства большие гужевые пути явились важным фактором экономического развития края. С учетом старинных больших дорог строились и оборонительные сооружения против крымских и ногайских татар.

Извлекая из архивов и печатных источников отдельные разрозненные упоминания названий кусков и пунктов старинных гужевых трактов, нанося их на современную карту Мордовии и сопоставляя с сохранившимися местными названиями, нам удалось воспроизвести схему главных линий путей сообщения, существовавших в нашем крае до построения города Саранска и Саранской сторожевой черты.

В те отдаленные времена, вплоть до первой половины XVII столетия, более чем две трети территории Мордовии были покрыты вековыми лесами. Вдоль рек тянулись непроходимые кустарниковые заросли, лишь изредка сменяясь лугами и пашнями, в степных районах были большие участки «диких (непаханных) полей», заросших ковылем, поэтому и места для дорог было выбирать нелегко.

Большие гужевые тракты того времени проходили по водоразделам рек безлесными промежутками-коридорами. Для переправ через реки выбирались вершины их или же неглубокие места без зарослей и незаболоченные. В населенных местах через речки устраивались перевозы или же на дно их настилался камень-булыжник, и такие места именовались каменными бродами. В ненаселенной местности

торговые обозы и военные отряды проходили через речки вброд по дну без каменной подстилки.

Между двумя лесными массивами, в долине реки Инсары, и возник город Саранск. Этот безлесный промежуток с древнейших времен имел продолжение на юг вдоль левого берега реки Суры в район, где теперь стоит город Пенза, и дальше соединялся с большими степными просторами юга. На север он простирался, то расширяясь, то сужаясь, в направлении к Нижнему Новгороду. На восток от Инсарского безлесного коридора шли степные языки к Суре в район сел Большие Березники и Промзино Городище (теперь рабочий поселок Сурск) и далее за Суру к Симбирску и Казани. На запад шли степные языки от Рузаевки к Шишкееву и от Инсара к Темникову. По этим безлесным коридорам проходили старинные, бургасские, ногайские и другие гужевые тракты.

Мордовские земли пересекал один из стариннейших гужевых трактов, соединявший прикаспийские степи с Москвой. Он шел по левую сторону верхнего течения Суры через район, где теперь город Пенза, затем водоразделом между Сурой и Мокшей в район среднего течения Иссы, потом на Темников, Кадом, Елатьму, Касимов¹ и далее на Москву. По этой дороге проезжали послы из Москвы в Астрахань и в Заволжье в Ногайскую орду, и за ней закрепилось название Посольской дороги. Отметим некоторые пункты ее на территории Мордовии.

Построенный у Посольской дороги город Инсар долго сохранил ее название: «Базарная улица в Инсаре, — как сообщает историк Н. Калачев, — в старину называлась Посольской»². Подтверждение этого мы находим и в архивах: «Под город Инсар отведены земли деревни Паевой по обе стороны Посольской дороги»³. Одни из ворот крепости Инсар были названы Посольскими⁴ потому, что они поставлены на Посольской дороге.

Из-за того, что эта дорога связывала Москву с Ногайской ордой, в некоторых старинных документах она именуется Ногайской. Ногайский брод по Ногайской дороге проходил через речку Шукструй⁵ (теперь Шуструй).

Дальше к северо-западу от Ногайского брода через речку Шукструй Посольская дорога, она же Ногайская, шла через Стрельниковские росстани (с. Стрельниково Атюрьевского района), через Ногайские ворота, они же Бабеевские (с. Бабеево Темниковского района), оттуда Посольская дорога направлялась к Чижиковским воротам и к Чижиковскому перевозу на реке Мокше (с. Чижиково Темниковского района) и в Темников, потом через Санаксарский перевоз и на Кадом⁶.

Ногайские (Бабеевские), как и Чижиковские ворота, — это проезды через засечную Темниковскую черту. В архивных документах встречаются упоминания о сторожах Ногайских ворот⁷ этой черты. «Чижиковские ворота»⁸ были также и в стенах крепости Инсара, что напоминает о перенесении названия выездных ворот со старой Темниковской засеки на новую сторожевую засечную черту — Инсарскую.

В некоторых старинных документах этот тракт называется еще и Большою табунною дорогою потому, что по ней ездили из Астрахани и из Саратова... к Москве станичные головы с табунами⁹.

По этой же дороге проходили в Москву обозы с солью из района озера Эльтон. Старожил города Инсара Чумаков Сергей Иванович, передавая свое семейное предание, сообщает, что «по месту, где теперь Инсар, проходила большая дорога; мои предки были чумаки, возили соль из Эльтона в Москву и делали остановки при впадении реки Инсарки в Иссу; здесь они кормили лошадей, хорошие были удобства: луга, две речки. Это место им понравилось, и они поселились здесь, а потом уже стал строиться город Инсар». О перевозке соли по этой дороге сообщает П. Н. Черменский в книге «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» (Тамбов, 1926).

Участок этого пути от верховьев Суры до города Инсара именовался еще и Сурской дорогой.

К концу XVI столетия заметно усиливается движение на всем Посольском тракте. В 1591 году в Темникове был построен Ям «с гоньбой» до Саратова, Терка и Астрахани¹⁰.

В это время оживляется экономическая жизнь в северо-западных районах Мордовии — в местах старинного населения мордвы, город Темников становится значительным пунктом торговли, крупной станцией ямской службы, административным центром большого уезда, на территории которого возникли впоследствии Краснослободский, Троицкий, Инсарский уезды. У восточной грани старого Темниковского уезда возник и город Саранск.

В среднем течении реки Иссы посольский тракт Москва — Астрахань пересекался другим большим трактом, соединявшим Крым с Казанью и Средним Поволжьем, называемым в старинных документах Крымской дорогой. Около этого перекрестка дорог возник впоследствии город Инсар.

Укажем некоторые пункты этого тракта на территории Мордовии и граничащих с ней районов. Направляясь с юго-западной стороны через район Нижнего Ломова, Крымская дорога шла по правую сторону реки Инсарки — притока Иссы, затем по Каменному броду через реку Иссу (теперь

там село Каменный брод Иссинского района Пензенской области), южнее Пайгармы (Полгома — старое название) подходила к реке Инсаре — притоку Алатыря и по правую сторону реки Инсары шла к устью речки Шибдаса (старое название — Шинподача): «на диком поле, что от Полгомы едучи за рекою Инзорою по Большой Посольской дороге до Шинподачи»¹¹ (теперь Рузаевский район), потом через речку Карнай в районе села Монастырское (юго-восточные окрестности Саранска), через Каменный мост на речке Каменной (под селом Макаровкой) в район Атемара, где и теперь сохраняется родник, именуемый Крымским колодезем. В нем, по преданию старожиллов, проезжавший крымский хан утопил свою золотую шапку¹². Кстати сказать, в селе Атемаре до сих пор существует улица Большая дорога, построенная на этом тракте. Восточнее Атемара Крымская дорога проходила недалеко от вершины речки Атемарки через безлесный промежуток, называемый и теперь Перешейком, по высокому голому мару, в окрестности села Павловки и к реке Суре. Немного ниже с. Большие Березники, перед устьем речки Аргаши, существовали Самоязов перевоз и Козлов брод через Суру.

За Сурой эта дорога шла к «речке Корсуновой» (Корсунка — приток Барыша), рядом с владениями «Мерды орды», недалеко от «Мамаевой вотчины» и «вотчины князя Тугушева» и далее к речке «Вешка Пичингиля» (вероятно, Вешкайма. — *И. В.*): «от Каргашина бору подле бору до Крымской дороги... да по Крымской дороге до речки до Вешка Пичингиля»¹³. В районе города Корсуна дорога разветвлялась. Один путь шел на Казань, другой — к Симбирску.

Большая Посольская (Крымская) дорога в некоторых архивных документах именуется и Буртаской. Применение этого термина прослеживается в районе между городами Инсаром и Рузаевкой: «Буртаская дорога по речке Урлюдим...», «земля деревни Мураевки, Мортляй тож (теперь Муравьевка)... за речкой Инсарой по Буртаской дороге, по обе стороны»¹⁴. Между селом Большие Березники и городом Корсун от Крымской дороги было ответвление на север. Этот путь также именовался Буртаской дорогой. Он шел через Суру по Каменному броду, что юго-восточнее села Енгальчево¹⁵, километрах в десяти от этого села. Дальше Буртаская дорога шла вдоль речки Чеберчинки в район между селами Сайнино¹⁶ и Промзино Городище и за пределы Мордовии. Вероятно, существовала какая-то связь и в названиях речки Буртас (в бывшем Керенском уезде Пензенской губернии) и проходившей там Крымской (Буртаской) дороги.

В районе села Монастырское (южнее Саранска в 8 километрах) от Большой Посольской (Крымской) дороги шло

ответвление на север. Этот гужевой путь, именовавшийся также Большой дорогой, шел через реку Инсару по Ахматкину броду (невдалеке от устья речки Карнай) в район Саранска, через речку Саранку, где теперь мост на Московской (бывшей Трехсвятской) улице, через Соборную (теперь Советская) площадь, Московскую (теперь Ленинская) улицу к селу Лямбиль, через село Никитино, через Пузские ворота Пузской засечной сторожевой черты и дальше к Арзамасу, Мурому, Владимиру и Москве.

Дорога, проходившая через Саранск на Муром и Москву, именуется в архивных документах Московской или же Большой, а в некоторых — Сурской. В одном из описаний полей саранских стрельцов (северо-западные окрестности города), отведенных им в 1642 году, встречается название «Московская дорога», в другом — эта же дорога, на том же стрелецком поле именуется «Большой»¹⁷. В районе самого города еще до его постройки она именовалась также Большой и Московской дорогой. Одна из старейших улиц Саранска, ныне Ленинская, вплоть до наших дней потому и называлась жителями города Большой или же Московской, что она построена была на этой дороге. В архивных документах прошлого столетия улица так и именуется: «Большая Московская дорога»¹⁸.

Параллельное название Московской дороги — «Сурская» — мы находим в челобитной Кулдымской мордвы 1658 года: «Сурская дорога» в районе речки Рудни, недалеко от деревни Ингиняр (теперь село Ингинер-Пятина Мельцанского района)¹⁹.

Большой Московский гужевой тракт соединял район Саранска через Саратов с Астраханью, а через Арзамас, Муром — с Москвой и Нижним Новгородом.

С постройкой Саранска направление этой дороги в районе самого города изменилось. До этого она шла прямо на север, следы чего сохранились в названии «Никитинской горы», «Никитинского оврага», «Никитинской дороги». Эти места расположены вблизи современного консервного комбината с северной стороны. Названия их произошли оттого, что старый Московский тракт, проходивший здесь, направлялся на село Никитино (теперь Починковского района Горьковской области). Во время закладки Саранска Московская дорога была перенесена километра на три западнее и прошла через лесной массив, в котором был сделан проруб ввиду большой потребности лесоматериалов для нужд строительства. Проведением дороги по новому месту был достигнут лучший профиль ее, т. е. обойдена крутизна Никитинской горы. В этом новом направлении дорога сохранилась до наших дней («Большая дорога» на с. Лямбиль).

Из района Саранска (также еще до постройки города) шло ответвление гужевых путей к одному из старейших сел нашего края — Ладе, что сохранило следы до наших дней в названии «Ладской горы» и «Ладской дороги» («Ладская гора» на северо-восточной окраине Саранска — в районе ТЭЦ-2). От Лады эта дорога шла к засечной Темниковской-Пузской-Алатырской черте и через Гуляевские ворота этой черты проходила в пределы Нижегородского края несколько восточнее Московской (Большой, Сурской) дороги, направляясь к Макарьевской ярмарке.

Одна из дорог в районе Саранска именовалась Ерусалимской²⁰. По ней проходили богомольцы к «святым местам».

На Большой (Московской, Сурской) дороге, проходившей через район Саранска, так же, как и на Большой Посольской дороге, проходившей через Темников, содержалась ямская служба, что отражено в архивных материалах и в местных названиях. Правый берег речки Саранки, где теперь музыкальное училище (Первомайская улица), в старину имел название «Ям» или «Ямка». Это название сохранилось до второй половины XIX века²¹. В этом районе Ямкой назывался питейный дом и мост через овраг: «Мост, именуемый Ямка, на углу улицы первой Успенской (теперь Красноармейская) вблизи приходского мужского училища через безымянный овраг, впадающий в речку Саранку».

Точно датировать возникновение на территории Мордовии старинных гужевых трактов довольно трудно. Однако некоторые предположения можно высказать. Существование параллельных названий одних и тех же дорог — свидетельство их древности. Появление того или иного наименования тракта обусловлено исторически. Названия «Буртасская» и «Сурская» дороги появились, вероятно, еще до татаро-монгольского нашествия. Возникновение названий «Крымская», «Казанская» можно приблизительно датировать первой половиной XV столетия, т. е. временем основания Крымского и Казанского ханств. Наименование дорог «Посольская», «Ногайская» восходит ко второй половине XV века — ко времени усиления Ногайской орды, с которой Московское правительство имело дипломатические отношения. Большая Московская дорога возникла, как следует полагать, еще в татаро-монгольский период. «Ахматкин брод» по этой дороге (теперь в черте города Саранска) существовал, вероятно, со времени Ахмата, последнего хана Золотой орды, т. е. со второй половины XV века.

Как видно из приведенного описания старинных дорог, они образовывали в юго-восточной части Мордовии и прилегающих к ней местностях три значительных транспортных узла в районах городов Инсара, Саранска и Корсуна.

В районе Атемара был проход через гряду присурских лесов. С учетом этих старинных больших дорог и узлов и построены были в Мордовии пограничные оборонительные сооружения и, в частности, крепость и город Саранск.

Система оборонительных сооружений в Мордовии, как и в соседствующих с ней районах, создана была по замыслу Ивана Грозного в первые же годы после разгрома татарских ханов и присоединения к России Казани и Астрахани.

Новые области, находившиеся дотоле в течение трех веков под властью татарских ханов, могли быть закреплены под ведением Москвы только при хорошо продуманной и правильно построенной системе оборонительной военно-сторожевой службы, ибо ханы Крымской и Ногайской орд не могли смириться с продвижением московского влияния на юго-восток и поэтому после вхождения Казани и Астрахани в состав России долго еще и с большой яростью нападали на юго-восточные окраины Московских владений и, в частности, на «темниковские и алатырские места».

В произведениях мордовского фольклора, дошедших до нас, ногайские орды представлены как орды захватчиков, грабителей, сжигавших мирные поселения, уводивших в полон и истязавших там мордву.

В целях укрепления юго-восточной границы Русского государства после присоединения к нему Среднего и Нижнего Поволжья были выставлены в степь так называемые временные посты-сторожи и отряды-станицы. Они высылались на юг из городов Темникова, Арзамаса, Алатыря и других для несения сторожевой, оборонительной и сигнальной службы. В эти отряды входили служилые люди из мордвы, русских и принявших московское подданство татар.

Еще при Иване Грозном сторожевой службой охвачена была вся территория от линии Темников — Алатырь — Тетюши до среднего течения Дона и района Саратова. «Пригоже быти, — указывается в боярском приговоре от 1571 года, — на поле четырем головам (начальникам сторож): первому голове стояти на Волге под Караманским лесом (лес в 30 — 40 километрах севернее Саратова) из Казани, а другому голове стояти из Шацкого (г. Шацк) на Дону, на ногайской стороне в Вешках выше Медведицы и Хопра...»²².

При голове, который возглавлял сторожевую службу под Караманским лесом, было 136 человек «детей боярских, и казаков, и татар, и чуваш, и мордвы», в числе которых из Казани и из Свияжска — 40 человек, из Алатыря — 26, из Темникова, Кадома и Шацка — 54, из Ряжска — 16. При Вешковском голове находилось служилых людей 119 человек, «из Шацка 9 человек детей бояр да 20 человек казаков, из Ряжска 6 человек детей бояр да 10 казаков, из Донкова 6 человек

детей бояр, из Темникова да из Кадома 20 человек татар да 20 человек мордвы, из Алатыря 8 человек детей бояр да 20 казаков»²³.

Вторая линия сторожевой службы располагалась значительно севернее. Согласно тому же приговору от 1571 года, по росписи мещерским сторожам, первая сторожа этой линии стояла на речке Корсанаеве (Корганаеве), притоке Барыша. Первая сторожа высылала разъезды в междуречье Барыша и Суры, вниз по речке Корсанаевой до реки Барыша на 15 верст и вверх до Сурского леса и охраняла узел дорог (Крымской, Посольской, Буртасской) в районе Корсуна. Сторожа состояла из 6 человек алаторцев²⁴.

Вторая сторожа стояла на реке Шокше (Шукше) — притоке Суры, что километрах в 30 севернее современного города Пензы. Эта сторожа высылала разъезды вверх по Шукше до Мокшанского леса, что в верховьях реки Мокши, до речки Киси, до устья Кивлея на 20 верст²⁵. Шукшинская сторожа охраняла Большую (Посольскую, Сурскую) дорогу в районе прохода ее через Сурско-Мокшанский водораздел. Эта сторожа состояла из 12 человек, высылаемых из Кадома, Темникова и Алатыря по 4 человека.

Третья сторожа была расположена в верховьях речки Ломовой, что южнее современного города Нижнего Ломова, и охраняла Крымскую дорогу. Ломовская сторожа состояла из 9 человек, куда входили 3 человека из Кадома и 3 из Темникова.

Кроме того, как видно из боярского приговора от 1586 года, под 1580 годом помечены «арзамасские станицы», которые охраняли алатырские, арзамасские и мещерские места, верхне-мокшанскую и ценскую мордву²⁶. В позднейших документах мы находим и более точные указания о местах базирования некоторых арзамасских станиц.

Арзамасские военачальники в 1613 году писали царю, что подчиненные им «пузские засеки головы Гаврило Хохлов да Федор Старосетской посылали в проезжую станицу станичников пузских сторожей и мордву до дальних урочищ до Данматы реки и до Шокши и до Большие Анбурды»²⁷.

Эти арзамасские станицы обслуживали местность от речки Данматы (Дамага, Дашага, Дошга — левый приток Суры в районе современного села Большие Березники) до реки Шокши (Шукша), т. е. до района деятельности Шукшинской сторожи.

У речки Дамаги арзамасские станичники наблюдали за Самозовым перевозом через Суру по Крымской дороге, далее по этой же дороге — за районом от верховьев Большой Аморды (Анбурды), что в окрестностях Атемара, до

Ахматкина брода (район Саранска) и далее до речки Шукши по Сурской дороге к местам, где теперь город Пенза.

Как видно из боярского приговора от 1571 года, сторожевая служба в Мордовии и соседних районах возникла гораздо раньше появления этого документа, ибо станичники и сторожа, отмеченные приговором, «преж сего езживали лет за десять или за пятнадцать»²⁸, т. е. с пятидесятых годов XVI столетия — со времени присоединения к Московскому государству Казани и Астрахани.

Поэтому и предания потомков служилых людей Саранской сторожевой черты, построенной в 40-е годы XVII века, связывают появление их предков в районе этой черты со временем походов Ивана Грозного на Казань.

Старожил села Атемара Иван Иванович Залогов по преданию своих предков сообщает: «Когда была война Ивана Грозного с татарами... здесь остались солдаты и образовался Атемар».

Старожил села Посопа (Инзерского острога) Михаил Николаевич Ерин рассказывает: «Через место, где теперь город Саранск, проходили войска Ивана Грозного. Крест с орлом, который стоял на Саранском соборе, — это подарок Ивана Грозного». Аналогичное предание бытует до сих пор и в самом Саранске. Оно было записано в конце прошлого века Г. П. Петерсоном и опубликовано в сборнике Пензенского губернского статистического комитета в 1899 году. «В городе Саранске, — писал Петерсон, — существует предание, по которому Медный Орел, находящийся и до ныне под крестом колокольни недавно разрушенного Саранского старого собора, будто бы был подарен городу царем Иоанном IV Грозным во время его похода под Казань...»²⁹. Этот крест с орлом сохраняется до сих пор в Саранске в Мордовском краеведческом музее.

Существует также предание, что старинная Посопская церковь, которая стояла несколько восточнее ныне существующей, была построена во времена Ивана Грозного. Уроженец села Атемара, ныне житель Саранска Федор Павлович Пакшин, сообщил об этом следующее: «Мне говорил дедушка, что через Посоп шла дорога на Казань и что войскам Ивана Грозного во время похода служили обедню в маленькой церкви на Посопе».

Следует заметить также, что некоторые потомки служилых людей Саранской сторожевой черты вал, проходящий через Саранск, Посоп и Атемар, называют Казанским, хотя, как известно, он к Казани не идет, а идет на Ульяновск.

В приведенных выше преданиях, разумеется, не все достоверно, но из них можно заключить, что часть войск Ивана Грозного во время похода на Казань прошла в нашем крае

по Крымской дороге, и с этого времени в районе современных Саранска, Посопа и Атемара появились служилые люди, вначале как временные станичники и дозорники, а затем образовавшие и постоянные небольшие поселения. Этой частью войск Ивана Грозного был, вероятно, полк князя Курбского³⁰, который, минуя Мещерские леса, мог пройти к Суре, в район устья Барыша, только лишь описанной выше Крымской дорогой, другого пути для него здесь не было. Курбский мог оставить здесь в районе узлов старинных дорог дозорное охранение, а в знак присоединения новых районов к Московскому государству приказать оставшемуся дозору построить по одну сторону Большой дороги часовню, на которой поставить крест с короной, врученной от имени царя Ивана Грозного, полковой же поп по приказу Курбского мог отслужить молебен и «благословить» место по другую сторону этой дороги для постройки церкви.

Описанные выше линии сторож, выдвинутые далеко в степь, имели постоянную связь с городами, откуда они высылались. Большой знаток древних архивов Н. Калачев писал: «На степной стороне были учреждены подъезды, станы и сторожи. В подъезд посылались служилые люди из города... в степь для „проведывания вестей про неприятельских воинских людей“. Иногда отправляема была с тою же целью станица, т. е. несколько человек вместе. Место, где они обыкновенно останавливались для собиранья сведений, называлось станом или также станицей, отчего и самые служилые люди назывались иначе станичниками. Напротив того сторожи были такие пункты или возвышенные места, где постоянно находились сторожа, наблюдавшие за всем, что происходило в степи. Известно, что такие сторожа были расставлены на недалеком расстоянии один от другого, так что сообщение вестей о неприятелях передавалось чрезвычайно скоро посредством извещения ими друг друга, а ближайшим к городу сторожем самого городского начальства...»³¹.

Как видно из описания расположения сторож и станиц, для них выбирались места вблизи узлов или важнейших пунктов старинных дорог, идущих по безлесным промежуткам, чтобы держать эти места под контролем и при появлении противника давать знать ближайшим городам, в которых сосредоточивались военные гарнизоны, чтобы те были готовы к выступлению против врага. Места сплошных лесов не охранялись, но главные стоянки сторож располагались, как правило, «под лесом», т. е. на опушках леса, где можно было укрываться от противника. Личный состав сторож сменялся по расписанию через две недели, а в некоторые годы и в некоторых местах срок стоянки доходил до

сорока пяти дней. Отстоявшие свою очередь отправлялись в город, их выславший, а вместо них прибывала из того же города новая смена и в том же количестве. В главных пунктах стоянок сторож делалось временное жилье, а впоследствии у этих пунктов образовались постоянные поселения. В ближайших к городам пунктах эти поселения возникали раньше, в более отдаленных — позднее. Станичники должны были для передвижения иметь «добрых лошадей» и быть хорошо по тому времени вооруженными.

Организация временных сторож и станиц значительно облегчала охрану пограничных районов, но она не могла гарантировать безопасность потому, что предупреждения и донесения в ближайшие города часто запаздывали, и противник прорывался не только через сторожи, но и в местах между городами. Поэтому при царе Федоре Ивановиче у московского правительства начинает обнаруживаться стремление защитить юго-восточную окраину более основательно путем постройки постоянных засек, валов и рвов, и в первую очередь между существовавшими городами, при сохранении, конечно, сторожевой и станичной службы на юг и юго-восток от этих городов. С 1578 года на территории Мордовии и прилегающих к ней районов начинает прокладываться засечная черта³², которая изображена на чертеже сына Бориса Годунова³³.

Эта черта соединила города Темников и Алатырь. Она прошла лесной полосой от Кадомской засеки через Мокшу, затем лесом же вдоль реки Алатыря. По этой линии были сделаны лесные завалы между пнями ссеченных деревьев. Пни оставлялись вышиной почти в рост человека. При таком устройстве засека становилась трудно проходимой. Вдоль засеки была создана сторожевая служба между городами. Небольшие безлесные промежутки этой линии служили воротами через черту, они были соответственно укреплены рвами и надолбами и охранялись значительными по тому времени отрядами вооруженных сторожей.

Темниковская засека начиналась от Кадомского леса и кончалась в Саровском лесу за Темниковым. В Мордовском госархиве сохраняется описание Темниковской засеки³⁴. Она имела двое ворот — Бабеевские, или Ногайские, и Чижиковские. Дальше от Саровского леса к востоку и затем вдоль реки Алатыря до впадения в нее речки Инелей, что северо-западнее села Кемля, тянулась Пузская засека с двумя воротами: Пузскими и Гуляевскими. О Пузской засеке, Пузских и Гуляевских воротах встречаются данные в документах конца XVI и первой половины XVII веков³⁵. От речки Инелей также вдоль реки Алатыря дальше к востоку до города Алатыря шла Алатырская засека с Ардатовскими

воротами³⁶, которая еще дальше соединялась с Тетюшской засекой и шла к Волге.

Через Бабеевские (Ногайские), Чижиковские, Пузские, Гуляевские и Ардатовские ворота пропускались послы и обозы с товарами, при нападении же военных отрядов ногайцев и крымцев они закрывались и защищались военными гарнизонами засечной черты.

Учреждение военных сторож и создание Темниковско-Алатырской засечной черты способствовали освоению земель в малонаселенной дотоле юго-восточной части Мордовии. Со второй половины XVI столетия под прикрытием военных охранений от ногайских и крымских орд усиливается расселение мордвы из районов, прилегающих к Темникову, Арзамасу и Алатырю, на юг, юго-восток, в районы ее старинных бортных ухажав. Это продвижение идет преимущественно вдоль рек Суры, Мокши, Инсары, Рудни, Сивини, Иссы в направлении к их верховьям. Вместе с мордвой в этих же направлениях выдвигаются и поселяются и русские люди: дети боярские, станичники, сторожа и бежавшие от тяжелого гнета помещиков крестьяне внутренних уездов Московского государства, а также бортники и ремесленники; сюда же продвигается и некоторая часть татар, осевших ранее в районах, прилегающих к Темникову и Алатырю. Так на значительном расстоянии, южнее Темниковско-Алатырской засечной черты, появляются новые деревни и села: Сайнино, Шугурово, Пермь — в долине Суры; Лада, Костяшево, Акснер, Мортляй (Мураевка) — в долине Инсары; Темяшево, Коровяково, Лемдяй, Кулдым — в долине Рудни; Шайгово, Летки, Акшено — в долине Сивини; Паево, Адашево, Тумола — в долине Иссы; Маскино, Троицк — в долине Мокши и другие.

Однако жизнь в этих деревнях и селах была далеко не безопасной. Архивные документы и печатные источники свидетельствуют, что ногайские и крымские орды продолжали производить опустошительные набеги на эти вновь заселяемые места, прорываясь даже иногда и за Темниковско-Алатырско-Тетюшевскую засечную черту.

В 1607 году «ногайцы... проникли через засеку в Тетюшевский уезд, напали на находившиеся тут мордовские деревни и так их погромили, что они и через 12 лет все еще были пустовыми деревнями»³⁷.

В 1612 году «приходили ногайские люди на Арзамасские и на Алатырские места»³⁸. В этот приход «за неделю до Осложина дня... крымские и ногайские люди... Пузскую засеку проломали и ворота высекли, и сторожей, товарищей их побили, и дворы выжгли...»³⁹.

Начавшиеся сразу же после присоединения Казани и Астрахани большие работы по укреплению юго-восточных границ Московского государства — особенно широко они развернулись в 70, 80 и 90-е годы XVI века — в начале XVII, в период польско-шведской интервенции (1605 — 1612 гг.), были значительно сокращены, а на некоторых участках прекращены совсем, ибо все внимание Московского государства сосредоточено было в эти годы на защите западных границ и Москвы. Значительное количество воинских людей с Темниковско-Алатырской черты было снято и переброшено для борьбы с польско-шведскими захватчиками. И только после разгрома польско-шведской интервенции были в прежних масштабах возобновлены работы по укреплению юго-восточных окраин Московского государства. Гарнизоны крепостей Темниковско-Алатырско-Тетюшевской засечной черты были пополнены служилыми людьми, а также вновь были выдвинуты сторожевые караулы в степь, на юг, вдоль Суры, Инсары и Мокши в направлении к тем местам, где стояли старые сторожи еще во второй половине XVI века.

В целях увеличения гарнизонов крепостей, стоявших на Темниковско-Алатырской засечной черте, а также увеличения налоговых сборов в Мордовии был проведен поголовный учет населения.

Так появились переписные книги — Темниковская Степана Хрущева от 1621 — 22 годов и Алатырская Дмитрия Пушечникова от 1624 — 26 годов. Эти книги представляют большой интерес для историка, ибо в них впервые было дано описание земельных угодий, бортных ухажав (пчеловодство), рыбных ловель и указаны населенные пункты почти всей территории, вошедшей ныне в Мордовскую АССР.

Первая книга охватывала западную, мокшанскую часть Мордовии, т. е. тогдашний Темниковский уезд, простиравшийся до реки Инсары с некоторыми отклонениями от этой реки к востоку, вторая — восточную, эрзянскую часть Мордовии, входившую в Алатырский уезд, от Инсары до Суры, в среднем течении последней с некоторыми отклонениями в восточную сторону от Суры.

Книга Дмитрия Пушечникова дошла до нас, книга Степана Хрущева погибла во время пожара в Москве, сохранились лишь отдельные выписи из нее, находимые теперь в различных архивах: архивах Саровского монастыря, Темниковской, приказной избы, Саранской воеводской канцелярии и других.

В 30-х годах XVII столетия возникла необходимость выдвинуть постоянную сторожевую засечную черту дальше к югу в связи с тем, что к этому времени появилось значительное количество новых населенных пунктов на

южной стороне от Темниковско-Алатырской засечной черты, которые часто опустошались набегами ногайских и крымских татар. В 1627 году 6 июня татары, продвинувшись по старой Ногайской дороге, появились в районе Темникова⁴⁰, в 1636 году отряды татар направились вниз по реке Сура, а другие — к верховьям Мокши по Ногайской дороге⁴¹.

Указом царя Михаила Федоровича⁴² было предписано: «...для защищения святых божьих церквей и целости и покою христианского от бусурманских татарских безвестных приходов на поле построить черту... от реки Псла к реке Дону до Воронежа на 377 верст, а от Воронежа... вверх по реке Воронежу к Козлову и Тамбову на 205 верст, а от Тамбова до реки Волги на 374 версты, всего на 956 верст, и по черте построить города, а промеж городов по полям — земляной вал и рвы, и остроги, и надолбы, а в лесах — засеки и всякие крепости, чтобы на его, государевы, укранны теми местами татарского приходу не было»⁴³.

На основании этого указа с 1638 года⁴⁴ началось сооружение новой сторожевой засечной черты и на территории Мордовии в направлении от Сурского острога на Атемар, Саранск и до Шишкеева. Этот участок новой линии русских пограничных крепостей считался одним из первоочередных, участок Шишкеев — Инсар — Лухма относился ко второй очереди строительства.

Главным пунктом новой сторожевой черты в Мордовии вначале был город Атемар, поэтому и сама черта в первые годы ее существования называлась Атемарской. Впоследствии она была переименована в Саранскую. Почему именно при осуществлении плана строительства новой сторожевой черты в первую очередь в нашем крае был взят участок от Суры до Шишкеева? Опять-таки потому, что здесь запирались от набегов крымских и ногайских татар сразу две большие дороги: Крымская (из Крыма в Казань) и Сурская (из Прикаспия в Москву и Нижний Новгород). Характеризуя деятельность атемарского воеводы Богдана Хитрова в 1647 году, современники отмечали, что он находился в районе «самых великих степных татарских проходов»⁴⁵.

Хотя Атемар и имел в середине XVII века большое стратегическое значение как опорный военный пункт и центр нового уезда на юго-восточной окраине Московского государства, однако в печатных источниках этому городу посвящено не много страниц, не уточнено было даже до сих пор время его основания.

Видный пензенский краевед А. Хвощев писал: «Город-крепость Атемар, тотчас ставший административным центром особого уезда и особой церковной десятины, выстроен до 1642 года»⁴⁶. Профессор А. Любимов постройку Атемара

датирует 1642 годом⁴⁷. Оба эти определения нуждаются в уточнении.

В архивах Москвы и Мордовской АССР сохранились документы, сопоставление которых позволяет сделать вывод, что еще в 1640 году в Атемаре, как во вновь построенной крепости и городе, сосредоточена была уже администрация нового военно-сторожевого центра и что в это время уже функционировал новый Атемарский уезд, в который вошла южная часть территории Алатырского уезда и восточная часть Темниковского.

В 1640 (148) году атемарский писец Семен Вельяминов описывал уже территорию, отведенную для управления из Атемара. В книге письма и меры им отмечены были земельные и другие угодья по речке Саре⁴⁸, что северо-западнее Атемара в 50 — 60 километрах. С этого же 1640 года описанные Семеном Вельяминовым земли и другие угодья ведаются уже в Атемарском уезде, тогда как в 1637 году этими местами по речке Саре ведал еще воевода Иван Пушкин⁴⁹. Иван Пушкин — это алатырский воевода. Он ведал этими местами и в 1639 (147) году⁵⁰.

В это же время, в 1640 (148) году, темниковский воевода Сергей Левашов дает «отдельную выпись», согласно которой отделяются из Темниковского уезда и переходят в ведение к Атемару земли и луговые угодья, что в 20 — 25 километрах северо-западнее Атемара, т. е. в современном Лямбирском районе. На этих землях в то время селились 40 человек темниковских служилых татар и мурз, поверстанных в казачью службу на Атемарскую сторожевую черту. Им были отведены четыре усадища: «под Оксярнинским лесом, по обе стороны речки Толославской, на Чермисеве починке» (теперь село Чермишево. — *И. В.*) 16 человекам, «под лесом Хорня помрою на речке Нярбенской» (теперь Нярбек-яр. — *И. В.*) 10 человекам (современное село Щербаково), «под Оксярнинским лесом, под Кужнелангою на вершине Кочке (Сухой. — *И. В.*) Пензы» 10 человекам (теперь село Лямбиль. — *И. В.*), «юртище под Тюменбула помрою на пензенской вершине (т. е. вершине речки Пензы — притока Инсары. — *И. В.*) смежно с конаковскою мордвою»⁵¹ 4 человекам (теперь село Пензятка. — *И. В.*).

Все 40 человек новопоселяющихся татар в указанных местах получили казачий надел земли «дикого поля на пашню» по 20 четей в поле, «а в двух потомуж» и по 40 копен «сенных покосов» каждый.

Как видно из приведенных документов, город Атемар и Атемарский уезд были образованы в 1640 году.

О большом стратегическом значении Атемара, как опорного и сборного пункта на юго-восточной окраине Русского

государства в середине XVII века, свидетельствуют документальные источники того времени. Так, например, в дворцовых разрядах за 1646 год отмечается: «На Алатыре воеводы князь Лев Александров сын Шляховской да князь Василий Богданов сын Приемков-Ростовской, а по вестям (о татарских набегах. — *И. В.*) стояти им на Атемаре... в Темникове стояли воеводы: Богдан Матвеев сын Хитрой (Хитрово. — *И. В.*) да Григорий Иванов сын Борняков, а по вестям велено им быть в сходе на Атемаре, с воеводою с князь Львом Шляховским»⁵². В 1647 году Богдан Хитрово, как видный по тому времени военачальник и руководитель строительства крепостей, переводится из Темникова в Атемар, что также свидетельствует о важном для того времени стратегическом значении Атемара и Атемарской сторожевой черты.

В Атемаре до сих пор сохраняется земляное основание бывшей крепости. Степень сохранности этого основания наилучшая в сравнении с остатками других бывших крепостей на территории Мордовии (Инсара, Шишкеева, Инзерского острога).

Атемарская крепость занимала квадратную площадь. Длина каждой стороны 100 сажен. Со всех четырех сторон она была укреплена валами и рвами, на каждом углу стояло земляное возвышение высотой до пяти сажен округлой формы — это основания или, как их называют атемарцы, быки, на которых возвышались наугольные глухие деревянные башни. Крепость имела трое ворот, т. е. в каждой стене, кроме южной. Над воротами стояли проезжие башни, на земляных валах были деревянные стены. Внутри крепости располагались воеводское управление и помещения для вооружения. Следы порохового погреба видны и теперь. Место для постройки крепости было выбрано удачно. Она была поставлена на горе с северной стороны от речки Атемарки в районе Крымской дороги (вблизи прохода через гряду присурских лесов) и запирала этот проход, с горы можно было наблюдать большую площадь степи к югу по долине речки Атемарки и за речкой Тавлой.

Свое имя город получил от названия речки Атемар (Атемарки), на берегу которой он был построен. Название же речки, вероятно, происходит от мордовского слова «атемар», т. е. «дедов мар», «холм стариков». У истоков речки Атемарки и теперь находится высокий мар, похожий по конфигурации на древнее городище, где, вероятно, было древнейшее поселение мордвы. Этот мар, как указано выше, находится в безлесном узком перешейке, через который проходила старая Крымская дорога. Во время организации сторожевой службы «дедов мар» использовался для наблюдения за Крымской дорогой из района базирования Больше-Амордской станицы.

В гарнизон Атемарской крепости вошли люди образовавшегося здесь ранее небольшого поселения, о чем свидетельствует не только приведенное выше предание, но и сохранившееся до наших дней название одной из улиц Атемара «Деревушка» или «Выглядовка», жители которой, как гласит предание, «выглядывали», следили за врагом еще до постройки крепости. Выглядовцы по тому же преданию — самые старинные вояки⁵³. Многие служилые люди гарнизона Атемарской крепости были прибраны «по Курмышскому набору»⁵⁴, т. е. из среды населения Курмышского уезда, который узкой полосой проходил вдоль правого берега Суры от города Курмыша на юг. В Атемаре и до сих пор проживают семейства Курмышкиных — потомков курмышан; сохранилось и название улицы Барышная, т. е. заселенной переведенцами с реки Барыша, притока Суры. Но в Атемаре есть и потомки свиязцев (из Свияжского уезда), Свиязовы — старая фамилия Пакшиных⁵⁵, и потомки холмогорцев (Колмогоровы) и мещеряков (из Мещерского уезда) — Мещеряковы. Значительное количество атемарцев было поверстано и в Алатырском уезде. Так, например, пушкарки, как гласит предание, пришли со Штырмы⁵⁶ (речка Штырма в старом Алатырском уезде, ныне в Б.-Березниковском районе Мордовской АССР); часть атемарцев пришла очевидно из-под села Лады, ибо по преданию вплоть до начала XX века атемарцы владели землей (250 десятинами) в районе между селами Пушкином и Козловкой Ромодановского района. В числе первых поселенцев Атемара были и мордва, о чем напоминают фамилии некоторых атемарцев, как, например, Ведяшины и другие.

Гарнизон Атемарской крепости состоял из казаков, стрельцов и пушкарей. Из Атемара высылались в степь на юг и юго-восток сторожи и станицы — «Атемарские и Корсунские дальние сторожи»⁵⁷, «Аргашская застава»⁵⁸ и другие. Вокруг крепости-ostroга располагались слободы служилых людей — Казачья, Стрелецкая и Пушкарская и небольшая Посадская слобода, в которой проживали ремесленники и торговые люди. О существовании в Атемаре посадской слободки напоминает название посадского поля. Была в Атемаре и Посопная слобода, населенная крестьянами, платившими посопный хлеб. Одна из улиц Атемара и теперь называется Посопом.

По данным второй ревизии (1747 год), в Атемаре была 531 душа мужского пола пахотных солдат (казаков, стрельцов и пушкарей), посопной слободы дворянских крестьян 33 души мужского пола и посопной слободы разнопомещиковых крестьян 6 душ мужского пола⁵⁹.

Во время генерального межевания (1782 — 89 гг.) Атемар характеризуется следующими данными: «Пригород Атемар с

слободами Стрелецкою, Пушкарскою, Казачьею, Посопною и с отхожею землею, называемою казачьею, пахотных солдат, ясашных и дворцовых крестьян с выделенною церковною землею 3 305 десятин. Пригород с слободами... подле Старинного земляного вала, при коих три церкви, первая Соборная... (все) деревянные и старинное земляное укрепление с четырью по углам бастионами, земля на суходоле, земля чернозем и белоглинная, урожай хлеба средственен, а травы худ, лес дровяной, крестьяне и пахотные солдаты на положенном казенном окладе»⁶⁰.

Явившись важным стратегическим пунктом в середине XVII века и центром уезда, Атемар, однако, не получил большого экономического развития в последующее время, а по мере удаления границы Московского государства на юго-восток утратил и военное значение. Старая Крымская дорога на Казань была в связи с расчисткой лесов спрямлена, перенесена из района Атемара несколько северо-западнее и прошла через более интенсивно развивающийся Саранск, минуя Атемар.

В 80-е годы XVII столетия упразднен и Атемарский уезд⁶¹ с передачей его территории Саранскому уезду, а сам город Атемар был переведен в разряд пригородов, т. е. городов с сокращенными штатами учреждений и с подчинением ближайшим городам. Как пригород Атемар подчинился Саранску.

В Госархиве Мордовской АССР сохраняется описание пригорода Атемара от 1727 года с пришедшей к тому времени уже в ветхость и утратившей былое значение крепостью, где указывается, что в «городе три башни дубовые, четвертая липовая, а оные башни ветхие и стены и острог весь упал, да проезжая Никольская башня на валу упала... семь стволов ружейных, цепь (цепь) с стулом, витиль 6 сажен... а в том городе (т. е. в самой крепости, окруженной валами. — *И. В.*) хоромного строения: две горницы с сенями... сгорели сего 1727 года... баня ветхая, изба скотная ветхая, две лачуги, погребница, сарай, а все ветхие...»⁶².

Атемар числился пригородом еще в начале нашего века, хотя выглядел уже типичным большим селом с населением до 7 тысяч человек. В конце XIX века в Атемаре был упразднен и базар. О былом военном значении Атемара напоминали лишь его казачье, стрелецкое и пушкарское крестьянские общества и названия полей этих обществ.

Одновременно со строительством Атемара приступлено было к строительству и Саранской крепости-острога. Но Саранский острог первоначально строился медленнее, чем Атемар, который был главным пунктом новой сторожевой черты и строительству которого уделялось больше внимания. Возвышение Саранска обнаружилось позднее.

КРЕПОСТЬ НА СТОРОЖЕВОЙ ЧЕРТЕ

Современник Петра Первого Иван Кириллов, руководствуясь сенатскими архивами, датирует построение Саранска 1641 годом¹. Это подтверждается и дошедшими до нас архивными документами об отводе новопоселенным в Саранске казакам и стрельцам земли в 1642 году², а земля, как жалование, служилым людям вновь строящейся крепости-ostroга отводилась в первую весну после его основания.

Слово «ostroг» в значении «крепость» связано по происхождению со словом «осторожать» (сторожить, охранять) и со словом «ostroга»: ограждение старинной деревянной крепости состояло из частокола набитых в землю бревен, заостренных сверху.

Хотя Саранский oстрoг строился как подчиненный Атемару, однако по размерам занимаемой территории, по вооружению и по количеству состава гарнизона он был с самого начала приблизительно равен Атемарской крепости, тогда как другие соседние oстрoги, например, Шишкевский или Инзерский, были значительно меньшими.

Саранский oстрoг был поставлен в районе большого узла дорог — Крымской (из Крыма в Казань), Московской (из Прикаспийских степей в Москву). Для контроля над этим узлом требовались значительные крепостные сооружения. Строительство возглавлял воевода князь Савва Козловский.

В опубликованных статьях и заметках о Саранске прежними авторами не было дано описания плана его крепости: территории, расположения стен, рвов. Первые попытки представить подобное описание в печатной литературе относятся ко второй половине XIX столетия, т. е. к тому времени, когда земляное основание самой крепости уже не существовало, если не считать малозаметных остатков,

которые без старинного чертежа не могли служить надежными ориентирами, поэтому и описание могло получиться лишь приблизительным. Земляное основание Саранской крепости начало стираться еще в конце XVIII столетия в связи с интенсивной застройкой центра города и почти совсем исчезло в XIX веке.

Довольно подробное, но приблизительное описание конфигурации бывшей Саранской крепости опубликовано Г. П. Петерсоном в 1899 году³.

Саранская «крепость», — писал Петерсон, — стояла на левом, возвышенном берегу речки Саранки, там, где теперь находится Казанская церковь (остатки стен этой Верхне-Казанской церкви сохранились во дворе бывшей областной партийной школы, несколько южнее самого здания школы. — *И. В.*), женская прогимназия (стояла там, где теперь здание Дома Советов, с юго-восточной стороны от этого здания. — *И. В.*), собор (находился метрах в 20 северо-восточнее теперешней б школы — *И. В.*), полицейское управление (размещалось в том здании, где теперь Министерство финансов Мордовской АССР. — *И. В.*) и тюрьма с находящимися около нее на горе домами» (здание бывшей тюрьмы переоборудовано в жилой дом. — *И. В.*).

По описанию Петерсона, Саранская крепость представлялась на большой территории левого берега речки Саранки, от того места, где теперь инженерный факультет Мордовского госуниверситета (помещается в здании бывшей областной партийной школы), и почти до трансформаторной будки, что рядом с кинотеатром «Октябрь». На самом же деле крепость занимала почти вдвое меньшую территорию.

В Московском архиве древних актов хранится план города Саранска 1782 — 89 гг., где вычерчены границы существовавшего еще тогда земляного основания острога⁴. На основании этого документа мы и попытаемся более точно описать местоположение Саранской крепости, построенной в 1641 году.

Крепость имела четырехугольную, почти квадратную форму. Северная и южная стороны ее равнялись ста десяти сажням каждая, восточная и западная имели протяженность по сто двадцати пяти саженей. На всех четырех углах были, как и в Атемаре, земляные возвышения (быки, основания), на которых стояли деревянные наугольные башни.

В примечаниях к плану 1782 — 89 гг. указано: «В том городе (Саранске) старинная четвероугольная крепость, обнесенная с трех сторон земляным валом, местами ныне уже обвалившаяся, с четвертой укрепляется речкою Саранкою»⁵.

Зная расположение соседствующих в прошлом с крепостью зданий и сохранившихся до нашего столетия, можно при помощи старинного чертежа, сообразуясь с современной застройкой города, довольно точно указать, где стояли углы и стены самой крепости.

Северо-западный угол ее, как видно из плана 1782 — 89 гг., находился вблизи юго-восточного угла усадьбы Саранского монастыря. Это же подтверждается и другими данными. Автор статьи «К истории упраздненных монастырей Пензенской епархии» А. Х. писал, что Саранский Ильинский монастырь стоял «на посаде», «за городом» (за крепостью. — *И. В.*), «расстоянием от того города в 30 саженьях», «при реке Саранке и не в отдаленности от реки Инзерь»⁶.

Саранский Ильинский монастырь, переименованный в 1764 году в Петровский, а впоследствии — в Петропавловский⁷, располагался на том месте, где теперь здание гостиницы и четырехэтажный жилой дом на углу улиц Советской и Ленинской.

Следовательно, земляное возвышение северо-западной наугольной башни Саранской крепости и сама башня стояли на том месте, где теперь проезд между зданиями горисполкома и Министерства финансов Мордовской АССР, рядом с юго-западным углом здания горисполкома.

Остатки этого земляного возвышения башни заметны и теперь, хотя оно не раз срывалось, а земля оплывала под гору к речке Саранке.

Юго-западный угол крепости, как это видно из того же плана, находился саженьях в пятнадцати южнее русла речки Саранки, на правом берегу оврага, что идет из Пушкинского парка. На месте земляного возвышения юго-западной наугольной башни крепости стоит теперь жилой дом (улица Первомайская, дом № 8). Остатки подбашенного возвышения здесь более заметны, чем в проезде между зданием горисполкома и Министерства финансов.

Остатки земляного подбашенного возвышения третьего юго-восточного угла крепости видны теперь под домом № 56 на Красной улице, что саженьях в тридцати южнее русла Саранки.

Земляное подбашенное возвышение четвертого северо-восточного угла крепости, находившегося саженьях в двенадцати к западу от входа в теперешнее здание Дома Советов, не оставило следов. Это возвышение было скрыто много десятилетий тому назад.

Все четыре угла крепости были соединены земляным валом высотой до трех сажен, а рядом с ним с наружной стороны располагались рвы глубиной до двух сажен. На валу стоял острог, т. е. деревянное ограждение крепости снаружи (частокол из бревен), к острогу изнутри примыкали

деревянные крепостные стены с приспособлениями для обороны крепости, для ходьбы по ним и для подачи на них вооружения.

Юго-западная наугольная башня, как указывает историк Н. И. Костомаров, называлась «Крымской»⁸. Остатки рва с западной стороны крепости заметны и теперь. Это углубление по проезду на Острожной горе, сверху вниз к Саранке, между зданием бывшей тюрьмы и жилым домом № 28 по Советской улице. Название «Острожная гора» — наиболее характерное из сохранившихся в этом районе местных названий, напоминающее о бывшей здесь крепости-остроге.

Кроме четырех наугольных башен, в Саранской крепости было три проезжих башни — нижняя и две верхних, которые возвышались над воротами, устроенными в стенах крепости. О въезде в крепость с южной стороны напоминает сохранившаяся на том же месте дорога по горе на Московской улице.

Нижняя проезжая башня стояла саженях в десяти юго-западнее современного моста через Саранку по Московской улице, верхние Спасская и Никольская — на линии между зданиями горисполкома и Дома Советов.

Одна из башен Саранской крепости сохранялась до начала 80-х годов XVIII века. Вид ее и в это время был еще довольно внушительным: «Башня дубовая, старинная, срублена из бревен, осьмиугольная, покрыта тесом, на ней колокола Спасского собора и казенные часы, железны, ветхия»⁹.

На месте бывшего Никольского въезда в крепость теперь возвышается величественный памятник В. И. Ленину с гранитной трибуной у подножья.

Речка Саранка протекала внутри крепости «сквозь замка», а пруд (также внутри крепости) был водохранилищем на случай осады гарнизона и на случай пожара. Возвышение правого берега речки Саранки служило основанием для южной крепостной стены. На это естественное возвышение, в саженях 10 — 25 южнее русла речки, была произведена насыпь земли в виде вала, а за валом с наружной стороны крепости вырыт ров; на валу же были обычные острог и крепостная стена. Валу и стены крепости на склонах были террасированы, т. е. уступчатые; поэтому они и назывались «террасами» или «тарасами». Возникшая позднее на месте бывших нижних, т. е. заречных «террас» («тарас»), улица именовалась вплоть до наших дней «Нижними тарасами» (теперь улица Красная). Уступчатые валы и стены крепости, располагавшиеся на горе по левую сторону Саранки, назывались Верхними террасами.

На территории бывшей Саранской крепости теперь находятся здания Министерства финансов Мордовской АССР,

первой и шестой школ. В XVII столетии здесь находились приказная изба (а потом воеводское управление), две соборных церкви, склады и погреба для вооружения, винный погреб, конские стойла и другие крепостные и управленческие постройки. Строения были деревянные, покрытые лубком, окна небольшие — слюдяные. С 50-х годов XVII столетия крепость стала именоваться не только острогом, но и городом, именовалась она вплоть до XIX века и кремлем.

Гарнизон Саранской крепости состоял из казаков, стрельцов и пушкарей. Служили они «с земли», которая им «дана была на пашню», «для кормления».

Крепостью управлял воевода. Во главе стрельцов, казаков и пушкарей стояли головы, пятидесятники и десятичники, которые выбирались и назначались, как правило, на год¹⁰.

Гарнизон крепости обязан был «строить городовое и засечное дело», т. е. содержать в порядке и ремонтировать крепость и сооружения прилегающей сторожевой засечной черты, высылать сторожей и станичников «для проведения неприятельских людей» как вдоль черты, так и в степь, держать наготове вооружение крепости: пушки, пищали и т. п., а при нападении противника «жить с великим бережением» и врага «через засеку и мимо засек на русскую сторону не пропускать». Кроме того, в обязанности гарнизона входили такие работы, как окашивание травы вдоль засеки во избежание пожара в сухое время, расчистка снега для того, чтобы не произошло размывания валов при полой воде, а вместе с тем служилый люд обязан был добывать себе хлеб на пропитание, т. е. пахать землю и убирать урожай.

В крепости находились пушки железные, пушки медные, пищали затинные, пищали стрелецкие, мушкеты, карабины. Часть пушек помещалась на башнях, часть у ворот крепости. Пушечные ядра, порох, свинец, пушечное зелье хранились в амбарах и погребах.

Саранская крепость возвышалась на довольно высоком холме, откуда хорошо просматривалась территория за валом на юге, т. е. местность за рекой Инсарой на правой стороне ее, где проходила Крымская дорога, а также район пересечения этой дороги у Ахматкина брода и путь от него к Саранску по левой стороне Инсары — большой кусок гужевого тракта Астрахань — Москва.

Свое имя острог, ставший потом городом, получил от названия небольшой речки Саранки, протяженность которой всего лишь 8 километров. Имя другой, более значительной реки Инсары не было присвоено этому острогу из-за того, что она протекала на некотором отдалении от

него (на расстоянии 400 саженей). Острог строился на берегу реки Саранки, ее именем он и был назван.

В переписке воеводской канцелярии речка именовалась Саранкой, а в некоторых церковных документах — Сарой. Духовенство и монахи это название связывали с библейской Сарой и утверждали, что Саранка — «святая речка»¹¹. Новый острог в первые годы его существования назывался и Саранским, и Саранчинским, и Саренским. Жители близлежащих сел и теперь еще говорят: «поехал в Саранский», а не «в Саранск».

Неустойчивость в названии острога, а потом города отразилась и в столичных документах XVII века. Так, например, в Московских дворцовых разрядах за 1672 год указано: «В Саранеск (воевода) Григорей Касагов»¹². После 70-х гг. XVII века в официальных документах отклонений при написании слова «Саранск» не встречается.

Откуда же произошло название речки, давшей имя городу? Г. П. Петерсон высказал предположение, что имя города — Саранск — происходит от татарского слова «саре» — желтый. «Желтою, — писал Петерсон, — саранская местность могла быть названа от множества желтых цветов, которые и ныне изобильно покрывают низменность по берегам рек Тавлы и Инсары около Саранска, но есть и другое татарское слово, в котором более явственно слышится имя города, это «заран», что значит зловредный. Если имя города произошло от этого слова, то, вероятно, потому, что низменная и болотистая местность, примыкающая к городу, в старину особенно славилась жестокими и упорными лихорадками»¹³.

Это высказывание Г. Петерсона было повторено и некоторыми другими краеведами, например, С. Вернером.

Однако предположение Г. Петерсона о татарском происхождении слова «Саранск» не подтверждается топонимическими изысканиями.

В статье «Язык земли»¹⁴ мы приводили данные, свидетельствующие, что топонимика (местные названия) Саранского края сложилась еще до прихода сюда татаро-монголов, а аборигеном этого края, как известно, была мордва; она и дала старинные названия многим речкам и урочищам. Немало из этих названий сохранилось до наших дней. Значительно реже на территории Мордовии встречаются местные названия русского или татарского происхождения.

Поиски в архивах и изучение топонимики местного края позволили, как нам кажется, найти разгадку вопроса о происхождении названия речки, давшей имя городу Саранску. Два притока Саранки теперь в самом городе: ключ,

вытекающий из Пушкинского парка, и ручей, находящийся между улицами Грузинской и Посадской, до второй половины XIX века имели одинаковое, явно мордовское название — «Верхляй»: «Мост через овраг Верхляй на Успенской площади вблизи мясных рядов против церкви Успения», «мост через овраг Верхляй на Успенской площади, против улицы Планской»¹⁵, мост в «Посадской улице на овражке, называемом Верхлейкой»¹⁶.

«Верхляй» — по-мокша-мордовски значит речка — ручей («ляй»), идущий из лесов («вирьхть»). В старину, до постройки Саранска, эти два ручья действительно вытекали из леса на Вечной горе, где теперь шоссе на Рузаевку по улице Александра Невского. Впоследствии этот лес, образовавшийся как бы венец на степном пригорке, был расчищен, о чем напоминает сохранившийся до наших дней «Перелесок» между Саранском и Николаевкой, который составлял раньше продолжение перелеска на Вечной горе. Местные названия «Вечная гора» и «Вечная дорога» в черте Саранска, с юго-западной стороны, сохранились до наших дней. О перелеске на Вечной горе сохранились поэтические предания. Здесь в старину девушки — дочери саранских стрельцов — завивали венки.

Старые мордовские названия притоков речки Саранки наводят на мысль, что объяснение наименования самой речки нужно искать в мордовском языке. Но одного предположения недостаточно. Подтверждение этому предположению мы находим в архивах. Это документ от 1621 — 22 гг., восходит же он в смысле названий речек и урочищ к 1485 году. В нем приводятся старинные местные названия в районе к северу и северо-востоку от современного села Ключарева к Саранску по речке Пелелейке и на северо-запад от ее вершины.

Некоторые из урочищ (бортные ухажаи) этого района, хотя и принадлежали в XV и XVI вв. темниковским татарским мурзам Кутыевым, однако сохраняли ярко выраженные мордовские названия, сложившиеся здесь еще до прихода татар.

В XVI и начале XVII веков эти владения темниковских мурз Кутыевых граничили с южной стороны по «рубеж от Инзеры реки деревни Конаковы с мордвою с Шиндям Анкиным и братьею, а с другой стороны (т. е. с западной. — *И. В.*) рубеж от Вишерпомры деревни Мемеевы с мордвою с Агеем Мемеевым, а с третью сторону (т. е. с севера. — *И. В.*) рубеж Сарымкуртом деревни Суховы с Арасланом мурзою Сююшевым, а с четвертою сторону (т. е. с востока. — *И. В.*) речка Инзера, от усть Полелея (Пелелейки) речки вверх по реке Инзере»¹⁷.

Деревни Шиндяя Анкина, Агея Мемеева и Араслана Сююшева находились в начале XVII века на далеком расстоянии от этих владений. Поселение с названием Конаково существует и теперь (Мордовское село Подгорное Конаково Темниковского района); мордовской деревни Мемеевой теперь нет, но она была еще в 1645 году в Темниковском уезде, в Краснослободском присуде¹⁸, где-то недалеко от современного села Колопино; татарское поселение Сухово существует и теперь (д. Сухово Темниковского района).

В 1642 году, когда селились служилые татары деревни Пензятки (теперь с. Пензятка Лямбирского района), приписанные тогда к Атемарской сторожевой черте, рядом с ними несколько южнее было уже мордовское поселение, а земля пензятских татар «на пензенской вершине (на вершине речки Пензы. — *И. В.*) была смежной с конаковскою мордвою»¹⁹. Часть мордвы деревни Конаковой из-под Темникова к тому времени уже переселилась в район своих старинных владений, несколько южнее современного села Пензятки. Затем, как сообщают старожилы села Пензятки, «мордва перешла еще южнее, т. е. на речку Перхляй» (перф — вокруг, лий — речка), и образовали существующее и теперь село Перхляй. В селе Пензятке до сих пор один из мостов именуется мокшанским, а невдалеке от села есть место, называемое «Кереметью»: здесь было старое мордовское мольбище. Эти местные названия подтверждают верность предания о том, что рядом с Пензяткой было мордовское поселение.

Основателями мордовского поселения у вершины речки Пензы, а потом и села Перхляй были выходцы из д. Конаково, из-под Темникова. Затем к перхляйцам подселось несколько человек из мордовской деревни Коровяковой²⁰, стоявшей в окрестностях современного с. Говорово Мельцанского района.

Подтверждением того, что первые перхляйцы выселились из Конакова, из-под Темникова, является и фамилия Шиндясовых, живущих ныне в Перхляях. Вспомним приведенное выше имя Шиндяя из Конакова.

Из деревни Мемеевой Краснослободского присуда часть мордвы в первой половине XVII века, вероятно, еще до постройки Атемарской черты, выселилась и образовала поселок на своей земле, где теперь русская Свербейка Лямбирского района. Немного позднее эта земля в Свербейке именуется уже «покидной мордовской землей»²¹, а затем она была отдана помещику и заселена русскими крепостными крестьянами.

Из татарской деревни Сухово, из-под Темникова, вероятно, во время строительства Атемарской сторожевой черты выселилась часть татар и образовала на своей земле

деревню Татарскую Свербейку, которая существует до сих пор (Тат. Свербейка Лямбирского района).

Из приведенных данных выясняется, что ко времени постройки Саранской крепости на юг и юго-запад от нее по левую сторону реки Инсары находились преимущественно владения мордвы-мокши Темниковского уезда. Здесь стали появляться уже небольшие поселения мордвы — деревня Перхляй, мордовское поселение на месте нынешней Русской Свербейки и другие. Южнее Перхляя также были владения мордвы Темниковского уезда, где впоследствии образовались мокшанские поселения Сузгарье, Левжа, Мордовская Пишла. Здесь были и владения татар Темниковского уезда. Но топонимика в этом районе была сплошь мордовской как в мокшанских владениях, так и в татарских. И вот среди мордовской топонимики, сложившейся здесь до прихода татар, мы и находим название, созвучное имени речки Саранки. Это процитированное выше наименование урочища «Саразкурт»²², что значит по-мордовски сборище тетеревов, тетеревятник («вирь сараз» — лесная курица-тетерев, «курт» — сборище).

Указанное урочище, как видно из приведенной выше цитаты, находится как раз в том месте, где берет свое начало речка Саранка. У вершины Саранки в березовой роще и теперь еще водятся тетерева, куда ходят за ними охотиться местные охотники. В ближайших русских поселениях (в Блохине, Ключареве) и теперь это место называют тетеревятником²³.

Как известно, наименования многих речек Мордовии и прилегающих к ней районов связаны с названиями той местности, по которой они протекают или откуда берут начало²⁴. Так и Саранка, вероятно, получила свое имя от названия урочища, откуда она берет начало — «Сараз курт».

В районе речки Саранки, как и в прилегающей к ней местности с южной и юго-западной сторон, в XVII столетии преобладала мордовская топонимика: немного выше ее истока «Сараз эши» (куриный колодец), у истоков «Сараз курт» (сборище лесных кур-тетеревов), немного ниже по ее течению «Ривезень варят» (теперь «Лисьи норы»), еще ниже приток «Вирьхтляй» (ручей, идущий из лесов) и еще ниже второй приток того же названия.

Кстати сказать, и параллельное название Саранки — Иква, упоминаемое Н. И. Костомаровым в историческом романе «Сын», также мордовского происхождения: «Икелева» — впереди текущая, передняя (лукояновский диалект).

На основании изложенных соображений мы приходим к выводу о мордовском происхождении названия города Саранска.

Касаясь предыстории города, нельзя обойти и вопрос, было ли на месте современного Саранска какое-либо поселение до постройки крепости, т. е. до 1641 года.

Старые краеведы высказывались на этот счет положительно. Так, например, Г. Петерсон писал: «Распространение русской колонизации в XVI веке не успело еще достигнуть до реки Инсары с ее притоками, поэтому становится возможным допустить, что... на месте нынешнего Саранска возникла татарская селитьба, вероятнее «крепь» (крепость) и, конечно, для того чтобы служить оплотом против русской колонизации...»²⁵. Однако это и подобные ему предположения не подтверждаются. Теперь мы располагаем документами о первых поселенцах Саранского острога, которые показывают, что среди этих поселенцев татарских групп не было.

При описании атемарским писцом Семеном Вельяминовым земель и других угодий района Саранского острога во время его постройки не было зафиксировано татарских владений, а прямо указано, что служилым людям саранского гарнизона — казакам и стрельцам — отводится земля на пашню²⁶. Если же допустить, что на этом месте раньше жили татары и при постройке крепости не вошли в состав ее гарнизона, а были переведены куда-то, это было бы зафиксировано при отводе земли служилым людям нового острога. Так, о земле и лесных угодьях татарского князя Девлет Кильдеева в районе, прилегающем к селу Перхляй, тем же Вельяминовым в писцовых книгах указано, что эти угодья «отошли за Атемарский вал»²⁷, т. е. под строительство вала.

Более основательным будет утверждение, что до постройки Саранской крепости здесь было русское поселение. На этот счет имеются веские доводы.

Задолго до постройки Саранской крепости здесь была церковь Ивана Богослова, вначале деревянная, а потом, когда уже был построен Саранск, с 1693 года²⁸, каменная. Эта церковь сохранилась до наших дней. Она стоит на Демократической, бывшей Богословской улице, рядом с городской поликлиникой.

В Саранске бытуют предания, что это старейшая церковь округи, возникшая тогда, когда еще не было крепости. Это предание подтверждается и документально. В прошлом веке в указанной церкви был найден антиминс, датированный 1600 годом, о чем были публикации в печати. «В 1873 г., — писал А. Масловский, — по случаю снятия с престола Ивано-Богословской церкви одежды в престольной доске найден антиминс толстого русского холста, помеченный 1600 годом без патриаршей подписи. Из этого видно, что церковь Ивана Богослова началась стройкою ранее 1600 г. Кроме того, есть икона Благовещения Богородицы

с надписью: „Написана сия икона 1600 года“²⁹. Стало быть, строилась церковь Ивана Богослова за 40 с лишним лет до сооружения Саранской крепости.

В селе Блохине, которое находится в 10 километрах северо-западнее Саранска, существует предание, что со времени основания это село было приходом Богословской церкви³⁰, а заселение Блохина происходило несколько раньше постройки Саранской крепости. Так, по отдельной грамоте темниковского воеводы Сергея Левашова от 1640 г. в Блохине значилось уже «атемарских запищиков 50 человек»³¹.

В более распространенных преданиях старожилов Саранска и окружающих селений указывается, что верхний лес, примыкающий теперь к городу с западной стороны, когда доходил до Богословской церкви. Вместе с тем достоверно известно, что при постройке Саранской крепости в этих местах уже леса не было, о чем свидетельствует наличие здесь земляного вала. Если бы стоял лес, то вал, разумеется, не строили бы, а строили бы лесную засеку. Стало быть, лес в указанных местах был расчищен обитавшими здесь жителями еще до постройки Саранской крепости.

Что же за населенный пункт был здесь до постройки Саранской крепости? Старожил села Б. Елховки Лямбирского района Барабанов Я. Е. сообщает: «После войны Ивана Грозного завели, где теперь Саранск, монастырь, там лес был».

Группа старожилов села Блохина Лямбирского района передает, что «Саранский монастырь построен был в лесу». Это предание сообщила блохинским крестьянам игуменья Саранского монастыря, когда они нанимались к ней на работу. Старожил села Посоп М. Н. Ерин сообщает: «Саранск старше Посопа. Когда города не было еще, было село Иваново, где теперь церковь Богослов, и окружено лесом было... Поселение маленькое было. Дома были покрыты полубами».

В самом Саранске бытует предание, что до постройки крепости и города здесь было село Богословское, и находилось оно там, где теперь церковь Ивана Богослова³².

В связи с этим следует заметить, что пять улиц (целый район Саранска), примыкавших к Богословской церкви, назывались до Октябрьской революции Богословскими — 1-я Богословская (теперь Демократическая), 2-я Богословская (теперь Пролетарская), 3-я Богословская (теперь Халтурина), 4-я Богословская (теперь Карла Либкнехта) и 5-я Богословская (теперь Димитрова).

Из приведенных печатных сообщений и устных преданий можно сделать вывод, что еще во время царствования Ивана Грозного на месте нынешнего Саранска, там, где теперь Ивано-Богословская церковь, тогда на опушке леса,

в связи с основанием сторожевой службы нашего края, возникло небольшое поселение (станция или кордон), названное по имени царя Ивановом.

Одновременно с этим, вероятно, здесь появились и монахи, построившие себе одну, а может быть, и несколько келий.

К концу XVI века здесь появилась небольшая церковь Иваново-Богословская, которая и получила в 1600 году указанный выше антиминс. Название престола церкви, как и имя поселения, напоминало о царе, при котором была сдержана окончательная победа Москвы над казанскими ханами и Саранский край навсегда присоединен к Русскому государству. В память об этих событиях были своеобразно оформлены и главы церкви: под крестами помещены полумесяцы, что символизировало победу православия над магометанством. Это оформление глав церкви сохранилось до сих пор. Крест с короной, находившиеся здесь со времени похода князя Курбского, вероятно, были перенесены с часовни на новую церковь, а позднее, когда в Саранске появился собор, они были установлены на колокольне этого собора.

Первые поселенцы Иванова имели богатейшие угодья: тучные черноземы, лес, заливные луга вдоль Инсары и богатые рыбные ловли. Будучи на опушке леса, они могли укрываться в нем во время набегов ногайцев и крымцев, а близость узла больших дорог позволяла иметь немалые дополнительные доходы, ибо проезжие из прикаспийских степей к Москве и Нижнему Новгороду торговые люди делали здесь остановки как в крайнем в то время к южной степи населенном пункте по большой дороге.

С постройкой церкви Иваново стало именоваться селом Иваново-Богословским, а потом просто Богословским.

О существовавшем в XVI столетии сторожевом пункте и русском поселении на месте современного Саранска высказывали предположение и некоторые краеведы еще в прошлом веке: А. Масловский³³, А. Любимов³⁴ и другие.

Об этом же свидетельствуют и некоторые предания, сохранившиеся в сравнительно отдаленных от Саранска поселениях. Так, например, старожилы города Инсара сообщают, что они слышали от отцов и дедов о «сторожевом кордоне», который был на месте Саранской крепости еще до ее постройки³⁵.

Косвенное доказательство существования поселения на месте современного Саранска еще до постройки крепости мы можем усматривать и в сохранившихся до наших дней названиях дорог Никитинской и Ладской и одноименных с ними гор на северной окраине Саранска. Эти дороги связывали предшествующее Саранску поселение непосредственно

(без промежуточных поселков) с Ладой и Никитином, а Никитино и Лада, как известно, являются старейшими русскими поселениями нашего края. В 1609 году Лада была уже селом со значительным количеством населения³⁶, возникла же Лада гораздо раньше. Не менее древним является и Никитино. Указанные названия дорог не могли возникнуть во время или после постройки Саранского острога потому, что к этому времени между Саранском и Никитином, как и между Саранском и Ладой, образовались уже значительные поселения, вроде таких, как Лямбирь или Ромоданово.

Первыми поселенцами Саранска были полковые казаки и пешие стрельцы. Первоначально гарнизон крепости состоял из 250 человек, а потом значительно увеличился, были поверстаны в крепость и пушкари.

Гарнизон крепости комплектовался переселенцами из старинных уездов Московского государства. В состав гарнизона вошли и служилые люди сторожевого кордона сельца Иваново-Богословского. Самой большой группой первых поселенцев Саранска были казаки, стрельцы селились постепенно.

Лет десять назад нами был разыскан архивный документ — Выпись из Атемарских писцовых книг 1642 и 1643 годов на землю саранских казаков. Из этого документа видно, что в 1642 году в Саранском остроге селилось 63 новополковых конных казака, в числе их 10 человек темниковцев, 5 ядринцев, 3 курмышца, 2 арзамасца, 1 лысковец, 1 казанец, 1 юрьевчанин, 1 алатырец, 1 владимирец, 1 касимовец, 1 из Перми и 36 человек, прежнее местожительство которых не указано³⁷. Этим казакам, а также будущему пополнению были отведены земли, «дикое поле на пашню» и луговые угодья на 200 человек.

В Саранске и теперь проживают многие потомки первых поселенцев крепости — сторожевых казаков. Наиболее распространенные фамилии их: Свитины, Плодухины, Холоповы, Трубчиковы, Воронины, Елховиковы, Новокрещенновы, Комаровы, Лукины, Алаторцевы, Маскенсковы, Егунновы, Лаптевы, Зотовы, Щеглины, Нищевы, Вельяновы, Спиридоновы, Преснухины, Переплетчиковы, Свешниковы, Калашниковы, Калмыковы, Селезневы.

Просмотр первых и позднейших списков саранских казаков показывает, что это были преимущественно русские люди, но среди них встречаются и люди мордовского происхождения: Новокрещенновы, Раужины (Шапошниковы), Мордвиновы и другие.

Второй большой группой первых поселенцев Саранска были пешие стрельцы. В 1642 году при острожке их поселилось 15 человек, переведенных из Темникова. Впоследствии стрелецкое население крепости увеличилось за счет

прибранных из Арзамасского и других соседних уездов. К 50-м годам XVII столетия их было в Саранске уже 350 человек.

Наиболее распространенные фамилии потомков стрельцов, проживающих в Саранске: Сапожниковы, Долговы, Кудрявцевы, Кутузовы, Бабины, Карташевы, Мягковы, Корочковы, Напалковы, Банниковы, Стуколовы, Серебряковы, Романовы, Бурыкины, Усовы, Дыдыкины, Кочетовы, Филимоновы, Воротниковы, Чуприковы, Болохонкины, Копыловы, Веретенниковы, Гладышевы, Просвирнины, Плехановы, Аршиновы, Агаповы, Ивенины, Масловы, Торчиковы, Фалилеевы, Балакиревы, Рыковы.

К 1661 году в Саранске было 21 человек пушкарей. В 70-е годы XVII века их число увеличилось до 30.

Наиболее распространенные фамилии потомков пушкарей, проживающих теперь в городе: Полежаевы, Стрельниковы, Корабельщиковы, Дымковы, Разгильдеевы³⁸.

Одновременно с Атемаром и Саранском по сторожевой черте построены и менее значительные крепости-остроги: Шишкеевский и Инзерский.

К 1642 году постройка Инзерской крепости (теперь поселок Посоп, восточная окраина Саранска) была закончена, весной этого года для гарнизона крепости была отведена земля. В Атемарских писцовых книгах Семена Вельяминова от 1642 года было записано: «Инзерского острогу ступ человеком сторожем, которых впредь приберут, дикого поля на пашню добрые земли 1 500 четвертей (750 десятин) в поле, а в дву потому ж, сена 3 000 копен (300 десятин), по 15 четвертей, сена по 30 копен человеку... а межа Инзерского острогу почен от земляного валу рекою Инзерюю, живым рубежом до устья реки Сухой Пензы и тою речкою Сухую Пензою вверх же живым рубежом до земли Шишкеевского острогу, на праве земля Инзерского острогу, а налево земля Саранского острогу...»³⁹.

Остатки земляного основания Инзерского острога сохранились до наших дней. Он стоял на высоком холме правого берега реки Тавлы (теперь южная часть Посопа), откуда открывается вид на юг по долине реки Инсары на 15 — 20 километров. Эта долина и контролировалась острогом, почему он и назван Инзерским.

Территория Инзерской крепости была в четыре раза меньше Саранской или Атемарской. Крепость была четырехугольной, каждая стена в 50 сажень длиной. На углах стояло четыре наугольных башни, с северной стороны был въезд в острог. Гарнизон крепости состоял из стрельцов и сторожей (около двухсот человек), хотя в остроге была и казачья

служба. Так, например, казачью службу по Инзерскому острогу несли мордва деревни Елховки⁴⁰.

Когда Инзерский острог стал утрачивать военное значение, большая группа служилых людей этого острога (90 дворов)⁴¹ была переведена в Азов (в 1696 году), а их земля, луга и кустарник вдоль реки Инсары по правую сторону ее на север от острога переданы вновь оселяющимся здесь крестьянам. Эти крестьяне образовали рядом с поселением оставшейся части служилых людей Инзерского острога Посопную слободу, т. е. деревню, которая обязана была платить посопный хлеб для содержания военных гарнизонов Москвы, Саратова и других городов. Отсюда и название Посопная слобода, а потом — село Посоп.

В госархиве Мордовской АССР сохраняется документ, позволяющий датировать образование рядом с Инзерским острогом Посопной слободы 1704 годом, когда по указу Петра Первого казанский разборщик Александр Сергеев переселил беглых крестьян-бобылей — мордвина новокрещена Игнатия Иванова и других из Саранска — во вновь заселяющуюся в том году Посопную Инзерскую слободу⁴².

В Посопе сохранилось название улицы «Ладская». Это показывает, что среди первых поселенцев Посопной слободы были выходцы из села Лады.

Бытует предание, что Посопная слобода, или «Пособка», заселялась ссыльными людьми, в числе которых были не только русские, но и мордва⁴³.

В преданиях, сохранившихся в Посопе, происхождение названия села воспроизводится от слова «пособлять» (пособлять городу в войне против татарских орд). Это предание близко к истине, но оно неточно передает смысл слова «посоп». Прилагательное «посопный», как утверждает историк Н. Калачев в «Заметке об Инсаре», «по всей вероятности, происходит от слова посоп, посп, пасп, процент, ибо хлеб, получаемый казною от наемщика, есть действительно процент, который он платит за пользование землей».

В 1708 году Инзерский острог отнесен был, как и Атемар, в разряд пригородов. Но пригородом он был всего лишь 11 лет, до 1719 года.

По первой переписи (1719 — 1725 гг.), в Инзерском остроге было мужских душ: солдат (стрельцов) 81 человек, бобылей 21, отставной 1, а всего 103 человека. В 1763 году в Инзерском остроге и Посопной слободе уже было 1 494 души мужского пола. Часть крестьян Посопной слободы в первой половине XVIII века принадлежала ведомству дворцовых крестьян, а часть их была роздана монастырям Спасову, Прилуцкому, Ипацкому, Симонову, Вознесенскому и помещикам (Трегубову и др.)⁴⁴.

При генеральном межевании в 1782 — 89 гг. пахотным солдатам Инзерского острога отмежевано 1 460 десятин земли, Посопной слободе — 2 455 десятин⁴⁵. К этому времени монастырские крестьяне Посопной слободы вышли из-под ведения монастырей и числились «ясашными» и «экономическими крестьянами» и были «на положенном законном окладе». Крепостные крестьяне Посопной слободы оставались за помещиками Потоловым, Василевским и Беклемишевым и находились «на помещичьем оброке»⁴⁶.

В первой половине XIX века инзерские стрельцы уже писались казенными крестьянами, бывшие монастырские Посопной слободы — экономическими, потому что они после секуляризации монастырских земель (1764 г.) ведались в государственной коллегии экономии, а бывшие помещичьи — отписными, они были отписаны от помещиков. Инзерский острог и Посопная слобода, расширяясь, ко второй половине прошлого века слились в один населенный пункт — Посоп, ставший центром Инзерско-Острожской волости, большим селом с населением до 4 тысяч человек.

О прошлом военном значении Инзерского острога напоминало лишь название одного из сельских обществ с. Посопа — «Инзерское», улица «Стрельцы» и остатки крепостных валов.

В 1958 году село Посоп присоединено к городу Саранску⁴⁷.

Шишкеевская крепость — острог⁴⁸ строилась одновременно с другими крепостями Атемарской сторожевой черты в 1638 — 41 годах, а не в 1644 году, как это указывалось в статьях некоторых краеведов.

В 1642 году гарнизону Шишкеевской крепости, как уже построенной, отведена была земля.

В Атемарских писцовых книгах Семена Вельяминова этого года записано: «В Шечкеевском острожке селятся новополковые казаки Ивашка Васильев сын Ситник с товарищами и с теми, которых впредь приберут 250 человек, дикого поля за ними на пашню добрые земли по обе стороны речки Шечкеевки вниз речки Сивины 3 000 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена по речке Шечкеевке вниз поль по вражкам 6 000 копен, да... в додачу отхожие земли... а всего Шечкеевского острогу казакам... отмерено дикого поля на пашню 5 300 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена 10 600 копен...»⁴⁹.

Гарнизон Шишкеевской крепости был по тому времени довольно значительным. Только в самом остроге поселились 250 казаков. Земля шишкеевцев тянулась на север от острога километров на 20. Кроме 250 казаков, в этом гарнизоне несли службу и стрельцы (с. Стрелецкая слобода)

рядом с Шишкеевом, и пушкари, о чем напоминает улица «Пушкарка», в самом Шишкееве. По Шишкеевскому гарнизону несли службу и татары.

В той же Атемарской писцовой книге Семена Вельяминова от 1642 года указано: «Опричь Шечкеевского острожку полковым же казакам отхожие татарские слободы, слобода татарская на левой вершине речки Пензы на правой стороне, что писались в службу в Шечкеевский острожек в полковые казаки, селятся ново Танашка Ишьев с товарищи пятьдесят человек, и тое татарской слободы полковым казакам отмерено дикого поля добрые земли 1 060 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена 2 120 копен, пятидесятинику 40 четвертей, сена 80 копен, четырем человекам десятникам по 30 четвертей, сена по 60 копен, рядовым казакам по 20 четвертей, сена по 40 копен потому, что близко Шечкеевского острожку против государева указа дикого поля не стало»⁵⁰.

В этой записи книги речь идет о казаках д. Пензятка, где при самом начале строительства Атемарской черты поселилось 4 человека, а в 1642 году сюда еще подселено 46 человек.

По Шишкееву же казачью службу несли татары д. Мельцапина⁵¹ (теперь село Мельцапино Лямбирского района). Казачью службу служили по Шишкееву и мордва той же деревни⁵². Мордва также были в числе шишкеевских пушкарей. Группа пушкарей была поверстана в Шишкеев из мордовской деревни Кулдым⁵³. По Шишкееву несли службу также и казаки д. Ингеняр⁵⁴.

Будучи довольно значительной по количеству служилых людей, по территории Шишкеевская крепость была небольшой. Она занимала площадь в два раза меньшую, чем Саранская или Атемарская.

В современном Шишкееве сохранились остатки земляных валов и подбашенных насыпей крепости. Судя по этим остаткам, можно заключить, что территория Шишкеевской крепости имела форму параллелограмма, две стены ее были протяженностью по 100 сажен каждая, две — по 40. Крепость была расположена на левом берегу речки Шишкеевки, на холме, откуда хорошо просматривалась степная полоса к юго-востоку и запирался проход через безлесный промежуток вдоль этой речки. Вероятно, и название свое речка Шишкеевка получила потому, что она как бы делит безлесный промежуток пополам (по-мокша-мордовски «шечке» — разделенное пополам). От названия речки получила наименование и построенная около нее крепость, которая, кстати сказать, именовалась раньше Шечкеевской, а не Шишкеевской.

В Шишкееве бытует предание, что название села (в прошлом города) происходит от двух слов «шиш» и «киев», которые были якобы ответом царицы Екатерины II на просьбу шишкеевцев назвать их город Киевом. Это предание неправдоподобно, ибо свое название Шишкеев получил задолго до царствования Екатерины Второй.

В связи с уменьшением к концу XVII века военного значения Шишкеевской крепости из нее, как и из других крепостей Мордовии, некоторая часть служилых людей была переведена на юг. Так, в 1696 году из Шишкеева в Азов было переведено «на вечное жительство» 96 дворов⁵⁵ служилых людей, о чем напоминает сохранившееся до сих пор название одной из улиц Шишкеева «Перведенка». О появлении этой улицы в Шишкееве есть и архивные свидетельства: «переведены из с. Богородского, из с. Дракина, из с. Архангельского семей со ста и поселены в Саранском уезде на солдатской земле Шешкеевского острогу после переведенных солдат в Азов...»⁵⁶.

Возникший как военный пункт Шишкеев, хотя и утратил в XVIII веке военное значение, но получил некоторое экономическое развитие, находясь на хороших землях, имея луговые угодья и леса поблизости, а также добротные глины, на базе которых развилось гончарное производство. В 1708 году Шишкеев был возведен в разряд пригородов. По первой переписи (в 1719 — 25 гг.), в нем было около 1 000 человек населения, в т. ч. дворян 3, подьячих 11, солдат (казачьей службы) 457, пушкарей 8, бобылей 11, дворовых людей 4⁵⁷. В 1780 году Шишкеев был возведен в степень уездного города Пензенского наместничества. Уездным городом он считался до 1797 года. С 1797 года Шишкеев более 100 лет был заштатным городом.

О былом военном значении Шишкеева напоминали лишь названия: «Шишкеевская казачья слобода», улица «Пушкарка», улица «Форташная» (построенная напротив одного из фортов сторожевой черты) в самом Шишкееве, соседнее село «Стрелецкая слобода» и остатки земляных валов крепости.

Все четыре крепости: Атемарская, Инзерская, Саранская и Шишкеевская были соединены между собой сплошной укрепленной линией, чертой — земляными валами в безлесных промежутках и засеками в лесной местности. При описании указанных крепостей в отдельности было отмечено стратегическое значение каждой из них.

Теперь отметим некоторые общие принципы, положенные в основу постройки всей Атемарской черты.

Как видно из остатков крепостных сооружений, при застройке черты предусматривалось: во-первых, расположить ее так, чтобы она контролировала и запирала от набегов

кочевников важные пункты больших дорог (из Крыма в Казань и из прикаспийских степей на Москву и Нижний Новгород); во-вторых, чтобы максимально большая часть черты проходила лесами во избежание излишних, к тому же очень трудоемких работ по сооружению земляных валов, и в целях лучшей обеспеченности постройки лесоматериалами; в-третьих, чтобы сами крепости-остроги, находясь в безлесных промежутках, стояли на возвышенных местах, откуда можно было бы просматривать максимально большее пространство степи к югу; в-четвертых, чтобы постройки крепостных сооружений возводились по возможности там, где были уже населенные пункты, обжитые места и поднятые (распаханные) земли.

Все эти условия были учтены при создании Атемарской черты. Она располагалась так, что запирала и контролировала сразу обе большие дороги — и Крымскую, и Московскую. В районе почти сплошь безлесной Инсарской долины найден был такой рубеж, где эта долина перехватывалась поперек с запада на восток лесными языками, за исключением небольших степных промежутков. От Шишкеева лесной массив доходил почти до Саранска, недалеко от Инзерского острога начинался опять лес и доходил до Атемара, откуда лес шел до р. Суры⁵⁸. В каждом из четырех небольших безлесных промежутков этого направления были поставлены крепости-остроги. Все четыре крепости стояли на холмах с крутым склоном, откуда просматривается степная сторона к югу на большом расстоянии. Две главные крепости черты — Атемарская и Саранская строились в обжитых местах, где были уже поселения и небольшие участки распаханных полей.

В Алатырской писцовой книге Дмитрия Пушечникова от 1624 — 26 гг. записано: «...да через лес до Тавлинской вершины... на низ речкою Тавлою до поля до Инзеровского по правой стороне, а левая сторона дикое поле с Яв (раздельною) помрою, а от Яв помры с Каменным городищем и с мелкими помрами до Сарской вершины» (до вершины речки Сары — притока Суры. — *И. В.*)⁵⁹.

Из этой записи видно, что поля по правую сторону Тавлы до Инзеры, т. е. в районе современных Атемара, Посопа и Саранска, в 1624 году уже местами были распаханы, тогда как по левую сторону Тавлы было «дикое поле», т. е. непаханое. Инзерское поле (поле по правую сторону р. Инсары) до постройки сторожевой черты доходило почти до Атемара⁶⁰.

По правую сторону речки Тавлы, вблизи Каменного городища, у ручья Каменный (теперь окрестности села Макаровка) во второй половине XVII столетия, а вероятно, и в первой существовали небольшие деревни Дубровки,

Полянки (мордовское поселение) и сельцо Каспанда⁶¹. Места этих бывших поселений вместе с землей современного с. Макаровка в 1959 году вошли в черту города Саранска.

Междуострожные валы и засеки Атемарской сторожевой черты строились одновременно с крепостями, т. е. в 1638 — 1642 годах. В Центральном государственном архиве древних актов сохраняется документ с подробным описанием Саранской сторожевой черты, ранее именовавшейся Атемарской⁶². Это описание датировано 1681 — 84 годами, но оно воспроизводит картину сторожевой линии с первых лет ее существования. Атемарско-Саранская сторожевая черта имела протяженность 49 верст 520 сажен, что в переводе на меры нашего времени составляет 99 верст 40 сажен, или около 100 километров. Начиналась черта у реки Суры напротив современного Сурского острога и кончалась за Шишкеевом, в 15 километрах к юго-западу от него, в направлении к современной железнодорожной станции Хованщина, где соединялась с построенной позднее Инсарской сторожевой чертой.

Атемарско-Саранская сторожевая черта на протяжении 16 верст шла степью, где были сооружены валы, террасы, а в некоторых местах — косой острог. На протяжении 81 версты она шла лесом, где были устроены засеки⁶³.

От Саранской крепости, от того места, где теперь юго-западный угол здания Дома Советов, крепостной вал и другие сооружения шли в направлении к реке Инсаре, к тому месту, где стоит железобетонный мост. На месте бывшего вала расположены современные здания Дома Советов и инженерный факультет Мордовского госуниверситета. Восточнее остатки вала сохранились под мостовой шоссе от железнодорожного переезда к мосту через реку Инсару. Устои моста по обе стороны реки лежат на насыпях старинного сторожевого вала.

Сооружения черты здесь, как и в других местах, были неоднородными. В восточном направлении от самой Саранской крепости располагались: «через ров стоячий острог» на расстоянии 7 саженей, затем террасированный земляной вал («тарасы») на расстоянии 300 саженей «до проезжей башни наугольной» (остатки земляного основания этой башни видны рядом с шоссе между железнодорожным переездом и железобетонным мостом с южной стороны) и «от башни-вала до реки Инсары 8 саженей», от реки Инсары «вал до Инзерского острогу 898 саженей». Между Инзерским острогом (теперь Посоп) и Инзерской засекой на земляном валу было 8 башен. В Инзерской засеке (в лесу от Инзерского вала к Атемару), как и в других засечных местах, были «надолбы двойные и валеж»,

на полянах в лесу — стоячий острог и надолбы двойные», через овраги ставился «косой острог». На валу за лесом к Атемару было 9 башен, среди них одна проезжая «Никольская». За Атемаром на валу до Атемарской лесной засеки было 5 башен. Далее шла Атемарская засека до реки Суры в направлении к Сурскому острогу (теперь село этого же наименования).

К западу от Саранской крепости, от того места, где теперь коммунальный каменный одноэтажный дом ц 28 по Советской улице (в проезде между зданием горсовета и двором Министерства финансов Мордовской АССР), крепостной вал и другие сооружения сторожевой черты располагались в направлении к современным памятнику А. И. Полежаеву, зданию кинотеатра «Октябрь», жилому каменному дому на углу улиц Демократической и Советской, затем позади универсального магазина и в направлении к усадьбе психиатрической больницы у городского верхнего леса.

От стен самой Саранской крепости в западном направлении было построено через ров (теперешний проезд по «Острожной горе») «тарасов и по валу 13 сажень», потом «косого острогу 20 сажень», затем опять «Тарасов 9 сажень», «острогу 16 сажень», «валу до башни 275 сажень»⁶⁴. Дальше через 56 сажень на валу была еще башня, через «422 сажени валу» — еще одна башня⁶⁵, затем «валу 234 сажени и острогу 18 сажень» до саранской лесной засеки, которая начиналась там, где теперь психиатрическая больница, и шла верхним, а потом нижним лесом к Шишкееву. За Саранским лесом на валу в направлении к Шишкееву, между засеками, стояло две башни и за Шишкеевом на валу же — одна башня.

Как видно из описания сторожевой черты, наибольшее количество караульных башен было сосредоточено в районе Атемара и Саранска к меньше их было в районе Шишкеева, что опять-таки объясняется потребностью того времени наиболее крепко заградить главные проходы кочевников по Сурской и Крымской дорогам.

До наших дней сохранились валы и рвы сторожевой черты к западу от Саранска, к востоку от Посопа, к западу и востоку от Атемара и по обе стороны Шишкеева. В черте города Саранска следы вала заметны в направлении от Демократической улицы и к западной окраине города. Вал на пойме Инсары между Саранском и Посопом, по правую сторону реки, не сохранился: он смыт водой во время разливов. О бывшем здесь вале напоминает теперь лишь ручей, идущий от южной окраины Посопа к железобетонному мосту. Этот ручей образовался на месте старинного рва, шедшего вдоль вала. Конец этого рва, примыкавший к Инзерскому острогу, стал после разрушения вала сильно деформироваться и

превратился в новое русло реки Тавлы, которая во время постройки сторожевой черты впадала в Инсару значительно южнее, чем теперь, именно — между современными поселком «Пушкарские выселки» и городской водной станцией. В этих местах располагались и пушкарские земли.

Остатки валов, рвов и подбашенных возвышений в местах лучшей их сохранности напоминают о значительной мощности русских пограничных укреплений XVII века и дают возможность определить, как они сооружались. Так, например, разрез вала у села Атемара показал, что земляная насыпь в этом районе укладывалась слоями: на чернозем клался трепел, который для лучшей связи и большей крепости обжигался⁶⁶, а потом опять насыпался чернозем; в других местах вала, например, у города Саранска, обнаруживаются слои глины рядом со слоями черной земли. Земляные основания башен на валу делались большими выступами в южную сторону, диаметр земляного основания башни равнялся у подошвы ее 8 — 10 сажням.

Строительство в одно и то же время четырех крепостей-острогов Атемарско-Саранской черты с земляными валами, рвами, башнями и стенами, а также насыпь межострожных валов на протяжении 18 верст, высотой до трех сажень и рвов до двух сажень глубиной, устройство засек длиной на 81 версту, «шириной от 40 до 100 сажень»⁶⁷, а также 29 башен по валу (кроме острожных) требовали больших затрат труда и материальных средств. Только на одну башню расходовалось «300 бревен да 100 тесин», а на средний острог — «30 тыс. бревен и 700 тесниц»⁶⁸.

Все эти огромные по тому времени работы производились «дельцами»-крестьянами, которых высылали воеводы из Темниковского, Арзамасского, Алатырского, Курмышского уездов: «подымовных людей с пяти дворов по человеку»⁶⁹, «ясашных и оброчных людей с десяти дворов по человеку»⁷⁰.

Привлекались к строительству и служилые люди — казаки, стрельцы, пушкарки. «Дельцы» работали в трудных условиях, часто без жилья, вдали от своих семейств, выполняли большие урочные задания при примитивной технике «с топором, и с кирками, и с заступами, и с лопаты», которые строители должны были приносить с собой. «Дельцов» собиралась «к городовому и засечному делу» большая по тому времени армия. Общее количество их по Атемарско-Саранской черте доходило до 4 тысяч человек. Все крестьяне ближайших уездов облагались, кроме того, большими налогами «на Атемарское городовое и засечное дело»⁷¹.

Вскоре по окончании строительства Атемарско-Саранских укреплений, с 1647 года, было приступлено к сооружению новой сторожевой черты в Мордовии — Инсарской⁷²...

Район Инсара, где проходила дорога из прикаспийских степей на Москву, а также Крымская дорога, оставался открытым, и кочевники после постройки Атемарско-Саранской черты стали устремляться через этот открытый проход.

В 1643 году татарские кочевые отряды проникли в Темниковский уезд через речку Инсарку (приток Иссы) «тем проходом, большою табунною дорогою, где ездят из Астрахани и из Саратова к Москве станичные головы с табунами». В это время «татары повоевали русскую деревню Паеву, мордовские и татарские деревни: Паеву, Старую Челмодаеву, Старую Потьму, Адашеву, Тумолу, Козину, Полянки и Веркужи»⁷³. Нападения татар на эти места не прекращались и в последующие годы.

Для того чтобы пресечь вражеские нападения в этом районе и обезопасить темниковские места, и была построена Инсарская крепость.

При постройке Инсарской крепости учтено было ее важное стратегическое значение. В отличие от небольших военных пунктов того времени в Инсаре была создана довольно сложная система укреплений. С юго-восточной стороны (т. е. от перекрестка больших дорог) путь к крепости на расстоянии двух километров от нее преграждал земляной вал, укрепленный бойницами. Ближе к крепости естественной преградой служило русло реки Инсарки, а затем, уже на западном берегу ее, были возведены стены острога.

Инсарский острог строился в 1647 — 48 годах. В документах этого времени он именовался не только острогом, но и городом⁷⁴. Под постройку Инсара отошла земля деревни Паевни Паево.

Инсарская сторожевая черта (валы, засеки, террасы) отстроена в 1653 году⁷⁵. На черте были тогда же, т. е. в 1647—53 гг., поставлены остроги: Потижский, Кортляевский и Лухменский.

С постройкой Инсарской сторожевой черты завершалось создание сплошной линии укреплений в юго-восточной части Мордовии. Инсарская засека соединилась в районе современной железнодорожной станции Хованщина с Атемарско-Саранской сторожевой чертой.

Одновременно с постройкой военных крепостей-острогов рядом с ними создавались слободы, в которых селились служилые люди этих крепостей. Кроме полевой земли, служилые люди (казаки, стрельцы, пушкари) обычно получали «земли под двор, под огород и под гумно на 40 сажень длиннику, 10 поперечнику»⁷⁶, а «для новой селитьбы» им

давалось «жалованья по шти (шести) рублей да по пищали человеку»⁷⁷.

Военные слободы Атемарского, Шишкеевского и Инзерского острогов были построены «в валу», т. е. с северной стороны от сторожевой черты, которая загораживала их с юга от набегов кочевников. Обычно слободы примыкали непосредственно к крепости-острогу, но были и исключения: так, Шишкеевская стрелецкая слобода находилась в трех верстах от острога. Другие слободы этого острога — казачья и пушкарская — располагались рядом с ним.

В Атемаре, Посопе и Шишкееве следы слободского устройства XVII столетия сохранились до наших дней. В Саранске этих следов уже не осталось.

Как видно из материалов генерального межевания, в 80-х годах XVIII столетия население Саранска жило уже не слободами, а улицами, хотя полевая земля и другие угодья потомков служилых людей города межевались по слободам. В улицах же проживали рядом с потомками казаков и потомки стрельцов, и ремесленники, и торговые люди. Слободское устройство в черте Саранска стало нарушаться еще в начале XVIII века со времени интенсивного развития ремесел и торговли в городе. Метрические книги саранских церквей 50 — 60-х гг. XVIII столетия показывают уже отсутствие слободского деления в черте города.

На вопрос, как размещались слободы Саранска с начала его постройки и до первых десятилетий XVIII века, можно ответить на основании описаний земельных владений служилых людей крепости и сохранившихся сведений о церковных приходах города того времени.

При постройке Саранской крепости земля, прилегающая к реке Инсаре с левой стороны, от города на север, отведена была саранским казакам. Восточная грань их владений шла «от земляного вала рекою Инзерою, вниз живым рубежом до устья речки Сухие Пензы»⁷⁸. В плане генерального межевания 1782 — 89 гг. указана и южная грань земли саранских казаков. Этой гранью являлся Никитинский овраг, расположенный позади современного пеньковского комбината, под Никитинской горой и идущий к реке Инсаре вдоль полотна железной дороги. В экономических примечаниях к плану генерального межевания указано, что «внутри оной (т. е. казачьей земли. — *И. В.*) церковная земля г. Саранска церкви живоначальной троицы» и «соборной церкви рождества христового»⁷⁹. Отсюда видно, что Троицкая и Рождественская церкви Саранска были построены в Казачьей слободе, а казаки состояли в приходах этих церквей. Поэтому троицкий и рождественский причты и получили «пищевую землю» в казачьих полях.

Обе эти церкви были поставлены при основании Саранска⁸⁰. Новая Троицкая церковь строилась в 1690 году на месте старой «в казачьей крайней слободе»⁸¹. Место расположения этих построек нам известно: здание бывшей Рождественской церкви, переоборудованное в хлебозавод ц 1, находится на Гражданской улице, здание бывшей Троицкой — теперь протезная мастерская — на углу улиц Володарского и Богдана Хмельницкого. По этим ориентирам воспроизводится место расположения Саранской казачьей слободы, построенной в 1641 году.

Место расположения Саранской стрелецкой слободы, начавшей строиться в том же 1641 году, также воспроизводится по границам земельных владений служилых людей этой слободы и по церковным приходам. Земли саранских стрельцов граничили с землями саранских казаков с западной стороны, соответственно этому и само поселение «Стрелецкая слобода» располагалось к западу от казачьей слободы. В одном из архивных документов 1657 года говорится: «...вместо стрельцов города Саранска соборный спасский поп Елевферий Акимов, да воскресенский поп Афонасий Власьев, да богословский поп Иван Кузьмин прихожан своих руки приложили»⁸².

Стало быть, служилые люди Саранской стрелецкой слободы со времени ее основания жили несколько западнее казаков и состояли в приходах Богословской, Соборно-Спасской и Воскресенской церквей. Богословская церковь сохранилась до наших дней (на улице Демократической, около городской поликлиники). На месте Воскресенской церкви в 1682 г. была построена Вознесенская (с приделом покрова) церковь⁸³. Эта Вознесенская, или Покровская, церковь до наших дней стояла на перекрестке улиц Ленинской и Коммунистической. Спасский собор находился в самой крепости рядом с участком теперешней школы ц 6. По этим ориентирам восстанавливается месторасположение стрелецкой слободы. Обозначив расположение крепости и слобод, можно составить представление о территории и облике первоначальной застройки всего Саранска.

Южной гранью его был сторожевой вал, который вместе с террасами и стоячим острогом имели вид как бы тупого угла с выступающей на юг четырехугольной крепостью. Этот угол образовывался между точками у современных железнодорожного посопного переезда, здания Министерства финансов и точкой, что метрах в ста севернее нового здания драматического театра (Советская улица). Современная Советская улица напоминает и теперь еще линию расположения сторожевого вала, правда, несколько спрямляя ее.

С южной стороны Саранск представлялся довольно плотно застроенным крепостным городом. Над крепостью возвышались башни-бойницы, вокруг которых располагались жилые и другие строения, виднелись купола и колокольни соборных церквей, расположенных в крепости, и Ильинского монастыря, стоявшего рядом с ней.

Северо-западная грань Саранска была в районе перекрестка современных Пролетарской и Коммунистической улиц, северо-восточная — там, где теперь железнодорожный переезд по улице Рабочей.

В этих гранях размещались с начала застройки Саранска: крепость-острог со всеми крепостными и управленческими постройками, к которой примыкала с северной стороны небольшая базарная площадь (торжок) там, где теперь Советская площадь⁸⁴, от базарной площади к северу шла Большая (Московская, Сурская) дорога (там, где теперь ул. Ленина), делившая Саранск на две слободы. Казачья слобода размещалась к востоку от Большой дороги, т. е. к реке Инсаре, Стрелецкая — к западу от этой дороги.

В Казачьей слободе в 1642 году было 200 домов, в Стрелецкой — 30, а всего с домами приказных людей и причтов в Саранске было около 250 домов с населением до тысячи человек. Каждый дом имел усадьбу «земли под двор, огород и гумно по 40 сажень длиннику, 10 поперечнику»⁸⁵. В слободах в это время было три церкви, в Казачьей — Троицкая, Рождественская, в Стрелецкой — Богословская. Во второй половине 40-х гг. XVII века в Стрелецкой слободе была построена Воскресенская (Вознесенская) церковь. Слободы управлялись головами, пятидесятниками и десятниками, которые подчинялись воеводе.

При застройке Казачьей слободы в нее, вероятно, перешли и станичники сельца Богословского. Как старинные конники, они не могли быть поверстаны в слободу стрельцов. С постройкой крепости отпала необходимость прижиматься к лесам. Открытая местность восточнее сельца Богословского, которую заняла Казачья слобода, оказалась более привлекательной, отличаясь выгодностью расположения рядом с добротными заливными лугами у реки Инсары, что хорошо понимали станичники-старожилы этих мест⁸⁶.

Стрельцы же, пришедшие позднее, поселились на землях более высоких и сравнительно менее урожайных.

Если в настоящее время город Саранск располагается главными магистралями с юга на север, что определилось стремлениемселиться вдоль реки Инсары, а позднее вдоль железной дороги, то в начале образования, как и впоследствии вплоть до XVIII столетия, город располагался с востока на запад, по холму, вдоль сторожевого вала, образуя

как бы булкообразный вид. В длину, т. е. с востока на запад, постройки тянулись на километр с небольшим, в ширину — с юга на север — всего лишь на полкилометра. Улицы слобод были кривыми, напоминая старинную радиальную систему застройки. Тенденции к расширению Саранска к югу и расположению города вдоль реки Инсары намечаются в 60-е гг. XVII века. Спрямление улиц Саранска и расположение главных из них в направлении с юга на север было произведено значительно позднее по генеральному плану города, разработанному и утвержденному в 1785 году.

При основании Саранска укреплены были и слободы, хотя менее основательно, чем сама крепость-острог. Казачья и стрелецкая слободы были обнесены лишь деревянной стеной, без валов и рвов.

Н. И. Костомаров в историческом романе «Сын» сообщает: «На сторонах, окружавших (Саранский) посад (постройки слобод. — *И. В.*), стояли одна от другой в разных расстояниях башни, одна из них называемая Троицкою. Вся стена была покрыта высокою кровлей, на выступах и башнях были особые кровли... Здания в середине виднелись сплошной массой деревянных черных кровель, между которыми инде белели полосы берестовой коры, которой тогда устилалась крыши... Окружавшие посад надолбы состояли из столбов, поставленных вертикально... в два ряда, с перекладинами по верху... Таким образом образовывались коридоры. Дворы вообще были малы... огораживались плетнем, или забором, в подклетах часто не было вовсе окон...»⁸⁷.

К концу сороковых и в начале пятидесятых годов XVII века Саранск стал заметно расти за счет увеличения гарнизона служилых людей, возникающих промыслов и развития торговли. У земляного крепостного вала, в районе, прилегающем к теперешнему железнодорожному посопному переезду, появилась новая небольшая слободка — Пушкарская (около 15 дворов). Здесь поселились пушкари Саранского гарнизона. Значительно выросла стрелецкая слобода, в которой в 50-е годы XVII века было уже до 350 дворов.

Через десять лет по основании, в начале 50-х гг. XVII века, в Саранске уже насчитывалось около 600 дворов с населением более двух тысяч человек. Возникающие новые улицы размещались по-прежнему «в валу», т. е. к северу от вала. Первые улицы за валом, т. е. к югу от него, появляются лишь в 60-е годы XVII в., когда саранские стрельцы, получили дополнительно землю — «дикое поле» к югу от речки Саранки, по обе стороны реки Инсары. Продвижение Саранска с Московской стороны «за вал», на бывшую Крымскую сторону стало менее опасным потому, что

пограничные укрепления выдвигались в направлении к Саратову, и начиналось строительство Пензенской сторожевой черты.

В это время часть стрельцов из Стрелецкой слободы переселяется с горы вниз за Саранку и образует здесь новую слободу — «Переведенную»⁸⁸. «Переведенная слобода» разместилась по правую сторону речки Саранки около дорог на Пензу и Инсар. В связи с этим старая Стрелецкая слобода в отличие от новой, поселенной внизу, под горой, получает название «Нагорной слободы». Позднее, когда в «Переведенной» была построена Трехсвятская церковь (теперь здание музея на Московской улице), слобода стала называться «Трехсвятской».

В 60-е же годы XVII века за речкой Саранкой, к западу от «Переведенной слободы», образовывается еще одна слобода — «Посадская», в которой поселяются преимущественно ремесленники и торговые люди: «Посадская слободка, что поселилась на выгонной земле на речке Саранке»⁸⁹. Об этой слободе напоминает существующая в настоящее время в Саранске Посадская улица⁹⁰.

К семидесятым годам XVII столетия военная крепость оказалась уже в центре Саранска, к ней примыкало пять слобод: Казачья, Стрелецкая (Нагорная), Стрелецкая (Переведенная или Трехсвятская), Пушкарская, Посадская. К концу XVII века в Саранске было уже до 700 дворов с населением более 4 тысяч человек. В 1719 году в городе только мужских душ было 2 682 человека⁹¹, а всего населения около 5 500 человек.

Возникнув как крепость, небольшой острог, именовавшийся в некоторых документах даже «острожкой», Саранск в течение полвека превратился в одно из крупных по тому времени городских поселений.

Довольно интенсивный рост Саранска, обогнавшего в течение 15 — 20 лет Атемар и начавшего еще в конце 40-х годов XVII века претендовать на звание главного центра Атемарской сторожевой черты, объясняется преимущественно природными условиями и путей сообщений. Саранские черноземы и богатые луговые угодья по реке Инсаре оказались куда более доходными, чем атемарские менее урожайные земли и суходольные луга. С постройкой сторожевой черты Крымско-Казанская дорога стала иметь два параллельных направления — прежде существовавшее через Атемар — Корсун и новое через Саранск — Алатырь, что значительно усилило транспортные связи самого Саранска, где перекрещивались большие гужевые тракты Прикаспийско-Московский, Нижегородский и Крымско-Казанский.

Все это обусловило возведение Саранска в степень города и образование приписанного к нему нового уезда в юго-восточной части Мордовии.

В литературе о Саранске не дано документально обоснованных указаний, когда он стал городом и когда образовался Саранский уезд. Собранные нами архивные и печатные данные позволяют ответить на этот вопрос положительно.

В Центральном госархиве Мордовской АССР сохраняется документ, в котором указано, что «мордва деревни Коровякиной (д. Коровякина находилась в районе современного с. Говорова Мельцанского района. — *И. В.*) приписана к Саранску со всеми доходами из Темниковского уезда в 159 (1651) году при стольнике и воеводе... Федоре Ивановиче Леонтьеве»⁹². В другом документе того же архива есть указание, что «в 159 (1651) году дана земля атемарцу Аникееву в Саранском уезде на речке Пеле»⁹³. Названный выше воевода Леонтьев в 159 (1651) году именуется жителями Саранска «городовыми людьми»⁹⁴. В 1651 году в Саранск посылаются уже бумаги из Москвы по вопросам землевладений уезда⁹⁵.

Из этих документов видно, что в 1651 году происходила приписка сел к вновь образованному тогда Саранскому уезду, и земля, вновь отводимая в этом же году помещиками на речке Пеле (современный Ичалковский район Мордовской АССР и Починковский район Горьковской области. — *И. В.*), значилась уже в Саранском уезде, а сам Саранск назывался городом, тогда как в других документах в том же 1651 году Саранск именовался еще острогом. Как пример можно привести запись в «Дворцовых разрядах» за 1651 год. «На Атемарской засеке в острожках — в Инзерском да Саранском (воевода) алаторец Измайло Митюрин...»⁹⁶. Следовательно, образование Саранского уезда и возведение Саранска в степень города произошло в конце 1651 года.

Косвенным доказательством правильности данного вывода могут служить и документы о постройке нового Спасского собора в Саранске (в крепости) к 1651 году. До этого в Саранской крепости со времени ее основания существовал Знаменский собор⁹⁷.

Постройка второго собора в молодом поселении была также связана с возвышением административного и экономического значения самого поселения. Эта постройка происходила в то время, когда шла приписка к Саранску довольно отдаленных сел и деревень. Новый собор в 1651 году уже существовал. В одном из архивных документов указывается: «Саранского города нового собору спаса нерукотворного образа попу Ивану Степанову и церковным

причетникам... в 159 (1651) году по государеву указу велено отвести земли Инзерского острогу и сторожевой земли...⁹⁸.

В том же 1651 году в Саранске образуется и центр церковного управления (округ) юго-восточной части Мордовии. С 1645 года саранские церкви входили в атемарский церковный округ Темниковской десятины⁹⁹. Саранский церковный округ, а с 1657 года десятина объединяли церкви Саранского и Атемарского уездов, а некоторое время и Корсунские церкви¹⁰⁰. В 1651 году в Саранском новом соборе была установлена икона «Нерукотворного спаса»¹⁰¹, считавшаяся «чудотворной». Эта икона раньше была в Атемаре и перенесена в Саранск в связи с возвышением нового города¹⁰².

Постройка в Саранске нового собора и учреждение церковного управления свидетельствуют не только о возвышении нового административного центра, но и о стремлении церковного начальства переехать из Атемара в Саранск и получить здесь наделы высокоурожайной земли, а также иметь большие доходы по другим статьям в связи с более интенсивным развитием экономической жизни Саранска. Следует заметить в связи с этим, что еще в 1650 году рыбные ловли на реке Инзере отданы были Саранскому Богородицкому мужскому монастырю, что «преж сего те рыбные ловли были Атемарского Воскресенского монастыря»¹⁰³. Другой Саранский монастырь — Ильино-Богоявленский имел «жалованную грамоту», по которой ему предоставлено было право брать пошлину с приезжих купцов за торговлю и за проезд по Нижегородскому тракту. «В нынешнем в 174 (1666) году, — говорится в летописи этого монастыря, — как приезжали на Саранский торг персидские и иные купцы, собрал монастырь за постой деньгами 10 рублей 12 алтын и за торг по жалованной грамоте 20 рублей серебром персидским, 19 рублей 15 алтын 4 деньги медью и многие товары, и парчу, и ковры»¹⁰⁴.

Кроме указанных монастырей, в Саранске существовал в XVII и XVIII вв. еще третий монастырь — Петровский¹⁰⁵, имевший водяную мельницу на реке Инсаре.

Как видно из вышеприведенных данных, в 1651 году Атемарский уезд был разделен на два уезда. В ведении Атемарского уезда оставались территория, приписанная к нему в 1640 году от Алатырского уезда; во вновь образованный Саранский уезд вошла территория, приписанная в том же 1640 году к Атемару от Темниковского уезда.

Хотя Саранск и стал с 1651 года городом, административным центром нового уезда, куда переехали и власти церковного округа, но военным центром сторожевой черты некоторое время и после этого оставался еще город

Атемар, и в этом отношении Саранск ему подчинялся. Управление сторожевой чертой и главный (большой) воевода находились в Атемаре.

Так, еще в 1653 году в дворцовых разрядах упоминается, что главный воевода черты Федор Иванович Леонтьев находится «на Атемаре»¹⁰⁶. Но с этого же 1653 года бумаги из Москвы адресуются воеводе Леонтьеву уже в Саранск: «161 (1653) году марта в 27 день прислана государева ц. и в. к. Алексея Михайловича грамота из приказа Казанского дворца в Саранск, к стольнику и воеводе, к Федору Ивановичу Леонтьеву...»¹⁰⁷, «1654 года грамота по указу царя Алексея Михайловича в Саранск воеводе Федору Ивановичу Леонтьеву»¹⁰⁸.

С 1655 по 1658 г. в Саранске был воеводой предок великого русского поэта М. Ю. Лермонтова Петр Лермонт. Петр Лермонт ведал не только Саранским городом, но и «по черте иные города с пригородами воевод и голов»¹⁰⁹.

Управление сторожевой чертой переведено было из Атемара в Саранск в 1653 году, с этого времени и черта стала именоваться не Атемарской, а Саранской, и Атемар в военном отношении стал подчиняться Саранску, хотя в административном отношении оставался до 80-х гг. XVII века самостоятельным уездным центром.

Будучи уездным городом, Атемар в военном отношении с 1653 по 1680-е годы числился острогом. «В 180 (1672) году... в Саранску, в приказной избе стольнику и воеводе Григорию Касагову да подьячему Василию Долгову подали челобитную Атемарского острогу посацкие люди Кондрашка Цевиссенин с товарищи, а в челобитной их написано: в прошлых де годах, как построен город Атемар и к тому де Атемару отведена была земля грацким и жителям разных людей, как бывали полки... многие земли, и после де того Атемар город построен острогом, а в то место построен город Саранск...»¹¹⁰.

Экономический рост Саранска, а также увеличение стратегического значения его крепости в связи с образованием в самом городе узла больших дорог обусловило и перенесение центра военного управления сторожевой черты из Атемара в Саранск. Саранский воевода с 1653 года управлял всей Саранской чертой и крепостями-острогами по ней: Шишкеевской, Инзерской, Атемарской, а также крепостями вновь построенной в конце 40-х и начале 50-х гг. XVII века Корсунской черты. «Первоначально, — замечает историк Симбирского края В. Красовский, — город Корсун вместе с своим вновь образованным уездом и по Корсунской черте пригородами и острожками ведался стольниками и воеводами города Саранска...»¹¹¹.

К концу 50-х и началу 60-х гг. XVII столетия гарнизоны крепостей Саранской сторожевой черты значительно возросли количественно. Состояние этих гарнизонов за 1661 — 63 гг. характеризуется следующими данными: «В Саранску дворян и детей боярских 332. Все служат с поместий. Казаков и стрельцов русских людей и татар и пушкарей 1 299. Из них послано на службу на Дон 550, Царицын 76, а затем в остатке стрельцов 171, казаков русских людей 211, пушкарей 21, казаков же татар и мордвы 270, а всего в остатке 673 человека. Все служат с земель. В Атемарском остроге 281 человек, Инзерском остроге 352, в Шишкеевском 241. Всего в Саранску и по Саранской черте дворян и детей боярских и всяких служилых людей 3 472 человека, и с того числа на службах на Дону 1 389, на Царицыне 243, на Уфе 300, а всего на службах 1 932 человека, а за службами в остатке: стрельцов 401, казаков русских людей 508, татар и мордвы 597, пушкарей 41. Всего в остатке 1 547 человек. Все служат с земель»¹¹². Три с половиной тысячи служилых людей — довольно большая армия по тому времени.

Во второй половине пятидесятых и первой шестидесятых годов XVII столетия, до постройки Пензенской сторожевой черты и отписки Корсунской к Симбирску¹¹³, Саранск считался важным центром военно-пограничной службы.

Под прикрытием гарнизонов Саранской сторожевой черты в это время шло освоение малозаселенного Среднего Присурья южнее этой черты. В 1665 году вступает в действие Пензенская крепость, а с 1676 года начинается строительство Пензенской сторожевой черты. Это строительство требовало большого количества рабочих рук, а на месте их было недостаточно. Южнее Пензы еще на сотни верст лежало незаселенное и необработанное «дикое поле». Французский путешественник Филипп Авриль, проехавший через Пензу в 1687 году, писал: «Мы употребили первые три дня на проезд (от Саратова до Пензы) более 40 лье по пустыне, не встретив ни деревень, ни жилищ, ни хижин, и было, по правде говоря, это самое трудное из всего нашего пути. Но ничего подобного нам не пришлось уже испытывать после того, как мы достигли Пензы, маленького городка, находящегося в несколько лье от этой большой неводеланной равнины, которую нам необходимо было проехать. Затем (в направлении к Москве через Инсар и Темников. — *И. В.*) мы останавливались каждый день уже в поселках, чтоб провести ночь под кровлей...»¹¹⁴.

Служилые люди Саранской сторожевой черты принимали участие и в сооружении пензенских укреплений. Сохранились документы, где указано, что по поручению царя

саранский воевода Павел Языков обязывался «доделать пензенское валовое дело в 1677 — 80 гг.»¹¹⁵.

Кроме воеводы, управлявшего чертой и уездом и подчинявшегося непосредственно Московскому приказу Казанского дворца, в Саранске с 1653 года сосредоточены были и другие управленческие органы. Здесь был губной староста (второе лицо после воеводы), ведавший уголовными делами и выбиравшийся «всех чинов людьми», подьячие — сборщики окладных и неокладных сборов, на мирской службе главным лицом был головной староста с помощниками — земскими старостами, целовальниками и ларешниками. Они заведовали раскладкой податей по городу и уезду и другими мирскими делами. Они же заведовали починкой крепости, постройкой и ремонтом мостов. В крепости размещались такие учреждения, как воеводский двор, приказная изба, черная земляная изба (ведавшая работами по постройке земляных валов) и др.

Вначале Саранский уезд был сравнительно небольшим по территории: с восточной стороны он граничил с Атемарским уездом в районе современных сел Алтары, Большая Елховка, Макаровка, Куликовка, с севера — с Алатырским и Темниковским уездами, где-то в районе между устьем речки Ладки — притока Инсары и верховьями речки Пели — притока Алатыря, с запада — с Темниковским уездом по линии между современными селами Мельцаны (районный центр) и Огарево (Рузаевский район), в южную сторону Саранский уезд до образования Пензенского уезда распространялся до степи.

К концу XVII века после упразднения Атемарского уезда Саранский уезд занимал уже довольно большую территорию к востоку до р. Суры, включая с. Б.-Березники, а южнее и за Суру, включая район современной Никольской Пестровки, и вверх по Суре до верховьев реки Терешки¹¹⁶ (приволжские районы современной Саратовской области) и верховьев реки Хопра¹¹⁷ (южные районы современной Пензенской области), а в первой половине XVIII века Саранский уезд расширился еще и к северу, и к западу. В Саранский уезд в то время входили такие населенные пункты, как Починки¹¹⁸ (современный районный центр Горьковской области), Василев Майдан, Пузская слобода, Дуброво (Дураково), Криуша, Никитино, Марсево (Починковский район), Кочкари, Камаево (Ичалковский район), Наборные Сыреси, Копасово (Атяшевский район), Полое (Ардатовский район), Турдаково (Дубенский район), Симкино, Ст. Найманы (Б.-Березниковский район), Ирсеть, Темяшево, Кулдым, Вертелим (Мельцанский район), Ст.-Шайгово, Теризморга (Ст.-Шайговский район), Шишкеев,

Муравьевка (Рузаевский район) и значительная территория на юг почти до современного с. Мокшана Пензенской области.

Возникнув как военный пункт, а затем центр небольшого уезда с немногими приписанными к Саранской крепости поселениями служилых людей, город Саранск менее чем за полвека вырос в крупный административный центр большого уезда, площадь которого доходила до 20 тыс. квадратных километров.

Постройка в XVII столетии сторожевых черт на юго-восточной окраине Русского государства и, в частности, Саранской сторожевой черты имела положительное значение в общероссийском масштабе и способствовала развитию экономики и культуры Мордовского края.

Столь значительные укрепления пограничных тогда районов способствовали прекращению опустошительных набегов крымских и ногайских орд кочевников. Под прикрытием сторожевой черты стало возможным как мордовскому, так и русскому населению края более уверенно и интенсивно развивать экономику и культуру. С этого времени начинается усиленное освоение посевных площадей и интенсификация сельского хозяйства края. В связи с постройкой сторожевой черты возникли в юго-восточной части Мордовии города, как военно-административные и культурные центры, замечается более значительное, чем ранее, развитие промыслов, зарождается промышленность, а взятие под контроль Русского государства проходивших через Мордовию старинных больших дорог и развитие экономики края способствует более успешному развитию торговли и связей местного населения с другими областями страны, соседними народами и включению Мордовии в орбиту складывающегося всероссийского рынка.

Поселение в мордовском крае русских людей, выходцев из старейших культурных центров — Новгорода, Москвы, Рязани, Суздаля, Твери и других — накрепко связало интересы и судьбы обоих народов и обогатило местное население большим хозяйственным и культурным опытом.

Еще царем Иваном III в район теперешнего города Арзамаса была выселена партия новгородцев, потомки которых впоследствии расселились к югу от Арзамаса, часть их поселилась на территории Мордовии. Переведенцы из Москвы были первыми поселенцами Починок, ставших в первой половине XVIII века центром поташного производства, куда было приписано большое количество мордовских сел и деревень. Фамилия Москвитины является довольно распространенной в нашем крае. О переселенцах из Рязани свидетельствует наличие в некоторых селах

Мордовии улиц, концов с наименованием «Рязань», как, например, в с. Ладе, или целое село Рязановка Ст.-Шайговского района, а также распространенность фамилии Рязановых среди служилых людей XVII и XVIII веков; так, например, в Саранске среди казаков и стрельцов было несколько человек Рязановых. В Саранске же среди казаков было несколько человек с фамилией Тверитинов, что свидетельствует о выходе их предков из Твери. Из Суздаля было переведено также много семейств и поселено в Саранском и других уездах Мордовии.

Совместная служба мордвы и русских людей в гарнизонах вновь построенных крепостей способствовала также и более крепкому объединению их в борьбе с самодержавием и крепостническим произволом, что мы видим из документов о крестьянских выступлениях в Мордовии во времена Степана Разина.

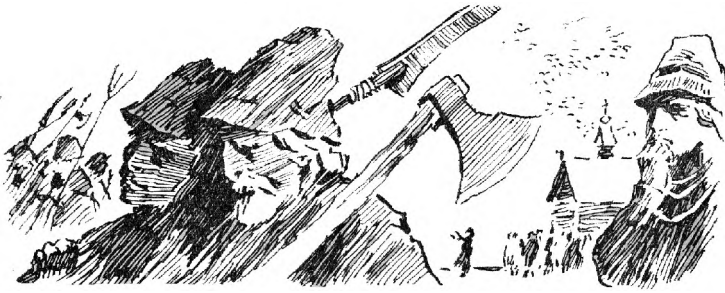
Констатируя положительное значение строительства сторожевой черты в юго-восточной части Мордовии, необходимо указать, что это строительство сопровождалось и отрицательными результатами: ростом помещичьих владений и закрепощением крестьян в мордовском крае, увеличением налогового бремени и возникновением новых, связанных со службой по черте тяжелых повинностей местного населения.

Целые города и деревни Среднего Поволжья отбывали в то время тяжелую военную службу. Намного возросли так называемые специальные налоги, назначавшиеся на «особые потребности государства»: «ямские» и «полоняничные» деньги, «стрелецкая подать» и другие.

В целом же постройка оборонительных сооружений на юго-востоке России была продиктована насущной необходимостью, обусловленной тогда международной и внутренней обстановкой.

Сооружение сторожевых оборонительных черт XVII столетия является одним из важных мероприятий, способствовавших укреплению военной мощи и развитию экономики и культуры централизованного многонационального Русского государства.

РАЗИНСКИЕ СПОДВИЖНИКИ

Обозревая наиболее типичные старинные гербы городов России, нетрудно заметить в их эмблемах отражение движения экономической жизни страны. При основании Нижнего Новгорода (начало XIII столетия) в его окрестностях в изобилии водились олени. Герб этого города: «В белом поле красный олень, рога и копыта черные». Тамбов, заложенный в тридцатых годах XVII столетия, получил герб: «На лазоревом поле улей и над ним три золотые пчелы, земля зеленая». Это знак бортнического промысла, распространенного тогда в крае. На гербе Саранска, основанного в 1641 году, изображены: «В серебряном поле красная лисица и три стрелы», что свидетельствует о преобладании в то время охотничьего промысла в экономике прилежавшей к городу местности. Пенза, построенная в шестидесятые годы XVII столетия, получила герб: «В зеленом поле три снопа — пшеничный, ячменный и просяный»¹.

Прошло лишь четверть века, а в экономике Среднего Присурья стало преобладать земледелие.

В отличие от северных и северо-западных районов Мордовии, примыкавших к русским княжествам Рязанскому и Владимиро-Суздальскому и поэтому издавна обжитых и заселенных, юго-восточные пределы ее, смежные с Казанским ханством и подвергавшиеся опустошительным набегам ногайских и крымских орд, до 30-х годов XVII столетия были малозаселенными, а превосходные земли этих мест лежали почти сплошь невозделанными.

Возведенные в 30 — 40-х годах XVII столетия крепости и сторожевая черта по линии Симбирск — Саранск — Тамбов обезопасили саранский край (юго-восточную часть

Мордовии) от набегов кочевников и способствовали изменению его экономической жизни.

В малозаселенных местах стали появляться новые деревни, починки, пятини. Дотоле дикие, никогда не паханные поля, заросшие ковылем, лишь кое-где перемежавшиеся посевами хлебов, стали сплошь распахиваться, а в некоторых районах вырубались и леса. На новых местах селились мордва, русские и татары. Приток русского населения в мордовский край усилился.

Мордва, много столетий жившая в соседстве со славянскими племенами, не проявляла неприязни к русским крестьянам, а стремилась усваивать их большой опыт в земледелии. Многие русские слова, обозначающие орудия земледелия и быта, мордвой восприняты и включены в родной язык («соха», «рожь», «печка» и другие).

Проживший много лет в Мордовии и знавший хорошо обычаи мордвы, Н. П. Огарев писал: «Европейские народы не шли просто на заселение пустопорожней земли, как шел народ русский. Они завоевывали уже заселенные земли. От этого явилось отношение завоевателей к завоеванным. Завоеватели отобрали земли в свою собственность, а завоеванные стали сначала рабами завоевателей, а потом работниками на землях, принадлежавших завоевателям... Русская народная жизнь совершенно противоположна европейскому, английскому, немецкому, французскому обычаю. Русский народ издревле, продвигаясь с запада на восток, все заселял и заселял новые, пустопорожние земли и заселял их артелью... Чужие племена, которые встретились на этом пространстве, подчинились не завоеванию, а влиянию русского обычая. Мордва, черемисы и даже самые татары внутри России приняли русский обычай... Не мир стесняет отдельного человека, а казенщина, налоги никем не установленные, как только казенным чиновником, паспорта не нужные и вся правительственная полиция, которая снизу начинается писарем станowego, а вверху кончается императором...»².

С постройкой военных крепостей (острогов и острожков) в саранской округе стал быстро изменяться уклад жизни. Заселение земель служилыми военными людьми, поверстанными в казаки, стрельцы, пушкари, воротники, наделение их пашнями и лугами ограничивало возможности мордовских и русских бортников. До этих пор они имели большие бортные ужожаи, т. е. ходили на десятки верст в леса и собирали мед диких пчел, а охотники стреляли дичь не только в лесах, но и в обширных «диких полях» ковыльной степи и в поймах рек, заросших кустарником.

Саранская округа становится земледельческой.

Но не казацки или стрелецкие небольшие наделы стесняли жизнь старожилов, а крупные земельные оклады и поместья, раздаваемые правительством дворянам и детям боярским, посылаемым на службу по черте воеводами, подьячими, сотниками и головами.

Плодородные новые земли, луга и леса, охраняемые от набегов кочевников крепостями сторожевой черты, явились местом притяжения размножавшегося дворянского сословия центральной России. В новых уездах сторожевой черты появляются сотни дворян и детей боярских, получивших большие земельные и денежные оклады. Наглядную картину раздачи земли служилому дворянству Саранского уезда показывают «Атемарские десятины» 1669 — 70 и 1679 — 80 годов³. В этих списках военного сословия того времени поименованы русские служилые дворяне, получившие в XVII столетии большие поместья в Саранском и Атемарском уездах.

На этих поместьях возникли деревни и села, названные по именам владельцев: Алферьево, Анненково, Апраксино, Берсеневка, Булгаково, Внуковка, Воробьевка, Ворыпаево, Дмитриевка, Дурасово, Евлашево, Журловка, Кадышево, Каменка, Лопатино, Маматовка, Масловка, Матвеевка, Нечаевка, Салма, Симбухово, Скрябино, Смольково, Сумароково, Сыропятовка, Трофимовщина, Чуфарово, Шильниково, Языково и другие.

Большие поместные оклады получили и некоторые мордовские князья и мурзы, служившие по черте: Родой мурза Верзагин сын княж Мокшазаров, Бажен мурза Юркаев сын княж Мокшазаров, Соло мурза Байков сын княж Мокшазаров, станичные мурзы Васька Сыресев, Бориско Алов, Каштомайко Сабаев, Бодай Атешев, Кучайко Копасов, Шутурко Аксарин, Суляйко Ризоватов, Захарко и Дмитрейко Кобаевы и другие. Нетрудно догадаться, что имена этих мордовских княжских сынов и мурз стали названиями сел и деревень: Мочказерово, Сыресево, Алово, Сабаево, Атяшево, Копасово, Шугурово, Резоватово, Кабаево.

В составе служилой верхушки крепостей Саранской сторожевой черты было немало и татарских князей и мурз: Енай мурза Сабаев сын княж Андреев, Надежа мурза сын княж Павлов, Осип мурза сын княж Андреев, Аюкай мурза Каракаев, Тохтар мурза Алмакаев, мурзы Сюнбайко Аksenов, Токбулатко Уразов и другие. Имена двух последних мурз созвучны с образовавшимися в XVII столетии деревнями Аксеново и Рузаевка.

Некоторые названия сел и деревень Саранского уезда напоминают характер службы рядовых сторожевой черты XVII столетия: деревня Воротники (поселение людей,

которые обслуживали ворота Атемарской крепости), село Пятина (поселение сторожевых казаков).

Поместные оклады служилых дворян, детей боярских, князей и мурз состояли из земельных угодий и денежных сумм: от 10 десятин до 500, от 2 рублей до 80. Для уточнения стоимости тогдашнего рубля достаточно указать, что в урожайные годы пуд ржи на Саранском рынке стоил $1\frac{2}{3}$ копейки⁴.

Служилое дворянство, получив поместья, стало селить на них крестьян, взимать оброк и устанавливать барщину; некоторая часть земли лежала «впусте», т. е. не обрабатывалась.

Вторая половина XVII столетия характерна для Саранского уезда установлением крепостнических отношений. Вначале оброчные и барщинные деревни были небольшими, по 3 — 5 дворов, потом они стали расти за счет переводимых помещиками крестьян и беглых людей из старых уездов России.

Так называемые сыщики беглых крестьян доносили из Саранского уезда в 1662 году: «Саранские помещики и вотчинники и всяких чинов люди многих беглых крестьян и людей у себя укрывают и таят, а к расспросу и к записке к ним, сыщикам, на съезжий двор не приводят. Когда же они, сыщики, для подлинного сыску велели саранских помещиков выслать в Саранск и про беглых крестьян и людей взять сказки, то многие саранские помещики и вотчинники в Саранск не идут, а которые де и приехали и они про беглых людей и крестьян сказок не дают, чинятся непослушны»⁵.

Не от легкой жизни бежали русские крестьяне центральных уездов, надеясь найти облегчение в малозаселенном крае. Но и здесь они попадали в помещичью кабалу не менее жестокою, и отсюда некоторые бежали дальше к югу и вливались в казачью вольницу. В «Атемарских десятиях», как и в других документах, неоднократно указывается о побегах помещичьих крестьян из Саранского уезда во второй половине XVII столетия.

Притеснения русских помещиков, мордовских и татарских князей и мурз, обеднение бортных ухажав и охотничьих угодий тяжело переживали старожилы мордва. «Бортники и новокрещенцы и мордва бьют челом беспрестанно», — указывалось в донесениях⁶.

Целыми деревнями мордва уходила за Волгу или к югу, в пензенские пределы в поисках новых просторов для бортничества и охоты. Так в старых местах поселения появлялись «покидные мордовские земли».

Вот одно из многих свидетельств подобных переселений: «Та мордва, указывалось в Атемарских писцовых книгах, жила

и за службу станишную пашни пахотные имела доброй земли 40 четей, дикого поля 100 четей и сошла неведомо куды»⁷.

Тяжелым бременем явилось как для мордвы, так и русских людей и служба по сторожевой черте. Еще в 1638 году мордовский мурза Мангушев с товарищами в челобитной указывал: «...Поместья де их не великия, а деды де их, и отцы их, искони вечно служили прежним государям, а данных и пососных и ямских и подымных денег не давали. А ныне де их заставляют рвы копать и осторожное и городовое и засечное дело делать, и ямские и подымные деньги с них берут»⁸.

Рост оброчных и иных платежей усиливал бремя рядовых крестьян, а помещик пользовался этим и закабалял их.

Пользуясь правом служебных и сословных привилегий, некоторые дворяне учиняли бесчинства не только в деревне, но и в городе. Сохранилось немало свидетельств. Так, саранский стрелец Лазарь Петров в жалобе на сына воеводы Макара Полянского указывал, что он вместе с дворяней насильно увез его дочь Авдотью к себе в дом (в деревню Макаровка), «бил и увечил ее плетьюми до полусмерти, и от тех побоев его, Макаровых, лежит она при смерти»⁹.

Недовольство крестьян помещичьим закрепощением, тяготы налогового бремени и службы по сторожевой черте обусловили в Саранске, как и в других соседних уездах, благоприятные возможности для разинского движения.

Новые уезды юго-востока России привлекали внимание казачьей вольницы и потому, что в них укрывались многие беглые люди, а мало контролируемые в приграничной полосе царские чиновники своими действиями усугубляли недовольство как русского, так и особенно мордовского крестьянства.

Сам Степан Разин в Саранске не был. Захватив Астрахань, Саратов и Самару, он дошел до сторожевой черты и вступил в бой с правительственными войсками у стен Симбирской крепости. Ожесточенные сражения у Симбирска продолжались весь сентябрь 1670 года. Слава крестьянского защитника и предводителя казачьей вольницы быстро распространилась по сторожевой черте от Симбирска до Тамбова. Активное движение разинцев разрасталось по всему Среднему Поволжью: «...многая шаткость учинилась в Саранску и в Лыскове, и на Курмыше, и в Темникове, и в Мурашкине...»¹⁰.

Московские власти еще до симбирских боев определили Саранск как сборный пункт войск, направляемых против Разина. По указу царя от 22 июня 1670 года предписывалось: «На государевой службе быть в Саранску кравчему и воеводам князю Петру Семеновичу Урусову с товарищи и

полком. А в полку с ним быть стряпчим и дворянам московским и жильцам, помещикам и вотчинникам муромским, нижегородским, арзамасским, алатырским, курмышским, саранским, темниковским, кадомским, шатским, да городовым дворянам и детям боярским муромцам, нижегородцам, арзамасцам, мещерянам...»¹¹.

К августу 1670 года в Саранске сосредоточились большие силы правительственных войск, что на некоторое время задержало развитие восстания по сторожевой черте и помощь разницам, подступившим к Симбирску.

В конце августа правительственные войска из Саранска были двинуты против главных сил Разина: «...одна колонна под командованием воеводы Урусова направилась на Казань», а другая во главе с князем Юрием Борятинским — к Симбирску¹².

В начале октября 1670 года Разин под напором превосходящих сил правительственных войск был вынужден отступить из-под Симбирска к югу. Но движение в Среднем Поволжье не прекратилось. Сподвижники Разина смело и настойчиво продолжали его дело. Образовывались новые очаги восстания.

Еще во время боев под Симбирском 18 сентября разинцы взяли Атемар. Напуганный движением по сторожевой черте, ниже-ломовский воевода А. Пекин в отписке тамбовскому воеводе Я. Хитрово сообщал: «Атемарцы де служилые и всяких чинов жилецкие люди великому государю изменили и город Атемар сдали сентября в 18-м числе и голову Михаила Кункина и племянника его отдали и их казнили. Да сентября ж в 19 день Инсарской острог (Инсарский острог теперь поселок Посоп. — *И. В.*) голова с служилыми людьми сдал вору Стеньке Разину и его присыльщикам. И Атемарского и Инзерского острогов служилые и уездные служилые ж и всяких чинов люди, татаровя и мордва и помещиковы крестьяне разных городов великому государю изменили и с теми воровскими людьми вместе к Саранску городу приступали сентября в 19-м числе с утра до вечера, и Саранск де взяли того ж числа. А чаеть де им из Саранска итти по черте на Шишкеевский острог и на Инсару и в иные государевы города, которые по черте стоят...»¹³.

Саранский воевода Матвей Вельяминов пытался удержать город. Он оказал сопротивление. Дважды повстанцы штурмовали крепость и были отбиты. После двухчасовой перегруппировки сил они повели двухстороннюю атаку с восточной и северной сторон, где подступы были удобнее. К этому времени в гарнизоне крепости усилилось брожение. Саранские стрельцы по примеру атемарцев присоединились к разницам и впустили их в город¹⁴.

Саранские стрельцы были самой малоземельной группой служилых людей города. Они и раньше не раз выражали неудовлетворение службой. К тому же среди них был довольно грамотный человек Василий Кудрявцев (он же Дьявольков), который имел личные связи с Разиным, а некоторое время был у него секретарем и писал от его имени так называемые прелестные письма¹⁵, распространявшиеся в народе.

Вступив в город, повстанцы казнили воеводу и его помощников «жилецких людей», освободили заключенных из тюрьмы¹⁶. С этого времени Саранск становится крупным очагом восстания, чему способствовали большие гужевые тракты, сходящиеся в городе, значительные запасы вооружения крепости, взятые разинцами, и активная поддержка движения русскими и мордовскими крестьянами уезда.

Во главе движения саранцев стоял донской казак атаман Михаил Харитонов. Будучи правой рукой Разина, он воспринял от него приемы борьбы. Он собрал в Саранске большие силы повстанцев, создал «казачий круг», на который возложил обязанности административного управления городом, образовал военный штаб во главе со своим помощником Яковом Никитинским, мобилизовал саранских кузнецов, которые «денно и ночью» изготавливали холодное оружие и ремонтировали пушки, привозимые повстанцами из ближайших крепостей. По договоренности с казачьим кругом Харитонов назначал атаманов и есаулов, направляя их с отрядами для борьбы против правительственных войск, выезжал сам к местам боев, казнил помещиков и царских чиновников, посылал агитаторов в села и деревни¹⁷.

Так, из Саранска в северо-западные районы Мордовии был направлен освобожденный из тюрьмы и назначенный атаманом Федор Сидоров, который по дороге набрал отряд и взял Темников; там Федор Сидоров соединился с отрядом старицы Алены.

По Московской дороге к Арзамасу из Саранска был направлен отряд «русских людей и татар и мордвы шесть тысяч человек, да с ними ж с Атемара и из Саранска пять пушек». Этот отряд возглавил атемарский казак Тимофей Белорус, назначенный атаманом. Пушки обслуживали саранские пушкар¹⁸. Отряд вел ожесточенные бои с правительственными войсками в районе сел Мамлеево и Поя под Арзамасом.

Особенно упорные бои с правительственными войсками проходили по Казанской дороге в районе сел Тургенево и Баево под Ардаатовом.

Двадцатитысячный отряд разинцев в этих боях возглавляли атаманы «из Саранска донской казак Алешка Савельев,

да Мурзакайко, да Янко Микитинский»¹⁹. Царским воеводам пришлось выдвинуть против повстанцев этого отряда не один полк правительственных войск.

Посланцы Харитонова из Саранска вели бои и под Краснослободском. Харитонов поддерживал связи с повстанцами города Инсара, которые направляли в Саранск своих людей для участия в боях против правительственных войск. В Инсаре действовал назначенный атаманом посадский человек Алексей Скоробогатов.

Три месяца в Саранске клокотала бурная жизнь казачьей вольницы. Угнетенные самодержавным произволом, местные люди (русские, мордва и татары) единым фронтом сражались за волю. Русские, мордовские и татарские помещики преследовались нещадно. Повстанцы уничтожали писцовые и купчие книги на землю. Царские воеводы доносили в Москву, что «Саранск и Саранская черта зело воюют»²⁰.

16 декабря 1670 года правительственные войска вошли в Саранск. В этот же день пали и соседние крепости — Атемар и Инзерский острог (городок Петровский, т. е. Посоп)²¹.

Большой кровью обагрились места сражений. Сотни бесстрашных бойцов за волю погибли от руки карателей. Мордовский атаман из деревни Шугурово Пашатка Елушев был повешен в Саранске; мордовский атаман Мурза Акайко из деревни Костяшево был приведен в Саранск, а потом отправлен в ставку правительственных войск — в Краснослободск и там казнен четвертованием; атаман старица Алена, уроженка села Выездная Слобода Арзамасского уезда, была сожжена на костре в срубе в Темникове²²; там же казнен и саранский сиделец атаман Федор Сидоров²³.

Василию Кудрявцеву — секретарю Разина — удалось бежать, но и он был впоследствии пойман и закован в железные цепи²⁴.

Михаил Харитонов, отступив из Саранска, взял Пензу, а потом продолжал продвигаться в районах Нижнего Ломова и Керенска. Во время попытки прорваться к Арзамасу он был взят в плен и казнен²⁵.

Разин и его сподвижники — герои крестьянского восстания — воспеты в песнях народных. А. С. Пушкин называл Степана Разина поэтическим лицом русской истории.

В мордовском устном народном творчестве образ Степана Разина наделен чертами легендарного героя-богатыря, которого не могут сокрушить царские сатрапы. Героя не могут поразить пули: для него они словно желуди. Он не тонет в большой реке: «нападут на него — он скроется в воде, потом вынырнет невредимым»²⁶.

Народная память обессмертила героя. Разинское движение пробуждало мысли о высоком достоинстве человека.

ЯРМАРОЧНЫЙ ТОРГ

Ярмарочные гостинные дворы долго были важными центрами экономической и культурной жизни старой России.

Русская ярмарка была и праздником народным, и миру свиданием, и торгом великим.

Сельский житель, выезжая в город на ярмарку, надевал свой лучший наряд, а его жена или дочь вплетала в гриву лошади разноцветные яркие ленты, сосед поздравлял соседа с ярмаркой широкой.

И была она действительно по-русски широкой, с каруселями, цирковыми балаганами, с палатками, в которых подавали оладьи с пылу-жару.

В западных странах, где рано возникли постоянно действующие торговые центры, годовые ярмарочные съезды не имели столь широкого размаха. В России же разбросанность населения, слабое развитие местной промышленности обуславливали необходимость ехать за десятки, а нередко и за сотни верст, чтобы запастись на год предметами домашнего обихода.

Стоимиллионная Нижегородская Макарьевская ярмарка именовалась всемирным торжищем. Она была колоссальным центром обмена товарами между западом и востоком, югом и севером. Ирбитская, Курская, Полтавская ярмарки широко были известны в западных и восточных странах. А между этими торговыми центрами действовали десятки других крупных и сотни малых ярмарок.

Саранская ярмарка не была столь знаменитой, как Макарьевская или Курская, но она всегда значилась в списках крупных торгов Среднего Поволжья. Великие гужевые тракты, перекрещивавшиеся в Саранске, добротные черномоземы искони способствовали ее развитию, а изделия

мордовского крестьянства придавали ей своеобразный колорит.

Благодаря удобному географическому расположению Саранская спасская ярмарка являлась значительным промежуточным звеном русской торговли на пути от Макария к Курску и донским станицам.

На гостином ярмарочном дворе Саранска во времена наиболее оживленной торговли располагалось до четырехсот лавок и магазинов. Во второй половине XVII века и первой XVIII в городе существовала таможенная контора, возглавляемая головой с целовальниками и площадными подьячими. Нередко на Саранской ярмарке бывали персидские и иных стран торговые люди.

Краевед-любитель Г. П. Петерсон, пользовавшийся старинными архивами Саранского полицейского управления, указывает: «Через Саранск... сообщалось с Москвою все Поволжье от Казани и Симбирска до Царицына и Астрахани... Через него пролегал путь из Персии в Москву... В царствование Анны Ивановны и Елизаветы Петровны проследовали через Саранск персидское и бухарское посольства и по расписанию имели в Саранске дневки... Доставлялись через Саранск к высочайшему двору из Персии и Кавказа фрукты и вина, с Урала и Каспийского моря рыбные припасы...»¹.

О Саранской ярмарке сохранились и свидетельства русских писателей.

Поэт И. М. Долгорукий, посетивший Мордовию в 1813 году, писал: «Между Макарьевской и Саранской ярманок тотчас откроется разница. Та для одних торговых расчетов, другая почти вся для удовольствия; лавки сдаются в наймы городом и расположены все в кучке, среди площади, так точно, как ряды в Москве, поелику она гораздо меньше всех важных ярманок в государстве, следовательно, все приезжие ежечасно вместе, когда они гуляют по лавкам. К счастью нашему, погода была в то время прекрасная, что, однако же, по замечанию старожил тамошних, не всегда встречается, и это-то, может быть, привлекло сюда все дворянство Пензенской губернии. Целый день почти все толкуются в лавках, особливо женщины. Не надобно воображать, чтобы товаров или купцов было мало. Совсем нет: вы в Саранске найдете купить все то же, что и в Курске, и у Макария, только в меньшем числе, цены иногда дешевле, и тут выгоднее запастись можно, чем в другом месте, всем нужным. Между рукоделиями российскими вы увидите тут с стеклянного Бахметьевского завода (теперь Николо-Пестровский. — *И. В.*) такой хрусталь, какого, кроме Англии, нигде достать нельзя. Стекло превосходно во всех отношениях: и масса его, и рисунки, и отделка равно прелестны...»².

Разумеется, саранская ярмарка служила не только потребностям дворян, как это казалось поэту-князю, она имела большое экономическое значение для жизни всего края.

Неизвестно, когда возникла саранская ярмарка, но в семидесятые годы XVII столетия она уже была заметным явлением. Н. И. Костомаров, описывая разинское время, указывает, что в Саранском кремле «прямо против воеводского двора, возле собора, был гостиный двор с лавками, но в нем не торговали, исключая годичной ярмарки; зато туда купцы могли свозить товары из посада, если б оказалось опасно оставаться им на обычном месте»³.

Старинные ярмарочные торги образовывались преимущественно у монастырей, которым правительство давало право взимать пошлинные сборы с продажи и купли товаров. Нижегородская ярмарка, например, возникла у стен монастыря Макария Желтоводского (потому и именовалась она Макарьевской). В первые годы строительства Саранска пошлинные сборы с торговли в городе взимал Ильинский монастырь, стоявший рядом с кремлем.

Но некоторые ярмарки приурочивались к престольным праздникам одной из церквей города. Саранская ярмарка открывалась 16 августа в день «спаса нерукотворного», престол которого был в главной церкви города — Спасском соборе, поэтому и ярмарка именовалась Спасской.

Немного документальных данных сохранилось о торговле в понизовых городах России XVII столетия. По Саранску найдено две таможенных книги 1678 — 79 и 1691 — 92 годов. Первая еще не опубликована: в нашем распоряжении находится ее копия⁴. Вторая опубликована Мордовским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы в 1951 году⁵.

К сожалению, до сих пор не появилось в печати таможенных книг ни одного из других городов Среднего Поволжья, поэтому трудно сопоставлять торговые обороты саранского рынка с оборотами ближайших городов. Не менее трудно также проследить и участие саранских торговых людей на других рынках. О торговых связях Саранска пока можно лишь судить по участию соседних и отдаленных городов на местном рынке.

Саранский торг образовался в то время, когда, как указывает В. И. Ленин, начал складываться единый всероссийский рынок, который был обусловлен усиливающимся товарным обменом между областями и слиянием отдельных земель в едином государстве. «„Рынок“, — писал В. И. Ленин, — является там и постольку, где и постольку является общественное разделение труда и товарное производство»⁶.

Саранская таможенная книга 1678 — 79 годов показывает, что в молодом городе, населенном преимущественно пахотными солдатами, появляются уже посадские люди, занятые ремеслами. В книге встречаются саранские люди с прозвищами: Кожевник, Красильник, Сапожник, Котельник, Калачник, Шапочник, Плотник, Мясник. Впоследствии от этих прозвищ произошли фамилии, распространенные в городе (Шапошниковы, Калашниковы и другие). В городе появилась небольшая государственная промышленность: две винокурни, поварня по выработке пива, две водяные мельницы на реках Инсаре и Тавле.

В книге встречаются и некоторые данные о работных людях. Так, например, на двух винокурнях были заняты один винокур и одиннадцать работников. Винокур получал жалованья 1 рубль 20 копеек в месяц, винокурные работники — по 65 копеек (при стоимости пуда ржи 3,5 копейки, соли 10 копеек, овса 2 копейки, меда 50 копеек, воза сена 5 копеек, дров 2 — 3 копейки, на 1 копейку можно было купить 5 сальных свечей или жестяное ведро, телега и хомут стоили 25 копеек, кожа сырая яловичная 25 копеек, шуба баранья добротная 60 копеек).

Уже тогда казенное винокурение было крупной статьей дохода государства. Себестоимость, которая именовалась в то время истиной, по хлебному вину не превышала 17 копеек ведро, продавалось же оно по 80 копеек, себестоимость ведра пива составляла 3 копейки, продажная цена — 8, меда-напитка — 8 копеек, в продаже — 14.

Единой государственной цены на вино, как и на пиво и на мед, не существовало. Хлебное вино, например, продавалось и по 60 и по 48 копеек за ведро.

С саранских винокурен доставлялись вино, пиво и мед на торжки в Атемар, Инзерский острог, Шишкеево, Новую Пятину-Аморду (теперь с. Пятина Ромодановского района), Архангельское (теперь с. Архангельское Голицино Рузаевского района).

В Саранске и Атемаре существовали кружечные дворы с пьющими избами, где шла торговля вином, пивом, медом. Пьющие избы были и в Инзерском остроге, и в Шишкеево, и в Пятине, и в Архангельском. Винную торговлю вели казенные приказчики, которые тогда именовались целовальниками. Разрешалось производить спиртные напитки и частным лицам — посадским и крестьянам, за что они облагались крупными государственными пошлинами.

Государево вино использовалось и как своего рода подарок служилым людям. В день именин царя с кружечного двора отпускалось саранским казакам, стрельцам и пушкарям как жалованье 4 ведра хлебного вина, инзерским и

атемарским стрельцам и казакам — по ведру, а в день поминания усопших полтрети ведра хлебного вина бесплатно отпущалось саранскому протопопу с братьею.

В первые десятилетия саранский рынок нес отпечаток натуральности экономической жизни края, что соответствовало гербу города (лисица и три стрелы). По данным таможенной книги 1678 — 79 года, Саранск торговал преимущественно товарами охоты, медом диких и домашних пчел и лошадьми. Учтен значительный привоз сырых шкурок лисицы, куницы, белки, зайца. Водились в то время в наших местах горностаи, норки и барсуки. Шкуры домашних животных продавались также в сыром виде, но вывозились на рынок и выделанные местными кожевниками, однако в небольших количествах.

Товарность хлебных продуктов была в то время еще невысокой. Рожь и овес скупались преимущественно для местного производства вина и пива, и только небольшие партии этих хлебов шли за пределы города.

Саранский рынок, развивший впоследствии большую конную торговлю, уже в то время стягивал людей для продажи лошадей из Казанского, Свияжского, Ядринского, Арзамасского, Алатырского и других уездов. Продавались же с саранского рынка лошади в Саратов, Пензу, Симбирск, Муром, Кинешму, Курмыш, Кадом, Торопу и другие города. Стоимость лошади на саранском рынке колебалась от 1 до 8 рублей.

Общий оборот саранского рынка по зарегистрированным актам купли и продажи составил в 1678 — 79 хозяйственном году сумму 8 212 рублей, кроме того, торговля винными изделиями — 1 830 рублей, а всего 10 042 рубля, или в переводе на цены 1913 года около 200 тысяч рублей. Для XVII столетия это немалая сумма.

Торговые связи Саранска того времени определялись направлением гужевых трактов и экономикой края. В деятельности саранского рынка принимали участие москвичи, саратовцы, астраханцы, казанцы, нижегородцы, торговые люди из Переяславля-Залесского, Рыбной слободы, Кинешмы, Суздаля, Арзамаса, Выездной слободы, алатырцы, пензенцы, темниковцы, краснослободцы, кадомцы, инсарцы и другие.

Наиболее крупным было участие в саранском рынке торговых людей Переяславля-Залесского и Рыбной слободы (теперь Рыбинск). В таможенной книге отмечено, что они 22 декабря 1678 года закупили в Саранске «меду и воску и вошины на 700 рублей». На такую же сумму они закупили «меду и воску и вошины» 12 января 1679 года. 24 января того же года их закупки в Саранске составили сумму 1 600 рублей. На эту сумму были куплены большая партия «меду и воску и вошины, да 223 лисицы, 195 куниц, 35 горностаев,

13 норок, 75 заечин, 5 барсуков, 34 лапы лисьих, 120 кож яловичных». 27 января 1679 года они же закупили в Саранске «200 пудов меду да воску чистого» на 300 рублей. Суммы закупок переяславцев и рыбинцев составляют около половины торгового оборота саранского рынка.

Рыбная слобода в то время была уже крупным перевалочным пунктом на Волге; оттуда товары шли к архангельскому порту и за границу. Имея крупные капиталы, переяславцы и рыбинцы доставляли к Архангельску большие партии пушнины, меда и воска, закупленные на рынках России. Через переяславцев и рыбинцев саранский торг был связан с заграничным рынком.

Помногу товаров закупали в Саранске и арзамасцы. Так, например, арзамасский посадский человек Тимофей Клоков 22 ноября 1678 года купил в Саранске 80 пудов меда.

Большие партии пушнины шли с саранского рынка и в Москву. Только в один день 14 декабря 1678 года купец суконной сотни Матвей Борин закупил в Саранске «270 лисиц, 500 белок, 30 куниц, 10 норок» на сумму в 200 рублей.

Таможенная книга 1678 — 79 года показывает, что около двух третей оборота саранского рынка падало тогда на долю торговли со старинными городами центра России, и сам саранский рынок срастался с единым рынком общероссийским.

Данные таможенной книги показывают и усиление связей национальных. В деятельности саранского рынка принимали участие не только русские люди, но и татары Казанского и Свияжского уездов, а равно и местные, черемисы из Ядринского уезда, черкашенины из Торопы.

Довольно значительным было участие мордовского населения в деятельности саранского рынка. Из 375 лиц, персонально зарегистрированных в таможенной книге, 55 мордвинов, причем мордва не только были продавцами лошадей, продуктов охоты, бортничества и земледелия, но и вели перекупный торг, хотя и не в больших объемах.

В самом Саранске купцов с крупными капиталами в то время еще не было, но эти капиталы уже складывались, и участие местных посадских людей в деятельности саранского рынка было уже значительным. Так, например, 2 июля 1679 года саранский посадский человек Федор Клоков доставил из Симбирска на местный рынок 500 пудов соли на сумму 40 рублей, а 21 августа того же года другой саранский посадский человек Иван Шапошник вывез на рынок городских товаров на 200 рублей: «40 аршин тафты, 5 аршин камок, 5 косяков бумази, 36 коробков сочков, 10 связок наперстков, 3 юфти бобров, 3 пуда краски крутика,

6 половинок сукон амбурских (гамбургских), 3 пуда 25 фунт ягод, 28 стоп бумаги, бочку железа белого».

Наиболее оживленно торговля на саранском рынке проходила в декабре и январе при удобном санном пути и в августе в ярмарочное время. В ярмарочное время торговля в Саранске в сравнении с предыдущими весенними и летними месяцами увеличивалась в три-четыре раза, преимущественно за счет привоза и продажи городских товаров.

Таможенная книга 1678 — 79 года показывает, что еще во второй половине XVII столетия в Саранске сложился довольно значительный рыночный торг, стягивавший продукты местного производства с большой территории и имевший разветвленные связи с крупными торговыми центрами России. На территории наиболее компактного расселения мордвы того времени Саранск в экономическом отношении занял центральное положение.

К концу XVII столетия товарность саранского рынка возросла за счет вывоза продуктов земледелия и скотоводства. В 1691 — 1692 хозяйственном году вывезено: ржи 24 453 пуда, овса 9 072 пуда, рогатого скота 404 головы, свиных туш 215, кож 1 455 штук⁷.

Вывоз продуктов бортнического промысла намного уменьшился. В 1678 — 79 хозяйственном году с саранского рынка было вывезено меда около 4 500 пудов, воска и вошины около 350 пудов. В 1691 — 92 хозяйственном году было вывезено меда всего лишь 530 пудов, т. е. в 8 раз меньше.

Рост населения в крае и развитие товарно-денежных отношений обусловили увеличение потребности меда на месте. Однако сопоставление данных о вывозе меда в 1678 — 79 и 1691 — 92 гг. свидетельствует о резком падении бортнического промысла в Мордовии в последней четверти XVII столетия. Леса стали вырубаться, дикие поля, покрытые лугом, распахиваться; шум топора, появление домашнего скота в лесах нарушали их девственность, медоносность диких пчел уменьшалась. К тому же увеличивающаяся емкость рынка создавала ажиотаж в бортническом промысле, а это в свою очередь пагубно сказывалось на продуктивности лесного медосбора.

Охотничий промысел пока еще не обнаруживал подобного падения. Пушной зверь находил еще приют в глубинах лесных чащ.

В 1678 — 79 хозяйственном году с саранского рынка было вывезено 1 580 шкурок, в 1691 — 92 — 3 744, т. е. больше, чем в два раза. Однако рост вывоза шкурок не был следствием умножения пушного зверя в местных лесах. Усиление товарно-денежных отношений обусловило повышенный

интерес к охоте, что скоро, уже в начале XVIII столетия, привело к резкому уменьшению поголовья пушного зверя и полному уничтожению некоторых пород, обитавших ранее в лесах Мордовии.

Общий денежный оборот саранского рынка к концу XVII столетия возрос почти в 1,5 раза в сравнении с оборотами 70-х годов того же столетия. В 1691 — 92 хозяйственном году он составил 14 384 рубля. Цены на некоторые товары понизились. Рожь, например, продавалась по $1\frac{2}{3}$ копейки за пуд, что объясняется увеличением распашки «диких полей».

Развитие саранского рынка шло в это время за счет продуктов земледелия и животноводства, ремесла и привозных городских товаров. Расширился ассортимент сукон, кумачей, появились изделия из золота, меди, сахара, расширился набор москательных товаров, усилилась торговля выделанными кожами, мехами, изделиями керамики, галантерейными товарами.

Особенно значительно возросли ярмарочные августовские обороты Саранска. Они намного превысили обороты зимних месяцев — времени санного пути.

С развитием рыночных связей натуральность хозяйственного уклада края расплывалась, а товарно-денежные отношения становились определяющими, развивалось земледелие, ремесло, торговля.

К концу XVII столетия значительно расширились торговые связи Саранска с другими городами. На рынке Саранска чаще стали бывать москвичи, нижегородцы, вологодцы, владимирцы, муромцы, вязниковцы, вичугцы, суздальцы, юрьевчане.

Торговые люди Переяславля-Залесского, как и Рыбной слободы, по-прежнему участвуют в деятельности саранского рынка, но их начинают вытеснять муромцы и нижегородцы: муромцы монополизируют скупку пушнины, нижегородцы в больших количествах закупают сырье кож. Это свидетельствует о развитии кожевенно-меховых промыслов в сфере деятельности саранского рынка.

Рожь и овес вывозились преимущественно в города старой Руси, расположенные к северо-западу от Саранска: в Суздаль, Вязники, Муром, Нижний Новгород, где на малоурожайных землях ощущался уже недостаток местного хлеба. Саранский рынок становился для этих городов одним из постоянных поставщиков продуктов земледелия. Расположенный на старинных Московском и Нижегородском гужевых трактах, Саранск стал своего рода воротами, открывавшимися к новым тогда землям черноземных районов Среднего Поволжья.

В оборотах саранского рынка возрастает удельный вес торговли местных посадских людей до 20,4 процента, Арзамаса и его пригородной Выездной слободы — до 15,7 процента, Москвы — до 7,2 процента.

В первой половине XVIII столетия основными видами товаров на саранском рынке являются продукты полеводства, животноводства и изделия из дерева. В 1726 году было вывезено из Саранска в другие города хлебных товаров около 100 тысяч пудов.

В это же время около 50 тысяч пудов хлеба в год расходовалось на винокурение. В последующее время товарность хлебов саранской округи намного возросла.

Общий оборот саранского рынка ко второй четверти XVIII столетия вырос в сравнении с оборотами конца XVII века в два с лишним раза⁸.

С саранского рынка отправлялись в это время в другие города России продукты и товары местного производства: хлеб, мед, мясо, кожи, циновки, кули, ложки, а также рыба, доставляемая из приволжских и присурских мест.

В XVIII столетии увеличивалось количество торгов и торжков в саранской округе. Вместо семи их стало 12⁹.

В XVIII столетии в Саранске уже действует большая группа местного купечества. По данным первой ревизии (1723 г.), их было 605 мужских душ и приписанных к купечеству в цех 154; по данным второй ревизии (1747 г.) — 755 и приписанных к купечеству в цех 278¹⁰; в 1763 году (по третьей ревизии) купеческих мужских душ было 134, мещанских 753, цехов 298; в 1782 году (по четвертой ревизии) купеческих мужских душ — 206, мещанских 491, цехов 272¹¹; в 1795 году (по пятой ревизии) — купеческих мужских душ 542, мещанских 379, цехов 172¹².

Пахотных солдат (казаков, стрельцов и пушкарей) в 1723 году в Саранске было 1 405 мужских душ, в 1747 году — 1 715, в 1763 году — 1 768, в 1782 году — 1 854, в 1795 году — 1 944¹³.

По данным 1727 года, в Саранске, кроме домов купцов, цехов, пахотных солдат, было 4 дворянских дома, 43 помещичьих, 1 фискальский, 37 подьяческих, 43 священников, 21 бобыльский, 11 вдовьих, а всего 754 дома¹⁴.

Купечество, чиновники и священники в первой половине XVIII столетия имели дворовых людей. Так, например, у саранских купцов в 1723 году было 84 дворовых крестьянина, у чиновников — 135; в 1747 у купцов — 35, у чиновников — 104¹⁵.

Общее количество населения Саранска в XVIII столетии росло медленно: в 1723 г. — 5 600 человек, 1747 г. — 6 100, 1763 г. — 6 150, 1782 г. — 6 300, 1795 г. — 7 000, 1801 г. — 7 450¹⁶.

Анализ экономики и движения населения Саранска в XVIII столетии приводит к выводу, что в городе интенсивно росла торговля за счет притока продуктов сельского хозяйства, обусловленного усиленным заселением края и увеличением сельских товаро-производителей, а также за счет увеличения покупателей городских товаров. Ремесла же и промышленность росли медленно из-за того, что больше половины населения города были пахотными солдатами, привязанными к крепости, обремененными тяжелой военной службой. Приток сельского населения в город ограничивался усилившимся закрепощением крестьян помещиками.

Во второй половине XVII столетия дворяне саранского края получали землю преимущественно за военную службу и сами находились при военных крепостях; немногочисленные в то время крепостные или оброчные крестьяне, находясь на помещичьих землях, чувствовали себя сравнительно свободно. Они нередко выступали на рынке с продажей лошадей и продуктов земледелия, а некоторые вели и перекупной торг.

В XVIII столетии появилось немало помещиков, получивших земельные и луговые угодья по наследству и живших в имениях. Возрастали и потребности дворян. Это все обуславливало усиление эксплуатации крепостного крестьянства и привязывало его к земле.

Ясашные крестьяне саранского края, преимущественно мордва и татары, с петровских времен приписывались к корабельным лесам и поташным заводам, что также ограничивало возможности этой категории крестьянства заниматься ремеслом.

Царское правительство, напуганное разинским восстанием, около ста лет после него содержало в Саранске, как и в некоторых других городах Среднего Поволжья, военную крепость, хотя границы империи отделились на сотни верст. Саранская крепость, как и многие другие, построенные в XVII столетии, ветшала.

Еще в 1727 году обер-секретарь сената Иван Кириллов писал: «Саранск — город (крепость. — *И. В.*) рубленый, построен в 149 (1641) году, то токмо ныне от ветхости развалился»¹⁷, хотя за шесть лет до описания города И. Кирилловым в Саранск капитану Анненкову предписывалось: «...которые шанцы и рогатины и протчие крепости, где для защищения учинены оные в добром состоянии содержать и исподволь починивать и тебе по получении сего указа около города Саранска башни и остроги и рогатки и прочее осмотреть худые места и отписать и сметать, сколько на тое починку надобно какого лесу мерою и в отрубе толщиною...»¹⁸.

Наглядную картину обветшалой Саранской крепости (города-кремля) являет сохранившееся в Московском архиве древних актов описание ее от 1745 года.

«Саранск — город рубленой с тарасинами. Семь башен ветхие. На одной башне, которая называется Спасской, сначала вход в Кремль, на левой стороне городовая стена упала, и то место загорожено из упалого лесу. В середине города башня, которая называется Никольской, на правой стороне стена упала, и то место загорожено из упалого лесу. Городовых ворот ключи. Кадцелярия бревенная сосновая четверня из которых одна, где подушный сбор имеется. В судейской канцелярии в киоте два образа. Образ пресвятыя богородицы владимирские в окладе серебряном. Образ угодника божия Николая Можайского в окладе серебряном злащенной. Перед судейским местом обито сукном красным. На судейском столе сукно красное новое. Для содержания колодников и на прочие нужнейшие потребы семеро железных ножных, пять чепей (цепей. — *И. В.*) шейных, шесть чепей с колодками.

В городе ж двор государев, где живут воеводы. Шесть светлиц. В них печи — в двух израчатные, а в двух кирпичные. Во оных светлицах окошчан восемь ветхие слюдные, да в одной светлице дверей и полу не имеется. В крестовой горнице образ распятия господня. На верху тех светлиц светлица ж с комнатою ветхая. При вышеписанных светлицах сени некрытые. Три избы черные, при одной анбар да два чулана. Во оных избах полов и лавок не имеется. Два кладовые анбара. Кухня, баня людская, ледник. Над тем ледником анбар бревенной. Конюшня со стойлы. Два сарая ветхих плетневых. В городе близ городской стены сарай, где стоят пушки. В городе всяких артиллерских припасов, а какие, значится ниже.

Звание материалов. Пушка большая медная одна. Пять пушек малых чугунных. Свинцу 33 пуда 15 фунт. Ядер больших по пяти фунт половиной 106, двуфунтовых с половиной 31, двуфунтовых 90, трехфунтовых 200, двуфунтовых с четвертью 215, фунтовых 103, картечи железные 50, фузен драгунских расстрелянные 139, солдатских расстрелянные 70, ружей фетильных 11, ружей с винтовочными запалами 11, расстрелянных стволов 8, караульных железных на чепях фонарей 3, контор железной с гирею, штыков фузейных 10, сажень железная трехаршинная, тавро железное, прутзанов на древах 5, черкасских луков 6 негодных, стрел 84, пистолей негодных 1, вертлуг железной, седло немецкое 1 негодное. Патронных лядунок негодных 450, железных багров на древах сосновых 2, вилы 1.

В городе казенные четыре анбара, в которых кладется провиант, ветхие. Изба тюремная, в которой содержатся колодники. Изба караульная у Спасских ворот...»¹⁹.

К восьмидесятым годам XVIII столетия Саранская крепость разрушилась совершенно, оставались лишь ее земляные основания, да и те в некоторых местах деформировались.

Содержание военной крепости в Саранске на протяжении 140 лет значительно сдерживало развитие ремесел и промышленности в городе. Академик П. С. Паллас, посетивший в 1768 году Мордовию, отметил высокую урожайность полей края, указав, что в промышленном отношении Саранск «место не знатное», в нем, «кроме немногих ремесленных и торговых людей, живут пахаряи, женщины красят шерстяную материю всякими домашними травами...»²⁰.

Саранские купцы и цехи в первой половине XVIII столетия содержали небольшие кожевенные дворы и кузницы. В городских промышленных заведениях купцы пользовались не только наемной силой, но и трудом крепостных. В уезде, по данным 1737 года, было 10 винокуренных заводов, принадлежавших саранским посадским людям и другим владельцам. Водка с этих заводов доставлялась на кружечные дворы в Саранск, Нижний Новгород, Арзамас, Починки и Алатырь. В селах уезда в больших количествах вырабатывались кули и циновки рогожные, а также деревянные ложки²¹. В третьей четверти XVIII столетия применение крепостного труда в купеческих заведениях Саранска не установлено.

Значительное развитие ремесел и промышленности наблюдается в Саранске в последней четверти XVIII столетия. Во время генерального межевания (1782 — 89 гг.) в городе действовало 6 кожевенных и 5 мыловаренных заводов²². Для того времени это немало.

В описании Пензенского наместничества (80-е гг. XVIII в.) указывается, что выделанные в Саранске «кожи и мыло отвозятся в Репнинскую, Лебедянскую и Хрещенскую ярмарки, сумма же всех отпускаемых товаров простирается до 25 тысяч рублей, сверх сего в городе имеются разные художества: серебряное, медное, кузнечное, столярное, кирпичное и плотничное и ремесла, как-то: портное, крашенниное, оконичное, чеботарное и руковичное и промыслы разными харчевыми припасами»²³.

В конце XVIII и начале XIX столетий кожевенное и мыловаренное производства в России получают значительное развитие. Растут эти отрасли промышленности и в Саранске.

В 1794 году в городе было 43 кожевенных и 8 мыловаренных заведений.

Первые обработали 23 450 кож на сумму 27 тыс. рублей, вторые выработали 10 350 пудов мыла²⁴.

В 1807 году в Саранске действовало 15 мыловаренных и 45 кожевенных заводов²⁵. Кроме того, было 16 солодовенных заводов и 50 градских кузниц²⁶.

К концу первой четверти XIX столетия, как это видно из статистического описания Саранска от 1822 года, с кожевенных заводов города отправлялось продукции на сумму до 100 тыс. рублей. На кожевенных заводах было наемных рабочих до 100 человек. Кожевенные товары вывозились из Саранска «в столичный город Москву, на ярмарки: Макарьевскую, Лебедянскую, Симбирскую, Корсунскую, Пензенскую, Ломовскую»²⁷.

По этим же данным оборот Саранской спасской ярмарки к концу первой четверти XIX столетия достиг суммы более миллиона рублей. На ярмарочном дворе было построено 352 лавки. Как указывает статистик, на Саранской ярмарке «купцы бывают из Москвы, Тулы, Курска, Тамбова, Саратова, Пензы, Ярославля, Арзамаса; торгуют сукнами, казимирами суровскими; панскими товарами золотыми; серебряными, медными и железными вещами; фарфоровую, каменную, фаянсовую, хрустальной, стеклянную и деревянную посудами; скотом рогатым и лошадьми; разными виноградными винами; мелочным лавочным товаром и фруктами... Торговых базарных дней в неделю два — среда и суббота, торг бывает хлебом, мясами, скотиною рогатою и мелкою, коровьим и конопляным маслами, салом, кожами, овчинами деланными и неделанными, лесом строевым, пильным тесом, дровами, сеном и соломою и всяким крестьянским изделием...»²⁸.

Ставшая миллионной, саранская ярмарка считалась одной из крупных в России того времени. На нее пригонялись лошади и рогатый скот из Саратовской и других губерний, а по кожевенному производству Саранск был в числе главнейших пунктов этой промышленности, хотя заводы были с примитивным оборудованием и с малым количеством рабочих: от 2 до 10.

Оживление экономической жизни Саранска в последней четверти XVIII столетия и первой XIX явилось следствием постепенного превращения его из военного пункта в торгово-промышленный. Крепость была закрыта, многие крестьяне края были отписаны от монастырей, корабельных лесов и поташных заводов, не стали посылаться люди в Санкт-Петербург к городовому делу. В Саранск усилился приток ясашных людей, а также откупившихся от помещиков. Эти люди пополняли мещанское сословие и заводили ремесла.

К концу XVIII столетия территория Саранска значительно расширилась: с северо-восточной стороны к городу примыкал форштадт²⁹ — предместье, застроенное кожевнями и мыловаренными заводами, с северо-запада улицы новой

слободы под названием «Бутырки», заселенной людьми из разных слобод и деревень, т. е. перемешанным, «перебутыренным» населением. Слобода «Бутырки» примыкала к территории бывшей стрелецкой слободы. На грани их стояла Сошественская церковь. Это там, где теперь трехэтажный жилой дом по улице Большевицкой напротив Центральной библиотеки имени А. С. Пушкина. Местное название «Бутырки» сохранилось до наших дней.

Способствовало экономическому и культурному росту Саранска и развитие в стране сети больших почтовых государственных трактов. В 1751 году сенатским указом было повелено учредить почтовые станы от Москвы до Саратова через город Муром. Этот тракт прошел через Саранск и Пензу³⁰. На каждом почтовом стане было по 4 лошади, до Саранска — ямские, от Саранска до Саратова — уездные³¹. В 1783 году был открыт почтовый тракт из Нижнего Новгорода на Пензу³², который также прошел через Саранск.

На примере Саранска, как и многих других городов, видно, что складывающиеся капиталистические отношения в стране в конце XVIII и начале XIX столетий распатывали старые феодальные порядки. Владельцами кожевенных и иных заводов Саранска были преимущественно купцы и мещане, а рабочая сила преобладала вольнонаемная, хотя дворянство еще жестоко эксплуатировало крестьян и работных людей на посессионных фабриках. Не менее жестокой была эксплуатация и на купеческих фабриках и заводах. Рабочий день, например, у саранского купца Майорова (Коровина) на кожевенном заводе длился 16 часов, а жалованье высококвалифицированному мастеру выплачивалось по 5 рублей в месяц. Саранские старожилы 20-х годов нашего столетия помнили еще древних согбенных и истощенных старцев, работавших у Майорова по 30 — 40 лет и завещавших детям и внукам не идти на кожемятню саранских купцов.

ПУГАЧЕВСКИЕ МЕСТА

Просматривая местные архивы времен Пугачева, можно заметить, что метрические книги многих церквей тех лет не сохранились. Исчезли важные свидетельства событий. Книги, в которых записывались умершие, могли бы дать статистику казненных пугачевцами дворян, купцов, чиновников и духовенства.

Правителям тогдашней России это было невыгодно. Они страшились не только живого, но и мертвого, обезглавленного Пугачева.

Боясь, как бы потомок не прочитал многочисленные архивные пометы и не воссоздал потрясающую картину кровавой мести, правительство Екатерины II искусно заметало следы, уничтожая память о народном возмущении.

Одновременно с этим чиновники и духовенство распространяли по приказу из Петербурга официальную версию о «зловредном бунтовщике» и безуспешно.

Мы еще застали в Саранске старожилов, которые без содрогания не могли произносить имя народного мстителя. Они именовали его «разбойником Емелькой Пугачевым».

Но в народной памяти саранцев, как и всей России, неистребимо жила и другая версия, которая представляла Емельяна Пугачева народным заступником, жалевшим бедных людей и нещадно каравшим их притеснителей. Так, до нашего времени дошло предание о казни жены саранского воеводы по жалобе ее же дворовой крестьянки-птичницы.

Любовно и с гордостью рассказывают многие старожилы о сохранившейся до наших дней в Саранске «Палатке Пугачевской» — небольшом каменном домике с решетчатыми окнами и железным крыльцом. В эту «Палатку» вставшие люди бросали арестованных за злодеяния дворян

и чиновников, а с железного крыльца Пугачев давал распоряжения о казни¹.

Пугачев оставил жгучий след в сознании многих поколений. Образ мстителя народного не был забыт и в начале XIX столетия, когда саранские ополченцы выступили против жестоких крепостнических порядков уездных властей. А разве красный петух, прошедший по помещичьим имениям в начале нашего столетия, не подбадривался пугачевщиной?! В это время уже были новые лозунги, новые идеалы, новые формы борьбы против помещичьей эксплуатации. Но память народная живуча. Новое не рождается без связи с прошедшим.

Саранск был одним из многих очагов пугачевского восстания, бурной волной разливавшегося и бушевавшего в Поволжье и Приуралье.

Современник событий — елатомский купец Афанасий Болотин писал: «...И как в Саранске оная штурма производилась, то со всех жительство черный народ, своих господ лоя, возил в Саранск для смертной казни...».

Подполковник И. Михельсон доносил генерал-аншефу П. Панину: «...Силы злодея с набранными дворовыми людьми... во время его прибытия в Саранск состояли в восьми стах человек, а при выступлении из Саранска их стало до полуторы тысяч человек»².

В Мордовии, как и во всем Поволжье, Пугачев встретил большую поддержку трудового люда. В этом крае помещичья эксплуатация, произвол чиновников усугублялись национальным угнетением. Вот почему восстание здесь было особенно массовым.

Секунд-майор граф Меллин 2 августа 1774 года сообщал из Саранска генерал-поручику князю Щербатову: «Удивительно мне, что не токмо крестьяне, но и священники, монашеские и архимандритские чины делают всему государству возмущение, возмущая чувственный и нечувственный народ тем, помяная в небытность уже его изменника злодейское варварское имя в службе божией при литургиях и молебнах, которое уже святейшим синодом анафеме проклято: учинено в городе Саранске архимандритом Александром. В прибытие же злодея в Саранск архимандритом, монахами и священниками, купечеством и инвалидной командой, при которой был прапорщик Михаила Шехмаметев, он встречен...»³.

Разумеется, большая часть духовенства и купечества встречала Пугачева с почестями из-за страха, боясь народного возмущения, а не из-за добрых чувств.

Сила народного движения была столь внушительна, что она приводила в трепет местных правителей. Нижегородский

губернатор генерал-поручик А. Ступишин рапортовал вышестоящему начальству: «...Теперь нет более моих сил ни возможностей вспомоществовать ни Инзаре, ни Саранску, но уже начинаю опасаться, дабы и Арзамас с Алатырем по смежности еще не претерпел...»⁴.

Местная знать оказалась беспомощной. «В Саранске, — доносил Михельсон, — ни один дворянин не думал о своей обороне, а все, как овцы, разбежались по лесам...»⁵.

Пугачев двигался к Саранску из Алатыря по Казанской дороге. 26 июля 1774 года его посланцы Федор Чумаков с 30 казаками, не встретив сопротивления, вступили в город и передали в воеводское правление его указ:

«...Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Государственной военной коллегии находящемуся в городе Саранском воеводе с присутствующими и мирскими людьми.

По указу Его императорского величества и по определению Государственной военной Коллегии велено послать, каков и посылается, сей указ с таковым повелением: что как ныне Его императорское величество всемилостивейший государь Петр Федорович с победоносной армией шествовать соизволит через написанный город Саранск для принятия всероссийского престола в царствующий град Москву, того ради к прибытию его величества с армией, приготовить, во-первых, под артиллерию двенадцать пар наилучших лошадей и для следующего казачьего войска хлебных и съестных припасов, а для коней фуража: овса и сена и прочего, что принадлежит, дабы им в чем недостатка впоследствии не могло. По исправлению ж сего шествию его величества с армиею учинить по должности пристойное встречу с надежащею церемониею так, как долг присяги и подданства повелевает, стараясь получить монаршего и отеческого милосердия такового ж, каково оказано за сие исполнение над прочими верноподданными рабами. А за противность и непокорность своему государю по силе строгости монаршего правосудия без жесточайшего гнева остаться не можете так, как в некоторых местах противникам и изменникам монаршей власти чинимо было неупустительно. И о том воеводе с присутствующими учинить по сему его императорского величества указу во всем непременно.

Июля 26 дня 1774 года...»⁶.

Саранские власти, получив указ военной коллегии, пришли в смятение. Воевода подполковник Василий Протасьев, его помощник Михаил Башмаков и секретарь Андрей Метальников бежали в окрестные леса. Их примеру последовали многие другие чиновники, дворяне и купцы.

Трудовой люд стал готовиться к встрече повстанцев. В городе установилось безвластие.

Рано утром 27 июля казачий авангард Пугачева вторично появился в городе и предупредил население о встрече Пугачева, именовавшего себя царем Петром Федоровичем.

Вскоре появился и сам Пугачев. Он был торжественно при большом стечении народа встречен «на мосту» через реку Инсару, «близ города»⁷.

В городских церквах звонили колокола, седобородые старцы держали хлеб-соль на вышитых полотенцах, попы были в праздничном облачении. Впереди стоял архимандрит Саранского Петровского (впоследствии Петропавловский) монастыря Александр.

По «шапке с камнями, как быть золотой», Пугачев угадал монастырское начальство, подъехал к архимандриту, поцеловал крест и приказал прочитать тот самый Манифест, который накануне был представлен в воеводское правление.

После этого Пугачев, его сподвижники и толпы горожан направились к собору.

Современные авторы К. А. Котков, С. П. Петров, М. И. Зевакин вслед за А. Масловским⁸ при описании вступления Пугачева в Саранск допускают неточность, указывая, что он вошел в город через село Посоп, или Посопскую гору, или Посопский мост.

В то время Казанская дорога из Саранска проходила минуя село Посоп на Аксеново, Пятину. К тому же никаких документальных свидетельств о проследовании Пугачева через Посоп, или Инзерский острог, нет. Мост по Казанской дороге, у которого проходила встреча саранцев с Пугачевым, был несколько севернее Посопского моста, а именно в районе примыкания к пойме теперешней улицы Богдана Хмельницкого. Старинный мост по Казанской дороге, как и Посопский мост, обозначены на планах города Саранска второй половины XVIII столетия.

По преданию старожилов, впереди торжественного шествия к саранскому кремлю «на хорошей лошади медленно ехал Пугачев... Его внимание... привлекло... сооружение, которое стояло недалеко от теперешней аптеки ц 1 (угол Советской и Гражданской улиц). Это сооружение представляло собой бревенчатый сруб вышиною в рост человека. Наверху был настил из толстых досок. Это было лобное место. Здесь на особых скамьях палачи публично секли крестьян за неуплату царских долгов, били розгами и кнутами привязанных к скамьям людей. Более провинившихся перед помещиками и господами клеймили. Содержался даже штат палачей... Увидя это кровавое место, Пугачев резко махнул

рукой; позади послышался треск ломаемых досок, разбрасывались бревна. На площади Пугачев спешил, жители низко ему поклонились. Потом он прошел в собор, где народ ему поклонялся в верности⁹.

В Саранском соборе в честь прибытия Пугачева в его присутствии состоялось торжественное богослужение с провозглашением «Многая лета» «царю Петру Федоровичу и его супруге царице Устинье Петровне». Упомянуть имя императрицы Екатерины II было запрещено.

Пугачевское войско располагалось лагерем на пойменном лугу между Саранском и Посопом у сторожевого вала. Там же была и главная ставка Пугачева и палатка для его семьи, вывезенной им из Казани. На сторожевом валу стояла виселица, где казнили дворян и чиновников. После ухода Пугачева из Саранска на месте виселицы, на валу, над могилой убитых и повешенных была построена каменная часовня, которая стояла до 30-х годов XIX столетия. Эта часовня была разрушена полкой водой¹⁰.

А. С. Пушкин указывает, что пугачевцы казнили в Саранске «триста человек дворян всякого пола и возраста»¹¹.

Это указание подтверждается документально¹².

Пребывание в Саранске самого Пугачева окрыляло крестьян всего уезда. В окрестностях города оперировали казаки из пугачевского лагеря. Подпоручик Иванов рапортовал вышестоящему начальству, что Пугачев, «стоя под городом в лагере трое суток, рассылал своих людей по разным жителям и дорогам для сыску дворян и укрывающихся господ присутствующих, приказных служителей и разного звания обывателей, коими его разосланными людьми несколько человек дворян и разных обывателей со всеми их семействами переловлены и приводимы к нему... Пугачеву, коим оные... повешены и переколоты...»¹³.

Некоторые помещики и их семьи были казнены на пути в Саранск. Сохранилось предание, что при въезде в город с западной стороны были умерщвлены семь мальчиков детей помещиков. На этом месте (перекресток теперешних улиц Димитрова и Богдана Хмельницкого) была построена часовня, которая стояла до 20-х годов нашего столетия. У часовни собирались горожане на семик, где в этот день шла бойкая торговля конфетами, пряниками, мороженым¹⁴.

Сохранилось также предание о казненных пугачевцами дворянах при подъезде к Саранску с северной стороны, в районе «стрелки» у Никитинской горы, там, где два оврага, сливаясь, образуют узкую полосу земли, напоминающую наконечник копья¹⁵ (район теперешнего комбикормового завода).

Число сподвижников Пугачева росло с каждым днем. Против произвола помещиков выступали совместно русские и мордовские крестьяне. Казни дворян и чиновников совершались во всех уездах Мордовии¹⁶.

Горожане Саранска продолжали оказывать почести «царю Петру Федоровичу». Пугачев побывал в гостях у воеводской вдовы Авдотьи Каменицкой и у архимандрита Петровского монастыря Александра.

В доме воеводши, располагавшемся рядом с усадьбой теперешнего краеведческого музея (ул. Московская), был дан богатый обед, сервированный дорогой посудой. Охмелевший Пугачев выбрасывал в окна серебряные тарелки и ложки, которые подбирали жители города. Часть посуды была выброшена в озеро на задах воеводского двора. Во время обеда в воеводскую каталажку — «Палатку» — пугачевцы бросали привезенных на суд «царю» дворян и купцов.

После пиршества Пугачев по жалобе птичницы приказал повесить хозяйку дома — воеводшу Каменицкую, и она была подтянута веревкой к перекладине воротных столбов. Здесь же был подвешен магистратский подьячий Петр Васильев, а купец Иван Гурьев засечен плетью.

Во время обеда в Петровском монастыре архимандрит Александр пытался поучать Пугачева и упрекнул его за жестокость. Но Пугачев пощадил архимандрита за хорошую встречу при въезде в город¹⁷. Званный архимандритский обед проходил в трапезной Петровского монастыря, который, как указано выше, располагался в центре Саранска на Базарной площади, там, где теперь стоят гостиница и четырехэтажный жилой дом. Во дворе сохранились бывшие монастырские постройки, два каменных дома — двухэтажный и одноэтажный¹⁸.

Под давлением правительственных войск Пугачев покинул Саранск 30 июля 1774 года. Перед выездом он приказал собрать у соборной церкви всех жителей города. Это было исполнено. Собравшимся горожанам был прочтен именной указ Пугачева, в котором он выразил свое отношение к городу, его населению и дал наказ воеводе:

«Божьею милостью мы, Петр Третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется во всенародное известие. По случаю бытности с победоносной нашей армией во всех с начала Оренбургской и Сибирской линии местах, жительствующие разного звания и чина люди, кои, чувствуя долг своей присяги, желая общего спокойствия и признавая, как есть, за великого своего государя и верноподданными обязуясь быть рабами, встречу имели принадлежащим

образом. Прочие ж, а особливо дворяне, не хотя своих чинов, рангу и дворянства отстать, употребляя свои злодейства, да и крестьян своих возмущая к супротивлению нашей короне, не повинуются; за что грады и жительства их вызжены, а со оными противниками учинено по всей строгости нашего монаршего правосудия. А как по пришествии нашем с армией под город Саранск находящиеся во оном священного и прочего звания жители, кои, чувствуя должность свой присяги и признавая своего манарха, с пристойною церемониею учинили встречу. А особливо усмотрен нами из оказавшей его верности господин прапорщик Михайла Шахмаметев против прочих весьма отлично, за что награждается от нас главным командиром и воеводою, причем поручаются ему здешнего города и всего уезду оного обыватели всякого звания и чина, кои даются ему, чтоб быть во всяком послушании. Да и вам, господину воеводе, поступать как в государственных делах, а особливо для склонившегося народу в силу указных узаконениев, не чиня напрасно никому обид и налог. С противниками ж и бежавшими от нашего милосердия, кои сысканы будут, чинить так, как с действительными злодеями, бунтовщиками и изменниками своему государю. И вам, господину воеводе, с мирскими людьми чинить в силу нашего указа во всем непременно.

Июля 28 дня 1774 года. Петр»¹⁹.

Покинув Саранск, Пугачев взял направление на Пензу. Из цейхауза Саранской крепости им было взято семь пушек, сто пятьдесят чугунных ядер и два пуда десять фунтов пороха. Из воеводской канцелярии было взято 8 320 рублей денег. Значительная часть этих денег была роздана саранской бедноте во время разъездов пугачевцев по улицам города и торгу. Вино и другие напитки питейных домов были выпущены на землю. Из городских амбаров было роздано населению «соли несколько тысяч пудов»²⁰.

На другой день в город вошли правительственные войска, которые нещадно расправились с восставшими людьми. Многие были повешены или высечены плетью под виселицей, некоторым отрезались уши. Воевода Шахмаметев был арестован. Архимандрит Александр отправлен в Казань в секретную Комиссию.

«В Саранске, — писал А. С. Пушкин, — архимандрит Александр принял Пугачева с крестом и евангелием и во время молебствия на ектинии упомянул государыню Устинью Петровну. Архимандрит предан был гражданскому суду в Казани. В октябре 1774 года, в полдень, приведен он был в оковах в собор. Его повели в алтарь и возложили на него полное облачение. Солдаты с примкнутыми штыками

стояли у северных дверей. Протопоп и протодиакон поставили его среди церкви во всем облачении и в оковах. После обедни был он выведен на площадь; ему прочли его вины. После того сняли с него ризы, обрезали волосы и бороду, надели мужицкий армяк и сослали на вечное заточение. Народ был в ужасе и жалел о преступнике. В указе было велено вывести Александра в одежде монашеской. Но Потемкин (Петр Сергеевич) отступил от сего, для большего эффекта»²¹.

Через два месяца Пугачев второй раз проследовал через Саранск, но уже не в ореоле победителя, а узником в оковах. В конвоировании Пугачева по пути из Яицкого городка в Симбирск участвовал А. В. Суворов, будучи тогда в звании генерал-поручика. Когда Суворову было предложено сократить путь к Симбирску, он ответил, что «хотя едучи через Пензу в Саранск верст двести лишнего едет, но скорее по большому тракту подводы достать может»²².

В одном из ордеров подполковнику Михельсону после выхода Пугачева из Саранска на Пензу указывалось: «Приобретение злодеем десяти пушек из Саранска подает достаточный вид намерению его еще сделать какое-либо умножившимися своими силами испытание... Один звук пушек много уже в черни производит...»²³.

Пугачев был арестован и казнен, но звук его пушек долго не забывался трудовым людом России.

ПЕРВЫЕ ОЧАГИ КУЛЬТУРЫ

Оживление экономической жизни города обусловило появление первых очагов культуры и просвещения. Во второй половине XVII и первой XVIII столетий в Саранске не было государственных учебных заведений. Грамотных людей в городе насчитывалось немного: подьячие, копиисты, священники, дьяконы и кое-кто из торговых людей. Знатные дворяне обучали своих детей дома, приглашая преимущественно иностранцев — немцев, французов. Но были и такие помещики, которые не умели «рукопрекладство учинить», встречались даже воеводы, которые с трудом подписывали свои фамилии¹. По повелению Петра I саранские власти должны были собрать для обучения латинской науке детей дворян 302 человека. Из них не явилось 118 — «ухоронились или сбежали». Отцов за это жестоко наказывали, отбирали имения². Но и такие меры не всегда оказывали воздействие.

Бывали случаи остановки делопроизводства в государственных учреждениях из-за неумения канцеляристов вести «письменные дела». В местных архивах часто встречаются документы, в которых за купца или мещанина расписывался сын или племянник.

Однако просвещение стало проникать в Саранск сравнительно рано, благодаря плодотворному влиянию Нижнего Новгорода, где еще в 1721 году была открыта семинария. Это влияние обуславливалось связью через большой гужевой тракт и тем, что Саранск длительное время находился в нижегородской епархии. Некоторые лица саранской синодальной команды получали образование в Нижнем Новгороде. Однако подобные случаи были редки. И духовенство, и приказные, и купецкие дети обучались начальной грамоте в домашних школах, которые возникли в городе еще в

XVII столетии, а в последней четверти XVIII их было в Саранске пятнадцать. Домашние, или приватные (частные), школы имели по одному учителю. По данным 1791 года, учителями в Саранске были: диакон Соборной церкви, диакон Покровской церкви, диакон Казанской церкви, поп Богословской церкви, дячок той же церкви, два дячка Рождественской церкви, урядник инвалидной команды (учил солдатских детей) и человек с прозвищем «Курытник»³. Школы размещались преимущественно в домах духовенства. Разумеется, учителя, большая часть которых сама имела лишь домашнее образование, не могли дать больших знаний купеческим, мещанским и солдатским детям. Обучение чаще всего ограничивалось чтением часослова или псалтыря и письмом.

Домашнее образование второй половины XVIII столетия имело резко выраженный сословный характер. Дворянин не признавал образования без иностранных языков, особенно французского; многие купцы, наоборот, считали обучение иностранным языкам изменой старине, грехом и предпочитали псалтырь или часослов, церковное пение и простейшую арифметику; приказные считали высшей образованностью познание «тайн» канцелярского дела.

При таких убеждениях крайне трудно было создать бессословную государственную школу, да к тому и мало стремилось тогдашнее правительство.

Первая школа, действовавшая по государственному уставу, была открыта в Саранске в 1778 году⁴. Школа именовалась духовной гимназией. Открыта она была по инициативе нижегородского архиерея Антония в здании упраздненного Петровского монастыря.

Этой школе впоследствии оказывал деятельную помощь известный академик, составитель пятиязычного словаря народов Поволжья нижегородский архиерей Дамаскин. По его распоряжению гимназия в 1787 году была переведена из пришедшего в ветхость здания в более удобное, находившееся при бывшем Ильинском монастыре⁵, переименованном к тому времени в Петропавловский.

В гимназии было три класса: 1 — синтаксический, 2 — грамматический, 3 — информаторский. Возглавлял гимназию префект, при нем было два учителя. Первоначально учителя содержались за счет родителей учеников, впоследствии им было назначено государственное жалованье⁶.

Саранская духовная гимназия была первым и единственным государственным учебным заведением на большой территории Среднего Поволжья до 1786 года, когда открылись первые казенные школы в Пензе и Симбирске⁷.

В 1787 году в помещении гимназии была открыта вторая государственная школа — Саранское народное училище⁸.

Училище было открыто по распоряжению правительства от 1786 года. Согласно этому распоряжению в Пензенском наместничестве было впервые учреждено два светских учебных заведения. Большое (трехклассное) народное училище в Пензе и малое (двухклассное) училище в Саранске. В других городах Пензенского наместничества подобных училищ еще не было.

Саранская духовная гимназия действовала 25 лет и оказала большое влияние на распространение просвещения в крае. Разумеется, в гимназии много внимания уделялось церковным учениям, но в ней давались и хорошие светские знания по русской грамматике, арифметике и основам латинского языка.

В связи с открытием духовной семинарии в Пензе и учреждением пензенской епархии Саранская духовная гимназия в 1803 году была закрыта.

В 1808 году в здании бывшей гимназии открылась русская школа, в которой обучались дети духовных лиц Саранского, Инсарского и Городищенского уездов. Эта школа просуществовала до 1818 года⁹.

В 80-е годы XVIII столетия в России обнаружилось стремление к упразднению домашних школ и замене их государственными народными училищами с тем, чтобы поднять уровень просвещения, ввести единую систему начального обучения, взять под контроль деятельность школы, пресечь самовольство невежественных людей, объявлявших себя учителями.

Это стремление в 90-е годы того же столетия выявилось в официальных правительственных предписаниях о закрытии домашних школ. Правительство Екатерины II усиливало эти стремления еще и потому, что опасалось влияния французской революции, имея в виду, что в среде домашних учителей нередко встречались лица французской национальности.

В 1790 — 91 годах саранские власти подвергли преследованию частных учителей и потребовали закрытия домашних школ, которые в официальной переписке местных канцелярий именовались «недозволенными детскими сходбищами», а домашние учителя — «неискусными в деле обучения». Частные учителя сопротивлялись, доказывая полезность своей деятельности, а саранские торговые люди предпочитали учить детей домашним способом и в народное училище переводили их неохотно, руководствуясь своими профессионально-сословными интересами.

Так и не удалось местным властям закрыть домашние школы. Некоторые из них существовали и в XIX столетии.

Народное училище развивалось медленно; в 1814 году в нем было 8 учеников: 6 в первом и 2 во втором классах¹⁰.

В начале XIX столетия в Саранске существовало и уездное училище¹¹, которое, как и народное, имело крайне небольшой контингент учащихся. Эти училища получили некоторое развитие позднее.

Так мучительно шло усовершенствование школьного обучения в Саранске в конце XVIII и начале XIX веков. Им пользовались лишь немногие обыватели города того времени, преимущественно из торгового сословия, духовенства и приказных; работные же люди и городские крестьяне сплошь были неграмотными.

Учреждений искусства в то время в городе не было. Лишь в ярмарочное время городские обыватели развлекались увеселениями, или, как их тогда называли, забавами. На ярмарочной площади водили медведя на цепи, заставляли верблюда кланяться, показывали пляшущих кукол. В начале XIX столетия в городе иногда играли духовые оркестры отставного контр-адмирала Тимашева и других богатых дворян.

Общее движение архитектурной мысли и градостроительства России последней четверти XVIII столетия коснулось и Саранска. До этого времени город застраивался по смешанной радиально-прямоугольной сетке кварталов. Улицы были кривыми.

Во время генерального межевания был составлен новый план застройки Саранска, утвержденный в 1785 году императрицей Екатериной II¹². Над съемкой города и разработкой нового плана работали столичные землемеры Николай Ухов и Григорий Баженов¹³.

Авторы, составлявшие новый план застройки города, обладали большим опытом градостроительства того времени. Они смело спрямили улицы, не считаясь с прежней слободской застройкой. Направление главных магистралей дали с юга на север. Город принял прямоугольную сетку улиц с величиной кварталов от 2 до 3 десятин. Авторы удачно вписали в новую планировку уже существующие площади, на которых были построены каменные церкви.

Базарная улица (теперь Советская), проходившая по краю верхней террасы города, как бы делила его на две части и являлась набережной левого (высокого) берега речки Саранки.

Выбрав удобное место для спуска на нижнюю террасу (в районе Соборной горы), авторы спланировали на одном из самых возвышенных и красивых мест верхней террасы центральную Соборную площадь (теперь Советская), которая хорошо просматривается с правого нижнего берега Саранки.

Четкость выбранной этим планом прямоугольной сетки улиц сыграла историческую роль в последующей застройке

города. Несмотря на опустошительные пожары Саранска в XIX столетии, при новых застройках прямоугольная сетка улиц неизменно сохранялась.

Избранная сетка улиц удачно использовала рельеф местности, не требовала больших земляных планировочных работ для строительства специальных водоотводных сооружений и обеспечивала естественный водосток дождевых вод в реку Инсару и в речку Саранку.

Застройка по новому плану была сопряжена с большими трудностями, приходилось переносить дома и надворные постройки. Некоторые из жителей оказывали сопротивление. Но местные власти требовали выполнения плана, мало считаясь с затратами и нуждой горожан.

В первой четверти XIX столетия Саранск значительно обновился. По данным 1822 года, в нем проживало более 9 тысяч человек в 1 264 домах. В центре города и на некоторых улицах возвышались каменные здания: 17 церквей, дом присутственных мест, корпус инвалидной команды, винный магазин, 4 корпуса при монастыре, 17 каменных частновладельческих домов и 6 каменных будок для полицейских¹⁴, а всех каменных построек в городе насчитывалось до пятидесяти. Немало было крупных деревянных особняков, принадлежавших дворянам и купцам. Вид Саранска с юга, с Саратовско-Московского тракта, являл характерную для того времени картину городского ансамбля с островерхими главами церквей, высокими белыми колокольнями и массивными купеческими домами старомодной архитектуры. В западной части вблизи города на холме виднелся лесной массив, с восточной стороны город окаймляла залуженная пойма реки Инсары с зарослями черемухи, калины, ежевики. Обмелевшая теперь река Инсара была в то время довольно многоводной. В экономических примечаниях к плану Саранска по генеральному межеванию 1782 — 89 гг. указано: «Водами тот город изобилен, и вода здорова. В реке Инзаре ловится рыба: щуки, окуни, сомы, лещи, судаки, сазаны, ези, плотва, головли и пискари, а в озерах — караси, налимы и гольцы...».

В последней четверти XVIII столетия и первой XIX в Саранске открываются первые медицинские учреждения. Уездная больница до 1799 года размещалась в доме купца Калашникова, а потом в частных квартирах в разных местах города¹⁵. В 1822 году были открыты курсы учеников для оспопрививания, которые направлялись в город из помещичьих усадеб¹⁶.

К началу XIX столетия завершились часто проводимые ранее изменения административного деления в нашем крае. До образования губерний Саранск и Саранский уезд ведались

в Москве в приказе Казанского дворца. При образовании губерний в 1708 году Саранск причисляется к Азовской губернии. Столь дальняя припись Саранска к Азову была обусловлена потребностью строительства русского флота на юге страны.

В 1719 году Саранск причислен к Казанской губернии и включен в состав образовавшейся в то время Пензенской провинции.

В 1719 году Саранск экономически был более развитым городом, нежели Пенза. Однако в целях приближения административного центра провинции к осваиваемым в то время новым землям в верховьях рек Суры и Хопра, предпочтение было отдано Пензе, что способствовало ее возвышению.

В 1780 году было образовано Пензенское наместничество, в состав которого вошел и Саранск. При учреждении Пензенского и других соседних с ним наместничеств Саранский уезд, дотеле размещавшийся на большой площади, был разукрупнен. Часть его территории отошла для образовавшихся тогда новых уездов: Ардаговского, Починковского, Шишкеевского, Городищенского и Кузнецкого. Административное значение Саранска после этого снизилось. Его уезд сократился приблизительно в четыре раза. Однако число приказных не уменьшилось. «При открытии Пензенского наместничества... в полном составе уездные установления открыты только в Пензе и Саранске. Не назначены были: уездные суды в Керенске и Краснослободске, за неимением живущих помещиков и их крестьян, как сказано в рапорте наместнического правления Сенату; городовые магистраты в Керенске, Краснослободске, Нижнем Ломове, Троицке, Наровчате, Мокшане, Чембаре и Шишкееве, за неимением купцов и мещан; нижние расправы в Инсаре, Верхнем Ломове, Наровчате, Мокшане, Чембаре, Шишкееве»¹⁷. В 1796 году Пензенское наместничество преобразуется в губернию, а через год она упраздняется, и Саранск включается в Симбирскую губернию. В 1801 году Пензенская губерния была восстановлена, в которую возвращен и Саранск. В составе Пензенской губернии Саранск находился до 1928 года.

Обозревая Саранск в 1813 году, И. М. Долгорукий писал: «Саранск — город уездной Пензенской губернии и старинной. Он всегда почитался в ней лучшим, что и справедливо, но при всем том был бы самый дурной в Подмосковных губерниях. Говоря сие, я разумею только старинные города, а не новые, из коих многие и донныне не краше деревни...».

Долгорукий указал, что в Саранске рядом с купеческими и дворянскими особняками стоят избы рядовых обитателей,

которые живут под соломенными крышами. Рядом с богатством жила бедность. Недовольство работных людей и крестьянской бедноты социальной несправедливостью не раз проявлялось в городе.

В 1812 году в Саранске произошло восстание ополченцев, недовольных произволом местных властей. Это было выступление преимущественно крестьян, патриотов родины, желавших ей блага, но не хотевших далее терпеть насилия дворянства. Восстание ополчения Пензенской губернии в 1812 году (в Инсаре, Саранске, Чембаре), как указывает академик Е. В. Тарле, было «яркой вспышкой народного движения, жестоко усмиренной»¹⁸. Саранский полк ополчения, как и вся русская армия, совершил в 1812 — 1814 годах героический поход в борьбе с наполеоновскими полчищами.

В Мордовском краеведческом музее сохраняется знамя-хоругвь этого полка, а на месте, откуда вышел полк в поход после молебствия о даровании победы, спустя 100 лет, в 1912 году, сооружен памятник — мост через Инсару с мемориальными надписями. Этот мост сохранился до наших дней¹⁹.

Наш земляк поэт-революционер А. И. Полежаев, проживший детские годы в Саранске и на себе познавший произвол местных властей, назвал Саранск «несносным городишком»²⁰. Нелегко жилось в нем трудовому люду того времени. В Саранске в советское время воздвигнут памятник поэту-земляку, его именем названа одна из улиц города и общественный сквер, примыкающий к центральной площади. До сих пор в городе сохраняется как памятник дом и усадьба Полежаевых²¹.

ЖИВОПИСНАЯ ШКОЛА

В тридцатые и сороковые годы прошлого столетия передовые русские писатели стали внимательно приглядываться к малым народностям России и вводить их в литературу. С того времени, правда еще редко, стали появляться в литературе и искусстве изображения мордвы. А. С. Пушкин запечатлел ее в «Истории Пугачева». Записывая народные песни, великий русский поэт заинтересовался старинным музыкальным инструментом мордвы — волынкой¹. Н. П. Огарев в своей повести «Гулевой»², написанной в 1843 году, показал тяжелую судьбу мальчика-мордвина. И. В. Селиванов в очерке «Мордва»³ изобразил картины быта мордовской крепостной деревни 40-х годов XIX века.

Первым крупным произведением, показывающим мордву в живописи, было «Две молодые мордовки» И. К. Макарова, написанное в 1842 году. Это произведение портретной живописи заинтересовало Российскую Академию художеств и получило высокую оценку мастеров кисти того времени. Этюды к «Двум молодым мордовкам» Макаров писал в селе Саловке бывшего Инсарского уезда (теперь Старо-Шайговского района), куда был приглашен художник для рисования икон в строящейся церкви.

Писатель И. А. Салов в мемуарах «Умчавшиеся годы» вспомнил труд этого художника и отметил его старания.

«Помню, — писал Салов, — как из соседнего мордовского селения Шайгова привозили к молодому Макарову мордвок, с которых он и писал свои этюды. Картина эта предназначалась для представления в Академию на получение звания художника... Старания молодого человека не пропали, и он за эту картину получил звание художника...»⁴.

Это замечательное полотно художника, сохраняющееся в Государственном Русском музее, и теперь не утратило своего значения. Современный исследователь живописи П. Корнилов пишет: «На фоне забора и зелени автор изобразил двух девушек в мордовских национальных костюмах. Здесь была двойная задача. С одной стороны, надо было создать двойной портрет девушек, с другой стороны, было широкое поле для изображения декоративных убранств костюмов. Если в лицах много обычного и не очень глубокого проникновения в человеческие образы, то в декоративном мастерстве художник показал высокий класс. В этой тенденции раннего произведения мы чувствуем декоративную стихию будущего зрелого периода его творчества. В целом его произведение „Две молодые мордовки“ по своему настроению близко венецианской школе, но есть здесь некоторые черты раннего реализма... Когда это произведение ученика Макарова-отца — Ивана Кузьмича Макарова-сына попадает в Академию художеств как отчет, с одной стороны, уровня школы, с другой — уровня ее творца, оно получает полное признание»⁵.

Молодой художник, создатель этой замечательной картины, Иван Кузьмич Макаров был воспитанником Саранской живописной школы, основанной его отцом Кузьмой Александровичем Макаровым.

О Саранской живописной школе, как и о художниках Макаровых, написано немного. Об этой школе мало сохранилось письменных свидетельств и устных преданий. Да и то, что сохранилось, еще не собрано. Но одно ясно, что явление это в истории художественной культуры старой провинции довольно примечательное. Оно, как и многие другие ему подобные, находится в связи с развитием прогрессивной мысли передовых кругов России того времени. Эта школа была разночинной по своему составу. В ней не было ни одного дворянина, да и сам основатель ее происходил из крепостных крестьян. Как ни тяжел был самодержавный гнет, как ни велико было засилие дворянства, однако живые ростки народной культуры пробивались к свету и давали о себе знать. К культуре тянулась провинция, хотя абсолютное большинство людей оставалось еще неграмотным; в искусстве, хотя и редко, стали появляться этюды из жизни малых народов; разночинная молодежь, преодолевая тяжелые препятствия, стала проникать в школы и даже университеты.

Первой крупной живописной школой русской провинции была школа академика из мещан А. В. Ступина, основанная им в 1802 году в г. Арзамасе. Несколько позднее учениками Ступина были открыты живописные школы и в

других уездных городах: в Козлове, теперь Мичуринск, в Нижнем Ломове⁶, в Саранске.

Если мы присмотримся ко всем этим четырем городам двадцатых и тридцатых годов прошлого века, то найдем в них много общего. Каждый из них стоял на большом гужевом тракте, имел довольно оживленную торговлю и значительную для того времени промышленность. В подобных городах возникали потребности в грамотных людях, возможности получить заказ на живописную работу.

Саранск того времени был типичной провинцией, но экономическая жизнь этого города была более значительной в сравнении с другими уездными городами Мордовии. Большие сухопутные тракты, проходившие через Саранск, и богатые черноземы в округе стимулировали развитие ярмарочной торговли и местной промышленности. По данным 1834 года, привоз товаров на Саранскую ярмарку исчислялся в сумме более полмиллиона рублей. В этом же году в Краснослободск на ярмарку было привезено товаров на 16 тысяч рублей, в Инсар — на 44 тысячи рублей, в Темников — на 8 тысяч рублей⁷.

Комендант Саранской ярмарки капитан Семячкин в 1843 году писал в Петербург: «Уездный город Саранск лежит на соединении дорог, ведущих: 1. От столиц и Нижнего Новгорода в гг. Пензу и Саратов и так далее. 2. Через Корсун в Симбирск и 3. Через Кирсанов и Тамбов в Урюпинскую станцию. Эти пути суть торговые. В этом просторном углу пяти смежных губерний средоточие торговых здешних путей поистине есть город Саранск. Купцы этих губерний, сделавши огромные закупы, приступают к продаже их, так сказать, к первому вскрытию своих возов для начатия продажи в городе Саранске, как в первом уездном городе соседней губернии, город Саранск стоит в центре пяти смежных губерний...

Саранск — уездный город, наполненный промышленниками и купеческим богатым сословием, владеющим наличным годовым капиталом до 60 тысяч рублей...

Многие саранские купцы имеют пристани свои для богатого строевого леса, который отправляется с низовых мест р. Суры, как-то Алатыря, Ядрина и с пристани на Волге города Василя...

Ярмарочный частный двор в Саранске содержит 190 лавок, а заявок поступило на 280...

На Саранскую ярмарку приезжают купцы московские, вязниковские, тульские, пензенские, симбирские, арзамасские, княгининские, алатырские, казанские, сенгилейские, тамбовские, моршанские, елецкие, серпуховские, саратовские и др.»⁸.

С 1823 года на тракте Москва — Саратов, проходившем через Саранск, Петербургское акционерное общество ввело операции «по перевозке по главным трактам внутри империи тяжелых всякого рода вещей и движения транспортов»⁹.

Разумеется, с точки зрения современных масштабов экономической жизни города приведенные показатели кажутся небольшими, но по тому времени они считались значительными. Писатель И. В. Селиванов, изображая в своих «Провинциальных воспоминаниях» Саранск того времени, указывал, что «город этот в географии известен кожевными заводами».

Но не только ярмарками и кожевными заводами известен был в то время Саранск. Он, как и другие города тогдашней России, известен был произволом и самодурством властей, обрекавших трудящихся на нищету и невежество. В среде городской знати Саранска, как указывает И. В. Селиванов, процветала картежная игра. «Отцы города» — купцы и заводчики — не заботились о быте трудящихся. Тот же капитан Семячкин сообщал в Петербург, что в Саранске «ни одной, ни большой, ни малой улицы мощеной нет, главная прямая улица, по которой лежит дорога из Москвы в Пензу, в дождливое время почти не имеет проезда. Эта дорога у ручья, перерезывающего ее почти в центре города, до того бывает наводнена на расстоянии 180 сажен грязью, что не видно даже моста через ручей перекинутого. Самые мосты ветхие, не окрашены, не приспособлены к берегам. Крутые берега без перил. Мостовая около домов ветхая, опасная для пешеходов и только кое-где устроена. Переход даже из дома в дом почти невозможен»¹⁰.

Однако передовая мысль проникала в отсталую провинцию. В тяжелых условиях, в неприспособленных помещениях в Саранске работали в то время учителя уездного и народного училищ, находились энтузиасты, которые открывали в городе пансионы и частные общеобразовательные школы¹¹.

Одним из таких энтузиастов просвещения и был Кузьма Александрович Макаров — основатель Саранской живописной школы.

В архивах Российской Академии художеств сохранились документы о деятельности Саранской школы живописи. Некоторые из этих документов были в свое время напечатаны¹², некоторые не обнародованы до сих пор.

В рапорте содержателя школы живописи города Саранска губернского секретаря Кузьмы Макарова, посланном в Академию художеств 13 апреля 1847 года, указано: «По окончании учения в Арзамаской школе живописи академика Ступина, где был удостоен Академиею художеств награды

серебряной медалью первого достоинства, я был определен рисовальным учителем уездного училища г. Саранска, в котором завел школу живописи в 1828 году июля 27 дня. С того времени в школе моей окончили учение 25 учеников, из которых старший сын мой Иван Макаров принят учеником в Академию художеств, которая по уважению дарований и успехов в рисовании пожаловала мне в подарок гипсовых орнаментов на сумму 45 рублей 42 $\frac{6}{7}$ копейки серебром, при предписании за ц 914. Четверо из учеников, окончивших у меня учение, пожелали поступить на службу и удостоены помянутою Академиею: один должности учителя рисования в гимназии и трое в уездных училищах. Нынче в школе моей обучается 10 человек, список которых при сем честь имею Академии представить. Из них купеческий сын Василий Умнов окончил учение и желает занять место учителя рисования в каком-либо уездном училище.

Объявив все это Академии, имею честь представить на рассмотрение совета оной рисунки с означенных орнаментов и картины Умнова и всех успевших учеников. Что действительно рисовали они и картины писаны ими, в том свидетельствую моим подписом. При этом обязанностью почел представить и картину своей работы, изображающую крестьянскую девушку, занимающуюся своим нарядом. Губернский секретарь Козьма Макаров»¹³.

К рапорту был приложен и список учеников Саранской школы живописи Макарова: «Свободных 6, именно — 1. Иван Квашнин, 2. Василий Умнов, 3. Николай Терентьев, 4. Николай Макаров, 5. Алексей Мешковский, 6. Алексей Ефимов; крепостных 4 — 7. Сергей Калинин, 8. Григорий Завьялов, 9. Евлампий Лебедев, 10. Дмитрий Тюренков.

Содержатель школы живописи *Макаров*»¹⁴.

В постановлении Совета Академии художеств от 6 июня 1845 года перечислены подарки для Саранской школы живописи, о которых упоминает Кузьма Макаров: «Определено: во уважение успехов в живописи вольноприходящего ученика Академии Макарова (Ивана Кузьмича. — *И. В.*) подарить отцу его — содержанию художественной школы, Пензенской губернии в городе Саранске, для оригиналов — гипсовые отливки статуй и голов, именно: головы Аполлона, Венеры с диадемою, Помпея, Юпитера, Ахиллея, статуи — Апполино, Венеры Медицис и торс Лаокоона. Каковые вещи и отлить немедленно, донеся правлению, во что оные обойдутся»¹⁵.

Этот отзыв из столицы был не единственный. Заслушав рапорт Кузьмы Макарова от 1847 года, Совет Академии

похвально отозвался и о манере рисования, введенной в Саранской школе: «По рапорту содержателя школы рисования и живописи в Саранске (губернского секретаря Макарова, при коем препровождает на усмотрение Совета Академии картину своей работы, также с натуры, и рисунки карандашом своих учеников, причем просит, если из учеников его Василий Умнов заслуживает, удостоить его звания учителя рисования в уездных училищах.

Определено: «Уведомить губернского секретаря Макарова, что Совет Академии совершенно одобряет его заботливость и попечение о школе, особенно же доволен тем, что манера рисования в отношении тушевки осторожной и приятной и теперь доказывает успехи учащихся и обещает дальнейшие впредь, представленного же к удостоению звания учителя рисования в уездных училищах, ученика его Василия Умнова удостоить звания рисовального учителя в гимназиях и, изготовив ему надлежащее свидетельство, препроводить оное к г. Макарову для выдачи по принадлежности, причем возвратит картины и рисунки, присовокупив, что собственную его Макарова картину Совет Академии видел с удовольствием...»¹⁶.

Рассматривая рапорт Кузьмы Макарова 10 мая 1852 года, Совет Академии, как и раньше, одобрительно оценил работу Саранской школы и объявил ее руководителю благодарность:

«По рапорту содержателя художественной школы в Саранске губернского секретаря Макарова, при котором препровождая рисунки двух учеников своих Алексея Кудрявцева и Дмитрия Николаева, которые окончили учение в его школе и желают поступить на службу учителям рисования в уездных училищах, просит по рассмотрению сих рисунков удостоить их звания учителя, если они того будут заслуживать. Определено: Кудрявцева и Николаева удостоить звания учителя рисования в уездных училищах и, изготовив следующие им свидетельства, доставить оные приложении в г. Саранск к Макарову, которому при этом изъявить от Совета Академии благодарность за успехи учеников его и труды его как учителя»¹⁷.

О каждом решении Академия сообщала Макарову письмами, в которых, как и в решениях, отмечались «заботливость» его как руководителя школы и личные успехи как художника. Так, например, в письме от 9 января 1848 года указывалось: «картина трудов Ваших Советом рассмотрена с удовольствием»¹⁸.

Сам Макаров высоко ценил внимание Академии и в доносениях указывал, что его вдохновляет на труд не личная корысть, а служение обществу. Вот один из документов, сохраняющихся в архиве:

«В правление императорской Академии художеств от со- держателя школы рисования и живописи в Саранске К. Ма- карова донесение.

Имею честь покорнейше сему Правлению донести, что воз- вращенные им работы учеников школы моей и свидетель- ство на учителя рисования в гимназиях Василия Умнова при уведомлении от 9 января сего года за № 31 мною получены.

При этом приятнейшею обязанностью поставляю себе вы- разить Академии чувство моей благодарности за то внима- ние, которое она оказала к трудам школы моей. Это внима- ние есть для меня лучшая награда за желание заведением моим принести посильную пользу обществу.

Содержатель школы губернский секретарь
*Кузьма Макаров, 5-го февраля 1848 года*¹⁹.

Деятельность Кузьмы Макарова и его школы происхо- дила в тяжелых условиях. Местная знать не поддерживала благородные помыслы художника-разночинца. Он не полу- чал субсидий от городских властей. Закостенелые нравы провинции осложняли его творческое развитие.

В этих условиях поддержка Академии художеств имела большое значение для содержателя школы.

Пока не выяснено, как складывались отношения у Мака- ровых с местной интеллигенцией, хотя она была крайне ма- лочисленной. В этой связи хочется сказать о возможных встречах Макарова-отца и Макарова-сына с Н. П. Огаревым.

Проживая в Старом Акшине, а потом на Тальской фаб- рике, Н. П. Огарев часто бывал в Саранске. Так, 2 сентяб- ря 1848 года он сообщает жене о своем посещении Са- ранской ярмарки²⁰. 1 октября того же года он встречает в Саранской гостинице писательницу Евгению Тур (Соли- ас-де-Турменир)²¹. 12 ноября 1851 года Огарев сообщает М. Н. Островскому, что «в ожидании выздоровления живет близ города Саранска». 27 февраля 1852 года он посылает из Саранска издателю «Отечественных записок» Краевско- му предложение о поставке бумаги²². 10 августа 1855 года Огарев назначает в Саранске свидание с литературным критиком Анненковым²³ и т. п.

Почему Огарев часто бывал в Саранске, тогда как Ст. Ак- шино входило в Инсарский уезд, а Тальская фабрика в Корсунский?

Частые приезды поэта в Саранск связаны были, главным образом, с его общественно-политической деятельностью. Большой узел сухопутных дорог и крупный ярмарочный торг Саранска, а также станция Московско-Саратовского почто- вого тракта обуславливали большое скопление приезжих в город. Здесь поэт — революционный демократ — мог глубоко изучать настроения народных масс. Здесь он имел

значительные возможности вести агитацию и оказывать влияние на население ближайших уездов.

В Саранске были у Огарева связи с передовыми деятелями того времени, например, с декабристом Г. А. Римским-Корсаковым, писателем И. В. Селивановым. О саранских друзьях Огарева говорит и А. И. Герцен в одном из своих писем из Ниццы в Москву в 1851 году²⁴. Характерно, что в одно и то же время Н. П. Огарев пишет повесть «Гулевой», изображая в ряду других героев мальчика-мордвина, а И. К. Макаров создает произведение живописи, изображая двух молодых мордочек, причем прототипы этих обоих произведений взяты из близлежащих сел одного — бывшего Инсарского — уезда (теперь села Ст.-Шайговского района Мордовской АССР).

Не были ли художники Макаровы в числе тех саранских друзей Огарева, о которых писал Герцен? Этот вопрос, разумеется, требует дополнительного выяснения, но предположить, что Макаровы встречались с Огаревым, нам кажется, вполне возможным. В Саранском краеведческом музее сохраняется портрет молодого Огарева с женой. Автор этого портрета пока не выяснен. Не был ли он написан одним из художников Макаровых?

Тяжелые условия работы, недостаток средств для содержания школы заставляли отпущенного на волю крепостного Кузьму Макарова брать иконописные заказы. Он их выполнял не только в Саловке. Вместе с двумя сыновьями и 8 учениками Саранской школы он 9 месяцев рисовал картины для пензенского кафедрального собора. Вероятно, немало выполнил иконописных заказов Кузьма Макаров со своими учениками и в Саранске, где в то время было 19 церквей: 15 приходских, 2 кладбищенских и 2 монастырских. Эти же обстоятельства заставляли его брать заказы и в дворянских усадьбах. Им было нарисовано несколько портретов членов семьи помещиков Родионовых в селе Вешкайма Корсунского уезда²⁵.

Но и в этих трудных условиях Кузьма Макаров сумел подготовить немало учителей рисования для гимназий и уездных училищ.

Наиболее видным учеником Саранской школы является Иван Кузьмич Макаров (1822 — 1897 гг.). Свое первое значительное произведение «Две молодых мордочки» он создал вскоре после окончания школы своего отца. Академия художеств за это произведение присвоила ему звание внеклассного художника и выдала премию 75 рублей серебром. Указом правительствующего сената от 2 мая 1843 года саранский мещанин И. К. Макаров как «возведенный в звание внеклассного художника», был исключен из податного сословия

и освобожден от оклада податей, о чем в июле того же года было предписано саранскому казначейству и городской думе.

Получив признание, И. К. Макаров в 1844 году отправляется в Петербург и там посещает классы Академии художеств. В июле 1845 года «во уважение успехов в живописи» И. К. Макарова отцу его Кузьме Александровичу подарены гипсовые отливки статуй и голов, которые вручены были И. К. Макарову для отправки в Саранск.

В ноябре того же года Совет Академии «во внимание к успехам и в поощрение к дальнейшим занятиям по части художества» наградил Ивана Макарова серебряной медалью за картину «Девушки на гулянье в русском костюме» и «Портрет».

В феврале 1847 года художник был награжден второй медалью за рисунки с натуры. В сентябре 1855 года И. К. Макаров был возведен в звание академика по портретной живописи.

Часть работ И. К. Макарова хранится в Государственной Третьяковской галерее.

Четверть века трудился в Саранске Кузьма Макаров. 9 июня 1852 года в городе произошел опустошительный пожар, уничтоживший не одну сотню строений города. В архиве сохранились списки потерпевших. В «списке погоревшим домам и флигелям» по «Успенской части г. Саранска», в разделе «чиновники, состоящие на службе и в отставке», мы прочитали запись: «Дом и флигель губернского секретаря Кузьмы Александровича Макарова стоимостью 2 500 рублей»²⁶. В другом документе указано, что у К. А. Макарова сгорели «деревянный дом и флигель и разного имущества на 2 000 рублей». В третьем — «недвижимого имущества на 1 500 рублей, движимого имущества и товаров на 500 рублей»²⁷.

Что подразумевать под движимым имуществом и товарами? Вероятно, это картины. Так трагически закончила свое существование Саранская школа живописи.

Из архивных документов видно, что Кузьма Макаров пытался возобновить свою школу в Саранске. Но это ему не удалось, ибо 500 рублей ссуды, выданной ему городскими властями²⁸, было далеко недостаточно для строительства нового здания школы. Он вынужден был покинуть Саранск и добывать средства для возобновления своей учебной деятельности.

В 1854 году Кузьма Макаров организовал живописную школу в Пензе, а с 1863 года заведование Пензенской школой было передано его сыну Николаю Макарову, получившему специальное образование в 40-е годы в Саранской живописной школе.

Саранская живописная школа Макаровых сыграла значительную роль в распространении изобразительного искусства в Мордовии. Но никто из местных историков до сих пор не занимался изучением этой замечательной страницы истории родного края. О школе Макаровых не упомянуто даже в объемистой книге «Очерки истории Мордовской АССР», выпущенной в свет в 1955 году.

В Саранском краеведческом музее сохраняется немало старинных картин местного происхождения, есть они и в частных домах любителей живописи. Настало время внимательно просмотреть их специалистам художникам и искусствоведам, а историкам основательно порыться в архивах, и можно надеяться, что будут обнаружены новые интересные сведения о замечательной деятельности художников Макаровых в Мордовии.

РЕЛЬСОВЫЙ ПУТЬ

Строительство первых железнодорожных линий в России, наметившее крупные сдвиги в экономической жизни страны, оставило в народной памяти немало верных, а порой и причудливых преданий. Многие современники воспринимали появление первых паровозов как нечто сверхъестественное. Большими толпами жители деревень и городские обыватели выходили на ближайшие станции подивиться небывалому чуду, а некоторые ветхозаветные старушки по неграмотности осеяли себя крестным знаменем, чтобы оградить от напастей «нечистой силы», закованной в железо.

Широко известно предание о царской линейке, которая якобы определила направление рельсового пути между столицами Москвой и Петербургом. А сколько бытует местных преданий и в Ардатове, и в Инсаре, и в Лунине о чиновниках, инженерах-строителях, подрядчиках, которые якобы за взятки или по протекциям влиятельных лиц подводили рельсовые пути к городам и селам, а без взятки уводили их в сторону. Нет дыма без огня. Трудовой люд нередко и не без оснований подозревал в нечистоплотности царского чиновника или растущего капиталиста. Были и взятки, и протекции. Может быть, и верно предположение, что богатый помещик придворный генерал Арапов использовал свое влияние в Петербурге и Москве с тем, чтобы железная дорога прошла через его имение, чтобы появилась на географической карте станция Арапово (теперь Ковылкино), а старинные русские города Инсар и Наровчат остались в стороне. Можно предположить и то, что возглавлявший акционерное общество строящейся Московско-Казанской дороги иноземец капиталист Фон Мекк не учитывал нужды местного края, а руководствовался лишь

чистоганом. Но среди строителей дороги немало было и патриотов, которые трезво учитывали и рельефы местности и производили серьезные расчеты о предполагаемых для перевозок грузах.

Немало фантастического таят предания и о постройке железнодорожных линий в районе Саранска. По одной версии местным купцам якобы не хотелось, чтобы в городе появились московские конкуренты в торговых делах, поэтому будто бы и строительство железнодорожного узла из Саранска было перенесено в Рузаевку; по другой — дело решалось не иначе как из-за нежелания «отцов города» нарушить привычную тихую жизнь обывателей; по третьей — это произошло по беспечности городского головы Сыромятникова.

Шестьдесят семь лет прошло с тех пор, как в Саранске появился первый паровоз. Много лет живут в городе и сочиненные досужими головами предания. Но документальные свидетельства о строительстве рельсовых путей в районе города лежат на полках архива и до сих пор не обнародованы.

Во второй половине XIX столетия создались невыгодные условия для развития Саранска. Он постепенно стал утрачивать свое бывшее экономическое значение.

В первой половине столетия уездный Саранск не уступал в торгово-промышленном отношении губернскому городу Пензе, хотя и более населенному. По статистическим данным, опубликованным в 1849 году, в Пензе действовало 11 заводов: 3 кожевенных, 3 мыловаренных, 2 чугуноплавильных, 1 колокольный и 2 табачных фабрики. Стоимость продукции всех пензенских заводов и фабрик составляла 59 184 рубля. В Саранске было 23 завода: 15 кожевенных, 3 воскобойных, 1 салотопный, 3 свечных, 1 клеевой. Стоимость продукции всех саранских заводов составляла 91 884 рубля¹, т. е. почти в два раза превышала стоимость промышленной продукции Пензы.

По этим же данным изделия кожевенных и мыловаренных заводов Пензы реализовались внутри города и уезда, продукция других заводов шла в разные губернии. Саранские промышленники имели связи с крупнейшими центрами экономической жизни страны — с Москвой и Нижегородской ярмаркой².

Другие соседние города в торгово-промышленном отношении намного отставали от Саранска. В Краснослободске было всего лишь две фабрики канатопрядильные с годовой продукцией на сумму 18 тыс. рублей, в Инсаре — один кожевенный завод, который выпускал в год товаров на сумму 222 рубля³.

Посетивший в 1842 году Саранск В. Беккер писал: «По миновании бедного городка Лукоянова я прибыл в Саранск. Раскинутый на равнине, он красуется многими церквями, порядочным строением и широкими прямыми улицами. По числу жителей Саранск больше Арзамаса, но церквей в первом вдвое меньше против последнего, и к тому же не встречается замечательных. Каменных домов немного, а деревянных тысячи полторы»⁴.

В 1844 году в губернии было открыто два общественных банка: Пензенский с основным капиталом в 5 184 рубля и Саранский, в основание которого было вложено 10 000 рублей⁵.

В первой половине XIX столетия Пенза развивалась преимущественно как административный центр новой губернии, Саранск — как старый центр торгово-промышленной деятельности края.

В 60-е годы Пенза стала опережать Саранск в промышленном отношении. В 1864 году в Пензе было 13 заводов и фабрик с суммой годового производства в 180 тысяч рублей, в Саранске — 21 завод с продукцией на 148 тысяч рублей.

В 1865 году сумма производства пензенских заводов составила 350 тысяч рублей, саранских — 146. В 1866 году пензенские заводы дали продукции на сумму 490 тыс. рублей, саранские — на 148 тыс. рублей⁶. В эти годы усиливается приток товаров на ярмарки Пензы. В 1864 году привоз составил сумму 484 тыс. рублей, в 1865 г. — 580 тыс. рублей, в 1866 г. — 637 тыс. рублей. На Саранскую ярмарку в 1864 году было привезено товаров на 380 тыс. рублей, в 1865 г. — на 389 тыс. рублей, в 1866 г. — на 400 тыс. рублей.

Правда, суммы продажи товаров на Саранской ярмарке значительно превышали суммы выручки на ярмарках Пензы. В 1864 году на ярмарках Пензы было продано товаров на 98 тыс. рублей, в Саранске — на 200 тыс. рублей, в 1865 году — в Пензе на 100 тыс. рублей, в Саранске — на 206 тыс. рублей, в 1866 году — в Пензе на 99 тыс. рублей, в Саранске — на 150 тыс. рублей⁷.

Емкость саранского ярмарочного рынка в то время была еще значительна. По статистике 1871 года, город числился в ряду главнейших пунктов кожевенного производства России. Но он намного уступал в кожевенном производстве Казани, Касимову, Оренбургу, Ростову-на-Дону, не говоря уже о столицах⁸.

Преодолевая конкуренцию, саранские промышленники в 60-е годы отправляли гужом большие партии выделанной кожи в Воронеж, Новочеркасск, в Луганскую станицу на ярмарку, для войск Московского округа и разным

конторам для отправки за границу. Кожевенный товар сбывался по цене 16 рублей пуд (из 4-х кож)⁹.

Изделия салотопных заводов города направлялись к Суре, а оттуда водным путем в Петербург. Топленое сало сбывалось по цене от 3 до 5 рублей за пуд¹⁰. Хлебные торговцы города отправляли обозы ржи к сурским пристаям, на винокуренные заводы и в заштатный город Починки. В Починки же саранские торговцы доставляли немало овса и гречневой крупы. Из Починок арзамасские и муромские купцы передвигали хлебные обозы в Москву и в северные губернии.

Саранские коношляники отправляли в Петербург через сурские пристани большие партии растительного масла¹¹. Городские крестьяне имели в Саранске и окрестностях 200 пчельников, в которых насчитывалось до 4 000 ульев пчел. С воскобойного завода из Саранска воск гужом отправлялся в Москву¹². На огородах горожан заводились табачные плантации, и еще с 30-х годов в городе началась выработка махорки для рынка¹³. В 1856 году купец Урванцов открыл в Саранске первую махорочную фабрику¹⁴.

Пенька с саранского рынка шла в Нижний Новгород и Горбатов на канатные фабрики. Свиные туши по зимнему пути направлялись в Москву¹⁵.

В городе развивались и ремесла. По данным 1867 года, в Саранске было 856 мастеров, подмастерьев и учеников самых разнообразных профессий: кузнецов 140, сапожников 92, кирпичников 91, столяров 31, портных 30, модисток 18, кровельщиков 18, хлебников 22, калачников 30, булочников 24, пряничников 16, кондитеров 7, крендельщиков 6, каретников 4, живописцев 3, резчиков 3. Были часовщики и цирюльники, серебряки и красильщики, лудильщики и медники¹⁶.

Развивалась торгово-промышленная деятельность и в селах уезда, тяготевших к саранскому рынку: в с. Посопе действовал мыловаренный завод, в с. Смолькове — суконная фабрика, в д. Краснополье — свеклосахарный завод¹⁷, винокуренные заводы — в селах Ладе, Нечаевке, Б. Вясе и д. Дарьино¹⁸.

Сырье для саранских заводов закупалось не только в уезде, но и в других губерниях. Так, например, владелец Саранского салотопного завода купец Кротков, возглавлявший некоторое время строительство нового Саранского собора, в 50-е годы закупал в лето по 40 тысяч голов киргизских овец, с которых снимал до 35 тыс. пудов сала; кроме того, до 30 тыс. пудов сала он скупал сырцом и в тошленом виде у мелких скотопромышленников¹⁹. В 60-х годах тот же купец скупал говяжье и баранье сало в калмыцких степях,

по всей Пензенской губернии, были у него закупки в Саратовской и в Симбирской губерниях²⁰.

Крупный саранский кожевенный промышленник купец Коровин (он же Майоров) в 50-е годы, кроме кож, скупал для щетинного заведения сырье на ярмарках и базарах в Пензенской, Симбирской и Казанской губерниях²¹.

Для более успешного развития торговли продолжительность Саранской ярмарки была увеличена с недели до двух, а начало ее приурочено к окончанию Нижегородской Макарьевской ярмарки. До 40-х годов XIX столетия Саранская спасская ярмарка официально открывалась 16 августа в день Спаса нерукотворного образа, хотя съезд торговых людей начинался раньше, и к 15 (т. е. к Успеневу дню) ярмарка уже развевывалась. Поэтому в некоторых архивных документах она именуется Успенской. Закрывалась Саранская ярмарка 23 августа. Макарьевская ярмарка, продолжавшаяся месяц, заканчивалась 15 августа²².

В 1840 году официальное открытие Саранской ярмарки перенесено на 25 августа²³ с тем, чтобы купцы Пензенской, Тамбовской и Курской губерний, возвращавшиеся гужевым путем с Макарьевской ярмарки, могли успеть к ее открытию. Согласованность сроков действия Саранской ярмарки с Макарьевской способствовала привлечению к участию в ее торговле и купцов других губерний. Первые пять дней Саранской ярмарки отводились преимущественно для торговли лошадьми, а с 30 августа, со дня Александра Невского, развевывалась общая ярмарка. Поэтому и именоваться она стала Александровской.

В 60-е годы по-прежнему на Саранскую ярмарку съезжались купцы из многих городов страны и привозили как российские, так и иностранные товары.

Наибольшие съезды конной ярмарки приурочивались к 29 августа. К этому дню в Саранск пригонялись лошади различных пород: верховые, рысистые, степные и крестьянские²⁴.

В 1869 году на Саранскую конную ярмарку было пригнано 11 750 лошадей: 5 тысяч с конных заводов, 5 тысяч крестьянских и 1 750 степных²⁵. За лошадьми сюда съезжались купцы из Петербурга, Москвы и других городов страны.

К 70-м годам XIX столетия в Саранске и его уезде сложился крупный по тому времени торгово-промышленный центр. Плотность населения возросла. В «Записке уполномоченного» от земства Нижегородской губернии, составленной в 1869 году в связи с ходатайством этого земства о строительстве железнодорожной линии «Нижний Новгород-Сызрань», Саранский уезд характеризуется как один из

самых населенных уездов, экономически тяготевших к Нижнему Новгороду. По плотности населения Саранский уезд (50 человек на квадратную версту) немногим уступал Нижегородскому (60), опередив Арзамасский (42) и Пензенский (37)²⁶.

Внешний вид Саранска приобретал выразительные черты торгово-промышленного поселения того времени. На центральной Базарной улице (теперь Советская) целый квартал занимали 15 лавок каменного гостиного двора²⁷, принадлежавшего Петропавловскому монастырю; другой квартал этой улицы был застроен каменными домами купцов, в нижних этажах этих домов располагалось 8 торговых помещений, кроме того, в городе было 197 деревянных лавок²⁸. Целая улица в северо-восточной части города была застроена кожевенными и салотопными заводами. Эта улица именовалась Заводской (теперь Рабочая). В северо-западной части города действовали поташные заводы, а примыкавшая к ним улица называлась Поташной (теперь улица Полежаева). Название существующего теперь оврага «Поташный» произошло от того, что истоки его начинаются там, где в прошлом веке были поташные заводы. В городе существовала улица Кузнечная (теперь первый от речки Саранки квартал Московской улицы), здесь располагалось до 40 кузниц; сохранившаяся Посадская улица была заселена посадскими людьми-ремесленниками и мелкими торговцами.

В разных частях города среди небогатых деревянных строений мещан, цеховых и крестьян возвышались богатые каменные купеческие особняки. Купцы Кубанцевы имели 5 лучших домов в городе. Из них сохранились три: на Московской улице (теперь здание Республиканского военкомата), на Кировской (теперь здание швейной фабрики), на Советской (теперь магазин галантерейных и трикотажных товаров). Старинный четырехэтажный дом Кубанцевых стоял на месте современной картинной галереи, он был разобран после пожара 1869 года. Недавно разобран бывший дом Кубанцевых на ул. Московской (теперь на этом месте кооперативный техникум).

В то время Кубанцевы считались самыми богатыми людьми в Саранске. Среди горожан бытовала поговорка: «Он хочет стать богаче Кубанцева». Эта поговорка применялась при характеристике человека, начинавшего богатеть. Писатель И. В. Селиванов метко изобразил в образе Кабардинцева купеческую хватку одного из саранских купцов Кубанцевых²⁹.

До наших дней сохранились и другие старинные дома саранских купцов: Умновых (теперь здание Министерства земледелия на Советской улице), Кротковых на улице

Володарского (первый квартал от ул. Советской, этот квартал имел название Кротковой улицы), Начаркиных на улице Московской и других.

В среде саранских купцов и промышленников были и лица мордовской национальности: Начаркины, Письмеровы и другие³⁰. Есть предположение, что самые богатые купцы Саранска Кубанцевы происходят из мордвы. Это предположение высказано несколько лет назад на основании того, что в одном из ближайших к Саранскому мордовских сел (Перхляй) бытует фамилия Кубанцевых. После этого нами опрошены потомки Кубанцевых, проживающие в Саранске, и бывшие приказчики самих купцов; первые предполагают, что их предки с Кубани; вторые утверждают, что их бывшие хозяева происходят из Инсарского уезда, (село же Перхляй до 1918 года входило в Инсарский уезд). В ре-визских сказках XVIII столетия Кубанцевы числятся саранскими мещанами.

Столь разносторонняя торгово-промышленная деятельность способствовала и оживлению культурной жизни Саранска. В 1867 году в городе и уезде было 245 подписчиков на газеты и журналы. В 1871 году количество подписчиков по городу и уезду увеличилось до 338. Обозревая данные подписки на газеты и журналы в губернии, корреспондент «Пензенских губернских ведомостей» писал: «...Саранск с своим уездом, по числу получающихся периодических изданий, стоит на первом плане, и потому за его читающими обывателями мы должны признать наибольшую силу интеллектуального развития»³¹. В город проникали и революционно-демократические издания. По данным Н. Г. Чернышевского, в 1861 году в Саранске было 14 подписчиков на журнал «Современник»³². В 1861 году в городе действовали уездное и приходское мужские училища³³. К 1868 году в Саранске стало 4 учебных заведения: уездное, приходское, сельское приходское мужское и приходское женское³⁴. В 1873 году открылось Саранское ремесленное училище (четырёхклассное с преподаванием ремесл). С 1875 года стала действовать Саранская женская прогимназия. В 1876 году открыто мещанское приходское училище³⁵. В городе стали, правда не часто, устраиваться музыкально-литературные вечера и любительские спектакли³⁶.

С пятидесятых годов прошлого столетия в городе начались некоторые работы по благоустройству улиц, в центре подновились дощатые тротуары³⁷. В 1868 году с Базарной площади снесены «безобразные лавки», сама площадь стала очищаться от навоза после базарных дней — среды и субботы; «на мосту и некоторых главных улицах поставлено 10 фонарей»; определено место под разбивку

городского сада между строящимся новым собором и Верхне-Казанской церковью³⁸. Этот сад долго был потом местом прогулок саранской знати. Располагался он там, где теперь Дом Советов.

Но это были лишь зачатки городской цивилизации. Трудовой люд почти сплошь был неграмотным. Ученики городских школ исчислялись десятками. Да и учились тогда преимущественно дети дворян и купцов. Благие начинания по благоустройству города нередко нарушались самими жителями, которые медленно «привыкали к опрятному содержанию улиц», «на середину коих», как сообщал пензенский губернатор в 1869 году, «сваливался навоз, дохлые кошки, собаки и тому подобное»³⁹.

В купеческой среде царили патриархальные домостроевские устои. Отбывавший ссылку в 60-х годах прошлого столетия в Саранске писатель П. Н. Горский дал характерные зарисовки быта привилегированной части города того времени: «Купцы побогаче держали своих жен и дочерей, как султан держит в гареме наложниц. Даже кадровых офицеров... не принимали. Не имея знакомства с местными господами, трудно было достать книг, кроме календаря, сонника, азбуки и молитвенника. Я добивался для себя и жены книг, вроде «Юлия в лесу, или опасность в любви», «Совершенный егерь (для охотников на зверье и птиц)», «О турках и турчанках и их любезных ухищрениях», попадались журналы, но редко...

Саранские купцы (Кубанцевы, Урванцовы, Удаловы, Майоровы и проч.) свято чтили поставленную от бога полицейскую власть. Доказательство следующее. Архангельский (помощник исправника), которому я приносил совсем нарисованный вид или стихи, снабжал меня записками на имя многомясистых купцов и попов, следующего содержания: «Предлагаю вам, милостивый государь (такой-то), купить у г. Горского рисунок (или стихи) за 50 копеек для поддержания...».

Помещик Жмакин, чуть не обросший перьями, как Кобочка в «Мертвых душах», имел дикие понятия о сосланных. Он чуть не вырвал у меня из рук рисунок, когда я его чертил на площади (Саранска) карандашом, полагая, что я подосланный из-за границы лазутчик, который снимает местность городов, на случай если турки с французами вторгнутся с войсками в Россию... Начальство насилу убедило этого вандала, что я рисую не планы, а виды города для продажи...»⁴⁰.

К 70-м годам прошлого столетия возросло население Саранска. В 1801 году в городе было 7,4 тысячи жителей⁴¹, в 1867 году стало 14,2 тысячи жителей⁴². Соседние уездные

города по населенности значительно уступали Саранску: в Инсаре в 1869 г. насчитывалось 4,2 тысячи, в Краснослободске — 5,7 тысячи⁴³; по данным 1862 года, в Ардатове было 5,2 тысячи, в Корсуне — 3,6 тысячи, в Алатыре — 9,2 тысячи⁴⁴; в Темникове (1851 г.) — 5,8 тысячи жителей⁴⁵.

Однако рост населения Саранска проходил значительно медленнее, чем в ближайших губернских городах, расположенных на Волге и Оке. За 52 года (с 1811 г. по 1863 г.) Самара выросла с 4,4 до 34,1 тысячи человек (губернский центр с 1851 г.), Нижний Новгород с 14,4 до 41,5 тысячи, Рязань с 7,8 до 22,3 тысячи человек. Рост Симбирска для этого времени менее характерен (с 13,3 до 24,9 тысячи человек). Губернский город Пенза вырос с 14,8 до 27,3 тысячи жителей⁴⁶.

С начала 70-х годов в экономической жизни Саранска наступил застой. В течение 30 лет население города не увеличивается. Незначительный рост промышленной продукции происходит за счет укрупнения заводов и фабрик при сокращении их количества. Ярмарочный торг ослабевает и превращается из областного в уездный. Посетивший в 1876 году город художник-академик Н. Дмитриев-Оренбургский и нарисовавший с натуры картину Саранской ярмарки для журнала «Всемирная иллюстрация» (гравировал Э. Дамюллер) заметил, что «ярмарка падает, в 1875 году было привезено товаров на 271 тысячу рублей, а продано на 89 тысяч, менее, чем в 74 году, на 14 тысяч рублей»⁴⁷.

Почему так произошло? Каковы причины, обусловившие оскудение саранского рынка и застой в промышленном развитии города в то время, когда общероссийский капитализм развивался интенсивно?

Растущая капиталистическая конкуренция после реформы 1861 года, возникновение новых крупных рынков сырья, перемещение торговых путей подрывали экономическую жизнь средних по тому времени городов, подобных Саранску.

Рост народонаселения европейской части России в XIX столетии почти в три раза (с 39 миллионов человек в 1800 году до 111 миллионов человек в 1900 году)⁴⁸ обусловил новые потребности в продуктах питания и товарах широкого потребления. Примыкающее к Самаре Заволжье интенсивно заселялось, целинные земли распахивались, подобная картина наблюдалась и на юге России от Саратова к Ростову-на-Дону. Товарный хлеб старых рынков, подобных саранскому, стал иметь незначительный удельный вес в общероссийском обороте. Десятки миллионов пудов хлебных грузов к Петербургу, Москве и другим

растущим промышленным центрам северо-западной России пошли из Заволжья и с юга.

Невыгодным стало пригонять в Саранск табуны киргизских или калмыкских овец, потому что пути прогона оказались распаханными, а следовательно, и неудобными для нагула скота во время движения. К тому же салотопные и кожевенные заводы росли и в Самаре, и в Оренбурге, и в Ростове-на-Дону.

Развивающееся судоходство на Волге и других крупных реках способствовало усилению экономического развития прилегающих к ним районов, отодвигая на второй план значение гужевых трактов. Наконец появились новые конкуренты гужевых трактов — железные дороги. Доставка пуда хлебного груза в Петербург с волжских пристаней Казанской губернии к началу 70-х годов стоила 29 копеек, с Сурских пристаней — 32, по железной дороге из района Нижнего Новгорода — 25 копеек. А от Саранска только до Нижнего Новгорода провоз пуда хлеба гужом стоил 34 копейки⁴⁹.

В. И. Ленин, анализируя развитие капитализма в России, выделяет «два периода громадного подъема» железнодорожного строительства: «конец 60-х (и начало 70-х) годов и вторая половина 90-х годов»⁵⁰.

В первый период железнодорожного строительства в России Саранск, как и вся Мордовия, не получил рельсовых дорог и оказался вдалеке от новых торговых путей. В 1862 году железнодорожные линии соединили Москву с Нижним Новгородом, в 1864 с Рязанью, в 1867 с Моршанском. Сурский водный путь, которым раньше пользовался Саранск, обмелел. Гужевые тракты оказались не в состоянии конкурировать с новым мощным железнодорожным транспортом, а некоторые гужевые торговые пути заглохли совсем, как, например, тракт, соединявший Макарьевскую ярмарку с Курском, получившим железнодорожную связь с Москвой и Нижним Новгородом в 1867 году.

Курские, елецкие, тамбовские купцы, заезжавшие гужевым путем от Макария на Саранскую ярмарку, с постройкой железных дорог почти совсем прекратили торговые связи с Мордovieй.

Были и местные причины, задерживавшие рост города: например, опустошительные пожары, происходившие из-за отсталости организации и средств противопожарной охраны. Народная память сохранила предание о трех больших пожарах в Саранске прошлого века. До нас дошли и названия пожаров: Грошев, Филагрев и Кубанцев. Свидетельства об огромных масштабах этих стихийных бедствий

сохранились в местных архивах, были и публикации о причиненных убытках.

Названия пожаров возникли в народном обиходе от имени или фамилии владельца первого загоревшегося дома. В описании пожара 1869 года указано, что начался он «в задней части двора Кубанцевых»⁵¹. Название Филагревского пожара 1852 года мы устанавливаем по имени Филагрея Кудрявцева, который значится в списке погорельцев мещан и цехов⁵². О грошевском пожаре рассказывали старожилы города, родившиеся в 40-х годах прошлого века, оговариваясь, что они передают это со слов отцов или дедов.

Грошевский пожар 1817 года уничтожил 600 домов в верхней, наиболее капитально по тому времени устроенной части города. Сгорело 5 церквей. В этом пожаре погибли многие памятники старины⁵³, напоминавшие о Саранской крепости. Филагревский пожар произошел 9 июня 1852 года. Сгорело 550 домов также в верхней центральной части города. Многие старинные дворянские особняки после этого пожара не возобновились⁵⁴, не восстановилась и сгоревшая Саранская живописная школа художников Макаровых. Кубанцевский пожар произошел 2 августа 1869 года во время сильного ветра. Менее чем через час после начала пожара пламя охватило территорию той же верхней центральной части города и примыкавших к ней улиц «на две версты в длину и на полверсты в ширину». В течение двух часов пожар уничтожил 391 дом, 20 лавок и магазинов, 3 училища с библиотеками, военные казармы, обгорели куполы и шпили 4-х церквей. От пожара были человеческие жертвы, погибло несколько лошадей⁵⁵.

Через месяц после этого пожара в Саранске побывал великий русский писатель Л. Н. Толстой. Подъезжая к городу с северо-западной стороны по Большой московской дороге, он любовался живописным пейзажем местности⁵⁶, черноземным грунтом, покрытым зелеными всходами озимых, дубовыми рощами, а при въезде в город был опечален картиной страшного бедствия. «Мы приехали в Саранск, — рассказывал он. — Несколько дней тому назад город весь выгорел; почтовый двор, храмы — все погорело, торгуют теперь там вместо рядов из-под каких-то брезентов. Наш ямщик подал нам лошадей. Они тоже были в пожаре; у одной обгорела грива, а у другой немного хвост обгорел...»⁵⁷.

После первых двух пожаров Саранск быстро отстраивался вновь. Третий пожар произошел в то время, когда стал обнаруживаться застой в экономической жизни города, поэтому застройка выгоревших кварталов и возобновление торгово-промышленной деятельности в городе на этот

раз осуществлялись медленно, хотя и был разработан проектировщиками и утвержден в 1872 году царем Александром II новый план застройки города.

По этому плану территория Саранска увеличивалась, предусматривалось устройство новых площадей, намечались резервные кварталы с северной и западной сторон. Прямоугольная сетка улиц по плану 1824 года охватывала только верхнюю террасу. План 1872 года намечал реконструкцию кварталов и на нижней террасе. В целях предохранения от пожаров предусматривалось расширение улиц и строительство домов по красным линиям с соблюдением необходимых разрывов между постройками.

Но одной разработки, хотя и хорошего плана, было недостаточно. Не устранила застоя Саранска и городская реформа 1870 года, обещавшая поднять инициативу и расширить права местных самоуправлений. Преодолеть застой в экономической жизни города можно было только при условии соединения его с железнодорожной сетью страны.

Первые надежды получить эти связи появились как раз в то время, когда город переживал тяжелую травму, нанесенную опустошительным пожаром.

В 1869 году Нижегородское земство опубликовало проект постройки железнодорожной линии «Нижний Новгород — Сызрань»⁵⁸, имея в виду перевозки крупных хлебных грузов, скапливавшихся в Сызрани, особенно в зимнее время. Предполагалось, что эта железнодорожная линия пройдет от Нижнего Новгорода на Константинове, восточнее Арзамаса, западнее Ардатова, через Промзино, Корсунь и к Сызрани. По этому проекту Саранск, хотя и приближался бы к железнодорожной сети, но находился бы от самой близкой станции на расстоянии 90 верст.

Пензенское земство выступило против этого проекта, как невыгодного для губернского центра, отстаивая свой проект — соединить Моршанск с Сызранью через Пензу. Первый проект в Петербурге был отвергнут, второй принят. В 1873 году Пенза получила железнодорожную связь с Москвой⁵⁹, через год железнодорожная линия была подведена к Сызрани⁶⁰, а в 1877 — к Самаре⁶¹.

В Нижегородском проекте 1869 года предусматривалась также возможность соединить железнодорожным путем Нижний Новгород с Саратовом через Арзамас, Саранск, Пензу, Аткарк⁶². Но и это предложение нижегородцев не было принято в Пензе⁶³. Саранск, как и вся Мордовия, еще на 20 лет остался без железнодорожных связей.

Эти двадцать лет крайне отрицательно сказались в экономической жизни Мордовии. Богатый черноземными почвами, лесами и пойменными лугами край с издавна сложившимися

промыслами и торговлей оказался с трех сторон обойденным новыми транспортными путями. Промышленные и торговые капиталы стали перекочевывать из Мордовии к городам, расположенным у железных дорог, — к Нижнему Новгороду, Пензе, Самаре. Некоторые промышленники, не только русские, но и мордовские, стали покупать или строить новые фабрики и заводы, приближаясь к Пензенской линии и отдаляясь от прежних мест. Так, например, мордовские купцы Начаркины, имевшие ранее торговлю в городе Саранске и винокуренный завод в Саранском уезде, в 1880 году строят второй завод в Мокшанском уезде, а в 1890 — третий в Городищенском; или мордовские фабриканты Казеевы, происходившие из Зубово-Полянского района, много лет пользовавшиеся гужевым трактом Тамбов — Нижний Новгород, приобретают новые суконные фабрики вблизи железнодорожных путей Москва — Пенза — Сызрань⁶⁴.

Правда, абсолютное большинство саранских купцов и промышленников оставалось на месте. Они стремились перемещать капиталы в производство легкоперевозимых изделий и товаров для местного рынка или в торговлю транспортабельными для гужевых перевозок мануфактурными изделиями с выездом на ближайшие базары и ярмарки. Так, например, городской голова купец Фалилеев стремился развивать махорочную фабрику⁶⁵, купцы Кубанцевы, пригонявшие раньше гурты овец из калмыцких степей для переработки и торговавшие различными товарами преимущественно в городе, стали чаще бывать на сельских базарах и ярмарках.

Местное население Саранска как крестьянское, так и мещанское стало заполнять свои огороды трудоемкими табачными плантациями; сельские жители, кто побогаче, видя невыгодность вывозить излишки хлеба к отдаленной на 150 — 200 верст железнодорожной станции, стали выкармливать дорогих породистых тяжеловозных лошадей, транспортабельных для сбыта в Петербург или в Москву.

Тем не менее, эти и подобные им меры приспособления к изменившимся условиям рыночных связей не давали ощутимого эффекта. Обеднение края шло катастрофически. Пользуясь большим предложением рабочей силы, местные промышленники перекладывали свои неуспехи на рабочих, а помещики и кулаки — на батраков. Трудовой люд нещадно эксплуатировался.

Удаленность от новых путей транспортных связей страны способствовала консервации и сохранению остатков полупатриархальных отношений в быту населения как русского, так и особенно мордовского. Лучина для освещения, самодельные серные спички, курные избы с топкой

«по-черному», лапти и домотканая одежда, постные щи и картофель «в мундире» — вот что было характерно для быта крестьянского населения Мордовии семидесятых и восьмидесятых годов прошлого столетия.

В 1891 году возник проект соединения железнодорожным путем Москвы с Казанью через Рязань. Строительство и эксплуатация новой Казанской железной дороги были переданы акционерному обществу, во главе которого стоял крупный капиталист Фон Мекк.

Экономические обоснования показывали целесообразность вести новую дорогу от Рязани через Шацк, Саранск и Алатырь⁶⁶, т. е. через места преимущественно черноземные, богатые хлебными грузами⁶⁷. Но этому варианту был противопоставлен другой с более коротким направлением от Коломны⁶⁸ через Касимов, Елатьму и Алатырь, где преобладали грузы лесные и промышленные⁶⁹.

Первый вариант обещал большие стимулы для экономического развития Мордовии, второй — оставлял ее в стороне.

Предлагались третий и четвертый варианты: от Пронска на Касимов⁷⁰, от Муром на Казань⁷¹.

Казанская городская дума поддерживала саранское направление, что видно из телеграмм Казанского городского головы Дьяченко, полученных в Саранске⁷².

Саранские городские власти решили вмешаться в этот спор и ходатайствовать перед правительством об осуществлении первого варианта. 31 января 1891 года было собрано внеочередное заседание городской думы, которая постановила: считать «проведение железнодорожного пути через Саранск в высшей степени необходимым во всех отношениях... Осуществление этого проекта, несомненно, может принести громадную пользу местным жителям, так как соединение двух таковых важных торговых центров, как Рязань и Казань, оживит промышленность и торговлю нашего края и даст жителям последнего массу заработка, поставив быт местного населения, беднеющего с каждым годом, в более благоприятные жизненные условия»⁷³.

На этом же заседании саранской городской думы решено было послать в Петербург депутацию в составе уездного предводителя дворянства Д. Н. Обухова, председателя уездной земской управы Д. Ф. Фалилеева, городского голову Д. И. Кубанцева и гласного думы Я. В. Кербицкого. В Петербурге саранская депутация изложила ходатайство министру внутренних дел.

4 февраля состоялось экстренное заседание Касимовской городской думы, на котором решено было послать

представителей с ходатайством перед министром финансов о проведении Казанской дороги через Касимов⁷⁴. Касимовская делегация тоже выехала в Петербург.

13 марта саранская городская дума командировала в Пензу городского голову Д. И. Кубанцева и гласного думы В. А. Каменщикова, чтобы «принести лично господину начальнику губернии ходатайство города о содействии»⁷⁵.

Пензенский губернатор вошел в сношения с министром путей сообщения, который ответил, что «высочайше утвержденными 21 апреля и 5 июня положениями Комитета министров постановлено: «Избрать для Казанской линии направление от Рязани по правому берегу р. Оки и, оставляя к югу г. Шацк, через Саранск и Алатырь на Казань»⁷⁶.

Летом 1891 года начались работы по сооружению рельсовых путей на территории Мордовии⁷⁷.

По изысканиям инженеров акционерного общества железнодорожную станцию Саранск намечалось соорудить на правом берегу реки Инсары на свободной земле посопских крестьян, чтобы избежать большого сноса городских строений. Но городская управа не согласилась с этим и обратилась к акционерному обществу с просьбой поставить вокзал и станцию в черте города. Правление общества соглашалось удовлетворить просьбу при условии, если город возьмет на себя расходы по сносу строений с мест прохождения пути, по перепроектировке направления и «безвозмездно уступит обществу дороги потребное количество земли»⁷⁸.

12 августа 1891 года городская дума постановила принять расходы по переноске строений на счет города; через месяц ею было решено принять на счет города и расходы по перепроектировке, а еще через 10 дней городская управа сообщила агенту общества, что уступила городскую землю под полотно, вокзал и необходимые сооружения безвозмездно⁷⁹.

Во второй половине сентября 1891 года были начаты работы по возведению полотна на городской земле.

Расходы по переноске строений составили 8 тысяч рублей. Дорога пересекла 127 усадебных мест. Сносимые постройки принадлежали 48 хозяевам. Перепроектировка стоила 900 рублей⁸⁰.

Не сразу был решен вопрос о выборе места под вокзал и железнодорожную станцию и на городской земле. По вторичным изысканиям инженера акционерного общества Толмачева было определено поставить вокзал вблизи к центру города, позади Пичугинской улицы, т. е. в местах примыкания центральной Базарной (теперь Советская) улицы к пойме реки Инсары. Но строитель саранского участка

дороги инженер Ракинт считал это место неудобным, требующим высокой насыпи и больших материальных затрат. Он предложил поставить вокзал и соорудить станцию в северной части города на выгонной земле, где место суше и просторнее. Городская дума согласилась с этим предложением⁸¹.

Пользуясь избытком рабочей силы в Мордовии, акционерное общество довольно быстро вело строительство, хотя и при ручном труде.

Поздней осенью 1893 года строительные работы были завершены, а в середине декабря в районе Саранска началось регулярное движение поездов⁸².

В самом Саранске образовалась крупная по тому времени железнодорожная станция с грузооборотом до 4-х миллионов пудов, с паровозным депо, поворотным кругом, кондукторским резервом и службой дистанции пути⁸³. В Саранске менялись паровозы, приходившие со станции Арапово (теперь Ковылкино) и со станции Алатырь. Действовало беспередачное пассажирское сообщение с крупными центрами культуры, университетскими городами — Москвой и Казанью. Улучшались средства почтовой связи, правительственный телеграф был соединен телефоном с телеграфом железнодорожным. В городе появилась техническая интеллигенция: ревизоры движения, работники дистанции пути, контролеры телеграфа. Пригодились и городские кузнецы, которые составили первое ядро рабочих Саранского паровозного депо.

Рельсовый путь способствовал оживлению промышленности города. В течение трех лет (1893 — 96 гг.) в Саранске построены: 3 паровых мельницы с выработкой до полутора миллионов пудов муки в год, паровой маслобойный завод, мыловаренный завод, пенькотрепальное и веревочные заведения⁸⁴.

Открывались новые возможности развития железнодорожной станции. В 1894 году возник проект соединения с Саранском не имевшего еще тогда рельсового пути Симбирска, составленный представителями города Корсуна и поддержанный Симбирским губернским земством⁸⁵. Но саранская городская дума оказалась недальновидной. Прежнее руководство сменилось. Вместо влиятельного в купеческом обществе Д. И. Кубанцева городским головой стал М. В. Сыромятников, человек небогатый, раньше служивший управляющим у помещиков и купцов, на которого стали оказывать давление новоявленные, быстро богатевшие в то время, малокультурные торгаши, вроде мясника И. А. Зимина. Их поддерживали директор банка Н. П. Кузовков и обер-офицерский сын П. И. Соколов,

занимавшийся адвокатурой, т. е. люди материально зависимые от новоявленного купечества.

Пользуясь тем, что городская управа, понесшая большие расходы на исклопотание рельсовых путей, снос строений и перепроектировку направления дороги, впала в долги тому же акционерному обществу (8 900 рублей), эта группа толкнула новое руководство городской думы и управы на рискованные шаги.

Было извлечено из протоколов думы одно из устаревших ее решений, в котором предусматривалось безвозмездное отчуждение дороге городских земель за чертой города и ничего не указывалось относительно земель в черте города.

На основе этого довольно неопределенного решения, принятого тогда еще, когда неизвестно было, где определится место под вокзал и железнодорожную станцию, дума в ноябре 1893 года предъявила акционерному обществу претензии об оплате стоимости 19 десятин земли, занятой дорогой в черте города⁸⁶. Расценки земли были явно завышены.

Председатель акционерного общества Фон Мекк и строитель дороги главный инженер Антонович могли бы пойти на уступки городской думе и в некоторой степени удовлетворить ее претензии, потому что общество дороги получило 26 десятин городской земли за чертой города безвозмездно, тогда как обычно отчуждаемая обществу земля оплачивалась.

Фон Мекк пренебрег интересами города и категорически отверг претензии думы. Возник конфликт, который длился 7 лет и отрицательно повлиял на судьбы развития Саранской железной станции. Жители города скоро почувствовали действительность старой русской пословицы: «С сильным не борись, с богатым не судись».

В тяжбах самонадеянных купцов из провинции с многоопытным финансовым магнатом Фон Мекком сказался присущий капитализму дух меркантилизма в ущерб здравому смыслу.

Еще в 1890 году, т. е. до постройки Казанской дороги, саранская городская дума выдвигала проект — соединить рельсовым путем Пензу с Саранском. Тогда же дума выделяла из средств города 10 тысяч рублей на сооружение вокзала и путей, безвозмездно отчуждала под железнодорожное строительство и городскую землю. Были проведены инженерные изыскания для определения направления пути⁸⁷. Но этот проект в то время не осуществился.

С постройкой Казанской дороги прежний замысел было решено осуществить. В апреле 1894 года саранская городская

дума еще раз обсуждала этот вопрос. В это время начались уже разногласия между думой и акционерным обществом, которое стало относиться к саранским властям с неприязнью и колебалось, присоединять ли Пензенскую ветку к Саранску или избрать новую точку присоединения у станции Рузаевка. Саранская дума обратилась с просьбой к Пензенскому губернатору, чтобы тот ходатайствовал перед министрами путей сообщения и финансов о примыкании Пензенской ветки к Саранску, мотивируя тем, что этот вариант пути непосредственно соединит два торговых центра губернии — Пензу и Саранск — и обеспечит охват транспортом лесной и хлебобордной присурской местности.

Ходатайство и мотивировка оказали некоторое влияние на работников акционерного общества. В августе 1894 года агент общества по отчуждению имущества для Рязано-Казанской линии Бонецкий обратился в Саранскую городскую управу с просьбой собрать экстренное заседание думы для решения вопроса, по какой цене город может уступить земли для нового строительства, указывая, что «в самом непродолжительном времени предполагается построить две ветви железной дороги на Пензу и Починки, которые могут начинаться и от станции Саранск»⁸⁸.

Городская дума решила земли для Починковского направления (в сторону к Лямбирям) уступить за плату стоимостью от 300 до 800 рублей за десятину, а для Пензенской ветви, если она пойдет прямо от Саранска, минуя Рузаевку, бесплатно⁸⁹.

Работники акционерного общества предполагали, что саранская дума ввиду Пензенской и Починковской веток откажется от прежних претензий и по дешевой цене или совершенно безвозмездно уступит земли для нового строительства. Но дума этого не сделала, надеясь на поддержку Пензенского губернатора и министров.

Однако Фон Мекк оказался не менее влиятельным, чем губернатор и даже министры. Не получив желаемого ответа от городской думы, он решил действовать по-своему и в отместку саранским властям примкнул Пензенскую ветвь к небольшой в то время проходной станции Рузаевка, а от строительства Починковской ветви отказался.

16 декабря 1895 года на линии Пенза — Рузаевка было открыто железнодорожное движение⁹⁰.

В сентябре 1895 года в Саранске появились слухи, что акционерное общество предполагает соединить Казанскую дорогу с Сызранью или Батраками. Начались изыскания у Саранска⁹¹. Для узловой станции Саранск намечалось место в южной части города, в районе, где теперь

располагается кирпичный завод. Оттуда линия должна была пройти к деревне Луховка и на Сабаево, дальше к Сызрани. Но изыскатели тогда же, осенью 1895 года, переориентировались и повели разведку линии на Сызрань от Рузаевки⁹².

Городская дума, отстаивая требование примкнуть Сызранскую ветку у Саранска, заручилась поддержкой пензенского и нижегородского губернаторов, пензенского губернского земства и нижегородского городского головы. Саранскую думу поддержал и влиятельный в то время в коммерческих делах председатель нижегородского ярмарочного комитета Савва Морозов. Однако дума не встретила поддержки у министров, которые считались больше с мнением Фон Мекка. Депутации саранской городской думы выезжали в Нижний Новгород, Москву и Петербург, наконец, обращались с петицией на «высочайшее имя»; дума готова была на сей раз отказаться от прежних претензий к акционерному обществу дороги; обращались и к Фон Мекку, но он был неумолим⁹³.

24 февраля 1897 года был подписан Николаем II именной указ о строительстве железнодорожной линии от г. Сызрани до соединения с Рязанско-Казанской железной дорогой близ станции Рузаевка⁹⁴.

28 декабря 1898 года открылось железнодорожное движение по линиям Рузаевка — Сызрань и Инза — Симбирск⁹⁵.

Саранское паровозное депо было закрыто еще в 1896 году и переведено в Рузаевку⁹⁶. Некоторые работники саранского паровозного депо и других служб станции из числа местных жителей переехали в Рузаевку и поселились во вновь создаваемом поселке.

Так образовался Рузаевский железнодорожный узел, а станция Саранск стала проходной.

Вскоре после перевода паровозного депо из Саранска в Рузаевку осенью 1896 года в городе появились новые слухи, что акционерное общество намерено соединить рельсовым путем Нижний Новгород с Казанской дорогой. Предполагалось, что изыскания начнутся из Саранска, или Ромоданова, или Куликовки (ст. Хованщина). Однако скоро выяснилось, что приехавшие из общества инженеры начали изыскания от Рузаевки на Починки, оставляя Саранск к востоку от предполагаемой к сооружению Нижегородской ветки⁹⁷. Начались новые хлопоты.

Городская дума первоначально отстаивала необходимость примыкания Нижегородской линии к станции Саранск. Дума получила поддержку пензенского губернатора и направила ходатайства министрам финансов и путей сообщения,

но акционерное общество настаивало на рузаевско-починковском варианте. Видя шаткость своих позиций, саранская дума избрала новую тактику. Посланная в Петербург депутация думы стала отстаивать новый вариант, а именно — примкнуть Нижегородскую железнодорожную линию в Ромоданове, имея в виду, что грузопоток по новой линии будет проходить через станцию Саранск. Правительственная комиссия единогласно поддержала ромодановский вариант ввиду того, что это направление на 55 верст короче рузаевско-починковского. 16 июня 1898 года был подписан именной указ царя о строительстве Ромодановско-Нижегородской железной дороги⁹⁸. Она вступила в действие в 1903 году⁹⁹.

Так, с другой стороны от Саранска появился новый железнодорожный узел Ромоданово, переименованный впоследствии в Тимирязево (теперь Красный Узел), а в Нижнем Новгороде — Ромодановский вокзал.

Примыкание Нижегородской ветки в Ромоданове усилило железнодорожные связи Саранска. Он занял центральное положение между двух близко расположенных узловых станций. Анненковский землевладелец придворный полковник А. П. Мердер, помогавший городской думе обосновывать ромодановский вариант, писал в 1896 году городскому голове Сыромятникову из Петербурга: «...памятуйте мое пророчество, что если железная дорога пройдет к Нижнему от Ромоданова, то Саранск получит центральные мастерские, а Ромоданово — расходное депо, ибо Ромоданово не город, а лишь большое село, весь же участок, в том же случае, от Рузаевки до Ромоданова застроится всевозможными фабриками и получит несколько промежуточных станций и полустанций и второй путь, так как движение тогда будет на нем громадное...»¹⁰⁰.

Прогноз не лишен здравого смысла, но осуществиться в условиях загнивания капитализма он не мог. Памятником этой эпохи стоит в Саранске угрюмое каменное здание закрытого в 1896 году паровозного депо.

В 1898 году саранская городская дума усилила хлопоты о взыскании с акционерного общества оплаты за земли, отведенные дороге внутри города. Сумма претензий, предъявленная еще в 1895 году, составляла 83 249 рублей. Суды и пересуды велись во многих инстанциях, и только в 1901 году дело было решено миром. Общество дороги выплатило саранской городской управе 25 тысяч рублей. После этого было документально оформлено отчуждение земли¹⁰¹.

Акционерное общество вынуждено было признать свою несправедливость, а городская дума — самонадеянность новоявленных ретивых торгашей.

Но как бы то ни было, а старинный город России с двухсотлетними традициями торгово-промышленной деятельности потерпел ущерб. Мало считался Фон Мекк и с интересами молодого поселка, возникшего при узловой станции Рузаевка.

Акционерное общество не построило там ни одного капитального здания для нужд железнодорожников, исключая пассажирский вокзал и паровозное депо, которые были созданы для наживы владельцев акций этого общества.

Более чем через десять лет после образования Рузаевской железнодорожной станции машинисты депо жаловались, что в поселке этой станции «частные квартиры... не отвечают условиям ни в гигиеническом, ни в пожарном отношении», и что слесари и смазчики «занимают квартиры, ничего общего с этим названием не имеющие, и притом из-за дороговизны их живут скученно — по две, по три семьи вместе», и что нет в поселке ни клуба, ни библиотеки-читальни¹⁰².

Народное предание справедливо обвинило незадачливых местных купцов. К этому нужно прибавить суровое обвинение и в адрес крупных магнатов-капиталистов во главе с Фон Мекком.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Саранск со времени основания Пензенской губернии числился в ней вторым городом, но к концу XIX столетия он намного отстал от первого, т. е. от Пензы.

Правда, с постройкой Московско-Казанской железной дороги Саранск оказался в выгодном положении. На линии новых железнодорожных путей (от Рязани до Казани) протяженностью около 700 верст — это был самый значительный в то время городской центр.

Расположенный в плодородной черноземной местности, имея исстари сложившийся крупный ярмарочный торг, хотя и несколько ослабевший из-за опоздания постройки рельсовых путей, Саранск, получив эти пути, стал претендовать на главную роль в экономической и культурной жизни довольно большой округи — северной части Пензенской и прилегающих к ней некоторых районов Симбирской и Нижегородской губерний, на площади приблизительно совпадающей с территорией современной Мордовской АССР.

Мысль о расширении сферы влияния Саранска за пределы уезда высказывалась и устно и печатно, отражалась она и в официальных документах. Саранский городской голова М. В. Сырмятников еще в 1899 году, обосновывая необходимость преобразования женской прогимназии в гимназию, писал пензенскому губернатору: «Саранск является Центральным городом большого края. Находящиеся вокруг него, железнодорожно оборудованного, Спасский, Темниковский, Наровчатский, Краснослободский, Инсарский, Саранский, Лукояновский, Сергачский, Ардатовский, Алатырский, Корсунский уезды не имеют гимназий»¹.

Саранская городская управа добивалась открытия гимназии с расчетом обслуживания перечисленных уездов.

Губернское правление признавало это правомерным, но поддержки саранскому городскому управлению не оказало.

Возрастающее значение Саранска признавали и сами начальники губернии. Бывший в Пензе губернатором Кошко писал в воспоминаниях: «Наиболее оживленным городом в губернии был Саранск, расположенный на железной дороге, он вел большую хлебную торговлю, наилучшим показателем чего служит то обстоятельство, что в таком сравнительно небольшом уездном городе было три-четыре отделения коммерческих банков, не считая городского. Город был довольно велик и для уездного центра недурно обстроен»².

При всем этом губернские власти не только не способствовали развитию Саранска, но и держали его на скудном бюджете. Доходы города в значительной степени изымались и использовались для губернии. Это обловливало задержку в развитии и самого Саранска и районов, экономически и культурно тяготевших к нему.

Городское управление пыталось протестовать против этой несправедливости. Так, еще в 1904 году возникло дело «О выделении города Саранска в самостоятельную единицу и об исключении его из района деятельности земства»³.

Подобные дела первоначально были возбуждены перед правительством уездными городами, имевшими значительные доходы, но сильно ущемлявшимися губернскими земствами. В числе этих городов были Муром (Владимирской губ.), Александровск (Екатеринославской губ.), Саранск (Пензенской губ.) и другие. Позднее на этот путь встали и некоторые менее значительные уездные города России.

Земство становилось тормозом на пути развития городских центров.

В 1904 году Саранск платил налогов губернскому и уездному земствам 12 тысяч рублей, а выделялось из этой суммы для нужд города всего лишь три тысячи. Еще более разительная картина выявляется при анализе доходов и расходов города в 1913 году. В это время губернское и уездное земства изымали из городской кассы 35 тысяч рублей в год, а тратили на нужды города, как и прежде, не более 3 тысяч⁴. Вопрос о выделении подобных Саранску городов из сферы деятельности земства правительством не решался. Правда, в 1913 году в Киеве состоялся по этому поводу съезд городских представителей⁵, на котором присутствовал и делегат из Саранска, но и этот съезд не разрешил противоречий между земствами и городами.

Большое ежегодное изъятие городских средств крайне отрицательно сказывалось на благоустройстве города и развитии промышленности. В городе, где царило бездорожье, утопали на улицах лошади с телегами, крайне

трудно было приживать новые промышленные заведения. В местном архиве сохранилось письмо председателя Саранской уездной земской управы В. К. Лилиенфельда городскому голове М. В. Сыромятникову о неудобствах, затрудняющих промышленное развитие города. Письмо датировано 4 октября 1898 года.

«С особым удовольствием прочитал я Вашу записку о торгово-промышленном значении города Саранска, — писал Лилиенфельд, — и Ваше воззвание к фабрикантам о всех удобствах избрать Саранск и его уезд, в особенности ту полосу Саранского уезда, которая лежит по течению реки Инсары, для устройства различных торгово-промышленных предприятий. Будучи за границей и посещая различных деловых людей, я в разговоре с ними неоднократно обращал их внимание на будущее значение Саранска и его уезда, иногда достигая вполне намеченной цели. Так, например, мною проектируется в Саранске Русско-швейцарское, Русско-голландское, Русско-бельгийское и Русско-английское товарищество сельских хозяев по улучшению симментальской и голландской пород рогатого скота, бельгийских арденских лошадей и чистокровных английских и йоркширских свиней. О всех этих мероприятиях будет мною доложено предстоящему земскому собранию, от усмотрения которого зависит дальнейшее направление этих дел. Что же касается устройства фабрик и заводов, то в этом отношении вряд ли можно будет надеяться на успех, если город Саранск не придет навстречу всем тем лицам и учреждениям, которые пожелали бы устроить что-либо полезное в Саранске и его окрестностях.

И в самом деле, представьте себе положение культурного человека, приехавшего в Саранск для устройства себе оседлости и желающего приступить к сооружению фабрик, заводов и т. п. Прежде всего ему бросится в глаза та невылазная грязь, которая замечается в Саранске весной и осенью, и страшная пыль в летние знойные месяцы.

После этого такой случайный и дорогой гость Саранска испытает всю прелесть так называемых наших саранских гостиниц, где не только отсутствует всякий комфорт, чистота и пр., но где даже не имеется мало-мальски сносной кровати, отхожего места и т. п. Кроме того, вечером и ночью — не освещение, а пародия на таковое. Вдобавок ко всему этому — весьма недвусмысленный запах от многих наших торговых помещений и невозможная весной для питья вода.

Не будучи пророком, смело можно сказать, что такой гость прежде всего выругает Вас за устроенное ему Вами искушение и засим моментально удерет из Саранска,

стараясь попасть на вокзал по возможности днем, так как ночью он рискует себе сломать шею...»⁶.

Это письмо красноречиво говорит о невысоких вкусах и понятиях «отцов города» того времени. Свидетельствует оно и о немоции правителей, которые раздавали природные богатства России для эксплуатации иноземным капиталистам.

В заключении письма указывалось: «...если действительно Вы имеете серьезное намерение обратить внимание нужных людей на все выгоды Саранска по устройству в нем торгово-промышленных предприятий, то, во избежание бегства этих людей из Саранска после первого посещения, необходимы следующие мероприятия:

1. Озаботиться о замощении главнейших улиц Саранска, а прежде всего замощении подъезда к станции железной дороги и Заводской улицы.

2. Усилить освещение улиц и в особенности настаивать на том, чтобы хотя ныне существующие фонари всегда горели и не красовались бы только для вида...

3. Устроить фильтр для очистки грязной воды из реки Инсары, служащей для питья жителям Саранска.

4. Издать общественное и обязательное постановление для содержателей гостиниц и постоялых дворов, выработав особую плату для отдающихся внаем комнат и вменить в обязанность сих господ, прежде всего — соблюдать чистоту и порядок, а засим иметь сносные пружинные кровати и чистые теплые отхожие места, не распространяющие зловоний...»⁷.

Много лет эти благие пожелания оставались неисполненными.

Немало было похоронено губернскими и центральными властями культурных начинаний прогрессивной части городского общества. Еще в конце прошлого столетия возникла мысль создать в Саранске агрономическую школу с опытным полем, сельскохозяйственной станцией, теплицами. Были выделены участки городской земли, леса. Но это начинание не было поддержано в губернии⁸. Неоднократные ходатайства в последующее время также не увенчались успехом. Сельскохозяйственная школа в дореволюционном Саранске так и не открылась.

Мало заботились о культурном развитии города и местная дворянская знать, и купечество. Но в своих интересах они добивались ассигнования средств на строительство. Так, по ходатайству городской управы за счет казны в 1899 — 1901 годах в Саранске был построен крупный, емкостью на триста тысяч ведер спирта винный склад с ректификационным заводом. Строительство склада и завода стоило около 2 миллионов рублей. На склад свозился

спирт с помещичьих и купеческих заводов Саранского, и соседних уездов, что доставляло владельцам заводов большие прибыли. Окружное акцизное управление, находящееся в Саранске, открыло в 1901 году 73 казенных винных лавки для водочной торговли в Саранском, Инсарском, Городищенском, Мокшанском уездах Пензенской губернии, куда доставлялась водка с Саранского «отчистного склада»⁹.

Несколько позднее Саранским акцизным управлением были открыты водочные лавки в Алатырском и Корсунском уездах Симбирской губернии¹⁰.

Саранское купечество открывало торговые заведения, трактиры, строило себе каменные особняки, жертвовало большие суммы для церквей, а на культурные нужды выделялись гроши. Так, например, городская управа, имея более чем сотысячный годовой доход, выделяла на поддержание деятельности губернской ученой архивной комиссии по 5 рублей.

Но как бы то ни было, город, получивший железнодорожную связь с такими экономическими центрами, как Москва, Нижний Новгород, Казань, Самара не мог быть неподвижным; он, хотя и медленно, но развивался и экономически и культурно, используя свое преимущественное положение в сравнении с соседними уездными центрами, не имевшими железнодорожных сообщений. В городе стали появляться новые предприниматели, переехавшие из безжелезнодорожных уездов, например, Лисововы из Ардатовского Нижегородской губернии, Якушев из Нижне-Ломовского Пензенской губернии. Первые открыли в Саранске пенькотрепальное заведение, второй построил паровую мельницу и развернул хлебную торговлю. В сферу экономического тяготения к Саранску стали включаться мало связанные с ним раньше населенные пункты соседних уездов.

Построенный после присоединения Саранска к железнодорожной сети паровой маслобойный завод купца В. И. Васильева, не имевший конкурентов в соседних городах, стягивал конопляное и льняное семя в Саранск из восьми ближайших уездов; Саранский казенный винный склад и ректификационный завод распространили свое влияние на шесть уездов; пенькотрепальный завод Лисововых стягивал пеньковую продукцию с четырех уездов; увеличилось производство махорки на табачной фабрике Фалилеева, действовала открытая в 1905 году вторая табачная фабрика Покровского, саранская махорка стала известной далеко за пределами города. В 1904 году в Саранске открылась скотобойня¹¹.

После длительного застоя стало обнаруживаться увеличение оборота Саранской ярмарки. В 1904 году привоз товаров на ярмарку составил 553 960 рублей, сумма выручки — 267 750 рублей. В ярмарочной торговле принимало участие население соседних уездов. Для покупки лошадей, скота и пеньки приезжали иногородние покупатели. Лошадей с конных заводов было приведено на 100 тысяч рублей, крестьянских — на 6 тысяч¹².

Увеличивался и грузооборот железнодорожной станции Саранск. В 1895 году прибыло грузов 448,2 тысячи пудов, отгружено было 1 284,4 тысячи пудов. В 1896 году только отгружено было 2 531 643 пуда. В 1897 грузооборот станции превысил 4 миллиона пудов¹³. Отгружались большие партии ржи и муки, овса и гороха, гречихи и конопляного семени. В 1896 году отправлено только хлебных грузов более 2 миллионов пудов. Кроме того, отгружались мясо свиное и говяжье, пенька, спирт, масло конопляное, льняное, коровье, яйца, капуста, мыло, клепка дубовая, мочало, мед, табак-махорка.

Заметно увеличивается удельный вес отправки сельскохозяйственных грузов в переработанном виде. С 1897 года из Саранска отправлялись преимущественно мука вместо ржи, конопляное и льняное масло вместо семян, гречневая крупа вместо гречихи. Однако большое количество сельскохозяйственной продукции отправлялось и в непереработанном виде.

Рельсовый путь положительно сказался и на развитии технических культур и плодоводства в уезде. Городские жители увеличили на своих огородах посадки табака и капусты. В 1904 году площадь под табаком в черте города достигла 74 десятин, с которых было снято 11 тысяч пудов промышленного сырья, капусты до 90 десятин, с которых было получено 54 тысячи пудов урожая.

Капуста в свежем виде из Саранска отправлялась в Петербург, Москву, Саратов и другие города¹⁴. Новые транспортные связи обусловили выход этого малотранспортабельного продукта далеко за пределы Мордовии. С этого времени большое товарное значение приобретает овощеводство в пригородном селе Посопе, а капуста Посопская белая получает широкую известность в стране. В уезде и особенно в его северо-западной части, в селах Саловка, Михайловка, Смольково, как и в самом городе, развивается садоводство, приобретающее товарное значение, в приинсарских селах — коноплеводство и льноводство, в селах, прилегающих к Ромоданову, по-прежнему выращиваются лошади породы Ломовая, в полях некоторых пригородных сел появились посевы сурепки, мака.

Оживление торгово-промышленной деятельности города вызвало к жизни новые потребности культурного развития. В Саранске появились первые печатные станки.

В 1896 году получили свидетельство на открытие типографии саранские мещане братья Николай и Иван Алексеевичи Сыромятниковы.

Типография Сыромятниковых была открыта на улице «Успенская площадь» (теперь Первомайская, здание бывшей типографии занимает детский сад № 8). Это было маленькое предприятие: рабочих 3 человека, 1 скоропечатная машина, 1 ручной станок, 30 пудов шрифта¹⁵. Но оно достойно упоминания как первый очаг печатного дела в городе.

В 1897 году в Саранске открыла типографию дочь коллежского регистратора из г. Горбатова Нижегородской губернии О. Н. Невская. Разрешая открыть это предприятие, губернские власти предупредили уездного исправника о необходимости иметь наблюдение за работой печатников Саранска¹⁶. С 1896 года в Саранске существовала типография жены дворянина Е. Д. Сунгуровой, против которой было возбуждено следственное дело по поводу напечатания объявления о продаже лекарственной травы «Кузьмич».

В 1898 году Сунгурова продала это предприятие темниковскому мещанину Е. И. Кожевникову. Типография Кожевникова находилась на углу Базарной и первой Богословской улиц (рядом с современным Домом печати). Эта типография имела, как и Сыромятниковская, рабочих 3 человека, 1 скоропечатную машину, шрифта 30 пудов¹⁷.

С конца 90-х годов прошлого столетия начинают выходить печатные открытки с видами Саранска. Некоторые экземпляры этих изданий сохранились до наших дней.

В 1897 году в Саранске появилась небольшая частная электростанция — одна из первых в крае. Газета «Пензенские губернские ведомости» сообщала, что при мельнице, мыловаренном и маслобойном заводах купца В. И. Васильева оборудована электроустановка мощностью в 9,96 киловатт на 120 вольт с протяженностью воздушной проводки в 360 сажень¹⁸.

В это время в Саранске складывается группа прогрессивной интеллигенции — местных энтузиастов культуры и просвещения. После сумерек 80-х годов начинают появляться проблески народной культуры. В 1893 году в Саранске открылась первая публичная библиотека¹⁹, правда, платная, не всем доступная.

Болея ярко деятельность передовой части интеллигенции города проявилась в 1899 году во время юбилея великого русского поэта А. С. Пушкина.

По предложению местной интеллигенции, городская дума 21 марта 1899 года в ознаменование столетия со дня рождения А. С. Пушкина решила открыть в Саранске книжный склад для продажи в нем учебников и книг для чтения, а также устроить бесплатную народную библиотеку-читальню, провести древонасаждение на Острожной горе и от конца Рождественской улицы (теперь Гражданская) до вокзала, поставить памятник поэту в нижнем городском саду и назвать этот сад Пушкинским²⁰.

Однако не все это было исполнено. Бесплатная народная библиотека открылась 14 сентября 1899 года и получила впоследствии большое развитие, пробудив тягу к книге у многих жителей города. Ходатайство об установлении памятника продолжались почти пять лет, и только 2 января 1904 года Николай II, самолично рассмотрев проект, дал разрешение на установление памятника-бюста Пушкину в Саранске. Передача бюста Пушкинскому саду была оформлена, как подарок председателя уездной земской управы В. К. Либиенфельда²¹. Древонасаждение не состоялось. Памятник-бюст А. С. Пушкину был изготовлен хорошими мастерами и является произведением искусства. Много лет он стоял на центральной площадке Пушкинского сада напротив летнего театра. Недавно во время реконструкции парка культуры и отдыха им. А. С. Пушкина памятник-бюст был передан в Мордовский республиканский краеведческий музей, а взамен его на другой площадке парка поставлен памятник А.С. Пушкину во весь рост.

В прежние времена излюбленным зрелищем саранской публики были ярмарочные забавы, цирковые представления передвижных балаганов. В 90-е годы в городе стал проявляться интерес к драматическому искусству. В это время появилась первая Саранская любительская труппа актеров, ставившая спектакли в помещении дворянского клуба²².

В 1904 году в Саранске образовалось общество любителей изящных искусств²³.

В 60-е годы прошлого века только одиночки мальчики и девочки из семей рабочих, крестьян и ремесленников Саранска ходили в школу. В 90-е годы обнаруживается стремление многих родителей этой среды обучить своих детей чтению, письму и арифметике.

Но это были лишь зачатки народной культуры в городе. Первая всероссийская перепись населения 1897 года показала большую культурную отсталость населения Саранска того времени. Из 14 584 жителей города грамотными числилось 5 143, т. е. 35,2 процента, лиц, обучавшихся в высших учебных заведениях, — 18 человек²⁴.

Данные этой переписи показывают, что преобладающим сословием Саранска было крестьянство. В городе числилось потомственных дворян 130 человек, дворян личных, чиновников не из дворян и их семей — 411, лиц духовного звания — 182, потомственных и личных почетных граждан 97, купцов 115, мещан 3943, крестьян 9812²⁵.

Данные о занятиях населения города показывают, что работавших на фабриках, заводах и ремесленников было 1 199 мужчин и 214 женщин, занятых в земледелии — мужчин 980, женщин — 180.

По отчетным сведениям, представленным в губернское правление, промышленных рабочих, постоянно занятых на ценовых предприятиях Саранска, в 1904 году было всего лишь 160 человек²⁶.

Преобладание ремесленно-крестьянского населения обусловило и ход политических событий в Саранске во время первой русской революции. Они не приняли столь широкого размаха, как это было в крупных промышленных центрах. Тем не менее политическое пробуждение трудовой части населения и стремление его к борьбе против самодержавного правления ощущались в городе и уезде повсеместно. Марксистские идеи проникали в Саранск и имели большое влияние на поведение передовой части городского общества.

Еще в 1901 году сестры Елена, Надежда и Лидия Львовны Токаревы на пишущей машинке размножали отдельные экземпляры марксистской литературы и распространяли ее среди населения Саранска.

22 января 1901 года старший фабричный инспектор доносил Пензенскому губернатору о забастовке рабочих пенькотрепального завода в Нижне-Ломовском уезде, которая произошла по предварительному уговору. Вместе с тем инспектор ходатайствовал перед губернатором об «усилении полицейского надзора за рабочими пенькотрепальных заводов: близ г. Пензы, в г. Саранске (завод Лисовых до 200 человек) и в с. Каменке Н.-Ломовского уезда»²⁷.

В 1902 году в губернском городе Пензе организационно оформилась группа РСДРП и стала распространять прокламации и листовки с воззваниями рабочим, солдатам и крестьянам губернии²⁸. Эти воззвания доходили и до Саранска.

В феврале 1904 года саранский исправник доносил губернатору, что крестьянин села Евлашева А. А. Дубков в беседе с местным лесником, обсуждая события русско-японской войны, заявил: «Нашему государю следовало бы... рыло побить, чтобы он не захватывал чужую землю»²⁹.

Большевистская партия во главе с В. И. Лениным вела политическую агитацию во всей стране. Борьба с самодержавием развертывалась повсеместно.

Вслед за крупными январскими событиями в столицах 4 февраля 1905 года забастовали телеграфисты на станциях Рязань, Рузаевка и Саранск Московско-Казанской железной дороги³⁰.

10 мая 1905 года саранский уездный исправник доносил начальнику губернского жандармского управления, что помощник начальника разъезда Журловка Д. В. Праотцев ведет антиправительственную агитацию среди крестьян мордовского села Кочкурово, призывая их к избиению местных землевладельцев и должностных лиц³¹.

Осенью 1905 года в селах Саранского уезда Саловка, Лопатино и Тузовка распространялась нелегальная литература с девизом: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»³².

21 октября 1905 года в Саранской городской управе состоялось собрание, где был зачитан царский манифест от 17 октября. Собрание началось с чтения манифеста и молебна. После этого прогрессивно настроенная часть интеллигенции города потребовала обсуждения на собрании заявления, составленного группой лиц на частном совещании общества изящных искусств. Для суждений городской думы в заявлении было выдвинуто два вопроса: об удалении из Саранска отряда казаков, использовавшихся для борьбы против революционного движения, и об освобождении политических заключенных.

Заявление было написано деликатно, но в конце его авторы выразили решительные требования: «Входя с этим заявлением в городскую думу, мы обращаемся с просьбой возбудить в надлежащем порядке ходатайство о немедленном удалении из города Саранска казаков и о немедленном освобождении заключенных по политическим делам как вообще всех, так, в частности, и заключенных в Саранской тюрьме»³³. Заявление подписали 13 человек, преимущественно учителя и работники библиотек, в числе подписавшихся — заведующая народной библиотекой Е. Л. Токарева.

На этом же собрании было заслушано сообщение очевидцев об избиении учащихся-детей в городе Пензе 19 октября 1905 года воинскими чинами во время манифестации после объявления манифеста 17 октября. Собрание приняло решение послать телеграммы протеста пензенскому городскому голове и председателю Совета министров графу Витте с требованием предать виновников гласному суду³⁴.

Как бы ответом на эти требования явилась монархическая манифестация в Саранске, организованная городской полицией

26 октября 1905 года. По приказу секретаря полиции Иванова вольная пожарная дружина города расхаживала по улицам с музыкой и портретом Николая II, призывая горожан «защитить царя-батюшку» от «бунтовщиков». Во время этой манифестации архимандрит Петропавловского монастыря произнес «всеподданнейшую» речь. Эта манифестация, как и речь архимандрита, не вызвала сочувствия у трудового люда. Но протесты появились. Отбывший ранее ссылку В. С. Тарасевич обратился с большим письмом в городскую управу, в котором разоблачал реакционные действия полиции и архимандрита.

27 октября в Саранской городской управе собралась группа лиц, преимущественно из торговцев и духовенства, и организовала монархический «Союз защиты личности»³⁵.

Но и эта «мера предупреждения» не остановила революционного движения в городе и уезде. В декабре 1905 года в Саранске и селах уезда Большие Ремезенки, Пушкино, Константиновка, Лада, Кавторовка, Тузовка, Александровка появилась прокламация «Ко всем крестьянам», изданная Нижегородским комитетом РСДРП. В то же время в селах уезда распространялись прокламации РСДРП «Солдаты, где ваша свобода?» и «Граждане, готовьтесь ко всеобщей политической забастовке»³⁶.

7 декабря 1905 года в Москве началась всеобщая политическая стачка, быстро переросшая в вооруженное восстание. Забастовочное движение распространилось и по Московско-Казанской железной дороге. С 10 по 22 декабря происходили бурные события на станции Рузаевка — революционные выступления рабочих-железнодорожников в поддержку московского пролетариата. В этой борьбе, возглавляемой машинистом А. П. Байкузовым, принимали участие и железнодорожники, проживавшие в Саранске, но работавшие в Рузаевке³⁷. В следственных материалах о революционной борьбе железнодорожников 1905 года и переписке местных властей указываются и имена саранцев, проживавших в поселках Рузаевка и Торбеево со времени строительства железнодорожных станций. В числе лиц, заподозренных в принадлежности к центральному железнодорожному Рузаевскому комитету, упоминаются саранские мещане П. А. Десятников, Н. А. Немченко и В. С. Блохин, в числе участников забастовки на станции Торбеево — мещанин г. Саранска С. А. Орлов³⁸, в числе телеграфистов станции Рузаевки — мещанин г. Саранска Каменщиков и крестьянин г. Саранска Суринов³⁹. В забастовочном движении на станции Лукоянов принимал участие саранский мещанин И. Л. Токарев.

Эти участники забастовочного движения железнодорожников поддерживали связь с родными и знакомыми,

проживавшими в Саранске, что усиливало революционные настроения в городе.

В декабре 1905 года в Саранске создано напряженное политическое состояние. Полицейские власти были обеспокоены. 17 декабря они телеграфировали в Казань в Военный округ генералу Зимину: «Охрана до настоящего времени не прибыла, положение угрожающее...»⁴⁰.

Только благодаря усилению отрядов карателей саранским властям удалось предотвратить крупный взрыв революционного движения в городе в декабре 1905 года.

Однако заглушить революционные настроения в городе полицейским властям не удалось. 8 июля 1906 года во время однодневной Казанской ярмарки в Саранске произошло массовое выступление рабочих, ремесленников и крестьян ближайших сел.

Уездный исправник Дидакторов телеграфировал Пензенскому губернатору: «Сегодня в половине третьего в Саранске во время ярмарки толпа около ста человек бросилась с криками на полицейский двор. Находящимися на дворе казаками не допущена. Подоспевшим отрядом казаков рассеяна. Казаки охраняют присутственные места. Движение стихает»⁴¹.

В обращении Саранской городской думы к населению города это событие описывается подробнее: «8 июля 1906 года в 2 часа дня толпа народа более ста человек с ярмарки, в числе которой были местные жители и приехавшие на ярмарку из сел, с криком бросилась в ворота пожарного двора, находящегося при полиции, стараясь оттеснить бывших там полицейских... По прибытии казаков толпа была рассеяна. Случай этот произвел большую панику: магазины и торговые заведения быстро были заперты, а приезжие торговцы и крестьяне, прибывшие на ярмарку, разъехались»⁴².

В постановлении пензенского губернатора, датированном 15 июля 1906 года, перечисляются некоторые лица, которых полиции удалось задержать во время выступления: крестьяне деревни Акшенаса — Яков Бахтемиров, деревни Монастырской — Григорий Карьяков, села Посопа — Максим Кудрявцев, деревни Луховки — Ефим Левушкин, Ларион Баранов и Никифор Орехов, села Гарга — Фрол Александров, села Макаровки — Василий Герасимов, Захар Акимов, Иван Селиванов. Эти участники выступления были арестованы и преданы суду.

В постановлении губернатора указывается, что участники выступления «дозволили себе собраться толпою до ста пятидесяти человек и производить крики с целью возбуждения толпы, а на требование полиции разойтись, ответили ругательством и угрозами»⁴³.

В воспоминаниях самих участников ход этого события освещается более правдиво, воспроизводятся некоторые подробности. Житель села Блохина Лямбирского района Иван Платонович Федосеев (в то время рабочий у купца Сыромятникова) рассказывает:

«В ярмарочный день, когда в Саранске бывает большой съезд народа, мы собрались с целью перебить полицейских и освободить из тюрьмы политических заключенных.

Нас было до двухсот. Тут были рабочие с маслозавода Овечкина, с махорочной фабрики Никитина, рабочие различных мастерских, батраки, работавшие у купцов, студенты, приехавшие на каникулы, и другие жители города Саранска. С криками «ура» пошли от того места, где теперь кино «Октябрь», по направлению к тюрьме, которая была оцеплена полицейскими.

Сразу же к нам стали примыкать крестьяне, съехавшиеся на базар. Полицейских мы сняли, и они стали разбегаться, некоторые из них засели во дворе пожарного сарая при полицейском управлении (ныне двор Министерства финансов). Но в это время примчались казаки, вооруженные пиками и нагайками, и напали на нас. Здесь уже у нас сил не хватило. Человек 50 из нас были окружены казаками и оттеснены от тюрьмы в тот же двор полицейского управления. Я и некоторые другие успели бежать через забор, а остальных человек 30 казаки били нагайками и арестовали.

После этого выступления на фонарных столбах были расклеены прокламации, а во дворах разбросаны революционные листовки, отпечатанные в местной подпольной революционной типографии»⁴⁴.

Старый большевик, в прошлом батрак, один из инициаторов создания Саранской городской партийной организации Гавриил Ефремович Будаев сообщает: «Огромная толпа людей двигалась с нижнего щепного базара вверх по тюремной горе, прямо к нам на помощь, где мы пытались освободить из тюрьмы политических заключенных. Они (участники движения. — *И. В.*) были вооружены оглоблями, дугами... В этой огромной толпе немало также было и мордвы из крестьян-базарников.

Вскоре прибыли казаки в количестве около 2 сотен на площадь (около нынешнего здания горсовета), стегали толпу нагайками...

В это время из села Макаровки к Посопскому мосту двигалась толпа крестьян, также вооруженных кто чем попало. Конные верховые казаки разогнали их на пойме...»⁴⁵.

Другой старый большевик И. К. Клюканов сообщает, что на протяжении 1905 — 1906 годов велась большая

агитационная работа среди мастеровых, ремесленников г. Саранска.

Так, например, портные, работавшие по найму у Цыбаева — владельца магазина готового платья, у Левита — владельца большой мастерской и других — всего около 30 человек — собирались на подпольные собрания в бывшем доме Умнова, что на Большевицкой улице. Руководили этой работой приезжавшие из Москвы и Пензы социал-демократы. Мы разносили листовки и подпольные газеты, а также приняли активное участие в выступлении 8 июля 1906 года.

Об активном участии рабочих в выступлении 8 июля 1906 года говорит также слесарь В. Н. Селезнев: «Хранили оружие в доме Синтюриных на Гражданской улице под амбаром и под русской печкой в том же доме, а иногда оружие опускали в реку Инсару в железных бидонах, не пропускаящих воду»⁴⁶.

В Саранск привозились листовки и прокламации из Москвы, Пензы, Казани, Нижнего Новгорода.

Некоторые листовки размножались в Саранской подпольной типографии, организованной казанскими большевиками и местными революционно настроенными рабочими.

Типография помещалась в склепе на кладбище «Царя Константина» (недавно место этого кладбища застроено жилыми домами переулка Кириллова). Она была настолько законспирирована, что о ее существовании знали лишь те, кто не мог выдать тайны⁴⁷.

В архиве сохранились сведения об одном из студентов Казанского ветеринарного института, привлекавшемся к уголовной ответственности по политическим делам в 1905 году и «томившемся в Саранской тюрьме»⁴⁸.

Воспоминания участников революционных событий Саранска времени первой русской революции, опубликованные в 40-е годы, теперь подтверждаются документально. А. Г. Цветков, ссылаясь на архивные материалы, указывает: «Наряду с пропагандой, пензенские большевики принимали меры к созданию боевых дружин и их вооружению. Из материалов департамента полиции видно, что к октябрю 1906 года социал-демократы Пензенского уезда имели 8 боевых дружин, по 10 человек в каждой. Члены десятка знали только своего руководителя. Оружие раздавалось перед началом революционного выступления».

Очень серьезный боевой комитет имелся в Саранском уезде, где обращалось особое внимание на вооружение. Там из полицейского управления было похищено 40 револьверов и т. д.»⁴⁹.

В 1906 году возникла первая печатная газета в Саранске. Ее редактором и издателем был учитель мордвин Владимир

Васильевич Бажанов, уроженец села Курилова Ромодановского района. Это был для своего времени культурный и деятельный человек. Он имел связь с А. П. Чеховым. Газета «Мужик», издаваемая Бажановым, довольно смело бичевала произвол местных властей и пользовалась большим успехом среди населения города и уезда.

В одном из номеров газеты Бажанов опубликовал статью, где разоблачал дикие поступки саранского уездного исправника казачьего полковника Киселя-Загорянского, которого в городе звали «кавказским татаринном».

По воспоминаниям старожилов, Кисель-Загорянский имел свирепый вид, черные усы, был огромного телосложения, ходил с нагайкой, наводил ужас на горожан. Осенью, когда приезжали в Саранск агенты по закупке хлеба — евреи из прибалтийских портов — и снимали в аренду амбары у местных жителей, этот исправник, пользуясь тем, что лица еврейской национальности не имели права долго жить вне черты оседлости, вызывал их к себе и цинично спрашивал: «Сколько вас голов». Те отвечали: «Столько-то»: «Так вот, — внушительно заявлял исправник, — выкладывайте с каждой головы по пятерке дань, в противном случае можете убраться вон из Саранска». «Дань» немедленно уплачивалась, исправник клал пятерки в карман, и агенты могли жить в городе, сколько им нужно⁵⁰.

В статье, опубликованной Бажановым в газете «Мужик», описывалось, как исправник, ехавший в своем экипаже по проселочной дороге и встретивший во время сильного бурана крестьянский обоз с хлебом, потребовал, чтобы крестьяне немедленно дали ему дорогу. Они попытались выполнить приказ. Но уставших от тяжелого пути лошадей невозможно было так быстро, как требовал исправник, свернуть с дороги. Тогда рассвирепевший начальник выскочил из саней и своей нагайкой стал избивать мужиков. Этот случай настолько возмутил местное население, что он и теперь еще в памяти у саранских старожилов.

Газета «Мужик» за критику исправника была немедленно закрыта, а ее издатель Бажанов сослан на крайний север.

Пензенский губернатор Кошко характеризовал газету «Мужик» как издание «архи-революционного содержания», «проповедовавшее крестовый поход против помещиков»⁵¹.

Была в Саранске и группа террористов, принимавшая участие в покушении на жизнь пензенского губернатора. Эта группа была арестована и бесследно исчезла. Впоследствии прошел слух, что некоторые ее участники были казнены в г. Орле. Сохранилась фотография одного из участников этой группы Д. Я. Синтюрина, на обороте которой его старший брат В. Я. Синтюрин, рабочий механик, в

те годы еще надписал: «Ничто ты и не мог победить. Со-знаю, что у тебя нет никого». Индивидуальный террор, как средство политической борьбы, давно осужден историей.

Эхо первой русской революции мощно раздавалось по городам, деревням и селам страны. Немало было решительных действий против самодержавия и в селах Саранского уезда. В разных местах по-разному выражали крестьяне свой гнев против помещика.

Малоремезенские крестьяне вырубил помещичий лес, танеевские — подожгли барские постройки, смольковские — отобрали у помещика сено и хлебные запасы. «Красный петух» прошелся в помещичьих имениях в Салме, Пятине, Дурасове, Павловке и других селах и деревнях Саранского уезда⁵².

Только в 1906 году в уезде было 63 крестьянских выступления⁵³. В ходе борьбы крестьяне осознавали революционные идеи Российской социал-демократической рабочей партии большевиков.

Карательные отряды действовали беспощадно. В 1907 году в Саранской тюрьме, рассчитанной на 75 мест, находилось 134 человека заключенных по политическим делам⁵⁴.

Но идеи народной революции неистребимы. Они глубоко запали в сознание трудящихся и вселили светлую надежду на скорое освобождение от произвола царя, фабриканта и помещика.

НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ

Пробуждение общественно-политической мысли во время первой русской революции обусловило новые культурные запросы населения. Но местное купечество, делившее с дворянством власть в городе, мало заботилось об интересах трудового люда. Лицо саранского купечества предоктябрьских лет наглядно показывает история строительства первого педагогического учебного заведения в городе.

Городской голова М. Г. Никитин задумал открыть в Саранске учительскую семинарию, но не было подходящего помещения. Получить согласие купцов, членов городской думы, ассигновать средства на строительство здания для подготовки учителей он мало рассчитывал. Пришлось действовать обходным путем. Никитин предложил думе проект строительства трехэтажного торгового корпуса с 12-ю магазинами, с клубным залом на 400 человек, с фойе, биллиардной, карточной, столовой, буфетом, т. е. торгового пассажа с коммерческим клубом. Этот проект городской думой был принят без возражений. В 1912 — 1916 годах здание стоимостью более 70 тысяч рублей было построено¹. И только тогда, когда корпус надо было сдавать в эксплуатацию, городской голова решил уговорить своих собратьев-купцов клубную часть здания передать под вновь открываемую учительскую семинарию, магазинную же часть оставить для торговых целей. И удалось это решить только благодаря настоятельным требованиям местной интеллигенции.

Здание стало называться семинарией². Но малоопытный исследователь развития народного образования дореволюционного времени не найдет в саранском архиве документов по истории сооружения первой на территории

Мордовии специальной школы для подготовки учителей. Не будучи предупрежден, он пройдет мимо архивного дела «О постройке второго каменного корпуса лавок на Базарной площади Саранска».

Саранские купцы более охотно могли согласиться на строительство реального училища, где преподавание имело бы коммерческий уклон, но школа для подготовки народных учителей их мало интересовала. Были купцы, не признававшие и коммерческого образования. Много лет прожил в Саранске крупный скупщик и поставщик за границу яичной продукции Бараблин. Когда его спрашивали, как ведется у него бухгалтерия на яичных складах, он обычно отвечал, что «бухгалтерия — это ерунда» и ему она «совсем не нужна», при этом он хлопал ладонью по правому карману, приговаривая: «вот здесь — дебет», а ударяя по левому, добавлял: «здесь — кредит»³. Подобным «отцам города» были очень далеки интересы его культурного развития.

В своих целях саранское купечество долго и настойчиво добивалось постройки военных каменных казарм в городе. Казармы, рассчитанные на помещение полного пехотного полка, были заложены в 1910 году и достроены весной 1914 года. На этом строительстве нажили большие капиталы подрядчики Магарилл из Витебска и Соколов из Петербурга⁴.

Еще во время строительства казарм, в 1910 году, в Саранск прибыл с западной границы 180-й Виндавский пехотный полк. Городская знать устроила этому полку торжественную встречу⁵. Усталые от долгого и трудного пути, солдаты шли через город запыленные, неся на себе все снаряжение, мало придавая значения приветственным возгласам встречающих, но купечество торжествовало, радуясь тому, что в городе будут новые покупатели товаров, военный оркестр, блестящие парады, молодые офицеры — женихи для богатых невест из купеческих домов.

Промышленность в Саранске в эти годы хотя и увеличилась, но крупных заводов и фабрик не появилось. В городе действовали две махорочные фабрики (Никитина и Покровского), маслобойный завод и паровая мельница Овечкина, 5 мельниц с нефтяными двигателями, две водяные мельницы на реке Инсаре, винный склад с ректификационным заводом, было открыто 5 чугунолитейных и слесарных с нефтяными двигателями мастерских, в числе их меднокотельный механический завод Барбе с производством баков, паровых котлов. В 1911 году военным ведомством был построен механизированный кирпичный завод с годовой выработкой кирпича 4 миллиона штук. В 1913 году в городе действовали, кроме того, 4 кожевенных, 8 овчинных

заводов, 2 крахмальных, 3 канатных заведения, 2 типографии (братьев Сыромятниковых, Кожевникова), 4 кустарных кирпичных завода, скотобойня, открытая в 1904 году, два овощесушильных и квасильных заведения, сапоговаляльный, воскобойный, мыловаренный заводы, два колбасных заведения, 12 хлебопекарен⁶.

С открытием в городе новых промышленных заведений возрастала и сумма производства. Если в 1906 году она составляла 182 тысячи рублей, то в 1913 году (только по ценовым предприятиям) — 504 тысячи рублей; стоимость продукции винного склада и ректификационного завода в 1906 году составила 1 985 тысяч рублей, по данным статистики, опубликованным в 1912 году, — 1 573 тысячи рублей⁷.

Следовательно, если не считать стоимости водочной продукции, на которую были крупные государственные наценки, сумма производства городских предприятий за предвоенные семь лет возросла почти в три раза. И тем не менее, этого было очень мало. Вся промышленная продукция города по ее денежной стоимости в 1913 году равнялась продукции одного крупного завода того времени.

Торговые обороты города росли в более значительных масштабах. В отчете уездного исправника за 1906 год указывалось, что в Саранске находится «6 яичных складов, куда яйца привозятся не только из Саранского, но и окрестных уездов, из этих складов отправлено было 28 миллионов яиц на сумму 325 тысяч рублей. Скот и птица вывозятся из Саранска в Петербург и Москву, а яйца, кроме поименованных городов, и за границу»⁸. Наиболее крупными торговцами яичной продукцией были Бараблин, Менцель, Сорокин.

В 1906 году в Саранске было 298 магазинов и лавок⁹. Разумеется, в числе этих торговых заведений было немало мелких лавочек и лотков. Наиболее крупными владельцами магазинов оптовой и розничной торговли были Кербичковы, Кубанцевы, Романовы, Тувыкины, Каменщиковы.

Главной статьей торгового оборота города был хлеб. В урожайные годы через саранские отделения банков проходило счетов по хлебным грузам на сумму до 12 миллионов рублей¹⁰. Эти отделения банков охватывали не только саранский рынок, но и рынки некоторых соседних уездов.

В 1912 — 13 гг. в Саранске был построен первый на территории Мордовии элеватор емкостью в 750 тысяч пудов зерна.

В Саранске в базарные дни (среда и суббота) при хорошем зимнем пути главная улица (теперь Советская) и прилегающие к ней кварталы других улиц верхней части города были с обеих сторон заставлены возами с зерном, а

к складам хлебных торговцев Протопопова, Якушева, Романова и других и к элеватору сплошным потоком тянулись крестьянские подводы с рожью, гречихой, горохом, чечевицей, овсом. Большие партии хлеба с саранского рынка отправлялись в порты Балтийского моря, особенно в Виндаву, а оттуда за границу.

На базарной площади в южной части города¹¹ в зимнее время устанавливались ряды с битой свининой, которую торговцы мясом Кашигины, Зимины и другие отправляли в Петербург, Москву и за границу.

В осеннее время на железнодорожной станции Саранск нагружались составы Посопской белой капусты и отправлялись в Московский и Казанский военные округа, а также в Петербург, Саратов и другие города.

Во время конной ярмарки (с 15 по 28 августа) шла бойкая торговля лошадьми, особенно местной породы «Ломовая». За ними нередко приезжали покупатели из-за границы.

На ярмарочной площади¹² во время общей ярмарки (с 28 августа по 10 сентября) устанавливались ряды возов с яблоками, которые раскупались на местном рынке, а при хороших урожаях отправлялись и в другие города, расположенные к северу от Саранска.

Большие торговые обороты города обусловили открытие в Саранске отделений крупных банков. В 1916 году в Саранске функционировали отделение Государственного банка, городской общественный банк, отделение соединенного банка, агентство Русского для внешней торговли банка, общество взаимного кредита¹³. Такой сети кредитных учреждений не было ни в одном из ближайших к Саранску уездных городов. В 1913 году Саранское казначейство было переведено из 4-го разряда в 3-й, что приближало его к казначействам губернских центров. Оборот Саранского казначейства достигал 40 миллионов рублей в год.

Перед первой мировой войной город Саранск был значительным торговым центром на территории Мордовии. Разумеется, в торговле предметами широкого потребления и домашнего обихода он не достиг масштабов ближайших губернских центров, но торговые обороты Саранска по сельскохозяйственным продуктам экспортного значения не уступали оборотам некоторых губернских городов.

Обзор экономической жизни дореволюционного Саранска показывает, что царское правительство не предпринимало необходимых мер к промышленному развитию национальных районов. Для старого Саранска, как и для всей Мордовии, характерен вывоз сырья преимущественно без переработки, и это, несомненно, задерживало промышленное развитие как самого города, так и прилегающей к нему округи.

Возрастание экономического значения Саранска обусловило некоторый рост школьной сети и культурных учреждений города. Если в 1906 году в Саранске было 9 школ с 1 399 учащимися и 37 учителями¹⁴, то в 1913 году стало школ 15, учащихся 2 226¹⁵. Если в 1906 году в Саранске не было ни одного полного среднего учебного заведения, то к 1913 году они появились в городе. В 1907 году в Саранской женской прогимназии был открыт пятый класс, в 1909 году она была преобразована в семиклассную гимназию, а в 1910 году — в восьмиклассную с педагогическими отделениями по русскому языку и математике¹⁶.

В 1907 году открывается реальное училище, которое в 1912 году перешло в новое трехэтажное здание¹⁷. Кроме того, в городе в 1913 году действовало две неполных средних школы — мужских высшеначальных училищ (первое открыто в XIX столетии, второе в 1910 году).

К 1917 году в городе появились новые учебные заведения. В 1915 году открылась учительская семинария, в 1916 году из Риги в Саранск была эвакуирована мужская гимназия, которая не возвратилась в Прибалтику, осталась на новом месте. Мужская гимназия вначале размещалась в здании реального училища, занятия проводились в вечернее время, а потом ей было передано соседнее двухэтажное здание. В 1916 же году в городе открылась ремесленная школа «по слесарно-кузнечному и столярному ремеслам, с направлением деятельности на ремонт и изготовление сельскохозяйственных машин, орудий и иных предметов местного обихода»¹⁸.

На первый взгляд кажется, что для уездного города учебных заведений было немало, но ввиду того, что школьная сеть в соседних уездных центрах была значительно беднее, а в сельской местности прилегающей округи средних школ не было совсем, приток в Саранск желающих поступить учиться постоянно увеличивался. Городские власти, мечтая о главной роли Саранска как культурного центра края, не заботились о соседних уездах, а нередко и препятствовали развитию образования. Так, например, за право обучения в подготовительных 1 — 4 классах Саранской женской гимназии с дочерей жителей города взималась плата 20 рублей в год, а с жителей других местностей — 35¹⁹. Не учитывали культурных потребностей населения и губернские власти.

В 1913 году Саранская городская дума возбудила ходатайство об открытии в городе мужского учебного заведения первого разряда — восьмиклассной гимназии. Попечитель Харьковского учебного округа ответил, что он затрудняется удовлетворить ходатайство думы об открытии мужской

гимназии ввиду несоответствующего назначению устройства зданий реального училища и женской гимназии». Пензенское губернское правление не поддержало Саранскую городскую управу субсидиями на постройку нового здания, управа же имела долгов 393 тысячи рублей²⁰. Неотложные потребности города и округа не были удовлетворены.

Саранская ремесленная школа была открыта в арендованном частном небольшом малоприспособленном двухэтажном доме мещанки Цынговатовой. В 1916 году Министерством просвещения были запланированы кредиты на сумму 88 тысяч рублей для постройки двух корпусов этой школы²¹, но кредиты не были использованы городской управой.

В 1915 году городская дума возбудила ходатайство об открытии в Саранске среднего технического училища. В одном из писем думы вышестоящим властям сообщалось, что Саранская ремесленная школа «отказала в приеме 150 человекам из-за неимения помещения». Обосновывая ходатайство, дума указывала, что «открытие технического училища в Саранске наиболее удобно для окрестных городов ввиду хороших путей сообщения»²².

Под постройку технического училища была отведена усадьба на западной окраине города.

Продолжая ходатайствовать об открытии училища, городская управа приводила дополнительные мотивы, и, в частности, указывалось, что нужно «открывать технические учебные заведения в связи с движением мысли о необходимости усиления технического прогресса в стране, так как об этом показала война» и что ближайшее к Саранску «среднее техническое заведение имеется лишь в городе Казани на расстоянии 400 верст»²³.

Это ходатайство, подписанное городским головой Никитиным, датировано 4 марта 1916 года. Из него мы можем усмотреть, что даже местные власти в провинции уже в это время начинали чувствовать кризис старого режима и связывать его с технической отсталостью страны, на которую обрекало ее самодержавие.

По настоянию прогрессивной части местной интеллигенции управа запланировала создать на пустыре у западной окраины Саранска целый учебный городок. Там, рядом с усадьбой для технического училища, был отведен участок для нового учебного здания учительской семинарии²⁴, так как она находилась в «чужом» доме — в помещении торгового корпуса. В этом же районе города намечено было построить здание для предполагаемой к открытию сельскохозяйственной школы. В центре города намечалось построить трехэтажный корпус для двухкомплектной женской гимназии, ибо существовавшая гимназия

помещалась в старом одноэтажном деревянном здании. На строительство нового корпуса гимназии были предусмотрены средства, но этот корпус не был построен, как и другие запланированные учебные здания.

Городская управа оказалась в критическом положении. У молодежи пробуждался интерес к знаниям, а школы не имели возможности удовлетворить эти потребности. Массовые отказы в приеме из-за недостатка классных помещений были не только в ремесленной школе, но и в женской гимназии (при довольно высокой плате за обучение — в 5 — 7 классах 40 рублей с ученицы в год, в 8-х — 60), в реальном училище, в семинарии и других учебных заведениях города²⁵.

Во время первой мировой войны было немало предложений о размещении в Саранске эвакуирующихся училищ из Прибалтики. Об этом просили руководители Ковенского высшего начального училища, Везенбергской мужской гимназии, Двинской учительской семинарии, Ревельских мужской и женской гимназий, Рижской женской гимназии, Бельдерасского высшего начального училища²⁶ и др. На эти просьбы городская управа отвечала отрицательно, ссылаясь на отсутствие в городе помещений.

Городская управа уже не могла справляться с задачей развития народного образования, хотя и много об этом декларировала. Кризис старого режима остро сказывался и в деле народного просвещения.

Мало заботилась городская управа и о развитии театрального искусства. Правда, находились предприимчивые люди, которые наживали деньги и на культурном отдыхе населения.

Одним из таких предпринимателей был помещик из соседнего села Макаровка подполковник в отставке Тепляков. Его имение, как и у многих других дворян того времени, приходило в упадок. Он решил поправить свои дела за счет города — открыть в нем кинотеатр.

Раньше, с 1900 года, в Саранск изредка приезжали кинопередвижки и показывали кинокартины в дворянском клубе. В 1910 году Тепляков снял в аренду торговую палатку у купца Каменщикова и открыл в ней кинотеатр для «простой публики». Вначале мало кто ходил в кино, но скоро население заинтересовалось «живыми картинками». Тепляков построил специальное здание и открыл кинотеатр «Художественный»²⁷ с симфоническим оркестром в 12 человек²⁸.

К 1914 году в Саранске было три кинотеатра. Кроме «Художественного», действовали «Гигант» (теперь кинотеатр «Комсомолец»), построенный разбогатевшим крестьянином

из села Чуфарова Саранского уезда Андреевым, и «Олимп», открытый тоже Тепляковым в заарендованном у купца Сыромятникова помещении, деревянном, обитом железом, где зрители «задыхались из-за неимения вентиляции»²⁹.

В 1914 году в городе был открыт четвертый кинотеатр³⁰ «Летний» — во вновь построенном деревянном здании при входе в Пушкинский сад. Это был первый общественный кинотеатр, построенный по инициативе Саранского общества любителей изящных искусств.

В 1914 году в городе предполагал построить еще один кинотеатр котельнический помещанин Трехнев, но это строительство не состоялось.

Частные владельцы кино наживали деньги на искусстве (стоимость билета от 20 до 50 копеек), а демонстрировали малохудожественные, чаще всего мелодраматические или видовые фильмы. Вот одна из программ саранских кинотеатров 1914 года: 1. «Разбитые грезы», драма в 5 частях. 2. «Извивы реки Ены», виды. 3. «Тяжелая работа», комическая³¹.

На первый взгляд может показаться, что в старом Саранске было не мало кинотеатров. Но нужно иметь в виду, что во всей прилегающей к нему большой округе, ни в одном другом населенном пункте их не было. Сельское население Мордовии не имело возможности видеть новые явления искусства, да и в самом Саранске они не всем были доступны.

Еще хуже обстояло дело с драматическим искусством. В зимнее время населению города оно было совершенно недоступно. В дореволюционном Саранске не было здания зимнего драматического театра.

Приезжавшие на гастроли артисты выступали в дворянском клубе³², куда доступ лиц недворянских сословий был ограничен. В этом же клубе выступали и приезжавшие вокальные группы, хоры Славянского, Завадского и другие. Более доступным был летний драматический театр в Пушкинском саду, арендовавшийся у городской управы обществом любителей изящных искусств³³.

Постоянной труппы профессиональных артистов в городе не было. В летнем театре выступали приезжие артисты. В Пушкинском саду можно было послушать музыку в исполнении струнного оркестра из 5 — 6 человек, а иногда марши и вальсы военного духового оркестра Виндавского полка³⁴.

Были местные энтузиасты, любители театрального дела, которые безвозмездно выступали перед публикой в совершенно непригодных помещениях. В 1901 году при Саранском винном складе возникла драматическая группа

во главе с заведующей народной библиотекой Е. Л. Токаревой. По воспоминаниям Токаревой, любительские спектакли этой группы, проходившие в помещении винного склада, имели большой успех среди населения, особенно постановки пьес А. Н. Островского. После спектаклей выступал хор молодежи из работниц и служащих винного склада. Это были первые демократические спектакли и концерты в Саранске.

Городское общество любителей изящных искусств имело свою драматическую группу из 12 человек. В нее входили: жена нотариуса Брониковская, техник городской управы Саранцев, дочь содержателя трактира Горинова, механик, сын владельца слесарных мастерских Барбе, учительницы сестры Цынгватовы, учительница Афанасьева и другие.

Эта драматическая группа действовала более постоянно, нежели группа при винном складе, но она не имела помещения для спектаклей. Вначале она выступала в дворянском клубе, потом стала ставить пьесы в помещении летнего драматического театра, когда это помещение не было занято гастролирующими труппами артистов-профессионалов.

Театральное искусство не могло более плодотворно развиваться в городе из-за отсутствия квалифицированного руководства и помещений. К тому же за обществом любителей изящных искусств наблюдала местная полиция, доносила о его деятельности губернатору, а тот в жандармское управление департамента полиции³⁵.

Иногда в летнем театре выступал известный в стране и за границей русский богатырь — борец Иван Ильич Корнилов, уроженец Саранска.

Мало проявляя заботы о развитии драматического искусства, городская управа всемерно поощряла так называемые духовные концерты, которые местное духовенство устраивало в соборной сторожке. Каждое воскресенье «утешали» горожан девять хоров в приходских церквях города и хор монашек Петропавловского монастыря.

К 1917 году в Саранске возросло количество учителей до ста человек. Но другие группы интеллигенции были малочисленны. Большой недостаток ощущался в медицинских работниках. Их было: 2 врача при земской больнице, один уездный врач, один в городской лечебнице, четыре военных врача, один ветеринарный и около десятка человек среднего медицинского персонала. В довоенное время для сложных операций в город вызывался ссыльный врач Ромодановской больницы Розенцвейг. Он предлагал расширить уездную земскую больницу, открыть хирургическое

отделение и при этих условиях соглашался остаться в Саранске по отбытии ссылки. Но земство не выделило средств, и крупный хирург по истечении срока ссылки выехал за пределы уезда. Местные врачи хирургию знали плохо, были случаи, когда люди умирали при операции простой грыжи.

До 1911 года в Саранске не было ни одного агронома с высшим образованием, был всего лишь один инженер, не было научных учреждений и обществ, хотя и были люди с университетским образованием, и даже один кандидат прав — Кузовков. Научная деятельность краеведа-любителя члена губернской ученой архивной комиссии старшего по губернии уездного врача Григория Павловича Петерсона, проживавшего длительное время в Саранске, не встречала должной поддержки городской управы. Петерсону удалось опубликовать, лишь небольшие работы об уездных городах Пензенской губернии, в числе которых — «Краткий очерк достопримечательностей г. Саранска и Саранского уезда»³⁶.

Видным культурным деятелем старого Саранска была заведующая народной библиотекой Елена Львовна Токарева. Она создавала библиотеку на рублевые пожертвования, на скудные доходы от торговли книгами и сборы от любительских спектаклей. Сама ходила с подписным листом, устраивала спектакли, играла в них главные роли. Стремясь прививать населению любовь к книге, она составляла проекты рекомендательных каталогов нужной для народных библиотек литературы и через петербургских книголюбителей добивалась в ученом комитете Министерства просвещения утверждения этих каталогов. Она побывала в учебном округе в Харькове и установила личную связь с автором книги «Что читать народу» Х. Д. Алчевской.

В Харькове Токарева знакомилась с деятельностью большого книжно-торгового склада. Там же она встречалась с украинскими литераторами, посетила литературный вечер, посвященный Т. Г. Шевченко.

Будучи на излечении в Ялте, Токарева установила связь с литературными деятелями Крыма. Она присутствовала на встрече с писателями, где А. М. Горький читал рукопись своего рассказа «В тюрьме». Здесь же были писатели Бунин, Чириков, Телешов, Серафимович.

Не удовлетворяясь имеющимися знаниями, Токарева отправилась в 1915 году в Москву на библиотечные курсы при народном институте Шанявского. Там провинциальная библиотекарша слушала лекции лучших профессоров-книголюбителей, знакомилась с крупными книгохранилищами, и в частности, с Румянцевским музеем (теперь библиотека

им. В. И. Ленина), осматривала новую типографию книгоиздателя Сытина.

В Саранске Токарева встречалась с писательницей Н. А. Тучковой-Огаревой, с дочерью поэта Н. Н. Сатиной. В квартире Токаревой бывала жена композитора и мать художника — музыкантша В. С. Серова, которая знакомила саранскую интеллигенцию с новой тогда оперой «Садко». Через свою подругу библиотечную работницу Е. Д. Фалилееву Токарева была знакома с произведениями талантливого русского художника-графика В. Д. Фалилеева, который детство провел в Саранске.

Вадим Дмитриевич Фалилеев родился в 1879 году. Он учился у столичных граверов. В монографии, посвященной художнику, указывается: «Ему было четыре года, когда в город Саранск, где тогда жили Фалилеевы, приехали художники из Московской школы живописи, приглашенные расписывать строившийся городской собор. Близкое участие в постройке собора принимал отец Фалилеева, бывший городским головой Саранска. Художники часто бывали в семье Фалилеева, приносили эскизы и рисунки к предполагавшейся росписи; один из них рисовал портрет матери художника. Насмотревшись на все это, мальчик решил сам написать икону. Узнав из разговоров, что художники пишут на полотне, он вырезал кусок полотна из наволочки и написал на нем акварельными красками образ нерукотворного спаса. Мальчику досталось от няньки за порчу наволочки, но мать, увидев образ, взяла юный талант под свое покровительство и с тех пор всегда помогала сыну, по его собственному признанию, во всем, чем могла, а главное — своей «любовью, чтоб он мог развиваться, как художник»³⁷. Событиям первой русской революции В. Д. Фалилеев посвятил автолитографию «Расстрел рабочих 9 января 1905 года»³⁸.

Все свои многосторонние знания Токарева с любовью передавала читателям бесплатной народной библиотеки.

Существовавшая в Саранске другая библиотека — публичная, где взималась с читателя плата по 3 рубля в год, не имела популярности.

Немало пришлось пережить Токаревой преследований от исправников и «контролеров книжного дела»; в библиотеке не раз производились обыски. Но скромная труженица своего любимого дела не покидала. Ее стараниями был открыт в Саранске книготорговый склад по примеру харьковского, но, разумеется, с меньшим оборотом торговли.

И этот многолетний труд не давал тех результатов, которые хотелось бы иметь энтузиастке книжного дела. В отчете

исправника за 1906 год указано: в городе Саранске «в публичной библиотеке 3 547 томов, бесплатная имела 785 подписчиков, выдано книг 8 702, в книжном складе продано на 5 059 рублей книг и канцелярских принадлежностей, в библиотеке при крестьянском училище 138 книг. Частных книжных лавок в городе две, продано книг на 200 рублей»³⁹. Не намного более возросли книжные фонды саранских библиотек и книжная торговля в городе и в последующее время. В 1914 году в публичной библиотеке было 315 читателей, в бесплатной — 1 210, книжный склад продал книг и письменных принадлежностей на 12 тыс. рублей⁴⁰. Городская управа выделяла публичной и бесплатной библиотекам мизерные суммы — по сто рублей в год. А когда народная библиотека решила открыть в центре города киоск для торговли книгой, то местное духовенство запротестовало, и из губернского центра, от архиерея поступило запрещение, в котором указывалось, что «торговля светскими книгами вблизи соборной церкви может оскорверить святость собора»⁴¹. Народные интересы ущемлялись светскими и духовными властями и в таком необходимом деле, как распространение книги.

С 1912 года в городе выходила газета «Саранские вести». Редактировал и издавал ее В. В. Бажанов, вернувшийся из ссылки. Некоторое время в Саранске издавалась газета под названием «Копейка», в которой печатались официальные известия и сообщалось о городских происшествиях. В этой газете сотрудничал поэт П. Д. Дружинин.

Саранская городская управа немало выдвигала проектов по благоустройству, но мало что из них осуществлялось. В городе не было канализации и водопровода. Было всего лишь три артезианских колодца⁴² (водокачки) с нефтяными двигателями. Артезианские колодцы построены в 1902 году за счет акцизного ведомства, которое было вынуждено их сделать ввиду того, что городская управа потребовала этого как компенсацию за порчу воды в реке Инсаре от стоков с винного склада и ректификационного завода, хотя при наличии фильтра никакой порчи не было. Добываясь постройки артезианских колодцев за счет казны, городская управа сообщала, что «город не имеет техники и лишен возможности проверить функционирование фильтра канализации винного склада»⁴³.

Большим событием считала городская управа постройку в 1912 году железобетонного моста через реку Инсару в память Отечественной войны 1812 года.

На мосту сохранились надписи того времени: «В память Отечественной войны 1812 г. С. У. З. (Саранское уездное земство. — И. В.) 1912 г.».

Асфальтовых мостовых в городе не было, булыжником были покрыты лишь центральная улица и подъезды к пакгаузам железнодорожной станции (протяженность мостовых составляла 5 километров при общей длине улиц города в 52 километра). Небольшая городская электростанция (мощностью в 130 лошадиных сил) построена в 1914 году, до этого в городе стояли кое-где керосино-калильные фонари⁴⁴.

Городская управа наметала провести дренажирование города, построить посадочную железнодорожную платформу против центральной улицы⁴⁵, соорудить железнодорожную ветку от Саранска до Б.-Березников с тем, чтобы соединить город с большими лесными массивами и ископаемыми. Но ни одно из этих мероприятий управа не осуществила.

Общий вид Саранска мало изменялся. Город продолжал оставаться преимущественно деревянным: каменных домов было 198, деревянных — 2 073⁴⁶. В городе имелось всего 5 трехэтажных домов, кое-где стояли двухэтажные купеческие особняки с фруктовыми садами и беседками, в праздничные дни звонили колокола 14 церквей, на перекрестках улиц стояли чаны с водой для тушения пожаров, в центре города возвышалось угрюмое, окруженное каменной стеной здание тюрьмы, а на главных проездах города красовались полицейские будки, под горой, напротив волостного управления, стоял памятник царю Александру II. Окраины города не освещались. В дождливое время по некоторым улицам нельзя было ни проехать, ни пройти.

Медленное экономическое развитие города и прилегающей к нему округи сказывалось и на росте, численности промышленных рабочих.

Общий рост населения города в предреволюционные годы характеризуется следующими данными: на первое января 1913 года — 16 203 человека⁴⁷, а с военными служащими Виндавского полка около 20 тысяч человек. На первое марта 1916 года — 18 000 человек⁴⁸, а с военными служащими частей гарнизона и военнопленными около 25 тысяч человек. В 1917 году население города увеличилось за счет нового притока военных служащих и составляло 28 тысяч человек.

В 1906 году в Саранске было 205 промышленных рабочих и 1 018 ремесленников⁴⁹. В 1913 году рабочих стало 722 человека, ремесленников около 1 300 человек, батраков до 100 человек, ломовых извозчиков 40 человек. Крупных коллективов рабочих в Саранске не было. Небольшая прослойка рабочего класса рассредоточивалась в разных концах города. На казенном винном складе и ректификационном заводе было 112 рабочих, на механизированном кирпичном заводе военного ведомства — 100, на маслобойном

заводе и паровой мельнице Овечкина — 67, на табачно-махорочной фабрике Никитина — 63, Покровского — 20, на медно-котельном механическом заводе Барбе — 15, на пенько-трепальном заводе Лисовых — 12, на железнодорожной станции — 30, на элеваторе — 30, строителей военных казарм — 110 и на всех прочих предприятиях — 163⁵⁰.

Почти половина населения Саранска занималась хлебопашеством.

В городе было четыре крестьянских общества: Казачье, Николаевское, Алексеевское, Пушкарское и одно Мещанское. Каждое из них имело сборную квартиру и старосту. В городе находилось и волостное управление.

Эти общества объединяли 1 240 дворов с количеством населения около 7 тысяч: в Казачьем было 300 дворов, в Николаевском — 270, в Алексеевской — 120, в Пушкарском — 50, в Мещанском — 500⁵¹.

Сельские общества города имели большой массив земли, простиравшийся на 17 километров к северу от Саранска и на 8 к югу; 14 тысяч десятин пашни, 2 тысячи — сенокосов, 2,5 тысячи — леса и кустарников, а всего около 20 тысяч десятин. Саранские крестьяне имели более пятисот лошадей, до тысячи коров, более тысячи овец. Городское крестьянство в урожайные годы собирало более полмиллиона пудов хлеба. На городских усадьбах выращивался табак (до 100 десятин) и снималось махорочного сырья до 15 тысяч пудов.

Не все крестьяне города сами обрабатывали землю: некоторые из них, занимавшиеся ремеслами, сдавали ее в аренду. Лишь немногие мещане были заняты хлебопашеством.

Среди крестьян города было немало богатых и зажиточных, которые во время аграрной столыпинской реформы покупали наделы земли у бедноты или у ремесленников, не порвавших связь с сельскими обществами. Некоторые саранские крестьяне имели по сто и более десятин земли, ветряные или паровые мельницы, просодранки, крупорушки, кузницы, овчинные заведения. Но много было и крестьянской бедноты, которая за неимением тягловой силы вынуждена была сдавать землю в аренду, а сама нанималась на работу к купцам, фабрикантам, местным кустарям.

В Саранске сохранялось немало признаков деревни, хотя крытых соломой домов и не было. По улицам в утреннее и вечернее время, поднимая пыль, проходили стада коров и овец, в междупарье и осенью подростки выезжали на лошадях в ночную на пойменные луга реки Инсары. На огородах было немало плетневых изгородей, в зимнее время во многих дворах устраивались для скота лабазы,

крытые соломой, на городских выгонах были гумны, где стояли одонья немолоченного хлеба, а между гумнами и окраинами города махали крыльями 12 ветряных мельниц.

Большой массив добротных черноземов, луговые угодья и большая — часть пригородного леса, которыми саранские жители владели 275 лет, играли в истории города двойную роль. С одной стороны, они являлись экономической базой для компактного существования значительного населенного пункта и гарантировали возможность обитания в нем до десятка тысяч жителей даже тогда, когда по тем или иным причинам промышленное производство и торговля в городе сокращались или когда город уничтожался пожарами, что в прошлом случалось нередко. Люди, привязанные к земле, вновь его стремились отстраивать. С другой стороны, обеспеченность землей удерживала крестьянское население города от участия в промышленности и ремеслах, а если кто из крестьянской бедноты шел на фабрику, завод, к кустарю-предпринимателю, то он, владея землей, долго не становился пролетарием.

Городские крестьяне чувствовали себя собственниками и по темноте своей подсмеивались над теми, кто поступал на завод или фабрику, особенно над девушками, иронически называя их «фабричными».

На протяжении всей истории старого Саранска мало кто из среды городских крестьян перешел в купечество или мещанство. Эти сословия пополнялись преимущественно за счет приезжих людей.

Как видно, обеспеченность большей части населения Саранска землей являлась тормозом в промышленном развитии города, особенно в послереформенный период, и обуславливала медленное изживание долго сохранявшихся остатков патриархального быта. Поэтому в городе можно было видеть и модных барышень, и стариков-крестьян в самотканых брюках. Вплоть до 1917 года в некоторых городских домах женщины пряли шерсть, настриженную со своих овец, и ткали холст, перерабатывая домашним способом коноплю и лен со своих полевых участков.

Кадровых рабочих в Саранске было настолько мало, что они исчислялись десятками, потому что большая часть фабрик и заводов действовала сезонно, а заработок был небольшим и не всегда гарантировал прожиточный минимум. Так, например, работница махорочной фабрики получала 10 — 12 рублей в месяц, а поденщица и того меньше, рабочий маслозавода 12 — 15, этикетчица винного склада 9 — 11, машинист у двигателя 25⁵², строитель-каменщик зарабатывал летом 15 — 20 рублей в месяц, а в зимнее время оставался без дела, следовательно, и без заработка. При

отсталой технике, а чаще всего при ручном труде рабочий настолько изматывался, что в 45 — 50 лет оставлял производство, не получая пенсии. На предприятиях взымались с рабочих штрафы. Правила безопасности не соблюдались. Рабочий день длился 11 — 12 часов. Профсоюзных организаций не было.

Пользуясь большим предложением рабочей силы мало-развитого в промышленном отношении края, владельцы фабрик и заводов нещадно эксплуатировали рабочих, а хозяева-кустари — ремесленников.

Тяжел был труд и городского крестьянина. Вспашка земли деревянной сохой (плуги стали появляться в городе с 1908 — 1910 годов), отдаленность земли от города, двойные налоги (сельские и городские) — все это обрекало крестьян на весьма скромное существование. Хлеб и картофель, правда, были, к рождеству и пасхе было и мясо, но платить, например, за обучение сына или дочери в среднем учебном заведении 40 рублей в год имел возможность далеко не каждый.

Нелегко был труд горожан на табачных плантациях, разводимых на приусадебных участках. Во время посадки рассады в грядки и в первые дни приживания корней надо было для огорода в 10 соток каждый вечер поднять из колодца и вынести на место 200 — 300 ведер воды. У женщин и девушек, занимавшихся табаководством, не сходили мозоли с рук. Доход же был невелик. За 15 пудов полученного с такой плантации махорочного сырья фабрикант Никитин платил 20 — 30 рублей. Не добрая охота, а нужда, обусловленная недостатком заработков, заставляла людей выполнять этот тяжелый труд, занимать приусадебные участки табаком в ущерб развитию садоводства и огородничества.

Во время первой мировой войны экономическая жизнь Саранска, как и других городов России, с каждым месяцем осложнялась. Уже в 1916 году стали остро ощущаться недостатки сырья и топлива, а некоторые промышленные предприятия, например, кирпичделательные, останавливались, на полях городских крестьян появились невспаханные полосы, которые зарастали сорняками и именовались местными жителями «забурлаченными участками», или «бурлаками». Многие дети и жены проводили своих отцов и мужей в солдаты, с фронтов поступали тяжелые известия о раненых и убитых. Цены на продукты и промышленные товары росли, у магазинов стали появляться очереди, где высказывалось недовольство и в адрес городской управы и в адрес вышестоящих властей. В декабре 1916 года в городе распространилась эпидемия сыпного тифа, свирепствовавшая и в январе, и в феврале 1917 года. Городская управа ничего не могла поделать с этой эпидемией. Правда, на домах, в

которых появлялись заболевания, расклеивались объявления: «Здесь болеют сыпным тифом», чтобы никто из соседей не посещал эти дома. Больных увозили в холодные бараки. Эпидемия унесла много жизней.

Везде чувствовался развал старых порядков и кризис старой власти. Таков был Саранск накануне Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

Большую роль в революционных событиях 1917 года сыграл в Саранске военный гарнизон. Он составлял около половины взрослого населения города. Во время февральских событий в Саранске стоял 234 пехотный запасный полк, скомплектованный по штатам военного времени: 16 рот, учебная команда, нестроевая команда; в апреле 1917 года в город прибыл еще один — 101-й пехотный запасный полк⁵³. В городе стояли и другие воинские части.

Немногочисленные кадры саранских рабочих во время войны значительно уменьшились. Многие из них были взяты на фронт, в промышленность пришли новые люди, преимущественно женщины. Поэтому развитие революционных событий в городе во многом зависело от солдат гарнизона.

Официальное сообщение о свержении монархического правления в России дошло до Саранска 1 марта 1917 года. Это была зашифрованная телеграмма от командующего войсками Казанского военного округа генерала Сандецкого начальнику Саранского гарнизона, командиру 234 запасного пехотного полка полковнику Атлантову.

«Правительство императора Николая свергнуто», — общал командующий и советовал начальнику гарнизона «принять соответствующие меры» и оповестить о случившемся «только господ офицеров»⁵⁴.

2 марта начальник гарнизона полковник Атлантов собрал офицерское собрание 234 полка и заявил: «Господа, со вчерашнего вечера я получаю телеграммы от какого-то нового правительства и новых министров. По этим телеграммам невозможно понять того, что происходит теперь в Петрограде. Поэтому во избежание волнений не разглашайте о событиях»⁵⁵.

Собрание офицеров решило: «согласиться с советом генерала Сандецкого и не возбуждать нижних чинов еще точно не проверенными слухами»⁵⁶. Но скрыть правду было невозможно. Солдаты узнали о зашифрованной телеграмме, и в ротах началось движение.

В тот же день о событиях в Петрограде узнали и рабочие Саранска.

Вместо ожидавшегося из Нижнего Новгорода поезда прибыл резервный паровоз. Машинист этого паровоза рассказал группе саранских рабочих о событиях в Петрограде и

добавил, что в Нижнем пролетариат «освободил политических заключенных из тюрьмы, а также всех рабочих, арестованных за стачки»⁵⁷. Это сообщение простые люди приняли с радостью. Началось движение и среди рабочих саранских предприятий.

Весть о свержении самодержавия подтвердили и приехавшие домой местные железнодорожники, работавшие в Рузаевке, но проживавшие в Саранске из-за недостатка квартир в поселке.

К вечеру этого дня строители военных бараков собрались на митинг, после чего о событиях в Петрограде и Нижнем Новгороде стало известно всему городу.

Саранск, хотя и был самым крупным населенным пунктом в Мордовии, но политическая жизнь в городе была развита далеко недостаточно. Если во многих губернских и в некоторых уездных городах действовали в то время подпольные группы большевиков, то в Саранске оформившейся большевистской организации еще не было.

Немногочисленный пролетариат города почти совсем не имел опыта политической борьбы. Первые мартовские выступления рабочих, солдат и крестьянской бедноты в Саранске, выражая горячее одобрение действий питерского пролетариата, проходили малоорганизованно, без четко сформулированных требований.

Боле того, старые власти города и уезда пытались направить эти выступления по соглашательскому пути. Некоторые члены городской и земской управ стали на ходу перекрашиваться из монархистов в «революционеров», прицепляя на грудь красные банты. Подобная «перестройка» наблюдалась даже в среде духовенства.

Известно, что с красным бантом пришел на урок закона божьего в 1-е высшее начальное училище священник Добронравов.

В эти же дни солдаты фронтовики, возвратившиеся домой по ранению или по болезни, с негодованием вырывали из книг и календарей портреты царя с «августейшим» семейством и растаптывали эти портреты ногами. Но были и такие обыватели, которые, видя это, плакали, говоря: «что вы надругаетесь над царем-батюшкой, ведь он помазанник божий, бог вас накажет». А между тем среди населения шли разговоры, что царица-немка предала Россию, а Распутин своим развратным поведением опозорил и царя и все его семейство.

Ученики старших классов средних школ стали бросать в портреты царской фамилии скрученные из бумаги пустые папироски с плевками, а учителя все еще не решались снимать эти портреты.

Сознательные рабочие стали поговаривать о необходимости ареста исправника и полицейских приставов. Но находились и такие среди рабочих, которые пытались доносить полиции о настроении передовых людей.

Наиболее сознательные солдаты гарнизона стали устраивать митинги в ротках, но многие из рядовых по-прежнему именовали офицеров «вашими благородиями» и «высоко-родиями», хотя в гарнизоне была получена и объявлена телеграмма об отмене титулов офицерства, кроме генеральских.

В такой сложной обстановке проходили первые дни Февральской буржуазно-демократической революции в Саранске. И там не менее политическое сознание трудовых масс города и солдат гарнизона быстро росло. Идеи большевистской партии проникали в город. Этому сильно способствовали возвращающиеся с фронта по ранению или в отпуск солдаты.

3 марта по инициативе местных рабочих была организована первая городская демонстрация. Несколько групп рабочих собрались в центре города. Об этом узнали в военном гарнизоне, солдаты примкнули к шествию. Чтобы предупредить революционные выступления, местная буржуазия встала впереди колонны вместе с гласными городской думы и городским головой Никитиным⁵⁸.

Когда городские сделали попытку «водворить порядок», послышались голоса: «Долой полицию», и демонстранты направились к дому присутственных мест «разоружать исправника и его помощника, но помощник пристава Лобанов и городской Девяткин объявили, что исправник уехал, его помощник тоже, а вся полиция будет служить новой власти. На этом и кончилась...»⁵⁹ первая «мирная», не особенно многолюдная демонстрация в Саранске. Однако революционно настроенные участники демонстрации не отказались от намерения арестовать исправника и его приближенных. Митинги солдат и рабочих приобрели более наступательный характер. К вечеру 4 марта городская беднота разоружила некоторых полицейских.

Участник этих событий куриловский крестьянин, мордвин по национальности, П. Л. Иркаев сообщает, как проходили первые аресты полицейских, бывших в глазах трудящихся олицетворением старой царской власти: «В этот день вечером, часов в восемь, я вышел из дома Серебряковых на 2-й Богословской улице подышать воздухом. Вижу, идут человек десять мужчин, идут в сторону реки Инсары, вниз. Я спросил: «Куда вы так быстро шагаете?». Они ответили: «Пойдем с нами, узнаешь». Я пошел с ними. Как только поравнялись с будкой городского, один из мужчин подошел к

полицейскому и взял его за ремень, в это время другой ударил городского по уху, у того слетел картуз. Потом они вытащили городского из будки и повели в центр города.

Подошли к тюрьме, у дверей которой стояли два молодых человека. Им сдали мы арестованного. Дежурные толкнули его во внутрь тюрьмы. Вскоре к тюрьме привели полицейского офицерского чина, шинель у него была не застегнута. У дверей его избили и тоже толкнули в подъезд.

На другой день, часов в пять утра, у газетного киоска была очередь человек до пятидесяти. Ожидали известий из Петрограда. Приблизительно через час принесли газеты. В них сообщалось, что Николай II отрекся от престола. Министры арестованы.

Мне, как приехавшему в отпуск солдату, надо было встать на учет у воинского начальника. Но после всего увиденного я сразу же выехал в свою деревню. Мой отец, прочитав сообщение в газете, перекрестился и сказал: «Слава тебе, господу богу»⁶⁰.

Так упрощенно, а порой и наивно воспринималась Февральская буржуазно-демократическая революция многими жителями провинции.

В ночь с 4 на 5 марта саранский городской голова Никитин получил телеграмму из Петрограда, в которой сообщалось: «Второго сего марта последовало отречение от престола государя императора Николая Второго за себя и своего сына в пользу великого князя Михаила Александровича. Третьего марта Михаил Александрович отказался воспринять верховную власть впредь до определения Учредительным собранием формы правления и призвал население подчиниться временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до созыва Учредительного собрания, которое своим решением об образе правления выразит волю народа»⁶¹. Ночью же Никитин собрал городскую управу, где было решено взять инициативу создания новой власти в городе самой управе.

В ту же ночь в квартире портного И. К. Ключанова⁶² собралась небольшая группа революционно настроенных рабочих и интеллигенции и создала первый Совет рабочих депутатов Саранска. В него вошли каменщик М. Спиридонов, десятник-строитель К. Кирченко, печник Г. Коннов, портной И. Ключанов, солдат В. Евдокимов, продавец газет Ф. Евсюков и учитель П. Ассуиров⁶³. На этом заседании были намечены планы действия Совета. Было решено немедленно арестовать исправника Салтыкова, пристава Попова, двух помощников пристава — Лобанова и Еремина и некоторых

еще не арестованных особенно ненавистных трудящимся полицейских (Девяткина и др.). Это было исполнено на другой день после решения Совета. Но через два дня исправник по телеграмме губернского комиссара временного правительства князя Кугушева был освобожден из-под ареста⁶⁴.

Между тем городская буржуазия при содействии эсеров и членов земской управы формировала уездный временный исполнительный комитет так называемой народной власти. Председателем был назначен городской голова, фабрикант Никитин⁶⁵. Исполняющим обязанности уездного комиссара временного правительства стал один из руководителей старого Саранского земства помещик Панов⁶⁶.

13 марта на заседании уездного исполнительного комитета временного правительства был избран новый президиум этого комитета. Председателем его стал директор учительской семинарии П. Молчанов.

В состав комитета входили представители городской и сельской буржуазии, а также земства и офицерства⁶⁷.

11 марта губернский комиссар князь Кугушев телеграммой сообщил, что на должность председателя Саранской земской управы и уездного комиссара временного правительства им назначен землевладелец Вишняков⁶⁸.

С марта месяца в городе стала выходить газета «Известия Саранского исполнительного комитета»⁶⁹ — орган буржуазной власти.

8 марта губернский комиссар временного правительства телеграфно предписывал саранским властям: «Впредь до распоряжения предлагаю иметь в виду, что обязанности уездного комиссара временного правительства обнимают собой сохранившиеся обязанности исправника, административные обязанности земского начальника и обязанности уездного предводителя дворянства, кроме чисто сословных»⁷⁰.

Так были образованы органы временного правительства в городе Саранске. Новая буржуазная власть мало чем отличалась от старой царской и по социальному составу ее, и по исполняемым функциям. Правда, полиции уже не стало. При уездном комиссаре временного правительства была создана милиция, но в ней оказались преимущественно прежние нижние чины полиции, избежавшие ареста. Городские управа и дума остались в полной неприкосновенности, при прежнем руководстве.

Новые власти не удовлетворяли требований трудящихся как в городе, так и в деревне, с первых же дней своего правления стали обнаруживать явную реакционность. Приведем один пример. По настоянию бедноты старосты сельских обществ Саранска 8 марта собрали волостной сход, который потребовал смены старых волостных судей. Выступавшие

на сходе крестьяне заявили, что эти судьи «были первые кровопийцы и приверженцы царского строя».

От имени всеобщего схода было сообщено уездному комиссару: «Ввиду всеобщего схода Российской переворота Саранский волостной сход сменил волостных судей». Но это решение не было утверждено уездным комиссаром⁷¹.

В городе росло недовольство в связи с ухудшением снабжения, в деревнях и селах развивалось аграрное движение. Возвращавшиеся с фронта солдаты поднимали крестьян на борьбу против крупных землевладельцев, за конфискацию помещичьих имений. В течение весны и лета 1917 года в Саранском уезде было 60 выступлений против помещиков и землевладельцев. Помещица Диконская была изгнана из имения, у землевладельца Штеймана крестьяне отобрали и разделили между собой 8 тысяч пудов хлеба, был разгромлен конный завод Орлова, а лошади отобраны, повсеместно производились самовольные порубки леса в помещичьих имениях⁷².

Особенно широко развернулось аграрное движение в уезде после знаменитых Апрельских тезисов В. И. Ленина и Апрельской конференции большевиков, которая приняла решение о конфискации помещичьих земель с передачей их в распоряжение крестьянских комитетов и о национализации всех земель в стране⁷³.

Новые власти на местах, органы временного правительства вначале пытались действовать уговором. Так, уездный исполнительный комитет «народной власти» 13 марта вынес решение: «Послать по волостям делегатов для водворения спокойствия на местах и обратиться с просьбой к духовенству об обращении с его стороны к населению»⁷⁴. Потом уездный комиссар стал посылать в села милицию и требовать от начальника гарнизона вооруженной силы для подавления крестьянского движения, что вызывало среди солдат недовольство⁷⁵, и они отказывались выступать против крестьян.

Передовая часть рабочих и солдат увидела подлинное лицо буржуазной власти. 9 марта в городе состоялись вторая демонстрация и общегородской митинг. Начальник гарнизона сообщил об этом движении командующему Казанским военным округом, который в ночь с 10 на 11 марта прислал ответную шифрованную телеграмму с предложением: «Выделить не менее 250 человек из кадровых унтер-офицеров и офицеров, преданных престолу и отечеству, снабдив их боевым вооружением. Остальное оружие и боевые патроны сложить в отдельный склад под особой охраной. Не допускать общения солдат с городом, а в случае, если городская демонстрация попытается связаться с казармами, то выделенной команде не допускать этого и, если нужно, применять против нее огнестрельное оружие»⁷⁶.

Эта телеграмма стала известна солдатам 234-го полка. В ответ на коварное предписание командующего военным округом они 11 марта выделили своих представителей из каждой роты и образовали Совет солдатских депутатов Саранского гарнизона. Офицеры вначале не хотели признавать Совет. Но под давлением солдат полковник Атлантов вынужден был подписать следующий приказ по гарнизону: «Войскам Саранского гарнизона 28 марта 1917 года. При сем объявляю выборных членов в Совет солдатских депутатов от 234 пехотного полка: председатель — Федор Семенович Каплев (писарская команда), тов. председателя — Артемий Иванович Мордвинцев (оружейная мастерская), секретарь — Николай Федорович Ермишин (писарская команда)...». Дальше перечислялись фамилии 23 членов Совета от 4 рот по 2 человека, от 12 — по одному и по одному человеку от учебной команды, нестроевой команды, от фельдшеро́в. Этим же приказом предлагалось избрать в состав гарнизонного Совета солдатских депутатов от Саранского управления воинского начальника 2 человека, от Саранской военной строительной комиссии и саранского военного продовольственного магазина по одному человеку⁷⁷.

Первый Саранский Совет солдатских депутатов состоял преимущественно из рядовых солдат, несколько позднее он стал пополняться и офицерами. В Саранском гарнизоне было немало солдат из рабочих крупных промышленных центров страны, благодаря этому Совет солдатских депутатов стал распространять влияние и на городское население.

Чтобы ослабить революционность Совета солдатских депутатов, эсеровский комитет 14 апреля добивается введения в этот Совет своих представителей А. Я. Федянина и Н. И. Козлова с правом решающего голоса⁷⁸.

Во второй половине апреля из прибывшего в город 101-го пехотного запасного полка были тоже выделены представители в гарнизонный Совет солдатских депутатов, в числе них — солдат К. А. Зудилин, который принял активное участие в деятельности Совета.

Хотя в Совете солдатских депутатов и были эсеры и меньшевистски настроенные люди, тем не менее революционно настроенные члены часто брали верх и им удавалось через Совет срывать контрреволюционные планы командования. Так, например, был сорван во второй половине мая приказ об отправке в Петроград для борьбы с революцией специальной роты из прикомандированных полицейских чинов⁷⁹.

Совет солдатских депутатов развертывал агитационную работу в гарнизоне, проводились митинги, беседы. В этой

работе активное участие принимали солдаты Евдокимов, Горожанин, Бушуев. Газеты «Правду» и «Социал-демократ» в гарнизон доставлял солдат Зудилин⁸⁰.

Совет рабочих депутатов, созданный явочным порядком и занявший с первых дней своей деятельности революционную позицию, хотя и был вначале малочислен, а члены его политически мало подготовлены, тем не менее стремился расширить сферу своего влияния среди трудящихся города. Была установлена связь с промышленными предприятиями, ремесленниками, учреждениями и сельскими обществами Саранска.

В государственном архиве Мордовской АССР сохраняется список Совета рабочих депутатов города Саранска, составленный в начале апреля 1917 года. В нем зарегистрировано 170 человек, в числе которых значительное количество ремесленников — 19 плотников, занятых на строительстве военных барачков, 4 сапожника, 3 столяра, 3 кровельщика, 3 кузнеца. В составе Совета было 8 земледельцев, 2 солдата, служащие банка, иконописный мастер, ветеринарный фельдшер, агенты торговой фирмы Зингера, продавец газет и очень немного кадровых рабочих, как например, каменщик М. И. Спиридонов, строитель-десятник К. Д. Кирченко, механик М. А. Мягков⁸¹.

Разумеется, такой состав Совета рабочих депутатов не мог в должной степени выражать интересы промышленного пролетариата. Однако создание его было явлением положительным, ибо к решению жизненных вопросов города впервые в его истории была привлечена большая группа людей труда, преимущественно из пролетарской и полупролетарской среды.

Установив связь с Московским Советом рабочих депутатов, организаторы местного Совета выделили инициативную группу по подготовке выборов депутатов коллективами промышленных предприятий города. Инициативная группа в составе И. К. Клюканова, М. В. Холопова, Е. В. Ельмеева 5 апреля организовала в Пушкинском саду митинг, где обсуждался вопрос о выборах в Советы рабочих депутатов. Это был первый многочисленный митинг в Саранске, на котором присутствовало большое количество трудящихся города и солдат.

Призывая рабочих избрать в Совет своих представителей, члены инициативной группы провозглашали большевистские лозунги «Долой империалистическую войну!», «Долой помещиков!», «Землю — крестьянам!». Эсеры и меньшевики пытались взять участников митинга под свое влияние, но это им не удалось. Эсера Тутенкова, выступившего против большевистских лозунгов и призывавшего присутствующих

к продолжению войны «до победного конца», солдаты под свист и крики стащили с трибуны⁸².

10 апреля были проведены выборы в Совет рабочих депутатов на собраниях коллективов промышленных предприятий, ремесленников и служащих. Избрано было 27 человек: от рабочих махорочной фабрики Никитиных — 4, маслозавода и паровой мельницы Овечкина — 4, слесарно-механических мастерских Корнилова — 1, овощесушильного завода — 1, элеватора — 1, от строителей военных бараков — 4, ремесленников — 6, от ломовых и легковых извозчиков — 3, от приказчиков — 3⁸³.

Следовательно, основное ядро вновь избранного Совета составилось из промышленных рабочих, в числе которых были смелые, революционно настроенные люди: П. Ф. Корочкин (маслозавод), К. Д. Кирченко (десятник-строитель), М. И. Спиридонов (каменщик).

По указанию Московского Совета рабочих депутатов в состав вновь избранного Саранского Совета вошли на правах членов с решающим голосом и участники инициативной группы И. К. Ключанов (портной), М. В. Холопов (служащий), Е. В. Ельмеев (служащий) и примкнувшие к ним на митинге в Пушкинском саду С. М. Лордкипанидзе (прапорщик), А. Ф. Рессман (техник-строитель военных казарм), А. Ф. Новохацкий (адвокат), Ф. С. Баринов (служащий банка) и В. И. Стрижев (ветеринарный фельдшер)⁸⁴.

Формирование Саранского Совета рабочих депутатов, как первого на территории Мордовии, мало изучено, да и документальных данных о его деятельности сохранилось немного. Поэтому некоторые высказывания историков и авторов воспоминаний на этот счет нуждаются, на наш взгляд, в уточнениях.

М. В. Дорожкин в статье «Мордовия от февраля к Октябрю 1917 г.», датируя возникновение Саранского Совета рабочих депутатов 5 марта 1917 года, основывался на показаниях трех участников организации Совета. Нам кажется это заключение убедительным. Хотя протокол первого заседания Совета и не сохранился, но есть другие документальные данные, подтверждающие правильность заключения автора статьи.

Документально подтверждается, что намеченный Советом арест исправника был произведен 6 марта 1917 года; следовательно, сам Совет уже существовал и действовал. Достоверно также известно, что с 6 марта 1917 года в Саранске начинают возникать профсоюзные организации⁸⁵ и что это движение тесно связано с созданием Совета рабочих депутатов в городе. Склонность автора упомянутых выше воспоминаний Ф. С. Каплева приписать инициативу

создания первых профсоюзов Саранскому Совету солдатских депутатов не выдерживает критики, ибо сам этот Совет возник в Саранском гарнизоне 11 марта 1917 года, т. е. после того, как были уже созданы некоторые профсоюзы, например, союз работников связи. Наконец, столь значительная организационная работа, проведенная к 5 апреля 1917 года малочисленной инициативной группой Совета рабочих депутатов, должна была занять немало времени; следовательно, зарождение самого Совета, выделившего эту группу, произошло значительно раньше.

В некоторых уточнениях нуждается и указанная выше статья М. В. Дорожкина. Автор ее сообщает, что помощник пристава Лобанов, полицейский Девяткин и др., арестованные по решению Совета рабочих, были в ночь на 6 марта 1917 года расстреляны. Это не верно. Контрреволюционно настроенные полицейские Лобанов и Девяткин были расстреляны значительно позднее, осенью 1918 года, по решению Саранской чрезвычайной комиссии. Не совсем точны и данные относительно количества членов первого Совета рабочих, сконструированного инициативной группой. В списке этого Совета значится 170 фамилий, а не 65, как это отмечено в статье М. В. Дорожкина. На первых листах списка, правда, занесено 65 фамилий, но в этом же архивном деле есть продолжение списка⁸⁶, которое, вероятно, не было учтено автором указанной статьи.

Саранский уездный Совет крестьянских депутатов сформирован был несколько позднее. Первоначально вопрос о создании этого Совета обсуждался на съезде сельских депутатов 21 марта 1917 года⁸⁷. После этого был образован временный совет крестьянских депутатов во главе с эсерами Я. П. Трубчиковым и И. Г. Десятковым⁸⁸. 2 мая был сконструирован Совет крестьянских депутатов путем выборов на уездном крестьянском съезде. В Совет было избрано 54 депутата по два человека от 27 волостей уезда⁸⁹. 9 — 10 мая был утвержден президиум Совета. Председателем оказался эсер П. И. Горшунов, товарищем председателя — И. Г. Десятков, секретарем — Я. П. Трубчиков⁹⁰.

Президиум Совета крестьянских депутатов занял явно соглашательскую позицию и всемерно поддерживал буржуазное временное правительство. Деятельность президиума началась с посылки верноподданнической телеграммы председателю совета министров князю Львову. В этой телеграмме указывалось, что Саранский Совет крестьянских депутатов выражает временному правительству «полное и безусловное доверие, выражает готовность оказать ему решительную поддержку всеми силами...»⁹¹.

Разумеется, в составе этого Совета при явном засилии эсеров и кулачества были и люди революционно настроенные — например, депутат от Атемарской волости В. И. Гринин, впоследствии активный участник борьбы за Советскую власть. Но они представляли явное меньшинство в Совете.

15 апреля 1917 года Саранский Совет рабочих депутатов слился с гарнизонным Советом солдатских депутатов, и объединенный орган стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов. Председателем объединенного Совета был избран солдат Ф. С. Каплев, первым товарищем председателя — рабочий К. Д. Кирченко, вторым — солдат А. А. Клинец, секретарем — Н. Ф. Ермишин. Так формировались первые Советы в Саранске.

В первых Советах рабочих и солдатских депутатов оказалось большинство революционно настроенных членов, хотя проникли туда и офицеры старой армии, например, прапорщик Лордкипанидзе и даже дворяне (адвокат Новохацкий).

Двоевластие имело в Саранске довольно ярко выраженный характер. Уездный комиссар временного правительства, исполнительный комитет «народной власти» и городская управа стояли на службе буржуазии, подавляли подлинный народный демократизм и стремились свести на нет революцию. Совет рабочих и солдатских депутатов, хотя и не был официальной властью, но именно он выражал интересы трудящихся, его деятельность свидетельствует о том, что в городе с небольшой сравнительно прослойкой рабочего класса уже создавался орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. На примере Саранска, как и других подобных городов, видно, насколько не состоятельны утверждения врагов революции, что большевики насаждали органы диктатуры пролетариата вопреки интересам подлинного развития народного демократизма. В Саранске, как мы уже говорили, в то время не было еще большевистской организации, но Совет возник и действовал, он был выдвинут самой жизнью. Руководящая деятельность ЦК большевиков и работа большевистских организаций крупных промышленных центров находили повсеместно благоприятную почву и вдохновляли не только самих членов большевистских организаций, но и всех тех, кому дороги были подлинные интересы революции и коренные революционные преобразования России. Поэтому приезжавшие в то время в Саранск большевики из Нижнего Новгорода (Голубев) и из Казани (Дроздов) встречали в городе горячую поддержку, и их работа с местным активом была плодотворной.

Саранский Совет рабочих и солдатских депутатов, преодолевая препятствия, чинимые официальной властью и

эсерами, сумел осуществить некоторые подлинно революционные мероприятия в городе. Так, например, 25 мая он вынес решение о введении со 2 июня восьмичасового рабочего дня на «всех торгово-промышленных, заводских, общественных и мелких предприятиях»⁹². Совет повел борьбу за осуществление своего постановления.

Когда управляющий маслозаводом отказался выполнить постановление Совета, рабочие вывезли его на тачке к месту свалки.

Уездный комиссар временного правительства, возмущенный действиями рабочих, приказал арестовать зачинщиков расправы над управляющим. Строители военных барачков, рабочие махорочной фабрики и других предприятий города решительно выступили в защиту маслозаводцев.

Приказ об аресте был отменен. Восьмичасовой рабочий день был введен на промышленных предприятиях города.

Совет рабочих и солдатских депутатов вникал и в дела благоустройства города. Так, например, своим решением от 26 июня он предложил купцу Романову «отдать взаимобразно имеющийся у него камень для окончания мостовой на Планской улице»⁹³. Это решение Совета было выполнено.

Благодаря активной деятельности Совет рабочих и солдатских депутатов приобретал популярность и авторитет среди трудящихся города. Он стал получать письма от рабочих и крестьянской бедноты, к нему стали обращаться с просьбами. Так, например, 12 июня в Совет поступило заявление от граждан города, проживавших на Троицкой улице, в котором было выдвинуто требование «удалить с этой улицы дом терпимости, помещавшийся в особняке Абудеевой». В заявлении указывалось: «При старом режиме мы несколько раз обращались с этой просьбой к начальству, но было безрезультатно... Теперь... мы надеемся, что... наша просьба будет удовлетворена. За что заранее приносим Совету солдатских и рабочих депутатов глубокую благодарность»⁹⁴.

Обращение граждан с просьбами в Совет, а не к официальным властям — важное свидетельство того, что уже в июне 1917 года существовало недоверие трудящихся к органам временного правительства на местах.

Разумеется, нелегко было Совету проводить революционные мероприятия, и многие из них не осуществлялись, потому что опыта политической работы у него было мало, а местные эсеры, имевшие большой опыт политической борьбы, вели подрывную работу, стремясь парализовать деятельность Совета.

В уезде, где преобладал сельскохозяйственный уклад жизни, а кадровых рабочих было мало, эсеры были много времени единственной партийной организацией.

Из донесений пензенского губернатора в жандармское управление департамента полиции видно, что еще в 1908 году в Саранске существовала группа лиц, принадлежащих к «левым» партиям⁹⁵. Тогда это была небольшая эсеровская группа. К 1917 году она значительно увеличилась, имела своих представителей в некоторых деревнях и селах. В первые дни Февральской буржуазно-демократической революции в Саранске был создан комитет эсеровской организации. Видными эсерами того времени считались: И. А. Цынговатов — сын заводчика, впоследствии (с 7 августа 1917 г.)⁹⁶ уездный комиссар временного правительства, избранный местной знатью в члены учредительного собрания⁹⁷, П. И. Горшунов — агроном, с 13 марта 1917 года товарищ председателя уисполкома временного правительства⁹⁸, А. Я. Федянин — крестьянин, член уездного земельного комитета, впоследствии председатель земской управы⁹⁹, И. Г. Десятков — учитель, потом заместитель председателя городской думы¹⁰⁰, Н. И. Тутенков — председатель комитета эсеровской партии¹⁰¹, потом левый эсер¹⁰², Н. И. Козлов¹⁰³ — крестьянин, мордвин по национальности, потом левый эсер¹⁰⁴.

В июне 1917 года в Саранске образовалась группа партии народных социалистов¹⁰⁵. В июле был создан комитет этой партии, во главе которого стоял врач Н. В. Колпиков¹⁰⁶, заместителем его был учитель, а с августа — секретарь уездного исполкома Я. П. Трубчиков¹⁰⁷. В эту группу входил также директор учительской семинарии, бывший до 20 июля 1917 года председателем тогдашнего уисполкома, П. Е. Молчанов¹⁰⁸ и другие.

Группу меньшевиков с июня месяца 1917 года возглавлял адвокат Н. В. Цынговатов¹⁰⁹.

Кроме организаций соглашательских партий в Саранске существовал в 1917 году комитет буржуазной партии кадетов, именовавшей себя «партией народной свободы». Этот комитет возглавляли судебный следователь И. Л. Гольдман (председатель) и уездный член окружного суда П. В. Розалиев (товарищ председателя)¹¹⁰. В состав кадетской организации входили некоторые купцы и фабриканты, например, городской голова М. Г. Никитин, лесничий В. И. Карбанович (при временном правительстве — председатель уездного продовольственного комитета)¹¹¹.

Все эти партии явно срастались с буржуазным временным правительством.

Так, например, когда второй крестьянский съезд Пензенской губернии, состоявшийся 15 мая 1917 года, вынес революционное решение о передаче частновладельческих, помещичьих, удельных и монастырских земель на учет земельных комитетов и о распределении их между трудовой

не наемной силой, лидеры саранских эсеров выразили несогласие с этим решением и настаивали на возвращении уже отобранных земель их прежним владельцам. С этих позиций лидеры местных эсеров Трубчиков и Десятков выступали не только в Саранске, но и на Поволжском областном съезде исполнительных комитетов в Саратове, состоявшемся 27 мая 1917 года¹¹².

После кровавой расправы временного правительства над участниками июльской петроградской демонстрации саранские власти этого правительства повели наступление на революционно настроенных членов Совета.

8 июля было созвано экстренное заседание Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, на котором присутствовало 134 человека. По информации меньшевика Ванштейна о событиях в Петрограде разгорелись бурные прения. Эсеры обрушились на питерский пролетариат, лживо обвиняя его в том, что он якобы «ведет к провалу революции»¹¹³.

Местные эсеры открыто встали на защиту временного правительства. На этом же заседании было оформлено слияние Совета рабочих и солдатских депутатов с Советом крестьянских депутатов. Прежние Советы стали именоваться секциями объединенного Совета. Председателем объединенного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов стал эсер П. И. Горшунов, товарищами председателя были утверждены председатели секций: рабочей — Ф. С. Каплев, солдатской — прапорщик С. М. Лордкипанидзе, крестьянской — И. А. Цынговатов, обязанности секретаря объединенного Совета стал исполнять Каплев.

Это слияние ослабило роль Советов рабочих и солдатских депутатов, ибо они были подчинены председателю, который стоял на позициях временного правительства, как и большинство членов бывшего Совета крестьянских депутатов. Поэтому революционно настроенному меньшинству вновь созданного объединенного Совета стало значительно труднее вести борьбу против контрреволюции. Это обнаружилось в ближайшие дни.

Июльские события в Петрограде, выступление доведенных до отчаяния непрекращающейся войной, голодом и безработицей рабочих и солдат против временного правительства имели отклик и в Саранске. 19 июля в центре города, около магазина общества потребителей собралась большая группа мужчин и женщин, которые стали требовать улучшения снабжения. Здесь же на месте была выделена комиссия из трех человек для проверки магазина. Член президиума Совета рабочих, крестьянских и солдатских

депутатов А. А. Клинцов срочно вызвал 60 вооруженных солдат. Заведующий магазином П. И. Губанищев, злоупотреблявший в торговле сахаром, был арестован. Комиссия вместе с вызванными солдатами пошла производить обыски домов и складов торговцев¹¹⁴.

Обыски продолжались два дня — 19 и 20 июля. В квартире Губанищева были отобраны табак, полотно и другие предметы. В квартире и кладовой П. Ф. Тараскина (члена продовольственного комитета) были обнаружены и опечатаны большие запасы продовольствия, а самому Тараскину участники выступления угрожали расправой, и он спасся лишь благодаря вмешательству помощника уездного комиссара С. М. Полякова, который под предлогом ареста удалил его со двора. Обыски были произведены также у крупного торговца бакалеей Н. А. Романова и у некоторых других владельцев товаров¹¹⁵.

Обыски, сопровождавшиеся реквизицией продовольствия, были произведены на складах уездной земской управы, а также на городском складе, где местными властями были припрятаны подарки от населения, предназначенные для солдат¹¹⁶.

Это выступление трудящихся города, поддержанное революционно настроенной частью Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, напугало местные власти. Они только 3 августа решились потребовать фамилии инициаторов выступления. Однако под давлением уездного комиссара временного правительства и при соглашательской позиции, занятой председателем Совета П. Горшуновым, имущество торговцев, опечатанное в их кладовых комиссией, им было возвращено. Революционная часть Совета не смогла до конца осуществить свой план реквизиции продовольствия у торговцев и передачи его трудящимся.

После этих событий саранские власти временного правительства провели через эсеровско-меньшевистскую верхушку Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов решение о прекращении митингов и собраний трудящихся города. В постановлении Совета от 23 июля 1917 года записано: «Временно воздержаться от устройства всяких сборищ, митингов и манифестаций». Правда, этим постановлением предоставлялось право проведения митингов эсерам и меньшевикам с разрешения председателя Совета и уисполкома временного правительства. На этом же заседании было кооптировано в Совет по два представителя от меньшевиков, эсеров и народных социалистов. Вскоре произошли новые изменения в Совете. Вместо И. А. Цынготова, ставшего в начале августа уездным комиссаром временного правительства, крестьянскую секцию возглавил

прапорщик эсер Д. Т. Полотняный. Так, в самом Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Саранска со-здалось явное усиление эсеров и меньшевиков, и он стал на службу временному правительству. Пензенский губернский комиссар в докладе министру внутренних дел от 19 сентября 1917 года писал: «Деятельность... исполнительных комитетов почти вся в прошлом... Возводимое снизу здание сопровождается расформированием исполнительных комитетов... Влияние и авторитет растеряны... Комиссариат считает своей обязанностью в трудные минуты прибегать к действию Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Но стремление к совместному с Советом разрешению наиболее острых осложнений отнюдь не сопровождается вмешательством Совета в дела управления»¹¹⁷.

В городе и уезде сложилась тяжелая обстановка для работы революционно настроенных рабочих, солдат и крестьянской бедноты. Еще в конце мая 1917 года один из лидеров саранских эсеров — товарищ председателя уисполкома временного правительства И. Г. Десятков, выступая в Саратове на Поволжском съезде исполкомов, заявил, что «Саранский исполнительный комитет в числе своих задач поставил устранение лиц и целых учреждений, противодействующих, не признающих или не соответствующих самой сущности нового строя»¹¹⁸, т. е. строя буржуазного временного правительства.

Однако политическое сознание трудящихся города росло, революционная борьба против временного правительства и соглашательских партий усиливалась.

Это особенно ярко выявилось при организации в городе комитета РСДРП в августе 1917 года. На организационное собрание явилось 25 человек. Был избран президиум комитета под председательством прапорщика Лордкипанидзе, заместителем председателя вошел военный врач Ванштейн, членами президиума — зубной врач Горштейн (женщина), Н. Цынговатов (в то время служивший нотариусом), М. Холопов (служащий).

При обсуждении вопроса, как именовать комитет — большевистским или меньшевистским, обнаружилось резкое расхождение во взглядах. Споры шли около двух недель. Тем временем председатель комитета изготовил штамп и печать, на которых значилось: «Саранский комитет РСДРП — фракция меньшевиков»¹¹⁹.

Это вызвало возмущение большевистски настроенных членов организации. Одиннадцать человек, в том числе К. Кирченко, А. Клинец и другие, вышли из комитета¹²⁰ и стали проводить большевистскую агитацию нелегально, подвергаясь преследованиям.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

История зарождения большевистской организации Саранска до сих пор мало изучена. Недостаточно пока еще собрано документов и воспоминаний. И только в последние четыре-пять лет проявились усилия местных научных работников решить эту важную задачу, имея в виду, что Саранская партийная организация является старейшей на территории Мордовской АССР.

Историки Мордовии располагают подлинником акта организации Саранского комитета Российской социал-демократической рабочей партии — фракции большевиков, датированным 7 января 1918 года¹. В акте не указано, городской это комитет или уездный, но в газете «Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» от 17 февраля 1918 года сообщалось: «7 января организовался Саранский уездный комитет Российской социалистической рабочей партии, фракция большевиков»².

Некоторые историки, основываясь на данных указанного акта, склонны считать, что Саранская большевистская организация возникла 7 января 1918 года. Воспоминания старых большевиков относительно более ранней датировки возникновения местной большевистской организации этими историками не принимаются во внимание. Так, например, составители книги «За власть Советов», изданной в Саранске в 1957 году, при публикации воспоминаний К. А. Зудилина не учли строки, где указывается, что в начале июня 1917 года он выезжал из Саранска в Пензу и там установил связь с большевиками губернского центра, которые поручили ему выявлять сочувствующих большевикам в Саранском гарнизоне с тем, чтобы создать в этом гарнизоне большевистскую организацию, что после этой поездки он

считал себя большевиком, а во второй половине июня к нему в учебную команду пришел солдат Евдокимов и принес ему партийный билет³. При публикации в этой же книге воспоминаний И. К. Клюканова не учтены его показания, напечатанные ранее в статье М. В. Дорожкина «Мордовия от февраля к Октябрю 1917 г.»: «В мае месяце 1917 года в городе Саранске большевиков было 5 — 7 человек. Представитель Сормовского комитета большевистской партии в середине мая месяца выдал им партийные билеты»⁴. В справке, напечатанной в «Блокноте агитатора», указывается, что «Саранская партийная организация была создана 7 января 1918 года»⁵. Нам кажется, не учитывать воспоминания старых большевиков, не пытаясь их сопоставить с сохранившимися, хотя и малочисленными архивными документами, было бы неправильным. Нельзя недооценивать самоотверженную работу целой группы пионеров большевистской организации города в 1917 году, обедняя этим самым историю борьбы за установление Советской власти в нашем крае.

Историк должен рассматривать явления в их развитии. В протоколе собрания Саранской партийной организации от 7 января 1918 года записано, что на этом собрании присутствовало «членов в числе 52 человека партии социал-демократов большевиков» и что участники собрания «ввиду малого помещения», в котором оно открылось, перешли в здание учительской семинарии⁶. Столь значительный по тому времени партийный коллектив, разумеется, не мог возникнуть сразу.

В том же архивном деле, в котором находится протокол указанного собрания, сохраняется документ, датированный 2 января 1918 года. В нем указано, что в Саранске есть клуб коммунистов и комитет партии. Документ написан рукой А. Г. Милославского, избранного 7 января 1918 года секретарем укома РСДРП(б). Следовательно, до 7 января, т. е. до создания укома партии, в Саранске действовала значительная группа большевиков, имевшая уже свой клуб и комитет партии.

Инициатором создания саранской группы большевиков является революционер-подпольщик Павел Михайлович Голубев, состоявший с марта 1917 г. в Нижегородской партийной организации. В воспоминаниях члена партии И. К. Клюканова и некоторых членов первого Саранского Совета рабочих депутатов это имя называлось не раз. Но оно не вошло ни в статью М. В. Дорожкина, цитированную выше, ни в книгу «Советская Мордовия», изданную в 1950 году, хотя в обоих этих изданиях упоминается представитель сормовского комитета большевистской партии, выдавший

партийные билеты первым большевикам Саранска. Фамилия Голубева не указывалась ввиду того, что личность его не была достаточно выяснена.

В Центральном государственном архиве МАССР нам удалось обнаружить документ, который помог собрать необходимые данные о П. М. Голубеве. В этом документе, написанном рукой товарища председателя Саранского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Ф. С. Каплевым 21 августа 1917 года, содержится запрос в Совет рабочих и солдатских депутатов Нижнего Новгорода.

«По просьбе матери, — писал Каплев, — запросившей местный Совет, исполнительный комитет Совета просит в возможно непродолжительном времени сообщить, где находится тов. Павел Голубев, проживавший в Нижнем Новгороде до 20 июня с. г. и состоявший членом вашего Совета и партии с.-д. Если он выбыл, то куда. Адрес матери: 2 Казанская, д. 15, Калмыковой, Ольга Михайловна Израэль»⁷.

Обнаружив этот документ, мы разыскали в Саранске дом Калмыковой (теперь ул. имени Крупской, 26). В нем проживает сын бывшей хозяйки квартиры Голубевых 60-летний Николай Иванович Калмыков, по профессии слесарь. Он рассказывает: «Мать Павла Голубева, Ольга Михайловна Израэль действительно проживала в нашем доме с конца 1914 по 1919 год. Павел Голубев был ее сыном от первого мужа. Василий Васильевич Израэль — ее второй муж, немец по национальности, по профессии электромонтер. Ольга Михайловна с мужем, двумя дочерьми и сыном Николаем приехали в Саранск из Петрограда, когда оттуда стали эвакуировать немцев. Сам Павел Голубев раньше работал на Путиловском заводе, а после февральской революции партия послала его из Петрограда в Нижний Новгород. Он не виделся с матерью лет восемь и заезжал к ней в Саранск в марте 1917 года, а затем еще раз месяца через два или три. Дома он бывал мало, куда-то уходил и приходил поздно. У него бывали саранские люди, беседовали у нас во дворе, а о чем беседовали, не знаю. Вскоре после Октябрьской революции, не найдя работы в Саранске, я по приглашению Голубева поехал в Нижний, и там он устроил меня на работу на Молитовской прядильно-ткацкой фабрике в Канавине, где сам Голубев был председателем рабочкома. Голубев был старый революционер. Там, в Канавине, у него в квартире постоянно собирались большевики. Но здоровье у него было плохое, он болел туберкулезом, так что, наверно, давно умер. Крупный был деятель»⁸.

Мы обратились в партийный архив Горьковского обкома КПСС. В полученной справке значится: «При просмотре скудных материалов Канавинского комитета РСДРП(б)

попалась запись о том, что Голубев Павел Михайлович состоял в партии РСДРП(б) с марта 1917 года, однако вполне возможно, что он вступил в члены партии и ранее 1917 года. 24 марта 1918 года после продолжительной и тяжелой болезни П. М. Голубев умер»⁹.

В газете «Рабоче-крестьянский нижегородский листок» от 26 марта 1918 года было помещено сообщение: «Правление профессионального союза текстильщиков Московского округа Нижегородского отделения, правление профессионального союза рабочих и служащих Молитовской льнопрядильной фабрики, фабричный комитет той же фабрики, Молитовская организация Российской Коммунистической партии большевиков, Молитовская организация красной гвардии с глубокой скорбью сообщают, что член указанных организаций Павел Михайлович Голубев умер 24 марта в 6 часов утра после продолжительной болезни». Подобное сообщение было опубликовано и в другой Нижегородской газете «Красное знамя» (ц 89 от 26 марта 1918 года).

В книге воспоминаний «Октябрь в Н. Новгороде и губернии», изданной в 1957 году, указывается: «Тов. Голубев, еще молодой по своему возрасту, но уже перенесший несколько лет тюрьмы, ссылки, получил туберкулез. Однако, несмотря на болезнь, все время вел непримиримую борьбу со всякого рода оппортунистами и врагами рабочего класса...». В 1917 году, перед Октябрьской революцией «травля большевиков продолжала усиливаться, их начали отправлять на фронт. Некоторым членам... партии приходилось скрываться от мобилизации. Воробьев Яков и Голубев были у меньшевиков, как бельмо на глазу, они добивались во что бы то ни стало подвести этих товарищей под мобилизацию. Фабкому предложено было устроить некоторых руководящих большевистских работников на Молитовской фабрике. Она в то время работала на оборону, и все считались военнообязанными. Голубева устроили секретарем больничной кассы. Козина Евсея провели тогда членом фабкома. Товарищи заняли эти посты, их ввели в списки военнообязанных, но они продолжали работать по партийной линии в Канавинском районе и лишь для формы жили в фабричных квартирах, так как регулярно проходила проверка военнообязанных... 30 сентября 1917 года в Н. Новгороде открылась первая губернская конференция большевиков. От Молитовской фабричной организации (в ней было 200 человек) избраны были два делегата — гг. Глазов и Голубев...»¹⁰. Когда умер П. М. Голубев, ему устроили первые в Молитовке гражданские похороны. Для этих похорон по просьбе рабочих была остановлена фабрика. Этот день рабочие потом отработали.

После смерти П. М. Голубева осталась большая библиотека, о которой решался вопрос на одном из заседаний Молитовского подрайкома РКП(б).

Некоторые сведения, дополняющие характеристику П. М. Голубева, получены от старой большевички М. Я. Гальяновой, работавшей в 1917 году на Молитовской фабрике. «П. М. Голубев, — сообщает М. Я. Гальянова, — прибыл к нам по направлению ЦК партии. Знаю, что он был студентом, но какого университета, не знаю, был арестован за революционную деятельность в 1907 году и сослан на каторгу. Во время Февральской революции был освобожден и направлен в Н. Новгород, а Нижегородский комитет его направил к нам на фабрику по личной просьбе самого Голубева. На нашей фабрике, где было до 5 000 человек рабочих, Голубев вел большую воспитательную работу, для членов партии читал лекции на политические темы и по политэкономии. Нижегородский большевистский комитет очень много брал коммунистов из Молитовской партийной организации и посылал в уездные города для создания там партийных организаций. Эти коммунисты посылались в Городец, Арзамас, Чебоксары, Козьмодемьянск, Саранск и другие города. Посылали членов партии: Голубева Павла, Хренова Илью, Шальнова Михаила, Комарову Апполинарию, Рыбакову Раису, Потанина Федора, Зайцева Гаврилу и др.

Голубев, как хороший организатор и прекрасный пропагандист, всегда инструктировал отъезжающих в уездные города по партийной мобилизации, учил, что там надо делать, как вести себя, кого принимать в члены партии»¹¹.

До сих пор мало было известно, как осуществлялись связи ЦК РСДРП(б) с Мордовией до Октябрьской революции. Приведенные архивные документы, газетные публикации и воспоминания наглядно показывают эту картину. Эти данные показывают также, что Центральный Комитет партии и комитеты крупных промышленных центров, проводя деятельную работу, стремились через своих представителей распространять большевистское влияние в малопромышленных уездах, не считаясь порой с административными рамками существовавших губерний. Так, деятельность крупного, имеющего большие традиции революционной борьбы Нижегородского комитета партии распространялась не только на уезды одной губернии, но она охватывала и соседние уезды других губерний: Чебоксарский (Казанской), Саранский (Пензенской) и др. И эта деятельность была плодотворной, дала ощутительные результаты.

Приезжавший в Саранск в первые дни Февральской революции П. М. Голубев, опытный пропагандист и организатор, помог передовой части трудящихся города создать

первый Совет рабочих депутатов, организационное собрание которого состоялось 5 марта. В сохранившемся списке участников собрания значится фамилия Голубева, который выступил с докладом о свержении самодержавия. На собрании этой группы, проходившем в квартире Клюканова, было 18 человек: 6 рабочих, 3 учителя, 3 ремесленника, 2 крестьянина, 1 учащийся и 3 военнопленных чехословака. Как видно, первый Совет рабочих депутатов Саранска возник при непосредственном участии и по инициативе П. М. Голубева.

Голубев, только что освободившийся из тюрьмы, разумеется, не мог не повидаться со своей матерью, сестрами и братом. Он прибыл в Саранск, имея задания Нижегородского большевистского комитета.

Теперь становится понятным, почему в городе с небольшой прослойкой рабочего класса так быстро возник Совет рабочих и занял довольно революционную позицию.

Второй приезд Голубева в Саранск относится к концу апреля 1917 года. 1 мая П. М. Голубев выступал на Саранском уездном съезде крестьянских депутатов с докладом о программе партии социал-демократов. Вторично он выступил на этом съезде 2 мая с критикой предложений относительно «займа свободы».

Голубев выступал как представитель партии социал-демократов. По предложению депутата П. И. Кожевникова были проверены документы Голубева и признаны достаточными и дающими ему право на участие в съезде.

23 июня 1957 года в газете «Советская Мордовия» были опубликованы воспоминания И. К. Клюканова, где указывалось: «Старый большевик Павел Голубев предложил нам создать в Совете большевистскую фракцию. В эту фракцию вошли солдаты В. Д. Евдокимов, К. А. Зудилин, рабочий спиртозавода Н. А. Грачев»¹². Полученные позднее горьковские материалы, нам кажется, вполне подтверждают эти воспоминания Клюканова, подтверждают они и заключение М. В. Дорожкина, что в Саранске в мае 1917 г. было 5 — 7 большевиков¹³.

Кто же эти большевики? Документы и воспоминания показывают, что с большевистских позиций выступали тогда Вениамин Дмитриевич Евдокимов, проводивший коммунистическую агитацию среди солдат, он был первым советским начальником гарнизона еще до 7 января 1918 года, членом укома большевистской организации и погиб от руки контрреволюционных офицеров в конце февраля 1918 года; Николай Андреевич Грачев, активный участник борьбы за установление Советской власти в Саранске, комиссар гражданской войны, героически погибший под Воронежем (он

принял мученическую смерть: деникинцы вырезали ему на спине ремни и пятиконечную звезду); Корнелий Дмитриевич Кирченко, товарищ председателя Совета рабочих и солдатских депутатов до июля 1917 года, решительно выступивший против эсеров и меньшевиков в первые дни Октября, товарищ председателя первого укома большевиков; Александр Алексеевич Клинецов, член президиума Совета рабочих и солдатских депутатов, возглавивший 19 — 20 июля 1917 года выступление трудящихся города против временного правительства; Иван Кузьмич Клюканов, принимавший активное участие в организации первого Совета рабочих в Саранске, член комитета и казначей первого укома большевистской партии; Кузьма Алексеевич Зудилин, вошедший в эту группу с июня 1917 года, активный участник борьбы за установление Советской власти в Саранске, член первого укома большевистской партии, некоторое время председатель его, впоследствии прокурор управления железной дороги. Это и есть первая группа большевистских деятелей Саранска, созданная благодаря большой работе, проведенной в городе П. М. Голубевым.

По воспоминаниям Ф. С. Каплева и Г. Е. Будаева, в августе 1917 года в Саранске был создан комитет РСДРП, в который вошли и большевистски настроенные члены партии и члены меньшевистской группы. Политическая грамотность местных большевиков в то время была еще невысокой. Если в Петрограде, Москве и других крупных промышленных центрах окончательное размежевание большевиков и меньшевиков произошло еще в 1912 году, то в некоторых провинциальных городах, где большевистское движение было еще недостаточно зрелым, это размежевание произошло значительно позднее. Так, например, в Пензе «15 октября 1917 года с приездом петроградских большевиков произошло окончательное размежевание большевиков с меньшевиками, а 17 октября группа большевиков в городской думе вышла из состава фракции социал-демократов меньшевиков и организовала самостоятельную фракцию»¹⁴. Аналогичная картина выявляется и при изучении истории возникновения саранской большевистской организации.

Воспоминания Ф. С. Каплева и Г. Е. Будаева о создании в Саранске в августе 1917 года комитета организации РСДРП подтверждаются документально. В протоколе заседания Саранского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 22 августа 1917 года зарегистрировано пять фамилий членов партии социал-демократов: Ф. С. Каплев, Л. И. Ванштейн, С. М. Лордкипанидзе, В. А. Головачев и Е. В. Ельмеев¹⁵. В указанных выше воспоминаниях называются и другие лица из этой организации: К. Г. Горштейн,

М. А. Тарасов, К. Д. Кирченко, А. А. Клинцов, Н. В. Цынговатов, М. В. Холопов. А всего в организации состояло 25 человек. Внутри этой организации разгорались споры между большевиками и меньшевиками, но политическое развитие большевиков Саранска, только что приобщившихся к революционной борьбе, не было еще достаточным, чтобы прервать общения с меньшевиками.

Ф. С. Каплев в своих воспоминаниях писал: «Я в то время недостаточно понимал всей глубины расхождений между меньшевиками и большевиками и наивно думал, что мы сможем проводить все свои внутренние убеждения просто в комитете РСДРП, лишь бы не было названия „меньшевики“». Это высказывание также подтверждается архивными материалами. В документах того времени, написанных рукой Каплева, когда речь идет о партийной организации, значится «партия С. Д.» без указания «большевиков или меньшевиков»¹⁶. Но в некоторых официальных документах того времени, подписанных уездными властями временного правительства или председателем Совета эсером П. И. Горшуновым, к словам «партия С. Д.» добавлялось слово «меньшевиков».

Местные власти временного правительства и председатель эсер П. И. Горшунов официально не признавали большевиков за партию, зная, что с меньшевиками можно блокироваться, а с большевиками этого сделать невозможно. Вот почему в официальных документах указанных учреждений Саранска того времени вплоть до 5 ноября 1917 года отмечается, что в городе существует три социалистических партийных организации: социалисты-революционеры, народные социалисты, социал-демократы меньшевики, тогда как на самом деле с мая месяца в городе существовала и активно действовала группа большевиков.

Благодаря тому, что в Саранском комитете РСДРП оказалось большинство меньшевиков (14 из 25-ти) и официальные власти их поддерживали, верхушка этого комитета официально объявила его меньшевистским, после чего группа большевиков в числе одиннадцати человек вышла из этого комитета и стала работать на нелегальном положении.

Работа подпольной группы саранских большевиков довольно ярко отразилась в организации выступлений местного гарнизона в конце сентября и середине октября 1917 года с требованием прекращения империалистической войны. Это движение в гарнизоне привело к тому, что командир 234-го полка был отстранен от должности и бежал из гарнизона¹⁷.

В сентябрьские дни в Саранск приезжал из Казани прапорщик Дроздов. Как потом выяснилось, он был членом большевистской организации. Дроздов при содействии рабочих

провел в городском театре митинг. Эсеры и меньшевики пытались сорвать митинг, а Дроздова арестовать. Но рабочие и солдаты — участники митинга — не позволили это сделать. Дроздов пробыл в Саранске неделю и помог организовать работу подпольной группы большевистски настроенных рабочих и солдат. Из Казани от командующего военным округом полковника Архипова пришло распоряжение арестовать Дроздова, что и было тайно сделано местными властями. Арестованного под конвоем отправили в Казань. Солдаты саранского гарнизона, узнав об этом, возмутились и потребовали создания комиссии по расследованию причин ареста прапорщика Дроздова. На заседании гарнизонного совета после жарких споров была создана комиссия под руководством солдата К. А. Зудилина, которая и выезжала в Казань.

В таких тяжелых условиях создавалась большевистская партийная организация в Саранске. Ко времени Великой Октябрьской революции в городе была уже значительная группа подпольно действующих агитаторов и пропагандистов. В нее входили В. Д. Евдокимов, К. А. Зудилин, И. К. Клюканов, К. Д. Кирченко, Н. А. Грачев, А. А. Клинцов, А. Г. Милославский, Г. Е. Будаев и др. Они готовились к вооруженному восстанию против буржуазно-эсеровского правительства. Их усилиями была организована подпольная боевая дружина в гарнизоне. Эта дружина насчитывала в своих рядах до 150 человек.

Буржуазно-эсеровское правительство переживало кризис. Оно не могло и не хотело решать коренных вопросов, волновавших народ. Оно продолжало войну, хотя и не имело перспектив довести ее «до победного конца», не давало землю крестьянам, хотя они этого требовали, не могло накормить рабочих.

Накануне великих октябрьских событий Саранск, как и другие города России, переживал острый недостаток продовольствия: рабочему и служащему выдавался полуфунтовый паек хлеба на день¹⁸. Хотя временное правительство и ввело хлебную монополию, но уездная продовольственная управа не могла заставить крестьян сдавать ей хлеб «по твердым ценам». Видя бессмысленность продолжения империалистической войны и желая прекращения ее, крестьяне отказывались давать хлеб, имея в виду, что он пойдет в прифронтовую полосу. Городская промышленность действовала с большими перебоями из-за недостатка топлива и сырья, а некоторые предприятия совершенно бездействовали. Городская управа была бессильна что-либо предпринять для улучшения работы промышленности, ссылаясь на то, что плохо работает транспорт и упала производительность каменноугольных копей. В городе создался «настоящий дровяной кризис»¹⁹.

В деревнях и селах уезда нарастало аграрное движение. В октябре месяце 1917 года в Саранском уезде было более двадцати крестьянских выступлений, сопровождавшихся разгромами или поджогами помещичьих имений, захватами помещичьего хлеба или вырубками помещичьих лесных дач.

Уездный комиссар временного правительства телеграфно доносил губернскому комиссару: «Драгуны бессильны бороться с движением, солдаты отказываются ехать в деревню на подавление анархии»²⁰.

Известие из Петрограда о свершившейся Октябрьской социалистической революции было получено в Саранске 26 октября 1917 года. Трудящиеся города откликнулись на это событие демонстрацией, организованной большевиками 27 октября впервые после двухмесячного подполья.

В тот же день в ротах Саранского гарнизона проходили митинги, организуемые большевистскими агитаторами Евдокимовым, Зудилиным, Клюкановым и др. Теперь солдаты выступали значительно смелее, чем это было в марте. Они требовали немедленного ареста контрреволюционных офицеров. Вечером после митингов большая группа солдат отправилась в центр города и освободила из тюрьмы политических заключенных.

И демонстрация и митинги как в городе, так и в гарнизоне проходили под лозунгом: «Долой временное правительство!», «Вся власть Советам!».

В тот же день 27 октября губернский тюремный инспектор телеграфно сообщал из Пензы Саранскому уездному комиссару временного правительства Цынговатову: «Начальник (Саранской. — И. В.) тюрьмы телеграфировал об освобождении заключенных толпой. Примите меры охраны тюремного имущества, окажите возможное содействие начальнику, о следующем телеграфируйте»²¹. Но уездный комиссар Цынговатов не мог уже телеграфировать. Он был арестован солдатами гарнизона. Помощник комиссара временного правительства В. С. Софронов не решился предпринять что-либо по телеграмме губернского инспектора и 31 октября передал эту телеграмму «на рассмотрение в штаб Саранского революционного комитета»²².

Так, рабочие Саранска при активном участии солдат военного гарнизона парализовали деятельность местной власти временного правительства. Но эсеры и меньшевики встали на защиту ее, и комиссар Цынговатов был освобожден от ареста.

29 октября в помещении Саранской городской думы было созвано заседание президиумов всех общественных и партийных организаций города, где заслушивались телеграммы о

событиях в Петрограде и было решено отпечатать эти телеграммы отдельным выпуском для сведения местного населения²³.

На этом же заседании обсуждался вопрос об организации власти в Саранске. После горячих прений было решено создать коллектив, которому и передать власть в городе и уезде, организацию коллектива поручить Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Здесь же был поставлен вопрос о взаимоотношениях вновь учреждаемого коллектива с уездным комиссаром временного правительства. Было решено: «все распоряжения, касающиеся охраны и порядка, исходят от коллектива, комиссар же является лишь исполнительным органом его постановлений».

В конце заседания обсуждался вопрос о «погромах, происходящих в уезде». Докладывали уездный комиссар временного правительства Цынговатов и председатель военной секции Совета Гроздов. Этот вопрос, как и вопрос о власти, вызвал горячие прения и спор. Было решено: а) обратиться к Совету солдатских депутатов с предложением принять меры к культурно-просветительной деятельности среди солдат местного гарнизона, б) учитывая стихийность характера погромов, принять самые решительные меры, не останавливаясь и перед применением вооруженной силы для прекращения погромного движения и насилия над отдельными лицами²⁴.

Следовательно, власть в городе и уезде с 29 октября 1917 года перешла к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Исполнительный комитет временного правительства к этому времени уже распался, уездный комиссар подчинялся Совету. Но в Совете оставалось за спиной эсеров и меньшевиков, а большевиков были единицы, к тому же они еще не были объединены комитетом и взять в свои руки руководство Советом еще не могли. Вот почему и были приняты соглашательские решения относительно уездного комиссара временного правительства и разгрома помещичьих имений в уезде.

30 октября 1917 года на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов при участии представителей Совета крестьянских депутатов был решен вопрос о создании коллектива, которому передавалась власть в городе и уезде. По предложению Каплева этот коллектив был назван Саранским революционным штабом при Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В него вошли шесть человек: Ф. С. Каплев и М. Б. Вермул (от рабочей секции Совета), В. Д. Евдокимов и И. М. Гринфельд (от солдатской секции), П. И. Горшунов и Г. Н. Большаков (от крестьянской секции).

На этом же заседании обсуждался вопрос о драгунах, присланных при временном правительстве из Пензы для подавления аграрного движения. Большевистски настроенные члены Совета настаивали на том, чтобы удалить драгун из уезда, эсеры и меньшевики требовали, чтобы оставить в уезде. Было принято решение: «при четырех воздержавшихся, оставить драгун в уезде и передать в распоряжение революционного штаба, но чтобы при каждом отряде драгун, направляемом в уезд, по возможности был член Совета солдатских депутатов для руководства этим отрядом»²⁵.

Борьба внутри Саранского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постепенно усиливалась. Революционная часть его во главе с большевиками, руководствуясь указаниями В. И. Ленина и при поддержке Пензенского комитета большевиков во главе с возвратившимся из Петрограда опытным партийным работником В. В. Кураевым, стала смелее выступать на заседаниях Совета, срывая эсеровские и меньшевистские предложения. Эсеры и меньшевики, получавшие указания от своих центров из Петрограда и поддерживаемые пензенским губернским комиссаром временного правительства, рьяно выступали с клеветой на большевиков.

Наиболее жаркие споры по вопросу об отношении к власти разгорелись на заседании Саранского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 5 ноября 1917 года. Докладчик член революционного штаба Вермул (интернационалист) выступил с критикой временного правительства, заявив, что оно шло по ложному пути. «Совсем не с жаждой власти, — говорил докладчик, — восстал и смел правительством Керенского пролетариат Петрограда, а этому виной преступные ошибки временного правительства. Нам не нужно карать штыками восставший Петроград, а нужно настаивать, чтобы центральный исполнительный комитет созвал съезд советов и создал власть, ответственную перед Центральным исполнительным комитетом». Докладчик, критикуя временное правительство, выражал недоверие уже созданному на Втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов правительству — Совету Народных Комиссаров.

Меньшевик Ванштейн рьяно выступил против большевиков и, говоря, что крайне левые течения совершают преступные ошибки, защищал временное правительство. Другой меньшевик Лордкипанидзе высказался за умеренные партии, заявив, что левое социалистическое течение идет неправильно.

Эсер Десятков выступил с протестом против «захвата власти большевиками, когда уже назначено учредительное

собрание». Другой эсер Трубчиков также выступил против большевиков, восхваляя учредительное собрание. В конце собрания было выставлено две резолюции — соглашательская Вермула и явно антибольшевистская Десяткова. Каплев предложил обсудить перед голосованием эти резолюции на партийных фракциях. Но голосование не состоялось. Большевики, участники заседания, видя, что ни та, ни другая резолюция не отражают задач дальнейшего развития Октябрьской революции, а направлены против нее, решили сорвать голосование. Член рабочей секции большевик Кирченко заявил решительный протест, уличая руководителей Совета в том, что они преднамеренно не пригласили на заседание многих членов солдатской секции, особенно из числа рядовых солдат. После этого выступления участники заседания большевики и все члены военной секций покинули зал²⁶.

Это выступление большевиков подорвало престиж эсеро-меньшевистской верхушки Совета. В письме председателя Горшунова и секретаря Каплева от 25 ноября, разосланном в секции, указано, что многие члены Совета не являются на его заседания.

Не имея еще большинства в объединенном Совете, саранские большевики усиливали борьбу в его секциях. Особенно успешно работа большевиков проходила в солдатской секции. В первой половине ноября секция провела перевыборы, и во главе ее стал солдат Евдокимов.

В это время Саранская группа большевиков пополняется новыми членами. С западного фронта прибыл на родину член Оршинского ревкома Иван Ефремович Будаев, вступивший в партию большевиков 15 октября 1917 года и принявший активное участие в Октябрьских событиях в Орше. В начале декабря комиссар временного правительства сделал попытку арестовать Будаева как дезертира, но из Орши последовало требование, чтобы он, как член ревкома, был освобожден. При содействии Каплева Будаев освобождается из-под ареста и ведет активную большевистскую пропаганду в гарнизоне.

В это же время с фронта прибыл саранский уроженец большевик Сергей Алексеевич Колганов, который вместе с Кирченко и другими большевиками проводил агитацию среди рабочих. В город возвратился также большевик студент Александр Георгиевич Милославский, выехавший из Саранска в сентябре 1917 года. В начале декабря в Саранск прибыл из Казанского военного округа большевик Морозов.

Борьба велась не только в Совете, но и внутри Саранского революционного штаба, который с 30 октября 1917 года исполнял функции официальной власти в городе и уезде.

Этот штаб возглавлял председатель Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов эсер Горшунов. В первом составе штаба Горшунов имел безоговорочную поддержку Гринфельда и Большакова. Солдату, члену штаба Евдокимову, хотя он и был в оппозиции к Горшунову, было крайне трудно внутри этого штаба проводить революционную линию. Член штаба Вермул занимал соглашательскую позицию. Секретарь штаба Каплев проявлял колебания. Он хотя и заявил о несогласии с линией комитета РСДРП, ставшего в конце августа меньшевистским, но формально не порывал связей с этим комитетом до конца ноября месяца. Вот почему председатель штаба Горшунов в течение всего ноября 1917 г. открыто проводил политику, угодную эсеро-меньшевистской верхушке Совета, и только некоторые документы, подписанные Евдокимовым, отражали интересы революции.

Местные власти временного правительства и эсеровское руководство совдепа поддерживались губернскими властями. Так, 17 ноября 1917 года пензенский губернский комиссар временного правительства Федорович циркулярно предлагал уездным властям губернии «не подчиняться большевикам, противоборствовать»²⁷.

Тем временем назревали события, которые задержали установление Советской власти в городе.

В начале декабря 1917 года в Саранске произошел пожар винного склада. По поводу этого пожара и разгрома винного склада, что привело к дезорганизации всей жизни города на 10 — 12 дней, существует несколько версий.

Известно, что подобные явления были не только в Саранске. Они наблюдались и в некоторых других городах. Это были своего рода стихийные выступления солдат, ожидавших конца изнурительной империалистической войны, своеобразным протестом против несвергнутой еще буржуазной власти на местах. «Винная монополика» многими рассматривалась как один из символов недобитого старого режима. Однако солдаты Саранского гарнизона, размещавшегося рядом с «монополкой», терпели ее соседство, долго сдерживали себя и даже несли охрану винного склада.

Как же произошел пожар? По одной версии, винный склад был подожжен реакционными офицерами, чтобы дезорганизовать жизнь в городе, водворить анархию и воспользоваться ею в своих целях. По другой — виновником пожара считается управляющий складом Спиридонов, раздававший во время войны водку направо и налево и, чтобы покрыть большую растрату водочной продукции, спровоцировавший неустойчивую часть солдат на разгром склада.

Достоверно известно, что ни управляющий складом, ни офицерство не предприняли решительных мер к предотвращению столь печальных событий, окончившихся гибелью около ста пятидесяти солдат и жителей города.

Дело началось с того, что управляющий складом стал официально выписывать и отпускать спирт для гарнизона, а потом сильно опьяневшие офицеры и солдаты стали самовольно брать водку. Кто-то из офицеров произвел несколько выстрелов в баки со спиртом, вспыхнул пожар. Из центра города был виден густой черный дым, застилавший южную окраину Саранска. К складу устремились жители города, а через некоторое время и крестьяне из ближайших деревень, кто шел пешком с ведрами, кто на салазках вез бочонок, кто ехал на лошади с кадками и бочками в санях.

Солдаты, охранявшие склад, вначале разгоняли публику, стреляли вверх для острастки, но это не помогло, охрана была вынуждена удалиться, и устремившийся поток людей прорвался во двор склада.

Люди поднимались к люкам баков на высоту до трех сажен, черпали там спирт ведрами, котелками, а внизу по лестнице спирт разливался в бочонки, четверти, бутылки; здесь же многие напивались до потери сознания, били посуду, а на склянки падали сверху опьяневшие люди, ранили себя; произошла давка от скопления народа, несколько человек в сильно опьяненном состоянии опрокинулись в баки со спиртом и там погибли; некоторые, изголодавшиеся по водке, опились и умерли или же во дворе склада, или в военных казармах; немало людей погибло от давки во дворе склада.

Во избежание дальнейших осложнений спирт из баков был спущен на снег. Образовался ледяной желоб, по которому горевший синими огоньками спирт устремился к реке Инсаре. По дороге его тоже черпали, некоторые прикладывались к желобу и пили спирт без посуды. Собирали его и на льду реки Инсары. В округу развезли десятки тысяч ведер спирта, который тайно продавался потом вплоть до 1922 года.

Некоторые из охмелевших офицеров и солдат стали устраивать в казармах дебоши. На улицах города были слышны то там, то здесь выстрелы. Наблюдались такие, например, случаи: идет солдат по городу, на плече у него винтовка, а в руке четверть со спиртом; он садится на снег, втыкает штыком вниз винтовку, приговаривая: «Хватит, повоевали, довольно», и из горлышка четверти пьет спирт, а потом с песней идет дальше.

Ни уездный комиссар временного правительства, ни эсеровское руководство совдепа ничего не смогли сделать

для установления нормальной жизни в городе. 3 декабря помощник уездного комиссара Софронов и председатель уездной земской управы Федянин телеграфировали в Москву, Казань, Пензу, Рузаевку: «Ввиду расхищения спирта Саранского винного склада город и уезд охвачен пьяной погромной толпой. Имущество местного гарнизона расхищается. Город также под угрозой погрома. Необходима экстренная помощь».

На другой день, 4 декабря, председатель революционного штаба Горшунов и помощник уездного комиссара Софронов телеграфировали в Казань военно-революционному комитету уже о пожаре в городе: «Винный склад горит. В огне погибло много жертв. Гарнизон разошелся. Идет разгром оставшегося спирта, казенного и военного имущества. В город едут тысячи солдат других гарнизонов, крестьяне других уездов и губерний. Обывательских сил нет. Охрану гарнизонного имущества несут десятка два офицеров. Идет погромная агитация. Сдержат движение бессильны. Необходимо для предотвращения погрома и расхищения имущества гарнизона вооруженная сила. Помогите...»²⁸. Так беспомощно чувствовали себя официальные власти в Саранске.

По инициативе большевиков в городе был создан ревком, который под руководством В. Д. Евдокимова взял на себя инициативу наведения порядка в городской жизни²⁹.

Когда члены ревкома явились в военные казармы, — вспоминает К. А. Зудилин, — там, «за исключением офицеров-одиночек, солдат никого не было. Двери, окна и даже печки были почти полностью разрушены. В некоторых казармах обнаруживались трупы обгоревших солдат и местных крестьян, которые во время пожара винного склада и ректификационного завода «наклопались» так, что за это заплатили своей жизнью.

Нужно было наводить порядок в гарнизоне, где было много продовольствия, обмундирования и оружия. Нужно было не допустить, чтобы это богатство было разграблено или попало в руки враждебных Советской власти элементов.

Офицерство бездействовало. Может быть, выжидало удобного случая, если не полностью восстановить старый порядок, то во всяком случае установить не тот, который потом твердо закрепился как советский порядок»³⁰.

В городе создалось тревожное положение. Были закрыты все увеселительные учреждения. Кинотеатры не действовали до 8 декабря.

Эсеры и меньшевики стремились вину за беспорядки в городе переложить на большевистских агитаторов, называя их насильниками и погромщиками.

Но именно большевистский ревком, состоящий из преданных революции членов, взялся за наведение порядка. Военное имущество, продовольствие и обмундирование были взяты под охрану. Эсеровско-меньшевистский исполком совдепа пытался не допустить ревкомовцев к охране и арестовать их, но из Петрограда поступила телеграмма в поддержку ревкомовцев, и в их руках оказалось оружие гарнизона³¹.

Солдаты гарнизона в это время разъезжались из Саранска, вначале самовольно, а потом по демобилизации.

8 декабря по предложению приехавшего из Казани старого большевика Морозова солдаты — члены боевой дружины — арестовали уездного комиссара временного правительства Цынговатова и некоторых его приближенных. Эсеровскому исполкому совдепа, однако, удалось уговорить солдат, чтобы они освободили Цынговатова и других арестованных.

По инициативе ревкома после событий на винном складе в городе была организована ночная охрана силами трудящихся. Эта своего рода новая добровольная народная милиция действовала в течение всего декабря месяца. Из каждого дома выделялся человек, который должен был определенные часы ходить по своему кварталу и наблюдать за порядком, задерживать подозрительных лиц. Участникам охраны выдавались старинные винтовки системы «гра», а некоторые старики несли охрану с дубинками.

В организации охраны принимали активное участие возвратившиеся с фронта солдаты, особенно моряки, например А. Д. Макаров, прослуживший несколько лет матросом на крейсере Балтийского флота «Андрей Первозванный».

Власть временного правительства и эсеровский исполком совдепа существовали в это время в городе лишь номинально. Оружие гарнизона было под контролем ревкома, опиравшегося на боевую дружину и актив городской самоохраны.

Тем временем, с 3 декабря в доме ц 24 на Планской улице³², вблизи солдатских казарм, собирались большевики и им сочувствующие и обсуждали вопрос о создании в городе комитета Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. Там же производилась запись желающих вступить в партию. На одном из таких собраний записалось сразу 12 человек из рабочих и крестьянской бедноты. Было создано оргбюро, которое готовило созыв собрания для выборов комитета и вело регистрацию желающих вступить в партию большевиков³³.

Это бюро и имел в виду А. Г. Милославский, называя его в своей записке от 2 января 1918 года комитетом партии.

После ареста уездного комиссара временного правительства саранские большевики добились замены некоторых членов революционного штаба. В новом составе его уже преобладали большевики и им сочувствующие: Евдокимов, Каплев, Морозов, Зудилин, Коннов. Решающую роль в штабе стал играть Евдокимов, избранный исполняющим обязанности начальника военного гарнизона³⁴. Более решительно стал выступать против эсеров и меньшевиков секретарь штаба Каплев.

Учитывая сложившуюся обстановку, исполняющий должность уездного комиссара временного правительства Софронов 18 декабря подал заявление с просьбой освободить его от обязанностей члена революционного штаба. Евдокимов и Каплев с середины декабря стали от имени штаба отдавать приказы командирам полков и другим лицам, возглавлявшим учреждения города. Так, например, в предложении командиру 101-го пехотного запасного полка, датированном 16 декабря и подписанном Каплевым, предлагалось принять энергичные меры к охране казенного имущества, к устройству нормальной жизни в полку, к созданию необходимых условий для возвращающихся из отпуска солдат. Этим предписанием командир полка предупреждался: если он не выполнит предъявленных требований в трехдневный срок, то будет отстранен от должности с преданием суду³⁵.

Следовательно, с 18 декабря 1917 года власть в городе была уже в руках большевиков.

Стремясь распространить эту власть и на уезд, большевики Саранска решили создать уездный комитет партии и от его имени выступить на предстоящем уездном крестьянском съезде. В это время саранским большевикам оказал большую помощь прибывший в город член ЦК партии старый большевик Зайцев.

7 января 1918 года в городе состоялось организационное собрание лиц, сочувствующих партии большевиков, на котором и был организован Саранский комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). На собрании присутствовало «членов в числе 52 человека партии социал-демократов большевиков». Собрание началось в комнате эсеровского комитета, но «ввиду малого помещения этой комнаты» перешло в здание учительской семинарии. Председателем комитета был избран Федор Семенович Каплев, солдат 234-го пехотного полка, товарищами председателя — рабочий-строитель Корнелий Дмитриевич Кирченко и пастух, а потом матрос Балтийского флота Иван Ефремович Будаев, секретарем — сын служащего элеватора студент Александр Георгиевич Милославский, товарищем

секретаря — солдат управления местного воинского начальника Алексей Петрович Синягин, казначеем — портной, а потом солдат 101-го пехотного полка Иван Кузьмич Клюканов, членами комитета вошли: сапожник И. М. Гудков, сын пастуха, а потом бакинский рабочий Г. Е. Будаев, рабочий слесарь М. А. Мягков, печник Я. Л. Юматов, рабочий-пожарник С. И. Крайнов, парикмахер С. А. Колганов, торговец книгами Л. Ф. Шандиков, кровельщик И. Д. Зуйков, солдаты Сорокин и Байгушев³⁶.

Через неделю, 14 января в состав укома были введены еще два члена: солдат Вениамин Дмитриевич Евдокимов и солдат Кузьма Алексеевич Зудилин.

В первом составе Саранского укома большевистской партии состояли 4 рабочих, 4 ремесленника, 7 солдат, 1 пастух, 1 студент. Большая часть членов укома имела уже опыт борьбы с временным правительством: 10 членов комитета ранее состояли в советах, 4 — в ревкомах. Однако опыта партийной работы у них было еще мало, ни один из них не имел высшего образования, лишь только двое имели среднее (Каплев и Милюславский); некоторые из них, как, например, Мягков не имели и трехклассного образования. Но большая часть из них отличалась стойкостью и неистребимой ненавистью к буржуазному строю.

Следовательно, Саранская большевистская организация возникла не 7 января 1918 года, как это указано в некоторых статьях, а в мае 1917 года при активном содействии П. М. Голубева. Она провела большую работу в борьбе с временным правительством, борьбе за установление Советской власти в городе и уезде. В анкетах и воспоминаниях партийный стаж первых большевиков Саранска помечен 1917 годом (К. Д. Кирченко, Ф. С. Каплев, И. Е. Будаев³⁷ и др.).

У некоторых первых большевиков Саранска, например, И. К. Клюканова и К. А. Зудилина, партийный стаж помечен декабрем 1918 года, хотя теперь документально известно, что они были уже в январе 1918 года избраны в руководящий партийный орган в Саранске.

Как это могло произойти? Приведем один пример. И. К. Клюканов, будучи в 1919 году под Уфой в боях с белогвардейцами, получил тяжелое ранение и потерял свой партбилет. Ему выслали туда из Саранска дубликат, где стаж был определен с учетом перерегистрации Саранской уездной партийной организации, проходившей осенью 1918 года.

Основные кадры первых большевиков Саранска показали себя активными деятелями партии. Некоторые участники собрания большевистской организации Саранска, состоявшегося 7 января 1918 года, при последующих перерегистрациях не были оставлены в партии, как не

отвечающие ее уставу. Но в целом партийная организация Саранска показала себя боеспособной и преданной делу революции.

7 января 1918 года явилось исторической датой образования Саранской уездной организации партии большевиков и поворотным пунктом в политической жизни города и уезда.

11 января эсерами и меньшевиками был созван 5-й крестьянский съезд Саранского уезда, где они пытались еще удержать власть в своих руках. На съезде было предложено две резолюции — меньшевистская и большевистская; за первую голосовало 24 человека, за вторую — 31. Когда большевики после дополнительных прений предложили второе голосование, абсолютным большинством голосов оказалась принятой большевистская резолюция, которая гласила: «Считая, что Совет Народных Комиссаров есть истинный защитник интересов трудящейся массы, что он доказал своими декретами, всеми силами поддерживать его в борьбе с контрреволюцией буржуазии и их приспешников. Вся власть должна быть передана Советам. Учредительное собрание, как не удовлетворяющее требований массы, должно быть ликвидировано. Вся власть Советам!»³⁸.

Так саранские большевики одержали победу. Получив поддержку большинства на съезде, они приступили к перевыборам Советов, выдвигая на руководящие посты своих представителей.

14 января на заседании укома большевистской партии было решено обратиться к населению уезда с воззванием и разъяснить, кто такие большевики и что такое Советская власть. На этом же заседании решено переименовать боевую дружину в Красную Гвардию и пополнить ее новыми членами.

2 февраля 1918 года в здании учительской семинарии было проведено заседание реорганизованного Саранского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором присутствовало 235 человек. Участники заседания в абсолютном большинстве приветствовали Советскую власть, Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным.

На этом съезде были созданы органы управления уездом, в них вошли большевики и преданные делу революции беспартийные. Председателем уездного исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов избран Ф. С. Каплев, заместителями председателя Г. Е. Будаев, К. А. Зудилин.

После этого заседания уисполком стал формировать комиссариат. Уездным комиссаром по военным делам утверж-

ден начальник гарнизона В. Д. Евдокимов, помощником комиссара по военным делам — И. К. Ключанов, комиссарами земледелия Т. Д. Стеняев, социального обеспечения И. К. Кладнев, народного хозяйства К. Д. Кирченко, финансов И. Н. Бубляев, народного образования А. Г. Милославский, комиссаром при винном складе Н. А. Грачев, комендантом уисполкома И. Е. Будаев³⁹.

Со второго февраля 1918 года в Саранском уезде установилась новая, подлинно народная власть Советов. Но этой новой власти предстояло выдержать немало еще испытаний в борьбе с разрухой и контрреволюцией. В этом большом деле саранским большевикам постоянно оказывали помощь ЦК РСДРП(б) и Пензенский губком партии.

Некоторые работники ЦК и губкома находились длительное время в Саранске. Так, например, член ЦК Зайцев участвовал в заседаниях укома партии, где ему предоставлялось право решающего голоса. Решением укома партии от 26 февраля 1918 года он был кооптирован в Саранский уездный Совет крестьянских депутатов⁴⁰.

В конце февраля в Саранске произошло событие, которое тяжело переживала передовая общественность города. Трагически погиб начальник Саранского гарнизона В. Д. Евдокимов. Причины его гибели не выяснены до сих пор. По одной версии, он погиб от руки реакционно настроенных офицеров, по-другой — покончил жизнь самоубийством. Однако лица, близко стоявшие к следственным властям того времени, утверждают, что Евдокимов погиб от руки реакции⁴¹.

Во время похорон Евдокимова было произведено покушение на Каплева, но стрелявший промахнулся и ранил члена ЦК Зайцева⁴². Были покушения на уездного комиссара юстиции Козолупова.

Эти события явились сигналом для губкома партии. Выяснилось, что руководство Саранского уисполкома недостаточно твердо проводит диктатуру пролетариата в уезде. Председатель уисполкома Каплев в апреле был вызван в губком и там арестован, но через два месяца был освобожден и возвратился в Саранск⁴³. Учитывая сложившуюся обстановку, Пензенский губком в начале апреля прислал для укрепления Саранского уисполкома двух большевиков — П. А. Бусыгина и Б. А. Дэля, которые помогли местным органам власти организовать борьбу с контрреволюцией. Бусыгин более года возглавлял уисполком. Дэль несколько месяцев был председателем уездной чрезвычайной комиссии. Он держал в страхе местную буржуазию, но действовал порой анархично, за что и был снят с занимаемого поста в конце лета 1918 года. После Дэля УЧК возглавлял Л. Ф. Щербинский, а потом Г. Ф. Кузнецов.

По решению уисполкома 11 мая 1918 года упраздняются городская и уездная земская управы⁴⁴.

Эсеры и меньшевики, пользуясь затруднениями в стране, делали попытки наносить удары по молодой Советской власти. Это особенно характерно выявилося на Саранском уездном крестьянском съезде, проходившем 17 — 27 июня 1918 года. Здесь эсеры и меньшевики пытались скомпрометировать и удалить от власти некоторых большевиков. Во время этого съезда был на улице избит Б. А. Дэль, а на съезде он был взят под охрану, к нему приставлено два милиционера, чтобы он не мог арестовать никого из членов съезда и чтобы не выехал из города. Это насторожило большевиков Саранска, и они стали более решительно вести борьбу с эсерами, меньшевиками, местной буржуазией.

В конце лета началась национализация промышленных предприятий и передача их в ведение уездного совнархоза. Было национализировано 15 наиболее значительных предприятий города: маслобойный завод и паровая мельница Овечкина, махорочные фабрики Никитина и Покровского, кожевенные заводы Семина, Сыромятниковых, мыловаренные заводы Медведева и Кирдина, сапоговальный завод Бараблина, мукомольные мельницы Романова, Якушева, Пискуновых, типографии Сыромятниковых и Кожевникова, кирпичедельный завод военно-квартирного ведомства. Местная буржуазия была обложена чрезвычайным налогом и под конвоем выводилась на уборку улиц города, лица, замешанные в контрреволюционных заговорах, подвергались красному террору.

Партийные и советские органы, просветительные учреждения активно включились в организацию воспитательной работы среди населения города. Летом 1918 года в здании учительской семинарии открывается народный дом имени Ильича, куда свозилась литература из помещичьих имений. Появился музей родного края. Большевик Щербинский выпускал листки РОСТА. С лета 1918 года выходила газета «Саранская правда» (три раза в неделю). Редактировал ее большевик Вирганский. 1 сентября 1918 года вышел первый номер общественно-литературного журнала «Вестник» Саранского уездного Совета. Бесплатным приложением к нему выходила еженедельная газета «Неделя». В городе часто проводились собрания, митинги, вечера самодеятельности. В литературной жизни Саранска в то время принимал активное участие писатель А. Г. Малышкин, состоявший в должности преподавателя реального училища⁴⁵.

В это время в городе открылся пролетарский университет⁴⁶. Но создание нового уклада жизни проходило в

тяжелых условиях. Не хватало продовольствия, топлива для школ, приходилось приостанавливать учебные занятия, а учеников посылать заготавливать дрова. Старые специалисты нередко саботировали. Среди отсталых кругов населения шли нелепые разговоры о неминуемой гибели Советской власти, появлялись гадалки, которые «предсказывали», сколько еще недель просуществует новая власть. Многие матери не пускали своих дочерей-девушек в народный дом, особенно накануне воскресений или престольных праздников.

Большую роль в укреплении Советской власти в уезде сыграли комитеты деревенской бедноты, организованные летом 1918 года. В организации комбедов деятельное участие принимали коммунисты города. Они выезжали в деревни, разъясняли задачи комбедов и помогали им в борьбе с кулачеством.

С мая 1918 года и по сентябрь 1919 года вблизи Саранска происходили крупные военные операции, которые вела Красная Армия в борьбе с иностранной интервенцией и белогвардейщиной. Город остро ощущал атмосферу военной жизни. Это окрыляло местную контрреволюцию, мечтавшую о возврате старой жизни. Многие шли в Красную Армию добровольно, но многие уклонялись от призыва и шли в кустарниковые заросли на пойме реки Инсары.

Нужна была большая воля и энергия, чтобы в этих условиях наладить новую жизнь. Некоторые уездные комиссары работали, не думая об отдельной квартире, живя в общежитиях ответственных работников, пользуясь скромным пайком. Проникали, разумеется, в среду руководящих работников и случайные люди, которые устраивали кутежи, протягивали руки к конфискованной у помещиков и кушцов собственности, но не они определяли стиль жизни большевика того времени.

Первое боевое крещение саранские красногвардейцы приняли в сражениях с чехословацкими мятежниками, выступившими в Пензе 28 мая 1918 года⁴⁷. Мятеж был подавлен военнопленными солдатами чехословацкого корпуса, обманутыми своими реакционными офицерами и подогреваемые эсеро-меньшевистскими агитаторами Пензы.

В составе чехословацких войск, выступавших в Пензе, числилось до 5 тысяч человек, вооруженных винтовками и пулеметами и имевших два броневика. А местный пензенский гарнизон после демобилизации старой армии стал небольшим: создание частей Красной Армии только еще начиналось, всего лишь за три дня до выступления мятежников в Пензе был создан губвоенкомат. В этих условиях нависла серьезная угроза для всей губернии и, в частности,

для Саранска, связанного с Пензой железнодорожным сообщением. Поэтому Саранский уезд был объявлен на военном положении.

Мятеж вспыхнул неожиданно, и пензенские руководители губкома и губисполкома не успели стянуть из губернии значительные силы Красной Гвардии. Против мятежников было выставлено всего лишь 1 500 человек бойцов Красной Армии, красногвардейцев и вооруженных рабочих отрядов. В числе этих бойцов были сами пензяки, симбирцы, саранцы и рузаевцы.

У вокзалов и на улицах города Пензы завязались кровопролитные бои, которые длились целые сутки. Пользуясь численным превосходством, мятежники овладели городом. Многие из защитников были убиты и ранены. В плен к мятежникам попали комиссар губчека Козлов⁴⁸ и секретарь губсовнаркома Либерсон, который был зверски убит под Самарой, как заложник. Козлова увезли на восток в г. Петропавловск, откуда он бежал в августе 1918 года⁴⁹.

Саранский отряд, состоявший из 120 красногвардейцев, в боях с мятежниками потерял 11 человек убитыми; 14 человек было ранено⁵⁰.

Оставив Пензу, 31 мая мятежники направились на восток и захватили город Кузнецк. Саранский отряд красногвардейцев принимал участие и в боях под Кузнецком. Командир пензенского отряда писал об этом: «Прибывший к нам отряд из города Саранска 10 июня выехал из Канаевки в наступление на город Кузнецк, на чехов и кузнецкую буржуазию. Бой продолжался с 3 часов утра и до 12 часов дня. Город Кузнецк был взят красными»⁵¹.

Вскоре после чехословацкого мятежа нависла более серьезная угроза с востока. 22 июля в руках белогвардейцев оказался Симбирск, находящийся от Саранска всего лишь в 250 километрах. Из Саранска, как и в Пензу, под Симбирск был направлен вооруженный отряд.

В это время правительство Советской России решило создать значительные силы регулярной Красной Армии на Восточном фронте. В связи с этим Саранск становится центром формирования Первой революционной Красной Армии Восточного фронта. С этого времени значение города возрастает.

Штабквартира командарма Первой армии Тухачевского и политкомов Куйбышева и Калинина размещалась с июля месяца на станции Инза в вагонах поезда⁵². Разместить мобилизационный отдел армии с формируемыми частями, разумеется, в небольшом поселке Инза было невозможным. Ближайшим к штабу армии значительным населенным пунктом был Саранск. К тому же в Саранске имелись

квартирные условия для формирования частей. Кроме довоенных каменных казарм на полный пехотный полк, были еще деревянные бараки на пехотный полк и бараки для военнопленных на два полка, построенные во время империалистической войны⁵³. Поэтому центром формирования Первой армии Восточного фронта и был избран Саранск.

Мобилизационный отдел, в который входили Ш. Н. Ибрагимов (председатель), Гаркуша, Соколинский, Куфтин (члены), прибыл в Саранск 16 августа 1918 года⁵⁴. Члены моботдела возглавили ремонт казарм, барачков, сформировали технический аппарат моботдела преимущественно из военнообязанных, интеллигенции и коммунистов города.

При моботделе был создан политический подотдел, в составе которого работало 15 агитаторов во главе с опытными членами партии, присланными из центра. Некоторое время подотделом руководила Е. И. Герцовская, член партии большевиков с 1903 года. При моботделе действовали курсы красных командиров по подготовке пехотных взводных инструкторов, курсы пулеметчиков, формировались не только пехотные, артиллерийские, кавалерийские, но и технические части. В сферу деятельности моботдела входили соседние уезды Симбирской и Пензенской губерний. Им велось формирование частей не только в Саранске, но и в Пензе, Алатыре, Каменке (при ст. Воейково).

За время с 15 августа 1918 года по 1 мая 1919 года моботделом сформирована и отправлена на фронт 21 тысяча бойцов и командиров⁵⁵.

В городе в это время шла кипучая жизнь: постоянно приезжали с фронта и уезжали на фронт командиры и красноармейцы, шло обучение бойцов и командиров, городское население было мобилизовано на ремонт казарм и барачков, в военном клубе проводились лекции, доклады, устраивались спектакли самодеятельности. Население города в некоторые месяцы доходило до 30 тысяч человек. Только в гарнизоне скапливалось по 10 и более тысяч бойцов и командиров⁵⁶.

Длительное пребывание моботдела в Саранске внесло много нового в жизнь города. Руководители гарнизона большевики Ибрагимов, Герцовская, Яковлев и другие оказали большое влияние на местную партийную организацию, передавая ей опыт политической и культурно-просветительной работы, активно участвуя в деятельности укома РКП(б) и уисполкома.

Многие саранцы под руководством моботдела выдвинулись на руководящие должности в частях Красной Армии. Так, рядовой Батраков был назначен комиссаром батальона,

мордвини Арискин — инструктором моботдела, Кабаев — политкомом особой роты. Моботдел посылал из Саранска отряды на подавление кулацких восстаний в Шацкий уезд Тамбовской губернии (в начале ноября 1918 г.), в Алатырский (в конце ноября 1918 г.), в Корсунский (в начале марта 1919 г.), в Сызранский (в середине марта 1919 г.) Симбирской губернии.

В этих отрядах активное участие принимали саранские коммунисты, приобретая политическую закалку и опыт борьбы с контрреволюцией.

При участии моботдела в первую годовщину Октябрьской революции в Саранске проведена многолюдная демонстрация трудящихся. В ней участвовало более 10 тысяч человек. Время стояло теплое, солнечное. В разных местах города были построены трибуны для митингов, украшенные ветками из ели и лозунгами. Шествие трудящихся длилось с утра до вечера. Демонстранты прошли с одного края города на другой, их во многих местах приветствовали, развезжая на конях, председатель уисполкома Бусыгин и начальник моботдела Ибрагимов. Встречая колонны учеников, Бусыгин поздравлял их с победой Октября, провозглашая лозунг: «Да здравствуют дети — цветы будущего!». Празднование длилось три дня.

Через несколько дней при участии моботдела было организовано многолюдное траурное шествие в городе с выражением печали и негодования по поводу гибели от руки кулацкой контрреволюции начальника продотряда Семенова, комиссара Лусс и шести продармейцев. У братской могилы на центральной площади города во время погребения погибших был дан троекратный салют⁵⁷.

После расформирования моботдела в мае 1919 года в городе разместилась запасная бригада Красной Армии.

В начале мая 1919 года в Саранск эвакуируется ревком Башкирии, образованный незадолго до этого в Уфимской губернии. Р. М. Раимов в книге «Образование Башкирской АССР» пишет: «Военный комиссариат Башкирской АССР был первым башкирским наркоматом, который развернул свою деятельность еще в период эвакуации. Комиссариат был образован 5 мая 1919 года, у него были общие функции и отдельные по формированию башкирской армии»⁵⁸.

4 мая 1919 года башкирский ревком разослал всем военным комиссариатам страны телеграмму с просьбой «военнопленных башкир передавать в Саранск... в распоряжение Башкирского военного комиссариата»⁵⁹.

К концу мая 1919 года в Саранске сформировались два кавалерийских и два стрелковых башкирских полка, которые в начале июня были направлены на Южный фронт под

Харьков, где и приняли активное участие в борьбе против белогвардейских частей.

Башревком находился в Саранске до конца августа 1919 года. Таким образом, город в течение четырех месяцев был резиденцией формировавшегося первого правительства Башкирской АССР. В Саранске проводились собрания коммунистов Башкирии, обсуждались вопросы, связанные с государственным и хозяйственным строительством вновь образуемой Советской Башкирии. В город приезжали из Москвы представители ВЦИК по делам Башкирии. 20 мая в Саранске состоялся большой митинг дружбы русских и башкирских красноармейцев.

Вскоре после отправки башкирских частей в Саранске началось формирование Донского казачьего корпуса. Командовал этим формирующимся корпусом казак Усть-Медведицкой станицы Филипп Кузьмич Миронов, прославившийся в борьбе с белогвардейцами и получивший за боевое руководство 23-й дивизией благодарность Реввоенсовета 9-й армии.

Но Миронов не пользовался расположением Троцкого. Это отрицательно сказывалось на формировании корпуса. В новых исследованиях истории гражданской войны указывается: «Катастрофа на Дону, приближение деникинских полчищ к Москве побудили командование Южного фронта и главкома вспомнить о Миронове. Ему поручают сформировать Донской казачий корпус из числа казаков, ушедших с Красной Армией. Реввоенсовет наделяет его высокими полномочиями. Но Троцкий по-прежнему не верит Миронову. Формирование корпуса затягивается. Не поступает снаряжение, оружие, продовольствие. До Миронова и его казаков доходят слухи о кровавой расправе деникинцев над семьями красных казаков. Это вызывает ропот в сотнях, и казаки требуют отправить их на фронт, на борьбу с Деникиным, для освобождения своих родных станиц. Сам Миронов тоже рвется в бой.

Доведенный до отчаяния, он решается на роковой и необдуманный шаг: вопреки директиве командования выступает со своими казаками на фронт. Лица, неприязненно относящиеся к Миронову, объявили это выступление мятежом. Троцкисты организуют суд над Мироновым и его соратниками. И только личное вмешательство Ленина и Дзержинского спасает Ф. К. Миронова от расстрела»⁶⁰.

Впоследствии Ф. К. Миронов командовал Второй конной армией и был награжден ВЦИКом орденом Красного Знамени за участие в разгроме Врангеля.

В Саранске выступление Миронова было воспринято как мятеж. Но уком и уисполком сочли нецелесообразным

вступать в кровопролитные бои с казаками на улицах города, так как в частях Миронова было два конных полка, один стрелковый и специальные части⁶¹, в распоряжении же местных властей находилась всего лишь одна караульная рота в 300 человек.

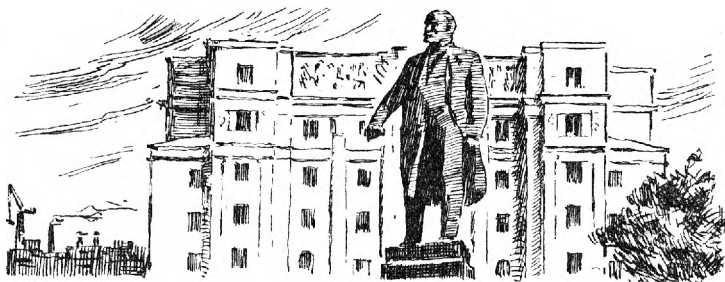
Бои начались уже тогда, когда Миронов с частями корпуса в ночь с 23 на 24 августа выступил из города и взял направление на юго-восток. К этому времени организуется отряды добровольцев в Саранске, Рузаевке, Инсаре, при было подкрепление из Казани и Самары.

В окрестностях с. Кочкурова мионовцы понесли поражение; мобилизованные Мироновым в Саранском и ближайших уездах люди сдались в плен местным отрядам или дезертировали, так же поступили и некоторые казаки. 31 августа Миронову удалось прорваться из окружения к югу. 13 сентября части Миронова были разоружены конниками С. М. Буденного за Балашовом.

Местная буржуазия попыталась поднять голову и в городе Саранске и в уезде. Но уком партия предпринял меры. Город был объявлен на военном положении. Создан ревком в составе Каплева, Гринина, Гусева, Вирганского, Кузнецова, Ганцевой. В приказе ревкома граждане города и уезда призывались к соблюдению строжайшего революционного порядка. Лица, распускающие ложные слухи о свержении Советской власти, предупреждались, что они будут привлечены к ответственности со всей строгостью военно-революционного времени, вплоть до расстрела⁶². Некоторые бывшие купцы и промышленники подверглись аресту и несколько дней содержались в заключении как заложники. Через неделю после выступления Миронова жизнь в городе и уезде была налажена.

Выступление частей Миронова — последнее крупное событие гражданской войны на территории Мордовии и прилегающих к ней районов. Хотя гражданская война в стране и продолжалась, но в Саранске стало значительно спокойнее. В борьбе с контрреволюцией закалялись и росли местные руководители Советской власти. Партийная организация выросла и окрепла. В декабре 1918 года в Саранской большевистской организации состояло уже 350 членов⁶³. В 1919 году в Саранске создана комсомольская организация⁶⁴. Уездная профсоюзная организация в начале 1919 года объединяла 1981 члена⁶⁵.

Октябрьские завоевания были закреплены. После трехлетней напряженной классовой борьбы в городе и уезде трудящиеся почувствовали значительное облегчение, открылись реальные перспективы строительства нового социалистического города.

ЦЕНТР СОВЕТСКОЙ МОРДОВИИ

Октябрьская революция обновила города и села бывшей Российской империи, а многие из них пережили вторую молодость. Бывшие уездные Челябинск и Екатеринбург (теперь Свердловск) стали крупными областными центрами индустриального Урала. Основанный в конце прошлого столетия Новониколаевск (Новосибирск) теперь город научной мысли в Сибири. Бывший уездный Царицын, ныне областной Волгоград, известен всему миру как город-герой на Волге. Губернская почти сплошь деревянная Уфа в советское время стала столицей республики большой нефти. Успешно развиваются бывший поселок Ижевский завод и четырехтысячные в прошлом Чебоксары — теперь столицы автономных республик.

Среди этих новых столиц и областных центров занял подobaющее место и Саранск.

Новые областные города и столицы автономных республик вызваны к жизни могучим подъемом производительных сил и разумным осуществлением национальной политики.

Еще во время тяжелых боев гражданской войны возникла мысль упорядочить административное деление в стране с тем, чтобы приблизить Советскую власть к народу, чтобы создать удобную систему обслуживания населения, а скромные в то время местные бюджеты сосредоточить в крупных областях для удобства и эффективности использования их в целях скорейшего восстановления и развития народного хозяйства молодой Страны Советов.

К 1924 году был выработан предварительный план создания Средне-Волжской области вместо четырех бывших губерний: Самарской, Оренбургской, Пензенской и Симбирской. В западной части области было намечено образовать округа Пензенский и Саранский. В 1924 году — в Пензе,

а в 1925 — в Самаре¹ были опубликованы экономические обоснования намечаемых округов. Но осуществление этого проекта произошло позднее.

Намеченный к преобразованию в окружной центр Саранск, хотя и восстанавливался после разрухи, но развивался медленно. Империалистическая и гражданская войны тяжело сказались на хозяйственной жизни города.

В 1921 году многие промышленные предприятия Саранска стояли из-за недостатка сырья и топлива или работали при малой нагрузке. Бездействовала вальцевая мельница мощностью 660 000 пудов муки в год. Кирпичный завод был разобран. Ректификационный завод и винный склад после пожара 1917 года стояли без крыш и окон. Некоторые мелкие мастерские во время хозяйственной разрухи исчезли совсем.

Заведующий Саранским управкомхозом в докладе на VIII уездном съезде Советов, проходившем в 1922 году, говорил, что «со времени империалистической войны городское хозяйство пришло в окончательный упадок. Затем тяжелая гражданская война дополнила эту разруху... Не производилось ремонта ни одному зданию, даже частновладельческому, с 1914 года. Средств нет... материалов нет... Разрушенных складочных помещений — 49, торговых — 19...»².

В первый период гражданской войны Саранск, являясь центром большого мобилизационного округа, был сильно ослаблен крайне необходимыми в то время большими поставками для фронта сельскохозяйственных продуктов, лошадей и продуктов животноводства. Неурожай 1920 — 21 годов при недосеве полей еще больше осложнил хозяйственную жизнь и в городе и в уезде.

Состояние экономической жизни города и уезда того времени наглядно показывают данные грузооборота железнодорожной станции Саранск. В 1912 году отправлено грузов 2 617 000 пудов, в 1922 — 399 537, т. е. в шесть с половиной раз меньше. Поступило грузов в 1912 году 3 170 000 пудов, в 1922 — 1 364 408³, т. е. почти в два с половиной раза меньше.

Благодаря большим усилиям молодой Советской власти некоторого оживления экономической жизни города удалось достичь лишь в 1923 году, хотя и в это время из 173 промышленных заведений Саранска, учтенных переписью, действовало 150⁴ и с неполной нагрузкой. Так, например, махорочные фабрики Саранска в 1912 году выработали 1 888,3 центнера продукции, в 1923 — 160,8, т. е. почти в двенадцать раз меньше⁵. В 1923 году в городе было учтено 440 разрушенных во время обеих войн и недостроенных построек.

Во время хозяйственной разрухи в Саранске, как и во многих других городах России, наблюдался уход некоторой части жителей в деревню. Перепись 1920 года показала значительное уменьшение постоянного населения города: 13 621 человек вместо 16 203 в 1913 году.

Лишь с окончанием гражданской войны приостановилась убыль и возобновился прирост городских жителей. К 1923 году население Саранска возросло до 14 274 человек. В описании города, составленном в 1924 году, указывалось, что ежегодно застраивается 50 усадеб и составляется проект расширения городской черты на ближайшие 25 лет⁶.

Более заметное нарастание темпов восстановительных работ достигнуто в Саранске в 1924 — 1925 годах. Так, например, махорочные фабрики в 1924 году выпустили 1 289 центнеров продукции, а в 1925 — 2 833, превысив довоенный уровень в полтора раза⁷. Маслозавод в 1925 году переработал 54 тыс. пудов сырья, в 1926 — 141⁸, однако довоенного уровня этот завод тогда еще не достиг.

Темпы восстановления народного хозяйства в уездах Мордовии значительно отставали от общесоюзных. Объем промышленной продукции предприятий Мордовии в 1925 году составлял только 40 процентов к довоенному⁹, тогда как крупная промышленность СССР производила в это время три четверти довоенной продукции, а объем производимых предметов широкого потребления составлял в стране более двух третей к уровню этой продукции 1913 года¹⁰.

Губернские центры Пенза и Ульяновск ввиду предстоящего районирования недостаточно кредитовали уезды Мордовии, намеченные к выделению из их губерний. Бюджетные ассигнования в 1925 году по городу Пензе составляли 12 рублей 68 копеек на душу населения, по Саранску — 4 рубля 84 копейки¹¹.

Заниженные кредитные ассигнования затрудняли рост как будущего окружного центра, так и всей Мордовии. Если к исходу 1925 года объем промышленной продукции в уездах, намеченных к выделению в Саранский округ, составлял 40 процентов к довоенному уровню, то по всей Пензенской губернии — 58,4¹².

Осложняли восстановление промышленности в Саранске, как и во всей Мордовии, часто проводимые изменения административного деления внутри Пензенской губернии.

Весной 1918 года по инициативе местного Совета образован новый уезд — Рузаевский за счет части территории, подведомственной Инсару. Выход поселка Рузаевки и шести смежных с ним волостей из Инсарского уезда объяснялся неудобством сообщений с прежним уездным центром из-за удаленности его от железной дороги. Это было

поддержано в губернии, но Рузаевский уезд долго не утверждался в Москве из-за того, что для двух уездов было недостаточно территории. Ходатайства Рузаевки и протесты Инсара продолжались четыре года и только 4 мая 1922 года Президиум ВЦИК утвердил Рузаевский уезд в составе 12 волостей, а центр уезда — железнодорожный поселок этим же решением преобразовывался в город.

Постановлением Президиума ВЦИК 4 января 1923 года к Пензенской губернии присоединены Спасский и Темниковский уезды, исключенные из-под ведения Тамбова.

В апреле 1924 года к Саранскому уезду присоединена Сабаевская волость, исключенная из Корсунского уезда Ульяновской губернии.

В июне 1924 года Пензенский губисполком обсуждал вопрос об укрупнении уездов и решил некоторые из них упразднить: в частности, предполагалось Рузаевский уезд передать Саранску. Рузаевский уисполком посылал два ходатайства в Москву о сохранении уезда и командировал с этой целью в столицу свою делегацию.

На основе этих ходатайств Президиум ВЦИК 16 марта 1925 г. постановил упразднить Инсарский и Саранский уезды, оставив укрупненным Рузаевский. Саранский уисполком, получив это решение, обжаловал его. Президиум ВЦИК назначил комиссию, которая выезжала в Саранск и Рузаевку.

4 мая 1925 года Президиум ВЦИК по докладу комиссии пересмотрел решение и центром объединенного Саранско-Рузаевско-Инсарского уезда установил город Саранск. Постановлением Президиума ВЦИК от 6 июня 1925 года Рузаевка была отнесена к рабочим поселкам, а постановлением от 15 марта 1926 года город Инсар преобразован в сельское поселение.

7 сентября 1925 года Президиум ВЦИК третий раз рассматривал вопрос об укрупненном Саранско-Рузаевско-Инсарском уезде и постановил разделить его на два: Саранский и Рузаевский¹³.

После урегулирования уездного деления центральной части будущего округа создалось более устойчивое положение в экономической жизни Саранска. Восстановительные работы стали подкрепляться кредитами, получаемыми из Москвы и Пензы. К десятилетию Октябрьской революции произведена реконструкция городской электростанции. Вместо изношенной электроустановки в 130 лошадиных сил поставлена новая машина мощностью в 215 лошадиных сил¹⁴. В это же время в городе открылась карамельно-пряничная фабрика, в 1928 году пущен новый крахмальный завод¹⁵ вместо сгоревшего в 1925 году старого.

Количество промышленных рабочих возросло с 349 чел. в 1924 году¹⁶ до 693 в 1927 году¹⁷. Промышленные предприятия города в 1927 году выработали продукции на сумму 1 414 тыс. рублей¹⁸.

Рос торговый оборот в городе. В 1926 году он составил 5 897 720 рублей, а в 1927 году — 13 830 470 рублей¹⁹, т. е. в течение года увеличился более чем в два раза. Удельный вес частной торговли в течение года снизился с 33 процентов до 13²⁰. Преобладавшая в первое время нэпа частная торговля отодвигалась на второй план. Социалистическое направление в торговле, успешно развиваясь, вытесняло остатки частно-капиталистического уклада.

В городе успешно развивалась деятельность межгубернских организаций: райпотребсоюза, райселькредсоюза, филиала Госбанка, газеты «Завод и пашня».

Уровень промышленного производства и торговые обороты Саранска в 1927 году приближались к довоенному. Но коммунальное хозяйство города значительно отставало. В акте обследования Саранска, произведенного в конце 1927 года инструкторами Пензенского губисполкома, указывалось, что годовая потребность города на благоустройство исчислялась в 20 — 30 тысяч рублей, а отпущено было в 1924 году — 3 560 рублей, в 1925 — 1 478, в 1926 — 5 000, в 1927 — 4 471. Существовавшие на некоторых улицах мостовые были «на 50 процентов избиты и требовали капитального ремонта», протяженность деревянных тротуаров (23 400 кв. метров) составляла 50 процентов к общей длине улиц, а из 13 мостов и труб требовали перестройки 6 и капитального ремонта 4, только 29 процентов жилых домов было электрифицировано, на улицах было всего лишь 45 точек горения (фонарей с электрическими лампочками), действовали две маломощных водокачки²¹.

После упразднения городской управы в 1918 году город управлялся уисполкомом. В 1925 году создан городской Совет, а в 1927 году управления сельских обществ города объединены в один пригородный сельский Совет. Эти преобразования положительно сказались в жизни города. Но деятельность городского Совета ограничивалась недостатком средств. Он имел небольшой бюджет: 141 913 рублей в 1926 — 27 хозяйственном году²².

В докладе горсовета, составленном в конце 1927 года, указывалось, что на восстановление коммунальных домов надо было затратить 50 тысяч рублей, а ассигновано в 1925 году всего 2 500 рублей, в 1926 — 18 091, в 1927 — 12 386. Жилищно-строительная кооперация, намечавшая построить 16 каменных двухквартирных домов, бездействовала из-за

отсутствия ссуд. Мостовые капитально не ремонтировались 10 — 15 лет. При школах II ступени добавочные классы на 125 учеников содержались за счет родителей²³.

Преодолевая трудности, партийная организация и органы Советской власти за шесть лет после гражданской войны провели большие работы по восстановлению промышленности и культурному строительству в городе. Грамотность населения поднялась до 63,1%²⁴, была расширена сеть медицинских и культурно-просветительных учреждений, росли кадры советской интеллигенции. В городе действовали педагогический и индустриальный (механический) техникумы, народный дом (клуб) имени Ильича, два кинотеатра, краеведческий музей. Здание кинотеатра «Художественный» еще во время гражданской войны переоборудовано под драматический театр, а в 1921 году фойе театра было оформлено художественной росписью местного художника В. А. Березина, изображавшей «революционную симфонию».

Клуб Ильича помещался в лучшем по тому времени здании города — в доме бывшей учительской семинарии (теперь здание горкома КПСС и горисполкома депутатов трудящихся). При клубе действовали большая любительская драматическая труппа, кружок радиолюбителей, спортивная группа, группа молодежной самодеятельности под названием «Синяя блуза», библиотека. Вход в клуб был бесплатным. Здесь проходили все важнейшие городские собрания.

Кроме этих групп самодеятельности, на городских сценах выступал хор учащейся молодежи в составе трехсот человек, которым руководил энтузиаст певческого искусства бывший преподаватель пения Саранской учительской семинарии Константин Давыдович Промтов, получивший образование в Варшавской консерватории.

При газете «Завод и пашня» в 1926 году образовалось объединение молодых, начинавших тогда литературный труд поэтов и писателей, в которое вошли А. И. Жаринов, Н. К. Уткин, Б. Н. Горшин, А. И. Слезавин, С. П. Вернер и другие²⁵.

В первые годы после Октябрьской революции молодежь города потянулась к высшей школе. Из среды учащейся молодежи Саранска того времени вышло немало видных деятелей культуры: Г. Каменков, доктор наук, директор Московского авиационного института; успешно окончивший Академию художеств живописец В. Хрымов; писатель Д. Еремин; первый председатель Комитета ученических организаций города, ныне доцент Мордовского госуниверситета В. Тихов; организатор пионерского движения в Саранском уезде Н. Писклигин и другие²⁶.

Население города к 1926 году возросло до 15 431 человека, к 1927 году — до 16 000²⁷.

Но требовались еще большие усилия, чтобы завершить восстановительный процесс и набрать темпы индустриализации. Некоторые промышленные предприятия из-за недостатка средств не были еще восстановлены и к 1928 году (вальцевая мельница, кирпичный завод и другие), некоторые каменные здания стояли без окон и крыш, хотя подобных было уже немного: двухэтажный дом на Большевикской улице, впоследствии занимаемый детской поликлиникой, часть зданий городка бывшего винного склада. Полное завершение восстановительных работ и переход к новому строительству в Саранске произошли с организацией Мордовского округа.

14 мая 1928 года принято решение об образовании Средне-Волжской области. В Самаре создается организационный комитет²⁸. В губернских центрах обсуждаются вопросы окружного деления новой области.

Президиум Пензенского губисполкома 24 мая наметил предварительную структуру районов и высказался за создание на территории губернии двух округов — Пензенского и Саранского. К Саранскому округу было намечено присоединение всего Ардатовского и десяти волостей Корсунского уездов Ульяновской губернии. С 7 июня в Саранске приступили к работе окружные партийная тройка и организационная комиссия²⁹.

Намечаемый округ получал исторически сложившийся экономический район с территорией около 25 тысяч квадратных километров, с разветвленной сетью железнодорожных линий, с населением около 1 миллиона 400 тысяч человек.

Наиболее значительным городом на территории новообразующегося округа был Саранск, расположенный на железнодорожной линии между двух близко прилегающих к нему узловых станций — Рузаевки и Красного Узла, достаточно удаленный от соседних окружных центров: от Пензы — на 150 километров, от Арзамаса — на 185, от Ульяновска — на 250, от Рязани — на 400, т. е. располагающий вполне достаточной территориальной сферой для развития. По отношению к районам внутри округа Саранск занимает центральное положение.

Другие города и поселения городского типа в округе были менее развиты в экономическом и культурном отношении. По переписи 1926 года в Саранске насчитывалось 15 431 человек населения, в Рузаевке — 6 789, в Ардатове — 5 880, в Краснослободске — 7 176, в Темникове — 4 522, в Беднодемьянске — 6 809, в Инсаре — 4 617, в Наровчатке — 5 646, в Ширингушах — 1 404.

В экономических обоснованиях окружного центра, составленных заместителем председателя Пензенского губплана М. М. Коноваловым, указывалось, что «Саранск является центром производственной деятельности округа, а именно по переработке продуктов сельского хозяйства». В городе насчитывалось 173 промышленных заведения, 29 из них имели механические двигатели мощностью в 781 лошадиную силу³⁰. В Саранске концентрировалась переработка ржи, конопляного семени, махорки, пеньки, картофеля, кож, овчин, овощей.

«В культурном отношении, — замечает Коновалов, — Саранск также далеко выходит за рамки обычного уездного города Пензенской губернии... 7 школ первой ступени, 3 школы II ступени, детский дом, педагогический техникум, машиностроительный техникум, прочих учебных заведений три, 2 публичных библиотеки, музей родного края, два театра и др. Из них техникумы обслуживают весь север губернии и прилегающие уезды Нижегородской и Симбирской губерний, музей также имеет районное, а не только уездное значение, метеорологическая станция, советская больница на 80 коек... венерологический диспансер, малярийная станция и др. Радиостанция районного значения...».

В торговом отношении Саранск также занимал центральное положение в округе. В городе располагался Саранский районный союз потребительских обществ, который с 1924 года имел склады в Саранске, Рузаевке, Кадошкине, Ковылкине, Ночке, Торбееве, Самаевке, Воеводске, Ромоданове, т. е. обслуживал почти весь образующийся округ. Со складов потребсоюза в 1927 году продано товаров на 6 596 тыс. рублей, из этой суммы почти половина (46,1%) падает на Саранский склад³¹.

Перед созданием округа в Саранске было 11 представительств и отделений центральных организаций — 4-х синдикатов, 3-х трестов, 2-х кооперативных объединений, 1 кредитного учреждения и 1 акционерного общества³². Издававшаяся в Саранске газета «Завод и пашня» обслуживала два уезда — Саранский и Рузаевский.

Хотя многие из промышленных заведений Саранска были слаборазвитыми, а некоторые учреждения культуры небольшими, но столь разносторонняя промышленная, торговая и культурная жизнь города, складывавшаяся десятилетиями, выдвигала его среди других городских поселений округа на первый план.

При решении вопроса о центре округа принимались в расчет и возможности размещения окружных учреждений, хозяйственных баз и складов, наличие жилья для прибывающих служащих и рабочих.

Ко времени организации округа в Саранске насчитывалось 3 050 жилых домов, из них 122, или 4 процента, каменных³³, 288 помещений занятых под учреждения, фабрично-заводские мастерские и торгово-промышленные заведения и 39 каменных казарм. Муниципализированных помещений было 240³⁴. Всех каменных зданий, включая магазины, школы, промышленные корпуса, в городе было более двухсот. В других городах и рабочих поселках округа каменные здания исчислялись единицами. Следовательно, в Саранске при некотором уплотнении вполне возможно было разместить окружные учреждения. В других городах и рабочих поселках округа подобных возможностей не было.

Некоторые местные организации, однако, не учитывали преимуществ Саранска. Рузаевский уисполком еще до образования оргкомитета в Самаре внес в Пензенский губисполком предложение об установлении окружным центром рабочего поселка Рузаевки. Пензенский губплан составил сопоставительные данные по Саранску и Рузаевке и вывел заключение, что это предложение нереально и нецелесообразно.

В сопоставительных данных губплана указывалось, что Саранск является центром экономики и культуры обширного района с перспективой на дальнейшее развитие, для Рузаевки нужны не годы, а пятилетки или десятки лет, чтобы подтянуться до уровня Саранска. После 1920 года Саранск рос интенсивнее, Рузаевка не обнаруживала большого роста. Население Саранска за эти годы выросло на 13,3 процента, Рузаевки — на 9,8. Торговое значение Саранска по оборотам сильнее Рузаевки больше чем втрое. В Рузаевке три ценовых промышленных предприятия, в Саранске — 11, в мелкой промышленности в Рузаевском уезде было занято 3 936 человек, в Саранском — 7 919. Интенсификация сельского хозяйства по внедрению технических культур по Саранскому уезду составляла 12,9 процента к посевной площади, по Рузаевскому — 11,7. Жилищный фонд Саранска составлял 85 433 квадратных метра и превышал Рузаевский (33 691 кв. м.) почти в три раза. Сеть культурных учреждений и учебных заведений Саранска была значительно более развитой, чем в Рузаевке.

Обращалось внимание и на преимущества рельефа местности для развития окружного центра. В обоснованиях указывалось: «Рузаевка расположена в низменной местности, почти не возвышающейся над уровнем реки Инсары и ее притоков, одна часть... на холме с довольно крутым падением, делающим его малоприспособленным для пешеходов и езды. Почвы глинистые, низ — сплошная грязь. Тротуаров и

мостовых нет. Саранск лежит в здоровой местности, сухой, с пологим склоном на юго-восточную сторону, хорошо проветриваемой и с достаточным количеством водных источников». В заключение обоснований указывалось, что нецелесообразно строить заново многие здания в Рузаевке, а в Саранске оставлять готовые³⁵.

По данным на 1 июня 1928 года, рабочего населения в Рузаевке было 45 процентов, или 2 934 человека. Рабочих и служащих, занятых на предприятиях промышленности и транспорта и в учреждениях Рузаевки, насчитывалось 2 230 человек. Из них коммунальными квартирами было обеспечено 465 человек, некоторые имели свои дома, остальные проживали на частных квартирах в Рузаевке и в окрестных селах и деревнях. Шестьсот рузаевских рабочих проживали в Саранске и ездили на работу в пригородных поездах³⁶.

В Саранске на первое июня 1928 года рабочего населения, не считая транспортников, было 2 273 человека и служащего 2 564³⁷, причем все рабочие и служащие обеспечивались жильем в городе.

Рузаевский уисполком мотивировал свое ходатайство преимуществом узловой железнодорожной станции, расположенной в поселке. Но это преимущество перекрывалось удобством расположения Саранска между двух близлежащих узлов, которые могли оба работать на окружной центр, к тому же Рузаевский вариант приближал окружной центр к Пензе и тем самым сокращал его сферу территориального влияния; Саранский вариант, наоборот, удалял окружной центр от Пензы и увеличивал его сферу влияния. По меткому выражению М. М. Коновалова, Саранск глядит не к югу, а к северу, т. е. к Нижнему Новгороду и Казани; следовательно, он более четко выражает отношение края к этим крупным промышленным и культурным центрам на Волге.

Получив отрицательный ответ в Пензе, Рузаевский уисполком обратился с ходатайством в Средне-Волжский оргкомитет, где он встретил поддержку. Но Президиум ВЦИК считал нецелесообразным снижать значение Саранска и выделять при скромных бюджетах того времени большие ассигнования для строительства нового центра в Рузаевке.

Еще задолго до образования Средне-Волжской области мордовский народ через своих представителей ходатайствовал о создании национальной административной единицы в составе Российской Федерации. Это законное желание мордвы поддерживалось Советским правительством³⁸. Но возникали трудности, объяснявшиеся недостаточной компактностью мордовского населения в составе существовавших

губерний, поэтому решение вопроса было отложено до областного районирования.

При конструировании Саранского округа выявились возможности объединить уезды и волости с компактным мордовским населением и осуществить заветную мечту мордовского народа о территориальном, экономическом и культурном воссоединении его в одном крупном административном организме. В составе населения образуемого округа было 32,2 процента мордвы.

Парторганизации создаваемого Саранского округа возобновили ходатайство об учреждении мордовской национальной административной единицы в составе Средне-Волжской области. Это ходатайство было поддержано и в Самаре, и в Москве.

При рассмотрении окружного и районного деления Средне-Волжской области во ВЦИКе 16 июля 1928 года был утвержден Мордовский округ с центром в городе Саранске.

Находясь на стыке двух ветвей мордовской народности — эрзи и мокши, Саранск со времени его возникновения тягивал в сферу своего экономического и культурного влияния значительную часть мордовского населения ближайших районов. Ко времени образования округа в Саранске были уже некоторые очаги мордовской культуры. Так, например, в педагогическом техникуме в 1927 году обучался 71 процент мордвы — 196 человек из 276, в школах второй ступени училось 82 человека мордвы³⁹, обучались мордовские юноши и девушки в механическом техникуме и на курсах по подготовке в вузы. Материалы по истории мордвы собирал музей родного края. При укоме ВКП(б) и уисполкоме были инструкторы по работе среди наименьшинств.

Создание национального округа способствовало собиранию в Саранске немногочисленных тогда кадров мордовской интеллигенции, разбросанных до этого в разных губерниях. Некоторые из них переехали в Саранск на руководящие должности, некоторые — на педагогическую работу. Учитель по образованию, С. С. Шишканов прибыл из Пензы в должности руководителя Оргкомиссии, а потом он был избран первым председателем окрисполкома. Из Саратова в Саранск переехал получивший университетское образование преподаватель и поэт И. П. Кривошеев, из Пензы — В. Д. Мартынов — первый директор созданной в Саранске в 1928 году Мордовской краевой совпартшколы, агроном В. В. Бодрин, возглавивший Окрзу, из Казани — А. М. Чурин — первый директор созданного в Саранске в 1929 году Мордовского рабфака. Из Пензы возвратился уроженец

Саранского уезда, единственный в то время из мордвы член ВЦИКа И. И. Борискин.

Некоторые педагоги мордовской национальности были командированы в то время в Саранск из Москвы и Ленинграда.

Из бывших губернских центров в то время было командировано в Саранск немало руководящих и педагогических работников и русской национальности: Г. А. Полу-мордвинов и В. И. Воронин из Пензы, Н. С. Семенов из Казани и другие.

При формировании окружных учреждений были выдвинуты на руководящие должности многие местные работники из уездов Мордовии.

С лета 1928 года ритм жизни Саранска стал заметно оживляться, улучшалось благоустройство улиц, завершались восстановительные работы в промышленности, стоявшие неиспользованными здания ремонтировались и заселялись; работники, командированные из Москвы и бывших губернских городов, вносили в общественную жизнь нового окружного центра масштабность, а в быт местного населения — привычки большого города. Укреплялось содружество русских и мордвы.

Но к строительству новых промышленных предприятий и капитальных зданий в Саранске еще не приступали.

Хотя при решении во ВЦИКе вопроса об окружном центре учитывались преимущества Саранска, однако некоторые руководящие работники в Самаре, получая ходатайства из Рузаевки, склонны были считать Саранск временным окружным центром, а постоянный центр строить в Рузаевке, но средства на это из областного бюджета не выделялись, поэтому практическое решение вопроса оказалось невозможным.

По скромным подсчетам, для строительства нового окружного центра на ближайшие пять лет требовалось около 9 миллионов рублей⁴⁰. Выделено же было из местного бюджета на коммунальное хозяйство всего округа в 1928 — 29 хозяйственном году 315 тыс. рублей⁴¹.

В условиях современной действительности, когда экономика нашей страны неизмеримо возросла, новые города вырастают в пять-десять лет. При скромных местных бюджетах того времени большие изъятия на строительство нового окружного центра могли надолго осложнить хозяйственную и культурную жизнь всего округа.

Это скоро почувствовали окружные руководящие деятели. В содокладе на первом областном совещании работников среди национальных меньшинств Средне-Волжской области, проходившем в ноябре 1928 года, представитель Мордовского округа И. М. Горбунов заявил:

«...нельзя рассчитывать на то, что будут отпущены в достаточном количестве средства на постройку нового центра. В области решили взять несколько миллионов рублей на постройку нового города из тощего мордовского бюджета, но вряд ли это можно будет провести. Если надо отпустить средства из окружного бюджета, то целесообразней их направлять на восстановление хозяйства округа...»⁴².

7 апреля 1929 года Пензенский окружной съезд Советов по докладу Средне-Волжского облисполкома вынес решение о необходимости оставления окружного центра в Саранске, ввиду нецелесообразности больших затрат в Рузаевке, с тем, чтобы ассигнования направлять на развитие промышленности и сельского хозяйства Мордовского округа. Это решение было послано в административную комиссию ВЦИКа.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, Совет Народных Комиссаров РСФСР 21 июня 1929 года рассмотрел решение Средне-Волжского облисполкома о переводе центра Мордовского округа из Саранска в Рузаевку и принял постановление:

«Признать нецелесообразным входить в Президиум ВЦИК с ходатайством о пересмотре его решения от 16.VII.1928 года, которым центр Мордовского округа был утвержден в г. Саранске и отклонено ходатайство о переводе этого центра в г. Рузаевку...

В связи с оставлением центра Мордовского округа в г. Саранске, вследствие чего не будут затрачены средства на административные расходы, на постройку зданий и перевод центра, признать, что в виде компенсации Мордовскому национальному округу должны быть увеличены расходы на хозяйственные и культурные нужды.

Предложить Народным Комиссариатам РСФСР (НКфину, НКзему, ВСНХ, НКпросу, НКздраву и др.), а также областному исполнительному комитету Средне-Волжской области произвести соответствующее увеличение ассигнований на хозяйственные и культурные нужды округа, начиная с 1929 — 30 бюджетного года, с тем, чтобы эти ассигнования превышали обычный нормальный их рост на указанные нужды округу»⁴³.

Этим же постановлением предусматривалась необходимость оказания помощи Рузаевке через выделение средств «как по линии кредита, так и по линии бюджетных ассигнований, а также участие НКПС» в финансировании жилищного и культурного строительства с тем, чтобы изжить жилищный кризис и улучшить коммунальное и культурное обслуживание населения рабочего поселка.

Этим постановлением правительства был положен конец спорам, неоднократно возбуждаемым небольшой группой местнически настроенных бывших работников Рузаевского уисполкома, не учитывавших необходимости рационального расходования государственных средств. В окружном центре создавалось устойчивое положение, и это быстро стало сказываться в хозяйственном и культурном строительстве Саранска.

Оказанная округом и вышестоящими инстанциями помощь Рузаевке также плодотворно сказалась на ее росте. Слабо развивавшийся до районирования рабочий поселок через девять лет после создания Мордовского округа был преобразован в город областного подчинения⁴⁴.

Районирование возобновило и значение Инсара, который стал районным центром, а впоследствии был из сельского поселения преобразован в город.

Бывший с 1925 года заштатным город Темников с созданием Мордовского округа стал центром большого района.

Районирование подняло значение Ковылкина, Зубовой Поляны, Ромоданова и многих других поселений Мордовии.

Оказанная Центральным Комитетом Коммунистической партии и Советским правительством помощь обусловила быстрый рост хозяйства и культуры Мордовского округа.

10 января 1930 года Мордовский округ был преобразован в Мордовскую автономную область с центром в городе Саранске, с оставлением области в составе Средне-Волжского края. При этом преобразовании некоторые поселения переданы в соседние области и края, а Беднодемьянск (бывший Спасск) и Наровчат, как районные центры, перешли в Пензенский округ Средне-Волжского края. Взамен этого к Мордовской области присоединены некоторые поселения Чувашской АССР и Арзамасского округа Нижегородского края, в числе которых все села и деревни Ичалковского района⁴⁵. Эта реорганизация повысила компактность коренного населения Мордовской области до 37 процентов.

Новый хозяйственный и культурный подъем области обусловил новые преобразования. 20 декабря 1934 года Президиум ВЦИК постановил: «Мордовскую автономную область, в соответствии с волеизъявлением ее трудового населения, преобразовать в существующих границах в Мордовскую Автономную Советскую Социалистическую Республику».

С принятием новой Конституции СССР в 1936 году Мордовская АССР была исключена из состава Средне-Волжского края и вошла в непосредственное ведение правительства Российской Федерации как ее составная часть.

С 1934 года Саранск стал столицей Мордовской АССР.

В 30-е годы Саранск развивался всесторонне. Промышленная продукция города за время с 1927 по 1940 год возросла с 1 414 тысяч рублей⁴⁶ до 79 425 тысяч рублей⁴⁷ (в неизменных ценах 1926/27 гг.), т. е. более чем в 50 раз, а в сравнении с довоенным уровнем — в 38 раз⁴⁸.

Предвоенные пятилетки индустриализации страны плодотворно сказались и в Мордовии. С каждым годом возрастали капитальные вложения в хозяйство республики. В 1929 году в промышленное строительство Мордовии было вложено 815 тыс. рублей, в 1930 г. — 2 666 тыс. руб., в 1935 г. в капитальное строительство — 10 140 тыс. руб., в 1937 г. — 19 806 тыс. руб.⁴⁹

Значительный размах промышленного строительства в Саранске наблюдался с 1932 года. На Тихвинском выгоне, к северу от старой застройки, были заложены новые крупные промышленные предприятия — консервный комбинат, котонинная фабрика, а рядом с ними шло сооружение Саранской теплоэлектростанции. В южной части города, на месте разобранного во время хозяйственной разрухи старого кирпичного завода, завершалось строительство нового механизированного предприятия с годовой мощностью в три миллиона штук красного кирпича.

Внутри города шло строительство крупных зданий: почтамта, гостиницы, Дома печати, жилых домов. На улицах Саранска росло движение автомашин и конного транспорта с кирпичом, песком, лесоматериалами. В городе формировались первые крупные отряды рабочих-строителей.

Механизации строительных работ почти еще не было. Это вызывало большие трудности. Однако они успешно преодолевались.

Много усилий и труда вложили в строительное дело в Саранске того времени председатель облисполкома А. Я. Козиков, уполномоченный по строительству И. В. Сухоруков, а также инженеры И. И. Плетнев и Н. И. Павлов.

В первой половине 30-х годов вступают в строй действующих предприятий первенцы советской индустрии Саранска. В 1933 году пущена ТЭЦ-1 мощностью 600 квт, через три года ее мощность доведена до 2 100 квт⁵⁰, а к концу 30-х годов до 6 100. В 1934 г. начала давать промышленную продукцию котонинная фабрика, переоборудованная впоследствии в завод другого профиля. В 1935 году пущен консервный комбинат с годовой мощностью до 30 миллионов банок мясных, молочных, фруктовых и овощных консервов. В 1936 году вступила в строй первая очередь пенькового комбината. Проектная мощность комбината — 18 000 тонн

годовой продукции. Это одно из самых крупных в стране предприятий пенько-джутовой промышленности.

В 30-е годы в Саранске были построены также плодоовощной (квасильный) завод, птицекомбинат, хлебокомбинат, завод безалкогольных напитков.

Количество промышленных рабочих в Саранске к 1941 году возросло до 5 260 человек, население города по переписи 1939 года составило 41,1 тыс. человек.

В 1930 году крестьянское население города было объединено в один крупный колхоз под названием «Гигант», который на ближних землях развернул большое зерновое и плодоовощное хозяйство. Отдаленные городские земли были переданы Саранскому зерносовхозу, преобразованному впоследствии в мясосовхоз. С развитием промышленности колхозная молодежь вербовалась на стройки и новые заводы, приобретая квалификации рабочих. Из-за образовавшегося недостатка рабочих рук посевы городского колхоза с 1933 года стали сокращаться.

Впоследствии городской колхоз был упразднен, а его земли переданы колхозу села Николаевки.

Значительные по тому времени фонды старых городских строений обусловили возможность со времени образования Мордовского округа размещать в Саранске новые учебные заведения. В трех казармах бывшего военного городка расположилась в 1928 году Мордовская совпартшкола. В домах городка бывшего винного склада в 1929 году обосновался Мордовский рабфак. В здании бывшего реального училища в 1931 году был открыт Мордовский агропедвуз, преобразованный через год в госпединститут. В доме бывшего волостного правления в 1932 г. открыто музыкально-драматическое училище.

По мере развития учебных заведений развертывалось строительство для них новых зданий. В 1935 году отстроен новый большой корпус Мордовского пединститута на улице Большевицкой. В 1936 году было завершено строительство монументального учебного здания для Мордовского комвуза на улице Советской (позднее в этом здании помещалась совпартшкола). Были построены также новые учебные здания для педучилища, медицинского училища и четырех средних школ.

Но допускались и серьезные просчеты. Так, например, ничем не оправданным явилось закрытие в 1933 — 35 годах двух специальных учебных заведений — строительного и тепломеханического техникумов, созданных в 1930 году на базе имевшего большие традиции, хорошее оборудование и опытный педагогический состав Саранского индустриального (механического) техникума. Этот просчет

местных руководителей скоро почувствовался в Мордовии, которая и до сих пор испытывает большой недостаток в инженерах и техниках. На основе строительного и тепло-механического техникумов можно было еще в 30-е годы развернуть высшее техническое учебное заведение.

Со времени организации Мордовского округа в Саранске создавалась база для органов периодической печати и книжного дела. В одном из переоборудованных зданий бывшего винного склада в 1929 году развернулась книжная и газетная типография, в 1937 году было отстроено новое четырехэтажное здание Дома печати. Книгопечатание и газетное дело в 30-е годы получили в Саранске большое развитие. Бывшая межездная газета «Завод и пашня» с 1928 года стала окружной, а с 1930-го — областной. В 1930 же году она была переименована в «Красную Мордовию». Значительно возрос ее тираж, увеличен был и формат. В августе 1928 года из Пензы была переведена в Саранск мокшанская газета «Од веле» («Новая деревня»), переименованная в 1932 году в «Мокшень правду». В 1931 году в Саранске стала выходить эрзянская газета «Эрзянь коммуна». В начале 30-х годов были созданы областные комсомольские газеты «Ленинэнь киява» («По ленинскому пути») на эрзянском языке, «Комсомолонь вайгяль» («Голос комсомольца») — на мокшанском, а к концу 30-х годов — «Молодой ленинец» на русском языке.

Большая сеть газет, издававшихся в 30-е годы в Мордовии, способствовала росту местных литераторов. В 1929 году в Саранске было организовано отделение РОКП (Российского объединения крестьянских писателей), в которое вошли журналисты, поэты и писатели: А. Жаринов, Н. Клементьев, А. Слезавин, а затем П. Кириллов и Н. Илюхин. Одновременно было создано в Саранске и отделение РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), которое возглавили Н. Уткин и Б. Горшин. В 1930 году в Саранске вышел в свет первый сборник стихов и рассказов писателей Мордовии «Зов полей».

В 1931 году в Саранске проведена первая конференция пролетарско-колхозных писателей. В этом году в городе выходила литературная газета «Лемех» на трех языках (русском, эрзянском и мокшанском). В 1932 году в Саранске организовано Мордовское книгоиздательство.

Успешно развивалось журнальное дело в Мордовии. В 1930 году в Саранск переведен из Самары эрзянский общественно-политический и литературно-художественный журнал «Сятко» («Искра»), с этого же времени стал выходить мокшанский журнал «Валда ян» («Светлый путь»), переименованный впоследствии в «Колхозонь эряф» («Колхозная

жизнь»). В городе выходили также и пионерские журналы на мордовских языках: «Якстере галстук» («Красный галстук») и «Пионеронь вайгяль» («Голос пионера»). С 1940 года стал выходить на русском языке литературно-художественный альманах «Литературная Мордовия».

Развитие литературной жизни обусловило создание в 1934 году Союза писателей Мордовской АССР, а развитие изобразительного искусства — Союза художников Мордовии, который был организован в 1935 году.

Союз писателей, созданный в Саранске, объединил формировавшуюся тогда группу первого поколения мордовских писателей, в состав которой входили М. Безбородов, П. Кириллов и другие. Деятельное участие в создании писательской организации Мордовии принимал видный советский писатель А. Я. Дорогойченко, проживавший в Саранске в 1937 и 1938 годах.

В 30-е годы положено начало систематической научной деятельности в Саранске. В 1930 году мордовский этнограф и языковед М. Е. Евсеев организовал в фойе городского театра выставку своих трудов и давал пояснения посетителям. В 1932 году открылся Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории. Создавался архив Мордовской АССР.

К концу 30-х годов в Саранске появилась первая, правда, небольшая группа лиц с учеными степенями и званиями.

В 30-е годы в городе развивалась и театральная деятельность. До организации Мордовского округа в Саранске постоянной труппы профессиональных артистов не было. Профессиональные коллективы приглашались на летний сезон или на более короткий срок. В 1930 году создается театральная студия, составленная из наиболее способных участников самодеятельных коллективов Мордовии. После двухлетнего обучения студийцы показали общественности города выпускной спектакль «Бедность не порок»⁵¹, который получил высокую оценку. На базе студии был создан Мордовский драматический профессиональный театр. Эта труппа играла на русском и мордовском языках. В 1935 году над молодым мордовским театром взял шефство Московский Малый академический театр, который в течение трех летних сезонов присылал в Саранск опытных артистов и режиссеров. Помощь высококвалифицированного столичного театрального коллектива плодотворно сказалась в развитии деятельности молодого мордовского драматического театра. Он приобрел любовь местной публики и пользовался успехом за пределами Мордовии, часто выезжая на гастроли. Тепло был театр принят днепропетровскими, сызранскими, сасовскими

зрителями⁵². Большим успехом пользовались талантливые артисты саранского театра 30-х годов Владимир Арсентьевич Зорин и Кузьма Макарович Тягушев.

В 1937 году в Саранске открылся оперный театр; в течение 10 лет он поставил более 40 опер русского и западно-европейского репертуара. Большой любовью публики пользовался артист этого театра Ильярион Максимович Яушев.

В 30-е годы в Саранске появились первые асфальтовые тротуары, первые автобусы, была расширена железнодорожная станция, а в 1941 году завершено строительство нового вокзала. В городе появились новые четырех- и трехэтажные жилые дома, гостиница на 400 мест, центральный почтамт, новое здание центральной библиотеки. В 1940 году завершено строительство монументального шестизэтажного здания Дома Советов.

Город сбрасывал уездное обличие и приобретал вид развитого центра, в котором сосредоточивались промышленные предприятия и учреждения молодой социалистической культуры мордовского народа.

К концу 30-х годов Гипрогор приступил к разработке генерального плана застройки Саранска.

В плане предусматривалось строительство новых промышленных предприятий и учреждений культуры. Намечался новый этап промышленного развития города.

До этого времени в Саранске сооружались заводы и фабрики по переработке сельскохозяйственного сырья. Новым проектом планировки намечалось развернуть в городе строительство крупных предприятий химии и электротехники. Госплан СССР предусматривал сооружение в Саранске заводов электроприборов, кордного и других.

Намечалась постройка в городе здания оперно-драматического театра на Гражданской улице, клуба железнодорожников на привокзальной площади, нового стадиона на месте бывшего ипподрома, благоустроенного водного бассейна на реке Инсаре, крытого рынка, нового универмага. Предусматривалось расширение парка культуры им. Пушкина за счет присоединения части верхней террасы города, новое жилищное строительство вблизи пригородного леса к западу и юго-западу от существовавшей старой застройки. Планировалось открытие новых учебных заведений. На ближайшие 12 — 15 лет предусматривался рост рабочего класса города до 20 тысяч человек, а всего населения Саранска до 100 тысяч⁵³.

Но этот большой подъем промышленного и культурного развития города был прерван вероломным нападением на нашу страну немецко-фашистских захватчиков.

В воскресенье 22 июня 1941 года в Саранске было теплое солнечное утро. Население города по установившейся издавна привычке устремилось в пригородный лес — на Ретуову поляну, чтобы там провести выходной день. Вскоре в городе стало известно о начавшейся Великой Отечественной войне. Это ошеломившее неожиданностью известие сопровождалось в Саранске резким изменением погоды, пошел проливной дождь. Военная обстановка почувствовалась в городе в тот же день. Началась мобилизация.

Трудящиеся Саранска внесли посильный вклад в общенародное дело защиты своей Отчизны и разгрома врага. Возбужденные патриотические митинги в первые дни войны, а затем тяжелый труд с выполнением многими рабочими двух, а иногда и трех норм задания на заводах и фабриках, при остром ограничении продовольственных пайков, замена уходящих на фронт мужчин женщинами и подростками, самоотверженное восприятие горестных известий с фронта о гибели и ранении мужей, братьев и отцов — вот характерные приметы жизни города того времени.

Тяжелая военная зима 1941 — 1942 годов сопровождалась страшным стихийным бедствием. От суровых и продолжительных морозов, доходивших до 44 градусов, в Саранске, как и во всей Мордовии, почти сплошь вымерзли плодовые сады. Столь жестоких коварств природы не помнит никто из старожилов Саранска. Лишь немногие яблони из не подвергнувшихся вырубке дали через год или два молодые побеги от стволов и нижних веток, вишни и сливы лишь кое-где отрастали от корней.

Промышленность Саранска во время Великой Отечественной войны работала безостановочно, а некоторые заводы, как, например, эвакуированный из Ленинграда электроприборный, значительно выросли.

Преимущества социалистической промышленности сказывались не только в мирное время, но и в военное. К концу первой мировой войны вся промышленность города пришла в полное расстройство. Во время Великой Отечественной войны этого не произошло. Более того, в 1944 году Совнарком Мордовской АССР обратился в Союзное правительство с письмом, в котором просил согласия разрешить построить в окрестностях Саранска цементный завод для нужд Мордовии и восстановления освобожденных от вражеской оккупации западных районов страны, а также возобновить работы по изысканию нефти на территории республики, возобновить постройку Саранского завода теплоизмерительных приборов, законсервированную в начале войны, и приступить к сооружению гидроэлектростанций на реках Суре и Мокше с тем, чтобы увеличить

энергомощность Мордовии, начать подготовительные работы к строительству в Саранске завода крупных шлифовальных станков⁵⁴.

Во время Отечественной войны в Саранске проходило формирование воинских частей и подразделений, а также обучение отрядов народного ополчения. Неувядаемой славой покрыла свой боевой путь Мордовская 326-я стрелковая дивизия, сформированная осенью 1941 года в Саранске и принявшая участие в обороне Москвы.

В письме к трудящимся Мордовии бойцы и командиры дивизии сообщали:

«Мы выполнили и выполняем с честью Ваш наказ, который Вы нам дали в ноябре 1941 года, отправляя нас на великую битву, на фронт». В 38 боевых дней дивизия освободила от немецко-фашистских захватчиков 451 населенный пункт, в числе которых — город Плавск, 4 районных центра, 12 железнодорожных станций, а также содействовала взятию городов Сухиничи, Козельск, Белев, Епифань⁵⁵.

Немало саранцев показали мужество и отвагу в боях за Родину. Гвардии пилот Герой Советского Союза Семен Полежаев десятки раз штурмовал вражеские крепости. Комиссар прославленной под Волгоградом дивизии Родимцева Михаил Зубков страстно вдохновлял бойцов и сам вместе с ними бесстрашно ходил в атаки на врага. Виктор Бобков, семнадцатилетним юношей ушедший добровольцем на фронт, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза за участие в прорыве границы Восточной Пруссии. Отважный летчик-бомбардировщик Герой Советского Союза Владимир Стрельченко, кавалер многих советских орденов, получил союзническую награду — английский орден «Британской империи». Подвиг капитана Гастелло повторил воспитанник Саранского аэроклуба Петр Орлов, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Бесстрашно действовал в тылу врага Герой Советского Союза Василий Корнишин⁵⁶. Не раз свершал героические подвиги гвардии старшина Герой Советского Союза Константин Корочков, талантливый гвардии кинооператор Владимир Сущинский погиб смертью храбрых незадолго до взятия Берлина⁵⁷.

Трудящиеся Саранска только в 1941 году внесли 4 миллиона рублей в фонд обороны. Они постоянно отправляли подарки бойцам фронта: теплые вещи, продовольственные посылки, махорку. Они оказывали посильную помощь освобожденным от вражеского нашествия городам и селам. Городу Гомелю и районам Гомельской области были посланы 450 предметов лесокультурного инвентаря, собранные рабочими и служащими книги, одежда, обувь, предметы

домашнего обихода и 16 голов скота. Городу Рославлю отправлено 13 вагонов различных подарков: носков, варежек, детских платьев и других предметов. 100 тысяч рублей послано на восстановление Волгограда и 62 тысячи рублей детям-сиротам города-героя⁵⁸.

В начале Отечественной войны в Саранске было создано пехотное училище. Оно действовало до 1943 года. В 1943 году в городе разместилось Калининское пехотное училище, которое готовило советских офицеров до сентября 1945 года. В конце войны здесь организуются курсы по усовершенствованию пехотного офицерского состава. Длительное время в городе стоял полк гидроавиации с полковой школой. Военным учебным заведениям, размещавшимся в Саранске, постоянно оказывалась материальная и моральная поддержка как местными властями, так и населением города.

Во время Отечественной войны в Саранске размещалось три крупных госпиталя, под которые были отведены лучшие здания города.

Эвакуированные из западных областей советские граждане планомерно расселялись в коммунальных квартирах и частных домах жителей города.

Раненые солдаты, офицеры и эвакуированные граждане тепло встречались местным населением.

В госпитали прибывали на излечение раненые — уроженцы различных областей и республик Советского Союза. Их навещали местные жители, приносили им подарки — старательно вышитые носовые платки, кисеты для махорки, пироги домашней выпечки, орехи, набранные в окрестных лесах.

Многие голодающие, вывезенные из Ленинграда, нашли приют в семьях тружеников Мордовии, которые прилагали все усилия к тому, чтобы поставить на ноги людей, перенесших страшную блокаду.

Патриотический подъем населения Саранска, как и всего советского народа, рос с каждым месяцем войны.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны открыло новые большие возможности промышленного и культурного развития столицы Мордовии.

В ЛЕСАХ НОВОСТРОЕК

Современный Саранск — промышленный город, центр технического прогресса и культуры Мордовской республики. Он производит промышленной продукции на сумму около двухсот двадцати миллионов рублей в год.

Объем промышленного производства Саранска возрос после Великой Октябрьской революции более чем в 100 раз. В Саранске сосредоточены многочисленные учреждения народного образования культуры и искусства.

Для того чтобы составить представление о современном Саранске, необходимо учесть, что он переживает теперь небывалую пору роста, золотой век. К концу текущей семилетки, в 1965 году, в Саранске будет производиться промышленной продукции на сумму около 700 миллионов рублей, т. е. в три с лишним раза более, чем в 1961 году.

В ближайшие годы Саранск встанет в ряд крупных промышленных центров Среднего Поволжья.

В современном Саранске нет улицы, где бы не велось строительство, а на прилегающих к городу полях растут и закладываются все новые и новые корпуса заводов, новые жилые поселки. Местные газеты постоянно публикуют объявления о растущих потребностях в инженерах и иных специалистах для новых заводов и новостроек города. Многочисленные подъемные краны, строительные леса стали самыми характерными приметами пейзажа современного Саранска.

Все это сказывается в ритме жизни города.

В старом Саранске редко слышался гудок проходящего поезда, а теперь беспрестанно раздаются голоса паровозов на многочисленных подъездных путях у заводов и

новостроек. На улицах старого Саранска можно было услышать лишь скрип телеги с поклажей в 25 — 30 пудов или цоканье копыт лошади легкового извозчика на мощеных кое-где пяточках в центре города, а порой можно было пройти целую улицу и не встретить никакого транспорта. Теперь на ходовых магистралях города — потоки грузовых автомашин. По некоторым улицам проходит 500 и более транспортных единиц в час. В ряду с грузовыми автомашинами чередуются автобусы, автотакси, мотоциклы, велосипеды.

На узких дощатых тротуарах старого Саранска могли разойтись при встрече только лишь два человека, да большего и не требовалось: пешеходов было немного. Теперь широкие асфальтовые тротуары центральной части Саранска и в рабочих кварталах постоянно заполнены пешеходами. Да и пешеход уже не тот.

Мещанин в старомодном картузе да в сапогах, намазанных дегтем, или крестьянин с небритой бородой, в поддевке, а то и в зипуне, мелкий чиновник в потертом костюме или франтоватый купчик — они преимущественно встречались на улицах старого Саранска. Теперь — инженер или рабочий со средним образованием, студент или слушатель курсов, колхозник, приехавший в город по делам. Нередко можно встретить в городе и женщину-врача или писателя из мордвы, ученого или деятеля искусств. И костюм теперь не выдает профессии. Каждый стремится одеться по-современному.

Бывало, старожил города знал в лицо всех или почти всех взрослых горожан, теперь невозможно знать всех жильцов одной лишь своей улицы.

Со времени переписи 1939 года население Саранска увеличилось более чем в три раза. Было 41 тысяча человек. На 15 января 1959 года стало 91. После последней переписи население города продолжает увеличиваться за счет естественного прироста, вновь прибывающих рабочих и служащих, а также соединения с городом сельских поселений. Теперь в Саранске проживает около 140 тысяч жителей. В текущее десятилетие население города вырастет до 250 — 300 тыс. человек.

В минувшее десятилетие в Саранске создана большая строительная база.

До этого времени в городе действовал один лишь небольшой кирпичный завод, выпускавший около 3 миллионов штук кирпича в сезон. Теперь Саранский кирпичный завод действует круглый год и имеет производственную мощность в 100 миллионов штук кирпича. Из производимого в год кирпича Саранского завода можно построить сто

четырёхэтажных домов, т. е. целый город в 15 — 20 тысяч населения. В городе создано пять предприятий, выпускающих железобетонные конструкции, действует два асфальтных завода, до десятка лесопилок.

До пятидесятих годов в Саранске не было крупных строительных организаций. Теперь в городе действуют четыре мощных строительных треста: трест ц 13, Химмашстрой, Транспецстрой, Мордовстрой и пять управлений, которые способны выполнять строительную программу на сумму более пятидесяти миллионов рублей в год.

По темпам промышленного развития Саранск идет теперь в ряду наиболее интенсивно развивающихся городов Российской Федерации. Это обусловливается насущной необходимостью преодолеть неизжитое еще экономическое отставание Мордовии и благоприятными условиями для промышленного развития.

Два крупных железнодорожных узла (Рузаевка и Красный узел), примыкающих к Саранску с юга и севера, образуют транспортную площадку протяженностью в 55 километров с шестью промежуточными станциями и разъездами, с многочисленными ответвлениями в самом Саранске. Эта транспортная база имеет пять железнодорожных направлений, связывающих Саранск с Горьким, Казанью и Северным Уралом, Москвой, Пензой и Харьковом, Саратовом и Волгоградом, Ульяновском и Куйбышевом, Южным Уралом, Средней Азией и Сибирью. Большая транспортная площадка создает простор для размещения новых заводов и хозяйственных баз в районе Саранска и в прилегающих окрестностях.

Крупная база кирпичного производства в самом Саранске и Рузаевке, мощные Алексеевские цементный и шиферный заводы, находящиеся вблизи города и связанные с ним рельсовой и шоссейной дорогами, Атемарские трепельный и известковый заводы, расположенные в окрестностях Саранска, крупные лесные массивы Мордовии — все это обуславливает большие возможности для обеспечения промышленного и гражданского строительства местными строительными материалами.

Опоясывающие Саранск на десятки километров черноземные поля, шесть садовоягодных и плодоягодных совхозов, разместившихся вокруг города, и большой массив Инсарской заливной поймы обеспечивают для развивающегося города получение продуктов питания и промышленного сельскохозяйственного сырья на месте.

Имеются и большие резервы рабочей силы. В Мордовии только 23 % населения проживает в городах, а 77 % — в деревнях и селах.

Однако эти благоприятные условия для промышленного развития Саранска, как и всей Мордовии, длительное время использовались недостаточно.

В 40-е годы после экономического подъема предыдущего десятилетия Мордовия развивалась в промышленном отношении намного слабее в сравнении с соседними областями и автономными республиками. За время с 1940 по 1950 год объем промышленной продукции вырос по Российской Федерации на 75 процентов, по Пензенской области — на 52, по Ульяновской — на 150, Чувашской АССР — на 128, Удмуртской — на 119, Марийской — на 138, Татарской — на 245, Мордовской — на 19 процентов¹.

В начале пятидесятых годов Мордовской обком КПСС и правительство республики взяли курс на усиление ее промышленного развития. Были предприняты меры к созданию большой энергетики, базы строительных материалов. В 1950 году в Саранске образован первый промышленный строительный трест — ц 13, вслед за тем заложены новые заводы, крупная теплоэлектроцентраль. ЦК КПСС и Правительства СССР и РСФСР поддержали эту инициативу и оказали местным организациям действенную помощь. Ощущалась в это время и помощь соседей — Пензы и Куйбышева, где уже были мощные строительные организации.

Они выделяли специализированные участки и отделения для работы в Мордовии.

Дела пошли лучше, стройки развертывались, но по темпам увеличения промышленной продукции Мордовия и в это время, до 1957 года, еще отставала от соседних областей и автономных республик. За время с 1950 по 1957 год объем промышленной продукции по Пензенской области увеличился на 125 процентов, Ульяновской области — на 72, Чувашской АССР — на 101, Марийской АССР — на 96, Мордовской АССР — на 56 процентов².

Длительное отставание Мордовии в темпах промышленного развития привело к тому, что к 1957 году, ко времени создания совнархозов, она выпускала промышленной продукции в три раза меньше, чем Пензенская область, меньше Ульяновской области в два с половиной раза, меньше Чувашской АССР на одну четверть. А в 1940 году объем промышленной продукции Мордовии составлял приблизительно две трети к уровню промышленной продукции Пензенской области, приближался к уровню промышленного производства Ульяновской области и превышал почти в два раза уровень промышленного производства Чувашской АССР.

Предпринимаемые партийной организацией и правительством Мордовии энергичные меры к развитию промышленности в первой половине 50-х годов сказывались положительно. Прибавлялись строительные площадки, росли корпуса заводов. Но большой прирост промышленной продукции явился позднее, когда строящиеся заводы стали пускаться в эксплуатацию.

Наращение темпов строительства промышленности Мордовии в 50-е годы наиболее ощутимо сказывалось в Саранске. Он стал первой большой площадкой этого строительства. В Саранске создавались специализированные строительные управления и участки, куда стягивались инженеры, техники, прорабы, большие партии строительных рабочих. В первой половине 50-х годов промышленная продукция Саранска выросла более чем в полтора раза, во второй — почти в два с половиной раза. Объем промышленного производства Саранска составил к концу 50-х годов две трети всей промышленной продукции Мордовской АССР.

В 1957 году был создан Совет народного хозяйства Мордовского экономического административного района.

Решение ЦК КПСС и Советского правительства о перестройке руководства промышленным производством оказалось своевременным и необходимым. Советы народного хозяйства приблизили руководство к заводам и фабрикам, учли и пустили в действие многие неиспользованные резервы в областях и республиках, повели действенную борьбу за повышение культуры промышленного производства.

Размещение совнархоза в Саранске внесло значительное оживление в жизнь города и республики. Большая группа высококвалифицированных руководящих работников промышленности и инженеров, прибывшая из Москвы и других крупных промышленных и культурных центров страны, возглавила совнархоз. При помощи местных партийных и советских организаций совнархоз довольно быстро поднял уровень руководства промышленным производством и строительством. В Саранске был создан институт проектов, на некоторых заводах образованы новые конструкторские бюро, существовавшие ранее прорабские участки и управления, подчиненные трестам Москвы, Куйбышева и Пензы, перешли в подчинение строительных организаций Мордовского совнархоза. В городе открыты новые учебные заведения для подготовки технического персонала и квалифицированных рабочих. Все это сопровождалось притоком новых инженеров и техников. Интенсивно расширялась строительная база, оснащаясь новыми механизмами, росли новые отряды строительных рабочих, открывались новые строительные тресты и управления.

В целях создания научной базы технического прогресса организованы в Саранске два крупных научно-исследовательских института.

Научно-исследовательский институт источников света Государственного Комитета Совета Министров СССР по автоматизации и машиностроению, созданный в Саранске в конце 1958 года, является первым в стране институтом этого профиля. При интенсивно развивающихся электроламповой и светотехнической отраслях промышленности научно-исследовательский институт источников света приобретает большие возможности творческого роста. Уже теперь в этом институте плодотворно трудятся 295 сотрудников, а по мере его развития их будет до 1 300 человек. Институт будет иметь 22 научно-исследовательских лаборатории, отдел механизации, большое опытное производство, музей отечественных и зарубежных источников света.

Эта новейшая отрасль знаний вызовет к жизни множество научных трудов, диссертаций, важных открытий.

Создание в Саранске крупного центра светотехнической науки и развитие производства промышленности этого профиля открывает новые большие возможности для культурного роста города.

В начале 1958 года в Саранске при заводе «Электровыпрямитель» было организовано специальное конструкторское бюро по разработке выпрямительных устройств на основе германиевых и кремниевых вентилей.

В 1960 году на базе этого СКБ организован Мордовский научно-исследовательский электротехнический институт, в котором теперь уже трудятся 350 сотрудников, а к 1965 году их должно стать 1 400 человек. Перед Мордовским электротехническим институтом поставлены важные задачи технического прогресса — внедрение в промышленности силовых полупроводниковых вентилей.

Для успешного развития деятельности электротехнического института предусмотрено построить целый городок новых зданий, где будет организовано опытное производство, открыты научные лаборатории и кабинеты.

Деятельность научно-исследовательского электротехнического института Мордовского совнархоза плодотворно скажется на развитии промышленности с применением полупроводников не только в Мордовии, но и за ее пределами.

Во второй половине 50-х годов в Саранске стали действовать новые крупные заводы: электроламповый, кабельный, автосамосвальный, приборостроительный, экскаваторный и другие. Введены были в действие и новые предприятия местного значения: пивоваренный, молочный, хлебный заводы, мебельная, макаронная фабрики и другие.

В 1958 году пущена в действие первая, а в 1959 году вторая турбины мощной Саранской ТЭЦ ц 2. Энергетика значительно возросла и позволила с нарастающими темпами развивать промышленность города и прилегающих к нему районов.

В 1960 году завершена электрификация железнодорожного движения на линии Инза — Рузаевка — Сасово с подачей на этот участок электроэнергии от Куйбышевской ГЭС. С включением в 1961 году линии электропередачи Саранск — Рузаевка Саранские ТЭЦ ц 1 и ц 2 и подстанции Рузаевского отделения Куйбышевской железной дороги соединены с единой энергетической системой Европейской части СССР.

Электрификация железнодорожного движения на магистрали Москва — Иркутск, проходящей через район Саранска, открывает новые возможности для промышленного развития города.

В 1959 году к Саранску подошел газопровод Саратов — Горький. С 1960 года развернулись большие работы по газификации города. Саратовский газ будет использован и для благоустройства и для развития химической промышленности Саранска.

В городе уже сооружается резиновый комбинат — одно из крупнейших предприятий современной химической промышленности. Стоимость годовой промышленной продукции Саранского резинового комбината будет измеряться сотнями миллионов рублей.

В ближайшее время в Саранске будут заложены комбинат искусственного волокна и шелкоткацкий комбинат.

В черте города строится группа новых заводов светотехники, завод термоизоляционных материалов, керамзитовый завод, завод железобетонных конструкций. Расширяются завод «Электровыпрямитель», пеньковый комбинат и другие.

В ближайшее время будет заложен крупный литейный завод.

Промышленность Мордовского совнархоза дает ежегодно большие приросты продукции. В 1957 году она увеличилась на 24 процента, в 1958 — на 17. Темпы развития современной промышленности Мордовии теперь значительно выше, чем у наших соседей. В 1959 году промышленная продукция Пензенского совнархоза возросла на 14 процентов, Ульяновского — на 19, Чувашского — на 13, Мордовского — на 35³. В первом полугодии 1960 года промышленная продукция Мордовского совнархоза увеличилась на 32 процента в сравнении с объемом производства первого полугодия 1959 года⁴, по Пензенскому совнархозу — на 14 процентов⁵.

В течение семилетки промышленная продукция Мордовского совнархоза увеличится в пять раз, что открывает возможности к 1965 году в ходе социалистического соревнования догнать в промышленном отношении соседние Пензенскую и Ульяновскую области.

В 1958 году стоимость выпускаемой промышленной продукции на душу населения в Мордовии составила 180 рублей при 670 рублях по РСФСР. На 1965 год предусмотрено 800 рублей при ожидаемых 1 200 рублях по РСФСР.

Преобладающее развитие получают в Мордовии светотехническая, электро-радиотехническая и полупроводниковая отрасли промышленности, химическая и машиностроительная, ткацкая и цементная, пеньковая и сахарная.

Широко будет использовано местное сырье для изготовления цемента, шифера, бетонных конструкций, кирпича (красного, трепельного, силикатного), извести, минеральных удобрений, пеньковых изделий, мебели, сахара, консервов, мясных и молочных продуктов, растительного масла и спирта.

Удельный вес промышленного производства Саранска по отношению ко всей промышленности Мордовии поднимется с 65 до 75 процентов. Значительное промышленное развитие получают Рузаевка, Ромоданово, Ковылкино, Комсомольский и некоторые другие города и рабочие поселки Мордовии.

Современный Саранск имеет разветвленные экономические связи со многими городами и районами страны: каменный уголь поступает из Донбасса и Подмосковья, мазут — из Куйбышева, бензин — из Уфы, металлы — из Челябинска и Свердловска, шасси для самосвалов — из Горького.

Автосамосвалы идут из Саранска во все области страны и на экспорт — в Иран, Индонезию, Болгарию, Вьетнам, Гвинею, Ирак, Афганистан. Германиевые и ртутные выпрямители направляются почти во все совнархозы страны и на экспорт — в Китай, Болгарию, Корею, Вьетнам, Бразилию, Кубу, Грецию, Эфиопию, Венгрию, Румынию, Индию, Монголию и другие страны. Саранские кабели отгружаются во многие области страны и на экспорт — в Монголию, Китай, Афганистан, Румынию и другие страны. Приборостроительная продукция идет из Саранска в Татарию, Эстонию, Ленинград, подборщики — в Казахстан и на Украину, пряжа с пенькового комбината отгружается Москабелю, в Горбатов и Дзержинск, электролампы — во многие города Приволжья, Урала и Сибири, масло животное — в Москву, Горький, Пермь и Свердловск, масло растительное — в Куйбышев и Сызрань, спирт — в Свердловск, Пермь, Нижний Тагил, Омск и другие города, сыр — в Горький и

Иваново, овощные и фруктовые консервы, сгущенное молоко и зеленый горошек — в Москву, Новосибирск, Кемерово, Хабаровск и многие другие города страны.

Грузооборот железнодорожной станции Саранск с 1940 по 1960 год возрос в четыре раза, а в сравнении с грузооборотом 1912 года почти в 20 раз. В 1940 году он составил 27 миллионов пудов, в 1957 году — 86 миллионов пудов, в 1959 году превысил 100 миллионов пудов, а в 1960 рос еще интенсивнее. Среднесуточная погрузка и выгрузка в 1959 году равнялась тремстам, в 1960 достигла четырехсот вагонов. Восемь пятидесятивозонных составов обрабатывается ежедневно в Саранске. Объем погрузочно-разгрузочных работ станции Саранск составляет более 25 процентов грузооборота всего Рузаевского отделения Куйбышевской железной дороги. По грузовым операциям железнодорожная станция Саранск отнесена к категории внеклассных.

Развитие промышленного производства обусловило необходимость сооружения новой железнодорожной станции — Саранск II. В 1960 году начато строительство этой станции.

В городе развернуто большое строительство учреждений искусства, культуры и здравоохранения. В начале 1960 года отстроено здание картинной галереи, в 1961 году закончено сооружение монументального здания музыкально-драматического театра. Строятся здания для четырех средних школ, двух общеобразовательных интернатов и интерната для музыкально-одаренных детей мордовской национальности, построены новое здание кооперативного техникума, новый корпус общежития для студентов университета, строятся корпуса новых городских и детской больниц, здания для детских садов и яслей.

Саранск — университетский город. Мордовский государственный университет открыт в 1957 году на базе бывшего педагогического института. В университете 5 факультетов: историко-филологический со специальностями — история, русский язык и литература, мордовский язык и литература, иностранные языки (английский и немецкий); физико-математический со специальностями — физика, математика (факультет готовит учителей средних школ, научно-технических работников для научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий); химико-биологический со специальностями — биология, химия; сельскохозяйственный со специальностями — агрономия, зоотехния, механизация процессов сельскохозяйственного производства; инженерно-технический со специальностями — электрические машины и аппараты, диэлектрики

и полупроводники, светотехника и прожекторостроение, промышленное и гражданское строительство⁶.

При университете существует заочное отделение. При инженерно-техническом факультете — вечернее.

Мордовский государственный университет — крупное учебное заведение. При нем 39 кафедр, большая сеть лабораторий, учебное хозяйство, ботанический сад. Университетская библиотека насчитывает более четверти миллиона экземпляров книг. В университете обучается около пяти с половиной тысяч студентов. Преподавательский коллектив университета превышает двести пятьдесят человек, в числе которых 96 с учеными степенями и званиями⁷. При университете открыта аспирантура.

В университете издаются многотиражная газета, научные записки, работы научного студенческого общества.

В городе значительная сеть средних и специальных учебных заведений: индустриальный, музыкальный и кооперативный техникумы, медицинское и два технических училища, ремесленное училище, школа строительных мастеров, торговая школа, более двадцати общеобразовательных школ, семь вечерних школ рабочей молодежи, три музыкальные школы, художественная школа. В университете и других учебных заведениях города обучается свыше 30 тысяч человек.

В 1913 году в Саранске было 2 библиотеки. Теперь их 75 с книжным фондом 1 200 тыс. экз., клубных учреждений 55, киноустановок 24.

В городе находится крупная республиканская больница, три городских, глазная, психиатрическая, детская, инфекционная, четыре диспансера, две ведомственные больницы, 16 лечебных учреждений амбулаторно-поликлинического типа, два санатория. Стационарная сеть больниц города располагает 2 000 коек. В городе трудятся 400 врачей и 1 200 человек среднего медицинского персонала.

Саранск, как и другие столицы автономных республик, является не только областным городом, но и центром национальной культуры целого народа, хотя и немногочисленного. По переписи 1959 года в Советском Союзе учтено 1 285 тысяч человек мордвы⁸. Наиболее компактно мордовское население сосредоточено в Мордовской АССР, где из одного миллиона жителей 358 тысяч мордвы, т. е. около 36 процентов. Остальное мордовское население сравнительно небольшими прослойками рассредоточено во многих областях и республиках страны. На территории Мордовской АССР исторически сложилась мордовская народность. Саранск расположен на месте, где соединяются обе части мордвы — эрзя и мокша.

Со времени образования Мордовского округа в Саранске сосредоточивались и открывались вновь учреждения культуры мордовского народа.

Теперь в городе действуют Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики с большим рукописным фондом и фундаментальной библиотекой, Мордовский государственный музыкально-драматический театр, филармония, Мордовское книжное издательство. В городе издается восемь газет, в том числе две на мордовском языке. На мордовском языке выходят два общественно-политических и художественных журнала. На русском языке выходит альманах «Литературная Мордовия». В городе две крупных типографии. В картинной галерее сосредоточены произведения живописцев и скульпторов Мордовии, среди них выдающиеся творения известных мировой общественности художников С. Д. Эрзи (Нефедова) и Ф. В. Сычкова. В Мордовском краеведческом музее сосредоточены многочисленные предметы, характеризующие историю мордовского народа. В республиканском архиве хранятся многочисленные подлинные документы по истории края, отражающие жизнь мордвы в прошлом и настоящем.

В Саранске сосредоточена разветвленная сеть творческих организаций: Союз писателей, отделения Союза художников, Союза композиторов, большая группа архитекторов, отделение Союза журналистов.

В городе действуют радиостанция, телевизионная установка для местных передач, а также строится мощная ретрансляционная телевизионная станция, которая будет принимать московские передачи.

В Саранске сосредоточены основные кадры современной мордовской интеллигенции: ученые, писатели, педагоги, композиторы, художники, артисты. Многие из них пользуются заслуженным уважением населения Мордовии, а некоторые получили известность за ее пределами. Сказы Ф. И. Беззубовой, рассказы Я. М. Пинясова, повести Н. Л. Иркаева (Н. Эркая), очерки И. З. Антонова, стихи С. Е. Вечканова, переведенные на русский язык, известны широким кругам читателей страны. Картины живописцев В. Д. Хрымова, В. Д. Илюхина, М. С. Шанина получили высокие оценки зрителей на проводимых ежегодно выставках в Саранске. Значительные научные работы по истории созданы Т. Е. Купряшкиным, М. Г. Сафаргалиевым, М. В. Дорожкиным, по истории культуры Мордовии А. Л. Киселевым, А. И. Маскаевым, В. И. Беззубовым, по мордовскому языкознанию М. Е. Евсевьевым, М. Н. Коляденковым. Колхозному строительству посвящена книга М. В. Агеева, биологии — В. Н. Ржавитина, по истории

мордовской литературы созданы работы В. В. Горбуновым, Н. И. Черепкиным. Пьесы П. С. Кириллова и Г. Я. Меркушкина пользуются успехом у местного зрителя. Музыкальные исполнения Л. И. Воинова получили признание в Москве. Труды композитора Л. П. Кирюкова являют большой вклад в развитие мордовской музыкальной культуры. Новые красивые здания построены по проектам саранского архитектора С. О. Левкова. Заслуженной любовью саранской публики пользуются артисты С. И. Колганов, Р. М. Беспалова, Б. И. Карпов, М. Н. Антонова, Д. И. Еремеев, В. С. Киушкин, А. В. Яшнов. Не так давно украшением сцены Саранского театра была А. М. Бабахан (Андреева) — теперь артистка Московского Художественного академического театра.

В послевоенные годы в Саранске чаще стали проводиться большие мероприятия культурного значения. В 1952 году в городе прочитал цикл лекций на медицинские темы наш земляк — академик В. П. Филатов. В 1958 году в Саранске было проведено Всесоюзное совещание по применению полупроводников. В работе совещания приняли участие более 150 представителей от 80 организаций и учреждений страны. Среди них — работники Госплана СССР, Госплана РСФСР, институтов Академий наук СССР и Латвийской ССР, Министерства путей сообщения, Государственного Комитета Совета Министров СССР по химии, научно-исследовательских институтов и крупных электротехнических предприятий.

В 1960 году в столице Мордовии состоялось выездное заседание секретариата Союза писателей РСФСР с участием видных писателей страны Л. С. Соболева, С. В. Михалкова, А. В. Софронова и многих поэтов и прозаиков соседних областей и автономных республик.

С каждым годом повышается культурный уровень населения города. В Саранске теперь более 50 тысяч промышленных, строительных и транспортных рабочих, среди них немало рационализаторов, изобретателей, организаторов бригад коммунистического труда. На некоторых заводах, например, электроламповом, более половины рабочих имеют законченное среднее образование. В городе трудятся теперь более пяти тысяч человек, имеющих высшее образование, около четырех тысяч с незаконченным высшим, 8 с половиной тысяч со специальным средним и 14 тысяч со средним общим.

Коммунистическая партия и Советское правительство неослабно проявляют заботу о тружениках города и деревни. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные примеры растущего благосостояния населения Саранска.

В Саранске, как и в других городах страны, ежегодно ведется большое жилищное строительство. Со времени 1928 года жилой фонд города увеличился более чем в пять с половиной раз и составляет по данным на 1 января 1960 года 473 860 кв. метров⁹. Жилой фонд Саранска значительно вырос за счет коммунальных строений. Они составляют теперь две трети всего жилого фонда города.

В 1928 году в городе было 122 каменных жилых дома, преимущественно одноэтажных. На 1 января 1960 года стало 553, из них пятиэтажных 4, четырехэтажных 25, трехэтажных 51, двухэтажных 146¹⁰. Кроме того, в городе находится 230 каменных нежилых, учрежденческих зданий. Всех жилых каменных и деревянных домов в Саранске 8 500, нежилых, учрежденческих — 387.

В течение текущей семилетки жилой фонд города должен увеличиться более чем в два раза. В 1960 году введено в эксплуатацию новой жилой площади около 60 тыс. кв. метров.

Территория застройки города с 1932 года расширилась более чем в четыре раза — с 616 гектаров до 2 850. Длина улиц увеличилась почти в четыре раза и составляет теперь 250 километров.

Сооружение новых корпусов заводов, многоэтажных жилых домов, школ, учрежденческих зданий значительно изменило общий вид Саранска, придало ему черты большого города, а расширение территории застройки обусловило соединение окраин с прилегающими лесными массивами с восточной и западной сторон. В городе появились целые улицы, застроенные каменными домами. Крупными и красивыми строениями оформляются городские площади: Советская, Привокзальная и Театральная. На Советской площади сооружен величественный памятник В. И. Ленину, на Привокзальной будет поставлен высотный монумент в память трех героев-стратонавтов, один из которых, И. Д. Усыскин, проживал в Саранске.

Многие улицы города покрылись асфальтом. Протяженность улиц, имеющих твердое покрытие, теперь составляет 67 километров, из них заасфальтированных 36 километров. Протяженность асфальтовых тротуаров — 59 километров.

На месте бывшего Нижнего рынка города рассажен и выращен прекрасный парк культуры и отдыха имени А. С. Пушкина с многочисленными павильонами и аттракционами, с тенистой зеленью и фонтанами, с большим цветочным хозяйством, с красивыми входами и монументальной металлической изгородью. Площадь этого парка 14 гектаров. Много усилий в создании парка приложил

его директор Я. И. Авдошкин, работающий в этой должности более 20 лет.

Замечательным местом отдыха в городе является также второй парк — детский, выращенный на бывшей усадьбе акцизного чиновника Панчулидзева. Заново созданы скверы: Ленинский, Полежаевский, Привокзальный, Борцов революции.

Общая площадь зеленых древесных и кустарниковых насаждений в городе составляет 227 гектаров.

Саранск по праву считается одним из наиболее озелененных городов средней полосы Российской Федерации¹¹.

В Саранске два крупных хорошо благоустроенных стадиона «Спартак» и «Труд» с удобно, амфитеатрами расположенными местами для сидения, с монументально оформленными входами. Новый стадион «Труд» разместился на бывшей ипподромной площади, окруженной полукольцом теннисной зелени.

После катастрофического вымерзания в 1941 году фруктовых садов в Саранске, как и во всей Мордовии, проведены значительные восстановительные работы. На приусадебных участках города, при школах, на землях учхоза, университета, как и на некоторых свободных участках заводов, например, пенькокомбината, выращены молодые сады, вступившие в пору плодоношения. Общая площадь этих садов достигает 200 гектаров. На прилегающих к городу с западной стороны пустырях развернуто коллективное садоводство рабочих и служащих. Площадь загородных садов составляет 160 гектаров.

В старом Саранске не было водопровода и канализации. Теперь протяженность водопровода составляет 151 километр, канализации — 40.

В городе разветвленная сеть автобусных линий, по которым курсируют 184 пассажирских автобуса, действует аэропорт, недавно отстроен автовокзал для загородных сообщений. В 1961 году началось строительство троллейбусного парка.

В послевоенное время в Саранске открыты десятки новых магазинов и столовых. Торговая сеть города состоит из 126 магазинов, 99 ларьков и киосков, 7 аптек, 3 ресторанов, 37 столовых, 6 кафе, закусочных и чайных, 79 буфетов. В городе действует три рынка. На одном из них ведется строительство каменных крытых павильонов.

Современные большие, просторные и светлые магазины Саранска не похожи на старинные приземистые неблагоустроенные лавки купцов и мещан. Теперь только в одном городском универмаге 44 продавца.

С каждым годом растет розничный товарооборот города. В 1961 году он составит сумму 65 миллионов рублей¹².

Многие проблемы планировки, застройки и реконструкции Саранска разумно решены и решаются архитекторами города. Но есть и спорные вопросы, требующие обсуждения и корректив. Необходимо решительно добиваться развития архитектурной мысли в городе с тем, чтобы впредь не допускать трудно исправимых ошибок.

Много разумных проектов было внесено при застройке промышленного района в северной части города. Но теперь уже наблюдается перенасыщение этого района новыми промышленными объектами, что может создать тесноту для развития самих предприятий и перегруженность подъездов даже при условии создания железнодорожной станции Саранск II.

Явная ошибка допускается нашими проектировщиками, разрешающими строительство жилых кварталов и улиц рядом с ТЭЦ-2 или вплотную примкнутое к заводу медпрепаратов. Даже при большом старании свести к минимуму загрязнение воздуха в промышленном районе вряд ли удастся совершенно избежать этого неприятного явления. Загрязненность воздуха от заводских труб, нечистот, спускаемых в реку Инсару, испарения и запахи от промышленного сырья в этом районе чувствуются уже теперь, а когда заводы в 5 — 6 раз увеличат выпуск продукции, этот недостаток будет ощущен в большей степени. Стоит ли в зоне преобладающих ветров с направлением от рядом стоящих заводов продолжать жилищное строительство? Здравый смысл подсказывает, что не следует.

Отрадно заметить, что у проектировщиков застройки города явилась мысль прибазировать новые чистые, т. е. малозагрязняющие воздух, заводы к железнодорожной станции «Ялга», что, несомненно, создаст некоторую балансировку в размещении промышленности в городе и приблизит часть ее к местам проживания рабочих.

А как быть с заводами, в той или иной степени загрязняющими воздух, которые впредь будут привязываться в Саранске?

Считая необходимым и впредь наращивать темпы промышленного строительства в Саранске как центре сосредоточения культуры и технического прогресса Мордовской республики, следует, на наш взгляд, новые промышленные предприятия, а они несомненно будут, вынести в юго-восточный район окрестностей города, а именно к селу Монастырску, с тем, чтобы их прибазировать к главной магистрали нашего края — к электрифицированной ныне железнодорожной линии Москва — Иркутск. Эта точка примыкания (у села Монастырска) к главной железнодорожной линии отстоит от центра Саранска (от Дома Советов или нового театра) в

12 километрах, а от осуществляемой теперь постройки в южной части города завода медицинских инструментов, школы-интерната и жилых домов — в 3 — 4 километрах. Таких расстояний пугаться не следует, имея в виду, что население города в ближайшие годы удвоится. Плюсы же предлагаемого варианта неоспоримы. Нельзя в крупном городе ограничиваться одним районом размещения промышленности. Это может создать нерациональные перевозки рабочих на 10 — 15 километров.

В соседних крупных городах, например, в Пензе, промышленность развивается в двух районах — северном и южном, в Рязани — в восточном и западном.

Местность в предлагаемом для новой промышленной застройки районе вполне благоприятна — сухая, зона ветров отвечает требованиям градостроительства. Примыкание же к основной железнодорожной магистрали облегчит транспортировку сырья и топлива с Урала, из Сибири и Казахстана без захода на станцию Рузаевка и на существующую станцию Саранск, что в значительной степени предотвратит неминуемую перегрузку этих обеих станций.

При осуществлении этого варианта промышленной застройки, конфигурация города приобретает вид параллелограмма, а не вытянутого клина, суженного к югу, как теперь. Для заводов этой группы и группы, примыкающей к станции «Ялга», откроются возможности использования под жилье самой живописной и самой здоровой местности района Саранска. Это большое плато от двадцать второй школы на юг к Левженскому совхозному лесу, включая село Николаевку. Это плато с трех сторон окаймляется крупным лесным массивом, с четвертой — зеленой полосой пойменных лугов по реке Инсаре, с трех сторон защищено от ветров, а пологий юго-восточный уклон хорошо прогревается солнцем.

Здесь и должны быть, по нашему мнению, запланированы Саранские Черемушки с тем, чтобы не занимать территорию мелкими строениями, как это неудачно сделано около верхнего пригородного леса в западной части города.

Создание беспересадочного железнодорожного сообщения Саранск — Москва, Саранск — Куйбышев с устройством главного пассажирского вокзала Саранска в районе Монастырска откроет новые возможности для промышленного и культурного развития столицы Мордовской АССР. Эти ворота ей нужны. Нужен и красивый благоустроенный въезд в город с главной железнодорожной магистрали. Быть рядом с великим Сибирским путем и не выйти на него — неразумно.

При осуществлении этого варианта застройки городу должен придти на помощь совнархоз Мордовского экономического административного района.

Возможное в отдаленном будущем соединение Саранска и Рузаевки жилыми массивами и садами не должно отеснять предлагаемого варианта, ибо трехсоттысячный массив населения Саранска, который скоро появится, будет вполне загружать новую пассажирскую станцию, равно как и существующую теперь. Примыкание же основного массива Саранска к железнодорожной линии Москва — Иркутск через станцию Рузаевка вдвое удлинит его коммуникации.

Помимо того, создание Саранского вокзала в районе Монастырска обеспечит возможность выезда горожан к местам великолепного отдыха на реке Суре, где могут образоваться доступные в любое время года дачные поселки.

Могут сказать, а будут ли вновь привязываться промышленные предприятия в Саранске, не последует ли ограничение? Об этом говорить пока рано. Будут и долго еще будут строиться новые заводы и в Саранске и в районах республики.

Образование промышленного района у села Монастырска значительно облегчит и разрешение проблемы водоснабжения города. По предварительным подсчетам, к 1980 году интенсивно развивающемуся Саранску потребуются более 200 тысяч кубометров воды в сутки. Эта потребность будет удовлетворяться за счет водозабора из реки Инсары (20 тыс. м³) и водозаборов подземных вод в районе речки Пензятки (48 тыс. м³), вблизи резинового комбината (48 тыс. м³), у Покрышкина-Анненкова (50 тыс. м³) и у Монастырска (50 тыс. м³)¹³. Монастырский водозабор, как отдаленный от пензятского и резинокомбинатского более чем на 15 километров, будет самым мощным в черте Саранска и вполне обеспечит потребности нового промышленного района без ущерба для других частей города.

Предполагаемый юго-западный жилой массив Саранска, который может вместить не менее ста тысяч населения, будет значительно удобнее проектируемого северо-западного (у выезда из пригородного леса к Лямбирю), имеющего северный склон и незащищенный от ветров с холодной стороны. Этот жилой массив также необходим, но он не должен быть главным и чересчур большим, а рассчитанным только на расселение части рабочих северной группы заводов с учетом размещения остальных рабочих этих заводов в центральном жилом массиве города.

С северной стороны должна быть, на наш взгляд, определена черта ограничения города с тем, чтобы не занимать

прилегающих к речке Пензятке плодородных земель, которые в совокупности с Инсарской поймой, расширяющейся между деревней Александровкой и селом Елховкой до 3 — 4 километров, должны быть забронированы для большого овощного хозяйства города, в котором возникнет необходимость в ближайшем будущем. А естественные, природой данные южные склоны холмов в районе Елховки, обращенные к городу, должны привлечь внимание садоводов северной группы заводов, особенно резинового комбината. Это самый большой и теплый массив для садоводства в районе окрестностей Саранска, пока еще не привлечший внимание наших проектантов.

Рельеф местности — важный фактор градостроительства. Вероятно, строители Москвы выезжали далеко в окрестности города и обзоредали с разных сторон вид Кремлевского холма с тем, чтобы поставить колокольню Ивана Великого, или современные зодчие неспроста избрали место для строительства Московского университета на Ленинских горах, а проектировщики Ленинградских перспектив не иначе как за 20 — 30 километров отъезжали от них по Финскому заливу, пока не скрывалась адмиралтейская игла. В Баку, Ереване, Сухуми, на крутых холмах созданы замечательные смотровые вышки в виде скверов, памятников, кафе, откуда открываются панорамы застройки этих городов.

Мы, саранские жители, мало еще придаем значения разумному использованию рельефов местности родного города. Саранск расположен на трех террасах, которые имеют значительные уступы, обращенные к югу. Есть и холмы. Но они пока не привлекают внимание проектантов, например, довольно высокий холм в восточной части поселка Посоп, примыкающий к лесному массиву. С этого холма открывается вид по Инсарской долине на много километров к югу в направлении к Рузаевке, на север к Ромоданову. С этого холма прекрасно обзоредается вся панорама города Саранска. Не пора ли подумать о бронировании этого места для какого-то городка будущего института или техникума, а может быть, клуба или кафе с хорошим сквером для въезжающих в город с восточной стороны. Прекрасное место для обозрения промышленного пейзажа города открывается с холма Никитинской горы. Но это место, будучи пока неблагоустроенным, неприятно для глаза завершает перспективу красивой Гражданской улицы. С Красноармейской горы открывается красивый вид на Нижнюю парковую часть города, но здесь пока лежат груды мусора, свозимого уже несколько лет для засыпки обвалов. Не обсаженные до сих пор деревьями размытые рывтины оврагов, примыкающие

с южной стороны к строящейся городской больнице, нарушают единство красивого силуэта города при просмотре с Рузаевского шоссе.

Не ослабляя внимания реконструкции центра города, необходимо дальновидно, по-хозяйски предусмотреть планировку и окраин Саранска, которые как раз и отличаются живописностью холмов, примыкающих к лесным массивам.

Пригородные рощи, как естественное красивое обрамление города, желательно постоянно сохранять в высокопродуктивном состоянии.

Пойма реки Инсары, разделяющая Саранск на две части, должна быть в черте города засажена ягодными кустарниками и быть своего рода вентилятором, образующим постоянный приток чистого полевого воздуха к центру города, а не источником пыли, как теперь, когда она ежегодно вспахивается и боронится, занятая столь нерентабельными посадками картофеля, рытье которого на протяжении всей второй половины лета добавляет потоки пыли: к тому же вспашка берегов реки приводит к ее обмелению.

Много еще предстоит сделать для того, чтобы экономическое и культурное развитие столицы Мордовии шло более интенсивно.

Необходимо улучшить автомобильно-транспортные связи города с Москвой, Горьким, Ульяновском, Пензой.

Много предстоит сделать по усовершенствованию дорог, мостов и проездов внутри города.

В растущем городе возникает потребность иметь большое зеркало воды. Эту проблему предстоит в недалеком будущем решить путем расширения русла реки Инсары, а впоследствии и заимствования водных запасов из реки Суры. Путем устройства мощного водовода сурские воды возможно использовать и для промышленных нужд столицы Мордовии. Эта река в среднем течении в пятидесяти километрах от Саранска даже при крайних минимумах стока способна давать более миллиона кубометров воды в сутки¹⁴, что может удовлетворить запросы города с населением до миллиона человек.

Создание большого, просторного и чистого водоема на реке Инсаре является важной и неотложной задачей. В летнее время у берегов Инсары отдыхают и занимаются спортом десятки тысяч горожан. Здесь же всегда можно увидеть и любителей-рыболовов.

В истекшее пятилетие местные органы власти предприняли некоторые шаги к улучшению условий отдыха у реки Инсары. В районе ТЭЦ-2 построена железобетонная плотина,

что позволило значительно поднять уровень воды. А это сказывается уже и на рыбоводстве. Окунь стали по-крупнее, появились карпы, чаще стали встречаться налим и щуки. Саранская плотина — добротное, красивое и прочное сооружение. Она избавила город от ежегодных больших затрат на плотины-временки. Радуют глаз и много обещают в будущем и лесные посадки, произведенные горсоветом на пойме реки невдалеке от городской водной станции, неплохо работает и спасательная группа ДОСААФ. Но вот, пожалуй, и все, чем можно погордиться, рассуждая о благоустройстве водоема и берегов реки Инсары. Как видно, сделано пока еще немного. Поэтому нередко и приходится испытывать огорчение нашим купальщикам.

В реку Инсару, особенно в районе ниже плотины, спускаются отходы многих заводов и фабрик без необходимой очистки сточных вод. Да и выше плотины, где вода в Инсаре относительно чистая, нередко появляются мазут и другие загрязняющие ее потоки нечистот. Поэтому идут бытовые разговоры, что это, мол, вовсе не река, а грязное стоячее болото, из этого водоема ничего, мол, путного и не выйдет.

Так ли это? И виновата ли тут наша река?

В «Агроклиматическом справочнике по Мордовской АССР», изданном в Ленинграде в 1959 году, указывается: «Более крупные реки — Сура, Алатырь и Инсар — имеют хорошо разработанные долины и широкие поймы, занятые заливными лугами. Благодаря глубокому врезу долин, вскрывающему выходы грунтовых вод, эти реки летом более многоводны, чем остальные».

И действительно, в районе города в Инсару впадают шесть притоков, идущих из лесов: Тавла, Левжа, Пелелейка, Карнай, Чернейка, Саранка. Старожилы, теперь еще здравствующие, хорошо помнят, как на Инсаре в окрестностях Саранска действовало три двухпоставных водяных мельницы. А сколько было на пойме черемухи, калины, смородины, ежевики. Кустарниковые заросли предохраняли реку от наплыва тины, от иссушающей жары.

В том же справочнике указывается и длина рек Мордовии. Инсара превосходит многие реки и по протяженности (168 километров). Исса, например, короче Инсары на 29 километров, Сивинь — на 58.

Правда, Инсара не отличается быстротой течения, но для поддержания чистоты и гигиеничности воды этого течения вполне достаточно. По данным гидрометеорологической службы Мордовии, средний расход воды на Инсаре в 1960 году составил 6,21 кубометра в секунду, при

максимуме 379 кубометров и при минимуме 0,68. Следовательно, при самом тихом течении Инсара в районе Саранска проносит в сутки пять миллионов ведер воды. Ежедневное изъятие одного миллиона ведер ТЭЦ-2 не понижает уровень воды перед плотиной.

Оказывается, не река виновата, а ее охранители.

Хотелось бы пожелать исполкому Саранского горсовета осуществить неотложные и, на наш взгляд, вполне возможные мероприятия: отвести загрязненные сточные воды речки Саранки и канав, расположенных ниже ее, по левую сторону Инсары, в направлении к северу и спустить их в Никитинский овраг; спрямить нижнюю часть русла реки Тавлы (как самого большого притока Инсары) и примкнуть его к основному городскому водоему в районе Пушкинских выселок, то есть там, где Тавла впадала в Инсару при начале заведения Саранска; продумать вопрос о возможности доставки в город земснаряда, как это сделал, например, город Белгород для очистки Камышевых зарослей вершины Северного Донца; незамедлительно начать строить главные очистные сооружения канализационной сети; оборудовать пляжи в более удобных местах города; открыть лодочные прокатные станции; ввести строгую охрану берегов и не превращать их в места свалки; запретить мыть автомашины у реки Инсары; не разрешать в черте города ловлю рыбы «пауками», сетями и бреднями, разрешая рыболовам пользоваться лишь удочками. Необходимо также изучить вопрос и осуществить строительство запруд на притоках Инсары, особенно на Тавле, где возможно создать замечательный каскад водоемов, а в будущем этот каскад может соединить реку Суру с Инсарой.

Развивая работы по озеленению города, необходимо примыкающие к нему с двух сторон лесные массивы превратить в большие благоустроенные парковые зоны, а внутри города постепенно заменять менее ценные породы деревьев насаждений более красивыми и разнообразными.

Когда вы находитесь в Москве и передвигаетесь в автобусе, троллейбусе или трамвае, то постоянно слышите названия исторических мест столицы: Крымский мост, Фили, или Лефортово, Лужники, Грузинский или Армянский проезды, Неглинная, Балчук, Арбат, Болотная площадь, Шоссе Энтузиастов, Химки и множество других.

Каждое из этих названий напоминает или о важном событии истории родной страны, или о характере местности, много десятилетий уже застроенной, или о выдающемся достижении нашей современности.

Москвичи постоянно между дел как бы перелистывают книгу славной истории родного города. Эта общедоступная

и весьма полезная книга всегда на устах у жителей столицы и приезжих, что не обременяет, а радует, воспитывает людей, напоминает о чувстве патриотизма, отвлекает от обывательщины.

Да разве только в Москве так? В Киеве, Владимире, Новгороде, Горьком, как и во многих других городах нашей Родины, немало увлекательного, исторически поучительного можно услышать постоянно.

Начало подобной книги создано в советское время и в Саранске. Увековечена память поэта-земляка А. И. Полежаева, улица, где жила семья первых большевиков Саранска Будаевых, названа Большевицской, поставлены мемориальные доски на стенах домов-памятников: первого местного Совета рабочих депутатов, первого уездного комитета РСДРП(б), мобилизационного отдела Первой революционной армии Восточного фронта времен гражданской войны. Мемориальная доска напоминает о посещении нашего города великим русским писателем Л. Н. Толстым. Недавно сооружен обелиск борцам революции в сквере на Московской улице. Добротными домами застраивается переулок Кириллова, названный по имени известного мордовского поэта и драматурга.

Однако большая увлекательная и полезная книга памятных и замечательных мест более чем трехсотлетней истории Саранска еще не раскрыта и не поступила на службу воспитания трудящихся. Более того, приходится сожалеть, что некоторые памятные места предаются забвению. Триста с лишним лет существовал в Саранске исторический вал, сооруженный для укрепления юго-восточных рубежей России. В последние 7 — 8 лет он уничтожается, безвозвратно исчезают башенные основания. А почему бы не сохранить хоть небольшой кусочек этого вала и объявить его заповедным. Пока еще есть такая возможность, надо ее использовать непременно, а одной из улиц, прилегающих к этому памятнику, дать название «Сторожевая» или «Сторожевой вал».

Триста лет существовал в Саранске «Стрелецкий мост» через реку Инсару, напоминавший о скромных воинах-стрельцах, стоявших на защите пограничных рубежей России. Этого моста теперь нет. Не дано имя стрельцов ни одной из улиц в прилегающем к бывшему мосту районе застройки города. Пора подумать о сооружении нового «Стрелецкого моста» через Инсару. Он необходим в южной части города.

В Саранске существует «Поташный овраг», но мало кто из современных жителей знает о происхождении этого названия. А назван так овраг потому, что у вершины его

в прошлые времена стояли поташные заводы, продукция которых расценивалась высоко и сбывалась на заграничный рынок. Была и «Поташная улица», но теперь ее нет. Неплохо было бы одну из улиц, примыкающих в вершине этого оврага, назвать «Поташной».

В городе существовали две «Казанские улицы», примыкавшие к большому тракту Крым — Казань. Теперь Казанская улица появилась совсем в другом конце города. Была в городе, правда, давно, «Кузнечная улица», а, как известно, саранские кузнецы ковали оружие для сподвижников Степана Разина. Не мешало бы подумать и о восстановлении названия этой улицы, равно как и улицы Нижние террасы. Почему-то на бывшей Острожной (Крепостной) горе появились улицы Нагорные, на бывшем тракте Астрахань — Москва — улицы, названия которых не напоминают об этом великом пути.

Саранск — университетский город, а улицы с названием «Университетская» нет. А как бы это звучало соответственно. Нет улицы «Светотехнической», а она нужна: город становится крупным центром светотехнической промышленности.

В Саранске много еще неувековеченных домов-памятников и замечательных исторических мест. Дома-квартиры писателя А. Г. Малышкина, писательницы Н. А. Тучковой-Огаревой, писателя А. Я. Дорогойченко, бесстрашного советского стратонавта И. Д. Усыскина, художника Ф. В. Сычкова, известного русского графика В. Д. Фалилеева, академика В. П. Филатова, а пугачевские места, а квартиры, где собирались первые большевики Саранска, дом, где была провозглашена Мордовская АССР, — все это ждет увековечения.

«Мордовская дорога», «Казачье поле», «Ярмарочные ряды», «Никитинский овраг», «Инзерский острог», место первых кожевенных заводов, выгон, где проходил большой митинг дружбы солдат — башкир, русских и мордвы в 1919 году, место бывшего Саранского Кремля, место первого поселения в черте города — сельца Иваново-Богословского, речки Вирихляйка и Тавла, овраг Стрелка, Ладская дорога, Венечная гора, Малинник — все это должно быть отражено в названиях улиц, площадей, парков, скверов, домов культуры, ресторанов, гостиниц.

Через Посопский мост ежедневно проезжают тысячи людей. Но мало кто знает, что он построен в ознаменование 100-летней годовщины победоносной Отечественной войны 1812 года и что Саранский полк ополчения отправился от этого моста в многотрудный поход против наполеоновских войск. Хотя на мосту, с южной стороны, и есть надписи, поясняющие значение памятника, но они не видны

проезжому. Неплохо было бы подобные надписи вынести на видное место.

Настало время открыть большую книгу истории города для постоянного пользования народа. Это явится большим вкладом в культурное строительство столицы Мордовии.

Нет сомнения, что нерешенные вопросы будут успешно решены в ближайшем будущем.

Новая программа, принятая XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза, открывает новые грандиозные перспективы экономического и культурного развития нашей страны.

Множатся леса новостроек Саранска, растет культура столицы Мордовии. Это радует и прибавляет силы для новых свершений. В единой и дружной семье народов трудящиеся Мордовии уверенно идут к заветной цели — светлому коммунистическому обществу.

ПРИМЕЧАНИЯ*

У больших дорог

¹ См.: *Черменский П.* Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. С. 21.

² *Калачов Н.* Заметки (статистические и археологические) об Инсаре и его уезде // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. вторая, половина первая. С. 40.

³ Материалы Темниковской приказной избы, собранные А. И. Яковлевым // Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ (Мордов. науч.-исследоват. ин-т яз., лит., истории и экономики), л. 14 — 16.

⁴ См.: *Петерсон Г.* Исторические сведения о г. Инсаре и его уезде // Пенз. губерн. ведомости. 1887. № 24.

⁵ Материалы Темниковской приказной избы... л. 116.

⁶ ЦГА (Центр. гос. арх.) МАССР, ф. 100, д. 44, л. 39 — 52; ф. 171, д. 17, л. 25.

⁷ Там же, ф. 100, д. 44, л. 43 — 52.

⁸ См.: *Петерсон Г.* Исторические сведения о г. Инсаре и его уезде.

⁹ См.: *Новосельский А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948. С. 318.

¹⁰ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1951. Т. 1, ч. 2. С. 231, 263.

¹¹ ЦГА МАССР, ф. Саровского монастыря, д. 222, л. 16 — 26.

¹² Предание записано со слов старожилы с. Атемар Павла Дмитриевича Лифанова в 1949 г.

¹³ Книга письма и меры Дмитрия Пушечникова да подьячего Афанасия Костяева 132/1624, 133/1625, 134/1626 гг. Алатырского уезда // Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 479, л. 9 — 10, 32, 34.

¹⁴ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 209, л. 170 — 177.

¹⁵ Это место у Суры и поныне называется «Каменный брод».

¹⁶ Старожилы с. Сайнино Дубенского района и теперь указывают место километра в 4-х восточнее их села, где, по преданию, проходила Буртаская дорога («Буртазонь ки»).

¹⁷ Пенз. обл. арх., ф. 132, д. 4, л. 1 — 7; д. 2, л. 15.

¹⁸ ЦГА МАССР, ф. 20, д. 51, л. 34.

¹⁹ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 20/1, л. 19.

²⁰ ЦГА МАССР, л. 27.

²¹ Там же, д. 354, л. 49.

²² Цит. по: *Герасимов А.* История Саратовского края в XVI — XVIII вв. Саратов, 1923. С. 124.

²³ Там же. С. 125.

²⁴ См.: *Хвощев А.* Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922. С. 28.

* Составлены автором. Предания и воспоминания записаны им же. Записи других лиц оговорены.

- ²⁵ Там же. С. 29.
- ²⁶ См.: *Гераклитов А.* История Саратовского края... С. 130.
- ²⁷ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1. С. 228.
- ²⁸ Цит. по: *Гераклитов А.* История Саратовского края... С. 120.
- ²⁹ *Петерсон Г.* Краткий очерк достопримечательностей г. Саранска и Саранского уезда // Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1899. Вып. 4. С. 34.
- ³⁰ Автор диссертации «Восточные походы Ивана Грозного» Г. Я. Меркушкин, изучая маршрут движения полка князя Курбского на Казань, пришел к тому же выводу, что этот полк прошел через район будущего Саранска. Рукопись диссертации хранится в рукописном фонде МНИИЯЛИЭ.
- ³¹ *Калачов Н.* Указ. соч. С. 69.
- ³² См.: *Хвощев А.* Указ. соч. С. 30.
- ³³ Этот схематический чертеж сына Бориса Годунова, воспроизведенный в 1614 г. Г. Гесселем, приложен Н. Устряловым к 3-й части «Сказаний современников о Дмитрии Самозванце». СПб., 1837.
- ³⁴ ЦГА МАССР, ф. 100, д. 44, л. 43 — 52.
- ³⁵ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. С. 228 — 231; Тр. Пенз. учен. архив. комис. Пенза, 1903. Кн. 1. С. 14; ЦГАДА (Центр. гос. арх. древних актов), Белгородский стол, стб. ц 197, л. 222 — 223.
- ³⁶ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 344, л. 25.
- ³⁷ *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса, 1882. С. 30; или *Гераклитов А.* Материалы по истории мордвы. М., 1931. С. 116.
- ³⁸ Архив князя В. И. Баюшева. Казань, 1882. Т. 1, ц 51; или *Гераклитов А.* Материалы по истории мордвы. С. 22.
- ³⁹ Арзамасские поместные акты 1578 — 1618 годов / Под ред. С. Б. Веселовского. М., 1915. С. 514 — 515; или *Гераклитов А.* Материалы по истории мордвы. С. 94.
- ⁴⁰ См.: *Новосельский А.* Указ. соч. С. 155.
- ⁴¹ Там же. С. 235.
- ⁴² См.: *Перетяткович Г.* Указ. соч. С. 73.
- ⁴³ Цит. по: *Хвощев А.* Указ. соч. С. 38.
- ⁴⁴ См.: Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1. С. 102.
- ⁴⁵ *Юркин И.* Материалы для истории г. Корсуна и его слобод. Корсун, 1908. С. 16 — 17.
- ⁴⁶ *Хвощев А.* Указ. соч. С. 42.
- ⁴⁷ См.: Пензенская область. Пенза, 1939. С. 36.
- ⁴⁸ Речка Сара — левый приток реки Суры.
- ⁴⁹ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, архив. материалы XVII в., д. 259, л. 77.
- ⁵⁰ Там же, л. 84 — 85.
- ⁵¹ Материалы Темниковской приказной избы... л. 154 — 155.
- ⁵² Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. С. 29.
- ⁵³ Предание записано со слов старожилки с. Атемар, колхозника Т. Ф. Мещерякова в 1949 г.

⁵⁴ Атемарские десятины. СПб., 1898. (Рус. ист. б-ка; Т. 17).

⁵⁵ Проживающий ныне в г. Саранске Ф. П. Пакшин слышал от своего деда, что они в старину писались не Пакшины, а Свиязовы.

⁵⁶ Предание записано в с. Атемар в 1949 г. со слов потомка атемарских пушкарей 70-летнего колхозника Максима Григорьевича Марковичева.

⁵⁷ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. С. 309.

⁵⁸ Атемарские десятины. С. 145.

⁵⁹ ЦГАДА. Материалы 2-й ревизии по Саранскому уезду.

⁶⁰ ЦГАДА. Материалы генерального межевания 1782 — 89 гг. по Саранскому уезду. Экон. прим., § 38.

⁶¹ Сводка упоминаний об Атемарском уезде в документах 1640 — 80 гг. напечатана в статье И. Воронина «Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования» (Зап. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1951. ц 13. С. 189).

⁶² ЦГА МАССР, ф. 2, д. 16, л. 218.

Крепость на сторожевой черте

¹ См.: *Киришов И.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831. Кн. 2. С. 20.

² См.: *Воронин И.* Первые поселенцы Саранска // Зап. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1949. ц 11; или *Он же.* Очерки и статьи. Саранск, 1957.

³ См.: *Петерсон Г.* Краткий очерк достопримечательностей... С. 35.

⁴ ЦГАДА. Материалы генерального межевания... План города Саранска с поселенными при нем слободами (по генеральному межеванию Пензенской губернии 1782 — 89 гг.). Копия этого плана снята автором книги в 1946 г.

⁵ Там же. Экон. прим.

⁶ Пенз. епарх. ведомости. 1903. ц 7 — 8. С. 284. По монастырю называлась и ул. Ильинская (теперь Большевикская, ее часть от Советской до Коммунистической).

⁷ См.: *Масловский А.* Город Саранск (историко-статистическое описание) // Пенз. епарх. ведомости. 1880. ц 19. С. 23.

⁸ *Костомаров Н.* Сын: Рассказ из времен XVII века. СПб., 1865. С. 69.

⁹ Материалы, собранные Н. П. Руткевичем // Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 247, л. 71 — 74.

¹⁰ См.: *Перетякович Г.* Указ. соч. С. 133.

¹¹ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 803, л. 26 — 27 (из летописи Саранской Верхнеказанской церкви).

¹² Дворцовые разряды. С. 885.

¹³ *Петерсон Г.* Краткий очерк достопримечательностей... С. 34.

¹⁴ См.: *Воронин И.* Очерки и статьи.

¹⁵ ЦГА МАССР, ф. 20, д. 354, л. 48 — 49.

¹⁶ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 247, л. 71 — 74.

¹⁷ ЦГА МАССР, ф. 1, д. 7, л. 13 — 26.

¹⁸ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1939. Т. 3, ч. 1. С. 150.

¹⁹ Материалы Темниковской приказной избы... л. 154 — 155.

²⁰ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 269, л. 25 — 28.

²¹ Материалы по истории Мордовии XVII — XVIII вв., собранные С. Вернером // Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, л. 18.

²² «Сарзымкуртом» — творит. падеж. Первая часть слова заметно искажена русским писцом, вероятно, не знавшим мордовского языка.

²³ Записано со слов жителей указанных селений в 1949 г.: А. А. Шмонькина и И. В. Ермашкина — с. Ключарево, П. Н. Церковного — с. Блохино.

²⁴ Примеры приведены в статьях «Первые поселенцы Саранска» и «Язык земли» (*Воронин И.* Очерки и статьи).

²⁵ *Петерсон Г.* Краткий очерк достопримечательностей...

²⁶ Пенз. обл. арх., оп. 2, д. 4, л. 1 — 7.

²⁷ Изв. Тамбов. учен. архив. комис. 1901. Вып. 45. С. 100 — 101.

²⁸ ЦГА МАССР, ф. 2, д. 143, л. 129 — 131.

²⁹ *Масловский А.* Город Саранск... ч. 18. С. 15.

³⁰ Предание записано со слов блохинских старожилов Ф. Д. Гурова и др. в 1949 г.

³¹ Изв. Тамбов. учен. архив. комис. С. 100 — 110.

³² Предание широко распространено в Саранске. Записано со слов старожила, потомка первых поселенцев казаков г. Саранска, Ф. И. Елховикова в 1947 г.

³³ См.: *Масловский А.* Город Саранск... С. 11.

³⁴ См.: *Любимов А.* Город Саранск (исторический очерк) // Пенз. губерн. ведомости. 1898. ч. 276.

³⁵ Записано в г. Инсаре в 1948 г.

³⁶ См.: *Хвоцев А.* Указ. соч. С. 31.

³⁷ См.: Зап. МНИИЯЛИЭ. ч. 13. С. 282 — 284.

³⁸ Наиболее подробно о первоначальном заселении Саранска рассказано в статье «Первые поселенцы Саранска» (*Воронин И.* Очерки и статьи).

³⁹ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 257, л. 1 — 7.

⁴⁰ Там же. Теперь русская деревня Малая Елховка Лямбирского района.

⁴¹ См.: *Хвоцев А.* Указ. соч. С. 113.

⁴² ЦГА МАССР, д. 9, л. 314.

⁴³ Предание записано в с. Посоп в 1949 г. со слов старожила С. Г. Пескова.

⁴⁴ ЦГАДА. Материалы 1, 2 и 3-й ревизий по Саранскому уезду.

⁴⁵ ЦГАДА. Материалы генерального межевания...

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19.09.1958 г.

⁴⁸ Теперь с. Шишкеево Рузаевского района.

⁴⁹ ЦГА МАССР, д. 18, л. 230 — 231, 236.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 517, л. 11 — 12.

⁵² Там же.

- ⁵³ См.: Изв. Тамбов. учен. архив. комис.
- ⁵⁴ См.: *Воронин И.* Саранский воевода Петр Лермонт // Литературная Мордовия. Саранск, 1941. ч. 2. С. 14 — 18.
- ⁵⁵ См.: *Хвощев А.* Указ. соч.
- ⁵⁶ ЦГА МАССР, л. 224.
- ⁵⁷ Материалы первой переписи по Саранскому уезду // ЦГАДА, д. 3009, л. 520.
- ⁵⁸ Копия схематического чертежа г. Саранска и его окрестностей, вычерченного в середине XVII в., прилагается. Подлинник хранится в ЦГАДА.
- ⁵⁹ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 479, л. 14.
- ⁶⁰ См.: Атемарские десятины. С. 355.
- ⁶¹ ЦГА МАССР, д. 1, л. 410.
- ⁶² Копия этого документа снята Н. П. Руткевичем и хранится в рукописном фонде МНИИЯЛИЭ.
- ⁶³ Эти засеки имели протяженность: Атемарская — 33 версты, Инзерская — 5,5, Саранская — 9, Шишкеевская — 33,5 версты.
- ⁶⁴ Земляное основание этой башни видно позади усадьбы нового универмага.
- ⁶⁵ Земляное основание этой башни также сохраняется на валу напротив современной глазной больницы.
- ⁶⁶ См.: Дневник археологической экспедиции Центр. музея МАССР, проведенной в 1940 г., возглавляемой С. Вернером // Зап. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1946. ч. 6. С. 87.
- ⁶⁷ *Юркин И.* Указ. соч. С. 8 — 9.
- ⁶⁸ *Перетяткович Г.* Указ. соч. С. 269.
- ⁶⁹ *Зерцалов А.* Материалы по истории Симбирского края XVII — XVIII вв. Симбирск, 1900. С. 29.
- ⁷⁰ *Юркин И.* Указ. соч.
- ⁷¹ *Зерцалов А.* Указ. соч.
- ⁷² Материалы Темниковской приказной избы... л. 14 — 15.
- ⁷³ *Новосельский А.* Указ. соч. С. 318.
- ⁷⁴ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 330.
- ⁷⁵ См.: *Калачов Н.* Указ. соч. С. 55.
- ⁷⁶ *Перетяткович Г.* Указ. соч. С. 144.
- ⁷⁷ *Юркин И.* Указ. соч. С. 12.
- ⁷⁸ Пенз. обл. арх.
- ⁷⁹ ЦГАДА. Материалы генерального межевания... План Саранского уезда. По приказу пензенского губернатора в 1863 г. часть земли саранских казаков была «отдана во владение саранских мещан и цехам» (ЦГА МАССР, ф. 20, д. 354, л. 5). Эта земля находится между Никитинским и Гншльм оврагами.
- ⁸⁰ См.: *Масловский А.* Город Саранск... С. 13 — 15. Одна из указанных церквей — Рождественская — была до 1795 г. соборной.
- ⁸¹ Там же. С. 16.
- ⁸² Пенз. обл. арх., д. 2, л. 13 — 15.
- ⁸³ См.: *Масловский А.* Город Саранск... С. 17.
- ⁸⁴ Современная Советская улица до Октябрьской революции называлась Базарной, напоминая о старинном Саранском торжке — базаре.

⁸⁵ *Перетяткович Г.* Указ. соч.

⁸⁶ О старожительстве саранских казачьих пятидесятников встречаются упоминания в архивных документах начала 50-х гг. XVII столетия (Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 257, л. 1 — 7).

⁸⁷ *Костомаров Н.* Указ. соч. С. 69 — 77.

⁸⁸ Название «Переведенная слобода» встречается в материалах о постройке в этой слободе Успенской церкви: «Саранская Успенская церковь построена в „Переведенной слободе“ в 1693 г.» (К истории упраздненных монастырей Пензенской епархии // Пенз. епарх. ведомости. 1903. ц 7 — 8. С. 281). Здание Успенской церкви переоборудовано под сапожную мастерскую (ул. Красноармейская).

⁸⁹ Пенз. обл. арх., л. 15 — 21. Выпись из отказной грамоты Ивана Неклюдова да подьячего Гавриила Пичугина от 1665 г.

⁹⁰ В Посадской слободе позднее была построена Предтеченская церковь, здание которой переоборудовано в хлебозавод ц 2 (ул. Саранская).

⁹¹ Ревизские сказки по Саранскому уезду // ЦГАДА, д. 3020, л. 282 — 284.

⁹² ЦГА МАССР, ф. 15, д. 25, л. 12.

⁹³ Там же, ф. 2, д. 49, л. 179 — 182.

⁹⁴ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 257, л. 1 — 7.

⁹⁵ «В именном Московском списке, который список прислан в Саранск, во 159-м году за дьячею приписью Томила Перфильева, Семен Расстригин написан по выбору, а оклад ему помещной 40 четей... велено ему, Семену, служить по дворовому, в прежнем его помещном и денежном окладе...» (Атемарские десятины. С. 146).

⁹⁶ Дворцовые разряды. С. 278 — 279.

⁹⁷ ЦГА МАССР, ф. 99, д. 44, л. 141.

⁹⁸ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ.

⁹⁹ См.: *Хвоцев А.* Указ. соч. С. 147 — 150.

¹⁰⁰ См.: *Красовский В.* Хронологический перечень событий Симбирской губернии 1372 — 1901. Симбирск, 1901. Запись под 1651 г.

¹⁰¹ См.: *Кузьмин И.* Пензенская губерния. Пенза, 1895. С. 77.

¹⁰² Предание записано в 1949 г. со слов старожилы с. Атемар И. И. Залогова.

¹⁰³ Пенз. обл. арх. Саранский Богородицкий Казанский монастырь находился на берегу речки Саранки, там, где теперь здание инженерно-технического факультета Мордовского государственного университета, несколько южнее этого здания. Упразднен монастырь в 1764 г. Позднее здесь была Верхнеказанская церковь.

¹⁰⁴ Рукопись С. Вернера «Крестьянская война 1670 г. на территории МАССР» // Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 803, л. 10. Саранский Ильинский монастырь, переименованный в Петровский, а потом в Петропавловский, упразднен в 1918 г.

¹⁰⁵ Петровский монастырь находился в Казачьей слободе, там, где теперь северо-западный угол ул. Володарского и Коммунистической. См. планы г. Саранска 1782 — 89 гг. и 1785 г. Этот монастырь упразднен в 1764 г.

¹⁰⁶ См.: Дворцовые разряды. С. 364.

¹⁰⁷ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ.

¹⁰⁸ Материалы Саранской приказной избы XVII в. // ЦГАДА, док. 4/65.

¹⁰⁹ *Воронин И.* Саранский воевода Петр Лермонт.

¹¹⁰ *Любимов А.* Указ. соч.

¹¹¹ *Красовский В.* Прошлое города Корсуна. Симбирск, 1903. С. 10. Корсунский уезд образовался, вероятно, в 1652 г. В Холмогоров в «Материалах для истории Симбирского края» (Симбирск, 1898. С. 40) упоминает об отдельных книгах атемарца Богдана Берсенева 160 (1652) г. по Корсуну (д. Станичной), что свидетельствует об отписке некоторых селений в 1652 г. от Атемарского уезда и о приписке к вновь образованному Корсунскому уезду.

¹¹² *Веселовский С.* Сметы военных сил Московского государства 1661 — 63 гг. // Чтения в О-ве истории и древностей при Моск. ун-те. 1911. Кн. 3. С. 1 — 60.

¹¹³ 25 ноября 1666 г. по указу царя Алексея Михайловича г. Корсун и по Корсунской черте пригородки были отписаны от Саранска и переданы в ведение симбирского воеводы, «а к Саранску Корсуна и Корсунские черты ведать не велено» (*Красовский В.* Прошлое города Корсуна).

¹¹⁴ Цит. по: *Хвощев А.* Указ. соч. С. 87.

¹¹⁵ Дополнения к актам историческим. Т. 7. С. 202, 205.

¹¹⁶ Саранский уезд по реке Терешке до Волги 1686 — 87 гг. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 3, ч. 1. С. 156 — 157.

¹¹⁷ Саранский уезд на вершине реки Хопра (1696 г.). *Гераклитов А.* История Саратовского края... С. 303.

¹¹⁸ *Владимирский К.* Летопись соборной христорождественской церкви и прихода заштатного города Починок. 1885. С. 9.

Разинские сподвижники

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 21. С. 128, 221, 223.

² *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и фило-софские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 134 — 136.

³ См.: Атемарские десятины. С. 133 — 426.

⁴ См.: Саранская таможенная книга за 1692 г. Саранск, 1951. С. 69.

⁵ Цит. по: Пензенская область. С. 48.

⁶ Цит. по: *Зевакин М.* К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под руководством Разина // Зап. МНИИЯЛИЭ, ц 11. С. 206.

⁷ Цит. по: *Вернер С.* Михаил Харитонов: Очерк из истории Разин. движения на территории Мордовии // Крас. Мордовия. 1935. 22 сент.

⁸ Там же.

⁹ Там же. 23 сент.

- ¹⁰ Крестьянство и националы в революционном движении: Разинщина. М.; Л., 1931. С. 102.
- ¹¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. М., 1954. Т. 1. С. 175.
- ¹² Там же. 1957. Т. 2, ч. 1. С. 551 — 552.
- ¹³ Там же. С. 73 — 74.
- ¹⁴ См.: *Вернер С. Михаил Харитонов.*
- ¹⁵ См.: Крестьянство и националы... С. 299 — 304.
- ¹⁶ Там же. С. 28.
- ¹⁷ См.: *Вернер С. Михаил Харитонов.*
- ¹⁸ См.: Крестьянство и националы... С. 28, 62 — 63, 131, 133.
- ¹⁹ Там же. С. 86 — 88. Подробнее о Мурзе Акайке см.: *Вороши И.* Очерки и статьи. С. 138 — 143.
- ²⁰ Цит. по: Крестьянство и националы... С. 67, 125, 131.
- ²¹ См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. С. 458 — 459, 463.
- ²² Там же. С. 367, 421, 463.
- ²³ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 133.
- ²⁴ См.: Крестьянство и националы... С. 299 — 304.
- ²⁵ См.: *Вернер С. Михаил Харитонов.*
- ²⁶ Из собрания рукописей мордовского фольклориста А. И. Маскаева.

Ярмарочный торг

- ¹ *Петерсон Г.* Краткий очерк достопримечательностей... С. 33 — 49.
- ² Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И. М. Долгорукого // Чтения в О-ве истории и древностей при Моск. ун-те. 1870. Кн. 1. С. 52 — 61.
- ³ *Костомаров Н.* Указ. соч. С. 73.
- ⁴ Подлинник хранится в ЦГАДА.
- ⁵ См.: Саранская таможенная книга за 1692 г. Рукописный подлинник этой книги хранится в Московском государственном историческом музее.
- ⁶ *Ленин В. И.* Соч. 4-е изд. Т. 1. С. 83 — 84.
- ⁷ См.: Саранская таможенная книга за 1692 г. С. 66.
- ⁸ Подсчеты произведены по данным Саранской воеводской канцелярии за 1726 г. (см.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1953. Т. 3, ч. 2. С. 434 — 440).
- ⁹ См.: *Кириллов И.* Указ. соч. С. 21.
- ¹⁰ Ревизские сказки по Саранскому уезду.
- ¹¹ Пенз. обл. арх., ф. 60, д. 1493.
- ¹² См.: Тр. Пенз. учен. архив. комис. 1906. Кн. 3. С. 98 — 99.
- ¹³ Ревизские сказки по Саранскому уезду; Пенз. обл. арх.; Тр. Пенз. учен. архив. комис.
- ¹⁴ См.: *Кириллов И.* Указ. соч. С. 20.
- ¹⁵ Ревизские сказки по Саранскому уезду.
- ¹⁶ Сведения об общем составе населения Саранска даются в округленных цифрах.

¹⁷ Кириллов И. Указ. соч.

¹⁸ ЦГА МАССР, ф. 2, д. 4, л. 227.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 286, д. 300, л. 256 — 266.

²⁰ См.: *Паллас П.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1. С. 90 — 101.

²¹ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. С. 423 — 424, 429 — 430, 436, 442 — 452.

²² ЦГАДА. Материалы генерального межевания... План города Саранска. Экон. прим.

²³ ЦГАДА, л. 25 — 28.

²⁴ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 215.

²⁵ См.: Словарь географический Российского государства, собранный А. Щекатовым. М., 1807. Ч. 5. С. 752 — 755.

²⁶ См.: Пенз. губерн. ведомости. 1866. ц 29.

²⁷ ЦГА МАССР, ф. 99, д. 41, л. 111.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, д. 44, л. 137.

³⁰ См.: *Гвоздев Б.* Некоторые сведения о промышленности Пензенского края в XVIII веке. Пенза, 1925. С. 7.

³¹ См.: *Чулков М.* Историческое описание российской ком-мерции. СПб., 1781 — 1788. Т. 6, ч. 6. С. 494 — 496.

³² См.: *Добротор Н.* История г. Горького. Горький, 1947. С. 60.

Пугачевские места

¹ «Пугачевская палатка» была построена на усадьбе воеводы Каменницкого задолго до восстания Пугачева. Другие постройки воеводского двора не сохранились. «Пугачевская палатка» находится рядом с краеведческим музеем на ул. Московской (бывшая Трехсвятская), разместившимся в переоборудованном здании бывшей Трехсвятской церкви. Железное крыльцо заменено деревянным.

² Пугачевщина: Материалы по истории революц. движения в России. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 57, 78.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 300.

⁵ Цит. по: *Дубровин Н.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 3. С. 121.

⁶ Пугачевщина. 1926. Т. 1. С. 67 — 68.

⁷ *Зевакин М.* Пугачев в Саранске // Литературная Мордовия. Саранск, 1952. ц 6 (10). С. 240.

⁸ См.: Пенз. епарх. ведомости. 1892. ц 3. Часть неофиц. С. 95.

⁹ *Струкашин Г.* Пугачев в Саранске: Из преданий // Литературная Мордовия. Саранск, 1957. ц 13 (17). С. 198.

¹⁰ См.: Пенз. епарх. ведомости. ц. 95 — 96, 101.

¹¹ *Пушкин А.* История Пугачева.

¹² См.: *Петров С.* Пугачев в Пензенском крае. Пенза, 1956. С. 85.

¹³ *Зевакин М.* Пугачев в Саранске. С. 243.

¹⁴ Семик — религиозный христианский праздник, седьмой четверг от Пасхи.

¹⁵ См.: *Струкалин Г.* Указ. соч. С. 198 — 199.

¹⁶ Сводку селений Мордовии, в которых происходило движение пугачевцев, см.: *Котков К. А.* Крестьянское движение на территории Мордовии во второй половине XVIII века. Саранск, 1949. С. 134 — 138.

¹⁷ См.: *Шишков В.* Емельян Пугачев. М., 1955. Кн. 3. С. 257 — 258.

¹⁸ Бывший Ильинский, а потом Петровский монастырь был переименован в Петропавловский в 1775 г. (Пенз. епарх. ведомости. 1903. ц 7 — 8).

¹⁹ Пугачевщина. С. 56 — 57.

²⁰ *Зевакин М.* Пугачев в Саранске. С. 243 — 245.

²¹ *Пушкин А.* Соч. Л., 1938. С. 697.

²² Пугачевщина. 1929. Т. 2. С. 408.

²³ Там же. 1931. Т. 3. С. 285.

Первые очаги культуры

¹ См.: *Сацердотов М.* Древнейшие учебные заведения Пензенского края // Пенз. епарх. ведомости. 1894. ц 7.

² См.: *Остромецкий Н.* Город Саранск и его уезд при Петре Великом // Там же. 1892. ц 71.

³ См.: *Сацердотов М.* Указ. соч. ц 8.

⁴ См.: *Масловский А.* Саранский Петропавловский монастырь // Пенз. епарх. ведомости. 1882. ц 13, 14.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Самойлов Е.* Пензенский край в конце XVIII века. Пенза, 1959. С. 19, 51; *Мартьянов П.* Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898. С. 158.

⁸ ЦГА МАССР, ф. 20, д. 56, л. 4.

⁹ См.: *Масловский А.* Саранский Петропавловский монастырь.

¹⁰ ЦГА МАССР, ф. 99, д. 44, л. 137.

¹¹ Там же, ф. 20, д. 46, л. 16; д. 56, л. 35, 51 и др.

¹² См.: Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 22. С. 461 — 462.

¹³ ЦГАДА. Материалы генерального межевания... План города Саранска...

¹⁴ ЦГА МАССР, ф. 99, д. 41, л. 110 — 111.

¹⁵ См.: *Самойлов Е.* Указ. соч. С. 53.

¹⁶ ЦГА МАССР, ф. 19, д. 160, л. 102.

¹⁷ Материалы для географии и статистики России: Пензенская губерния. СПб., 1867. Ч. 2. С. 383.

¹⁸ *Тарле Е.* Книга о Лермонтове // Лит. газ. 1951. 8 дек.

¹⁹ Железобетонный мост через реку Инсару по дороге в пос. Посоп.

²⁰ Поэма А. И. Полежаева «Сашка», написанная в 1825 — 26 гг.

²¹ На ул. Гражданской, д. 38. Об этом подробнее см.: *Воронин И. А. И. Полежаев: Жизнь и творчество.* Саранск, 1954.

Живописная школа

¹ См.: Рукою Пушкина: Несобр. и неопубл. тексты. М.; Л., 1935. С. 439.

² См.: Литературная Мордовия. Саранск, 1954. и 7 (11). С. 148 — 165.

³ См.: Журнал землевладельцев. 1858. и 8, 11.

⁴ О жизни и деятельности И. А. Салова в Мордовии см.: *Воронин И.* Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1951. С. 107 — 110.

⁵ *Корнилов П.* Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. М.; Л., 1947. С. 82.

⁶ Там же. С. 30, 110, 195.

⁷ См.: Список существующих в Российской империи ярмарок. СПб., 1834. С. 236, 353.

⁸ Пенз. обл. арх., ф. 5, оп. 1, д. 2673, л. 39 — 71.

⁹ ЦГА МАССР, ф. 99, д. 41, л. 225.

¹⁰ Пенз. обл. арх., л. 39 — 40.

¹¹ ЦГА МАССР, д. 55, л. 362 — 364.

¹² См.: Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Составил почетный вольный общник ее П. Н. Петров ко дню празднования юбилея Академии. СПб., 1865. Ч. 2; 1866. Ч. 3.

¹³ Центр. гос. ист. арх. в Ленинграде, ф. 789, оп. 1, д. 114, л. 1.

¹⁴ Там же, л. 2.

¹⁵ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. 3. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ Там же. С. 175 — 176.

¹⁸ Центр. гос. ист. арх. в Ленинграде, л. 4.

¹⁹ Там же, л. 5.

²⁰ См.: *Черняк Я.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.; Л., 1933. С. 353 — 354.

²¹ См.: Звенья: Сб. материалов и док. по истории лит., искусства и обществ. мысли XIX века. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 143.

²² Там же. 1936. Т. 6. С. 367, 378.

²³ См.: *Анненков П.* Литературные воспоминания. СПб., 1909. С. 167.

²⁴ См.: Рус. мысль. 1902. Ноябрь. С. 159.

²⁵ См.: *Корнилов П.* Указ. соч. С. 78 — 83.

²⁶ ЦГА МАССР, ф. 20, д. 350 а, л. 69. Школа К. А. Макарова находилась на углу ул. Базарной (теперь Советская) и 2-й Казанской (теперь Крупской).

²⁷ ЦГА МАССР, л. 41, 45.

²⁸ Там же, оп. 2, д. 3, л. 1.

Рельсовый путь

¹ См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 13, ч. 4. Пензенская губерния. Табл. и 13.

² Там же.

³ Там же.

- ⁴ Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. М., 1852. С. 5.
- ⁵ См.: Материалы для географии и статистики России. С. 131.
- ⁶ Там же. Прил. к ч. 2.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: *Киттары М.* Карта кожевенного производства в России. СПб., 1875.
- ⁹ См.: Материалы для географии и статистики России. С. 46.
- ¹⁰ Там же. С. 47.
- ¹¹ Там же. С. 394.
- ¹² Там же. С. 53.
- ¹³ ЦГА МАССР, ф. 99, д. 76, л. 111 — 112.
- ¹⁴ О развитии махорочного производства в Саранске см.: *Воронин И.* Очерки и статьи. С. 143 — 150.
- ¹⁵ См.: Пенз. губерн. ведомости. ц 37.
- ¹⁶ См.: Материалы для географии и статистики России. С. 393 — 394.
- ¹⁷ Там же. Прил. к ч. 2.
- ¹⁸ См.: Пенз. губерн. ведомости.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: Материалы для географии и статистики России. С. 47.
- ²¹ Там же. С. 46.
- ²² См.: Историческое обозрение Нижнего Новгорода с переселенной туда Макарьевской ярмаркой. М., 1824. С. 41.
- ²³ См.: *Шатунов М.* Каким был Саранск сто лет назад // Литературная Мордовия. 1961. № 23. С. 101.
- ²⁴ См.: Ведомость конских ярмарок в России. СПб., 1869. С. 44.
- ²⁵ См.: Пенз. губерн. ведомости. 1869. ц 40.
- ²⁶ См.: Нижегородско-Казанская и Нижегородско-Сызранская железные дороги. СПб., 1869. С. 21, 35 — 36.
- ²⁷ Построен в 30-е и 40-е гг. XIX в. (ЦГА МАССР, ф. 20, д. 348, л. 128 — 129). Разобран в начале 30-х гг. нашего века. На этом месте воздвигнуты гостиницы и жилой четырехэтажный дом.
- ²⁸ См.: Материалы для географии и статистики России. Прил. к ч. 2.
- ²⁹ См.: Провинциальные воспоминания: Из записок чудака. Собрал и в порядок привел И. Селиванов. М., 1857. Т. 1 — 2; 1861. Т. 3.
- ³⁰ Подробнее о купцах и заводчиках из мордвы см.: *Воронин И.* Очерки и статьи. С. 151 — 166.
- ³¹ Пенз. губерн. ведомости. 1867. ц 48; 1871. ц 4.
- ³² См.: *Чернышевский Н.* Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 10. С. 466 — 467.
- ³³ См.: Материалы для географии и статистики России. Прил. к ч. 2.
- ³⁴ См.: *Семенов П.* Словарь Российской империи. СПб., 1873. Т. 4. С. 467.
- ³⁵ См.: Пенз. губерн. ведомости. 1873. ц 49; 1875. ц 118; 1876. ц 99, 129.

- ³⁶ Там же. 1867. ц 10; 1884. ц 42.
- ³⁷ Там же. 1852. ц 4.
- ³⁸ ЦГА МАССР, ф. 21, д. 14, л. 7.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Подробнее о жизни в Саранске писателя П. Н. Горского см.: *Воронин И.* Литературные деятели и литературные места в Мордовии. С. 78 — 83.
- ⁴¹ См.: *Масловский А.* Город Саранск... С. 30.
- ⁴² См.: *Семенов П.* Указ. соч.
- ⁴³ См.: Пенз. губерн. ведомости. 1869. ц 40.
- ⁴⁴ См.: Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 2. С. 642 — 643.
- ⁴⁵ См.: Военно-статистическое обозрение... 1851. Т. 13, ч. 1. С. 141.
- ⁴⁶ См.: *Ращин А.* Население России за сто лет. М., 1936. С. 90 — 91.
- ⁴⁷ Пенз. губерн. ведомости. 1876. ц 99.
- ⁴⁸ См.: *Урланис Б.* Рост населения в Европе. М., 1941. С. 414 — 415.
- ⁴⁹ Расчеты даны по материалам предполагавшейся к строительству железной дороги Нижний Новгород — Сызрань (см.: Нижегородско-Казанская и Нижегородско-Сызранская железные дороги. С. 21).
- ⁵⁰ *Ленин В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 486.
- ⁵¹ Пенз. губерн. ведомости. 1869. ц 33.
- ⁵² ЦГА МАССР, ф. 20, оп. 2, д. 1, л. 1; д. 3, л. 5.
- ⁵³ См.: *Масловский А.* Город Саранск... С. 29.
- ⁵⁴ ЦГА МАССР, д. 350 а.
- ⁵⁵ См.: Пенз. губерн. ведомости.
- ⁵⁶ См.: *Толстой Л.* Полн. собр. соч. М., 1938. Т. 83. С. 167 — 168.
- ⁵⁷ Цит. по: Граф Л. Н. Толстой: Воспоминания С. П. Арбузова. М., 1904. С. 51 — 52.
- ⁵⁸ См.: Нижегородско-Казанская и Нижегородско-Сызранская железные дороги.
- ⁵⁹ См.: Пенз. губерн. ведомости. 1869. ц 11; 1870. ц 11; 1873. ц 48.
- ⁶⁰ См.: *Александрова Т.* Куйбышевская область. Куйбышев, 1953. С. 159.
- ⁶¹ См.: Город Куйбышев. Куйбышев, 1957. С. 49.
- ⁶² См.: Нижегородско-Казанская и Нижегородско-Сызранская железные дороги.
- ⁶³ См.: Пенз. губерн. ведомости. 1869. ц 11.
- ⁶⁴ См.: *Воронин И.* Очерки и статьи. С. 157 — 162.
- ⁶⁵ Там же. С. 146 — 147.
- ⁶⁶ См.: Рязан. губерн. ведомости. 1891. ц 5.
- ⁶⁷ См.: Правительств. вестн. 1891. ц 164.
- ⁶⁸ См.: Новое время. 1891. ц 5384.
- ⁶⁹ См.: Рязан. губерн. ведомости. ц 22.
- ⁷⁰ ЦГА МАССР, ф. 3/20, д. 1, л. 11.
- ⁷¹ См.: Новое время. ц 5371.

- ⁷² ЦГА МАССР, л. 2, 11, 16.
⁷³ Там же, л. 9.
⁷⁴ См.: Новое время. № 5384.
⁷⁵ ЦГА МАССР, л. 16 — 17.
⁷⁶ Там же, л. 29.
⁷⁷ Там же, л. 43.
⁷⁸ Там же, л. 21, 30 — 31, 34.
⁷⁹ Там же, л. 30 — 31, 39, 45.
⁸⁰ Там же, л. 39, 43, 70, 76, 78.
⁸¹ Там же, л. 30 — 31, 38.
⁸² Там же, л. 132.
⁸³ Там же, ф. 8/75, д. 100, л. 117; ф. 3/20, д. 1, л. 144, 229 — 230.
⁸⁴ Там же, ф. 8/75, д. 100, л. 86.
⁸⁵ См.: *Мартынов П.* Указ. соч. С. 347.
⁸⁶ ЦГА МАССР, ф. 3/20, д. 1, л. 18, 129, 133.
⁸⁷ Там же, д. 24, л. 2, 8.
⁸⁸ Там же, л. 4, 12.
⁸⁹ Там же, л. 12.
⁹⁰ См.: Пензенская область. С. 125.
⁹¹ ЦГА МАССР, ф. 8/75, д. 100, л. 27; ф. 3/20, д. 1, л. 182.
⁹² Там же, ф. 3/20, д. 1, л. 182.
⁹³ Там же, ф. 8/75, д. 100, л. 27, 39, 42 — 43, 74 — 75; ф. 3/20, д. 1, л. 190 — 191.
⁹⁴ См.: Правительств. вестн. 1897. 19 марта.
⁹⁵ См.: Пензенская область.
⁹⁶ ЦГА МАССР, ф. 8/75, д. 100, л. 86.
⁹⁷ Там же, л. 76 — 77, 82 — 83.
⁹⁸ Там же, л. 84, 86 — 87, 116, 129.
⁹⁹ См.: Большая советская энциклопедия. М., 1952. Т. 12. С. 264.
¹⁰⁰ ЦГА МАССР, л. 78 — 81.
¹⁰¹ Там же, ф. 3/20, д. 1, л. 159 — 160, 233, 235, 238, 242, 249 — 250.
¹⁰² См.: Революция 1905 — 1907 гг. на территории Мордовии. Саранск, 1955. С. 34 — 35.

Революционное пробуждение

- ¹ Пенз. обл. арх., д. 7009, л. 1 — 9.
² *Кошко И.* Воспоминания губернатора. Пг., 1916. С. 174.
³ ЦГА МАССР, ф. 8/75, д. 9.
⁴ Там же, л. 10, 43 — 45.
⁵ Там же, л. 46.
⁶ Там же, ф. 3/20, д. 7, л. 237 — 240.
⁷ Там же.
⁸ Там же, ф. 8/75, д. 9, л. 6.
⁹ Там же, ф. 47, д. 1, л. 13; ф. 8/75, д. 8, л. 60, 88.
¹⁰ Там же, ф. 47, д. 1, л. 130 и др.
¹¹ Там же, ф. 8/75, д. 50, л. 47.
¹² Там же, д. 11, л. 5 — 6.

- ¹³ Там же, д. 100, л. 9 — 10, 98 — 102, 117.
- ¹⁴ Там же, д. 11, л. 15 — 23. Один из пристанционных тупиков в Саранске теперь называется Капустным.
- ¹⁵ Пенз. обл. арх., д. 6697, л. 1 — 14.
- ¹⁶ Там же, д. 6797, л. 1 — 8.
- ¹⁷ Там же, д. 6813, л. 1 — 37.
- ¹⁸ См.: Пенз. губерн. ведомости. 1897. ц 21.
- ¹⁹ См.: Крас. Мордовия. 1936. 20 июля.
- ²⁰ ЦГА МАССР, ф. 3/20, д. 4, л. 1 — 20.
- ²¹ Там же, л. 27, 40.
- ²² Пенз. обл. арх., д. 6804, л. 20 и др.
- ²³ Там же, д. 7239, л. 1 — 22.
- ²⁴ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1903. Т. 30. Пензенская губерния. С. 2, 86 — 89, 93.
- ²⁵ Там же. С. 52 — 53.
- ²⁶ ЦГА МАССР, ф. 8/75, д. 11, л. 15 — 23.
- ²⁷ Цит. по: Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905 — 1907 гг. Пенза, 1955. С. 37.
- ²⁸ Там же. С. 20, 401.
- ²⁹ *Купряшкин Т.* Революция 1905 — 1907 годов на территории Мордовской АССР. Саранск, 1942. С. 72.
- ³⁰ Революция 1905 — 1907 гг. ... С. 23.
- ³¹ Там же. С. 58.
- ³² *Купряшкин Т.* Указ. соч. С. 104.
- ³³ ЦГА МАССР, д. 13, л. 3.
- ³⁴ Там же, л. 4.
- ³⁵ Там же, л. 13 — 15.
- ³⁶ *Купряшкин Т.* Указ. соч. С. 101 — 102.
- ³⁷ См.: *Андрянов Ф.* Зарево над Рузаевкой. Саранск, 1958. С. 35.
- ³⁸ См.: Революция 1905 — 1907 гг. ... С. 186 — 187, 229.
- ³⁹ См.: *Захаркина А., Фирстов И.* Мордовия в годы трех народных революций. Саранск, 1957. С. 129.
- ⁴⁰ Революция 1905 — 1907 гг. ... С. 184.
- ⁴¹ *Воронин И., Зевакин М.* Новые данные о революционном движении в Саранске в 1905 — 1906 гг. // Крас. Мордовия. 1949. 14 окт.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ ЦГА МАССР, л. 3.
- ⁴⁹ *Цветков А.* Пензенские большевики в период первой русской революции 1905 — 1907 гг. Пенза, 1960. С. 41 — 42.
- ⁵⁰ Воспоминания Е. А. Обуховой. Записаны в 1957 г.
- ⁵¹ *Кошко И.* Указ. соч. С. 175.
- ⁵² См.: *Корсаков И.* Революционное движение крестьян в центральных и восточных районах Мордовии в годы первой русской революции // Сов. Мордовия. 1955. 29 нояб.

⁵³ См.: *Купряшкин Т.* Указ. соч. С. 144.

⁵⁴ См.: *Сафаргалиев М.* Участие мордовского народа в первой русской революции // Сов. Мордовия. 17 июля.

На путях к Октябрю

¹ ЦГА МАССР, д. 32. Здание было построено по проекту инженера П. Бенфельда и по чертежам инженера В. Н. Мещерякова.

² Теперь дом на Советской улице, в котором помещаются Саранский горком КПСС и городской Совет депутатов трудящихся. Этот дом стал историческим памятником: здесь был образован первый Саранский уездный комитет РСДРП(б), здесь была провозглашена Мордовская АССР.

³ Воспоминания бывшего служащего Саранского казначейства А. М. Краснописцева. Записаны в 1957 г.

⁴ Воспоминания старейшего каменщика М. И. Спиридонова. Записаны в 1951 г.

⁵ По заказу городской управы резчик Илья Пошлевкин изготовил для встречи полка диск с изображением герба г. Саранска и приветствия, обращенного к полку.

⁶ ЦГА МАССР, д. 50, л. 47; д. 81, л. 7 — 23; Список фабрик и заводов Российской империи / Под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1912. С. 258.

Мельницы с нефтяными двигателями принадлежали Якушеву, Романову, Цигунову, Маскинскому, Карташову; кожевенные заводы — Семину, Коровину, Сыромятникову, Цынгатову; чугуно-литейные и слесарные мастерские — И. Корнилову, С. Корнилову, Ионову, Урванцову; колбасные заведения — Белову, Гостинину; яичный торговец Бараблин был владельцем трех заводов: крахмального, сапоговального, овощесушильного.

⁷ Пенз. обл. арх., д. 7284, л. 217 — 218; ЦГА МАССР, д. 50, л. 47; Список фабрик и заводов... Ч. 2. С. 210.

⁸ Пенз. обл. арх., л. 215.

⁹ Там же, л. 218.

¹⁰ См.: *Фирстов И.* Аграрные отношения в Мордовии в годы столыпинской реакции и революционного подъема: Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1951. С. 197. Рукопись хранится в библиотеке им. В. И. Ленина. ЦГА МАССР, ф. 3/20, д. 8, л. 208. Пуд ржи в 1910 г. стоил в Саранске 70 — 75 коп.

¹¹ Теперь здесь расположен городской парк культуры и отдыха им. А. С. Пушкина.

¹² Теперь здесь городской Нижний рынок.

¹³ ЦГА МАССР, ф. 8/75, д. 60, л. 14.

¹⁴ Пенз. обл. арх., л. 214 — 226.

¹⁵ ЦГА МАССР, д. 50, л. 49 — 50.

¹⁶ Там же, д. 47, л. 24, 75, 131.

¹⁷ Там же, д. 31. Здание находится на ул. Володарского (бывшая Троицкая). В советское время к нему была произведена при-

стройка. В нем размещался строительный техникум, в 1931 г. в этом здании был открыт Мордовский агропедвуз.

¹⁸ ЦГА МАССР, д. 79, л. 27, 34; д. 50, л. 89 — 90.

¹⁹ Там же, д. 47, л. 75.

²⁰ Там же, л. 160 — 161, 184.

²¹ Там же, д. 50, л. 92.

²² Там же, д. 60, л. 1 — 7.

²³ Там же, л. 14.

²⁴ Там же, л. 7. Эти стройки намечалось разместить в конце 2-й Троицкой и 5-й Богословской улиц, где теперь пересекаются ул. Б. Хмельницкого и Димитрова.

²⁵ ЦГА МАССР, д. 47, л. 75, 131, 160 — 161.

²⁶ Там же, д. 79, л. 14 — 34.

²⁷ В 30 — 50-е гг. в этом здании помещался Мордовский гос-театр драмы.

²⁸ В советское время палатка была переоборудована, произведена пристройка. Теперь здесь помещается кинотеатр «Юность».

²⁹ Кинотеатр «Олимп» находился в нижней части города на ул. Успенской (теперь Красноармейская). Этот театр сгорел. На его месте в 30-е гг. была построена городская баня и 2.

³⁰ ЦГА МАССР, д. 51, л. 72 — 74. Кинотеатр сгорел в начале 30-х гг.

³¹ Там же, л. 75.

³² Дворянский клуб помещался в арендуемом у купца Умнова доме. Теперь этот дом занимает Министерство сельского хозяйства МАССР (ул. Советская).

³³ ЦГА МАССР, л. 96.

³⁴ Оркестр Виндавского полка был по тому времени довольно квалифицированным. Ряд исполняемых им произведений был записан на граммофонные пластинки.

³⁵ Ист. арх. в г. Москве, ф. 109, оп. 100, д. 49, л. 22 — 29.

³⁶ См.: Сборник Пензенского губернского статистического комитета. С. 33 — 49.

³⁷ Романов Н. Фашилеев В. М. Пенза, 1923. С. 27.

³⁸ См.: Коростин А. Русская литография XIX века. М., 1953. С. 63. Новый Спасский собор был построен в Саранске взамен старых двух — Спасского и Знаменского, пришедших в ветхость. Строительство нового собора длилось около 50 лет и было завершено в 1887 г. При освящении собора были архи-ерей Пензенский и Саранский, 10 тыс. человек народа, выпито 6 000 чарок вина, устроена иллюминация. Как указывалось в печати, новый саранский собор «по своей обширности, изяществу и дра-гоценности церковной утвари... мог занять одно из первых мест в среде храмов любого губернского города» (Пенз. губерн. ве-домости. 1887. и 164). Собор разобран в 1931 г.

³⁹ Пенз. обл. арх., л. 225 — 226.

⁴⁰ См.: Отчет Саранской городской управы за 1914 г. Саранск, 1915. С. 4.

⁴¹ Воспоминания Е. Л. Токаревой. Хранятся в рукописном фонде Мордовской республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина.

- ⁴² Один при винном складе, один в верхней части города и один — в нижней.
- ⁴³ ЦГА МАССР, д. 8, л. 88.
- ⁴⁴ Там же, д. 39, л. 129 — 141; д. 51, л. 86.
- ⁴⁵ Там же, л. 80, 46.
- ⁴⁶ См.: Материалы в помощь агитаторам на избирательных участках города. Саранск, 1939. С. 6.
- ⁴⁷ ЦГА МАССР, д. 9, л. 44.
- ⁴⁸ Там же, д. 60, л. 14.
- ⁴⁹ Пенз. обл. арх., д. 7274, л. 216 — 217.
- ⁵⁰ Данные взяты из материалов ЦНХУ РСФСР за 1913 г., ЦГА МАССР (ф. 47, д. 12, л. 50 — 60; ф. 8/75, д. 50, л. 47) и воспоминаний старейших рабочих. Во время сезона обработки пеньки на пенькотрепальном заводе количество рабочих доходило до 150 человек.
- ⁵¹ ЦГА МАССР, ф. 17, д. 1, л. 78.
- ⁵² Там же, ф. 47, д. 4, л. 42; ф. 8/75, д. 8, л. 150.
- ⁵³ Там же, ф. 3/12, д. 3, л. 1, 39.
- ⁵⁴ *Вернер С.* Первые Советы в Саранске // Крас. Мордовия. 1934. 4 нояб.
- ⁵⁵ *Рузавин Д., Петров С.* Мордовская АССР. Саранск, 1939. С. 9.
- ⁵⁶ *Вернер С.* Первые Советы в Саранске.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Мордов. обл. парт. арх. Воспоминания Ф. С. Каплева.
- ⁵⁹ Там же. Воспоминания С. И. Иконникова.
- ⁶⁰ Воспоминания П. Л. Иркаева записаны в с. Курилово в 1956 г.
- ⁶¹ Цит. по: *Дорожкин М.* Мордовия от февраля к Октябрю 1917 г. // Зап. МНИИЯЛИЭ. № 13. С. 12.
- ⁶² На ул. Базарной (теперь Советская) каменное двухэтажное здание вблизи Дома печати.
- ⁶³ См.: *Клюканов И.* Первый Совет рабочих депутатов в Мордовии // Сов. Мордовия. 1957. 23 июня.
- ⁶⁴ ЦГА МАССР, ф. 2, р. 398, д. 6, л. 3.
- ⁶⁵ См.: Изв. Саран. исполнит. ком. 1917. 30 марта.
- ⁶⁶ ЦГА МАССР, л. 4.
- ⁶⁷ См.: Изв. Саран. исполнит. ком.
- ⁶⁸ ЦГА МАССР, л. 12.
- ⁶⁹ Там же, ф. 8/75, д. 4, л. 1.
- ⁷⁰ Цит. по: *Вернер С.* Первые Советы в Саранске.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² См.: *Айвин Н.* Февраль в Саранске // Крас. Мордовия. 1937. 14 марта.
- ⁷³ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. 1. С. 341.
- ⁷⁴ *Рузавин Д., Петров С.* Указ. соч.
- ⁷⁵ См.: *Вернер С.* Солдаты переходят на сторону крестьян // Крас. Мордовия. 1934. 26 окт.
- ⁷⁶ Воспоминания Ф. С. Каплева.
- ⁷⁷ См.: *Вернер С.* Солдаты переходят на сторону крестьян.
- ⁷⁸ См.: *Купряшкин Т., Самаркин В.* 1917-й год в Мордовии. Саранск, 1939. С. 23 — 24.

- ⁷⁹ Там же. С. 24.
- ⁸⁰ См.: За власть Советов: Сб. воспоминаний участников борьбы за установление и укрепление сов. власти в Мордовии. Саранск, 1957.
- ⁸¹ ЦГА МАССР, ф. 3/12, д. 3, л. 3 — 5, 146.
- ⁸² *Клюканов И.* Указ. соч.
- ⁸³ ЦГА МАССР, л. 48 — 49.
- ⁸⁴ Там же, л. 12.
- ⁸⁵ См.: Профессиональное движение и деятельность союзов в Саранске. Саранск, 1919. С. 7 — 8, 20.
- ⁸⁶ ЦГА МАССР, л. 3, 5, 140.
- ⁸⁷ Изв. Саран. исполнит. ком.
- ⁸⁸ ЦГА МАССР, д. 4, л. 19.
- ⁸⁹ См.: *Дорожкин М.* Указ. соч. С. 23.
- ⁹⁰ ЦГА МАССР, л. 18.
- ⁹¹ Там же, д. 9, л. 1.
- ⁹² Там же, ф. 8/75, д. 68, л. 149.
- ⁹³ Там же, л. 192.
- ⁹⁴ Там же, л. 179.
- ⁹⁵ Ист. арх. в г. Москве.
- ⁹⁶ ЦГА МАССР, ф. 2, р. 398, д. 6, л. 88.
- ⁹⁷ Там же, ф. 8/75, д. 68, л. 328 — 329. Воспоминания Ф. С. Каплева.
- ⁹⁸ См.: Изв. Саран. исполнит. ком.
- ⁹⁹ ЦГА МАССР, л. 232; ф. 3/12, д. 4, л. 28; ф. 2, р. 398, д. 6, л. 149.
- ¹⁰⁰ Там же, ф. 8/75, д. 68, л. 329.
- ¹⁰¹ Там же, л. 232, 328.
- ¹⁰² Воспоминания Ф. С. Каплева.
- ¹⁰³ ЦГА МАССР, л. 206 — 207.
- ¹⁰⁴ Воспоминания Ф. С. Каплева.
- ¹⁰⁵ ЦГА МАССР, л. 207.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 232.
- ¹⁰⁷ Там же, л. 328 — 329.
- ¹⁰⁸ См.: Изв. Саран. исполнит. ком. ц 9, 10.
- ¹⁰⁹ ЦГА МАССР, л. 207, 232, 329.
- ¹¹⁰ Там же, л. 232.
- ¹¹¹ Там же, ф. 3/12, д. 4, л. 24.
- ¹¹² См.: Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Пенза, 1957. С. 78, 84 — 88.
- ¹¹³ *Вернер С.* Саранские эсеры аплодируют Керенскому // Крас. Мордовия. 28 окт.
- ¹¹⁴ Воспоминания Ф. С. Каплева. Автор воспоминаний указывает, что эти события произошли 3 — 4 июля. Это неточно. Точная дата — 19 июля — установлена по архивным документам.
- ¹¹⁵ ЦГА МАССР, д. 6, л. 89, 90.
- ¹¹⁶ Воспоминания Г. Е. Будаева (см.: За власть Советов. С. 17 — 18).
- ¹¹⁷ Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции... С. 148.

¹¹⁸ Там же. С. 88.

¹¹⁹ Воспоминания Ф. С. Каплева.

¹²⁰ См.: Будаев Г. Боевая дружина // Крас. Мордовия. 29 окт.

За власть Советов

¹ Арх. Мордов. обкома КПСС, ф. 327/1, д. 4, л. 6.

² Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции... С. 209.

³ Оригинал рукописи К. А. Зудилина хранится в архиве Мордовского обкома КПСС.

⁴ *Дорожкин М.* Указ. соч. С. 40.

⁵ Блокнот агитатора. Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС. 1957. ц 23. С. 47.

⁶ Арх. Мордов. обкома КПСС, л. 7.

⁷ ЦГА МАССР, л. 87.

⁸ Воспоминания Н. И. Калмыкова, записаны с его слов в 1957 г.

⁹ Справка партархива Горьковского обкома КПСС от 21 декабря 1957 г. ц 168.

¹⁰ Октябрь в Н. Новгороде и губернии: Сб. воспоминаний. Горький, 1957. С. 104 — 105, 119.

¹¹ Письмо члена КПСС с 1917 г. М. Я. Гальяновой от 31 декабря 1957 г. автору данной книги.

¹² И. К. Клюканов неточно указал имя Евдокимова и отчество Грачева.

¹³ *Дорожкин М.* Указ. соч.

¹⁴ *Шварев В.* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Пензенской губернии. Пенза, 1953. С. 68.

¹⁵ ЦГА МАССР, д. 12, л. 23.

¹⁶ Там же, л. 10. Запись от 23 июля 1917 г.; д. 6, л. 87. Запись от 21 августа 1917 г. и др.

¹⁷ См.: *Захаркина А., Фирстов И.* Мордовия в годы трех народных революций. С. 239, 248.

¹⁸ ЦГА МАССР, ф. 8/75, д. 68, л. 491.

¹⁹ Там же, д. 81, л. 5.

²⁰ Цит. по: *Рузавин Д., Петров С.* Указ. соч. С. 13.

²¹ ЦГА МАССР, ф. 3/12, д. 3, л. 93.

²² Там же.

²³ Там же, д. 12, л. 15.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 18.

²⁶ Там же, л. 24 — 26.

²⁷ Там же, ф. 8/75, д. 68, л. 461.

²⁸ Там же, ф. 2, р. 398, д. 6, л. 149, 250.

²⁹ Там же, ф. 3/12, д. 3, л. 124.

³⁰ Воспоминания К. А. Зудилина.

³¹ Хроника событий в г. Саранске и уезде в 1917 и 1918 гг., составленная Г. Е. Будаевым // Арх. Мордов. обкома КПСС, д. 23, л. 1 — 2.

³² Теперь Мордовская улица.

³³ Хроника событий в г. Саранске и уезде...

³⁴ ЦГА МАССР, д. 6, л. 94; д. 3, л. 136.

³⁵ Там же, д. 3, л. 128; д. 6, л. 93.

³⁶ Подлинник протокола этого собрания хранится в архиве Мордовского обкома КПСС (д. 1, л. 4 — 7). О введении в уком Евдокимова и Зудилина см.: ЦГА МАССР, д. 6, л. 92.

³⁷ ЦГА МАССР, ф. 169, д. 98, л. 15, 30; д. 292, л. 19 — 21.

В феврале 1919 г. Ф. С. Каплев был исключен из партии за принадлежность к меньшевикам до Октябрьской революции (см.: Саран. изв. 1919. 20 февр.). Но после детального изучения этого вопроса был восстановлен и в июле 1919 г. вновь избран председателем укома партии большевиков (см.: Саран. правда. 1919. 30 июля).

³⁸ Цит. по: *Вернер С.* Вся власть Советам // Крас. Мордовия. 5 нояб.

³⁹ ЦГА МАССР, ф. 3/12, д. 9, л. 161; ф. 37, д. 31, л. 1, 13, 17, 32, 38, 42.

⁴⁰ Арх. Мордов. обкома КПСС, д. 4, л. 10 — 11.

⁴¹ Воспоминания бывшего в то время уездным комиссаром юстиции Е. З. Козолупова и бывшего начальника уездной милиции И. Т. Сергеева. Записаны в 1957 г.

⁴² Воспоминания И. Т. Сергеева // ЦГА МАССР, ф. 3/12, д. 9, л. 161.

⁴³ Арх. Мордов. обкома КПСС, д. 34, л. 3.

⁴⁴ ЦГА МАССР, ф. 37, д. 13, л. 5.

⁴⁵ Более подробно о деятельности А. Г. Малышкина в Саранске см.: *Воронин И.* Литературные деятели и литературные места в Мордовии.

⁴⁶ См.: Профессиональное движение... С. 15.

⁴⁷ См.: *Попов Ф.* Чехословацкий мятеж и самарская учредилка. Куйбышев, 1937. С. 76.

⁴⁸ Н. И. Козлов — мордвин из с. Кочкурова Саранского уезда, бывший левый эсер саранской организации, ставший к этому времени большевиком.

⁴⁹ См.: *Козлов Н.* Тревожные дни: Воспоминания о чехословацком мятеже. Пенза, 1928. С. 20.

⁵⁰ Хроника событий в г. Саранске и уезде...

⁵¹ Цит. по: *Рузавин Д., Петров С.* Указ. соч. С. 19.

⁵² См.: Отчет мобилизационного отдела 1-й революционной армии Восточного фронта о деятельности по проведению мобилизации людей и лошадей в Симбирской губернии и о формировании и пополнении войсковых частей, учреждений и заведений 1-й армии за время с 15 августа 1918 г. по 1 мая 1919 г. Саранск, 1919. С. 3 — 4.

⁵³ Как те, так и другие деревянные бараки располагались на северной окраине города, в районе теперешних республиканской больницы и завода «Электровыпрямитель».

⁵⁴ Моботдел находился в бывшем помещении общества взаимного кредита (Арх. Сов. Армии, ф. 157, оп. 3, д. 1088, л. 230) на Базарной (теперь Советская) улице в доме Бараблина.

⁵⁵ Отчет мобилизационного отдела... С. 44 — 45.

⁵⁶ Там же. С. 24.

⁵⁷ Более подробно об этом событии см.: Сов. Мордовия. 1951. 26 авг. 2 октября 1920 г. на месте погребения продармейцев открыт памятник. 26 августа 1951 г. их останки были перенесены и захоронены в сквере около краеведческого музея, где сооружен новый обелиск.

⁵⁸ *Раимов Р.* Образование Башкирской АССР. М., 1952. С. 277.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Гольцев В.* Командарм Миронов // Неделя (воскрес. прил. к газ. «Известия»). 1961. ц 22. С. 18 — 19.

⁶¹ См.: *Рузавин Д., Петров С.* Указ. соч. С. 22.

⁶² ЦГА МАССР, ф. 16, д. 3, л. 267.

⁶³ См.: Блокнот агитатора. Дек. С. 47.

⁶⁴ Более подробно об этом см.: *Воронин И.* Как создавалась, росла и работала комсомольская организация Мордовии // Крас. Мордовия. 1948. 24 окт.

⁶⁵ См.: Профессиональное движение... С. 10.

Центр Советской Мордовии

¹ См.: Проект административно-экономического районирования Пензенской губернии. Описание районов. Пенза, 1924; Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Самара, 1925. Вып. 2. Пензенский и Саранский округи.

² Протокол заседания Саранского 8-го уездного съезда Советов. Саранск, 1922. С. 51 — 52.

³ См.: Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. С. 295.

⁴ Там же. С. 294.

⁵ См.: *Бор М.* Развитие социалистической промышленности Мордовской АССР. Саранск, 1941. С. 12.

⁶ Центр. арх. Октябр. революции, ф. 5677, оп. 5, д. 235, л. 28 — 29.

⁷ См.: *Бор М.* Указ. соч. С. 12.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1959. С. 368.

¹¹ См.: Хозяйство и бюджет Пензенской губернии. Пенза, 1925. С. 105.

¹² См.: *Бор М.* Указ. соч.

¹³ Центр. арх. Октябр. революции, оп. 3, д. 180 — 181, л. 1 — 7, 28, 107, 162; оп. 5, д. 230, л. 4, 6 — 7, 9; оп. 9, д. 150, л. 11, 24 — 26, 30 — 31, 34, 37.

¹⁴ ЦГА МАССР, ф. 184, д. 3, л. 155.

¹⁵ См.: *Бор М.* Указ. соч. С. 15.

¹⁶ Центр. арх. Октябр. революции, оп. 5, д. 235, л. 42.

¹⁷ ЦГА МАССР, л. 109.

¹⁸ Пенз. обл. арх., ф. 2, д. 4051, л. 7.

¹⁹ ЦГА МАССР, л. 132.

²⁰ Там же.

- ²¹ Там же, л. 116, 124 — 125.
- ²² Там же, л. 131.
- ²³ Там же, л. 147, 152, 159.
- ²⁴ Там же, л. 129.
- ²⁵ См.: *Воронин И.* Литературные деятели и литературные места в Мордовии. С. 167.
- ²⁶ См.: Они были первыми. Саранск, 1958. С. 67.
- ²⁷ ЦГА МАССР, л. 162.
- ²⁸ Центр. арх. Октябр. революции, оп. 9, д. 376, л. 11, 16.
- ²⁹ См.: Завод и пашня. 1928. 2, 7 июня.
- ³⁰ См.: *Коновалов М.* Описание города Саранска // Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. С. 293 — 295.
- ³¹ См.: Завод и пашня. 16 июня.
- ³² См.: *Коновалов М.* Указ. соч. С. 293.
- ³³ См.: Мордовский округ. Саранск, 1929. Прил., табл. ц 6.
- ³⁴ См.: *Коновалов М.* Указ. соч. С. 292.
- ³⁵ Пенз. обл. арх., л. 1 — 24.
- ³⁶ См.: Завод и пашня. 23 июня; 2, 27 окт.
- ³⁷ Там же. 16 июня.
- ³⁸ См.: *Васькин И.* Национальное возрождение мордовского народа. Саранск, 1956; *Беззубов В.* Живые страницы истории // Сов. Мордовия. 1960. 4 янв.
- ³⁹ ЦГА МАССР, л. 128 — 129.
- ⁴⁰ Там же, д. 28, л. 13.
- ⁴¹ См.: Мордовский округ. Табл. ц 5.
- ⁴² Стенографический отчет первого областного совещания работников среди нацменьшинств Средне-Волжской области от 15 — 19 ноября 1928 г., машинопись. С. 36 — 37 (хранится в ЦГА МАССР).
- ⁴³ Центр. арх. Октябр. революции, ф. 130, оп. 13, д. 42, л. 1 — 2.
- ⁴⁴ См.: Мордовская АССР: Адм.-территор. деление. Саранск, 1941. С. 109.
- ⁴⁵ Там же. С. 104 — 105.
- ⁴⁶ Пенз. обл. арх., л. 7.
- ⁴⁷ Основные показатели развития хозяйства и культуры города Саранска (хранятся в инспектуре гос. статистики г. Саранска).
- ⁴⁸ См.: *Бор М.* Указ. соч. С. 40.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: *Семенов О.* Электрификация Мордовии. Саранск, 1960. С. 11.
- ⁵¹ См.: *Самохвалов И.* Мордовское искусство и народное творчество в годы Советской власти. Саранск, 1949. С. 17.
- ⁵² См.: *Киселев А.* Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959. С. 247 — 248.
- ⁵³ См.: Крас. Мордовия. 1940. 1 окт.
- ⁵⁴ ЦГА МАССР, ф. р. 228, д. 470, л. 38 — 40.
- ⁵⁵ См.: *Моллин Н.* Мордовия в начальный период Великой Отечественной войны // Учен. зап. Мордов. гос. ун-та. Саранск, 1959. ц 9. С. 20.

⁵⁶ См.: *Руткевич Н.* Славные сыны Мордовии на фронтах Отечественной войны. Саранск, 1946; *Глазунов Д.* Комсомол Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Саранск, 1957.

⁵⁷ См.: Молодой ленинец. 1959. 3 апр.

⁵⁸ См.: Крас. Мордовия. 1943. 16 мая; 1944. 7, 19 апр.

В лесах новостроек

¹ См.: Народное хозяйство РСФСР: Стат. сб. М., 1957. С. 109 — 111.

² Там же. С. 112 — 113.

³ См.: Сов. Россия. 1960. 23 янв.

⁴ См.: *Веселовский Е.* Большими шагами семилетки // Сов. Мордовия. 1960. 19 июля.

⁵ См.: Пенз. правда. 1960. 21 июля.

⁶ См.: Сов. Мордовия. 1960. 12 мая.

⁷ Рукописный фонд Мордовского государственного университета, д. 1, л. 3 — 4.

⁸ См.: Сов. Россия. 1960. 4 февр.

⁹ Ведомости учета государственного и индивидуального жилого фонда по г. Саранску на 1 января 1960 г. (хранятся в делах Саранского горисполкома).

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Сов. Россия. 2 сент.

¹² Паспорт торгового отдела Саранского горисполкома.

¹³ Сведения о водозаборах получены от Мордовской геолого-разведочной партии Средне-Волжского управления Главгеологии РСФСР.

¹⁴ Подсчеты сделаны по: Агроклиматический справочник по Мордовской АССР. Л., 1959. С. 100.

**САРАНСКАЯ
ЖИВОПИСНАЯ
ШКОЛА**

ЗАЧАТКИ ОБРАЗОВАННОСТИ

Саранская живописная школа открылась в пушкинское время. Она плодотворно действовала в 1828 — 1854 годах. Это была пора больших свершений во всех сферах русского искусства. Было чем вдохновляться, кому завидовать, подражать и у кого учиться. Литературно-художественное дело украшали А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, в публицистике выступали А. И. Герцен и Н. П. Огарев, в музыке — М. И. Глинка и А. Н. Верстовский, в живописи — К. П. Брюллов и А. Г. Венецианов.

В то время печатались первые издания «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, Москва и Петербург обновлялись творениями великих зодчих, в столичных театрах выступали многие корифеи русской сцены.

И все это рождалось и развивалось в обстановке непрекращающейся борьбы передовых людей России против самодержавия и крепостничества. В освободительном движении действовали кружки и общества братьев Критских, Сунгурова, Станкевича. Уничтожение крепостного права было заветной мечтой В. Г. Белинского и А. И. Полежаева.

Растущие потребности государства, пробуждение общественной мысли обусловили создание школ и университетов и в провинции. В XVIII столетии в России был только один университетский город — Москва. Первая четверть XIX века ознаменовалась открытием университетов в Петербурге, Казани, Харькове, преобразованием в Дерпте (Юрьеве, Тарту), Вильне, а вслед за тем основанием в Киеве. Действовали лицей — Царскосельский, Нежинский, Демидовский. Во второй четверти в Петербурге появились технические высшие учебные заведения: институты технологический, путей сообщения, гражданских инженеров¹. В 1836 году в Российской империи числилась по Министерству просвещения 661 школа, из них существовавших при Екатерине II — всего лишь 63².

Профессор В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» замечает: «В XVIII веке у нас были отдельные специальные, реже — общеобразовательные учебные заведения, но не согласованные друг с другом, не связанные ни во что целое. План системы народного образования вы-

работан был в конце царствования Екатерины: в 1782 году был учрежден Комитет народных училищ, который и проектировал открыть целую систему народно-учебных заведений. В уездных городах предположено было открыть малые главные училища, двухклассные, в губернских городах — главные, четырехклассные, в некоторых городах проектированы были университеты как руководители этих главных и малых народных училищ. По недостатку денежных средств план екатерининского Комитета училищ остался почти весь только на бумаге.

Возникшее в 1802 году Министерство народного просвещения, пересмотрев и развив этот план, осуществило его: малые народные училища были превращены в уездные, а главные — в губернские гимназии. Те и другие получили уставы, учебные планы и казенное содержание, на средства местных обществ открывались еще приходские училища...»³.

Следует учесть, что для столь огромной страны указанная сеть учебных заведений представлялась крайне недостаточной. К тому же как начальные училища, так и уездные и гимназии были весьма малочисленны и материально плохо обеспечены. Так, в Саранском народном училище в 1814 году обучалось всего лишь 8 учеников: 6 — в первом и 2 — во втором классах⁴.

Показательны также сведения о книжном фонде библиотеки Саранского приходского училища. В 1849 году в хранилище этой школы насчитывалось всего лишь 8 названий книг в количестве 21 экземпляра⁵. Столь же малочисленны и плохо обеспечены были и домашние, или private (частные), школы Саранска⁶, как и других уездных городов России.

Все это лишь первые шаги, зачатки образованности русского народа, по выражению А. И. Герцена, «ячейки-зародыши, едва заметные, едва существующие», но они будили мысль, звали к борьбе, к творчеству, к пониманию красоты.

Выход России на мировую арену, блестящие победы в Отечественной войне 1812 — 1814 годов, как и выступление славных сынов Отечества 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, способствовали росту самосознания не только в высших сферах русского общества, но и в среде крепостного крестьянства, и сказалось это сознание в первых проблесках сельской образованности, а равно и в приобщении некоторой части деревенского населения к различным отраслям искусства.

В прежние времена в профессиональном искусстве, как и в литературе, выступали преимущественно дворяне и

разночинцы. В первой половине XIX века в этих сферах заметно проявляют себя и крестьянские таланты. Выходцами из среды крепостного сословия были в театре М. С. Щепкин, в музыкальном творчестве А. Л. Гурилев, в живописи и литературе Т. Г. Шевченко. Это широко известные имена, а сколько их менее известных, полузабытых и забытых. Только Арзамасская школа живописи (1802 — 1862) академика А. В. Ступина выпустила 88⁷ художников, вышедших из среды крепостных или дворовых крестьян.

Некоторым наиболее образованным русским дворянам было свойственно стремление стать на уровень европейской культуры. Еще во второй половине XVIII столетия и тем паче в первой половине XIX их поместья становятся своего рода культурными центрами. Возникают усадебные типографии, крепостные оркестры и театры, появляются красиво, со вкусом архитектурно оформленные здания, как светские, так и церковные, создаются группы рукодельниц, ковровые фабрики.

Этот процесс нетрудно проследить, просматривая страницы истории Мордовской АССР, как и любого из соседних краев нашей страны. Мы назовем здесь лишь некоторые из подобных заведений в прилегающих к Саранску районах.

В селе Рузаевке Саранского (потом Шишкеевского и затем Инсарского) уезда во второй половине XVIII столетия действовала знаменитая типография помещика Н. Е. Струйского, в которой и наборщиками и печатниками были крепостные крестьяне этого владельца, из их среды вышел и талантливый художник-живописец А. Ф. Зяблов⁸.

Довольно известным был для своего времени оркестр, действовавший в первой четверти XIX столетия в селе Старое Акшино Инсарского уезда, принадлежавшем помещику Платону Богдановичу Огареву. Крепостной капельмейстер этого оркестра Василий Иванович Немвродов некоторое время обучал музыке сына владельца — будущего поэта Николая Платоновича, считавшего своего учителя «человеком далеко не бездарным»⁹.

Огаревский оркестр был не единственным в округе. Набрасывая картины Саранской ярмарки 1813 года, И. М. Долгорукий замечает: «Музыки в городе (Саранске. — *И. В.*) много. Г. Шувалов давал завтрак, на котором играли духовые музыканты отставного мореходца контрадмирала Тимашева, известного особенно потому, что ему принадлежал славный Карла, на которого вся Москва некогда любовалась, и даже ко двору за редкость его возили... Видел старую знакомую госпожу Мосолову, с которой в старину играл я Пандольера; она отдала дочь замуж за приятного молодого человека, который также привозил

свою музыку; и так ни за скрипками, ни за валторнами дело не стало...»¹⁰.

Довольно многочисленны были в округе дворянские особняки и церковные здания народной архитектуры. Для примера можно назвать усадебный замок потомков думного дьяка Полянских в пригородном селе Макаровке и церковь Ивана Богослова в этом же селе, построенную в 1704 году. В селе Мачкасах (Саранский уезд), этих же владельцев, еще в XVIII столетии действовала ковровая фабрика под управлением макаровской крепостной крестьянки Анны Ипполитовой¹¹.

Была и еще сфера применения зачатков крестьянской грамотности в конце XVIII и первой половине XIX столетия. Ею успешно пользовались получившие домашнее образование управляющие помещичьими имениями или крепостными фабриками и заводами. Это относится преимущественно к крупным хозяйствам, где было широкое поле деятельности, или к имениям, владельцы которых постоянно проживали в Петербурге или Москве.

Вспомним М. И. Калашникова, крепостного человека, управляющего болдинскими имениями Пушкиных (Лукояновский и Сергачский уезды)¹², сотника Савина Прокофьева с Тальской писчебумажной фабрики Н. П. Огарева и И. И. Маршева (Карсунский уезд)¹³, управляющего покрышинской вотчиной Струйских (Саранский уезд) Михаила Вольнова¹⁴.

Эти, как и им подобные, сельские грамотеи-самоучки отличались большой предприимчивостью, умением вести порученное дело, универсальными по тому времени знаниями. Их рапорты, отписки и отчеты нередко показывают природный ум, умение стать незаменимыми в глазах своих повелителей помещиков.

Из этой среды крепостных сельских грамотеев вышел и основатель Саранской живописной школы Кузьма Александрович Макаров. Его отец был старостой в имении помещика Горихвостова (Пензенский уезд), а старший брат его Петр Александрович Макаров, будучи уже отпущенным на волю, много лет управлял имением у богатого помещика (пензенского губернатора Ф. П. Лубяновского)¹⁵.

Разумеется, и домашние школы в сельской местности, устраиваемые помещиками для обучения крепостной администрации, были в то время редкостью, островками среди безбрежного моря неграмотности и темноты. Да и те, которые действовали, имели весьма малочисленные группы учеников и мало подготовленных учителей (из отставных солдат, духовенства, самоучек-дворовых).

Так обстояло дело в русских селениях. И еще меньше образованности было в нерусских, в том числе в мордовских.

Мордва в большинстве своем не была крепостной. Мордовские крестьяне числились ясачными, государственными. Лишь некоторые селения, как, например, Малое Маресево (Саранского уезда), или Колопино (Краснослободского), или Инелей (Ардатовского), принадлежали помещикам¹⁶, да и то в позднейшие времена. Поэтому стародавних усадебных (и худых и добрых) традиций в мордовских селениях почти не было.

Это не значит, однако, что мордва не имела художественных интересов. Совсем нет. Мы уже писали в свое время, что мордвина, как лесные жители, имели давние традиции художественной резьбы по дереву¹⁷, что блестяще унаследовал и развил знаменитый скульптор из мордвы Степан Дмитриевич Нефедов (Эрзя).

Вероятно, не менее давнее искусство мордвы и художественно оформлять «медь пари» — кадушки для меда. Это искусство связано с исконным промыслом мордвы борничеством — добыванием меда диких пчел в местных лесах.

А столь широко применяемые у мордвы так называемые знамена¹⁸ (заячьи уши, беличьи лапы, лисьи глаза) и их использование как мет для деревьев и для загонов земли свидетельствуют не только о лесных навыках мордовских племен, но и переходе их еще в далекие времена к оседлой земледельческой жизни.

К середине XVIII столетия у мордвы завершилась христианизация, начавшаяся намного раньше в западных районах, расположенных ближе к Москве и Рязани, и сравнительно поздно дошедшая до районов восточных.

И здесь, в Присурских и Приалатырских районах, во второй половине XVIII и первой XIX столетия во многих мордовских селениях происходило строительство церковных зданий и возникали новые потребности в иконописании, а следовательно, и новые заказы для местных русских живописцев, которые, пребывая в мордовских селах, знакомились с их обитателями и знакомили местное население с основами живописного искусства.

Так в русско-мордовском крае создавалась обстановка, способствовавшая пробуждению художественных вкусов и возникновению потребностей в развитии изобразительного искусства, которое и началось с появления иконописных мастерских, а затем выразилось и в создании профессиональных школ живописи, вначале в Арзамасе, потом в Саранске и затем в Пензе.

СВЕТ ИЗ АРЗАМАСА

Почему мы выставили такое заглавие? Об Арзамасе написано много и худого и доброго. И то и другое заслуживает внимания. Но весьма прогрессивное в просветительном отношении значение этого города для второй половины позапрошлого и первой прошлого столетия освещается в наше время явно недостаточно.

Многочисленные печатные высказывания об Арзамасе относятся преимущественно ко второй половине XIX и к началу XX столетия, т. е. к тому времени, когда утратились многие достоинства этого культурного и экономического центра и его прошлое кое-кому из историков и литераторов представлялось столь же мало увлекательным, как и современность городка Окурова.

Для того чтобы наглядно представить появление в этом провинциальном городе заметных очагов русской народной культуры еще в дореформенное время, следует обратиться к его истории.

Культурное развитие Арзамаса и, в частности, деятельность знаменитой Арзамасской школы живописи во главе с академиком А. В. Ступиным обуславливалось экономическим ростом города, воспользовавшегося выгодным месторасположением.

«Золотой век» Арзамаса относится к тому времени, когда среди средств сообщения главенствовали гужевые тракты, т. е. до постройки железных дорог и развития волжского пароходства.

В 1969 году в Горьком вышла книга «Города нашей области». В ней, в отличие от преобладающих обычно весьма скромных характеристик Арзамаса, дана развернутая, а вместе с тем и верная картина его торгово-промышленной жизни в годы наибольшего подъема.

«Расширение территории Российского государства и последовавшее за этим развитие торговых связей между центром и окраинами оказало большое влияние на дальнейшую судьбу Арзамаса. К концу XVIII — началу XIX века он становится крупным торгово-транспортным узлом страны...

Выгодное транспортное положение Арзамаса способствовало развитию торговли. Сотни купцов разъезжали по окрестным и отдаленным базарам и дальним районам, скупая и продавая различное сырье и товары. Так, скупка скота производилась в степных районах Оренбурга, Уральска, Нижнего Дона и т. д. Большинство арзамасских купцов вели

торговлю многими товарами (о каком-нибудь из этих „универсалов“ говорили, что „он ста товарам цену знает“). Но главными статьями торговли были кожа, скот, пушнина, хлеб, сало, холст. Торговля достигала такого размаха, что в руках арзамасских купцов находилась вся правобережная половина Нижегородской губернии, север Тамбовской и Пензенской, а также запад Симбирской. В частности, льняного семени и масла сюда свозилось столько, что от цен на них здесь зависели и цены во всей России. Значительная доля товаров отправлялась в Москву, Петербург и даже за границу.

Развивается Арзамас и как центр ремесленного производства, став заметным в стране местом по обработке животных, продуктов (меховое, кожевенное, валяльно-войлочное, салотопленное и др.). В середине XIX века их здесь обрабатывалось на сумму более миллиона рублей в год¹.

По данным 80-х годов позапрошлого столетия, в Арзамасе было 165 ямщиков².

Первым, кто ввел рубрику «золотой век» Арзамаса (1775 — 1850 гг.), в научный обиход и довольно колоритно обосновал ее, был историк этого города, арзамасский купеческий сын Н. М. Щегольков. В своей роскошно изданной, но содержащей явно устаревшие концепции книге «Исторические сведения о городе Арзамасе»³ он писал:

Город Арзамас «расположен был на перепутье, при соединении нескольких важных больших дорог. Большой Московский почтовый тракт, шедший через Владимир и Муром, в Арзамасе разделялся надвое: одна дорога шла прямо на юг, через Саранск, на Пензу и Саратов и была известна под именем Большого Саратовского тракта; другая, под именем Симбирской, — шла на юго-восток, на гг. Симбирск, Оренбург и Уральск. По этим дорогам ехали в каретах в свои черноземные саратовские, пензенские и симбирские имения пышные московские бары, в начале зимы они же возвращались в теплых возках в столицы, тут же тянулись в зимнюю пору нескончаемые обозы с уральской и астраханской рыбой и икрой. Огромных белуг везли часто по одной штуке на паре... А из Москвы той же дорогой везли всякие московские и заграничные товары. Летом перед Нижегородской, а до 1817 года перед Макарьевской ярмаркой с июня месяца начиналось непрерывное движение товаров и торговцев на ярмарку... Тогда через Арзамас ехали на ярмарку персияне, армяне, грузины, казаки с Дона и жители украинских городов. С Дона шел тракт через Темников и Тамбов, а из Украины и Малороссии через Шацк. На Нижний из Арзамаса шел почтовый

тракт, до Макарьева также была большая дорога, которая в 75 верстах от Арзамаса разделялась в с. Большом Мурашкине надвое: одна вела в Макарьев, а другая поворачивала через Княгинин на Казань, по ней же ехали и в Сибирь. Всех трактов соединялось в Арзамасе 10»⁴.

Это большое по тем временам движение обусловило развитие в Арзамасе каретного, шорного, кузнечного ремесел. В городе действовало более 120 постоянных дворов.

«Весьма обширной отраслью Арзамасской торговли, — читаем мы далее у Щеголькова, — было меховое производство, ведущее свое начало... от новгородцев, переселенных в Арзамас Иваном Грозным. Главным предметом меховой торговли в Арзамасе была зайчина. Ее ежегодно в самом городе и пригородных селениях выделывалось не менее 2 000 000 штук... Кроме заячьих в Арзамасе выделывались меха лисьи, беличьи, хорьковые, мерлушчатые, кошачьи и овчинные...»⁵.

Однако «золотой век» этого города оказался недолговечным. С развитием волжского пароходства (40-е годы прошлого столетия) и железнодорожных путей (60-е годы) Арзамас остался в стороне от этих новых несравненно более эффективных средств сообщения и, разумеется, стал задерживаться как в торгово-промышленном, так и в культурном развитии. К концу XIX века торговые обороты города снизились в семь раз⁶. И тем не менее его экономическая жизнь была еще довольно значительной.

В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» (1899) не раз приводит в пример этот город как один из центров нашей старинной промышленной культуры.

«Скорняжный промысел, — пишет В. И. Ленин, — в Арзамасском уезде Нижегородской губернии зародился в городе Арзамасе и затем постепенно переходил в пригородные селения, охватывая все больший и больший район. Сначала в селах было мало скорняков, и у них было много наемных рабочих; работники были дешевы, ибо шли внаймы, чтобы учиться. Научившись, они расходились и открывали свои мелкие заведения, — подготавливая таким образом более широкую почву для господства капитала, который подчиняет себе в настоящее время большую часть промышленников. Заметим вообще, что это обилие наемных рабочих в первых заведениях возникающего промысла и последующее превращение этих наемных рабочих в мелких хозяйчиков есть явление самое распространенное, имеющее характер общего правила. Очевидно, было бы глупой ошибкой делать отсюда тот вывод, что «вопреки разным историческим соображениям... не крупные предприятия поглощают мелкие, а мелкие вырастают из крупных».

Крупные размеры первых заведений вовсе не выражают никакой концентрации промысла; они объясняются единичным характером этих заведений и стремлением окрестных крестьян поучиться в этих мастерских выгодному промыслу»⁷.

Затем В. И. Ленин называет другой выдающийся по своему значению промысел — «вязание обуви в г. Арзамасе»⁸, потом третий — войлочное производство и приводит при этом некоторые цифровые данные:

«Нижегородская губерния занимает первое место по развитию „фабрично-заводского“ войлочного производства, а в этой губернии главным центром данной промышленности является город Арзамас и подгородная Выездная Слобода, (в них 8 „фабрик“ с 278 рабочими и с суммой производства в 120 тыс. руб. ...)»⁹.

Для того времени это довольно значительное количество.

Арзамас и в народнообразовательном деле опередил многие соседние города, в том числе и некоторые губернские. Здесь еще в 1719 году по Указу Петра I Купчиновым была открыта школа, а с 1726 года существовала школа, основанная воеводой — князем Дябринским¹⁰. В 1787 году учреждено малое народное училище, в 1814 — уездное и два приходских. В том же 1814 году в городе действовали пансион благородных девиц и архитектурное училище, заведенное известным зодчим Поволжья М. П. Коринфским¹¹.

Славился Арзамас и иконописным ремеслом. Один из первых биографов академика Ступина М. Званцев писал:

«В отношении храмоздательства Арзамас был поистине удивительный город. В XVI столетии в нем уже было два монастыря, в конце XVIII — их было пять, и почти каждый год строились новые церкви.

Церковное строительство вызывало к жизни иконописное ремесло: резчиков и позолотчиков в Арзамасе была не одна сотня. Район деятельности арзамасских иконостасчиков был обширен: их знали и в Казанской, и в Вятской, и во Владимирской губернии, да и не мудрено: по своему мастерству это были исключительно талантливые люди. Сохранившиеся в некоторых арзамасских церквях иконостасы их работы поражают своей филигранной, необыкновенно интересной по формам и исключительной по технике резьбой, которая оказала несомненное воздействие в мотивах и технике на широко распространенную в Поволжье „домовую“ резьбу, украшающую крестьянские избы. Иконописный промысел получил в Арзамасе также значительное развитие...»¹².

До нас дошли имена некоторых местных богомазов XVIII столетия. «Первым известным хорошим иконописцем в Арзамасе, — как сообщает Н. Щегольков, — был соборный диакон Ефим Яковлев, живший в конце XVIII столетия и бравший подряды на целые иконостасы»¹³.

Как видно, в Арзамасе были вполне достаточные предпосылки к созданию профессиональной художественной школы. Поэтому нельзя согласиться с искусствоведами Н. Молевой и Э. Белютиным, которые в своей солидной монографии «Русская художественная школа первой половины XIX века», говоря о первых провинциальных школах живописи, пишут: «Города, в которых начали появляться школы, как правило, не играли до этого времени никакой роли в художественной жизни России и не обладали особыми предпосылками для создания специальных учебных заведений...»¹⁴.

Мы уже показали, что это неверно применительно к Арзамасу. Неверно это также и применительно к Саранску или Пензе, о чем будет сказано ниже, а теперь добавим, что нельзя при анализе русской художественной культуры недоучитывать ее народных истоков, которые рождались не только в столицах, но и в провинции.

Разумеется, в этой художественной культуре немало элементов религиозных и даже миссионерских. Нельзя не учитывать, что эти три названных города стояли на путях интенсивного проникновения московской цивилизации XVI, XVII, XVIII веков к юго-восточным пределам Российского государства, в районы с инациональным населением, в частности мордовским.

Эти города и возникли по мере продвижения московской цивилизации и русских людей в малонаселенный лесостепной край Среднего Поволжья: Арзамас — в 1576, Саранск — в 1641, Пенза — в 1663 годах.

Вначале это были деревянные крепости на Большом Московско-Астраханском гужевом тракте. Их стены устранили недругов Российской державы, прорывавшихся сюда из юго-восточных и южных соседних государств, охраняли мирный труд местного населения края, а потом эти города обстроились белокаменными церквями, монастырями и соборами, обращенными к полуденной стороне, т. е. поставленными на южных склонах центральных площадей.

Такое расположение городских центров создавало впечатляющие силуэты, которые действовали на сознание не только старинных христиан, но и вновь обращенных в эту веру язычников края. Подобно тому как иноверец, подъезжая к Новгороду, был удивлен величием храмов этого

города, открывшегося на фоне озера Ильмень, так и здесь вид каждого из этих трех городов открывался на фоне степного простора внезапно и издалека для путника, направлявшегося к Москве. Этой цели служили 5 монастырей и 30 церквей Арзамаса¹⁵, 3 монастыря и 17 церквей Саранска¹⁶, 2 монастыря и 12 церквей Пензы¹⁷.

Арзамас стоял на краю старозаселенной России. К югу и юго-востоку от него простирались так называемые новые земли, которые вплоть до начала XVIII столетия нередко подвергались набегам ногайских и крымских кочевых орд. И не только мечом русские люди достигали перевеса над этими кочевниками, но и умением строить города, выдвигать в степь их красивые и внушительные островерхие силуэты, а для этого нужны были не только плотники и кирпичники, но и художники-резчики и мастера-живописцы.

Нужны были и учителя рисования для вновь открывающихся уездных училищ и художники-декораторы для возникающих как в городах, так и в дворянских усадьбах крепостных театров, появлялись потребности и в профессионалах-зодчих. Хотя количества этих потребностей были и не велики, но без создания специальных школ удовлетворить их было невозможно.

Все это раньше других понял иконописный мастер из Арзамаса Александр Васильевич Ступин и открыл в 1802 году первую в провинции живописную школу.

Об этой школе и ее создателе написано уже немало. Назовем лишь три обстоятельных исследования:

«А. В. Ступин. Арзамасская художественная школа» М. Званцева (1941); «Арзамасская школа живописи...» П. Корнилова (1947); «Глава шестая. Арзамасская школа живописи» в книге «Русская художественная школа первой половины XIX века» Н. Молевой и Э. Белютина (1963). Каждая из этих работ прибавляет немало нового к тому, что было известно ранее.

Давно уже утвердилось мнение, что Арзамасская школа живописи с большим достоинством выполнила свое назначение первого своеобразного филиала Петербургской Академии художеств, она явилась своего рода прецедентом, образцом для последующих многочисленных художественных школ, широко распространившихся в нашей стране и с успехом послуживших делу эстетического воспитания трудящихся.

Живописная история Арзамаса заинтересовала многих писателей, журналистов и краеведов. Побывавший в этом городе в 1827 году известный русский поэт, друг и современник А. С. Пушкина, П. А. Вяземский увидел в школе

А. В. Ступина начало проникновения большой русской культуры в провинцию.

В своей «Записной книжке» он заметил: «В Арзамасе есть школа живописи, заведенная дворянином-академиком. Картины этой школы развешаны и продаются в трактире. Все это зародыши образованности: просвещение выживает дичь»¹⁸.

Более вдохновенно об этой школе рассказал В. Г. Короленко. Он посетил Арзамас в 1890 году, отыскал дом, на фронтоне которого со ступинских времен сохранилось изображение музы в образе красивой девушки, записал рассказы старожилов и создал увлекательную повесть, героями которой стали художник-живописец и его безвременно погибшая родительница.

Известно, что в Арзамасе в былые времена водилось множество домашних гусей и были любители устраивать «гусиные бои». Короленко удачно использовал эту деталь при изображении своей героини. «...Гуси оставались, — писал он, — и имели полное основание считать себя единственной и главной достопримечательностью города, вполне осязательной и, так сказать, реальной до тех пор... пока на фронтоне описанного выше дома не появилась моя писаная героиня, и об Арзамасе заговорили даже в столицах, как о таком городе, где начинают процветать искусства»¹⁹.

Ступинская школа живописи подсказала название петербургского литературного общества «Арзамас», в деятельности которого участвовал великий Пушкин. И хотя подобные параллели и вызывают кое у кого улыбку, тем не менее связь этих двух названий очевидна.

В книге «Арзамас и арзамасские протоколы» приводится две версии. Первая: «Д. Н. Блудовым было написано „Видение в какой-то ограде“, что послужило внешним поводом к основанию „Арзамаса“.

Проездом в Оренбургскую губернию Блудов остановился в г. Арзамасе Нижегородской губернии, и ему показалось, что собравшиеся на постоялом дворе, где он останавливался, какие-то „безвестные люди“ арзамасские жители, сидя за столом толковали о литературе. Это навело его на мысль свой памфлет на Шаховского облечь в форму „Видения“»²⁰.

Вторая: «М. А. Дмитриев в „Мелочах из запаса моей памяти“ рассказывает несколько иначе о происхождении названия „Арзамас“. Воспитанник Петербургской Академии художеств живописец Ступин переехал в Арзамас, где основал школу живописи. Члены будущего Арзамасского общества безвестных людей назвали ее Арзамасской академией

и в подражание учредили в Петербурге Арзамасское общество»²¹.

Вместе с Арзамасской живописной школой рос и ее основатель, заслуженно получивший в 1809 году высокое звание академика живописи²². В аттестате А. В. Ступина было записано, что это звание он получил «в награду сей любви к художествам и сего первого примера заведения художественной школы, в том краю необыкновенной...»²³.

Самородный талант и старания при обучении в Петербургской Академии художеств помогли поднять педагогическое мастерство этого замечательного организатора и наставника, самоотверженно и самозабвенно отдавшего себя своему любимому делу.

В Арзамасской школе живописи была довольно широкая программа обучения. Ее воспитанник И. К. Зайцев сообщает: «Дом Ступина был обширный: в двух залах размещались ученики, в третьей — помощники. Была также особая построенная большая галерея для статуй, античных голов и массы картин. Все эти пособия то приобретались покупкою в Петербурге, то присылались Академиею в подарок Ступину. У него было бесчисленное множество эстампов, академических рисунков и этюдов, — все это для учащихся послужило богатым подспорьем, рисовали с оригиналов, со статуй и даже с натуры, т. е. нанимались и натурщики.

Ступин брал заказы на целые иконостасы и отправлял ежегодно работы на Нижегородскую, тогда еще Макарьевскую, ярмарку. Занятия наши шли систематично и успешно. Лучшие работы учеников посылались раз в год в Академию художеств, на экзамен, и нередко случалось, что Академия удостоивала и высылала ученикам в награду серебряные медали, разумеется, только ученикам свободно-го звания, а не крепостным, хотя крепостных-то и было наибольшее число, но в школе различия между теми и другими никакого не было, жили, как говорится, душа в душу, один за другого готовы были умереть...»²⁴.

Ступин стремился дать своим ученикам не только специальные знания, но и общее развитие. В школе ставились самодеятельные спектакли, от которых была в восторге арзамасская публика, устраивались чтения стихов Державина, Жуковского, Пушкина, изучалась музыка. Душой всех этих занятий были сам А. В. Ступин и его сын Рафаил Александрович.

И. К. Зайцев сумел запечатлеть и личные качества своего учителя: «Сам Ступин был человек отличный, добрый, деликатный и гуманный, знаток своего дела и семьянин: у него была жена, сын и дочь. Я сказал, что Ступин был

человек гуманный, а потому и помощники его и старшие ученики были такие же. Не могу назвать ни одного случая, чтоб кто-нибудь из них когда-нибудь позволил себе не только щипнуть или ударить кого из учеников, но даже выbranить кого неприлично, а уже о телесном наказании и говорить нечего — и не слыхано...»²⁵.

Основатель Саранской живописной школы Кузьма Александрович Макаров был не только учеником, но и помощником своего учителя — академика Ступина. Он пришел в школу уже опытным мастером иконописного дела. Ему было более тридцати лет. Он неплохо расписывал церковные стены, писал лики святых, рисовал декорации для театра своего помещика Горихвостова, однако творческую зрелость, мастерство светского портрета, а равно и организаторские навыки управления школой он вынес из Арзамаса.

Саранск, основанный на 65 лет позже Арзамаса и в менее заселенной местности, перенял от своего старшего собрата немало жизненного опыта. Эта преемственность, а затем и взаимосвязь наблюдаются и в экономической и в культурной жизни. Просматривая Саранскую таможенную книгу за 1692 год, мы часто встречаем имена арзамасских торговых людей активных участников Саранского торгового дела.

Приведем некоторые записи из этой таможенной книги: «Октября в 11 день (1692 г. — *И. В.*) у арзамасского пасацкого человека у Федора Вандышева з денег с пятидесяти рублей с рубля по пети денег пошлин рубль восемь алтын две деньги взято, а на явленные деньги купил он в Саранску сорок животин рогатой, и выпись дана». Тот же Федор Вандышев 27 октября «купил в Саранску 20 животин рогатых».

20 и 27 ноября в Саранске совершили покупки торговые люди из села Выездного Арзамасского уезда Григорий Гаврилов, Никита Нямятов и Петр Васильев. Первый купил «сто пятьдесят кож яловичных сырья, да сорок пуд сала», второй — «сто кож яловичных сырья», третий — «сто пятьдесят пуд сала», а 2 декабря арзамасский посадский человек Петр Паутов «купил в Саранску сто пуд меду».

В торговые обороты Саранска того времени втягиваются и мордвины с северной стороны. Так, 22 декабря того же года «Арзамасского уезду деревни Куриловы у мордвина у Боярка Маскаева з денег с пятидесяти с осьми рублей, с рубля по десяти денег, пошлин два рубля тридцать алтын взято, а на явленные деньги купил он в Саранском уезде пуд меду да кипу хмелю».

На другой день арзамасский посадский человек Андрей Потеряхин «купил в Саранску шестьдесят кож яловичных», а

через три дня арзамасский же посадский человек Иван Щетинин «купил в Саранску же сорок четыре туши свиного мяса».

Далее зарегистрированы покупки двухсот и ста «кож яловичных сырья», совершенные арзамасскими посадскими людьми — известным уже нам Федором Вандышевым и Григорием Фадеевым. Тот же Федор Вандышев 8 июня купил в Саранске «40 животных рогатых», а через неделю «30 животных рогатых» увел из Саранска в Арзамас Степан Вандышев. 80 животных рогатых увел из Саранска Федор Вандышев еще и 20 июля.

Как видно из приведенных записей, арзамасцы используют молодой саранский рынок пока еще преимущественно с целью заготовок сырья для уже развитой промышленности своего города. Но одновременно они вывозят в Саранск и некоторые промышленные товары, что также отражено в таможенной книге 1692 года.

Так, 15 января крестьянин села Выездного Арзамасского уезда Федор Силин привез на рынок в Саранск москательного товару на двадцать четыре рубля, а 31 числа того же месяца односельчанин Силина Григорий Гаврилов продал на этом же рынке двадцать фунтов шелку, двадцать фунтов краски брусковой и двадцать косяков мыла. Москательного лавочного товара на 26 рублей привез в Саранск 21 февраля посадский арзамасец Елисей Простоквашин.

Значительно оживлялся привоз товаров из Арзамаса в дни Саранской ярмарки. Так, под 2-м августом записан привоз арзамасца Никиты Тарасова: «пуд шелку по цветам, полупуд краски крутика, сорок косяков мыла, двадцать кумачей и москательной мелочи на десять рублей», а под пятым числом — привоз арзамасца Григория Измайлова: «десять фунтов шелку по цветам, пять фунтов краски крутика, пятьдесят обувей башмаков», арзамасца Степана Нутрецова — «москательного лавочного товару на 36 рублей»²⁶.

Анализируя названную таможенную книгу, член-корреспондент АН СССР профессор А. И. Яковлев в предисловии к ней писал, что в конце XVII столетия «всего теснее торговые сношения Саранска были с Арзамасом»²⁷. В подтверждение этого вывода в послесловии приводятся процентные данные: «Удельный вес отдельных посадов в торговых оборотах Саранского рынка характеризуется следующими данными: на долю посадских людей г. Саранска приходилось 20,4 процента от общего оборота, Арзамаса — 15,7, Вязникова — 9,3, Москвы — 7,2, Муромы — 2,6, Переяславля Залесского — 2,5, Саратова — 2,0, Шуи — 1,0, Нижнего Новгорода — 0,8 процента»²⁸.

Учитывая наметившиеся тенденции некоторого перемещения торгово-промышленной жизни из Арзамаса к юго-востоку в новые города, в частности в Саранск, кое-кто из арзамасцев стал перебазироваться сюда на жительство. Так, в той же таможенной книге 1692 года мы среди торговых людей встречаем арзамасца Исаю Вандышева, который уже значится саранским жителем²⁹.

Более заметной эта миграция становится в следующем столетии.

Просматривая арзамасские архивы второй половины XVIII века и первой XIX, мы встречаем немало фамилий, общих для обоих городов. Так, в 1797 году в материалах Арзамасской городской думы мы находим фамилию мещанского старосты Василия Чиндеватова³⁰, фамилия явно мордовского происхождения. В 1823 году в приходе Алексеевской церкви г. Арзамаса значится мещанин Иван Михайлов Чинговатов, а в приходе Богословской церкви за 1824 год — мещанка Матрена Михайловна Чинговатова³¹. В Саранске довольно известна фамилия мещан и купцов, а позднее и деятелей народного образования Цынговатовых. Из этого рода вышел и профессор-литературовед А. Я. Цынговатов.

Так постепенно мордовская фамилия переделалась в русскую. Кстати сказать, эта эволюция к нашему времени забылась даже в среде современных жителей с фамилией Цынговатовы.

В этих же церковных записях по Арзамасу мы встречаем и фамилию мещан Токаревых и мещан Ашмариных (Благовещенский приход, 1823 — 1824 гг.)³². Мещане и купцы, а позднее и деятели культуры с этими фамилиями хорошо известны и среди саранских жителей.

Следует при этом учесть, что первые саранские поселенцы из семейств Цынговатовых и Токаревых занимались преимущественно кожевенным промыслом, столь характерным для старого Арзамаса.

Были и позднейшие случаи (во второй половине XIX столетия) миграции из Арзамаса в Саранск. Так, в приходе арзамасской Владимирской церкви в 1824 году значится мещанин Дмитрий Максимов Язычков³³. Старожилы Саранска помнят в своем городе дом и флигель Язычковых на углу Сошественской улицы и Покровского переуллка. Владельцами этого дома и флигеля были в 1909 году арзамасский мещанин Федор Михайлович Язычков и арзамасская мещанка Евдокия Васильевна Язычкова³⁴.

Были и противоположные явления миграции — из Саранска в Арзамас, но это единичные случаи. Автор книги «Исторические сведения...» Н. Щегольков сообщает, что его

прапрадед купец С. И. Попов, крупный арзамасский меховщик, был саранским выходцем второй половины XVIII столетия.

В купеческой среде старой России нередко бывали случаи, когда семья одного города роднилась с семьей из другого, примерно равного по рангу. В старинных метрических книгах встречаются записи саранско-арзамасских бракосочетаний. Так, в 1843 году купеческий сын Илья Иванов Кубанцев из рода виднейших богачей Саранска женился на дочери арзамасского купца Александре Николаевой Бебешиной³⁵.

Старый Арзамас был заметным центром ассимиляции мордвы. В церковных записях этого города конца XVIII и начала XIX столетия встречаются, правда не часто, мордовские по происхождению фамилии. Мы уже говорили об эволюции рода Чинговатовых. Назовем еще некоторые фамилии, распространенные в начале прошлого столетия в Арзамасе: мещане Адушкины, мещане Коринфские.

Мордва с фамилией Адушкины и теперь проживает в северных районах Мордовии, исторически тяготевших к Арзамасу. В арзамасских архивах чаще встречается фамилия Коринфских. О них написано немало благодаря тому, что из этого рода вышел знаменитый арзамасец архитектор М. П. Коринфский, обучавшийся в школе А. В. Ступина, а потом в Петербургской Академии художеств. Однако в некоторых опубликованных биографиях зодчего недостаточно обоснованно приводится версия, что якобы эту фамилию архитектор получил при окончании Академии художеств, а до этого он будто бы имел фамилию Варенцев, по написанию Н. Щеголькова Веренцев.

Распространенность фамилии Коринфский в Арзамасе конца XVIII и начала XIX века опровергает эту версию. Только в записях арзамасских церквей за 1822 — 1824 годы мы встречаем по Ильинскому приходу Федора Петрова Коринфского (не брат ли архитектора? — *И. В.*), Алексея Андреева и Василия Андреева Коринских (Христорожественский приход), Федора Коринского (Благовещенский приход)³⁶.

Как видно, эта фамилия в Арзамасе существовала с давних пор и имела два варианта написания: «Коринский» и «Коринфский». Первое, вероятно, происходит от мордовского названия села Корино (подобные названия есть в Мордовской АССР), хотя есть фамилия Корины и в русском селе Выездном — пригороде Арзамаса³⁷, а второе, переделанное в подражание Коринфскому ордеру, — в архитектуре. Варенцовы и Веренцовы применительно к Коринфским могло быть прозвищем, хотя это дворянская фамилия³⁸.

Ассимиляции мордвы в Арзамасе способствовали многие обстоятельства: и скрещение больших гужевых трактов, и довольно емкий рынок, и развитие ремесла, и храмо-строительство, и деятельность живописной школы А. В. Ступина.

Распространение культурного влияния к югу и юго-востоку в XVII и XVIII столетиях шло преимущественно из Москвы, Нижнего Новгорода и Арзамаса. Оттуда шла и промышленная культура, и народнообразовательное дело, и искусство.

Известно, что Москва со времени своего возвышения стала центром русской образованности. Довольно рано культурным центром стал и Нижний Новгород. Здесь еще в XIV веке была создана общеобразовательная школа³⁹.

В Арзамасе первая школа возникла в 1719 году⁴⁰, в Саранске — в 1778⁴¹, в Пензе — в 1786⁴². Подобный путь проделало и живописное искусство. В 1802 году художественная школа открылась в Арзамасе, в 1828 — в Саранске, в 1854 — в Пензе.

В Арзамасской школе Ступина, как и в отпочковавшихся от нее Саранской и Пензенской, обучалось немало крепостных художников. Содержателям школ приходилось вести самоотверженную борьбу с нередко встречавшимися самодурами-помещиками — владельцами этих художников. Бывали случаи, когда борьба кончалась трагически. Нельзя без содрогания читать описание самоубийства ученика Арзамасской школы крепостного крестьянина Григория Мясникова⁴³.

Нелегко было выбраться из крепостного состояния и основателю Саранской живописной школы Кузьме Александровичу и его сыну академику Ивану Кузьмичу Макаровым.

ЖИВОПИСНОЕ ДЕЛО В САРАНСКЕ

После завершения крещения мордвы, с середины XVIII столетия, заметно усилились русско-мордовские культурные связи. Оба народа стали единовременными. Многовековые контакты русских и мордвы теперь не осложнялись более конфликтами на почве разноверия.

Стали чаще появляться изображения жизни мордвы в различных описаниях Российской империи, как в трудах историков, так и в обзорах столичных, губернских и уездных чиновников.

Среди многочисленных попыток изучения «иностранцев», и в частности мордвы, выделяется капитальный труд «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис...»¹, составленный в 1785 году под руководством нижегородского епископа академика Дамаскина.

Жизнеописания мордвы стали более обстоятельными и разносторонними в первой половине XIX столетия. Тут и зачатки статистики, и административные сведения, и обзоры быта, земледельческих занятий, охоты и бортничества.

Среди лингвистических трудов этого времени достойна упоминания первая мордовская грамматика, составленная профессором Тамбовской семинарии Павлом Орнатовым в 1838 году².

В 30 — 40-е годы прошлого столетия русские писатели стали внимательно приглядываться к малым народностям России и вводить их в книги. С этого времени, правда еще редко, стали появляться в литературе и искусстве и изображения мордвы. А. С. Пушкин запечатлел ее в «Истории Пугачева». Записывая народные песни, великий русский поэт заинтересовался старинным музыкальным инструментом мордвы волынкой³. Н. П. Огарев в своей повести «Гулевой»⁴, написанной в 1843 году, показал тяжелую судьбу мальчика-мордвина. И. В. Селиванов в очерке «Мордва»⁵ изобразил картины быта мордовской крепостной деревни 40-х годов XIX века.

Первым значительным произведением, показывающим мордву в живописи, было «Две молодые мордовки» дотоле неизвестного молодого художника из Саранска И. К. Макарова, появившееся в 1842 году. Это произведение заинтересовало Петербургскую Академию художеств и получило высокую оценку мастеров кисти того времени. Этюды к «Двум молодым мордовкам» Макаров писал в

селе Саловке бывшего Инсарского уезда (теперь Старошайговского района Мордовской АССР), куда художник был приглашен для рисования икон в строящейся церкви.

Писатель И. А. Салов в мемуарах «Умчавшиеся годы»⁶ вспомнил труд этого художника и отметил его старания. «Помню, — писал Салов, — как из соседнего мордовского селения Шайгова привозили к молодому Макарову мордвок, с которых он писал свои этюды. Картина эта предназначалась для представления в академию на получение звания художника... Старания молодого человека не пропали, и он за эту картину получил звание художника...»⁷.

Это замечательное полотно художника, столь давно получившее авторитетное признание, и теперь не утратило своего значения. Современный исследователь живописи П. Корнилов пишет: «На фоне забора и зелени автор изобразил двух девушек в мордовских национальных костюмах. Здесь была двойная задача. С одной стороны, надо было создать двойной портрет девушек, с другой стороны, было широкое поле для изображения декоративных убранств костюмов. Если в лицах много обычного и не очень глубокого проникновения в человеческие образы, то в декоративном мастерстве художник показал высокий класс. В этой тенденции раннего произведения мы чувствуем декоративную стихию будущего зрелого периода его творчества. В целом его произведение „Две молодые мордовки“ по своему настроению близко венецианской школе, но здесь есть некоторые черты раннего реализма, перекликающегося с некоторыми чертами натурализма. Когда это вполне зрелое произведение ученика Макарова-отца Ивана Кузьмича Макарова-сына попадает в Академию художеств как отчет, с одной стороны, уровня школы, с другой — уровня ее творца, оно получает полное признание»⁸.

Иван Кузьмич Макаров хорошо знал жизнь мордвы обеих ветвей — и мокши и эрзи. В базарные дни, по средам и субботам, мордвины и мордовки съезжались в Саранск на рыночные площади. Одна из них (верхняя) примыкала к усадьбе художественной школы Макаровых. Мордовское население привозило в город и хлеб в зерне, и свиные туши, и щепной товар, и дрова, приводило для продажи рогатый скот и лошадей.

Да и не только на базарах встречал художник мордовское население. Будучи вместе с отцом на иконописных подрядах, в деревнях и селах он знакомился с бытом этого населения, наблюдал свадебные обычаи, когда молодые женщины и девушки мордовки одевались в праздничные наряды.

На живописном полотне двадцатилетнего художника и изображены молодые мордовки в праздничных нарядах. И красивые орнаментальные вышивки, и многорядные ожерелья, и цветные кушаки — все это подчеркивает праздничность колорита.

Со времени написания картины прошло 130 лет. Разумеется, некоторые элементы в одежде местного населения претерпели изменения. Но знатоки старинного быта мордвы и теперь видят в зарисовках И. К. Макарова и точность деталей костюма, и естественность внешнего облика крестьянок, и общий национальный колорит обстановки. Больше всего изменился головной убор шайговской женщины. Теперь она предпочитает повязываться платком из шерсти, цветным — бордовым, зеленым, черным. Подобный платок имеет местное название «шамуровой». Вероятно, от слова «кашемировый». Но так называемые «ленточки», видимые из-под головного убора, надеваются и теперь и входят в набор праздничного наряда. Изготавливаются «ленточки» хорошими умельцами, на твердый хлопчатобумажный материал они нашивают бусинки разных цветов и размеров.

Без умельцев не обходится и свадебно-праздничная повязка платка. Шайговцы рассказывают, что в их селе славятся три-четыре женщины, которые могут красиво одеть невесту и особенно нарядно повязать платок.

На картине хорошо видны ушные украшения, которые сохранились в быту местного населения до сих пор. По-мордовски они называются «пиле вакст» (пиле — ухо; вакст — около, рядом) — околоушные украшения. На вязанную из плотной нитки ленточку нашиваются блестящие бусы или заячий пух.

Шейные украшения, как видно на картине, состоят из двух ярусов. Первый плотно охватывает горло и называется по-мордовски «крга вакст» (крга — горло; вакст — около, рядом). Это расцвеченная мелкими бусинками, или бисером, или блестками матерчатая полоска.

Во втором ярусе более свободно располагаются ожерелья. Их несколько рядов, чем больше, тем богаче считается наряд. На нитках нанизаны бусы разных размеров, разных цветов, стеклянные, фарфоровые, ракушечные. Некоторые модницы нанизывают между бус вперемежку еще и серебряные пятнадцатикопеечные монеты. Называются эти украшения у мордвы «крганят» (околошейные украшения, бусы, ожерелья).

Много вкладывалось умения в оформление и мордовского платья, называемого «панаром» (панар — буквально рубаха). По обыкновению материал употреблялся домотка-

ный, из льняной пряжи. После выделки он отбеливался на солнце. Платье из подобного материала изображено и на картине.

Известно, что мордовский орнамент не уступает по красоте своей произведениям этого искусства мастеров других народов. Он побывал и на российских и на международных выставках.

Праздничные мордовские панары вышиваются по рукавам (вдоль рукава и по обшлагоу), по подолу и по спине (до пояса). В прежнее время было немало мастериц этого искусства, теперь их уже немного. Выходит из моды старинная одежда, мало остается и мастеров.

Молодой художник, создатель этой картины Иван Кузьмич Макаров был воспитанником Саранской живописной школы, основанной его отцом Кузьмой Александровичем Макаровым.

О Саранской живописной школе, как и о художниках Макаровых, написано немного. Мало сохранилось письменных свидетельств и устных преданий об этой школе. Да и то, что сохранилось, еще не собрано. Но одно ясно, что явление это в истории художественной культуры старой провинции довольно примечательное. Оно, как и многие другие ему подобные, находится в связи с развитием прогрессивной мысли передовых кругов России того времени. Эта школа была разночинной по своему составу. В ней не было ни одного дворянина, да и сам основатель ее происходил из крепостных крестьян. Как ни тяжел был самодержавный гнет, как ни велико было засилье дворянства, однако живые ростки народной культуры пробивались к свету и давали о себе знать. К культуре тянулась провинция, хотя абсолютное большинство людей оставалось еще неграмотным; в искусстве, хотя и редко, стали появляться картины из жизни малых народов, разночинная молодежь, преодолевая тяжелые препятствия, стала проникать в школы и даже университеты.

Как мы уже указывали, первой крупной живописной школой русской провинции была школа академика из мещан А. В. Ступина, основанная им в 1802 году в г. Арзамасе⁹. Немного позднее учениками Ступина были открыты живописные школы и в других уездных городах: в Козлове¹⁰ (теперь Мичуринск), в Нижнем Ломове¹¹, в Саранске.

Если мы присмотримся ко всем этим четырем городам 20-х и 30-х годов прошлого века, то найдем в них много общего. Каждый из них стоял на большом гужевом тракте, имел довольно оживленную торговлю и значительную для того времени промышленность. В подобных городах

появлялись потребности в грамотных людях, возникали возможности получить заказ на живописную работу.

Саранск того времени был типичной провинцией, но экономическая жизнь этого города была более значительной в сравнении с другими уездными городами. Большие сухопутные тракты, проходившие через Саранск, и богатые черноземы стимулировали развитие ярмарочной торговли и местной промышленности.

В статистическом описании города Саранска, составленном местным полицмейстером И. В. Кравковым в 1822 году, дана подробная характеристика экономической жизни этого города.

«Купцы и мещане, — читаем мы в указанном обзоре Саранска, — торг производят разным мелочным товаром, цехи упражняются в разных мастерствах, однодворцы хлебопашеством в принадлежащих им полях»¹².

О фабрично-заводской промышленности города сказано: «Кожевенных заводов 21, на них вырабатывается кож яловочных коневых черных и белых до 12 000. Вывозятся на продажу в столичный город Москву, на ярмарки Макарьевскую, Лебедянскую, Симбирскую, Корсунскую, Пензенскую и Ломовскую суммою до 100 000 рублей, на оных заводах рабочих наемных употребляется до 100 человек»¹³.

О торговле ярмарочной. «Годовая ярмарка бывает с 15 августа, называемая Спасская. Купцы бывают из Москвы, Тулы, Курска, Тамбова, Саратова, Пензы, Ярославля, Арзамаса: торгуют сукнами, казимами, парчами, штофами, левантинами, гарнитурами, панскими, суровскими и шерстяными товарами; золотыми, серебряными, медными и железными вещами; фарфоровою, каменною, фаянсовою, хрустальною, стеклянною и деревянными посудами; скотом рогатым и лошадыми, разными виноградными винами, чаем и сахаром; разными фруктами — на сумму всего более миллиона рублей. Лавок от Думы построено 352 номера»¹⁴.

О торговле базарной. «Торговых дней в неделе два: среда и суббота. Торг бывает хлебом, мясами, скотиною рогатою и мелкою скотиною, коровьим и конопляным маслами и салом, кожами, овчинами деланными и неделанными, лесом строевым, пильным тесом, дровами, сеном и соломою и всяким крестьянским изделием»¹⁵.

В этом описании дана и характеристика социального состава жителей Саранска того времени. Общее количество населения города составляло 8 287 человек. В том числе: дворян 239, духовенства 196, приказных 114, купцов 266, мещан 1 442, цехов 586, однодворцев 3 974, военных нижних чинов 346, иногородних 69, дворовых людей 1 055¹⁶.

Как видно, из десяти сословных групп наиболее людно были представлены в Саранске однодворцы (казенные крестьяне. — *И. В.*), мещане и дворовые люди.

Если в Арзамасе, как указывал Н. Щегольков, «жители не пахали и не сеяли»¹⁷, и этот город, судя по документам, с самого начала формировался преимущественно как торгово-промышленный центр, то Саранск постоянно имел большую прослойку крестьянского населения, сформировавшегося в первые годы жизни города из пахотных солдат, служивших в военной крепости, имевших значительные наделы их и в позднейшее время, и только приблизительно половина населения здесь была занята торгово-промышленной деятельностью и ремеслами¹⁸.

Добротные черноземы в окрестностях Саранска обуславливали развитие хлебопашества. Приведем из того же обзора еще три цифры. При 1 264 дворах в городе насчитывалось лошадей 1 321, рогатого скота 1 506 голов¹⁹. Показанная в обзоре большая группа дворовых людей находилась в услужении не только у дворян, но и у купцов и некоторых мещан.

В своем описании полицмейстер изобразил и общий внешний вид, и план застройки, и размещение отдельных частей Саранска. В то время здесь сохранялись еще в виде земляных валов и местных названий остатки, следы бывшей военной крепости.

«Положение города. С восточной стороны протекает река Инзара. С полуденной по высочайше подтвержденному плану и с западной стороны назначен вал, с южной безымянный овраг. Город с западной стороны расположен по полугорью. В середине города на горе старинный вал земляной. Под горою через город с западной стороны протекает речка Саранка. За назначенным валом на выгонной земле за форштадом жителями застроено две улицы, называемые Трехсвятская и Полынная. За ними место назначено под построение инвалидных казарм. Всего за форштадом города застроенного места с версту. Герб города: лиса с распростертым хвостом, над нею три стрелы. План города высочайше подтвержден... Императрицею Екатериною 2-ю в 1785 году»²⁰.

Утвержденный в Петербурге в 1785 году план города вносил в практику градостроительного искусства Саранска новые решения. Он закрепил прямоугольную сетку улиц с кварталами величиной от 2 до 3 гектаров, не считаясь с имеющейся ранее криволинейной, радиально-кольцевой планировкой, удачно вписав в новую сетку улиц уже существовавшие городские площади, на которых стояли приходские церкви.

Начальные элементы зодческого искусства того времени видны при обзоре не только горизонтального города, но и вертикалей. В XVIII столетии в Саранске происходило большое строительство церковных зданий. Взамен преобладавших ранее деревянных сооружались каменные.

В начале XIX века из 18 приходских, соборных, монастырских и кладбищенских церквей города лишь одна была деревянная²¹.

Они и создавали живописный островерхий силуэт, который запечатлел известный русский гравер и рисовальщик 60-х годов позапрошлого столетия М. И. Махаев в гравюре «Саранск»²².

Побывавший в 1842 году в Саранске статский советник В. Беккер писал:

«По миновании бедного городка Лукоянова я прибыл в Саранск, раскинутый на равнине, он красуется многими церквами, порядочным строением и широкими прямыми улицами»²³.

Внешний вид и интерьеры церквей города Саранска отражали в некоторой степени различные периоды в развитии зодческой мысли и иконописного искусства России. Три из них — Спасская и Знаменская соборные и Ивановогословская приходская, построенные еще в XVII столетии, напоминали некоторые черты древнерусского архитектурного стиля церквей Подмосковья; две — Старорождественская и Успенская постройки первой половины XVIII века имели заимствования из архитектуры петровского времени. Эти церкви стояли на больших красиво оформленных площадях. Трехсвятская, «построенная иждивением Евдокии Семеновны Каменитской» (саранской воеводиши. — *И. В.*) в 1761 году, выделялась красивым куполом и симметричностью внутренних сводов; четыре — Вознесенская (Покровская), Предтеченская, Цареконстантиновская и Тихвинская, сооружавшиеся в последнем десятилетии XVIII столетия и «с позволения» Дамаскина — епископа Нижегородского (ученого мужа и академика), обнаружили характерные черты господствовавшего в то время «русского классицизма» с его строгостью, простотой и гармоничностью формы; Духосшественская (1800 г.) отличалась парадностью входа во второй этаж; Троицкая (1771 г.) — красивой каменной оградой; Верхне-Казанская (1771 г.) — старинной утварью и старопечатными книгами; две монастырские имели самую высокую в городе колокольню — сорокааршинную (1785)²⁴. Автор этой книги в годы своего детства не раз поднимался на монастырскую колокольню и при сильном ветре ощущал ее покачивание.

В Петропавловской соборной (холодной) церкви, построенной в XVIII столетии, поставлен был дорогой иконостас. В Памятной книге монастыря указано: «Иконостас в храме св. апостолов сделан в несколько ярусов, с резным изображением вверху, над царскими дверями, распятия Спасителя; поля покрыты серебром, иконы древнего письма; писаны живописцем Стародубским в 1773 г., как значится на одной иконе. Но от времени позолота и серебро полиняли».

Большое участие в строительстве церквей в городе Саранске принимало местное купечество, поэтому они и отличались богатством иконостасов, стенной росписи, набором дорогих икон. В городе были свои иконописцы и позолотчики, которые обучались в домашних условиях. Так, видным золотых дел мастером в конце XVIII и в начале XIX века считался в Саранске дьячок Христо-рождественской церкви, сын священника этого же прихода, Иван Васильев. В 1802 году он по подряду золотил иконостас в церкви Саранского Петропавловского монастыря²⁵.

В десятые и двадцатые годы «золотарным делом» в Саранске занимались цехи Сергей Иванович Дунаев и его брат Иван²⁶.

В известном «Землеописании Российской империи» профессора Зябловского, изданном в 1807 году, указано, что в Саранске «есть разные художества и ремесла».

В первой четверти прошлого столетия были в городе и мастера живописного дела. Среди них видными профессионалами считались «приписавшиеся из цехов» купец Афанасий Тимофеевич Ергаев и два его сына — Семен и Степан. Они же были и специалистами «каменного дела».

Вот как записано о них в «Обывательской книге города Саранска за 1805 — 1807 годы», в разделе «Купецкие». «Афанасий Тимофеев сын Ергаев, 52-х лет, приписавшийся из цехов, женат на третьей жене на отпущенной на волю девке господина Алферьева Татьяне Васильевой, 32, у них дети — от второй жены Семен, 29, Степан, 25... Семен женат на однодворческой дочери Акулине Дмитриевой, 28, Степан женат на купеческой сестре Татьяне Филимоновой, 24. Дому не имеют. Жительство имеют в наемной квартире. Ремесло имеют живописное и каменное»²⁷.

В «Обывательской книге Саранска за 1811 — 1814 годы» записан только Степан Афанасьевич Ергаев, и тот значится цехом, отпущенным по паспорту. В книге 1814 — 1816 гг. показаны налицо как жительствующие в городе оба брата Ергаевых, и Семен и Степан. У них уже собственный дом в Ветчинкиной улице. Ремесло у них, как прежде,

живописное. Подобные записи есть и в книгах за 1817 — 1819 годы и за 1820 — 1821.

В книге за 1823 — 1824 годы «жительствующим» в городе Саранске, в своем доме, вновь «купленным на Нижне-Казанской улице», указан лишь цеховой живописного ремесла Степан Ергаев, его брат Семен числится «находящимся в отлучке»²⁸.

Разумеется, в столь многоцерковном городе и довольно развитом по тому времени торговом центре нередко появлялись заказы на живописные работы, поступали они и из деревень округи, особенно из мордовских, населенных в ту пору крестьянами-новокрещенами. Были среди ремесленников города и такие, которые выполняли художественные работы по совместительству. Так, золочением крестов в Саранске в то время занимался купеческий сын Пётр Кузнецов²⁹.

Деятельность саранских живописцев, резчиков и позолотчиков XVIII века и первой четверти XIX хотя и пользовалась вниманием их земляков, но ее известность не выходила далеко за пределы своего города, и именовали они себя скромно: цеховыми золотарного, живописного, столярного ремесел. Тем не менее они много сделали для подготовки почвы к развитию в Саранске живописного дела уже дипломированных художников, работавших во второй четверти прошлого столетия.

Элементы зодческого искусства и художественной живописи в XVIII веке стали проявляться и в окрестностях города. Среди беспланоно построенных, беспорядочно разбросанных соломой крытых крестьянских строений возникают каменные жилые и производственные постройки. Так, в селе Макаровка в помещичьей усадьбе Полянских в 80-е годы того же столетия было построено из кирпича: два флигеля для дворовых, управительный дом, скотный двор, пять каменных риг, три каменных моста через местные речки, отремонтирован старый господский дом. Живописец П. Петров заново расписал иконостас в церкви. На колокольне были установлены часы.

Каменное строительство велось в этой усадьбе и позднее. Посетивший ее в 1898 году сотрудник Московского археологического общества С. Алферьев писал: «В пяти верстах от Саранска... живописно раскинулось на пойме реки Инсары с. Макаровка с своей старинной помещичьей усадьбой и двумя церквами, обнесенными высокой кирпичной оградой, по углам которой возвышаются башни наподобие кремлевских»³⁰.

В селе Рузаевке в усадьбе Н. Е. Струйского во второй половине того же столетия был построен дворец с худо-

жественной отделкой внутренних стен и потолков, которые расписывал крепостной художник А. Ф. Зяблов. В этом же селе были церкви, о которых поэт И. М. Долгорукий в 1813 году сообщил: «В селении два храма, один старинный, или лучше сказать, старый; в нем вся живопись иконная на итальянский вкус. Отменной красоты запрестольное снятие с креста. Другая церковь выстроена... с отличным великолепием: все стены одеты мрамором искусственным. Старший сын г-жи Струйской Юрий Николаевич сам этой работой занимался, составлял тесто гипса, давал ему краски и располагал узоры: отделка совершенная. Храм обширный величественный, академики писали весь иконостас. Колоннада белого мрамору перед алтарем превосходит всю прочую работу: мало таких храмов видал я и по городам, не только в селах; да в сих последних, думаю, что подобного нет во всей России. Красоте зодчества отвечает все прочее: богатейшая утварь, ризница пышная. Везде золото рассыпано нещадно...»³¹.

Элементы живописного дела проявлялись в то время в Саранске и его окрестностях не только при оформлении интерьеров барских особняков или при росписи стен внутри церковных зданий, но и на ярмарочных площадях этого города при многодневных и многолюдных съездах торговых людей.

Разумеется, экономическое состояние Саранска того времени не было стабильным. Так, во вторую четверть прошлого столетия торговые обороты города намного сократились, и тем не менее они были значительны.

По данным 1834 года, привоз товаров на Саранскую ярмарку исчислялся в сумме более полумиллиона рублей³². В этом же году в Краснослободск на ярмарку было привезено товаров на 16 тысяч рублей³³, в Инсар — на 44 тысячи рублей³⁴, в Темников — на 8 тысяч рублей³⁵.

Саранская ярмарка и во второй четверти прошлого столетия считалась одной из крупных в Российской империи. Комендант этой ярмарки капитан Семячкин в 1843 году писал в Петербург: «Уездный город Саранск лежит на соединении дорог, ведущих: 1. От столиц и Нижнего Новгорода в гг. Пензу и Саратов и так далее; 2. Через Карсун в Симбирск и 3. Через Кирсанов и Тамбов в Урюпинскую станцию. Эти пути суть торговые. В этом пространном углу пяти смежных губерний — средоточие торговых здешних путей поистине есть город Саранск. Купцы этих губерний, сделавши огромные закупы, приступают к продаже их, так сказать, к первому вскрытию своих возов для начатия продажи в городе Саранске, как в первом уездном городе соседней губернии, город Саранск стоит в центре пяти смежных губерний...

Саранск — уездный город, наполненный промышленниками и купеческим богатым сословием, владеющим наличным годовым капиталом до 60 тысяч рублей...

Многие саранские купцы имеют пристани свои для богатого строевого леса, который отправляется с низовых мест р. Суры, как-то: Алатыря, Ядрина и с пристани на Волге города Василя...

Ярмарочный частный двор в Саранске содержит 190 лавок, а заявок поступило на 280...³⁶.

В некоторые годы ярмарочные обороты Саранска были значительно крупнее обычных. Как указано выше, в 1822 году привоз товаров исчислялся в сумме более миллиона рублей, а ярмарочных лавок действовало 352³⁷.

Сотни лавок, три-пять каруселей, цирк, театральные балаганы, действовавшие в городе на протяжении месяца в году, нуждались и в красочной рекламе, и в живо составленных афишах, и ярких портретных зарисовках клоунов и жонглеров. Разумеется, не каждый содержатель магазина или увеселительного заведения обращался с заказами к местным художникам-иконописцам, и все-таки живописное дело в ярмарочное время в городе оживало, оживлялась и торговля иконами.

В конце 30-х и в начале 40-х годов XIX столетия в Саранске был построен гостинный двор, каменные лавки³⁸ которого заняли целый квартал на главной (Базарной) улице города³⁹. В одной из вновь открытых лавок производилась продажа икон местных мастеров.

В ярмарочном гостинном ряду еще в первой четверти XIX столетия действовала лавка книгопродавца Ролтанчикова⁴⁰.

В меру тогдашних знаний и уровня дорожной техники совершенствовались и пути сообщения.

В 1823 году на тракте Москва — Саратов, проходившем через Саранск, Петербургское акционерное общество открыло операции «по перевозке по главным трактам внутри империи тяжелых всякого рода вещей и движение транспортов»⁴¹.

По этому направлению на участке Саранск — Пенза к 40-м годам прошлого века был оборудован «Новый московский тракт».

В прежние годы здесь существовал «Старый московский тракт», который прижимался к реке Суре, к лесным зарослям на речной пойме, которые служили для российских людей прикрытием от набегов степняков-кочевников крымской и ногайской орд. К тому же по этой линии стояли русские сторожевые охранения (Саранск, Пелетьминская слобода, Куллинская слобода, Вазерки, Пензятская слобода, Пенза)⁴².

Но этот путь, после того как юго-восточная граница Русского государства отодвинулась далеко и опасность набегов кочевых орд миновала, стал менее пригодным. Новый был проложен значительно западнее, в степной местности.

В военно-статистическом обозрении Российской империи, изданном в 1849 году, указывается:

«Новый Московский тракт: отделялся от Пензы на Мокшан, Царевщину, Иссу и Саранск, где соединялся со старым. Этот тракт проведен на том основании, что на нем дорога несравненно лучше, ибо нет столь большого числа оврагов, рытвин, как на старом тракте, притом имеет грунт земли хотя черноземный, но смешанный с песком, отчего в дождливое время дорога не так портится»⁴³.

В этом же обозрении указаны и ближайшие торговые пути, соединившиеся в Саранске в конце 40-х годов прошлого столетия:

«...из г. Арзамаса, через г. Саранск в Нижний Шкафт, г. Городище, с. Чедаевку, Кузнецкого уезда Саратовской губернии, в г. Волгск (Вольск. — *И. В.*); по сему тракту из г. Арзамаса ездят в Волгск за пшеницей (обозы ходят только зимой).

Из Нижегородской губернии, через г. Саранск, на с. Чирково, Никольское, Пестровку, Лопуховку и выходит на большой Симбирский тракт.

Симбирской губернии из г. Корсуня через г. Саранск и г. Шишкеев на Краснослободск...»⁴⁴.

Развитие транспортных, почтовых и торговых путей в районе Саранска в первой половине прошлого века благотворно сказывалось на укреплении культурных связей этого города с соседними губернскими и уездными центрами и столицей.

В обозрении 1849 года более подробно сказано и о саранской промышленности. В это время в городе действовали и старые кожевенные и новые воскобойные, салотопенные, свечные, клейные заводы. Всех их стало 23, годовая сумма производства — 92 тысячи рублей⁴⁵. За четверть века она почти не изменилась.

Разумеется, с точки зрения современных масштабов промышленности города приведенные показатели кажутся небольшими, но по тому времени они считались значительными. Писатель И. В. Селиванов, изображая в своих «Провинциальных воспоминаниях» Саранск того времени, указывал, что «город этот в географии известен кожевными заводами».

Но не только ярмаркой и кожевенными заводами известен был в то время Саранск. Он, как и другие города

тогдашней России, известен был произволом и самодурством властей, обрекавших трудящихся на нищету и невежество. В среде городской знати Саранска, как указывает И. В. Селиванов, процветала картежная игра. «Отцы города» — купцы и заводчики не заботились о быте трудящихся. Тот же капитан Семячкин сообщал в Петербург, что в Саранске «ни одной, ни большой, ни малой улицы мощеной нет, главная прямая улица, по которой лежит дорога из Москвы на Пензу, в дождливое время почти не имеет проезда. Эта дорога у ручья, ее перерезывающего почти в центре города, до того бывает наводнена на расстоянии 180 сажень грязью, что не видно даже моста, через ручей перекинутого. Самые мосты ветхие, не окрашены, не приспособлены к берегам. Крутые берега без перил. Мостовая около домов ветхая, опасная для пешеходов и только кое-где устроена. Переход даже из дома в дом почти невозможен»⁴⁶.

Однако передовая мысль проникала в отсталую провинцию. В тяжелых условиях, в неприспособленных помещениях в Саранске работали в то время учителя уездного и народного училищ, находились энтузиасты, которые открывали в городе пансионы и частные общеобразовательные школы⁴⁷.

Подобные школы имеют в Саранске весьма давнюю историю. Автор статьи о древнейших учебных заведениях нашего края М. Сацердотов в 1894 году писал: «В пределах Пензенской губернии... до последней четверти этого (XVIII. — *И. В.*) столетия не имелось ни духовных училищ, ни светских правительственных (по-старинному выражению „казенных“) школ.

За неимением таковых школ, единственным источником просвещения в глухом... крае служили частные или домашние учителя и домашние школы.

При всей скудности образования духовенство протекшего (XVIII. — *И. В.*) века, в ряду других сословий, едва ли было не самым грамотным, по крайней мере в таких глухих местах... встречались дворяне, не умевшие даже „рукоприкладство учинить“ (расписаться. — *И. В.*), когда находились воеводы, с трудом подписывающие свои фамилии, когда делопроизводство в канцеляриях останавливалось за неумением канцеляристов вести „письменные дела“. Духовные лица и сами ходили по домам для обучения детей, и в своих домах заводили школы... особенно ревностно занималось делом учительства духовенство города Саранска; там было в иные годы свыше десяти школ, и они, за немногими исключениями, открывались церковнослужителями.

В последней четверти протекшего (XVIII. — *И. В.*) столетия в Пензенской губернии стали появляться и духовные и светские учебные заведения. Раньше других... появилась Саранская духовная гимназия. Учебным заведениям, именовавшимся духовными гимназиями, положено было начало в 1762 году... В 1778 году очередь дошла и до Нижегородской епархии, к которой в то время принадлежал Саранск. Антоний епископ Нижегородский... в названном году открыл гимназию в Саранске...»⁴⁸.

Проектом 1762 года полагалось открывать духовные гимназии «по знатнейшим монастырям». Так поступил и нижегородский епископ, открыв ее в старинном Саранском Петровском монастыре. А в 1787 году по распоряжению нижегородского же епископа Дамаскина гимназия была переведена в другой Саранский монастырь — Ильинский⁴⁹, переименованный потом в Петропавловский.

Вслед за гимназией в 1787 году в Саранске появилось первое светское учебное заведение — народное училище⁵⁰, в начале XIX века — уездное⁵¹, в 1808 году — русская школа (духовная), открытая на месте упраздненной в 1803 году гимназии⁵².

С открытием народного училища частные школы стали подвергаться притеснениям со стороны местного начальства. Казалось бы, что в «казенные» учебные заведения должен был образоваться приток учеников. Но этого в Саранске не произошло. Родителей, желающих отдавать детей в новые учебные заведения, почти не оказалось. Во времена, когда многие жители города с фанатической подозрительностью относились ко всему «казенному», им, этим людям, представлялось опасным отдавать детей в подобные школы, а вдруг да не вернут ребенка из «казенного» учреждения. Препятствовали успеху и сословные перегородки и интересы. Дворяне учили своих детей дома, приглашая учителей, преимущественно иностранцев. Купцы и мещане, кто покультурнее, стремились дать детям минимум коммерческих знаний, приказные — канцелярских, духовные — богослужебных. Первые «казенные» школы столь разнообразные потребности удовлетворить не могли. Они давали преимущественно общеобразовательные знания, к тому же весьма невысокие.

Видя неуспех казенных школ, местное начальство повело борьбу против частной инициативы в деле народного образования. При учете в 1790 — 91 годах оказалось в городе 15 частных («приватных») школ. В них состояли учителями: «диакон Соборной церкви, диакон Покровской церкви, диакон Казанской церкви (все три не поименованы), поп Богословской церкви Федор, дячек той же

церкви Денис, два дьячка Рождественской церкви, урядник инвалидной команды Иван Никитин (учил солдатских детей) и „некто“, прозывавшийся „Курятник“»⁵³.

Приведем лишь один архивный документ, показывающий казенно-бюрократическое отношение к делу народного образования и губернских властей:

«Из Пензенского Приказа Общественного призрения Саранскому нижнему земскому суду. Предложение.

Общественное призрение, видев из донесения Саранского мужского народного училища учителя Руссова, что тамо буде пятнадцать человек учат приватно. Определено, хотя по высочайшему уставу о народных училищах и не возбраняется иметь домашние училища, однако (кандидаты) в учителя оных должны, во-первых, по наказу, для них изданному, не только подвергнуть себя испытанию в главном народном училище и иметь о том на знание наук и способность свою свидетельство от директора, но сверх того на заведение такого училища получить долженствует дозволение от приказа общественного призрения, а поелику со стороны помянутых частных школ учителей... того не сохранено, следственно и производить учение не для чего и предложить Саранской управе благочиния, дабы она о всем таковом учителям, чтобы они ежели желают продолжать учение свое, то б наперед изучили способ оног в здешнем главном народном училище и, получа на то свидетельство от директора, производили оно с дозволения приказа общественного призрения на точном основании предписания в высочайшем указе изображенного, а между тем сим пользоваться там им воспретить, а что учитель Руссов представляя об учреждении помянутого Саранского училища неизвестно, по Саранской и Шишкеевской округам в селениях, нижним расправам подсудных, о том для публикации в тамошние нижние земские суды предложить. Февраля, 3 дня, 1791 г.»⁵⁴.

Разумеется, выполнить столь трудные условия мало кто из частных учителей того времени был способен. Экзамены они, как правило, не сдавали. Некоторые частные училища закрывались, некоторые открывались вновь. Отдельные школы при церковных сторожках существовали еще и в начале XX века.

Были, разумеется, в Саранске на ниве распространения знаний и деятели более высокого класса.

Одним из подлинных сподвижников народного просвещения был Кузьма Александрович Макаров — основатель Саранской живописной школы.

В архивах Петербургской Академии художеств сохранились документы о деятельности Саранской школы живописи. Некоторые из них были в свое время напечатаны⁵⁵, некоторые не обнаружены до сих пор.

В «Рапорте содержателя школы живописи города Саранска, губернского секретаря Кузьмы Макарова», посланном в Академию художеств 13 апреля 1847 года, указано:

«По окончании учения в Арзамасской школе живописи академика Ступина, где был удостоен Академиею художеств награды серебряной медалью первого достоинства, я был определен рисовальным учителем уездного училища г. Саранска, в котором завел школу живописи в 1828 году июля 27 дня. С того времени в школе моей окончило учение 25 учеников, из которых старший сын мой Иван Макаров принят учеником в Академию художеств, которая по уважению дарований и успехов его в рисовании пожаловала мне в подарок гипсовых орнаментов на сумму 45 рублей 42 $\frac{6}{7}$ копеек серебром, при предписании за $\frac{1}{2}$ 914. Четверо из учеников, окончивших у меня учение, пожелали поступить на службу и удостоены помянутою Академиею: один должности учителя рисования в гимназии и трое в уездных училищах. Ныне в школе моей обучается 10 человек, список которых при сем честь имею Академии представить. Из них купеческий сын Василий Умнов окончил учение и желает занять место учителя рисования в каком-либо уездном училище. Объявив все это Академии, имею честь представить на рассмотрение совета оной рисунки с означенных орнаментов и картины Умнова и всех успешных учеников. Что действительно рисовали они и картины писаны ими, в том свидетельствую моим подписом.

При этом обязанностью почел представить и картину своей работы, изображающую крестьянскую девушку, занимающуюся своим нарядом.

Губернский секретарь *Козма Макаров*⁵⁶.

К рапорту был приложен и «Список учеников Саранской школы живописи Макарова»:

«Свободных 6, именно — 1. Иван Квашнин, 2. Василий Умнов, 3. Николай Терентьев, 4. Николай Макаров, 5. Алексей Мешковский, 6. Алексей Ефимов; крепостных — 4. — 7. Сергей Калинин, 8. Григорий Завьялов, 9. Евлампий Лебедев, 10. Дмитрий Тюренков.

Содержатель школы живописи *Макаров*⁵⁷.

В первые годы деятельности Саранской школы живописи она не имела еще ни моральной ни материальной поддержки со стороны Академии художеств, да и сам

основатель и содержатель школы был настолько скромно, что не решался просить об этом столь высокое учреждение. Но время шло, совершенствовалось мастерство саранских художников, и Кузьма Макаров решил установить творческие контакты со столицей. В 40-е годы Петербургская Академия художеств уже вполне уверилась в педагогическом и художественном мастерстве Кузьмы Макарова и стала считать его школу значительным явлением народной культуры в русской провинции.

РИСОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Писать о деятелях русского искусства — выходя из крепостного состояния довольно трудно: их родословные мало документированы, фамильных архивов их предки не создавали, да многие из этих предков, будучи за помещиками, не имели и фамилий, а писались лишь по имени и отчеству: Иван Матвеев, Петр Самсонов, Григорий Васильев.

И еще меньше биографической документации было у лиц, занимавшихся искусством на правах частного предпринимательства: у держателей иконописных мастерских, художественных школ, артелей резчиков, позолотчиков.

Поэтому мало где в местных архивах отложились компактно документы, интересующие историка провинциального искусства конца позапрошлого и первой половины прошлого столетий.

Приходится весьма кропотливо, буквально по крупицам, собирать сведения об этих деятелях. Зато какие раскрываются картины самобытности народных талантов и сквозь неуверенные порой мазки художника прорываются чарующие своей прелестью изображения реальной жизни русского общества.

К сожалению, необозримое богатство народной культуры наших предков мы собираем и изучаем крайне медленно. Не надо далеко ходить за примером. Четыре ближайшие живописные школы, отпочковавшиеся от Арзамасской, — Саранская, Пензенская, Козловская, Нижне-Ломовская до сих пор не изучены, ни одна из них не имеет монографий. А возможности есть. Взяться бы краеоведам Пензы, Саранска, Мичуринска (Козлова), Нижнего Ломова и разворошить (в хорошем смысле) местные архивы, собрать сохранившиеся предания, учесть оставшееся наследство этих школ (иконописание, светская портретная живопись, росписи стен в церквях, домовая резьба по дереву, а равно и рисовальные традиции в общеобразовательных школах).

Не имея достаточного количества документов, историк провинциального искусства вынужден широко применять воспоминания или предания, которые хотя и богаты романтикой, но требуют большой осторожности при выдаче их за подлинность.

Немало романтики и в биографии основателя и держателя Саранской живописной школы Кузьмы Александровича Макарова. Обратимся к истокам мемуарного

наследия, помогающего понять некоторые ступени жизненного пути этого живописца.

Более ста лет назад, в 1862 году, академик портретной живописи Иван Кузьмич Макаров встретил в Пензе своего знакомого художника Льва Михайловича Жемчужникова и рассказал ему биографию отца и ближайших предков.

«Родился Кузьма Александрович, — сообщает Л. М. Жемчужников, — около 1778 года. Отец Кузьмы — Александр Давыдович Макаров был крепостным помещика Горихвостова, исполнял должность старосты и умер, оставив четырехлетнего сына Кузьму, который вскоре после этого лишился матери»¹.

Не уходя далее от даты рождения художника, заметим, что некоторые штрихи из цитируемых мемуаров документально не подтверждаются, хотя многое из рассказанного Жемчужниковым по памяти абсолютно согласуется с данными архивных источников.

В послужном списке Кузьмы Александровича Макарова, составленном в 1831 году, указано, что художнику было в то время 41 год². В подобном же документе, датированном 1832 годом — 42³. В именном списке за 1833 год, изданном типографским способом, значится 43 года⁴. И только во второй записи 1832 — 46⁵. Как видно, в приведенных документах трижды указывается год рождения художника — 1790, что далеко от показаний, содержащихся в мемуарах Л. М. Жемчужникова.

Страшно тяжела была жизнь мальчика, круглого сироты.

«Его 9-ти лет, — читаем мы далее у Жемчужникова, — пригрела крестьянка соседнего села Липлейки. Смышленого подростка заметил помещик и решил извлечь из него себе пользу, отдал его к маляру учиться красить крыши, полы на квадраты под паркет, мебель, стены»⁶.

Здесь на этом скромном поприще подмастерья-маляра подросток впервые встретился с художниками-живописцами.

«Первым учителем Кузьмы был маляр Василий Александрович Смирнов, ученик профессора Г. И. Козлова (1738 — 1791). В. А. Смирнов, не окончив курса в Академии, должен был вернуться в Пензенскую губернию в село Кучки, к своему помещику Горихвостову, где... потух святой огонь художника, обращенного в маляра. Он спился и умер...

Кузьма, ученик его, продолжал расписывать полы, стены и крыши с. Кучки. Потом раскрашивал Церковь, колокольню. Чуть не убился от полома доски. Затем Кузьма

стал декоратором в театре, устроенном помещиком в имении»⁷.

Более глухи предания о дедах и прадедах.

«Предки Макаровых были люди вольные, обитатели степей — татары. Были обращены в христианство и ими завладели Горихвостовы. Перед смертью один из Горихвостовых отпустил на волю маляра Кузьму Александровича Макарова с его братом Петром.

Кузьма Александрович, став свободным, отправился в Арзамас и нанялся там к живописцу, у которого писал миниатюры. В это время в Арзамасе находился Ступин.

Ступин, узнав Кузьму, принял его к себе и назначил жалованье по 200 рублей ассигнациями в год. Вскоре они подружились. Ступин и Макаров вместе по заказу расписывали собор в Нижнем Новгороде. Ступин положил ему 400 рублей в год.

Через два года К. А. Макаров за свои работы, отправленные в Академию художеств (Вид Арзамаса и портрет), получил 1-ю серебряную медаль.

Кузьма прожил у Ступина семь лет, заведя его школой, и получал уже по 800 рублей жалованья. Академия вызвала Кузьму в Петербург для дальнейшего образования, но он заболел и не смог учиться, подал прошение, чтобы ему дали звание учителя.

Получив звание, он оставил Ступина и по его совету отправился в город Саранск, где сам открыл школу...»⁸.

Как видно из сообщений сына, Кузьма Александрович был не просто учеником у академика А. В. Ступина, а и сотрудником его, помощником.

Так представлен родным сыном путь отца в искусство. Мало чем отличаются и воспоминания на этот счет других потомков саранского рисовального учителя, воспринятые не только от Ивана Кузьмича, но и от его братьев и сестер — Елизаветы (1828 — 1916), Николая (1831 — 1918), Серафимы (1834 — 1919), Якова (1837 — 1901), Екатерины (1840 — 1923).

Правнук Кузьмы Александровича — Иван Кузьмич Макаров (младший, 1896 года рождения), ныне здравствующий и проживающий в Саранске, сообщает:

«О начальном происхождении семьи Макаровых рассказывали мне и моей жене Людмиле Кузьминичне мой отец Кузьма Иванович, дядя Николай Иванович и тетка Анна Ивановна (трое последних — родные дети академика И. К. Макарова. — *И. В.*)

Когда-то в дворянских семьях и у помещиков было принято изучение французского языка. Помещик Горихвостов, как и другие, имел домашних учителей. Он пригласил к

себе для воспитания детей молодого турка Бек Еникея, взятого в плен в одной из русско-турецких войн.

Турок этот был достаточно образован и знал французский язык.

Живя у помещика, турок влюбился в крепостную девушку и попросил у Горихвостова разрешить жениться на ней. Юноша был мусульманской веры, ему предложили принять православие, крестили и дали имя Макара.

Далее случилось то, о чем не знал Макар и о чем умолчали помещики Горихвостовы. Женившийся на крепостной, по существующим в России законам, сам становился крепостным того помещика, кому принадлежала его невеста.

Отсюда и пошел род крепостных Макаровых.

Прадед мой Кузьма Александрович, получив вольную после смерти помещика, решил восстановить фамилию своих предков. Для этого он снял копии необходимых документов, хранившихся в архиве города Саранска, и с ними обратился в Петербург по инстанциям.

Из Петербурга ответили, что для рассмотрения дела необходимо представление подлинных документов; сделать это Кузьма Александрович уже не смог. Пожар 1852 года в Саранске уничтожил не одну сотню зданий, в том числе погиб и этот дом, где помещался архив и его документы.

Этим дело и кончилось»⁹.

Предания потомков довольно объективно передают историю жизни Кузьмы Александровича, можно лишь счесть за романтический вымысел турецкое происхождение первого Макарова. Известно, что многие, даже дворяне русские, присочиняли версии о своем иноземном происхождении, особенно там, где кончалась родословная документация.

Хотя и в этой части предания вполне допустима доля правдоподобия. Село Кучки, в котором, по преданию, основался род Макаровых, имело в прошлом довольно длинное название — «Кучук-пор Архангельское».

Третья часть наименования этого села явно церковного происхождения, появившаяся тогда, когда в селе была построена церковь, т. е. сформировался уже целый приход христианского населения. Первая и вторая части более раннего происхождения, и восходят они к дохристианскому времени, т. е. ко второй половине XVI или первой XVII столетия, когда в верховьях р. Хопра (где позднее возникло село Кучки), обитали кочевники крымской и ногайской орд.

Местное название «Кучук-пор» явно татарского происхождения. И здесь на грани русско-татарских сопри-

косновений были, разумеется, и племенные смешения. Ныне употребляемое наименование села — Кучки выработалось позднее, в то время, когда в этих местах появилось русское население (конец XVII — начало XVIII столетия).

Нельзя также полагаться на безошибочность передачи по памяти датировок жизни Макаровых. В отдельных случаях могут быть неточности.

Довольно глухо передают предания о взаимоотношениях крепостных Макаровых с их владельцами помещиками Горихвостовыми. Однако представления об этом можно пополнить архивными данными.

В фондах Пензенского областного архива мы собрали некоторые сведения о помещиках Горихвостовых конца XVIII и начала XIX столетия.

Вот что записано во вступлении к ревизской сказке 1795 года по селу Елань Пензенского уезда:

«1795 года июня дня статского советника и кавалера Петра Абросимовича Горихвостова Пензенского наместничества и округи села Архангельского, Елань Пенза тож, староста Лаврентий Самсонов... дал сию сказку о положенных в нижеписанном господина моего селе по последней 1782-го года ревизии в подушном окладе людях и крестьянах с показанием из того числа убылых и после ревизии вновь рожденных в показанном селе Архангельском, Елань Пенза тож, дошедшие по купчей господину моему от надворной советницы Марьи Петровны Прокудиной, а ей дошли по купчей же от княгини Гагариной, а ей дошли по наследству от бабки ее родной адмиральши Марьи Ионишны Головиной, которые написаны были в последнюю пред сим ревизию за нею Головиной»¹⁰.

Из этого вступления видно, что указанная вотчина в селе Елань Пензенского уезда в 1782 году принадлежала адмиральше Головиной, потом перешла по наследству княгине Гагариной, которая продала ее надворной советнице Прокудиной, а у нее купил статский советник Петр Абросимович Горихвостов. В еланской вотчине Горихвостовых было в 1795 году 243 души мужского полу и 245 женского¹¹. В этом же селе были вотчины коллежского советника Ермолова, советника Пензенской уголовной палаты Ахлебинина и жены этого советника¹².

У той же надворной советницы Прокудиной Петр Абросимович Горихвостов в 1792 году купил в Пензенском уезде вотчину «в новопоселенной деревне Надеждиной на сухой речке Елань Пензы из села Борисовки», тоже ранее принадлежавшей адмиральше Головиной. В этой вотчине

по ревизии 1795 года числилось мужских душ 45, женских 51¹³.

При первом знакомстве с помещиками Горихвостовыми выясняется, что они были довольно предприимчивы, не ограничивались владениями на старых русских землях в Арзамасском и Ардатовском уездах Нижегородской губернии, а стремились приобрести новые, в более урожайных районах в южной части Пензенской губернии и в приволжских местах Саратовской. О нижегородских и саратовских вотчинах Горихвостовых мы расскажем позднее, а теперь вернемся к пензенским.

К сожалению, нам не удалось найти ревизских сказок по другим пензенским вотчинам Горихвостовых конца XVIII столетия, но нашлись архивные документы, датированные 1816, 1825, 1828 и 1834 годами.

Так, в клировых ведомостях Пензенского уезда по селу Елань за 1825 год в числе крестьян значится 338 душ (муж. пола) гвардии капитана и кавалера Дмитрия Петровича Горихвостова¹⁴ (сын Петра Абросимовича. — *И. В.*).

В клировых же ведомостях за 1828 год помещена краткая характеристика села Кучек Пензенского уезда. В этом селе, по семейным преданиям Макаровых, Кузьма Александрович начинал свою художественную деятельность: «раскрашивал церковь, колокольню».

Села «Архангельского, Кучук-пор тож, за 1828 год, церковь во имя Святого Архангела Михаила беспридельная, одноштатная здания деревянного всем прочная. Иконостас и иконы не полиняли, два сосуда серебряных позлащенных и прочая утварь хорошия, ризница богатая; книги церковного круга все имеются... приходских душ мужского полу в самом селе г-на гвардии капитана Дмитрия Петрова сына Горихвостова 417. В деревнях: 1-е. В Липлейке, того ж господина Горихвостова 25. 2-е. В Поперечном того ж господина 164. 3-е. В Петровском того ж господина 64. Итого 670. Означенные деревни расстоянием от церкви: 1-я — в четырех верстах, 2-я — в семи, 3-я — в шести»¹⁵.

Ну, вот и нашлась деревенька Липлейка, в которой коротал свои детские годы круглый сирота Кузьма Макаров.

Заслуживает внимания еще одна деталь, обозначенная в клировых ведомостях села Кучек (Кучук-пор, Архангельское) за 1828 год: «Иконостас и иконы не полиняли». Кузьма Макаров, вероятно, с первых шагов своей живописной деятельности учился, как составлять краски, чтобы они могли держаться на иконостасах многие годы. И не в Кучках ли начал подросток-богомаз вырабатывать

свой способ сохранения стенной живописи, о котором впоследствии рассказывал И. К. Макаров Л. М. Жемчужникову¹⁶.

После 1822 года, со смертью гвардии прапорщика Петра Петровича Горихвостова, все владения этого рода переходят к его брату гвардии капитану Дмитрию Петровичу Горихвостову¹⁷.

Общее количество крепостных душ у Дмитрия Горихвостова после 1822 года в Пензенском уезде достигло 3 000.

Кроме того, ему же принадлежала деревня Польцо Краснослободского уезда той же Пензенской губернии (1834), в которой были и дворовые и крестьяне¹⁸.

Мы заинтересовались архивами и соседних районов. Была у Горихвостова вотчина и в Нижегородской губернии, в селе Успенском Ардатовского уезда. В 1815 году эта вотчина принадлежала полковнику Авксентию Абросимовичу Горихвостову¹⁹ — брату владельца пензенских поместий конца XVIII столетия Петра Абросимовича.

Владелец Успенского поместья полковник Авксентий Абросимович Горихвостов умер в 1818 году, о чем есть сообщение в ревизской сказке по селу Кашкарову, Ознобишино тож, Ардатовского уезда Нижегородской губернии за 1834 год²⁰. Этот помещик прямых наследников не имел.

После смерти полковника Авксентия Горихвостова поместья в селе Успенском, Сосновка тож, перешли в собственность племяннику гвардии прапорщику Петру Петровичу Горихвостову, который и владел ими до 1822 года²¹.

В селе Успенском было два прихода — Успенский и Вознесенский. В Вознесенский приход, как и в Успенский, по данным 1822 года, входили также крестьяне прапорщика Петра Петровича Горихвостова, кроме того, дворовые и крестьяне приходских к оному селу деревень Крутца и Лакши помещика Алексея Михайловича Аргамакова²².

После смерти Петра Петровича в 1822 году Успенское поместье, как и другие его вотчины, перешло во владение к брату гвардии прапорщику Дмитрию Петровичу Горихвостову, о чем тоже есть сообщение в ревизской сказке за 1834 год²³.

Мы задержались на характеристике владельцев села Успенского потому, что, как увидим позднее, с этим селом и его владельцами связаны важные события жизни Кузьмы Александровича Макарова и его сына академика Ивана Кузьмича.

Кроме Успенского в Ардатовском уезде Нижегородской губернии Горихвостовым принадлежали владения в с. Кашкарово, Ознобишино и в деревнях Крутец и Курилово²⁴. После 1822 года все эти поместья принадлежали, как и пензенские, гвардии капитану Дмитрию Горихвостову. В них насчитывалось в 1834 году 735 мужских душ и 765 женских, а всего 1 500. Кашкарово, Крутец, как и Успенское, достались новому владельцу после дяди, Курилово — после матери²⁵. Да в Арзамасском уезде той же губернии у Дмитрия Горихвостова в 1816 году числились вотчины в селах Лукоянове, Бестужево, Веригине, в деревне Соляная гора и в сельце Ратманове²⁶, доставшиеся ему по наследству от отца, статского советника Петра Абросимовича Горихвостова. По записям 8 ревизии (1834 г.) в этих селениях было 240 мужских и 290 женских душ, а всего 530²⁷. Статский советник Петр Абросимович Горихвостов умер до 1811 года²⁸.

Мы выявили в Горьковском, Пензенском областных и в Мордовском республиканском архивах восемнадцать вотчин, принадлежавших в конце XVIII и начале XIX столетия помещикам Горихвостовым. Эти вотчины были рассредоточены в 8 селах и 10 деревнях пяти уездов, трех губерниях — Нижегородской, Пензенской и Саратовской. В вотчинах Горихвостовых было девять церквей и восемь помещичьих домов, которые обслуживали дворовые крестьяне. В украшении местных церквей и помещичьих домов немало потрудился и Кузьма Александрович Макаров будучи крепостным художником. Вероятно, и теперь можно еще обнаружить в этих селах и деревнях следы его ранней художественной деятельности.

Из процитированных выше ревизских и церковных записей видно, что в конце 10-х — начале 20-х годов XIX столетия гвардии прапорщик Петр Петрович Горихвостов владел имениями и крепостными в Нижегородской губернии, Ардатовском уезде, селе Успенском, что в 30 — 40 верстах от города Арзамаса, и в Пензенской губернии и уезде, селе Кучках с прилегающими к нему деревнями, что в 30 — 40 верстах от Пензы.

Среди многочисленных дворовых и крестьян ему принадлежала и семья Кузьмы и Петра Макаровых.

Ревизские сказки показывают, что Горихвостовы нередко переводили своих крестьян из одной вотчины и другую, поэтому не удивительно, что и Кузьма Макаров, в детстве некоторое время пробыв в деревне Липлейке, потом работал в Кучках, а затем мы находим Кузьму в Огаревке, где проживал дворовый человек того же Горихвостова Те-

рентий Кузьмин, там Кузьма и женился на дочери Терентия Анне, а в Успенской церкви был крещен старший сын его Иван Кузьмич, правда, запись о крещении была произведена гораздо позже.

Жена Кузьмы Александровича Анна Терентьевна была также дворовой Петра Петровича Горихвостова, а до 1818 года — его дяди Авксентия Абросимовича. В ревизских сказках села Успенского Ардатовского уезда Нижегородской губернии за 1811 год записаны мужские души тестя художника — дворового человека Терентия Кузьмина. Ему 44 года, у него брат Родион 41 года. У Родиона сын Федор 2 лет, брат же Яков 37 лет, у Якова дети Галактион 8 лет, Агап 3-х и Федосей 2-х²⁹.

Это же самое повторено и в ревизской сказке за 1816 год. По этой ревизии писались и женские души. Здесь указано, что у Терентия Кузьмина — жена Авдотья и дочери Анна, Мартемьяна, Катерина. А на полях ревизской сказки помечено, что вся семья Терентия Кузьмина в 1814 году переведена в вотчину того же Авксентия Абросимовича Горихвостова в сельцо Огаревку Вольского уезда³⁰ Саратовской губернии.

Мы просмотрели исповедные книги Успенской церкви за 1800 — 1814 годы и в них не нашли семьи Терентия Кузьмина. Вероятно, эта семья была переведена в сельцо Огаревку гораздо раньше, а запись в ревизской сказке оформлена позднее.

Следует заметить, что вместе с семьей Терентия Кузьмина в Огаревку были переведены Горихвостовыми и другие дворовые крестьяне из села Успенского³¹. Это было связано также с перебазируванием помещика вместе с его усадьбой на новые более урожайные земли.

Что касается делопроизводства, то оно было поставлено в вотчинах Горихвостовых весьма неудовлетворительно. Запоздалые внесения изменений в ревизские сказки, пропуски новорожденных, фиктивные записи — все это делалось и с ведома самих вотчинников и без их ведома. Делопроизводство в вотчинах Горихвостовых вели дворовые люди, не всегда хорошо обученные, среди старост были и неграмотные, за которых расписывались односельчане.

Помещики нечасто появлялись в своих владениях. Были случаи безуспешных розысков этих владельцев. Так, Пензенское уездное дворянство в 1795 году избрало предводителем статского советника Петра Абросимовича Горихвостова, избрало заочно. Но найти предводителя в его многочисленных вотчинах разных губерний не удалось. Пришлось провести новые выборы³².

Оба поколения дворян Горихвостовых были довольно образованными людьми, они содержали в городе Пензе театр, который, как указывает историк театральной жизни этого города М. П. Молебнов, посещали «люди лучшего тона». Они «предпочитали бывать на театральных представлениях у Кожина и Горихвостова. Эти театры обслуживали исключительно дворянскую „знать“. Спектакли „губернской“ труппы Кожина шли в дворянском собрании и состояли почти исключительно из комедий, а труппа богача Горихвостова увеселяла своих избранных зрителей операми и „исключительно итальянской музыкой“ в его собственном доме»³³.

Разумеется, при театре нужны были и музыканты, и певцы, и декораторы. И все эти должности в крепостной труппе занимали преимущественно дворовые. Среди них некоторое время, как указывает предание, работал художником-декоратором и Кузьма Макаров.

Мы уже говорили, что покровительство крепостной интеллигенции у Горихвостовых заканчивалось иногда явно трагически. Вспомним печальную историю художника В. А. Смирнова. Были в вотчинах Горихвостовых случаи и продажи крепостных другим помещикам, о чем сохранились записи в ревизских сказках. Но справедливости ради следует сказать, что эти владельцы проявляли порой и гуманность. Так, в ревизской сказке 1834 года по селу Кучкам указано, что крепостной крестьянин Петр Михайлов (57 лет) и его сын Александр Петров (22 лет) «отпущены на волю в 1822 году»³⁴.

В это время был отпущен на волю и Кузьма Макаров. В свидетельстве о рождении его сына Ивана (23 марта 1822 года) отец значится еще «крепостным господина Горихвостова». А в списке учеников А. В. Ступина, составленном 4 февраля 1825 года о Кузьме Макарове записано: «Господина Горихвостова, отпущен на волю»³⁵. Следовательно, освобождение состоялось не ранее 1822 и не позднее 1825 годов.

В семейном предании говорится: «Перед смертью один из Горихвостовых отпустил на волю маляра Кузьму Александровича Макарова с его братом Петром». Владелец Кузьмы Петр Петрович Горихвостов умер в 1822 году. Будучи одиноким, не имея прямых наследников, он и освободил Кузьму с братом от крепостной неволи. Разумеется, вместе с ними была освобождена и жена Кузьмы Анна Терентьевна.

В семейном предании указывается, что Кузьма Макаров пробыл в школе Ступина семь лет, следовательно, он поступил в нее в 1821 году. Это предание подтверждается

документально. В послужном списке учителя рисования Саранского уездного училища К. А. Макарова за 1831 год указано, что он поступил в Арзамасскую школу 1-го августа 1821 года³⁶.

В 1821 году Кузьма Александрович был еще крепостным, тогда как в том же предании сообщается, что Кузьма отпавился в Арзамас будучи уже свободным. Эта часть предания не подтверждается. В списке учеников 1825 года записано впереди о принадлежности Кузьмы помещику, а затем как бы приписано об его освобождении. Правильно на сей счет заключает П. Корнилов, что Кузьма Макаров в школу живописи академика А. В. Ступина был отдан самим помещиком.

Можно предполагать, что в освобождении от крепостного права обоих братьев принял участие и пензенский губернатор (1819 — 1830) Ф. П. Лубяновский, у которого потом много лет служил управляющим Петр Александрович Макаров. Горихвостовы были в близких отношениях с пензенским губернатором, который и мог оказать на них влияние в решении этого дела. Не обошлось, вероятно, и без просьб ближайшего их благодетеля А. В. Ступина, с которым не могли не считаться Горихвостовы.

Биограф Ступина М. Званцев верно подмечает многочисленные случаи заступничества академика за учеников из крепостного звания и приводит документальные данные о том, как благодаря этому заступничеству некоторые художники, учившиеся в Арзамасской школе, получили освобождение от своих помещиков. Так, за время с 1810 по 1815 год было освобождено из крепостного состояния 3 ученика, в 1818 — один, в 1819 — двое³⁷.

Кузьма Макаров вышел из школы Ступина умудренный большим опытом. До этого ему пришлось испытать свои силы и в иконописном деле, и в иконостасном, и в театрально-оформительском, и просто малярном. Ступин научил его мастерству светского портрета. С этими знаниями он и прибыл 1 мая 1828 года в Саранск на должность учителя рисования в уездное училище³⁸.

К. А. Макаров закончил Арзамасскую школу в годы ее расцвета. Историк этой школы М. Званцев замечает: «Период с 1811 года и по 1830 является периодом наибольшей популярности школы. Количество учащихся держится все время на одном уровне: 18 — 20 и более человек, причем на годы 1822 — 1830 падает их наибольшее количество; в эти годы в школе учится наиболее талантливый состав учеников; тут и Алексеев, тут и Раев, Макаров, Мельников, Надеждин, Мясников — люди, которые,

по сути дела, если и не составили „Арзамасскую школу живописи“, то во всяком случае были очень близки между собой по своему искусству или же явились продолжателями ступинской идеи художественного провинциального образования»³⁹.

Арзамасская школа живописи выпускала не только художников-профессионалов, но и педагогов, учителей рисования для общеобразовательных школ — гимназий и уездных училищ. Как указывает М. Званцев, «рисовальные учителя из ступинской школы работали в самом Нижнем, в Арзамасе, Балахне, Горбатове, Макарьеве, Васильсурске, в Чистополе, в Царево-Коктайске (Йошкар-Оле), в Серпухове, Пензе, Москве, Перми, Ирбите, Сергаче, Семенове, Архангельске, в Уфимской губернии...»⁴⁰.

А. В. Ступин не мог не учитывать растущие потребности на учителей рисования для открывающихся в первой четверти XIX века в городах России уездных училищ и гимназий, в которых по штатам полагались рисовальные учителя. И это вдохновляло как самого академика, так и его учеников.

Наконец-то пришло время, рисовальное искусство зачиналось во многих городах России, дотоле в них не существовавшее. И это обуславливало необходимость приспособлять программы художественной школы к новым потребностям.

Г. Г. Поспелов в работе «Провинциальная живопись первой половины XIX века» правильно оценивает значение местных художественных школ в деле распространения рисовального искусства того времени.

«Быть может, — пишет он, — более важной в целом, хотя, разумеется, и незаметной в каждом отдельном случае, была та польза, которую приносили для распространения художественной культуры на периферии многочисленные учителя рисования в гимназиях и уездных училищах.

В 1832 году был принят новый порядок зачисления этих учителей на их должности. Если раньше подбор педагогов был случаен и в училища попадали, как правило, неподготовленные люди, то теперь кандидаты стали проходить вступительный экзамен по программе, составленной Академией художеств, присылая в Академию свои рисунки с оригиналов, гипсов и архитектурных ордеров.

В большинстве случаев учителями рисования становились местные художники, получившие подготовку в провинции, однако с 30-х годов преподаванием на периферии все чаще занимались и выпускники Академии художеств.

В первой половине столетия появилось много разнообразных пособий и курсов для обучения рисованию в гимназиях, и местные гимназии и училища все чаще требовали от Академии присылки этих пособий.

Все эти изменения очень медленно накапливались в провинции первой половины XIX века, ученики получали в училищах лишь основы рисовальных навыков. Однако наряду с работой местных художников и провинциальных художественных школ деятельность учителей рисования несомненно вносила свою лепту в развитие художественной культуры провинции»⁴¹.

Некоторые традиции изучения основ искусства были в Саранске и до прибытия в этот город Кузьмы Макарова. Так, в духовной гимназии, открытой в 1778 году, среди изучаемых предметов было введено пение.

Историк древнейших учебных заведений нашего края М. Сацердотов сообщает: «Обучение в гимназии вели начальник ее, именовавшийся префектом, и два учителя (сначала был один). Как начальник, так и учителя были преимущественно из лиц монашествующего и белого духовенства. Предметами обучения были: наставления в законе божьем, чтение, пение, чистописание, арифметика, русская грамматика и начатки латинской. Гимназия разделялась на три класса (сначала их было только два): информаторский, грамматический и синтаксический...»⁴².

Саранская духовная гимназия была упразднена в 1803 году в связи с переходом города из Нижегородской во вновь созданную Пензенскую епархию и появлением духовной семинарии в новом епархиальном центре. В открывшейся по указу святейшего синода в 1808 году в Саранске, в бывшем гимназическом здании, вновь учрежденной Русской духовной школе обучались дети церковнослужителей Саранского, Инсарского и Городищенского уездов. «Школа состояла из 2-х классов. В первом классе обучали чтению, письму, нотному пению и церковному уставу, сучению свеч, рисованию, во втором — закону божьему, географии, истории, арифметике и сообщали сведения о должностях пресвитеров приходских. Начальником школы был архимандрит монастыря, а преподавателями в первом классе — монашествующие, а во втором — из городских священников...»⁴³.

Обе названные школы действовали при саранском Петропавловском монастыре. При этом же монастыре и в том же здании было открыто и первое светское учебное заведение под именем малого народного училища⁴⁴. В делах Саранской городской думы сохранился документ,

датирующий открытие первого государственного светского учебного заведения в нашем городе.

«В Саранскую городскую думу!

Саранского уездного училища, от учителя титулярного советника Акаевского.

На таковое же из оной думы сообщение, присланное сего генваря 8-го дня, под ц 7, коим испрашивает о здешнем преждебывшем народном училище, кем оное с 1802 года заведено, по какому повелению и от кого получало содержание? Имею честь уведомить: Оное училище в Саранске открыто было в силу устава о народных училищах по повелению монарха, с 1787 года октября 14 дня, а не с 1802 года, и получало содержание из Пензенского приказа общественного призрения до 1806 года, сентября 5 дня; но с того времени приказ предписал Саранской городской думе, дабы она содержанием сего училища взяла на себя; о чем имеет она в виду у себя и предписание.

Генваря 15 дня 1808 года Учитель титулярный советник *Федор Акаевский*⁴⁵.

Как видно, саранский Петропавловский, а ранее Петровский и Ильинский монастыри были первыми очагами образованности на территории большой округи еще во второй половине XVIII столетия и в начале XIX. Из документов выясняется и то, что значительное содействие этому делу оказывал известный филолог академик Дамаскин, бывший в свое время ректором Московской славяно-греко-латинской Академии, а с 1783 по 1794 епископом Нижегородской епархии, в которую входил в то время и город Саранск.

Мы уже упомянули, что по распоряжению Дамаскина Саранская духовная гимназия из малоприспособленного и древнего помещения при Петровском монастыре была 3 сентября 1787 года переведена в добротное здание при Петропавловском монастыре. Разумеется, не без согласия архиерея «более пространное отделение этого здания в начале одного же учебного года было передано для вновь открытого народного училища»⁴⁶.

Это народное училище в соответствии со школьным уставом 1804 года и было преобразовано в уездное⁴⁷.

В местных архивах встречаются документы о деятельности Саранского училища со времени его открытия, из которых явствует, что первые десятилетия оно имело довольно примитивное оборудование и крайне ограниченные ассигнования. В приходно-расходной смете Саранской городской думы за 1806 год указано:

«По предложению его превосходительства пензенского губернатора тайного советника Вигеля Филиппа Лаврентьевича и по требованию здешнего уездного училища смотрителя г-на майора Шелехова в пред оного училища на учителя семьдесят рублей, на сторожа восемь рублей, да на отопление и на освещение училищного дома на зимние месяцы будущего октября с 1 мая по 1 число, также на бумагу и сургуч пятьдесят семь рублей двадцать пять копеек, а всего сто тридцать пять рублей двадцать пять копеек. Отпущенные деньги сто тридцать пять рублей двадцать пять копеек принял смотритель училища Никифор Шелехов и расписался»⁴⁸.

В том же году «куплено в здешнее народное училище к стиранию с вышепоказанной доски слов, грецкой губы двадцать четыре золотника по три копейки за каждый» и еще «по предложению Вигеля (губернатора) за сделание в здешнее народное училище столярной работою доски и за выкрашение ее на задачи ученикам арифметической науки рубль двадцать копеек — купцу Кузнецову... выдано»⁴⁹.

Столь малые суммы станут понятны, если мы примем во внимание, что вся расходная часть по смете городской думы 1806 года составляла 1 261 руб. 33 копейки⁵⁰.

Хотя новый школьный устав и появился в 1804 году, но официально Саранское малое народное училище было преобразовано в уездное через три года. В архиве дирекции училищ Пензенской губернии указано:

«В Саранске основано в 1787 году, октября 14 дня, училище и называлось прежде Малое народное... а с 1807 года, августа в 30 день преобразовано в уездное»⁵¹.

Следует заметить, что Саранское уездное училище открылось в том же году, в котором и Пензенское, в других городах губернии это произошло позднее: в Краснослободске — в 1808; в Чембаре — 1822; в Нижнем Ломове — в 1823⁵².

В первом году существования (в 1807) в училищном доме был произведен необходимый ремонт и реконструкция самого здания с тем, чтобы удобнее разместить второй класс. «По сообщению здешнего народного училища г-на смотрителя Торбеева, за прорубку в оном вновь дверей в другие покои, в коих помещен второй класс, за починку в большом зале пола и за выбеление двух печек, за лес и за работу однодворцу Николаю Колчину — 8 рублей уплачено. Уплачено также „за выкрашение кафедры и дверей и 6-ти столов со скамьями ученическими, за краску и работу купецкому сыну Ивану Дунаеву 8 рублей“»⁵³.

И наконец, «в то же училище куплен на торгу дубового лесу сундук, дан 3 рубля 50 копеек, и за оковку оного

железом кузнецу купецкому брату Петру Лепину 5 рублей выплачено». «В оное же училище куплен на торгу замок для запирания сундука с казной дан 1 рубль»⁵⁴.

Как видно из архивных документов Саранской городской думы, до преобразования местного малого народного училища в уездное в нем, кроме смотрителя (начальника) был лишь один учитель. Со времени преобразования, с 1807 года, стало два: упомянутый ранее титулярный советник Федор Акаевский и Иван Зоммер. Эти два учителя проработали в Саранске не один десяток лет, они впоследствии сблизились с Кузьмой Макаровым.

Руководители училища в первое время часто менялись. К тому же они были преимущественно людьми с военными званиями. Мы уже указывали, что в 1806 году смотрителем был майор Никифор Шелехов. Его сменил в 1807 году флота лейтенант Дмитрий Торбеев⁵⁵.

Каков же заработок учителя Саранского уездного училища? Смотритель Торбеев просил городскую думу «отпустить сторожу и одному учителю на сентябрьскую треть 1808 года 78 рублей под расписку учителя оного училища Ивана Зоммера»⁵⁶. В этом же архивном деле есть другой документ: «Отпущено под расписку гг. учителей Акаевского и Зоммера, как ему Акаевскому равно и сторожу в жалованье по третям за 1808 год 234 рубля»⁵⁷.

Нетрудно подсчитать, что годовой оклад учителя составлял 210 рублей, а сторожа — 24 рубля.

Ни квартирных, ни иных каких-либо компенсаций учителям городская дума в первое время не предусматривала.

Мы не знаем, где размещалось в первое время Саранское уездное училище. Вероятнее всего в здании бывшей духовной гимназии, в монастырском дворе, но потом оно приобрело собственное помещение. В алфавитной книге города Саранска за 1811 — 1814 годы записано: «Титулярный советник Федор Иванов Акаевский. Дом имеет от общества покушной, для училища, 2-й дом имеет свой собственный в Ильинской улице Московской первой части»⁵⁸.

Этот покушной дом был ветхий и не удовлетворял минимальные запросы ни учителей, ни учащихся. В 1826 году Саранское уездное училище обзавелось более удобным зданием.

В ведомости о благосостоянии Саранского уездного училища за 1830 год⁵⁹ указано, что оно приобрело. «Новый училищный деревянный дом на каменном фундаменте с флигелем и погребницею, выстроенный в прошедшем 1826 году и пожертвованный сему училищу почетным смотрителем надворным советником, что ныне коллежский советник и

кавалер, Нечаевым. Да сверх одного имеется после старого училищного дома усадебная земля коей поперечнику 20, а длиннику 35 сажень».

В конце 20-х и начале 30-х годов прошлого столетия в Саранском уездном училище, как и в других подобных учебных заведениях, было три класса: приготовительный, 1-й класс и 2-й класс. Руководство училищем осуществляла Пензенская губернская дирекция.

В Пензенском областном архиве сохранились обзоры Саранского уездного училища. В них указываются и предметы, изучаемые в то время, и состав учителей и учащихся.

Вот что записал директор пензенских училищ надворный советник Григорий Абрамович Протопопов при обследовании Саранского уездного училища 15 и 16 мая 1831 года: «В приготовительном классе 36 человек, в 1-м — 30 и во 2-м — 9. Ученики поведения хорошего, христианские обязанности исполняют...

Ученики приготовительного класса испытываемы были. Оказали успехи. В чтении по книгам церковной и гражданской печати — хорошие. Из сокращенного катехизиса с начала до конца изрядные. Первые части арифметики, с начала до умножения простых чисел — слабые. В чистописании — слабые.

Ученики 1-го класса. Из пространного катехизиса, с начала до таинства Евхаристия — не худые. Из священной истории, с начала Ветхозаветной до Новозаветной — не худые. Первой части арифметики, с начала до деления именованных чисел — изрядные. Российской грамматике, с начала до словосочетания — родственные. В чистописании — слабые. Рисованию — не худые.

Ученики 2-го класса. Из пространного катехизиса, пройден весь — хорошие. Священной истории нового завета, вся пройдена — хорошие. Второй части арифметики, до извлечения квадратных корней — изрядные. Но пройдено мало. Геометрии, черчению некоторых фигур — довольно недурные. Российской грамматике, с начала до правописания гласных букв — довольно недурные. Всеобщей географии, до Восточной Индии — довольно нехудые. Географии Российского государства, до жителей разных племен — хорошие. Математическую географию всю прошли — родственные. Следует показать на глобусе. Всеобщей истории, с начала до главных происшествий Северной Европы в 1523 году — хорошие. Российской истории до Петра Алексеевича Первого — хорошие. Из чистописания и правописания — слабые. Рисование — довольно нехудые...»⁶⁰.

Мы процитировали этот документ с тем, чтобы наглядно представить и программу обучения в уездном училище, и уровень развития учащихся, и степень подготовки учителей того времени.

Как видно из этого обзора, предмет, который вел учитель рисования Кузьма Александрович Макаров, хотя и значится в конце списка, однако благодаря высокой квалификации педагога заметно выделяется среди других.

До прихода Кузьмы Макарова рисование в Саранском уездном училище вели не специалисты этого предмета. Он был первым дипломированным педагогом рисовального дела в этом городе и приложил немало усилий для распространения живописного искусства среди местного населения.

Через неделю после отъезда директора из Саранска штатный смотритель уездного училища Ф. И. Акаевский писал в Пензу:

«Господину Директору Пензенских училищ и кавалеру.

В сходственность предписания училищного комитета, Казанского университета и Пензенской гимназии⁶¹, г-на исправляющего должность директора, старшего учителя Знаменского, последующего за ц 403, коим повелевается за отличия чиновников делать представления в сем месяце. О чем и имею честь Вашему Высокоблагородию донести, что денежного награждения ни одному из чиновников просить от начальства я не смею. Но долгом и обязанностью себе поставляю представить Вам на благорасмотрение, об рисовальном, сего училища, учителе, состоящем в чине 14 класса Козьме Александрове сыне Макарове, что он, продолжая, свою службу с отличным старанием и прилежанием безотлучно более указанных 3-х лет, заслуживает представленным быть к следующему чину. А на сей классный его чин осмеливаюсь просить законного утверждения и выдачи патента. Буде угодно сие и не противно Вышнему начальству.

Штатный смотритель училища *Федор Акаевский*⁶².

Высокую оценку и одобрение педагогической деятельности саранского рисовального учителя выразил и визитатор Казанского университета профессор Яков Караблинов в следующем 1832 году. В «Журнале обозрения Саранского уездного училища» он записал: «Ученики 1-го класса рисуют изрядно, а ученики 2-го класса рисуют очень нехудо... Учитель рисовального искусства с познаниями хорошими. Поведения честного...»⁶³.

Благодаря этим отзывам бывший крепостной человек Кузьма Макаров удостоился и повышения в чинах. В 1831 году он числился «состоящим в чине 14 класса», т. е. кол-

лежским регистратором⁶⁴. В 1832 году — в том же чине⁶⁵. В 1833 году — он уже губернский секретарь⁶⁶.

Тем не менее материальное положение педагога-художника, обремененного большой семьей, было крайне тяжелым. Если другие преподаватели того же учебного заведения получали жалование 250 рублей в год, то рисовальный учитель — только 75⁶⁷. Невелик был доход и от живописной школы, которую он создал в Саранске и любовно пестовал ее на протяжении более чем двух десятилетий.

Сам художник вспоминает: «Я жил искусством и для искусства».

ШКОЛА

Вдохновленный первыми признаниями Академии художеств, подкрепив свои профессиональные знания в мастерских А. В. Ступина, Кузьма Макаров начал деятельно осуществлять давно взлеянную мечту — создание своей собственной школы живописи. Но ни медаль, полученная в 1825 году от Академии, ни звание рисовального учителя, которого удостоился художник в 1828 году, а равно и прекрасная аттестация арзамасского наставника и благодетеля, данная при выпуске из школы, не улучшили материального благосостояния саранского первоначальника живописного дела.

В воспоминаниях Л. М. Жемчужникова, вероятно, значительно преувеличены материальные возможности Кузьмы Александровича Макарова арзамасского периода времени. Сын художника Иван Кузьмич, рассказывая по памяти автору воспоминаний о заработках своего отца в ступинской школе, наверное, не совсем точно указал суммы этих заработков. В самом деле, если бы Кузьма Макаров, как говорится в воспоминаниях, получал 800 рублей в год, будучи в услужении содержателя этой школы, то он, при жесткой экономии, свойственной выходцам из крепостного состояния, сумел бы скопить некоторую сумму денег для начала своего собственного дела. Но этого не произошло. Не имел еще к тому времени достаточных накоплений и брат художника Петр Александрович Макаров, так же, как и Кузьма, недавно получивший освобождение из крепостного состояния. Материальную помощь от брата художник получит позднее.

Открывая живописную школу в Саранске, Кузьма Александрович Макаров не мог еще приобрести собственного здания для этого учебного заведения. Правда, он получил моральную поддержку от своих новых сослуживцев и коллег по уездному училищу — Федора Акаевского и Ивана Зоммера. Но и они не были столь обеспеченными, чтобы поддержать материально новое дело. Это оказалось посильным лишь более состоятельному человеку — почетному смотрителю училища Андрею Нечаеву.

Мы уже говорили, что Саранское уездное училище размещалось в то время в доме, построенном почетным смотрителем этого училища А. А. Нечаевым и в 1826 году переданном в собственность опекаемому им учебному заведению.

Этот ревнитель народного образования много лет материально поддерживал Саранское уездное училище. Он еже-

годно вносил на содержание его значительные по тому времени суммы (в 1830 году — 250 рублей¹, в 1832 — 180²), постоянно содержал на свой счет по два-три воспитанника из небогатых семей³, заботился об улучшении материального состояния преподавателей. Он же предоставил возможность и Кузьме Александровичу Макарову разместить первый набор учеников живописной школы в стенах училищного дома.

Вспомним указание на этот счет самого Кузьмы Александровича Макарова в одном из рапортов Академии художеств.

Напомним, что художественное образование он получил в Арзамасской школе живописи у академика Ступина и что во время обучения в Арзамасе был награжден Академией художеств серебряною медалью первого достоинства, Кузьма Александрович писал, что по окончании обучения он «был определен рисовальным учителем уездного училища в городе Саранске, в котором завел школу живописи в 1828 году июля 27 дня»⁴.

В этой связи становятся понятными и указания его же, занесенные в послужные и именные списки деятелей уездных училищ Пензенской губернии начала 30-х годов прошлого столетия.

В «Послужном списке об училищных чиновниках Пензенской дирекции за 1831 год» указано, что «состоящий в чине 14 класса Козьма Александров сын Макаров... недвижимого имущества не имеет»⁵. В подобном же «Послужном списке... за 1832 год» повторено: у «14 класса Козьмы Александрова Макарова недвижимого имущества нет»⁶. А в «именном списке за 1833 год» записано, что «учитель рисования в Саранском уездном училище Кузьма Макаров... получает квартирные деньги»⁷.

А. А. Нечаев был и ранее причастен к искусству. Рассматривая хронику классных занятий и подрядной практики арзамасских учеников живописи по годам, мы находим помету: «1815 — 1818 годы были заполнены производственными работами всей школы в г. Пензе, в соборе, в с. Пятине у г. Анненкова и в с. Салме для г. Нечаева»⁸.

Салма — это одно из ближайших сел в северной окрестности Саранска. Оно находится в двадцати километрах от города. Салминские поля почти соприкасались с полями городских крестьян. А дорога из Саранска через деревню Владимировку и теперь называется Салминской.

Бывший владелец Салмы — он же и почетный смотритель местного уездного училища. Подтверждение этому мы находим в «Списке Саранского уезда владельческим душам, с которых назначены поставки во внутреннее ополчение

воинов 1812 года». В этом «Списке» указано: «Нечаева, надворного советника, Андрея села Салмы 320 душ. Его же села Еремеева из 96 — 80 душ». Подлежат поставке 12 воинов⁹.

Сохранился и послужной список надворного советника А. А. Нечаева — почетного смотрителя Саранского уездного училища 1832 года, т. е. того времени, когда в нем состоял преподавателем рисовального искусства Кузьма Макаров.

Этот послужной список мало чем отличается от подобных документов, характеризующих служилое дворянство той поры. Вначале обозначены чин, ордена, имущественное: «Надворный советник и кавалер орденов Владимира 4 степени и Анны 2 степени, Андрей Андреев сын Нечаев, 47 лет, из дворян, родовое имение в Саранском уезде, 438 душ».

Потом указана военная служба по формальной записи с шестилетнего возраста. «Служил в лейб-гвардии в Семеновском полку капралом с 1791 года, фурьером — с 1794, сержантом — с 1795, потом в Выборгском мушкетерском полку подпоручиком с 1796, в Казанском гарнизонном полку с 1797, поручиком — с 1798, штабс-капитаном — с 1799, капитаном — с 1799. Отставлен от воинской службы майором, для определения к статской службе и причислен к герольдии».

Далее идет перечень гражданских должностей и званий А. А. Нечаева: «В 1802 году в Казанском почтамте бухгалтерский помощник, коллежский асессор в 1803, экспедиционный помощник в 1804, надворный советник в 1808, экспедитор в 1811, получил св. Владимира 4 степени в 1811, в Почтовом департаменте — в 1812. Уволен по болезни в 1813, определен в Тамбовский почтамт офицером осмотра почтовых станций в 1813. Холост. Уволен из почтового ведомства по прошению в 1816».

Г-ном министром народного просвещения утвержден почетным смотрителем Саранского уездного училища в 1825 году. За усердную и ревностную службу к настоящей должности и за постройку училищного дома всемиловейше пожалован кавалером св. Анны 2 степени в 1828 году»¹⁰.

В среде Саранского уездного дворянства того времени было немало жестоких крепостников, невежд и прожигателей жизни. Андрей Андреевич Нечаев выделялся среди этого дворянства и характером и своей просветительской деятельностью. Он был знаком с академиком живописи А. В. Ступиным, пользовался услугами его школы, а когда стал почетным смотрителем уездного училища, решил об-

завестись хорошим специалистом рисовального дела, пригласил для работы в этом училище одного из лучших воспитанников и помощников арзамасского академика.

Кузьма Александрович Макаров, как специалист рисовального дела, заметно выделялся среди своих коллег из других уездных училищ губернии. Так, в Краснослободске рисование преподавал по совместительству штатный смотритель и учитель 2-го класса Михаил Антонович Левицкий, обучавшийся в Рязанской семинарии¹¹, в Нижнем Ломове — штатный смотритель и учитель 2-го класса Поликарп Васильевич Орлов, обучавшийся в Пензенской семинарии¹², в Саранске (до Кузьмы Макарова) вел рисование учитель 2-го класса Иван Христофорович Зоммер, обучавшийся в кадетском корпусе¹³.

Все это люди, достойные внимания как учителя общеобразовательных предметов. Но они не имели специально художественного образования и, разумеется, не могли рисовальное искусство поднять на должную высоту. Да и винить руководителей уездных училищ Пензенской губернии было нельзя. Негде было взять специалистов. Их не готовили ни в губернском центре, ни в уездных.

Первой в губернии специальной школой, которая поставила задачу подготовки художников трех профилей (иконописцев, мастеров светской живописи, рисовальных учителей) была школа Кузьмы Александровича Макарова. Это хорошо понимал А. А. Нечаев и способствовал ее учреждению в Саранске.

Саранский «училищный, деревянный, одноэтажный на каменном фундаменте дом»¹⁴, в котором и начала свое существование живописная школа, был довольно вместительный: «длина всего дома 9 сажен, ширина $77\frac{1}{2}$, крыт тесом»¹⁵. Кроме того, во дворе стояли флигель для размещения служб и кухня¹⁶. Дом, как и флигель, были «выкрашены на масле, крыша красною краскою, стены дикою, карнизы и наличники белою»¹⁷. Подобная раскраска напоминает некоторые нижегородские и арзамасские фасоны. Не был ли инициатором этого дела Кузьма Макаров? Училищная усадьба заметно выделялась среди прочих строений Саранска того времени.

В построенном А. А. Нечаевым доме, однако, было довольно тесно. В 1832 году в нем размещались: уездное училище с двумя классами, приходское вознесенское с одним классом, смотритель и учитель 2-го класса¹⁸. Тем не менее визитаторы из Казани и Пензы отмечали, что «дом твердый, содержится в чистоте и опрятности»¹⁹, или «дом и флигель прочные, содержатся в надлежющей чистоте»²⁰.

Открывая живописную школу, Кузьма Александрович воспользовался, разумеется, и училищной библиотекой и учебным оборудованием. В училище было две библиотеки: фундаментальная и продажная (т. е. склад книг, которые продавались ученикам). И та и другая были невелики. По данным 1831 года, в первой было 516 экземпляров книг, во второй — 365 (на сумму 273 рубля 25 копеек)²¹. Еще беднее было учебное оборудование: «географических карт с планиглобием 5 ветхих, 2 глобуса, земной и небесный, третья сфера»²².

По данным 1830 года, «2 глобуса, сфера, геометрический неполный инструмент, ландкарты 4 частей света и 2 Древнеримской империи и некоторые рисунки»²³.

Конечно, «некоторых рисунков» училищных для плодотворных занятий по живописи было недостаточно, и Кузьма Александрович должен был на свои скудные средства приобретать образцы для копирования: эстампы, головки, бюсты. Говоря об обучении старшего сына, Макаров указывает, что тот вырастал «среди красок и полотен»²⁴. Следует учесть, что это были преимущественно произведения самого Кузьмы Макарова и учеников школы. Классических образцов, хотя и в копиях, было крайне недостаточно. В этих условиях решающее значение имело педагогическое мастерство учителя.

Известно, что прообразом Саранской живописной школы была Арзамасская. Об этом писал и сам Кузьма Александрович Макаров: «По примеру знаменитого моего учителя я в Саранске учредил небольшую школу живописи. Не один, а многие из мальчиков ко мне отданных, вынесли из мастерской моей ежели не полное искусство, то, по крайней мере, крайнюю любовь к нему, жажду знания и тот дух трудолюбия, которые, ежели смею так выразиться, есть удел художников»²⁵.

Кузьма Александрович принес в Саранскую живописную школу не только знание предмета и практический опыт, но и довольно совершенную методику преподавания. В Арзамасе он состоял в перспективном классе²⁶, которым непосредственно руководил сын академика — Рафаил Александрович Ступин, талантливый художник и педагог.

Рафаил Ступин в 1819 году возвратился в Арзамас из Петербургской Академии художеств с хорошей столичной подготовкой. За восемь последних лет он «ввел в обиход школы черчение с эстампов, прямо пером, без абриса карандашом, увеличение или уменьшение рисунков против оригиналов. Он открыл также перспективный класс, из которого вышли художники: Н. Алексеев, В. Раев, В. Щегольков, К. Макаров, И. Зайцев»²⁷.

Опыт своей педагогической деятельности Р. А. Ступин изложил в обстоятельном труде, который сохранился в рукописи: «Наука рисования и живописи, с верным руководством по правильному и скорейшему достижению познания их. Составленная императорской Академией художеств художником 1-го достоинства исторической живописи и медалистом Рафаилом Ступиным»²⁸.

В этом руководстве изложены и основные разделы программы обучения живописному искусству, и методика преподавания, даны указания о необходимой литературе и рекомендованы классические образцы живописи, скульптуры, гравирования и архитектуры.

Говоря об истории искусства, автор руководства замечает: «Рисование и живопись происходят от самых первобытных людей, кои по инстинктивному влечению к подражанию положили начало рисования хотя в грубых чертах, но время и опытность людей довели младенческое — первобытное искусство до усовершенствования»²⁹.

Не ограничиваясь общими замечаниями, автор, хотя и кратко, дает освещение истории художеств различных народов. При рассмотрении русского искусства рекомендует для изучения творчество архитекторов Старова, Кокоринова, Захарова, Стасова, Воронихина, Михайлова, скульпторов Козловского, Мартоса, Прокофьева, живописцев исторического рода — Лосенко, Акимова, Угрюмова, Шебуева, Егорова, портретного — Кипренского, Варнека, видописи — Воробьева, Щедрина, гравирования — Берсенева, Уткина³⁰.

Р. Ступин рекомендует учитывать национальное своеобразие искусства. «Водворили, — пишет он, — во всей Европе подражательную новую архитектуру итальянскую, но вместе с сим, в частности народной, в зданиях лишили удобства и самобытности или национального оригинального характера зодчества. К тому же, дробя и пестря строительное искусство древних новоизобретениями и новыми стилями, отклоняли архитектуру от красоты эстетической»³¹.

Довольно увлеченно и весьма почтительно оценивает автор руководства значение искусства: «Пленяя картинами происшествий зрение, как верный путь к сердцу, кроме удовольствия оно приносит пользу; показывая обязанности человека, рождает в нем благородные правила, содействует более чувствительным, утешает бурное волнение страстей, — наклоняет к добродетели и поселяет мир и наслаждение в душе»³².

«Сюжеты для сочинения следует избирать такие, которые бы были занимательны и поучительны», а «обрисовывая

фигуру, надлежит прежде всего сыскать в ансамбле положение или движение фигуры; равно пропорцию в главных частях, как-то: к туловищу головы, ног и рук, с означением легкими чертами и главных мускулов», больше «наблюдать натуру и рисовать с нее, обогащая тем память, навык руки и свой портфель»³³.

Как видно, в руководстве, составленном Рафаилом Ступиным, господствовали принципы классицизма, но заметны и черты реализма, отход от условностей, тяга к натуре и ее глубокому познанию. Подобных принципов придерживался и Кузьма Макаров, обучая учеников Саранской живописной школы.

Об этом свидетельствует сам Рафаил Александрович Ступин в обращении к своим бывшим ученикам: «Тогда вспомните и обо мне грешном, что я трудился в Арзамасской школе для образования беспомощных вас (учеников) в глуши с малыми способностями, забывая собственные житейские выгоды свои, из одного человеческого сострадания, и первый дал хотя немногим в живописи методическое наставление, за что вашими успехами и был награжден, видя впоследствии созревшие моего рассадника плоды в гг. Раеве, Алексееве, Надеждине, Каширине, Щеголькове, Макарове, Гальянове, Пожарове и других»³⁴.

Однако Кузьма Макаров не был механическим подражателем учителя. Руководствуясь своим большим опытом и движимый идеей народности в искусстве, он пропагандировал среди учеников такие темы, как жизнь русской деревни («Девушки на гулянье в русском костюме»), быт национальных меньшинств России («Две молодые мордовки»), «запрещал изливания в юношеских фантазиях, беспрестанно повторял, что верность рисунка, верность своей идее, строгость вымысла есть первое условие художника»³⁵. В нем сказывался суровый реализм бывшего крепостного человека.

В жизни школы, особенно в 30-е годы, постоянно ощущался недостаток средств к существованию. Ученики вместе с учителем часто выезжали на подряды как иконописцы. Сам Кузьма Александрович писал об этом:

«Обременный большим семейством, тревожимый крайностью и чувствуя, что кроме обязанности службы (имеется в виду должность рисовального учителя в уездном училище. — *И. В.*), есть другие обязанности, святейшие, могущественнейшие, — я оставил службу, трудами снискивая пропитание себе и семейству, занимаясь преимущественно иконописанием. Смее сказать, что более пяти уездов, к Саранску прилегающих, в храмах мною украшенных, приносят подателю всех благ теплые мольбы свои. Но и тут,

лишенный всех средств, разъединенный с художественным миром тягостою обстоятельств, я должен был поочередно быть архитектором, и плотником, и маляром, творить новые разнообразные образцы, всюду являться новым и изящным, для того, чтобы с простыми работниками дать храмам то величие, ту красоту, с какими должен возноситься дом бога живого»³⁶.

Разумеется, эта многогранная работа, проводимая Кузьмой Александровичем Макаровым и его школой, имела большое значение в деле распространения живописной культуры среди местного населения, но она, эта работа, вместе с тем сбивала на шаблон, приучала к холодному ремесленничеству.

Сам Кузьма Александрович вполне сознавал, что одной иконописной работой жить нельзя. Художник мог превратиться в маляра. «Не буду лгать, — читаем мы далее его откровенное признание, — если скажу, что среди этих трюев развездной жизни, отрывающей меня от того, что любил всей силой сердца и воли, среди этой размалеванной нищеты, я жил день за день отыскивающий себе насущную пищу, для того, чтобы дать пропитание больной жене и восьми малолеткам...

Я жил искусством и для искусства, и широко разметывалась потребность души моей в горячо исполняемых созданиях; и во всех их я думал или, по крайней мере, хотел осуществить тот высший луч света, который проникал в мою душу и который, может быть, увы, только освещал и согревал ее одну, не изливаясь в произведениях руки моей...»³⁷.

Перед нами суровая правда героической борьбы подвизника искусства, выходца из народных низов, поднимающегося до понимания высокого предназначения живописного дела.

Все это писал Кузьма Александрович в Академию художеств в конце 1841 года, в то время, когда Саранская живописная школа не была еще связана с этим высоким учреждением. Да и не было еще оснований к Установлению над ней академического шефства.

Почти четырнадцать лет прошло со времени открытия Саранской живописной школы, двадцать человек было выпущено художников и рисовальных учителей, но работ, которые могли бы заслужить внимание Академии художеств, пока еще не было, а стало быть, и не было направляющего руководства. Школа медленно и мучительно вырастала из иконописной мастерской.

Первым, кто из саранских воспитанников удостоился внимания Академии, был старший сын Кузьмы Александровича —

Иван Кузьмич Макаров, который поднял престиж школы отца и вывел ее из малой известности.

А теперь мы коснемся семьи К. А. Макарова, которая выдвинула из своей среды школы художников и художниц. Сам содержатель школы сообщает, что у него было восемь человек детей. В прошлом веке Россия была многодетной страной. Но из-за распространения эпидемий, несовершенных средств борьбы с ними, антисанитарии и малой культурности населения выживали немногие. У моего деда по отцу — саранского жителя Василия Васильевича Воронина — родилось 12 человек, а выжило 2; у деда по матери Василия Петровича Егунова родилось 14 человек, а выжило 5. Эти саранские примеры характерны и для других провинциальных городов России прошлого столетия.

Кузьма Александрович Макаров появился в Саранском уездном училище, имея одного шестилетнего сына — Ивана Кузьмича, будущего академика — и одного года дочь — Александру. Прочие шесть родились в Саранске. В послужном списке рисовального учителя за 1831 год указано:

«Женат. Имеет детей — сына Ивана девяти лет; дочерей — Александру — 5, Елизавету 2 лет, находящихся при нем»³⁸.

В подобном же списке за 1832 год тоже записаны дети Кузьмы Макарова: Иван 10 лет, Александра — 7, Елизавета — 3, сын Николай — 4 месяцев³⁹.

О возрасте прочих сыновей и дочерей художника до сих пор не было достоверных сведений.

Мы обратились к метрическим книгам церковей города Саранска и разыскали записи о рождении детей Кузьмы Александровича Макарова, будущих художников и художниц — учеников и учениц его школы и ближайших помощников как по самой школе, так и по иконописным подрядам.

Саранские метрические записи о рождении детей художника указывают и его церковный приход и близких знакомых, записанных как восприемников (крестных отцов и матерей). Краткий обзор этих документов мы начнем с выписки их «Книги записей родившихся, браком сочетавшихся и умерших Казанской церкви города Саранска, за 1831 год».

«В декабре месяце, двадцать шестого числа у коллежского регистратора Космы Александрова Макарова и законной жены его Анны Терентьевой родился сын Николай, крещен 28. Восприемники были: саранский полицмейстер штабротмистр Лука Иосифов Лазовский и титулярная советница Ульяна Яковлева Далматова. Молитво-

вал и имя нарек и крещение совершил приходской священник Анатолий Покровский. При крещении находились той же церкви диакон Дмитрий Алфимов, дьячок Михаил Лентовский»⁴⁰.

Вслед за Николаем, будущим содержателем Пензенской живописной школы, родилась дочь Серафима, впоследствии художница-копироващица. О ее появлении записано в метрической книге той же Казанской церкви города Саранска за 1834 год: «В июле месяце, двадцать пятого числа у коллежского регистратора Космы Александрова Макарова и законной жены его Анны Терентьевой родилась дочь Серафима. Крещена 28».

Крещение этой новорожденной было совершено более торжественно, с приглашением более высоких по чину священнослужителей. «Молитвовал, имя нарек и крещение совершил Петропавловского монастыря в числе братства священник Алексей Федоров. При крещении были: прото-диакон Разсудов, дьячок Михаил Лентовский». Восприемники те же, что и при крещении Николая: «штабротмистр Лука Иосифов Лазовский и титулярная советница Иулиания Яковлева Далматова»⁴¹.

В русских домах, как известно, существовала, да и теперь существует хорошая традиция давать имена предков их потомкам. При этом повторения чаще всего бывают связаны с наиболее почитаемыми родственниками — дедами, прадедами или дядями. Следует заметить еще одну деталь. Подобная традиция более устойчива в семьях культурных. Так в родословной предков поэта Михаила Юрьевича Лермонтова несколько раз чередуются имена Юрий (Георгий) и Петр. В родословной медиков Филатовых — Михаил и Нил.

Кузьма Александрович Макаров, как и его брат Петр Александрович, хотя и были рождены крепостными, но они заметно выделялись среди прочих крестьян, принадлежавших помещикам Горихвостовым. Достаточно внимательно вчитаться в рапорты, отправляемые в Академию художеств содержателем Саранской живописной школы, чтобы заметить довольно значительную по тому времени культуру их автора, или стоит только мысленно представить облик его брата в роли управляющего именем начальника губернии, чтобы сделать заключение о невозможности быть в этой должности малообразованному крестьянину. Образованность сельской крепостной интеллигенции давалась дорогой ценой, в обстановке барского произвола, но сумевшие получить ее стремились передать и по наследству.

Шестой ребенок, родившийся у Кузьмы Макарова в 1835 году, был назван Петром по имени уважаемого дяди. В

метрике о рождении этого сына отец его записан уже губернским секретарем. Восприемниками были титулярный советник Федор Иванович Акаевский и мещанская дочь девица Варвара Семеновна Зоммер⁴².

Федор Акаевский — это, как указано выше, штатный смотритель уездного училища, а Варвара Зоммер — родственница другого педагога этого же училища. На сей раз Кузьма Александрович пригласил кумовьями уже не чиновников, а людей, близких по своей профессии.

Петр Макаров родился 7 ноября 1835 года, а 10 августа 1836 года умер «9-ти месяцев, поносом»⁴³.

Седьмым ребенком был Яков, названный так в честь дяди по матери — Якова Терентьевича Козьмина. Яков Кузьмич Макаров, будущий «свободный художник исторической портретной живописи», родился в 1837 году.

В той же метрической книге Казанской церкви города Саранска записано: «1837 года, в октябре первого числа у губернского секретаря Космы Александрова Макарова и законной его жены Анны Терентьевой родился сын Яков. Крещен второго октября. Восприемники были титулярный советник Михельсон и мещанская дочь девица Варвара Семеновна Зоммер»⁴⁴.

Жалуясь на трудности материального состояния 30-х годов, Кузьма Александрович писал, что на его иждивении было «восемь малолеток». Восьмым ребенком явилась дочь, названная в честь тетки, материной сестры, Екатериной, будущая художница-копировальщица. О ее рождении тоже сохранилась метрическая запись в той же Казанской церкви города Саранска.

«Губернский секретарь Косма Александров Макаров, законная жена его Анна Терентьева, оба православного вероисповедания. 1840 года, 16 ноября у них родилась дочь Екатерина. Крещена 18. Восприемники были титулярный советник Федор Иванов Акаевский и гвардии поручица Юлия Александровна Балбарыкина»⁴⁵.

Как видно из этого обзора метрик, репутация содержателя живописной школы Кузьмы Макарова к началу 40-х годов в среде саранского общества значительно упрочилась. Среди его многочисленных кумовьев стали появляться и люди дворянского сословия, но это могло быть и случайным явлением. Более основательным аргументом стало растущее признание его школы в среде специалистов художников, а затем и в самой Академии.

Наиболее плодотворно Саранская живописная школа действовала в 40-е и в начале 50-х годов. В это время посылаемые в Академию художеств картины и рисунки как самого Кузьмы Александровича, так и его учеников полу-

чали одобрение, а лучшие из них — и награды, а авторы лучших произведений удостоивались званий не классных художников, рисовальных учителей гимназий или уездных училищ.

Достигнутый после многих лет упорного и самоотверженного труда подъем в деятельности местной живописной школы совпал по времени с оживлением общественно-политической и культурной жизни Саранска. В этом отношении 40-е и начало 50-х годов в истории нашего города были, пожалуй, самыми заметными среди всех десятилетий дореформенного периода.

В эти годы в Саранске можно было встретить и хорошего художника-живописца, и писателя местной темы, очеркиста и поэта, драматического актера и театрального критика.

Пока не выяснено, как складывались отношения у Макаровых с местной прогрессивной интеллигенцией, которая была в то время хотя и немногочисленной, но деятельной. В этой связи хочется сказать о возможных встречах Макарова-отца и Макарова-сына с Н. П. Огаревым.

Проживая в Старом Акшине, а потом на Тальской фабрике, Н. П. Огарев часто бывал в Саранске. Так, 2 сентября 1848 года он сообщает жене о своем посещении Саранской ярмарки⁴⁶, 1 октября того же года он встречается в саранской гостинице писательницу Евгению Тур (Солиас-де-Турнемир)⁴⁷, 12 ноября 1851 года Огарев сообщает М. Н. Островскому, что «в ожидании выздоровления живет близ города Саранска»⁴⁸, 27 февраля 1852 года он посылает из Саранска издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому предложение о поставке бумаги⁴⁹, 10 августа 1855 года Огарев назначает в Саранске свидание с литературным критиком П. В. Анненковым⁵⁰ и т. п.

В Саранске были у Огарева связи с видными деятелями 40-х годов, например, с декабристом Г. А. Римским-Корсаковым, писателем И. В. Селивановым и др. О саранских друзьях Огарева говорит и А. И. Герцен в одном из своих писем из Ниццы в Москву в 1851 году⁵¹.

Характерно, что в одно и то же время Н. П. Огарев пишет повесть «Гулевой», изображая в ряду других героев мальчика-мордвина, а И. К. Макаров создает произведение живописи, изображая двух молодых мордочек, причем прототипы этих обоих произведений взяты из близлежащих сел одного бывшего Инсарского уезда (теперь Ст.-Шайговский район Мордовской АССР).

Не были ли художники Макаровы в числе тех саранских друзей Огарева, о которых писал Герцен? Этот вопрос,

разумеется, требует дополнительного выяснения, но предположить, что Макаровы встречались с Огаревым, нам кажется вполне возможным.

В Мордовском республиканском краеведческом музее находится портрет молодого Огарева с женой. Автором его, вероятно, был один из художников Макаровых. Ниже мы подробнее остановимся на выяснении этого вопроса.

Наиболее активно в литературной жизни Саранска того времени участвовал писатель-сатирик, очеркист и мемуарист Илья Васильевич Селиванов, который больше десяти лет прожил в мордовском селе Малое Маресево Саранского уезда, некоторое время служил он и в самом городе уездным судьей⁵².

Его очерки «Мордва», как и «Провинциальные воспоминания», в свое время были довольно известны среди читателей. Не утратили они значения и теперь.

Напомним одну сатирическую картинку, изображенную И. В. Селивановым в «Провинциальных воспоминаниях»⁵³ и отражающую некоторые черты живой действительности Саранска того времени.

«Город этот, — пишет Селиванов, — в географии известен кожевенными заводами, а в действительности в нем процветает одна только торговля — карточная, отчего и город получил название Картолюбова. Здесь и чиновники и купечество дуются в карты, как говорится, напропалую. Откуда бы, кажется, деньгам браться? Так нет, сударь! Так козыряют, что инда тошно смотреть на них... Ведь поистине удивительно, чем живут уездные власти. Жалованье, кажется, получают малое, а смотришь — и лошадку держит, и беговые санки, и то, и другое, — все на порядках, как быть следует... Уж право думал, думал: как это они ухитряются, так нет, ума не приложишь... а живут они себе, право, припеваючи: точно птицы небесные — ни орут, ни сеют, а сыты живут...».

Весьма правдиво писатель-земляк запечатлел и бытовые картины мордовской деревни из окрестностей Саранска. «Я, — пишет Селиванов, — приехал в Маресево вечером 4 сентября (1839 года. — *И. В.*) и, следовательно, не мог видеть деревни в тот же день. Когда же на другой день вышел осмотреть ее, то не нашел того, что называется улицей, а на улице того, что называется домом... Избы эти для освещения не имели ничего, кроме так называемых волоковых окон, то есть четырехугольных скважин, вершков 6 в высоту и 7 или 8 в длину, без стекол и задвигающихся деревянной доскою. Красных окон не было ни одного в целом селении. Двери были так низки, что они были не более 1½ аршин высотой... При таких окнах и

таких дверях, можно посудить, каково светло было в избах. Избы все топились по-черному, и, вследствие этого, на стенах и потолках... лежал слой сажи...»⁵⁴.

В 40 — 50-х годах прошлого столетия началась перестройка старой мордовской деревни Саранской округи, стали появляться избы с отоплением по-белому, стекла вместо бычьих пузырей или деревянных задвижек, дома из глубины дворов стали выдвигаться к передней линии улиц, а карнизы украшаться резьбой по дереву. И в этой перестройке, в частности в распространении домовой резьбы, заметно влияние живописной школы художников Макаровых.

И. В. Селиванов отображал не только неприглядные стороны в жизни местного края, он зорко подмечал и ростки нового, появление талантов на фоне культурной отсталости и крепостнического произвола.

Его перу принадлежит замечательный очерк «Театр в Саранске», напечатанный в 1841 году⁵⁵.

В центре изображения молодой провинциальный двадцатидвухлетний актер Быстров, поражающий публику блеском своей игры. «Невелик ростом, — пишет Селиванов, — худ, бледен, застенчив, говорит тихо, но во всем этом есть зародыш таланта свежего, юного, хотя и не развитого ни образованием, ни образцами.

Зачем он здесь, на тесовом полу — а не на щеголеватой столичной сцене? Он морил меня постоянно во время пребывания его на сцене, он дивил меня глубокою отчетливостью игры... В нем не было ни тени фарсов, ни малейшей натяжки, — а все так естественно и просто, как будто бы он действительно благовел перед бумажною звездой его превосходительства, уверенный, что это существо рода высшего, особенного...».

И этот человек, наделенный даром самобытного таланта, зарабатывал лишь на «дневное пропитание». Очерк проникнут глубоким сочувствием к подобным самородкам, выходцам из среды российской бедноты, сожалением, что они лишены возможности получить образование.

Театральная жизнь в Саранске имела сезонный характер. Она заметно оживала во время многодневной Спасской ярмарки и почти совсем замирала с ее закрытием. В ярмарочном городке перед началом съезда спешно монтировались цирковые и театральные здания-временки. «На выгоне города, — сообщает Селиванов, — ввиду импровизированного подвижного городка ярмарочного, по волшебному маню бородатого волшебника, воздвигался неуклюжий балаган из тесу театр, как сказал мне с важностью плотник, рубивший помост для его сцены».

Можно предположить, что рекламы и декорации для этих театров-временок изготавливались в мастерских живописной школы Кузьмы Макарова, который, как нам известно, имел в этом деле не малый опыт.

Раньше мы говорили о торговых оборотах и товарах, привозимых на Саранскую ярмарку, а теперь скажем и о той публике, которая приходила и приезжала туда показать себя и посмотреть людей. И опять-таки воспользуемся очерком И. В. Селиванова «Театр в Саранске».

«...Давно желанное время наступило. Грохот барабана возвестил продавцам и покупателям их право на торговлю. И вот, между бесчисленным множеством телег и повозок, всяких возрастов и наименований, закипела эфемерная жизнь, красиво и пестро развесились узорчатые наряды... хрусталь и бриллианты, деготь и невыделанные кожи, пенька и железо, сапоги и коты, чугунные листы и деревянные чашки и ложки, все это стеснилось, сгруппировалось, приняло определенные формы и место.

Дерновый помост подъезда огласился стуком колес — подкатилась карета, другая, за ними ряд экипажей, которым я еще не придумал названия, составляющих что-то среднее между столичными дрожками и дрогами, на которых возят тяжести и мертвых.

Из этих карет и экипажей, большей частью времен Очакова и Крыма, выползли, вылезли, слезли, выпрыгнули розовые наряды, шляпки, прекрасные личики, огненные глазки, шеголеватые манто, уродливые чепчики с желтыми лентами и мириадами отцветших цветов.

Брякнули шпоры, мелькнул аксельбант, развеялось белое перо и длинные вереницы фрачников потянулись по рядам, толкаясь между разрумяненными и увешанными всеми возможными побрякушками татарок, румяными красными сарафанами наших русских баб и девок, и пестрым нарядным шитьем морденок».

Не исключено, что здесь, на ярмарке саранской, и родился замысел И. К. Макарова нарисовать картину «Две молодые мордовки», за которую он в 1842 году получил от Академии звание «неклассного художника». Праздничный колорит этой картины вполне соответствует натуре, наблюдаемой живописцем при открытии ярмарки.

Может быть, здесь же зародился и замысел другого значительного произведения художника — «Девушки на гулянье в русском costume», за которое он той же Академией удостоен в 1845 году был награжден серебряной второго достоинства медалью⁵⁶.

Связь Саранской живописной школы установилась с Академией художеств в начале 40-х годов. Был или нет ответ

на «Всепокорнейшее прошение» Кузьмы Александровича Макарова, посланное в Петербург в декабре 1841 года, до сих пор осталось неизвестным. Напомним, что в этом прошении шла речь о предоставлении сыну Кузьмы Александровича — Ивану Кузьмичу — звания свободного художника за его картину «Две молодые мордовки». В воспоминаниях Л. М. Жемчужникова сообщается, что на это прошение ответа из Академии художеств не последовало⁵⁷. Тем не менее, как уже сказано, просьба была удовлетворена и молодой живописец в 1842 году получил звание некласного художника.

Дальше было все так, как указано у Жемчужникова по воспоминаниям самого академика Макарова. В 1842 году Иван Кузьмич с отцом работал в церкви помещика Григория Александровича Потулова, у которого в это время проживал некто Дюразау, иностранец, случайно занесенный в Петербургскую Академию художеств, а оттуда в Пензенскую губернию. Дюразау увидел в молодом Макарове талант и посоветовал Потулову отправить вместе со своим сыном в Петербург Ивана Кузьмича. Кузьма Александрович снарядил в дорогу своего первенца, выдав на расходы 400 рублей ассигнациями, которые подарил для воспитания племянника Петр Александрович Макаров (брат Кузьмы). У самого Кузьмы тогда оставалось в столе всего лишь 1 рубль 11 копеек на продолжение дела школы и на жизнь с семьей⁵⁸.

В 1845 году Иван Кузьмич Макаров уже состоял вольноприходящим учеником Академии художеств⁵⁹. А потом — новые успехи на пути к признанию в столице и совершенствованию живописного мастерства.

А в Саранске? Его отец Кузьма Александрович трудом до изнеможения, отказывая себе и семье в необходимом, скопил деньжонок и с помощью опять-таки своего брата Петра Александровича, управляющего имением помещика Лубяновского, купил в городе для основанной им школы поместительный дом. Школа была снабжена гипсами, эстампами и картинами. Занятия шли нормально⁶⁰.

При первом рассмотрении трудов выпускника Саранской живописной школы Ивана Кузьмича Макарова Академия художеств не ограничилась присвоением ему звания некласного художника, а еще и наградила денежной премией, за что он выразил столь высокому учреждению свою искреннюю признательность.

7 мая 1843 года в журнале Академии была произведена запись о «Рапорте художника Ивана Макарова (по вх. кн. ц 530), в котором изъясняет свою благодарность

за назначенные ему от Академии 75 рублей серебром, за картину трудов его, представляющую двух мордочек»⁶¹.

6 июля 1845 года в Академии опять вспомнили об успехах художников Макаровых. В журнале собрания Совета И. А. Х. записано: «14. Определено: во уважение успехов в живописи вольноприходящего ученика Академии Макарова (104) подарить отцу его — содержанию художественной школы, Пензенской губернии в городе Саранске для оригиналов — гипсовые отливки статуй и голов, именно: головы Аполлона, Венеры с диадемою, Помпея, Юпитера, Ахиллеса; статуи — Апполино, Венеры Медицис и торс Лаокоона. Каковые вещи и отлить немедленно, донеся правлению, во что оные обойдутся»⁶².

10 августа 1845 года из Академии было направлено письмо, адресованное отцу художника — «Содержателю рисовальной школы в Саранске Макарову». В письме кратко излагалось решение Совета от 6 июля того же года и указывалось, что стоимость подарков составляет 45 рублей 42 $\frac{6}{7}$ копеек серебром, и что «поименованные вещи отлиты и выданы сыну вашему для отправки в Саранск»⁶³.

Об этих подарках Академии художеств Кузьма Александрович с благодарностью вспомнил при составлении рапорта 13 апреля 1847 года. При этом рапорте он направил для рассмотрения в Академию произведения своих воспитанников: «Рисунки с означенных орнаментов и картины Умнова и всех успевших учеников школы, а также картину своей работы, изображающую крестьянскую девушку, занимающуюся своим нарядом»⁶⁴.

И этот рапорт Кузьмы Александровича обсуждался на собрании Совета Академии художеств. На сей раз всеобщее одобрение получили и творческое направление школы, и методика обучения, и собственные живописные труды самого руководителя.

Вот что было записано в журнале Совета И. А. Х. 11 и 27 октября 1847 года:

«По рапорту содержания школы рисования и живописи в Саранске губернского секретаря Макарова (ц 1127), при коем препровождает на усмотрение Совета Академии картину своей работы, также с натуры, и рисунки карандашом своих учеников, при сем просит если, из учеников его, Василий Умнов заслуживает, удостоить его звания учителя рисования в уездных училищах.

Определено: Уведомить губернского секретаря Макарова, что Совет Академии совершенно одобряет его заботливость и попечение о школе, особенно же доволен тем, что манера рисования, им введенная в отношении тушевки, осторожной и приятной, и теперь доказывает успехи учащихся и

обещает дальнейшее впредь; представленного же к удостоению звания учителя рисования в уездных училищах, ученика его Василия Умнова удостоить звания рисовального учителя в гимназиях и, изготовив ему надлежащее свидетельство, препроводить оное к г. Макарову для выдачи по принадлежности; причем возвратить картины и рисунки, присвокупив, что собственную его Макарова картину Совет Академии видел с удовольствием...»⁶⁵.

Совет Академии внимательно следил за деятельностью провинциальных живописных школ и подмечал, и обобщал, и рекомендовал для распространения все новое, что рождалось не только в столицах, но и на периферии Российской империи. Так, им довольно своевременно было замечено новаторство Саранской живописной школы, выразившееся в манере тушевки и проложении теней.

Мастерство тушевки, успехи в сочетании света и теней, столь заметно выявлявшиеся в практике рисования Саранской живописной школы того времени, и теперь еще отмечаются положительно в трудах по истории провинциального искусства прошлого столетия. Г. Г. Поспелов при характеристике Саранской живописной школы выделяет как заметное достоинство ее наследства «манеру рисования... в отношении тушевки осторожной и проложения теней»⁶⁶. Н. Молева и Э. Белютин считают, что «этот метод не был простым повторением метода Ступина, но представлял интересный результат самостоятельных и очень упорных поисков Макарова, он отвечал современному уровню развития искусства и его требованиям»⁶⁷.

Похвальные отзывы Академии были сообщены в Саранск в письме 9 января 1848 года:

«Г. Содержателю школы рисования и живописи в Саранске губернскому секретарю Макарову.

Совет императорской Академии художеств по рассмотрении представленных Вами рисунков и живописных работ учеников Ваших, равно также написанной Вами картины, поспешил уведомить Вас, что он совершенно одобряет заботливость и попечение о школе, особенно же доволен тем, что манера рисования, Вами введенная в школе в отношении тушевки осторожной и приятной, и теперь доказывает успехи учащихся и обещает дальнейших впредь и что картина трудов Ваших Советом рассмотривана с удовольствием.

Правление Академии, уведомляя Вас о сем заключении Академического Совета, присовокупляет, что представленный Вами к удостоению звания учителя рисования в уездных училищах ученик Ваш Василий Умнов удостоен звания

учителя рисования в гимназиях, вследствие чего и препровождается надлежащее для него свидетельство, равно также возвращаются и присланные Вами работы, о получении которых правление Академии предлагает уведомить»⁶⁸.

Подобными письмами сообщалось Кузьме Макарову о каждом решении Академии, и в каждом из них, как и в решениях, отмечались «заботливость» его как руководителя школы и личные успехи как художника.

Сам Макаров высоко ценил внимание Академии и в донесениях ей указывал, что его вдохновляет на труд не личная корысть, а служение обществу. Вот еще один из документов, сохранившихся в архиве:

«В правление императорской Академии художеств от содержателя школы рисования и живописи в Саранске К. Макарова донесение.

Имею честь покорнейше сему Правлению донести, что возвращенные им работы учеников школы моей и свидетельство на учителя рисования в гимназиях Василия Умнова, при уведомлении от 9 января сего года за ц 31 мною получены. При этом приятнейшей обязанностью поставляю себе выразить Академии чувство моей благодарности за то внимание, которое она оказала к трудам учеников школы моей. Это внимание есть для меня лучшая награда за желание заведением моим принести посильную пользу обществу.

Содержатель школы губернский секретарь *Кузьма Макаров*. 5-го февраля 1848 года»⁶⁹.

Деятельность Кузьмы Макарова и его школы происходила в тяжелых условиях. Местная знать не поддерживала благородные помыслы художника-разночинца. Он не получал субсидий от городских властей. Закостенелые нравы провинции осложняли его творческое развитие.

В этих условиях поддержка Академии художеств имела большое значение для содержания школы. Его радовало и вдохновляло доверие высоких авторитетов.

Весьма плодотворно это доверие сказывалось в подготовке рисовальных учителей, нужда в которых возрастала с развитием потребностей народного образования, которое хотя и медленно, но не без успеха преодолеvalo крепостнический застой в предреформенной России.

Успехи Саранской живописной школы в этом деле не были случайными и кратковременными. Вот еще одно доказательство:

«1852 года, 10 мая.

16. По рапорту содержателя художественной школы в Саранске губернского секретаря К. Макарова (№ 6331),

при котором, препровождая рисунки двух учеников своих Алексея Кудрявцева и Дмитрия Николаева, которые окончили учение в его школе и желают поступить на службу учителями рисования в уездных училищах, просит по рассмотрении сих рисунков удостоить их звания учителя, если они того будут заслуживать. Определено: Кудрявцева и Николаева удостоить звания учителя рисования в уездных училищах и, изготовив следующие им свидетельства, доставить оные при приложении в г. Саранск к г. Макарову, которому притом изъяснить от Совета Академии благодарность за успехи учеников его и труды его как учителя»⁷⁰.

Каковы же были живописные труды самого учителя, которые не могли не служить образцами для его учеников? Творческое наследие Кузьмы Макарова пока еще не собрано и не учтено. В научно-критический оборот введены лишь отдельные произведения этого весьма интересного живописца.

П. Корнилов в книге «Арзамасская школа живописи первой половины XIX века» опубликовал три портрета работы Кузьмы Макарова и дал краткий обзор его творчества как художника-портретиста.

Все три портрета взяты из семейной коллекции любителей живописи помещиков Родионовых, обитавших в имении Вешкайма Карсунского уезда бывшей Симбирской губернии⁷¹ (ныне Ульяновской области).

Довольно подробно автором книги характеризуется одионочный портрет Дарьи Никифоровны Родионовой, урожденной Ивашевой. После описания позы и одежды портретируемой П. Корнилов совершенно правильно определяет и жанровое своеобразие произведения, и творческую манеру художника:

«Это бытовой портрет, где автора одинаково волновали задачи обработки лица, рук и самой одежды. Если в трактовке лица много реалистических черт скромного живописного плана, то в обработке одежды и ее деталей много красивых кусков тонкого мастерства. Неплохо осуществлена правая рука (сравни с рукой на портрете А. В. Ступина). В этом портрете борются два разноречивых начала: одно активное — реалистическое (лицо, руки), другое пассивное — натуралистическое (в одежде). В целом весь портрет очень типичен для работ арзамасцев. Налицо здесь тонкое вживание в образ, большая творческая радость мастера, с любовью создающего каждый кусочек живописи. Надо отметить, что весь характер портрета несколько архаичен для эпохи. В нем еще не изжиты некоторые торжественные черты XVIII века»⁷².

У нас есть возможность проследить арзамасскую традицию, сказавшуюся в этом произведении Кузьмы Макарова. Сохранились два портрета, тематически близких к изображению Дарьи Родионовой: портрет жены академика А. В. Ступина — Екатерины Михайловны, нарисованный самим Ступиным в 1817 году⁷³, и его приемной матери — Анисьи Степановны, созданный мужем дочери арзамасского академика Н. М. Алексеевым⁷⁴.

И там и тут, как и в портрете Дарьи Родионовой, чувствуется стремление художников отойти от условностей и нарочитой торжественности, свойственных портретной живописи прошлого XVIII столетия.

Весьма сходны искусно проработанные головные уборы всех трех женщин. Немало общего и в повороте головы и в зарисовке лица, хотя К. Макаров, как и А. Ступин, много внимания уделяет изображению костюма. При всех этих достоинствах в портрете Родионовой можно заметить некоторые штрихи живописи, свойственные его автору как иконописцу: чрезмерная строгость и холодноватость во взгляде. Портреты А. В. Ступина и Н. М. Алексеева более лиричны.

Влияние специфических приемов иконописания заметно и в двойном детском портрете сестер Родионовых. Одна из девочек изображена как бы в полете, напоминающем ангельские позы.

Портрет сестер Родионовых — одно из наиболее совершенных произведений Кузьмы Макарова. Здесь чувствуется легкость кисти художника, тонкость и изящество его мастерства. П. Корнилов весьма положительно и совершенно верно оценивает это произведение.

Здесь «изображены две девочки: Екатерина и Мария Родионовы. Они смотрят на зрителя. Первая слегка присела на кресло, вторая стоит рядом и обняла первую за шею. Обе они в воздушных газовых платьицах. С шеи первой на руки второй заброшена гирлянда цветов (написана натуралистически и очень тонко, изображена даже муха, сидящая на розе). Спокойная живопись лиц, рук и всего окололичного говорит о новом творческом подъеме художника. Все очень скромно, но с каким-то необычайным проникновением в натуру и с огромным трудолюбием разрешен этот портрет»⁷⁵.

Это наиболее оригинальный портрет Кузьмы Макарова, он, вероятно, не имеет близких параллелей у художников-арзамасцев. Зато имеет последователей из среды выпускников Саранской живописной школы: «Сестры Перовские», «Сестры Араповы» у И. К. Макарова и др. Однако в портрете Кузьмы Александровича видна и преемственность

Арзамасской школы. Эта преемственность подчеркнута детально. У А. В. Ступина есть портрет «Мальчик с листиком» (1820-е годы)⁷⁶, у К. А. Макарова — «Девочки с гирляндой».

В духе преемственности арзамасской традиции представлены и подrostки Родионовы в «групповом портрете» Кузьмы Макарова.

Вспомним картину арзамасца Н. М. Алексеева «А. В. Ступин с учениками. 1838 г.» и мысленно поставим рядом с ней «групповой портрет» Макарова. Есть сходство и в композиции, и в изображении посторонних предметов (листы бумаги), и в позах изображаемых. Однако в этой картине немало и собственных достижений художника. «Композиционно продуманная группа, — пишет П. Корнилов, — не лишенная прихотливой живописности. Все лица хорошо решены и тонко написаны»⁷⁷.

Так, постепенно, следуя традиции Арзамасской школы, Кузьма Александрович Макаров овладевал мастерством светского портрета. Он внимательно следил и за выдающимися мастерами из Петербургской Академии художеств, чутко прислушивался к советам и рекомендациям этого высокого учреждения.

К сожалению, пока не найдены те живописные произведения Кузьмы Макарова, которые получили одобрение Академии художеств. Но судя даже по переписке, можно предположить, что они украшали мастерские Саранской живописной школы. Сохранилось название одной из них: «Крестьянская девушка, занимающаяся своим нарядом»⁷⁸. Здесь уместно будет напомнить о портрете арзамасца Н. Е. Рачкова «Девушка в старорусском наряде»⁷⁹ и по аналогии с ним представить портреты крестьянок, вышедшие из-под кисти другого арзамасца — нашего земляка.

У Академии художеств было достаточно оснований для присвоения званий рисовальных учителей и неклассных художников воспитанникам Кузьмы Александровича Макарова, прошедшим курс обучения в скромной, но весьма активно-творческой обстановке Саранской живописной школы.

АКАДЕМИК И. К. МАКАРОВ

Художественные произведения академика живописи Ивана Кузьмича Макарова никогда не пользовались шумной известностью, их мало популяризировали критики при его жизни и еще меньше после его смерти, а тем не менее лучшие творения кисти этого художника вызывают интерес у наших современников, хотя со времени создания произведений прошло более ста лет. Достаточно вспомнить нестареющую картину «Две молодые мордовки», или вдохновенные портреты дочерей А. С. Пушкина Марии и Натальи, или весьма незаурядное изображение архитектора И. С. Каминского, созданные И. К. Макаровым, чтобы проникнуться уважением к этому замечательному мастеру живописного дела.

Мало сказано в нашей литературе и о том, как сын крепостного крестьянина И. К. Макаров поднялся к высотам творческой жизни Петербургской Академии художеств.

До сих пор не установлено даже место рождения художника. По одной версии — это Арзамас; по другой — Саранск; по третьей — село Успенское Ардатовского уезда Нижегородской губернии.

Арзамасская версия сказалась преимущественно в печатных изданиях, и поддерживается она тем соображением, что отец художника состоял в это время при школе академика Ступина в городе Арзамасе. Саранская — высказана Л. М. Жемчужниковым по воспоминаниям самого художника; Успенская — выражена в официальных документах. Откуда такая неопределенность?

Есть основания полагать, что отец художника сам будущи крепостным не хотел записывать в это сословие и сына. Известная нам метрическая запись появилась через 13 лет после рождения мальчика, т. е. после того, как отец его получил вольную от своего барина помещика Горихвостова.

Вот эта запись: «Книга, данная из Ардатовского духовного правления Ардатовской округи села Успенского двуклирной Успенской церкви священнику Герасиму Львову с причтом на 1822-й год для записи в оную родившихся, брачавшихся и умерших... часть первая о рождающихся... У кого кто родился... и 46, марта месяца у рисовального учителя Косьмы Макарова родился сын Иван, восприемниками были дворовый человек Терентий Козьмин и крестьянская жена Мария Сазонова. Молитствовал и крестил священник Герасим Львов.

Эта статья внесена по определению консистории 4 октября 1835 года, Его преосвященством утвержденному»¹.

У внуков академика И. К. и Г. К. Макаровых, ныне здравствующих, сохранилось и свидетельство о рождении их деда. Это свидетельство составлено на основе вышеприведенной метрической записи. В нем более определено указано социальное происхождение художника. Вот что сказано в этом документе:

«По указу е. и. в., Нижегородской духовной консистории, по определению оныя его преосвященством Иоанном, епископом Нижегородским и Арзамасским и кавалером, утвержденному, выдано сие свидетельство по прошению Саранского уездного училища рисовального учителя, губернского секретаря Космы Александровича Макарова, на основании Указа святейшего правительствующего Синода 1824 года, августа от 26 дня состоявшегося, о рождении и крещении сына его Ивана, для поступления его в какое-либо казенное училищное заведение, который рожден марта 23 дня 1822 года, в бытность его, Макарова, крепостным господина Горихвостова человеком, и крещен Ардатовской округи, в селе Успенском, Сосновка тож, священно и церковнослужителями, в том, что хотя в метрических книгах, поданных Ардатовской округи села Успенского священно и церковнослужителями, в числе рождений ни от крестьянина, ни от вольноотпущенного от помещика Горихвостова Космы Александровича Макарова сына Ивана в наличии не писано; но спрошенные означенного села Успенского диакон Михаил Якимов, но священно диаконству, дьячек Андрей Ефимов, восприемники его, Ивана, дворовый человек Терентий Козьмин и женка Мария Сазонова, а также одиннадцать человек посторонние свидетели, под присягой показаниями своими подтвердили, что у бывшего г-на Горихвостова дворого человека, что ныне губернский секретарь, Кузьмы Александровича Макарова, сын Иван действительно родился в марте месяце тысяча восемьсот двадцать второго года и происходит от законного супружества его, Макарова, с женой его Анной Терентьевной.

Октября пятнадцатого дня тысяча восемьсот тридцать пятого года

Георгиевский иерей *Иоанн*».

Как же появились эти документы, первые виды на жителство Ивана Кузьмича Макарова?

Преднамеренные сокрытия тайн рождения приходскими причтами — нередкое явление старой России. Мы знаем множество случаев фальшивых записей новорожденных

в церковные метрические книги. Это делалось при различных затруднительных обстоятельствах, например, тогда, когда ребенок был сыном или дочерью помещика и дворовой женщины-крестьянки и родственники не хотели его записывать в крепостные, а вместе с тем высокомерно стыдились дать ему дворянское звание.

Тогда выручал церковный причт, и негласно за некую мзду приписывались «незаконнорожденный» сын или «незаконнорожденная» дочь к какому-либо мещанину или купцу, и тем самым несчастный ребенок хотя и превращался в предмет купли и продажи, но избавлялся от крепостной неволи и числился мещанином.

Условности старого быта нередко заставляли разнословных родителей при остроте конфликта и при разногласии родственников не писать совсем новорожденного в метрическую книгу, а выждать время, когда минует эта острота конфликта, и тогда негласно произвести необходимую запись опять-таки с помощью церковного причта.

Вот одна из типичных регистраций подобных рождений: «Книга записей родившихся, браком сочетавшихся и умерших Казанской церкви города Саранска за 1799 — 1837 годы. 1831 года апреля 8 дня по указу Пензенской консистории, за упущением в надлежащее время, записана в метрическую книгу отставного майора и кавалера князя Петра Васильевича Голицына незаконнорожденная дочь Варвара, которая родилась в 1824-м году июля 21 дня. Восприемники были титулярный советник Демиан Игнатьев и титулярная советница Александра Владимировна Голицына. Оному младенцу молитву давал, и имя нарек, и крещение совершил соборный священник Иоанн Орлов»².

Еще сложнее было избежать крепостной неволи сыну обоих родителей из среды дворовых крестьян. Это хорошо понимал Кузьма Александрович Макаров, и ему, получившему обещание помещика об отпуске на волю, было, разумеется, до глубины души обидно вписывать в число помещичьих крестьян своего первого сына. Он решил спасти его путем промедления записи о рождении, т. е. выждать время, когда сам получит вольную, тогда и вписать его в метрическую книгу, уже как сына вольноотпущенника. Но для этого нужна была поддержка в среде духовенства. Не всегда и далеко не все служители церкви шли на запрещенное законом дело.

Через архивные документы мы познакомились с причтом Успенской церкви Ардатовского уезда Нижегородской губернии и выяснили, что этот причт не отличался благонаравием.

В 1822 году (год рождения Ивана Кузьмича Макарова) благочинный села Худошина священник Иванов рапортом доносил в Нижегородскую губернскую духовную консисторию «О непосещении службы священником Львовым, дьяконом Якимовым и дьячком Ефимовым из села Успенского Ардатовского уезда»³.

Вспомним, что в приходе этой церкви когда-то состоял дворовый Горихвостова Терентий Козьмин с семьей. На его дочери был женат Кузьма Макаров. Терентий Козьмин, будучи хорошо знаком с успенским причтом, мог легко договориться с ним о записи внука задним числом, и эта запись могла быть неразглашенной, ибо семья Терентия давно уже не проживала в селе Успенском, а находилась от этого села в отдалении, в деревне Огаревке Вольского уезда Саратовской губернии.

Сам Терентий Козьмин, как видно из опроса понятых и записей в метрической книге, был зарегистрирован крестным отцом мальчика и свидетелем, подтверждающим и день и месяц рождения внука.

Запись о рождении Ивана Кузьмича Макарова в 30-е годы прошлого столетия рассматривалась и в духовной консистории в Нижнем Новгороде и в Святейшем Синоде в Петербурге. В это время отец будущего академика и там и тут имел уже связи.

В воспоминаниях Л. М. Жемчужникова указывается, что Кузьма Александрович Макаров в 20-е годы вместе с академиком Ступиным «расписывал собор в Нижнем Новгороде»⁴. Разумеется, это делалось не без ведома духовной консистории, и местный архиерей не мог не знать о личности ступинского мастера — субподрядчика. Помнили о нем слушатели консистории и позднее.

Более сложная цепь знакомств создалась у Кузьмы Александровича с отдельными чиновниками судебного ведомства. В местных архивных документах часто встречается фамилия уездного стряпчего Якова Максимовича Далматова. В метрической книге саранского Спасского собора записаны новорожденные: под 1807 годом дочь Далматова Варвара; в 1811 — сын Дмитрий; в 1812 — сын Аркадий⁵.

Имея сам скромные чины (при первой записи — губернский секретарь, при третьей — титулярный советник), стряпчий Далматов сумел установить связи с высокочинными и богатыми дворянами. В первом случае крестным отцом его дочери записан надворный советник Алексей Федорович Желтухин, бывший некоторое время предводителем дворянства Саранского уезда; во втором — исправник Аммос Васильевич Юрлов; в третьем — господин обер-прокурор,

действительный статский советник и кавалер Аркадий Алексеевич Столыпин⁶.

Семья уездного стряпчего Якова Максимовича Далматова состояла в дружеских отношениях с семьей художника Кузьмы Александровича Макарова. Как указывалось выше, жена этого стряпчего — титулярная советница Ульяна Яковлевна Далматова — дважды была крестной матерью новорожденных детей Кузьмы Макарова — Николая и Серафима, будущих художников.

Через Далматовых Кузьма Александрович мог воспользоваться поддержкой высокого начальника — обер-прокурора Столыпина. Но как бы то ни было, открывающая путь к свободе документация о рождении сына крепостного, будущего академика, была санкционирована во всех инстанциях. А до этого страшный призрак крепостнической неволи неизбежно тяготел над жизнью талантливого мальчика.

Собраны, казалось бы, исчерпывающие сведения о рождении на свет будущего художника. Тем не менее их пока еще недостаточно для того, чтобы сделать безошибочное заключение о месте его рождения.

Детские годы художника проходили в Саранске. Казанский приход, в котором поселилась семья рисовального учителя, состоял из разносословного населения. Среди сверстников будущего академика были дети и пушкарей, и мещан, и купцов, и приказных.

В ряду с известной фамилией саранских богачей первой руки Кубанцевых⁷, которые вели разнотоварный торг и вошли под именем Кабардинцевых в сатирические очерки писателя И. В. Селиванова, а также обозначены при своей фамилии и в переписке поэта Н. П. Огарева⁸, мы встречаем в приходе Верхне-Казанской церкви города Саранска и жителей среднего состояния, вроде цеховых Лопаткиных, мещан Котловых, однодворцев Трупчиковых, а также и бедноту: потомков местных пушкарей Стрельниковых и стрельцов Веретенниковых, бывших казаков Самойловых, цеховых Колдомасовых.

Рядом с дворянкой нерусского происхождения «госпожей фон Керпиной» проживали приказные с именами русскими весьма скромными: губернский секретарь Яков Кружков, канцелярист Николай Кадышев, коллежский секретарь Семен Вращкий.

Среди жителей этого прихода были и люди с фамилией, которая напоминала о грозных днях пугачевского движения — это семья губернского секретаря Ивана Михайловича Шахматетева. Как известно, один из Шахматетевых был Емельяном Пугачевым поставлен в 1774 году «главным командиром и воеводою» города Саранска.

Разносословные соседи давали художникам школы Кузмы Макарова многочисленные сюжеты для творчества, и выходец из крепостной среды, с ее сермяжным бытом, будущий академик через своих сверстников приобщался к городской многогранной и многоцветной жизни, в которой сквозь рутину и застои самодержавного строя пробивались ростки новой России.

Архивные дела того времени сохранили сведения о проникновении отзвуков петербургских событий декабря 1825 года в провинцию. В январе 1826 года Саранская полиция получила приказание от вышестоящих властей «о сыску коллежского асессора Кюхельбекера и о присылке его скованного к губернатору для дальнейшего препровождения»⁹. Через два месяца, в марте того же года, той же полицией было получено предписание пензенского губернатора «о сыску бывших в мятежной шайке Муравьева-Апостола нижних чинов Черниговского пехотного полка»¹⁰.

В 1827 году в Саранске разыскивался коллежский асессор Иван Прохоров, оказавшийся «прикосновенным к делу о намерении завести зловредное тайное общество»¹¹. В том же году местная полиция неусыпно следила за «прикосновенным к делу о злоумышленных обществах, состоящим под секретным надзором квартирмейстерской части поручиком Жемчужниковым, уволенным от службы с обязательством жить здешней губернии в городе Саранске»¹².

Отзвуки петербургских событий ощущались не только в городе, но и в округе. В 1829 году вспыхнуло движение крепостных крестьян в селе Ладе Саранского уезда¹³. В 1834 году рузаевские крепостные учинили расправу над своим «страшным барином» жестоким помещиком Струйским¹⁴. В 40-е годы в Саранске и его окрестностях развернули революционную деятельность Н. П. Огарев и его друзья¹⁵.

Мы не знаем, как именно реагировала семья Кузмы Макарова по поводу этих событий, но известно, что держатель школы имел большое пристрастие к обучению художественному делу юношей из среды крепостных, а его старший сын начал свой творческий путь с письма портретов простых людей из среды русских и мордовских крестьян.

Верхняя Казанская церковь, в приходе которой жили Макаровы, была одной из самых старинных в Саранске. Она стояла в центре города, там, где теперь размещается большое современное здание — бывший комвуз, а ныне корпус технических факультетов Мордовского госуниверситета

имени Н. П. Огарева. Некоторые остатки церковных строений сохранились во дворе этого здания.

Достоинна упоминания церковная сторожка в этом дворе — небольшое кирпичное одноэтажное строение старинной кладки. В нем Кузьма Макаров вместе с сыном Иваном составляли рисунки — чертежи для украшения церкви разноцветными фонарями в пасхальные ночи.

Как и в других многоцерковных городах, в Саранске в те времена было принято расцвечивать колокольни всех церквей (а их было в городе семнадцать) зажженными фонарями, изображающими различные виды и сюжеты, связанные с пасхальными празднествами. Это были обычные фонари, деревянные, со стеклами различной окраски: красной, желтой, голубой, зеленой, синей. Внутрь вставлялись свечи. Перед началом пасхальной заутрени зажженные фонари поднимались наверх по внутренним ступеням колокольни и в окна вывешивались наружу на приготовленные заранее гвозди.

Наряду с библейскими и евангельскими сюжетами, применяемыми в пасхальной иллюминации, было немало и светской народной выдумки. В каждом приходе находились свои умельцы «наряжать церкви».

Мы уже говорили, что Кузьма Александрович Макаров в юности немало поработал на церковных строительных подмостках. Не мог он и в свою бытность в Саранске, уже как признанный иконописец, отказаться от просьбы церковного причта своего прихода составить рисунок для пасхальной иллюминации.

Можно допустить даже и то, что пытливый художник сам по себе заинтересовался стариной этой церкви с ее весьма оригинальной стеной живописью и богатым иконостасом. А заинтересовавшись, он стал работать над ее украшением и по собственной инициативе.

Во второй половине XVII и первой XVIII столетия эта церковь была монастырской, а Саранский Казанский богородицкий монастырь был довольно богатым. Он имел в то время и земли¹⁶, и рыбные ловли¹⁷ при впадении речки Карнай в реку Инсар.

На этой же земле возникла еще в XVII столетии деревня Монастырская.

Имея значительные доходы, Казанский богородицкий монастырь приобретал и старинные иконы, и дорогие богослужебные книги.

Автор статьи «Город Саранск (историко-статистическое описание)» А. Масловский в 1880 году сообщал, что в его время на одном евангелии Казанской церкви была надпись: «Сие св. Евангелие, Саранского уезда вотчины князя Хо-

ванского села Пели церкви Рождества Христова, диакона Михаила Георгиева, куплено в Москве на печатном дворе, дано четыре рубля, а подписал я, диакон, своею рукою 1747 года, месяца мая 14 дня, и приложено в г. Саранск, в Казанский богородицкий девичий монастырь, понеже аз многогрешный в оную обитель, сего 747 г., июня 8 дня, переведен во иерея»¹⁸.

В 1764 году монастырь был закрыт, а Казанская церковь обращена в приходскую. Вместо деревянной постройки в 1770 году была сооружена каменная. А в 1771 году рядом отстроено и второе церковное здание¹⁹. Деревня Монастырская впоследствии стала селом этого имени²⁰. Разумеется, иконописное и книжное наследство монастыря оставалось при Казанской церкви, что не могло не заинтересовать ее прихожан иконописцев художников Макаровых.

Невдалеке от Казанской церкви стоял саранский Спасский собор, который был ровесником самому городу. Эта церковь не меньше, чем Казанская, была оборудована старинной утварью. В Мордовском республиканском краеведческом музее сохраняется кузнечной работы крест, который был царем Иваном Грозным через князя Курбского подарен первым поселенцам на месте Саранска. Этот крест много десятилетий находился на одной из глав местного собора.

Среди многочисленных хоругвей в соборе хранились и те, которые выносились к берегу реки Инсар во время молебствия в честь отправки Саранского полка ополчения в 1812 году на фронт для борьбы против наполеоновского нашествия. Полковая хоругвь сохранилась в музее.

Саранские богомольцы выделяли среди икон Спасского собора образ «Нерукотворенного Спаса», который, по их понятиям, был «чудотворным». Легенды о «чудотворности» иконы проникли в свое время и в литературу. Автор названной выше статьи о Саранске А. Масловский в 1880 году сообщал, что «в 1662 году к государю Алексею Михайловичу было донесение (от саранского воеводы и протопопа) о чудесах, от сея иконы бываемых. Подлинный список донесения хранится в Московской синодальной библиотеке, а копия находилась у Саранской купчихи Анастасии Коровиной. Икона сия чествуется не только жителями г. Саранска, но и окрестными, которые берут ее часто в свои села для молебнов»²¹.

Молебны и крестные ходы были распространенным явлением в старом Саранске. Они приурочивались к различным церковным праздникам, «царским дням» и иным важным событиям.

На крещение устраивался крестный ход соборного причта и прихожан на реку Инсар, где оборудовалась так называемая «иордань». На льду вырубались евангельские сюжеты, посвященные «крещению Христа». Созданные таким способом на поверхности реки рисунки раскрашивались различными красками, а рядом делалась прорубь для купальщиков «в святой воде».

Крещенская процессия обычно была довольно многочисленной. К соборному приходу присоединялись прихожане Казанской и других церквей. В то время, когда голова колонны приближалась уже к реке (там, где теперь старый посопный мост), последние ряды были еще в соборной ограде.

Крестные ходы с хоругвями и иконами полагались во время пасхальной заутрени. Они, сопровождаемые богослужением, проходили вокруг каждой церкви. Пасхальные службы нередко сопровождалась и фейерверками, ракетами, цветными огнями, изображавшими различные фигуры.

Крестные ходы к местам «молебствий о дожде» устраивались в сухое жаркое время. От Нижней Казанской и Успения ходили к часовне у Девятой пятницы, от Ивана Богослова и Ивана Предгечи — к Холодному роднику и «Явленной», от Сошествия, Рождества и Троицы — к Дубраве (на Казачьем поле)²².

Церковным шествиям верующих во время крестных ходов придавалась большая торжественность. Прихожане несли многочисленные иконы и хоругви. Движение процессии сопровождалось песнопением духовенства. Нередко, однако, эти шествия превращались в тяжелые испытания. Крещенский мороз обжигал обнаженные головы, руки стыли от металлических окладов тяжелых старинных икон. В бездождную жару люди, несущие иконы и хоругви, обливались потом.

Все это наблюдал будущий академик живописи и, став уже известным художником, отдал дань церковной старине Саранска.

Как известно, некоторые русские живописцы старого времени творчески перерабатывали библейские и евангельские сюжеты: «Явление Аврааму трех ангелов у дуба маврийского» К. Брюллова; «Всемирный потоп» Ф. Бруни; «Явление Христа народу» А. Иванова — выдающиеся образцы этой творческой переработки.

Наряду с замечательными картинами и портретами светской тематики у Ивана Кузьмича Макарова есть значительные произведения и иконописные и созданные на основе библейских и евангельских легенд. В некрологе художника в 1897 году было сказано:

«Покойный написал немало икон по частным заказам. По приглашению своего бывшего учителя Маркова он работал в Московском храме Христа по известной композиции „Трипостасный бог“.

Им написано, между прочим, несколько образов для Пензенского и Иркутского соборов, для церкви училища правоверения и зала Пажеского корпуса.

Наиболее известным произведением покойного по религиозной живописи считается „Нерукотворенный образ спасителя“, бывший на выставке в Соляном городке и обративший на себя внимание публики»²³.

Замысел к созданию этого образа мог возникнуть у художника еще в Саранске в годы детства или юности, когда он наблюдал живую картину почитания одноименной соборной иконы в родном городе. Крещенские крестные ходы в то время проходили около квартиры художников Макаровых. Здесь «богоносцами» шли именитые саранские купцы и знатные дворяне. Впереди, на некотором отдалении от всей процессии, они «важно и чинно» несли «чудотворный образ нерукотворенного Спаса».

Используя легенду о «нерукотворенности» образа, художник показал лик Христа на фоне полотенца и пальмовой ветви. Эти детали, старательно выписанные, показывают высокое мастерство живописца и могут быть восприняты как утверждение земного искусства.

Общеобразовательные знания художник получил в Саранском уездном училище. Сохранился документ об окончании им этого учебного заведения:

«А т т е с т а т ы 128.

Объявитель сего Пензенской губернии, Саранского уездного училища рисовального учителя г-на губернского секретаря Козьмы Александрова Макарова сын Иван Макаров, вступая в Саранское уездное училище 1831 года, августа 2 числа, где при врожденных своих способностях и даровании обучался в 1-м и 2-м классах очень с хорошим старанием и прилежанием; а при последнем бывшем публичном испытании оказал себя успешным: в законе божьем, священной истории, российской грамматике, чтении и объяснении священных книг, чистописании — очень хорошо.

В правописании, диктовании и рисовании, а затем: во всемирной и российской истории, всеобщей, российской и математической географии, в арифметике I и II части, геометрии: началам черчению некоторых фигур — хорошо.

Вел же себя во всю бытность свою в оном училище при хорошем и тихом поведении честно; ныне же он, Иван Макаров, с воли своего родителя по большой склонности и по общему их желанию объявил охоту продолжать учение по одной рисовальной науке, для чего и просил, чтобы дать ему от сего училища об учении его вид. Во свидетельство чего и дан ему сей аттестат, за подписом учителей и с приложением казенной печати.

Августа 15 дня 1834 года.

Штатный смотритель училища и учитель первого класса, да за неимением 2-го класса учителя, он же исполнял его должность.

Титулярный советник *Федор Акаевский*

Законоучитель священник *Василий Велизариев*

Учитель рисовального искусства, губернский секретарь *Козма Макаров*²⁴.

О Саранском уездном училище мы уже сообщали некоторые сведения. Это надо было и для характеристики провинциального образования в России 20 — 30-х годов прошлого столетия, и для того, чтобы показать службу в должности рисовального учителя отца будущего академика. Теперь мы укажем лишь на те новшества, которые были введены в жизнь училища во время обучения в нем самого Ивана Кузьмича Макарова.

В прежние годы в учебном процессе местных саранских школ преобладали влияния Нижнего Новгорода, как епархиального центра, которому подчинялся Саранск. Оттуда шли и программы обучения и присылались учителя, преимущественно с духовным образованием. Так, например, старейший педагог уездного училища Федор Иванович Акаевский был выпускником Нижегородской духовной семинарии.

В 1804 году Саранск вошел во вновь созданную Пензенскую епархию²⁵, а в 1805 году в Казанский учебный округ в связи с открытием одноименного университета²⁶. Разумеется, произошли изменения сфер влияния. К 30-м годам прошлого столетия заметно усиливаются культурные связи Саранска с Казанью и Пензой. Из этих городов повеяло светской образованностью. В это время в училище усиливается внимание к математике, гражданской истории и географии.

Из этих центров выезжают инспектора для обследования и направляются учителя для постоянной работы. В 1831 году Саранское уездное училище обследовал директор Пензенской губернской гимназии (он же и директор училищ Пензенской губернии) Григорий Протопопов²⁷, в 1832 — визи-

татор Казанского университета профессор Яков Караблинов²⁸.

В прежние годы в уездных училищах Пензенской губернии среди педагогов преобладали выходцы из духовенства, в 30-е годы стали появляться учителя из мещан, купеческих детей и дворян, получившие светское образование. В 1834 году в Саранское уездное училище был назначен преподавателем арифметики и геометрии выходец из мещан Дмитрий Гусев, в 1835 году преподавателем истории и географии — купеческий сын Дмитрий Попков, оба обучавшиеся в Пензенской губернской гимназии. В 1837 году на посту штатного смотрителя этого училища Федора Акаевского сменил присланный из Казанского университета дворянин Павел Младенцев²⁹. В это время заметно возросло и влияние библиотеки Саранского уездного училища на формирование художественных взглядов его питомцев, и не только потому, что увеличилось количество экземпляров книг (их стало более пятисот), но и потому, что значительно улучшился подбор литературы.

В Пензенском государственном архиве хорошо сохранилась датированная 1831 годом опись фундаментальной библиотеки Нижне-Ломовского уездного училища, довольно сходного с Саранским и комплектовавшего свои книжные фонды по одинаковым рекомендательным спискам³⁰.

Что мог прочитать в библиотеке своего училища Иван Макаров?

Были в ней и «Российская грамматика» М. Ломоносова, и «Уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов», и «Летопись Сибирская». На одной и той же полке стояли весьма разнокачественные издания: «Басни графа Хвостова», «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михаила Суханова», «Журнал Министерства внутренних дел». Выдавались ученикам и «Гулливеровы путешествия» Джонатана Свифта, и «Награда супружеской верности» Вальтера Скотта, и «История древней и новой литературы, сочинения Фридриха Шлегеля». Рекомендовались ученикам и такие книги, как «Повести, изданные Полевым», «Деяния знаменитых полководцев и министров, сочинения Бантыш-Каменского», журнал «Сын отечества».

Как видно, Иван Макаров обучался в Саранском уездном училище в лучшие годы его существования, что и позволило будущему академику получить в этом скромном учебном заведении неплохие общеобразовательные знания.

В училищном аттестате Ивана Макарова сказано, что он «объявил охоту продолжать учение по одной рисовальной

науке». Разумеется, это не означало пренебрежения к общеобразовательным знаниям, а выражало профессиональное пристрастие к делу, полюбившемуся с детства. Л. М. Жемчужников замечает, что у Ивана Кузьмича «та-лант... в живописи выразился с ранних лет»³¹.

С 1834 по 1840 год подросток занимается любимым делом в живописной школе отца. Зорким глазом старый художник своевременно увидел успехи одаренного сына и всемерно способствовал его развитию. Он возил с собой юношу на выполнение иконописных работ, практиковал его в портретной светской живописи, настойчиво внушая ему проверенные жизнью творческие принципы: быть «верным своей идее», добиваться «верности рисунка», соблюдать «строгий художественный вымысел».

Отец не лишал сына возможности пополнять и общеобразовательные познания. В квартире Макаровых часто бывал страстный любитель отечественной истории штатный смотритель уездного училища, а впоследствии пенсионер, Федор Иванович Акаевский, который составлял экономическое и культурное описание города Саранска³². Юный художник увлекался историческими событиями и воспринимал от своего бывшего учителя полезные сведения из прошлого родного края.

О давно минувших исторических событиях напоминали в Саранске еще сохранявшиеся в то время остатки крепостных сооружений в виде валов и земляных подбашенных оснований, названия улиц вроде Нижних Террасов («Тарасов» в местном произношении, теперь улица Красная. — *И. В.*), Верхних Террасов, Подвальной, Кузнечной и т. п. Эти улицы располагались вблизи дома, в котором проживали художники Макаровы.

Полученные в уездном училище и пополненные путем самообразования знания из прошлого своей родины сказались у Ивана Кузьмича Макарова позднее в его исторической живописи, как церковной, так и светской. Как известно, звание неклассного художника он получил в 1842 году за «хорошие познания в живописи исторической и портретной».

На той же площади Саранска, где располагался дом Макаровых, стояли два замечательных памятника отечественной архитектуры: «Дом присутственных мест», сооруженный в 1816 году по проекту великого русского зодчего академика А. Д. Захарова³³, автора петербургского шедевра — здания Адмиралтейства, и старинные соборы, построенные в середине XVII века внутри Саранской крепости³⁴. Эти памятники зодчества служили постоянным напоминанием и содержателю живописной школы Кузьме Макарову

и его сыну, будущему академику, о величии русской архитектуры, сказавшемся уже и в провинции.

Саранская жизнь изобиловала разнообразными явлениями народного быта, где перемешивались элементы русской, мордовской и татарской старины. Довольно колоритно это смешение трех народных стихий проявлялось на рыночных площадях Саранска (а их было три) в базарные дни — по средам и субботам.

Эти три народные стихии позднее довольно правильно передал в картине «Саранская ярмарка» академик Н. Гусев-Оренбургский, писавший виды ярмарки с натуры³⁵. На этой картине он поместил женщин трех национальностей: русскую, мордовку и татарку.

Этнографическое своеобразие Саранска отразилось в творчестве и самого содержателя и учеников живописной школы, и в частности Ивана Кузьмича Макарова. Это сказалось и в иконописных украшениях церквей, и в домовой резьбе как в самом городе, так и в округе.

Немало давали уму и сердцу будущего художника и картины повседневной трудовой жизни Саранска. Он видел, как в весеннее время сотни хлебопашцев выезжали в пригородные поля на лошадях, которые везли сохи и бороны, мешки с семенами, а владельцы этой поклажи шагали рядом со своими повозками, чтобы не перегружать телег, а летом и осенью слышал перезвон цепов при обмолоте нового урожая на гумнах, располагавшихся вблизи городских строений.

Весной, летом и осенью, каждый вечер, улицы города оглушались ревом коров и блеянием овец, возвращавшихся с пастбы с городских выгонов и освободившихся от урожая полей. Каждые две улицы имели свое стадо. Нередко эти стада перемешивались, и тогда хлопали уличные калитки и слышались вопросы: «Нет ли чужих овец?» И если они оказывались, то следовало выдворение их на улицу.

Бывали отец и сын Макаровы и в рабочем предместье города, где они выполняли заказы по оформлению квартир местных владельцев кожевенных, воскобойных и мыловаренных заводов.

Успешно закончив Саранскую живописную школу, Иван Кузьмич Макаров стал подыскивать себе интересовавшие его заказы.

Первой большой и самостоятельной работой живописца было художественное оформление новостроящейся церкви в селе Саловка Инсарского уезда (теперь Старошайговского района Мордовской АССР).

Об этой работе художника сохранились довольно авторитетные сведения. Писатель Илья Александрович Салов

(1834 — 1903 гг.) в мемуарах «Умчавшиеся годы (из моих воспоминаний)» сообщает:

«Помнится мне, что каждый раз Манухин (купец, владелец соседнего посессионного имения в селе Сивинь. — *И. В.*), как только мы бывали у него, надоедал матери упреками, что она слишком нерасчетливо тратится на окончание постройки церкви, которую начал покойный отец.

Но мать и слышать не хотела. И действительно, на отделку церкви она ничего не жалела. Стены и четыре колонны, поддерживающие потолок, были разделаны под мрамор и украшены художественной живописью. Такой же живописью был украшен и потолок. Как теперь помню, что на первом плане потолка была изображена фигура ангела, держащего в руке церковное паникадило, а на втором Бог Саваоф, окруженный сонмом херувимов.

Живописью наша церковь, действительно, отличалась, так как ею заведовал известный в то время в Пензе (с 1828 по 1854 в Саранске, с 1854 по 1863 в Пензе. — *И. В.*) живописец Макаров, сын которого Иван Кузьмич сделался впоследствии известным художником.

Этот-то тогда еще очень молодой человек писал уже местные иконы, запрестольный образ и некоторые картины на стенах. В описываемое время он еще не имел звания художника и, будучи учеником отца, работал в его мастерской. Но кисть молодого Макарова превзошла кисть своего учителя.

Мне отлично помнится, что мать первая обратила свое внимание на молодого художника и посоветовала старику Макарову похлопотать о том, чтобы его сыну было предоставлено звание художника, и вызвалась даже помочь ему в этом деле.

Старик долго не соглашался на это, сомневаясь в успехе, но молодой Макаров, обрадованный и польщенный предложением матери, принялся приставать к отцу с тою же просьбой и после долгих приставаний добился, наконец, его согласия.

В это же время он принялся писать картину, изображавшую группу мордочков в их оригинальных национальных костюмах. Помню даже, как из соседнего мордовского селения Шайгова привозили к молодому Макарову мордочков, с которых он писал свои этюды. Картины эти предназначались для представления в Академию на получение звания художника.

Мать писала по этому случаю кому-то в Петербург, но сослужили ли эти письма какую-нибудь службу Макарову, — я не знаю, знаю только, что старания молодого

человека не пропали, и что он за эту картину получил звание художника.

Молодой Макаров проработал у нас все лето до октября, т. е. до самого того дня, когда состоялось в Никольском (это село имело три названия: Саловка, Никольское, Ожга. — *И. В.*) освящение новосооруженного храма во имя Спаса нерукотворенного»³⁶.

Воспоминания И. А. Салова помогают понять, как возникла мысль у Кузьмы Макарова установить творческие связи с Академией художеств, при каких обстоятельствах эти связи были установлены и как начались хлопоты о присвоении Ивану Кузьмичу звания художника, помогают эти воспоминания более точно датировать и время написания картины «Две молодые мордовки».

Как было уже сказано, свое письмо в Академию с просьбой о присвоении сыну звания художника Кузьма Макаров направил 25 декабря 1841 года. Следовательно, переговоры об этом с матерью писателя Салова велись раньше, вероятно, летом или осенью того же года. В это же время, в 1841 году, писалась и картина «Две молодые мордовки», которая была отправлена в Академию вместе с письмом.

Что касается других дат, выставляемых при публикации этой картины, то они обозначают или время рассмотрения ее на заседании Совета Академии (1842) или время приобретения Академией (1843).

Из воспоминаний писателя видно также, что художники Макаровы работали над отделкой церкви в селе Саловка и в 1841 и в 1842 (до октября) годах. В справочниках, изданных в свое время в Пензе, указывается, что саловская церковь была отстроена в 1842 году³⁷.

Время, проведенное в усадьбе Саловых, было весьма плодотворным в творческой жизни молодого художника. Здесь он писал картину «Две молодые мордовки», несколько этюдов к ней, здесь впервые осуществил возникший раньше замысел к созданию образа «нерукотворенного Спаса», здесь, как мы предполагаем, он работал и над портретом известного русского поэта, нашего земляка Н. П. Огарева.

В Мордовском республиканском краеведческом музее много лет экспонируются два портрета с этикетками «Н. П. Огарев с женой» и «Мать Огарева». В 20-е и 30-е годы нашего столетия эти портреты считались «семейными», но знатоки огаревской иконографии легко угадали портретируемых. Подобное мнение давно утвердилось и в среде работников самого музея. Тем не менее авторство портретов оставалось неизвестным.

В 1961 году мы высказали предположение о принадлежности портрета «Н. П. Огарев с женой» кисти одного из художников Макаровых³⁸. Прошло более десяти лет, возражений не последовало. Продолжая изучать художественное наследие Саранской живописной школы, мы пришли к убеждению, что огаревские портреты, экспонируемые в Мордовском краеведческом музее, были написаны выдающимся выпускником этой школы — Иваном Кузьмичом Макаровым.

В 1970 году «анонимные» портреты музеем были предложены для атрибуции родному внуку академика Ивану Кузьмичу Макарову (младшему), хорошему знатоку творчества своего деда. Он безоговорочно и вполне доказательно подтвердил авторство академика, после чего (в 1971 году) Министерством культуры Мордовской АССР портреты были предъявлены для заключения весьма авторитетному исследователю художественного наследия Ступинской школы, и в частности живописцев Макаровых, ленинградскому искусствоведу П. Е. Корнилову, который также удостоверил принадлежность портретов кисти академика Макарова.

Вот некоторые строки из заключения исследователя-искусствоведа П. Корнилова:

«...по преданию они [портреты] изображают представителей рода Огаревых. Это обстоятельство придает особый интерес этим портретам середины XIX века, но окончательное решение может принадлежать исключительно иконографам...

На портретах заметно большое мастерство автора с типичной школой академизма, может быть, с некоторой долей романтических переживаний. По нашему мнению, оба портрета одной кисти и одного времени. И. К. Макаров был учеником профессора Маркова в Академии художеств и прославился своими портретными светскими работами, очень умелыми и даже блестящими по исполнению. Его работам свойственна известная декоративность. Она ощутима и в данных портретах. Мы знаем его работу 1842 года «Две молодые мордовки», где преобладают черты ранних исканий художника, свойственных школе Ступина — Макарова.

Учитывая все это, мы приходим к выводу, что портреты могли быть написаны И. К. Макаровым. Будущее, может быть, несколько и холодноватое мастерство уже проглядывает в этих работах, поэтому с долей уверенности мы высказываемся за их авторство И. К. Макарова...»³⁹.

Когда же были написаны эти портреты и почему они оказались анонимными?

Как мы уже говорили, в 1841 и 42 годах Иван Кузьмич Макаров работал в селе Саловке над росписью вновь стро-

ящейся в этом селе церкви. Одновременно он писал и этюды с мордвовок соседнего села Старое Шайгово, на пути к которому со стороны Саранска (в 12 верстах) располагались огаревское имение, усадьба и отцовский дом в селе Старое Акшино.

Я. З. Черняк, много лет изучавший биографию Н. П. Огарева, сообщает, что «после смерти отца, Платона Богдановича (2 ноября 1838 г.), Огарев приезжал несколько раз из Москвы (в 1839 — 41 гг.) в Старое Акшино (отцовское имение)»⁴⁰.

Через своих саранских друзей Огарев мог узнать о талантиности молодого живописца и пригласить его для портретирования себя и жены, портрет покойной матери поэта мог быть перерисован с другого изображения.

Нетрудно догадаться, почему на портретах нет подписей живописца. Юный художник, выходец из крепостных крестьян, не имел еще тогда обыкновения подписываться под своими произведениями, а позднее, узнав, что поэт находится под надзором полиции, а затем и на положении изгнанника в эмиграции, мог навсегда оставить портреты его семьи без авторских подписей.

Много лет эти портреты были неизвестными. Первые сведения о них в официальных документах появились после Октябрьской революции. В «Инвентарной книге Саранского музея родного края» за 1923 — 29 годы записано: «Картина размером 47 38 см без рамы. Рисунок масляными красками на полотне. „Семейный портрет из времен Пушкина“. Изъят из имения помещика неизвестно какого за время 1917 — 1919 гг. В музей поступил 2 февраля 1920 года. Дар Саранской художественной студии. Принял Г. А. Соколов. Стоимость 15 рублей»⁴¹.

В «Инвентарной книге Мордовского республиканского музея» за 1934 — 36 годы зарегистрирован и «„Портрет неизвестной женщины в меховой накидке, крытой бархатом“. Масляные краски. Размер 48 39»⁴².

На первом портрете изображены мужчина и женщина в возрасте 27 — 28 лет. При сличении этого портрета с опубликованными изображениями Николая Платоновича Огарева и его жены Марии Львовны (урожденной Рославлевой) устанавливается явное сходство.

На втором — женщина лет 30 — 35. Она сидит в кресле. Кресло с красной бархатной отделкой. Чепец на голове. Косынка на шее. Кружевной воротничок. На левой руке — два кольца и один перстень. Шуба с бархатной меховой оторочкой. Глаза красноватые, зрачки черные.

В обоих портретах заметно сходство: в материале (холст один и тот же), в размере, в рисунке обивки кресел. Есть

сходство и в лицах Н. П. Огарева и его матери — продолговатый нос, высокий лоб, шатенный цвет волос. Все это позволяет предполагать, что перед нами изображение Елизаветы Ивановны Огаревой (урожденной Баскаковой), матери поэта, умершей в 1815 году на 32 году жизни.

Успехи Ивана Кузьмича Макарова в церковной и светской живописи саловского периода окрылили художника и укрепили мнение его отца о необходимости установить связи с Академией художеств.

Л. М. Жемчужников сообщает, что Академия художеств не ответила на прошение Кузьмы Александровича Макарова от 25 декабря 1841 года о присвоении звания некласного художника его сыну. Это неправильно.

В архиве Академии сохранилась переписка, которая показывает ход этого дела с начала и до конца.

14 января 1842 года Совет Академии решил: «По прошению бывшего учителя рисования в Саранском уездном училище губернского секретаря Макарова (по входящей книге ц 38) определено — как представленные работы живописцем Макаровым доказывают хорошие способности сына его в живописи и рисовании, но между тем он состоит в мещанском обществе, то в уважение дарований его обратиться от Академического Совета к Пензенскому гражданскому губернатору с просьбой принять свое участие к увольнению Макарова из мещан, дабы он мог беспрепятственно образоваться по художественной части»⁴³.

22 января того же года Академия обратилась с письмом к Пензенскому губернатору А. А. Панчулидзеву с просьбой оказать содействие в увольнении Макарова из мещан⁴⁴.

Саранское мещанское общество, в котором состоял в то время Иван Кузьмич Макаров, не впервые решало подобные вопросы. В 1815 году оно уволило из своей среды и освободило от податных платежей будущего поэта Александра Полежаева. В том же году увольнение из общества получил его брат Константин Полежаев⁴⁵.

Увольнение из общества — это не простая формальность, а дело весьма сложное. Нужна была предварительно полученная гарантия в уплате за увольняемого податей и других повинностей. За Полежаевых обязался нести повинности помещик Л. Н. Струйский. За Ивана Макарова, вероятно, его отец Кузьма Александрович.

Получив обязательство, общество собирало сход и выносило приговор, в котором об увольняемом говорилось: «...мещанское общество, будучи в собрании, дали сие увольнение нашему ж общества мещанину в том, что уволили мы его, как не имеющего за собой по обществу нашему повинность, к определению по силе именных высочайших

его Императорского величества указов 14 августа 1811-го и 1812-го годов состоявшихся, в канцелярское звание или по ученой части, в которую он из сих служб вступить по способности пожелает, в чем мы ему за сим увольнением никакого препятствия чинить не должны, в выключке ж из оклада податей обязан он стараться собственным своим лицом, а общество наше ни до каких убытков и тому подобного не доводить, равномерно в исправном платеже до выключки податей и разных повинностей должен представить по себе верное поручительство, со стороны чего общество наше по сей части и обеспечено; в чем мы сие увольнение за рукоприкладством нашим ему и дали»⁴⁶.

Увольнительное свидетельство подписывали староста мещанского общества и 10 — 12 человек грамотных рядовых мещан.

Как видно, саранское мещанское общество к будущему художнику отнеслось с большим сочувствием.

18 февраля 1842 года губернатор А. А. Панчулидзеv препроводил в Академию художеств акт саранского мещанского общества об увольнении Ивана Кузьмича сына Макарова из этого общества и ходатайство об удостоении его звания художника⁴⁷.

Без увольнительного свидетельства Академия не могла решить вопроса о присвоении лицу податного состояния художнического звания.

24 марта 1842 года Совет Академии вторично рассматривал этот вопрос и решил: «По отношению пензенского гражданского губернатора определено — уволенного из саранских мещан Ивана Макарова во внимание к хорошим познаниям его в живописи исторической и портретной, доказанным представленными им работами, удостоить звания неклассного художника, и по утверждению его высоким публичным собранием Академии, имеющим быть в сентябре текущего года, выдать аттестат. При сем положено объявить Макарову, что Академический Совет, судя по работам его, замечает в нем особенный талант к художеству, и потому желает, чтобы он, Макаров, неуклонно продолжал заниматься оным»⁴⁸.

7 мая 1842 года Академия уведомила Ивана Макарова о присвоении ему художнического звания. Приведем копию этого уведомления.

«Министерство Императорского двора. Императорская Академия художеств. 7 мая 1842 года, ц 359.

Уволенному из саранских мещан живописцу Ивану Макарову. Совет Императорской Академии художеств по

рассмотрении представленных Вами в Академию художеств картин, писанных масляными красками, и рисунков, замечая особые в Вас таланты к художеству, по исходатайствованию через Пензенского гражданского губернатора увольнения от общества, к которому принадлежали, положил во внимание к дарованиям и познаниям в живописи удостоить Вас званием некласного художника; при сем положено объявить Вам, что Академический Совет остался в полной уверенности, что Вы при дарованиях своих потщитесь неуклонно продолжать заниматься избранной Вами отраслью художеств.

Правление Академии, извещая Вас о таком положении Академического Совета, присовокупляет, что работы Ваши оставлены в Академии, аттестат же на звание художника будет выдан Вам по утверждению в оном публичном собрании Академии, имеющим быть в сентябре сего 1842 года.

За конференц-секретаря *Крутов*».

На обороте этого сообщения указан адрес получателя: «Уволенному из саранских мещан живописцу Ивану Макарову. В Саранске, Пензенской губернии, ц 359. Получен 20 мая 1842 года»⁴⁹.

Публичное собрание Академии утвердило решение Совета, и в октябре 1842 года Иван Кузьмич Макаров получил аттестат на звание некласного художника.

Академический аттестат открывал новые возможности для роста молодого живописца. В документе оговорены правовые условия, льготы и обязанности некласного художника:

«А т т е с т а т. Из Императорской Академии художеств. Ивану Макарову в том, что он во внимание к хорошему познаниям в живописи исторической и портретной, доказанными представленными им на рассмотрение Академии работами, на основании высочайше утвержденного в 19 день декабря 1830 года прибавления к установленным Императорской Академией художеств разделения 1, § 10 Академическим советом 24 марта 1842 года возведен в звание некласного художника и утвержден в оном публичном собрании Академии, 27-го сентября того же года бывшим, с правами, по силе всеместивейше дарованных Академии художеств привилегий пользоваться с потомством его вечною и совершенной свободою и вольностью и вступить в службу, в какую сам он, свободный художник, пожелает. В уверение чего и дан ему, Макарову, сей аттестат с приложением академической печати. Спб., Октября дня 1842 года. Вице-

президент... Аттестат г-ну Макарову для доставления получил 27 октября 1842 года статский советник (подпись)»⁵⁰.

Получив решение Академии, художник, однако ж, долго еще вынужден был ждать правительственного утверждения. Саранские городские власти были уведомлены об этом лишь в 1843 году.

В Пензенском областном архиве сохранилось решение Казенной палаты со ссылкой на указ правительственного сената:

«10 июля 1843 года. Указ из Пензенской казенной палаты в Пензенскую городскую думу. В палате сей по слушании указа правительствующего сената от 2 минувшего мая за № 23602 об исключении из оклада пензенского мещанского сына Петра Чернышева и саранского мещанина Ивана Макарова, возведенных в звание некласных художников.

Приказали: во исполнение указа правительственного сената пензенского мещанского сына Петра Федоровича Чернышева и саранского мещанина Ивана Макарова, возведенных Академией художеств в звание некласных художников, из оклада платежей податей исключить с начала второй половины сего 1843 года и о том в отделение казначейств передать ведение, а Пензенскому и Саранскому уездным казначействам, чтобы они исключением означенных — Чернышева и Макарова — показали у себя по документам с 2-й половины сего 1843 года. Июля 8 дня 1843 года. Подлинник подписали...»⁵¹.

Авторитетное признание живописных работ провинциального художника вселило веру в его дарования, и он загорелся мечтой поступить на обучение к корифеям живописного дела России в столичную высшую школу.

Как было сказано, талантливый юноша по совету художника Дюраза и при помощи почитателя живописи богатого помещика Потулова добрался до Петербурга и там в 1845 году определился вольноприходящим учеником Академии художеств.

Иван Кузьмич в Академии обучался у весьма авторитетного профессора Алексея Тарасовича Маркова (1802 — 1878). За успехи в портретной живописи и картины он дважды был удостоен награждения серебряными медалями и послан за границу для усовершенствования мастерства (1853 — 1855).

В 1855 году Иван Кузьмич Макаров был возведен в звание академика портретной живописи. Сохранился аттестат:

«Санкт-Петербургская Императорская Академия художеств за искусство и познания в живописном портретном

художестве признает и почитает художника Ивана Макарова своим Академиком, с правами и преимуществами в установлениях Академии предписанными. Дан в. С.-Петербурге за подписанием президента и с приложением печати. 1855 года, ноября 30 дня. Конференц-секретарь *Василий Григорович*⁵².

В 50 — 60-е годы творчество Ивана Кузьмича достигло большого совершенства. Оно развивалось преимущественно в Петербурге, в среде столичных художников. Петербургские портреты его отличаются светскостью, изяществом, грациозностью. В них нет уже элементов провинциальной аляповатости, которые кое-где сказывались в раннем творчестве.

Наиболее значительными произведениями Ивана Кузьмича Макарова петербургского периода являются портреты пушкинской семьи: Натальи Николаевны, Марии Александровны и Натальи Александровны.

Личность жены А. С. Пушкина, красивой женщины, пережившей тяжелую трагедию, различные верные и неверные толки вокруг ее имени обуславливали большой интерес художников к ней.

В 40 — 50-е годы прошлого столетия появились многочисленные изображения ее на полотне. И одним из самых удачных портретов этой галереи является портрет И. К. Макарова.

Вот что писала портретируемая своему второму мужу П. П. Ланскому в июне 1849 года: «Необходимость заставляет сказать тебе, в чем заключается мой подарок — это мой портрет работы Макарова, который сам предложил написать его без того, чтобы я его об этом просила, и ни за что не захотел взять за него деньги»⁵³.

Некоторое время спустя взыскательная современница художника продолжает этот разговор:

«Он [Макаров] назначил сеанс на другой день, был трогательно точен, три дня подряд я позировала... Мой портрет был окончен удивительно быстро... (5 июля 1849 года)... Она [Александра Николаевна] нашла, что нос слишком длинный и сказала это Макарову, который и внес значительные изменения, и стало гораздо лучше, чем было. Выражение рта, по словам тех, кто видел портрет, не совсем удалось, и все же это один из лучших моих портретов»⁵⁴.

И. К. Макаров написал и портрет младшей дочери А. С. Пушкина Натальи Александровны, где достиг высшего сходства в лице, напоминающем облик великого поэта, портрет, исполненный воздушной легкости и одухотворенности.

Как первый, так и второй портрет украшают залы Все-союзного Пушкинского музея в Ленинграде.

Еще один портрет из серии пушкинской семьи находится в Толстовском музее в Москве. Он — в центре экспозиции, посвященной творческой истории «Анны Карениной». Как известно, Лев Николаевич Толстой, создавая портрет Анны, воплотил в нем некоторые черты старшей дочери А. С. Пушкина Марии Александровны (1832 — 1919 гг.). При первом взгляде на портрет дочери Пушкина (1865 г.) ценитель русской культуры непременно ощутит органическую преемственность великим писателем традиций великого поэта. Да и сама дочь настолько одухотворена, что, кажется, вот-вот она повернет лицо и засияет пушкинской улыбкой.

Напомним еще лишь одну деталь. Прическа у дочери Пушкина украшена гирляндой аютиных глазок. Подобные украшения мы видели у родителя академика — Кузьмы Макарова в картине «Девочки с гирляндой». Почтительный сын не забывал Саранскую школу отца и будущи в столице.

И это простенькое убранство прекрасно вписалось в портрет рядом с добротным черного бархата платьем и венецианскими кружевами столичной дамы⁵⁵.

Преемственность традиций отцовской школы сказалась у Ивана Кузьмича и в мастерстве парного портрета. И «Две молодые мордовки» (1841), и «Сестры Перовские» (1859 г.), и «Сестры Араповы» (1860 г.), и «Дети» (1870 г.) — тому верное подтверждение. Живописец в совершенстве владел приемами и общей композицией и зарисовки каждого портретируемого. Просматривая парные портреты художника, трудно сказать, кто из той или иной пары нарисован лучше, а кто хуже.

Проживая с 1845 года в Петербурге, Иван Кузьмич нередко бывал и в Москве.

В 1863 году ему как видному портретисту и знатоку церковной живописи был предложен заказ расписывать внутреннюю часть купола вновь строящегося соборного храма Христа Спасителя в Москве — памятника победы русского народа над наполеоновскими полчищами в Отечественной войне 1812 года.

Этой стройке (1839 — 1883) придавалось большое значение. На нее было израсходовано 17 миллионов рублей — колоссальная сумма по тому времени.

Сооружение здания было поручено известному архитектору профессору Академии художеств Константину Андреевичу Тону (1794 — 1881). Строитель Большого Кремлевского Дворца в Москве, Тон был автором проекта и главным архитектором храма Христа Спасителя.

Старшим архитектором этого строительства был назначен молодой зодчий Иосиф Степанович Каминский (1821 — 1901), получивший в 1859 году звание профессора за участие в сооружении храма.

Брат его, архитектор Александр Степанович Каминский, был правой рукой замечательного русского патриота — создателя Московской картинной галереи Павла Михайловича Третьякова. Он разрабатывал проекты и осуществлял руководство строительством и последующими пристройками к зданию знаменитой галереи, проявляя и вкус, и старание, и понимание замысла своего покровителя-энтузиаста.

А. С. Каминский был привлечен к работе и над проектом храма Христа Спасителя, в помощь К. А. Тону⁵⁶.

В росписи храма участвовали художники В. И. Суриков, В. В. Верещагин, А. Т. Марков, П. В. Басин, Ф. А. Бруни, К. Е. Маковский, Г. И. Семирадский и другие⁵⁷. Внутреннюю роспись купола возглавлял профессор А. Т. Марков.

Среди этих деятелей Москвы Иван Кузьмич пользовался большим доверием и авторитетом. Ближайший советчик Павла Третьякова по живописному делу выдающийся русский художник И. Н. Крамской называл Макарова «известным портретистом»⁵⁸.

В Третьяковской галерее хранится портрет архитектора Иосифа Степановича Каминского, написанный Иваном Кузьмичем Макаровым в 70-е годы прошлого столетия. Перед нами холодноватое, но весьма интеллектуальное лицо, пронизательные и умные глаза, высокий чистый лоб. Судя по плечам и шее, это человек спортивной фигуры. А все вместе взятое представляет деятеля своей профессии. Не скажешь, что это купец, или чиновник, или вельможа. Нет, это именно архитектор, человек дела, мысли, строгих форм искусства.

И в той же галерее можно полюбоваться портретом молодой светской женщины изумительной красоты, «Портретом неизвестной» (1860), принадлежащим кисти того же художника. Если в «Каминском» — апофеоз мысли, то в «Неизвестной» — гимн телесной красоте.

Мы не знаем, сколько было сделано в храме Христа Спасителя Иваном Кузьмичом Макаровым и почему он устранился от исполнения заказа, который завершил И. Н. Крамской.

Сам Крамской говорит об этом в общих словах: «Весной 1863 года Марков выехал в Москву и поручил живопись своему старому ученику, известному портретисту И. К. Макарову. Время от времени, видаясь с Макаровым в Петербурге, я интересовался ходом работы, и сначала,

по-видимому, все обстояло благополучно, потом явилось некоторое беспокойство, а летом 1865 года А. Т. Марков начал говорить, что, вероятно, ему не удастся окончить купол к назначенному в контракте сроку, который наступал через полгода; в следующий свой приезд он пришел ко мне и прямо просил меня приехать в Москву помогать... Кончилось тем, что осенью 1865 года я принял на себя обязательства исполнить купол в течение года, и не оставлять работ, пока комиссия не одобрит их и не примет купол окончательно...»⁵⁹.

Было бы ошибкой думать, что академик Макаров отошел от этого дела по недостатку знаний, или опыта, или таланта. Нет. Вероятно, были другие причины.

Можно предполагать, что со смертью отца — Кузьмы Макарова — осенью 1862 года осиротевшая школа живописи, находившаяся уже в Пензе, звала художника-академика поддержать ее благосостояние. А может быть, и личная жизнь сорокалетнего холостяка давала о себе знать. И в этой жизни, как известно, летом 1863 года произошло немаловажное событие. Художник женился.

В метрической книге города Пензы Алксандро-Невской церкви при дворянском институте мы прочли запись о состоявшемся бракосочетании: «21 июля 1863 года академик Иван Козьмич Макаров, православного вероисповедания, первым браком, 41 года. Дочь надворного советника Николая Александровича Мясоедова, девица Ольга Николаевна, православного вероисповедания, 20 лет. Таинство совершили: протодьякон Василий Бережковский, дьякон Иван Флоринский, поручители: надворный советник Николай Александрович Мясоедов, гвардии ротмистр Леонид Николаевич Ховрин, штабс-капитан Константин Петрович Мясоедов, коллежский секретарь Николай Николаевич Мясоедов, коллежский советник Иван Николаевич Горсткин»⁶⁰.

А может быть, и сам предмет письма — «Триипостасный бог» — показался художнику чересчур абстрактным. И хотя заказ был высокооплачиваемый, художник не прельстился и этой материальной выгодой. У него было достаточно заказов и светских, где требовалось искусство реалистическое, что его вполне устраивало.

Тем временем в печати высказывались вполне заслуженные похвалы в адрес художника:

«...Из живых портретистов, — писал в 1863 году знаток академической живописи П. Петров, — долг справедливости заставляет сказать прежде всего о И. К. Макарове. Ему можно пожелать только, если позволительно и сбыточно это желание, немножко больше основательности, при

том легком исполнении, в котором с ним сравнятся немногие.

Прелесть и вкус есть в его портретах, и будь художник внимательнее к своей славе, не удовлетворяйся он одним эффектом, легко достигаемым — мы могли бы смело выставить нашего соотечественника перед художественной Европой, не боясь за него сравнения и соперничества с прославленным Винтергальтером...»⁶¹.

Художник, вероятно, учел замечания критики и старался совершенствовать свое мастерство, что было отмечено при оценке его новых произведений на Петербургской выставке 1883 года. По поводу этой выставки отозвались многие газеты и журналы того времени. Наиболее основательной была заметка, помещенная во «Всемирной иллюстрации»:

«Выставка произведений И. К. Макарова и А. И. Мещерского — в доме, где главная контора телефона, на углу Малой Конюшенной и Невского проспекта — имеет интерес своего рода по разности талантов выставивших, — конечно, далеко не равный.

Иван Кузьмич Макаров — знаменитость в специальности портретной живописи начала 1860-х годов — на последних трудах своих проявляет ту же приятность кисти, которая доставила ему прочную репутацию, чуть ли не за три десятилетия назад, вслед за сходом со сцены К. П. Брюллова. Особенность кисти И. К. Макарова — самая ощутительная на первый взгляд, конечно, — приятность, благодаря которой портрет лица дамы, с довольно обыкновенными чертами лица, из-под кисти художника выходит чуть не изображением красавицы. Настолько милостивости на первый взгляд имели и написанные Макаровым дети.

В ту пору, когда выступил он на арену известности, из действовавших в области портрета, было вообще немного щеголей кисти, так что после Брюллова, Тыранова, Басина — ощущался заметный пробел. Чувствительную потребность в приятном портрете и восполнил собою И. К. Макаров. Он ближе всех из русских художников напоминал в первое время своего появления и известности Винтергальтера, с его изящным вкусом и тактом писать легкие ткани и материи, для образования из грудного или поясного портрета приятного пятна колеров. Тело при этом бывало выписано достаточно для произведения общего эффекта и — дальше ничего не могло требоваться.

Новому направлению портрета — правде прежде всего, а затем силе при эффекте, как необходимом следствии выс-

казанных особенностей кисти, И. К. Макаров, разумеется, продолжая художественную карьеру, следует по-своему. У него правда, благодаря приятности, облекается в поэтичность своего рода. Живым примером и подтверждением наших слов может служить фигура молодой девицы в белом атласном платье. Здесь свежесть впечатления полная и такая приятность общего эффекта, ради которого глаз, раз остановившись на милом образе, не хочет оторваться от полотна с известного расстояния. Между этою полуфигурою и большим портретом княгини Оболенской с ребенком — целая бездна последовательного совершенствования техники, хотя и тот портрет теперь даже производит приятное впечатление общим подбором уже значительно выцветших колеров.

Всех портретов Макарова выставлено с небольшим двадцать, и они далеко не полно обрисовывают особенности таланта много поработавшего художника, остающегося верным себе, следуя раз намеченному направлению.⁶²

Среди многочисленных работ художника встречаются и сделанные им по заказу высочайших особ. Он, как и некоторые другие живописцы, не избежал этих заказов. Но не портреты великих князей, цариц и царей образуют его значительное художественное наследство. Его подлинное лицо выражено во вдохновенных образах людей труда, мысли, людей сложной человеческой судьбы, апофеозом его творчества была духовная и телесная красота, своей главной целью он считал служение отечественной культуре, родному искусству, и ради этого он нередко отказывался от дорогооплачиваемых заказов, предпочитая им свободный труд художника-реалиста.

Скончался Иван Кузьмич Макаров в Петербурге 9 (21) апреля 1897 года.

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

К 50-м годам прошлого столетия Саранская живописная школа стала заметным культурным очагом в Среднем Поволжье. У нее уже был и собственный дом с мастерскими, и флигель для жилья как семьи самого содержателя Кузьмы Александровича Макарова, так и его учеников.

При помощи своего старшего сына Ивана Кузьмича, находившегося при Академии художеств в Петербурге, отец обстоятельно оборудовал школу и гипсовыми отливками, и эстампами, и копиями с картин знаменитых художников, а также рисунками своих учеников.

Подрастали и другие сыновья и дочери Кузьмы Александровича. Николай был уже в числе учеников его школы, Яков заканчивал уездное училище, Серафима специализировалась по копированию картин, Екатерина обучалась начальной грамоте дома.

Их дед по матери Терентий Козьмин помогал зятю в ведении хозяйственных дел школы, а после его смерти эти заботы приняла на себя хозяйка дома Анна Терентьевна¹.

Школа брала крупные заказы как по светской живописи, так и церковной. Выполнение этих заказов осуществляли и сам Кузьма Александрович, и его дети, и ученики. Так, в 1849 — 50 гг. вся школа была привлечена к работе в городе Пензе, в кафедральном соборе.

«...Кузьму Александровича, — вспоминает Л. М. Жемчужников, — вызвали в Пензу расписывать собор. Он подрядился за две тысячи рублей и для этого вызвал сына из Петербурга. Заказ был принят в июне, а работа началась в сентябре. Кроме Макаровых, отца и сына, на штукатурных лесах вместе с ними трудились пятнадцать учеников из Саранской школы.

Работа была тяжелая, мороз в зиму 1849/50 года доходил до 30 градусов, а в соборе, при усиленной топке, не было менее 17 градусов. Кроме того, нельзя было видеть общего и разглядеть фигуры; освещение было с двух сторон, так что тень от пишущего художника падала на его работу, застилая ее. Однако, несмотря на это, работа была кончена 23 февраля 1850 года, т. е. почти в шесть месяцев. На материал было потрачено 1 700 рублей, и в остатке за труд было выручено 300 рублей, благодаря помощи молодого и талантливого художника. Старик отец был рад, что не только не понес убытка, а остался в барыше»².

Соборные росписи в г. Пензе делались по какому-то обещанию художника, и поэтому как сам Кузьма Александрович, так и его ученики работали над выполнением этого подряда с особенным старанием.

В прежние годы в среде русских людей было принято при различных житейских невзгодах (тяжелая болезнь ребенка, бездетность, удручающий недуг одного из супругов) давать клятву выполнить ввиду избавления от этого недуга какое-либо благочестивое обещание: сходить пешком на богомолье в Киево-Печерскую лавру или Троицко-Сергиевскую, пожертвовать значительную сумму денег на строительство церкви или совершать ежедневно какое-то количество земных поклонов перед иконами в своем доме.

Мы не знаем, по какой причине Кузьма Александрович дал обет именно расписать пензенский собор, можем лишь предположить, что это было связано с водяночной болезнью художника, от которой он избавился в 1848 году, а может быть, он это сделал просто из-за почитания своего губернского города. Знаем только, что его работа получила весьма одобрительную оценку в печати.

Так, в «Пензенских губернских ведомостях» сообщалось: «Художники Макаровы, отец и два сына с обществом — в числе 11 человек, неустанно трудились над совершением святого дела 9 месяцев (рисовали картины для пензенского кафедрального собора).

Старшего из сыновей К. А. Макаров вызвал нарочно из С.-Петербурга; и этот сын, обучавшийся уже несколько лет в Академии и своими способностями заслуживший от начальства внимание и известность в мире художеств, был самым деятельным помощником и ученым советником в исполнении благочестивого обета отца своего»³.

Авторитет Саранской живописной школы заметно возрос и в среде ценителей светской живописи. На посылаемые в Петербург в Академию художеств картины как своего письма, так и письма учеников Кузьма Макаров получал одобрительные отзывы. По поводу его картины «Крестьянская девушка, занимающаяся своим нарядом», как уже упоминалось, Совет Академии в 1847 году ответил, что он эту картину «видел с удовольствием»⁴. За картины и рисунки его ученики Василий Умнов⁵, Алексей Кудрявцев и Дмитрий Николаев⁶ получили звание рисовальных учителей в гимназиях и уездных училищах.

Казалось бы, энтузиаст-художник достиг осуществления заветной мечты — «заведением» своим «принести сильную пользу обществу». Но подкралась роковая беда, да не одна. На протяжении десяти лет опустошительные

пожары дважды разрушали то, что было создано за четверть века.

Пожары в старой России были тяжелым бедствием человека. Хотя в каждом городе и существовали наблюдательные каланчи или приспособленные для обзора города церковные колокольни, а на перекрестках улиц стояли чаны с водой и на пожарных дворах были наготове сильные и быстроходные лошади, тем не менее в стране редко можно было встретить городское поселение, которое бы не опустошалось огненной стихией каждые 20 — 30 лет.

Застройка старых городов производилась из материалов, легко воспламеняющихся. Дерево для стен, лубок или стружка для крыш, солома для лабазов — главенствовали среди местных строительных материалов. Противопожарная техника была примитивна, скорости подачи воды невысокие. Нашему современнику трудно представить, как это сгорало в два-три часа 500 — 600 домов. А так было.

Старожилы Саранска хранят в памяти рассказы их отцов и дедов о трех опустошительных пожарах в своем городе: грошевом, филагревом и кубанцевом, уничтоживших не один десяток его достопримечательностей.

Удивления достойны названия этих пожаров. Они произошли от фамилий или прозвищ владельцев первых загоревшихся домов. Насколько трудно бывает установить имя раннего поселенца той или иной улицы города, настолько просто и легко удается узнать адрес виновника стихийного бедствия. А это все оттого, что страх и ужас перед огненной стихией настолько сильно в прошлом поражали сознание современника, что этот удар долго потом ощущался в последующих поколениях горожан. Более того, кое-кто из жителей этих поколений привыкали вести счет времени не по календарю, а по пожарам. Так, от городских обывателей можно было услышать, что «царь Николай Павлович заступил на престол после Грошева пожара лет через восемь», а «Крымская война случилась через три года после Филагрева пожара», а «новый саранский собор святости после Кубанцева пожара».

И верно. Народная память хранила не только рассказы о событиях, но и хронологию их. Документы почти точно подтверждают предания об этой хронологии.

Грошевский ножар произошел в 1817 году, уничтожил он 600 домов в верхней наиболее капитально застроенной части Саранска. Сгорело пять церквей. В этом пожаре погибли многие памятники старины⁷.

Название филагревского пожара 1852 года мы устанавливаем по имени Филагрея Кудрявцева, который значит-

ся в списке погорельцев мещан и цехов. Тогда сгорело 550 домов, также в верхней центральной части города. Многие старинные дворянские особняки после этого пожара не возобновились⁸.

И третий пожар — кубанцевский (1869 г.). Начался «в задней части двора купцов Кубанцевых» во время сильного ветра. Не прошло и часа, как пламя охватило весь центр города и примыкающие кварталы «на две версты в длину и на полверсты в ширину».

В течение двух часов пожар уничтожил 391 дом, 20 лавок и магазинов, 3 училища с библиотеками, военные казармы, обгорели куполы и шпили 4-х церквей. Были человеческие жертвы, погибло несколько лошадей⁹.

Этот пожар привлек внимание великого русского писателя Л. Н. Толстого, побывавшего в том же году в здешних местах. «Мы приехали в Саранск, — рассказывал он своим знакомым, — несколько дней тому назад. Город весь выгорел; почтовый двор, храмы — все погорело, торгуют теперь там вместо рядов из-под каких-то брезентов. Наш ямщик подал нам лошадей. Они тоже были в пожаре; у одной обгорела грива, а у другой немного хвост обгорел...»¹⁰.

Строения Саранской живописной школы погибли во втором, филагревском, пожаре 8 июня 1852 года. Как воспоминания, так и архивные документы воспроизводят трагический финал многолетних трудов художника Кузьмы Макарова.

Л. М. Жемчужников, передавая воспоминания И. К. Макарова, сообщает: «Летние жары засушили хлеба и травы, совершались молебны и крестные ходы о ниспослании дождя. И вот в эту засуху крестьянин отправился в погреб с трубкой, из нее выпала искра, никем не замеченная, и зажгла сухую траву и перешла в поле на солому. Быстро дошел огонь до гумен; пламя сразу охватило соседние убогие жилища и добралось до города. Поднявшаяся буря кидала головни и горящие клоки сена и соломы из улицы в улицу. К. А. Макаров выслал всех своих учеников тушить огонь на помощь жителям, несмотря на опасность, грозившую его собственному жилищу, так как сгорели соседняя баня и соседний сарай, прилегающий к забору сада. Головня упала в сад, обгорел угол скамьи, и головня потухла. Но вдруг где-то вблизи лопнули бочки со спиртом, и горящий спирт плеснул на раскалившийся дом К. А. Макарова. Дом вспыхнул... и через полчаса это была груда кирпичей и угля. Кузьма Александрович так растерялся, что жена едва успела вывести его из дома. Спасли только портфели с рисунками и увезли их в поле.

Старик Макаров с невыразимым сокрушением смотрел на пепелище...»¹¹.

Не менее печальны и воспоминания дочери Кузьмы Александровича художницы Серафимы, записанные ныне здравствующим ее внучатым племянником — Иваном Кузьмичом Макаровым (младшим):

«Серафима Кузьминична, его дочь и моя бабка, рассказывала мне иногда и о семейных событиях. И среди них она выделяла саранский пожар 1852 года. Ее рассказ об этом пожаре рисовал картину сплошного всепожигающего зрелища. Везде было пламя и дым, раздуваемые ветром, везде летели искры и головни. Так и погибли отцовский дом и школа»¹².

Различные вариации преданий о стихийном бедствии 1852 года передавали старожилы Саранска в годы нашей юности.

Мой дед Василий Васильевич Воронин (1846 — 1921) рассказывал, что его, шестилетнего мальчика, как единственного сына в семье, особенно зорко охраняли во время филагревского пожара, отнесли в огород, посадили в картофельную ботву и приставили к нему тетку Матрену (глухую бездетную старуху), которая не отходила от ребенка до конца пожара, хотя в это время воронинский дом (на улице Сошественской, ныне Большевицкая) выгорел до основания, а бабушку Василису Григорьевну (ей было 4 года) еле успели вывести со двора и увезти на выгон, ввиду того, что ее отцовский дом (мещанина Г. У. Шапошникова) стоял в густозаселенной части города, напротив усадьбы Филагрея Кудрявцева и вспыхнул одним из первых¹³.

В местном архиве сохранилось три тома переписки об этом пожаре, связанной с учетом убытков, понесенных жителями города, с распределением и выдачей ссуд. Сословный принцип старой России сказывался всюду, и в государственных, и в общественных делах, и в личной жизни горожан. Саранский вспомогательный комитет явно с пристрастием решал вопросы по учету убытков погорельцев и распределению ссуд. Ущерб, понесенный высокопоставленными лицами, преувеличивался, а у простого люда — преуменьшался.

Так, уничтоженное пожаром имущество городничего, полковника по кавалерии, Ф. С. Добровольского было оценено в 15 тысяч рублей, земского исправника, прапорщика П. Л. Федотчукова в 3 тысячи; а коллежского регистратора Г. И. Флоринского в 20 рублей; убытки купцов И. М. Кубанцева в 100 тысяч рублей; И. Л. Кроткова в 10 тысяч; а мещанина Л. П. Симакова в 100 рублей¹⁴.

Об убытках, понесенных держателем живописной школы, сохранилось три записи. В «Списке погоревшим домам и флигелям» по «Успенской части г. Саранска», в разделе «чинывики, состоящие на службе и в отставке» мы прочитали: «Дом и флигель губернского секретаря Кузмы Александровича Макарова стоимостью 2 500 рублей». В другом документе указано, что у К. А. Макарова сгорели «деревянный дом и флигель и разного имущества на 2 000 рублей». В третьем — «недвижимого имущества на 1 500 рублей, движимого имущества и товаров на 500 рублей»¹⁵.

Что подразумевалось под движимым имуществом и товарами художника? Вероятно, это картины, рисунки, этюды и материалы.

В зависимости от учтенных убытков выдавались и ссуды. Купец Кубанцев получил 6 666 рублей, подполковник Головизнин 1 333, капитан-лейтенант Долгинцев 1 820, поручик Пестров 650, а мещанин Иконников — 19 рублей, коллежский регистратор Иванов — 18¹⁶.

Кузьме Макарову было выдано 500 рублей¹⁷.

Из архивных документов видно, что Кузьма Александрович Макаров пытался возобновить свою школу в Саранске. Но это сделать не удалось, ибо 500 рублей ссуды, выданной ему городскими властями, было далеко не достаточно для строительства нового здания и приобретения оборудования. Он вынужден был переехать в другой город.

Однако покинуть Саранск он не торопился ввиду того, что после пожара появились новые заказы на иконописные работы в обгоревших церквях. Л. М. Жемчужников вспоминает, что после пожара «нашлись добрые знакомые — Н. М. Глебов и его жена, которые приютили у себя все семейство Макаровых и его самого; и он мог продолжать работу в саранской церкви.

Окончивших ученье и вышедших из школы Макарова было человек сорок; узнав о его несчастье, они прислали ему посильную помощь деньгами. В числе таковых был В. Кислов, бывший крепостной, выславший деньги из Костромы»¹⁸.

Над оформлением какой же церкви работал Кузьма Александрович Макаров в Саранске после пожара 1852 года? Документы показывают, что в это время вновь строилась в городе лишь одна церковь — Христорожественская, как наиболее сильно пострадавшая во время стихийного бедствия. Мы предполагаем, что над ее оформлением и трудился Кузьма Макаров. Это одно из видных сооружений церковной архитектуры местного края 50-х годов прошлого столетия. Строили церковь богатые купцы Иван и

Дмитрий Кротковы. Проект дважды рассматривался в Петербурге. Начато строительство в 1853 году (до этого с 1852 года писались иконы для нового иконостаса), окончено в 1856 году¹⁹. Сохранился проект²⁰ и фотоснимок здания²¹.

Братья Кротковы отличались неплохим для своего времени вкусом. Они не могли сдать иконописные подряды плохим художникам. В Саранске сохранилось до нашего времени местное название «Кроткова улица» (теперь первый от центра квартал ул. Володарского). Дома этой улицы всегда считались образцовыми.

Среди невыясненных вопросов биографии Кузьмы Александровича Макарова до сих пор оставалось неустановленным месторасположение его школы в Саранске. В течение пятидесяти лет после пожара об этом нигде не сообщалось. Казалось, что время уже предало забвению столь интересный штрих местной истории.

Однако нашелся человек и обнаружил то небольшое, что хранила память саранских старожилов о школе Кузьмы Макарова. Страстный энтузиаст распространения народной культуры — редактор, издатель газеты, из учителей мордовской школы, — Владимир Васильевич Бажанов в своей уездной газете «Мужик», печатавшей, как правило, статьи и заметки на современные темы, нашел нужным поведать и о старине.

В номере шестом этой газеты за 1906 год сообщалось: «О существовании в прежние годы в Саранске рисовальной школы едва ли слышал кто из нынешних граждан саранских.

Столь крупный факт культурной жизни города как-то изгладился из обывательской памяти; и только очень немногие из старожилов (Ф. А. Денисов и П. В. Еналеев, живущие теперь в Нижних Тарасах в собственных домах)²² припоминают кое-что об этой школе, знакомой им по воспоминаниям былой молодости.

Между тем рисовальная школа просуществовала в Саранске более 20-ти лет и по своей художественной деятельности была известна в свое время далеко за пределами Саранского уезда. Школа помещалась в деревянном просторном одноэтажном доме, который стоял на углу Пичугиной (ныне Казанской) и Базарной улиц, на том месте, где находится теперь дом г. Пестрово.

В школе обучалось рисованию и живописи до 20 учеников, а основателем и содержателем школы был художник Кузьма Александрович Макаров — отец известного академика Ивана Кузьмича Макарова...»²³.

Прошло еще пятьдесят лет. Сохранявшийся в Саранском краеведческом музее в единственном экземпляре ше-

стой номер «Мужика» затерялся среди неописанных газетных листов и только в 60-х годах нашего столетия он объявился в экспозиции. Старожилы, помнившие здание школы, давно уже вымерли, пришлось прибегнуть к архиву.

«Окладной книге по Рождественской части города Саранска» за 1909 год значится на углу улиц 2-й Казанской (теперь — им. Н. К. Крупской. — *И. В.*) и Базарной (теперь Советская. — *И. В.*) дом дворянки Лидии Генриховны Пестрово, а рядом (по Базарной улице) — флигель губернского секретаря Аполлона Алексеевича Диалектова²⁴.

Эта же запись с небольшими изменениями повторена через шесть лет. В «Раскладочной ведомости о городском налоге с недвижимых имуществ жителей города Саранска на 1915 год», по «Рождественской части», во второй Казанской улице (угол 2-й Казанской и Базарной) учтены «дом, усадьба и надворные постройки дворянки Лидии Генриховны Пестрово, ценность имущества — 1 000 рублей, исчисленный налог — 10 рублей», а рядом, по Базарной улице — «флигель, усадьба и надворные постройки жены коллежского регистратора Елизаветы Михайловны Диалектовой, ценность имущества — 400 рублей, исчисленный налог — 4 рубля»²⁵.

Потомки Аполлона Алексеевича Диалектова и теперь проживают в своем родовом доме по улице Советской (бывшей Базарной), д 13. Сын его — 83-летний Алексей Аполлонович — подтверждает, что «рядом, в соседях, на углу улиц 2-й Казанской (Пичугиной) и Базарной действительно стоял деревянный дом дворян Пестрово, впоследствии на этом месте построен жилой ведомственный трехэтажный кирпичный дом (ул. Советская, 11)»²⁶.

Кажется, все ясно, но, если мы внимательно вчитаемся в списки погорельцев 1852 года и сопоставим их со старинными планами Саранска, то встретим недоумение, которое может сбить с толку.

Дело в том, что дом и флигель Кузьмы Александровича Макарова в этих списках значатся по Успенской части города, а Успенская часть по административному делению Саранска второй половины прошлого столетия охватывала нижние подгорные улицы, верхние нагорные улицы входили в Рождественскую часть. Разграничивала обе части Базарная улица. Дом и усадьба Пестрово, как указано в книгах 1909 и 1915 годов, находились на северной нагорной стороне этой улицы, а потому и числились в Рождественской части.

Как же так, дом Макаровых, стоявший на той же усадьбе 60 лет назад, мог учитываться по Успенской части?

Известно, что планы Саранска 1785 и 1824 годов предусматривали упорядочение застройки: вместо радиально-кольцевой и криволинейной вводилась прямоугольная сетка улиц, прокладывались прямые магистрали, выравнивались кварталы, создавались новые площади, тем не менее остаток старинной планировки кое-где сохранялись вплоть до пожара 1852 года. До этого времени Успенская часть в некоторых местах вклинивалась в Рождественскую.

Вот почему усадьба Кузьмы Александровича Макарова до пожара 1852 года значилась по Успенской части, а после этого пожара — по Рождественской, и дом художника стоял главным фасадом не на юг, а на север.

В том, что мы здесь сообщили, нетрудно убедиться, сопоставляя планы города Саранска 1785, 1824 и 1900 годов²⁷.

Как видно из сопоставления приведенных здесь документов и преданий, месторасположение бывшей живописной школы Кузьмы Александровича Макарова по существующему теперь плану Саранска устанавливается довольно точно — северо-западный угол улиц Советской и им. Н. К. Крупской.

После долгих раздумий Кузьма Александрович Макаров решил возобновить школу, но уже не в Саранске, а в Пензе. Его привлекло наблюдавшееся в то время возвышение губернского города.

В XVIII столетии, как и в первой половине XIX, купеческо-торговый Саранск имел довольно большую притягательную силу. В 50-е годы в торгово-промышленной и общественно-культурной жизни города наметился застой. В это же время стали заметно сказываться преимущества административно-дворянской Пензы: росла сеть губернских учебных заведений, появлялись печатные органы, открывались театральные подмостки.

В конце 1852 года Кузьма Александрович Макаров при помощи брата Петра и сына Ивана покупает дом для собственного жилья и размещения школы в городе Пензе.

В Пензенском областном архиве сохранилась купчая крепость, которая содержит краткое описание и строений и усадьбы купленного дома.

В воспоминаниях Л. М. Жемчужникова сообщается: после пожара «...Кузьма Александрович Макаров собственным трудом и с помощью сына вновь начал наживать копейку и стал заботиться о более прочном устройстве своей школы. Иван Кузьмич советовал отцу переехать из Саранска в Пензу, где от школы можно было ожидать лучшего успеха. Помещик Потулов помог Макарову деньгами, на ко-

торые был куплен дом, приобретены для вновь учрежденной школы гипсовые статуи, головы, медальоны, звери, различные эстампы. Иван Кузьмич дал свои эстампы и рисунки и пожертвовал заработанные им 3 800 рублей на устройство библиотеки при школе и разных мастерских, так как он хотел внести художественный элемент в технику...»²⁸.

В семейных преданиях потомков Кузьмы Александровича новый пензенский дом его представляется похожим на сгоревший саранский. «Братец Иван, — рассказывала дочь основателя школы Серафима Кузьминична, — построил в Пензе такой же в точности дом, что был в Саранске. В него мы и перебрались после пожара»²⁹.

«Пензенский дом художников Макаровых, — сообщает правнук Кузьмы Александровича Иван Кузьмич Макаров (младший) — был просторный, с большими учебными залами, с многочисленными покоем, коридорчиками и переходами. В этом доме все поражало своей монументальностью и размерами: потолки необычной высоты, большие дубовые оконные переплеты, расписные паркетные полы, стены, сквозь увешанные картинами. Это наглядные пособия для обучения учеников живописному делу.

В свое время школа Макаровых как и в Пензе, так и в Саранске напоминала собой художественный музей. Среди размещенных на стенах картин были копии, привезенные из Петербурга, и ученические работы, которые можно было здесь же купить. По углам и в простенках между окон возвышались гипсовые статуи и античные головы на подставках. Множество комнатных растений усиливали впечатление и придавали нарядность и уют классным залам.

Вход для всех желающих был свободный. Посетители рассматривали живопись, приобретали понравившиеся вещи, беседовали с руководителем школы. Эти беседы повышали интерес у населения к изобразительному искусству»³⁰.

В купчей крепости указывается точный адрес дома, его стоимость, размеры усадьбы:

«Лето 1852 года, декабря в 22 день, дочери чиновника 5 класса девицы Пелагея и Татьяна Матвеевы Плехановы продали губернскому секретарю Козьме Александрову Макарову собственный свой деревянный на каменном фундаменте дом, доставшийся нам от коллежской регистраторши Авдотьи Андреевой Антоновой по купчей крепости, совершенной в Пензенской палате Гражданского суда 1841 года, октября в 3 день, состоящий города Пензы в Рождественском переулке, на углу, подле флигеля г. Потатуева, со всяким при нем без изъятия надворным строением и усадебною

землю, мерою по поперечине в переднем конце 22 $\frac{1}{2}$, в заднем 11 $\frac{1}{2}$, в длину же по Казанской улице 42 сажени и 2 аршина, как значится во владением указе. А взяли мы Плехановы с него Макарова за оный дом с строением и усадьбою денег серебром — 2 275 рублей 71 $\frac{3}{4}$ копейки»³¹.

Купив дом в Пензе, Кузьма Макаров поставил его на ремонт и переоборудование. Он, как сообщает правнук Иван Кузьмич Макаров (младший), «перестроил дом в соответствии с запросами школы, чтобы оборудовать залы для занятий, потребовалось и время и усилия всей семьи»³².

Переехали Макаровы в Пензу, вероятно, осенью 1853 года, а открытие школы на новом месте состоялось летом 1854 года.

Разумеется, заказы, взятые в Саранске после пожара, выполнялись безотказно и тогда, когда Макаровы проживали уже в Пензе и школа действовала на новом месте.

Там, в губернском центре, более плодотворно проявляли свои способности младшие дети Кузьмы Александровича Макарова. Николай Кузьмич, окончив Саранскую живописную школу, поступил вольноприходящим учеником в Петербургскую Академию художеств. В 1858 году он получил звание некласного художника живописи исторической и портретной, возвратился в Пензу и после смерти отца (1862 г.) принял заведование его школой³³.

Яков Кузьмич в возрасте 14 лет окончил Саранское уездное училище (1847 — 51), с 1851 по 1857 год обучался в школе своего отца, а в 1859 году поступил вольноприходящим учеником в Петербургскую Академию художеств.

В 1863 году он получил звание свободного художника живописи исторической и портретной³⁴, возвратился, как и его брат, в Пензу, помогал Николаю Кузьмичу в руководстве школой и открыл при ней фотографическую мастерскую³⁵.

Серафима Кузьминична, так же как и ее братья, обучалась живописи у своего отца в Саранске. Она стала художницей-кописткой. Не раз выезжала в Петербург и там в музее Академии художеств снимала копии с картин и рисунков видных русских и зарубежных мастеров и доставляла их в Пензу³⁶.

Екатерина Кузьминична сперва обучалась живописи в школе отца в Саранске, а после пожара — в Пензе. Она стала так же, как и сестра, копиисткой и выезжала с ней в Петербург для выполнения заданий отца.

Воспитанные в обстановке трудовой жизни, чуждые барской спеси, привыкшие переносить нужду и трудности,

сестры Макаровы безропотно преодолевали семисоткилометровый путь от Пензы до Москвы на лошадях, а оттуда до Петербурга «по чугунке», так в просторечье тогда называли новые железнодорожные пути.

Там, в столице, они общались с живописцами и антикварами, покупали при помощи академика-брата необходимые для школы художественные пособия, запасались эстампами и копиями с наиболее известных картин и возвращались в Пензу. И тут, на пути, перед их глазами вставали родные города: Арзамас, Саранск и Пенза.

В семейных преданиях внуков и правнуков Кузьмы Макарова запечатлелись две поездки его дочерей в Петербург: после саранского пожара и переезда в Пензу в 1854 году и после пензенского пожара в 1859 году. Обе поездки были связаны с необходимостью пополнить оборудование, пострадавшее от стихийного бедствия.

Пензенский пожар, вторично подорвавший благосостояние школы живописи, произошел в 1859 году. Он был потушен, но, по свидетельству Л. М. Жемчужникова, «из ста сорока художественных предметов, бывших в школе, осталось только шестьдесят»³⁷.

После второго пожара школа хотя и оправилась и продолжала действовать, но уже не в полную меру. Ее былая слава стала меркнуть. Посетивший Пензу в 1866 году Л. М. Жемчужников с большим прискорбием должен был записать:

«...тогда дом и школа существовали, хотя в довольно печальном виде. На глухой улице Пензы, близ церкви Рождества Христова, стоял деревянный довольно просторный дом, наполненный гипсами, картинами и образами. В нем училось несколько молодых людей; академическая классная лампа освещала по вечерам гипсы; днем ученики копировали с картин; к их услугам были папки, наполненные эстампами числом до 3 000. Комнатные растения, так любимые покойным К. А. Макаровым, стояли по углам и окнам в порядке; плющ оплетал всю стену, пустив далеко свои бесконечные плети, повис над окнами и дверьми.

Школа едва существовала по недостаточности средств. Созданная таким трудом, лишениями и любовью в течение десятков лет, она должна была рушиться.

Так мало было участия к полезному делу в обществе богатых дворян и купцов, которые проедали, пропивали, проигрывали и растрачивали деньги на свою беззаботную жизнь, не заботясь об общественных интересах. Правительство с своей стороны не нашло нужным в те времена поддерживать школу живописи, основанную на частных средствах»³⁸.

Помимо этих общих внешних причин, обусловленных социальным строем России того времени, сказались и внутренние, порожденные эволюцией самого искусства живописи. Во второй половине XIX века меньше стало иконописных заказов, которые раньше были доходной статьёй школы. Портрет в светской живописи перестал быть главенствующим, а он был излюбленным жанром в семье Макаровых. Наконец, появился новый конкурент — фотография. К тому же не стало во главе всего дела многоопытного энтузиаста-организатора — Кузьмы Александровича, и отошел от деятельности школы самый талантливый ее воспитанник — академик Иван Кузьмич.

В семидесятые годы деятельность школы прекратилась.

Иван Кузьмич Макаров (младший) сообщает: «В 1881 году мой отец Кузьма Иванович по состоянию здоровья был привезен из Петербурга в Пензу к своим тетушкам и дядям на Рождественскую улицу. К этому времени школа уже была закрыта. Существовала лишь мастерская: „Живопись и фотография братьев Макаровых. Пенза. Рождественская улица. Собственный дом“»³⁹.

Оба брата — Николай, Яков и сестры — Серафима и Екатерина продолжали жить одной семьей. Братья оставались холостяками, сестры — старыми девами. Николай занимался живописью, Яков — фотографией; Серафима считалась домоправительницей, Екатерина ведала кухней. Так дожили они до начала нашего столетия.

Первым скончался Яков Кузьмич. Он умер от воспаления легких 2 декабря 1909 года в возрасте 71 года⁴⁰. Николай Кузьмич дожил до 87 лет. Запись о его смерти произведена уже не в церковной книге, а в загсовской — 31 декабря 1918 года⁴¹. Серафима Кузьминична скончалась тоже в преклонном возрасте — 85 лет, 19 мая 1919 года⁴². На один год больше ее прожила Екатерина Кузьминична. Она умерла 6 июня 1923 года 86 лет⁴³. Все четверо похоронены в городе Пензе на Мироносицком кладбище.

Все четыре художника были бездетными. Многочисленные потомки остались лишь после их старшего брата — академика живописи, среди которых и теперь (уже в четвертом и пятом поколениях) есть люди, самозабвенно преданные искусству и в меру сил продолжающие традиции своих замечательных предков Кузьмы и Ивана Макаровых.

НАСЛЕДСТВО

Каждый вид искусства отличается от других не только своеобразием творческих приемов, которыми пользуется художник, но и спецификой хранения, накопления духовных ценностей.

Писатель создает книги — многотиражные произведения, и наследие его передается преимущественно через чтение, он доступен всем грамотным людям. Зодчий оставляет потомству памятники архитектуры, которые живут столетия и постоянно открыты для обозрения не только людям грамотным, но и всем, кто пожелает их осмотреть. Они воспринимаются широким кругом зрителя. Творения художника-живописца (разумеется, в подлиннике) лишены и тех и других качеств, и многотиражности и длительного обзора на городских площадях.

Мы имеем в виду живописное искусство, рассчитанное на хранение и восприятие внутри зданий: картинных галерей, краеведческих музеев, церквей, клубов, гостинных. Оно ограничено в пространстве и тиражности, а потому менее, чем другие виды художеств, имеет гарантии сохранности, менее устойчиво от уничтожения при стихийных бедствиях, пожарах, в военное время.

Все эти беды особенно тяжело сказывались в старой провинции. Сохранность живописных произведений в прошлом более надежной была лишь в столичных центрах, где создавались общественные картинные галереи, где частные собрания размещались в каменных зданиях, где содержались и хранители и реставраторы. Ничего этого не было в отсталой провинции.

Вот почему почти совершенно исчезли такие, например, очаги живописного искусства конца XVIII и начала XIX столетия, как Рузаевский (Мордовская АССР) во главе с крепостным художником учеником знаменитого Ф. С. Рокотова — А. Ф. Зябловым, или Кучкинский (Пензенская область) во главе с первым учителем Кузьмы Макарова — В. А. Смирновым. Кстати заметим, что книжные произведения Рузаевской типографии Н. Е. Струйского того же времени сохранились до наших дней¹.

По этим же причинам оказалось несобраным, далеко не полно сохранившимся весьма интересное художественное наследство Саранской живописной школы.

При всем этом отнюдь не умаляется ни познавательное, ни воспитательное значение произведений живописи мастеров этой школы. Благоприятное влияние ее на развитие

художественных вкусов среди местного населения оставило вполне зримые следы.

Хотя в русской провинции, где обитало и мордовское население, в прежние времена не было ни художественных галерей, ни краеведческих музеев, тем не менее такие понятия, как «писаная краля», «живая картина», «лик святого», бытовали там повсеместно. Эти и подобные им эстетические представления, как элементы народной культуры, формировались в городах и селах края не без участия художников-живописцев.

Как известно, педагоги и ученики Саранской рисовальной школы выполняли немало подрядов на иконописные и иконостасные работы, а в иконописном искусстве, которое предшествовало светской живописи, порой трудно бывает установить, где кончается первое и начинается второе. Проблески истинного таланта, не лишённого реалистических тенденций, давали о себе знать и при господстве религиозной идеологии.

Сам основатель школы Кузьма Макаров сообщал в Академию художеств, что он вместе с учениками «украшал храмы» в «пяти уездах, к Саранску прилегающих», т. е. почти на всей территории Мордовии. И в этих заказных, казалось бы, далеких от жизни изображениях угадывалась кисть одаренного художника.

В кругу деревенских крестьян или городских обывателей того времени нередко можно было услышать восторженный отзыв о талантливо написанной иконе божьей матери: «Стоит, как живая»; или совершенно светскую реплику о «Георгии Победоносце»: «Ох и ретивый же конь у этого святого»; или житейское сочувствие «Варваре Великомученице»: «Какие горькие слезы у нее на глазах».

Во всех этих суждениях, когда речь шла о талантливых изображениях, своеобразно перемешивались отголоски религиозного чувства с земным, светским восприятием настоящей красоты, и она брала верх. Иконы посредственного письма не вызывали подобных эмоций.

Кузьма Макаров, его дети и ученики оставили росписи на стенах десятков церквей края, написали сотни икон различной тематики. Многие из этого наследия не сохранилось, да и не все достойно хранения. Что же касается иконописных произведений значительных и выдающихся, они должны быть взяты на учет, снабжены паспортами и обеспечены надежным хранением.

А пока что мы видим лишь робкие начинания в осуществлении учета и научного изучения этого наследия живописной школы художников Макаровых.

В Саранске и его окрестностях существуют два собрания икон: в Мордовском республиканском краеведческом музее и в его народно-зодческом филиале, расположенном в бывшей усадьбе думного дьяка Макара Артемьевича Полянского в пригородном селе Макаровке.

В запаснике Мордовского республиканского музея хранится восемнадцать старинных икон. Среди них есть современники основания Саранска (XVII столетия), есть и позднейшие (XVIII и XIX веков). Три иконы считаются принадлежащими мастерам школы Кузьмы Александровича Макарова.

Одно из этих произведений, а именно: «Вседержитель на престоле» (36 29) начала XIX века, принадлежит кисти Якова Тещева, а два других: «Евангелисты Лука и Матвей», «Царские врата» (43 38, 1-я половина XIX в.) и «Евангелисты Иоанн и Марк» (48 38, 1-я половина XIX в.), по мнению внука академика, написаны И. К. Макаровым.

В народно-зодческом филиале собрано 246 икон из бывших церквей Мордовии. Вероятно, среди столь многочисленного собрания произведений живописи, бытовавших в местах многолетней деятельности школы Макаровых, найдутся и произведения мастеров этой школы. Следует незамедлительно начать изучение этого многообещающего фонда и произвести атрибуцию тех икон, которые содержат явные признаки стиля и манеры художников-земляков.

В местах первой самостоятельной работы академика Ивана Кузьмича Макарова (1841 и 1842 гг.) в селе Саловке Старошайговского района (65 километров от Саранска) сохранились стены церковного здания, живописно оформлявшего этим художником.

Внутри здания, на потолке и стенах, просвечивают фрагменты крупных живописных произведений, правда, сильно поврежденные. На потолке — расписанная ярким узором рама, в ней овал (в диаметре 7 — 8 метров), в котором видны лики ангелов, бога Саваофа, паникадило и цепь: на стенах — следы бывших изображений, в притворе, над дверью — образа нерукотворенного Спаса, а на боковых стенах — фигуры ангелов (с одной стороны синего цвета, с другой зеленого), один (справа) пишущий «входящих в храм», другой (слева) — «выходящих». Перед престолом в алтаре в свое время висел большой образ (200 200) «Бога Саваофа», написанный на твердом полотне и без рамы. Этот образ пропал во время Отечественной войны 1941 — 1945 гг.

Четыре внутренние колонны, которые держат свод, при постройке были тоже расписаны. Но здесь никаких следов росписи не сохранилось.

С внешней стороны церковное здание напоминает Арзамасский собор (разумеется, в миниатюре). Четырехграннык оформлен тремя колоннадами с южной, западной и северной сторон, по четыре колонны с каждой стороны, с восточной — выступ алтаря без колоннады. Над центральной частью — невысокий купол; над папертью — колокольня, тоже невысокая. Внешний вид церковного здания выражал арзамасскую традицию, внутренний — саранскую.

Саловская церковь Нерукотворенного Спаса была закрыта в 30-е годы нашего столетия. Многие иконы из этой церкви, написанные Иваном Кузьмичом Макаровым, были при закрытии розданы жителям села. У некоторых они сохранились. Мы опишем лишь две из учтенных нами семи: «Образ св. царя Константина и св. царицы Елены» и «Рождество Христово»².

На первой изображены: (справа) царь Константин, (слева) царица Елена, в середине крест (с одной крестовиной). Он выше роста «святых». «Святые» в венцах, царь с булавой в руках, царица придерживает правой рукой крест. Цвет одежды — бордовый с синим у него, у нее — коричневый с васильковым. Венцы и ризы краски позолоты и драгоценных камней. Фигуры даны в рост (1,30 1 м). Общая композиция напоминает многочисленные светские парные портреты художника.

На второй — рождество Христово изображено в традиционно-христианской манере, в жилище бедного плотника Иосифа. «Божья мать» держит на руках новорожденного Христа. Она показана в сидячем положении, в розовом платье, накидка и платок голубые. Пелены ребенка — белые. Вокруг головы ее светлый ореол. Иосиф в коричневой одежде, сидит справа, левая рука — на коленях, правой он подпирает щеку и голову, обращенные в сторону Марии. Слева — трое волхвов: двое стоят сбоку, третий — на одном колене, выдвинутый вперед, руки у него сложены вместе. Все три волхва без головных уборов, двое в коричневом одеянии, один, что впереди, в красном. Вверху на ночном фоне — звезда и луч от нее, направленный к лику Марии.

Стройность и строгость композиции, яркая цветовая гамма, с блеском выписанные лица — все это признаки стиля художника, не ограничивавшего своего творчества рамками церковной живописи.

Не менее значительны в живописном отношении и прочие пять икон, современные строительству Саловской церкви, сохраняющиеся у жителей этого села: «Спас нерукотворный», «Воскресение Христово», «Крещение», «Святитель Николай» и «Святой Пантелеймон»³.

Немало старинных икон (а среди них также могут быть и макаровские) хранится в 17 действующих церквях на территории Мордовской АССР. В Саранской Иваново-Богословской, например, есть высокохудожественные иконописные произведения: «Нерукотворенный образ Спаса», «Владимирская богья мать», «Иван-Богослов», «Знамение пресвятой богородицы», «Распятие».

Разумеется, могут быть находки иконописных произведений художника-академика и в других районах страны: и в Ленинграде, где он прожил много лет; и в Москве, где выполнял церковные заказы; и в Пензе, где часто бывал у родных. Известно, например, что недалеко от железнодорожной станции Веребье, в усадьбе землевладельца Борейши, Иван Кузьмич писал «Образ нерукотворенного Спаса», оформленный деталями — пальмовой ветвью, лампадой с красным огоньком⁴. Местонахождение этого произведения неизвестно, и обнаружиться оно может где-то на путях от Вышнего Волочка к Новгороду.

Разумеется, более непосредственным и эффективным было влияние светской живописи художников-земляков на формирование эстетических вкусов и понятий местного населения.

Мы уже говорили, что сама школа в Саранске явилась не только мастерской живописного портрета, но и своего рода музеем, заметным очагом распространения художественных знаний.

Расположенная в центре города, у Базарной площади, она была доступна для посещения каждому, кто этого хотел. И хотя культурный уровень городских обывателей и приезжающих на базар крестьян в то время и не отличался широтой запросов, тем не менее охотники посмотреть «писаных краль» и «щеголей, моде подражавших» всегда находились.

Общение художников с сельским населением устанавливалось и тогда, когда они выезжали писать светские портреты в помещичьи имения. Нам известно, что Кузьма Александрович, как и Иван Кузьмич, нередко пользовался этой возможностью. Они писали светские портреты в селах: Вешкайме Карсунского уезда Симбирской губернии, Саловке Инсарского и Воскресенской Лашме Наровчатского уездов Пензенской губернии и др.

Некоторые из произведений этого цикла сохранились. Групповые портреты Родионовых (Ульяновский художественный музей); парный портрет мордвоков (Мордовская картинная галерея им. Ф. В. Сычкова); «Сестры Араповы» (Пензенская картинная галерея); «Мать Огарева» и

«Огарев с женой» (Мордовский республиканский краеведческий музей).

Было бы явным принижением значения школы Макаровых, если бы мы ограничились рассмотрением ее наследства светской живописи только сохранившимися произведениями. А сам творческий процесс? Ведь он нередко проходил на глазах местного населения. А многочисленные заготовки и этюды? Они не всегда уничтожались. Некоторые из них продавались по дешевке или шли в народ в виде подарка. Отдельные экземпляры этюдных заготовок дошли до нас.

На картине «Две молодые мордовки» Иван Кузьмич запечатлел двух девушек из села Ст. Шайгова, а на этюдах было три, и одна из них, Атянина, так и осталась вне этого цельного произведения. Но и ее портрет, представленный теперь в собрании Мордовской картинной галереи, отдельно смотрится как значительное явление живописного искусства.

Это, разумеется, не единственный пример.

Проникал кое-когда крестьянский люд и в дворянские особняки, и в хоромы барина, где хранились живописные произведения художников-земляков, а потом шли суждения о картинах, и довольно меткие, уже во дворе или на улице. Тут бывали из уст местных жителей и похвалы живописцу, и хулы.

Влияние школы среди местного населения распространялось и через рисовальных учителей уездных училищ, которых готовил Кузьма Александрович на протяжении четверти века.

Охотно выполнял Кузьма Александрович и городские заказы, писались картины и для продажи на рынке. Не пренебрегал художник и таким способом общения с населением, как выставки живописных произведений в местных трактирах.

Эти три приема способствовали распространению живописной культуры преимущественно среди городских жителей — купцов, мещан и цехов.

Бывало, что кое-кто из чиновного люда приобретал местные картины или заказывал портреты, но редко. Высокоставленные особы из городских властей предпочитали зайти к художнику и обозреть новинки безвозмездно, а некоторые из этих особ позволяли себе делать намеки о желательности приобрести у него что-то интересное и «по сходной цене».

Приходилось Кузьме Александровичу потрафлять и этим прихотям, как впоследствии и его сын Иван Кузьмич был вынужден угождать уже не саранским особам, а петербург-

ским. Так появлялись «подносные экземпляры», «картины-скороспелки», которые не всегда оказывались долговечными.

Пережили же все превратности и условности времени подлинно художественные творения, написанные с любовью, от души, предназначенные для служения обществу, отечественной культуре.

Более или менее широко в художественных и краеведческих музеях страны представлены живописные произведения лишь самого яркого воспитанника Саранской школы — академика Ивана Кузьмича Макарова. Их учтено свыше ста. Творчество же других деятелей и учеников школы пока и не собрано, и не учтено. Имеются лишь отрывочные сведения об их светской живописи.

Известно, например, что в Ульяновском областном художественном музее есть два произведения кисти Кузьмы Александровича Макарова: парный портрет Александра и Владимира Петровичей Родионовых (72 92) и тройной мальчиков Родионовых: Николая, Михаила и Дмитрия (76 100). Ему же приписывается один из портретов академика А. В. Ступина, хранящийся в Горьковском областном художественном музее⁵. И еще — копии трех портретов этого художника (одиночный, парный и групповой) опубликованы в монографии П. Е. Корнилова, посвященной деятельности Арзамасской школы живописи⁶.

А где находится картина Кузьмы Александровича «Вид Арзамаса», за которую он от Академии художеств получил в награду серебряную медаль⁷, как и другая его одобренная той же Академией работа «Крестьянская девушка, занимающаяся своим нарядом»⁸, к сожалению, не установлено.

Не выявлены до сих пор и живописные работы второго его сына — Николая, имевшего академическое звание «некласного художника живописи исторической и портретной», как и третьего — Якова, получившего звание «свободного художника». Из многочисленных художественно-цветных фотографий, любовно созданных Яковым Макаровым, сохранились лишь две, оформленные на шелке. На них изображены племянницы живописца: дочь академика Ольга Ивановна Макарова и (предположительно) Валентина Сергеевна Трубникова. Обе в девичьем возрасте. Хранятся эти произведения у Ивана Кузьмича Макарова (младшего) в Саранске. У него же находится и парный портрет кисти его отца — сына академика Кузьмы Ивановича «Признание».

Художественные произведения старшего сына Кузьмы Макарова — академика Ивана Кузьмича (как живописные,

так и графические) хранятся и в столичных и в провинциальных музеях.

В Государственной Третьяковской галерее их девять. Среди наиболее значительных: «Портрет архитектора И. С. Каминского» (70-е гг. XIX в., 84 66); «Портрет Челищевой» (82 70); «Портрет неизвестной» (1860 г., 82 66); «Головка мальчика-итальянца» (1850-е годы, 44 36).

В Московском музее Льва Николаевича Толстого хранится «Портрет М. А. Гартунг» — старшей дочери А. С. Пушкина, исполненный И. К. Макаровым (1860-е годы). Этот портрет находится в постоянной экспозиции, в разделе «Анна Каренина» и по утверждению дирекции музея считается у них «одним из основных экспонатов».

В Подмосковном музее-усадьбе «Мураново», имении известного русского поэта Ф. И. Тютчева, хранятся три произведения И. К. Макарова: «Портрет Д. И. Сушковой», урожденной Тютчевой, сестры поэта (88 70); «Портрет Е. Ф. Тютчевой» — дочери поэта (62 60) и этюд к портрету Д. И. Сушковой. Эти произведения ввели художника в семью литературного Подмосковья.

Тридцать четыре макарловских произведения живописи и графики хранятся в Государственном Русском музее в Ленинграде. Там и «Две молодые мордовки» (1841 г., 131 107)⁹, и «Портрет двух детей» (из семьи Толстых. 1854 г., 72 60), и одиночный «Портрет генерала Н. Г. Казнакова» (1861 г., 11889), и парный художника Айвазовского и его жены, и почти трехметровой высоты «Портрет придворной дамы» (1889 г., 270 187, и полуметровой — «Портрет молодой девушки» (56 45).

Ценят живописное искусство И. К. Макарова и в музее-квартире А. С. Пушкина в Ленинграде. Сотрудники этого музея охотно знакомят посетителей с семейными портретами, написанными рукой этого художника. Там их три: два — младшей дочери поэта Натальи Александровны и третий — жены Натальи Николаевны.

Хранит портреты своего воспитанника Всесоюзная Академия художеств. В ее музее — три произведения И. К. Макарова: «Автопортрет», «Портрет натурщицы», иллюстрация к стихотворению М. Ю. Лермонтова «По небу полуночи ангел летел».

В республиках и областях страны живописные произведения И. К. Макарова рассредоточены весьма неравномерно. Вблизи к родным очагам школы их больше, в местах удаленных — меньше.

В Саранске в Мордовской республиканской картинной галерее имени Ф. В. Сычкова — девятнадцать картин и портретов И. К. Макарова¹⁰, в краеведческом музее — два

портрета и две иконы. Среди них выделяются художественным совершенством портрет великого русского артиста М. С. Щепкина (начало 60-х годов), семейные портреты: А. И. Макаровой, дочери академика (1874 г., 51 41) и И. И. Макарова-сына (1885 г., 54 42); из светских — «Портрет Вишнюковой», жены директора Петербургского кадетского корпуса (около 1855 г., 70 57); из заграничных — «Портрет итальянского мальчика» (1854 г., 55 48).

В Пензенской картинной галерее имени К. А. Савицкого — девять живописных портретов и шесть рисунков, принадлежащих кисти И. К. Макарова. Это собрание хорошо представляет местные типы: дворянские семьи — в портретах Араповых, Ховриной, Бибиковых; купеческую — Карповых; крестьянскую — в безымянном портрете «Девушки с серпом» (71 56). Наиболее художественно выразителен в пензенской коллекции живописца «Портрет итальянского разносчика» (88 71).

Три произведения И. К. Макарова хранятся в Саратовском художественном музее: «Портрет Н. П. Нечаевой» (65 54) — жены внука А. Н. Радищева художника А. П. Боголюбова — основателя этого музея; «Женский портрет» (51 40), «Портрет епископа Пензенского и Саратовского Амвросия».

По одному портрету И. К. Макаров представлен во многих областных и городских картинохранилищах. В музеях изобразительных искусств: Чечено-Ингушском, Татарском, Алтайском, Ростовском; в картинных галереях: Латвийской, Пермской, Новосибирской; художественных музеях: Дальневосточном, Горьковском, Краснодарском, Николаевском, Челябинском, Сумском, Одесском, Рыбинском.

Разумеется, это далеко не полный перечень живописных работ художника. Это лишь первая попытка учесть все, что сохранилось в его наследстве. Предстоит много сделать, чтобы иметь полный свод сведений о произведениях И. К. Макарова, его братьев и отца.

Возможности пополнить их фонды мы видим, читая каталоги художественных музеев и картинных галерей ближайших к школе городов — Пензы, Горького, Ульяновска, где хранятся сотни анонимных живописных произведений. При настойчивой и умелой исследовательской работе многие этикетки этих галерей с надписью «Картина (или портрет) неизвестного художника» могут быть раскрыты.

Есть произведения Макаровых и в частном владении. Необходимо время от времени опубликовывать в периодической прессе обращения к населению с призывом отзываться об этих произведениях.

В прошлом мало печаталось репродукций с портретов и картин художников Макаровых в специальной и общей прессе. Добротню изданы были лишь две картины Ивана Кузьмича, помещенные в официальной книге о коронавании царя Александра III в Москве в 1883 году. «Государь кланяется народу с Красного крыльца» и «Прибытие государя на парад». В этой книге опубликованы также картины (названные здесь рисунками) И. Крамского, В. Верещагина, В. Поленова, В. Сурикова, К. Маковского, К. Савицкого, Н. Каразина, Н. Самокиша¹¹. Издание дорогое и для среднего читателя было почти недоступно.

В наше время чаще стали публиковаться не по заказу писанные портреты И. К. Макарова. Несколько раз опубликованы его знаменитые «Две молодые мордовки»¹², есть прекрасные публикации дочери А. С. Пушкина «Марии Александровны Гартунг»¹³, «Итальянского разносчика»¹⁴ и др.

В годину тяжелых испытаний в первые месяцы Великой Отечественной войны был опубликован парный портрет И. К. Макарова «Дети»¹⁵. Вдохновенная свежесть, детская невинность и тончайший вкус в подборе и сочетании цветов и теперь вызывают глубокое патриотическое чувство при взгляде на этот шедевр русского национального искусства.

Наследство живописной школы выявляется не только в портретах и картинах. Есть и другие формы связи прошлого с современностью. Приведем два примера.

В библиотеке Пензенского художественного училища имени К. А. Савицкого хранятся редкие книги из собрания Кузьмы Александровича Макарова: «Перспектива» (на итальянском языке), изданная в Риме в 1693 году, и четыре книги из восьмитомника «Очерки элементарной перспективы», изданные в Париже в 1701 году (на французском языке).

У первой книги внизу на заглавном листе надпись: «Принадлежит А. Ступину». Эта надпись зачеркнута и рядом дописано: «Подарок Кузьме Макарову, 1851 года, марта 4 дня». На каждом из следующих листов по обыкновению того времени начертано по одной букве, а все вместе читается: «Кузьме Александровичу Макарову подарено Александром Васильевичем Ступиным 1851 года, марта четвертого дня, город Саранск».

На прочих четырех книгах, также на заглавных листах, тоже надписи: «Академик А. В. Ступин».

Можно предположить, что и они, как и первая, находились в собрании книг библиотеки Кузьмы Александровича Макарова в Саранске, а после пожара 1852 года были перевезены в Пензу и использовались как учебные пособия в новой школе художника, а впоследствии были пере-

даны в библиотеку вновь открытого Пензенского художественного училища.

Так вполне зримая нить протягивается из Арзамаса в Саранск и затем в Пензу.

Второй пример. В воспоминаниях Л. М. Жемчужникова подробно описан «Рецепт» приготовления красок для живописного дела, составленный Кузьмой Александровичем Макаровым.

«Для сведения художников считаю не лишним, — писал автор мемуаров, — сообщить слышанное мною от Ивана Кузьмича Макарова относительно способа сохранения стеной живописи; отец его, работавший в церквях, передавал ему, что в старину и он писал клеевыми красками на стенах, избегал таких красок, которые разлагаются известью, и подпускал, для разжижения красок, смесь из негашеной извести с творогом.

Если штукатурка сделана прочно и хорошо соединяется с камнем, который ею покрыт, то живопись, сделанная таким способом, никогда не портится, глянцевица и дозволяет себя промывать водой, когда почернеет от времени.

Перед началом работы красками по стене на штукатурке следует:

1. Штукатурку промыть известковой водой кистью — как акварельную бумагу; дать ей просохнуть и начать работать как акварелью планами и черточками, нарисовать предвзительно контур.

2. Краски изготовить следующим образом: взять известь в порошке и, размешав ее с творогом, растирать на воде гуще или жиже, смотря по надобности. Белую эту массу употреблять для растирания красок; ежели краску употребить цельную, то так и класть, ежели же сделать ее жиже, то употребляется эта масса.

Для сего употреблять следующие масляные краски, не боящиеся извести: белые — мел; желтые — земляные охры все, кадмиевые, охры желтые; красные — охры жженные, марсы всех цветов, мумии, кармин, сандал; синия — ультрамарин, индиго, кобальт; черные — кость, уголь.

Такая живопись получает глянец и ее можно мыть»¹⁶.

Рецепт простой, но он может пригодиться и в наше время и для украшения стен, и для опознания авторства старинной живописи. Искусствоведы с помощью химиков, вероятно, смогут, используя эти воспоминания, выявить среди сохранившихся в ближайших к Арзамасу, Саранску и Пензе церквях росписей и принадлежащие автору рецепта Кузьме Макарову.

Теперь в Мордовской АССР плодотворно трудится большая группа художников-профессионалов¹⁷, для населения

открыты картинная галерея имени Ф. В. Сычкова и постоянная экспозиция С. Д. Эрзи (Нефедова).

Известный художник и знаменитый скульптор талантливо воспользовались богатством многовековой традиции русского искусства. Не обошли они и наследства своих старших товарищей земляков-живописцев Макаровых, которые немало потрудились в их родном краю на ниве художественного просвещения местного населения.

И в этом смысле весьма символичными были встречи в стенах Петербургской Академии художеств в конце прошлого столетия престарелого мастера живописного портрета Ивана Кузьмича Макарова и показавшего лишь первые проблески таланта Федота Васильевича Сычкова. Академик тепло напутствовал одаренного молодого крестьянина-земляка¹⁸.

Любовно изучают и творчески наследуют живописные произведения мастеров Саранской школы Макаровых и современные художники советской Мордовии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Зачатки образованности

¹ См.: Большая советская энциклопедия: Союз Совет. Социалист. Республик. М., 1947. С. 554.

² См.: *Константинов Н., Струминский В.* Очерки по истории начального образования в России. М., 1953. С. 96.

³ *Ключевский В.* Курс русской истории. М., 1937. Ч. 5. С. 305.

⁴ ЦГА МАССР, ф. 99, д. 44, л. 39.

⁵ См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 13, ч. 4. Пензенская губерния. Табл. 14.

⁶ См.: *Воронин И.* Саранск: Ист.-документ. очерки. Саранск, 1961. С. 87 — 88.

⁷ См.: *Званцев М. А. В.* Ступин. Арзамасская художественная школа. Горький, 1941. С. 92.

⁸ См.: *Воронин И. А. И.* Полежаев: Жизнь и творчество. Саранск, 1954. С. 26 — 27.

⁹ Цит. по: Литературное наследство. М., 1953. Т. 61. С. 686.

¹⁰ Журнал Путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И. М. Долгорукого // Чтения в О-ве истории и древностей при Моск. ун-те. М., 1870. Кн. 1. С. 54.

¹¹ См.: *Воронин И.* Достопримечательности Мордовии: природные, исторические, культурные. Саранск, 1967. С. 95 — 101.

¹² См.: *Вересаев В.* Спутники Пушкина. М., 1937. Т. 1. С. 40 — 41.

¹³ Ульянов. обл. арх., ф. 15, оп. 34, д. 48, л. 3.

¹⁴ См.: *Воронин И. А. И.* Полежаев. С. 59 — 65.

¹⁵ См.: *Жемчужников Л.* Мои воспоминания из прошлого // ЦГАЛИ (Центр. гос. арх. лит. и искусства), ф. 639, оп. 3, д. 17, л. 53. (Далее: Воспоминания Л. М. Жемчужникова).

В то время, когда рукопись этой книги была сдана в издательство, вышли в свет «Мои воспоминания из прошлого» Л. М. Жемчужникова (Л., 1971), включающие и раздел, посвященный школе живописи в Саранске и художникам Макаровым, где воспроизведена рукопись, хранящаяся в Государственном Русском музее. Автор этой книги работал над рукописью, хранящейся в ЦГАЛИ, что и видно из помещенных ниже сносок (Ред.).

¹⁶ См.: Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1. С. 206 — 207.

¹⁷ См.: *Воронин И.* Достопримечательности Мордовии... С. 27 — 28.

¹⁸ См.: *Степанов П.* Некоторые вопросы этнографии мордвы: К вопросу о мордовских знаменах // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1966. С. 189 — 211. (Тр. МНИИЯЛИ; Вып. 30).

Свет из Арзамаса

¹ Вдовин А., Маркин А. Арзамас // Города нашей области. Горький, 1969. С. 17 — 18. См. также: Трубе Л. Наши города. 1954. С. 219 — 232.

² См.: Орфанов И., Хорев В. Богородск // Города нашей области. С. 6.

³ См.: Щегольков Н. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 106 — 107.

⁶ См.: Вдовин А., Маркин А. Указ. соч. С. 20.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 337 — 338.

⁸ Там же. С. 338.

⁹ Там же. С. 390.

¹⁰ См.: Корнилов П. Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. М.; Л., 1947. С. 15.

¹¹ Там же. С. 15 — 16.

¹² Званцев М. Указ. соч. С. 7.

¹³ Щегольков Н. Указ. соч. С. 111.

¹⁴ Молева М., Белютин Э. Русская художественная школа первой половины XIX века. М., 1963. С. 304.

¹⁵ См.: Званцев М. Указ. соч.

¹⁶ См.: Воронин И. Саранск. С. 52 — 53, 91.

¹⁷ ЦГА МАССР, д. 17, л. 6, 22.

¹⁸ Вяземский П. Записные книжки. 1813 — 1848. М., 1963. С. 108.

¹⁹ Короленко В. Муза // Собр. соч. 1930. Кн. 10. С. 78.

²⁰ См.: Арзамас и Арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 25 — 26.

²¹ Там же. Более правдоподобной версией о происхождении названия Петербургского литературного общества «Арзамас» является, на наш взгляд, версия, высказанная М. А. Дмитриевым.

²² См.: Шукшинский сборник. М., 1904. Вып. 3. Собственно-ручные записки о жизни академика А. В. Ступина. Писано в 1847 г. им самим. С. 435.

²³ Там же.

²⁴ Воспоминания старого учителя И. К. Зайцева (1805 — 1887) // Рус. старина. 1887. Апр. — июнь. С. 667, 678.

²⁵ Там же. С. 667.

²⁶ Саранская таможенная книга за 1692 год. Саранск, 1951. С. 14, 16, 18 — 22, 27, 29 — 30.

²⁷ Там же. С. 7.

²⁸ Там же. С. 63. Авторы послесловия: И. Д. Воронин, М. И. Зевакин, К. А. Котков, И. М. Корсаков, Н. П. Руткевич.

²⁹ Там же. С. 31.

³⁰ Арзамас. арх. Горьк. обл., фонд городской думы, оп. 2, д. 24.

³¹ Филиал Горьк. обл. арх. в г. Балахне, метрические книги по г. Арзамасу за 1823 — 1824 гг.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Окладная книга Саранской городской управы за 1909 г. // ЦГА МАССР, ф. 75, оп. 2, д. 17, л. 119.

³⁵ Книга записей родившихся, браком сочетавшихся и умерших Саранской Казанской церкви за 1837 — 1845 гг. // Там же, ф. 57, д. 22. Запись от 31 октября 1843 г., жених 22 лет, невеста 18 лет.

³⁶ Филиал Горьк. обл. арх. в г. Балахне, метрические книги по г. Арзамасу за 1822 — 1824 гг.

³⁷ Там же, в приходе Христорождественской церкви, запись в метрической книге за 1822 г.

³⁸ См.: Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1854. Ч. 1. С. 307.

³⁹ См.: Город Горький: Путеводитель. Горький, 1964. С. 8.

⁴⁰ См.: *Корнилов П.* Указ. соч.

⁴¹ См.: *Сацедотов М.* Древнейшие учебные заведения Пензенского края // Пенз. епарх. ведомости. 1894. № 7. С. 312.

⁴² Там же. № 8. С. 347.

⁴³ См.: *Корнилов П.* Указ. соч. С. 9 — 10.

Живописное дело в Саранске

¹ Горьк. обл. арх., ф. 2013, оп. 602 а, д. 187.

² См.: *Беззубов В.* Первая мордовская грамматика // Литературная Мордовия. Саранск, 1959. № 17. С. 229 — 234.

³ См.: Рукою Пушкина: Несобр. и неопubl. тексты. М.; Л., 1935. С. 439.

⁴ См.: Литературная Мордовия. 1954. № 7 (11). С. 148 — 165.

⁵ См.: Журнал землевладельцев. 1858. Т. 2, № 8; Т. 3, № 10.

⁶ См.: *Салов И.* Умчавшиеся годы (Из моих воспоминаний). М., 1897. Кн. 7. С. 8 — 9.

⁷ О жизни и деятельности И. А. Салова в Мордовии см.: *Воронин И.* Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1951. С. 107 — 110.

⁸ *Корнилов П.* Указ. соч. С. 82.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹ Там же. С. 195.

¹² ЦГА МАССР, ф. 99, д. 41, л. 111.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 111 — 112.

¹⁵ Там же, л. 112.

¹⁶ Там же, л. 110.

¹⁷ *Щегольков Н.* Указ. соч. С. 105.

¹⁸ Об этом подробнее см.: *Воронин И.* Саранск.

¹⁹ ЦГА МАССР, л. 110.

²⁰ Там же, л. 113.

²¹ Там же, л. 111.

²² См.: Материалы для истории экспедиций Академии наук XVIII — XIX веков // Тр. арх. М.; Л., 1940. Вып. 4. С. 94 — 95. Подлинник гравюры «Саранск» М. И. Махаева хранится в Мордовском республиканском краеведческом музее.

²³ Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. М., 1952. С. 5.

²⁴ Список церквей г. Саранска 1814 г. с указанием времени постройки и источников финансирования строительства извлечен нами из ЦГА МАССР (д. 44, л. 141 — 142).

²⁵ ЦГА МАССР, ф. 28 (Саранская Христорожественская церковь), д. 2, л. 1.

²⁶ В «Обывательской книге города Саранска за 1814 — 1816 годы» записано: «Цех Сергей Андреев Дунаев, 31 года, холост. У него брат Иван, 29, холост же. Дому не имеют. Ремесло золотарное. Жительство имеют в городе». Подобная запись есть и в книге за 1817 — 1819 гг. с той лишь разницей, что Сергей показан женатым. В книге 1820 — 1821 гг. братья Дунаевы значатся «отпущенными по паспорту» (ЦГА МАССР, ф. 20, д. 128, л. 20; д. 207, л. 29).

²⁷ ЦГА МАССР, д. 40, л. 76 — 77.

²⁸ Там же, д. 84, л. 91 — 92; д. 128, л. 21; д. 161, л. 21; д. 207, л. 31; д. 249, л. 30.

²⁹ Там же, л. 12.

Купеческие дети Кузнецовы в начале прошлого столетия считались в Саранске лучшими мастерами столярного, резного, кровельного, малярного и золотительного дел. К тому же они по тому времени были довольно грамотными людьми. Старший брат Макар Петрович служил счетчиком в местном казначействе, младший Петр Петрович был женат на поповской дочери, которая происходила из семьи «приватных» учителей грамоты. Дети Макара — Осип и Максим, брат его Петр и сын Петра Григорий — все занимались указанными промыслами (ЦГА МАССР, д. 40, л. 85 — 86).

³⁰ См.: *Алферьев С.* Архив Полянских, хранящийся при церкви села Макаровка Саранского уезда Пензенской губернии // Тр. Археогр. комис. Моск. археол. о-ва. М., 1898. Т. 1, вып. 2. С. 303 — 308.

³¹ Журнал Путешествия... С. 60.

³² См.: Список существующих в Российской империи ярмарок. СПб., 1834. С. 236.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 353.

³⁶ Пенз. обл. арх., ф. 5, оп. 1, д. 2673, л. 39 — 71.

³⁷ ЦГА МАССР, ф. 99, д. 41, л. 11.

³⁸ Там же, ф. 20, д. 348, л. 128 — 129.

³⁹ Каменные лавки Саранского гостиного двора примыкали к Петропавловскому монастырю с южной стороны. Разобраны в начале 30-х гг. нашего столетия.

⁴⁰ ЦГА МАССР, д. 174, л. 91.

- ⁴¹ Там же, ф. 99, д. 41, л. 225.
- ⁴² См.: Пензенская область. Пенза, 1939. С. 43.
- ⁴³ См.: Военно-статистическое обозрение... С. 18 — 21.
- ⁴⁴ Там же. С. 25 — 26.
- ⁴⁵ Там же. Прил., табл. № 13.
- ⁴⁶ Пенз. обл. арх., л. 39 — 40.
- ⁴⁷ ЦГА МАССР, д. 55, л. 362 — 364.
- ⁴⁸ *Сацердотов М.* Указ. соч. № 7. С. 309, 312.
- ⁴⁹ См.: *Масловский А.* Саранский Петропавловский монастырь // Пенз. епарх. ведомости. 1882. № 14. С. 15 — 16.
- ⁵⁰ ЦГА МАССР, ф. 20, д. 56, л. 4.
- ⁵¹ Там же, д. 46, л. 16.
- ⁵² См.: *Масловский А.* Саранский Петропавловский монастырь.
- ⁵³ См.: *Сацердотов М.* Указ. соч. № 8. С. 353. Некоторые учение не поименованы в списке.
- ⁵⁴ ЦГА МАССР, ф. 19, д. 17, 177.
- ⁵⁵ См.: Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Составил почетный вольный общник ее П. Н. Петров ко дню празднования юбилея Академии. СПб., 1865. Ч. 2; 1866. Ч. 3.
- ⁵⁶ Центр. гос. ист. арх. в Ленинграде, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3273, л. 1 — 1 об.
- ⁵⁷ Там же, л. 2.

Рисовальный учитель

- ¹ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 46.
- ² Пенз. обл. арх., ф. 81, оп. 1, д. 50, л. 10.
- ³ Там же, д. 39, л. 42.
- ⁴ Там же, д. 56, л. 137.
- ⁵ Там же, д. 39, л. 26.
- ⁶ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 47.
- ⁷ Там же, л. 48.
- ⁸ Там же, л. 49 — 50.
- ⁹ Письмо правнука основателя Саранской живописной школы Ивана Кузьмича Макарова (младшего) от 4 января 1970 г. к автору сей работы. Хранится в архиве автора книги.
- ¹⁰ Пенз. обл. арх., ф. 60, оп. 4, ревизские сказки 5-й ревизи, 1795 г., д. 135, Пензенский уезд, л. 1164.
- ¹¹ Там же, л. 1195.
- ¹² Там же, л. 1196, 1217 — 1218, 1221 — 1222.
- ¹³ Там же, л. 1230, 1234 об.
- ¹⁴ Там же, ф. 182, оп. 1, д. 1077, листы не нумерованы, ведомость и 41.

Понятие «Клировые ведомости» происходит от церковного слова «клир» — собрание причетников, священнослужителей; клирос — место в церкви для певчих. Клировые ведомости, составляемые церковным причтом, — списки верующих в русской

православной церкви, явившихся к исповеди. Клировые ведомости обычно содержат и краткую характеристику церкви. Некоторые священники сообщали более подробные сведения о прихожанах и приходе.

¹⁵ Пенз. обл. арх., клировые ведомости за 1828 г., Пензенский уезд, ведомость № 43.

¹⁶ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 58 — 59.

¹⁷ Об этом в ревизской сказке 1834 г. по с. Кучкам записано: «Вотчина села Архангельского, Кучук-Пор тож, гвардии капитана и кавалера Дмитрия Петровича Горихвостова о состоящих мужска и женска пола дворовых людях и крестьянах, доставшихся по наследству после покойного брата моего гвардии прапорщика Петра Петровича Горихвостова в 1822 году...» (Пенз. обл. арх., ф. 60, оп. 4, д. 285, л. 124). В этой вотчине в 1834 г. было мужских душ 356, женских — 361. По наследству же после брата достались в 1822 г. Дмитрию Петровичу Горихвостову в Пензенском уезде и числившихся в ревизской сказке 1834 г.: часть Еланской вотчины — дворовых 2 семьи, крестьян мужского пола 296 душ, женского — 294 и деревня Новопетровская — мужских душ 120, женских — 102.

Да кроме полученных в наследство от брата своих было в Пензенском уезде у капитана Дмитрия Петровича Горихвостова, числящихся в ревизской сказке 1834 г.: часть Еланской вотчины — дворовых 14 семей и крестьян мужского пола 310 душ, женского — 311, деревня Надеждина — дворовых 5 семей, крестьян мужского пола 112 душ, женского — 128, деревня Поперешная — мужских душ 245, женских — 274 (Там же, л. 93 — 94, 106, 117 — 118, 133 — 135, 137, 149 — 150, 156 — 157, 181 — 182).

¹⁸ ЦГА МАССР, ф. 26, д. 37, л. 347.

¹⁹ Филиал Горьк. обл. арх. в г. Балахне, метрическая книга по с. Успенскому Ардатовского уезда за 1815 г.

²⁰ Там же, ф. 60 (Нижегородская казенная палата), оп. 239 а, ревизские сказки, д. 1102, л. 373.

²¹ В метрической книге Успенской церкви Ардатовского уезда Нижегородской губернии за 1822 г. записано: «Означенного села Успенского вотчины гвардии прапорщика Петра Петровича Горихвостова и приходской к оному селу деревни Грачевки бригадира Николая Ильича Муханова крестьяне» (Филиал Горьк. обл. арх. в г. Балахне, метрическая книга по с. Успенскому за 1822 г.).

²² Филиал Горьк. обл. арх. в г. Балахне, метрическая книга Вознесенской церкви с. Успенского за 1822 г.

²³ «За полковником Авксентием Абросимовичем Горихвостовым в селе Успенском по последней 7 ревизии (1816. — *И. В.*) показано 414 душ и оттого дошло к брату его Дмитрию Петровичу Горихвостову (описка — к племяннику. — *И. В.*) по наследству. По 8 ревизии (1834 г. — *И. В.*) состоит налицо 549 душ (мужских. — *И. В.*) (Филиал Горьк. обл. арх. в г. Балахне, ф. 60, оп. 239 а, д. 1102, л. 304).

²⁴ Филиал Горьк. обл. арх. в г. Балахне, д. 463 (1811 г.); д. 598 (1816 г.); д. 1102 (1834 г.).

²⁵ Там же, д. 157, л. 25. Мать капитана статская советница Марья Павловна Горихвостова умерла до 1811 г., по ревизской сказке 1795 г. д. Курилово принадлежала ей.

²⁶ Там же, д. 613, л. 42.

²⁷ Там же, д. 1109, л. 192 — 257.

²⁸ В ревизских сказках 1811 г. он уже не числится.

²⁹ Филиал Горьк. обл. арх. в г. Балахне, д. 463, л. 15.

³⁰ Там же, д. 598, л. 8.

³¹ Там же, л. 8 — 14.

³² Пенз. обл. арх., ф. 196, оп. 1, д. 141, л. 1, 4.

³³ *Молебнов М.* Пензенский областной театр Гладковых. Пенза, 1955. С. 38.

³⁴ Пенз. обл. арх., ф. 60, оп. 4, д. 285, Пензенский уезд, л. 124.

³⁵ *Корнилов П.* Указ. соч. С. 165.

³⁶ Пенз. обл. арх., ф. 81, оп. 1, д. 50, л. 10.

³⁷ См.: *Званцев М.* Указ. соч. С. 114.

³⁸ См.: Письмо К. А. Макарова в Академию художеств от 25 декабря 1841 г. // Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 51.

³⁹ *Званцев М.* Указ. соч. С. 93.

⁴⁰ Там же. С. 94.

⁴¹ *Поспелов Г.* Провинциальная живопись первой половины XIX века // История русского искусства. М., 1964. Т. 8, кн. 2. С. 373.

⁴² *Сацердотов М.* Указ. соч. № 7. С. 313.

⁴³ *Масловский А.* Саранский Петропавловский монастырь.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ЦГА МАССР, ф. 20, д. 56, л. 4.

⁴⁶ *Масловский А.* Саранский Петропавловский монастырь.

⁴⁷ См.: *Константинов Н., Струминский В.* Указ. соч. С. 86 — 88.

⁴⁸ ЦГА МАССР, д. 46, л. 16.

⁴⁹ Там же, л. 22 — 23.

⁵⁰ Там же, л. 27.

⁵¹ Ведомость о благосостоянии Саранского уездного училища за прошедший 1830 г. // Пенз. обл. арх., д. 20, л. 74, 80 об.

⁵² Ведомость о состоянии учебных заведений Пензенской дирекции за 1829/30 академ. г. // Там же, л. 20.

⁵³ ЦГА МАССР, л. 34.

⁵⁴ Там же, л. 34, 44.

⁵⁵ В архиве сохранился приказ этого начальника училища: «В силу устава учебных заведений определен я императорского Казанского университета попечителем господином действительным статским советником и кавалером Ст. Як. Разумовским в здешнее народное училище смотрителем всего 1807 года, августа 6 дня. Смотритель, флота лейтенант, Дмитрий Торбеев» (ЦГА МАССР, л. 63).

- ⁵⁶ ЦГА МАССР, л. 51.
⁵⁷ Там же, л. 95.
⁵⁸ Там же, д. 84, л. 1. Алфавитная книга жителей Саранска за 1811 — 1814 гг.
⁵⁹ Пенз. обл. арх., л. 74, 80 об.
⁶⁰ Там же, д. 30, л. 16 — 17.
⁶¹ Город Саранск в то время входил в состав Пензенской губернии, а Пензенская губерния по делам народного образования входила в состав Казанского учебного округа. (Прим. автора.)
⁶² Пенз. обл. арх., д. 26, л. 5.
⁶³ Там же, д. 41, л. 8, 35.
⁶⁴ Там же, д. 26, л. 5.
⁶⁵ Там же, д. 39, л. 42.
⁶⁶ Чин губернского секретаря К. А. Макарову присвоен указом Сената 6 сентября 1833 г. (Пенз. обл. арх., д. 49, л. 34).
⁶⁷ Пенз. обл. арх., д. 39, л. 5, 26, 40 — 41.

Школа

- ¹ Пенз. обл. арх., д. 20, л. 10, 17, 22.
² Там же, д. 41, л. 9.
³ Там же, д. 20, л. 16 — 17 об.
⁴ Рапорт К. А. Макарова в Академию художеств 13 апреля 1847 г. // Центр. гос. ист. арх. в г. Ленинграде, л. 1.
⁵ Пенз. обл. арх., д. 50, л. 10.
⁶ Там же, д. 39, л. 26.
⁷ Там же, д. 56, л. 137.
⁸ *Корнилов П.* Указ. соч. С. 42.
⁹ ЦГА МАССР, ф. 29 (Саранский предводитель дворянства), д. 7, л. 105 — 112.
¹⁰ Пенз. обл. арх., д. 39, л. 3 — 4.
¹¹ Там же, д. 50, л. 11.
¹² Там же, л. 16.
¹³ Там же, л. 9.
¹⁴ Там же, д. 30, л. 17 — 17 об.
¹⁵ Там же, д. 80, л. 59.
¹⁶ Там же, д. 30, л. 17 — 17 об.
¹⁷ Там же, д. 57, л. 72.
¹⁸ Там же, д. 41, л. 9.
¹⁹ Там же.
²⁰ Там же, д. 30, л. 17 — 17 об.
²¹ Там же, л. 22.
²² Там же.
²³ Там же, д. 20, л. 74.
²⁴ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 52.
²⁵ Там же.
²⁶ См.: *Корнилов П.* Указ. соч. С. 49.
²⁷ Там же.

- ²⁸ Там же. Рукопись хранится в библиотеке Центрального музея Татарской АССР (фонд Лихачева) под № 358.
- ²⁹ Там же. С. 53.
- ³⁰ Там же. С. 54.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 52 — 53.
- ³³ Там же. С. 55 — 57.
- ³⁴ Там же. С. 66.
- ³⁵ Воспоминания Л. М. Жемчужникова.
- ³⁶ Там же, л. 51.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Пенз. обл. арх., д. 50, л. 10.
- ³⁹ Там же, д. 39, л. 26.
- ⁴⁰ Метрические книги Казанской церкви г. Саранска за 1799 — 1837 гг. // ЦГА МАССР, ф. 57, д. 50, листы не нумерованы.
- ⁴¹ Там же. Записи 1834 г.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Записи 1836 г. об умерших.
- ⁴⁴ Метрические книги Казанской церкви г. Саранска за 1837 — 1845 гг. // Там же, д. 222. Записи 1837 г. о родившихся.
- ⁴⁵ Там же. Записи 1840 г. о родившихся.
- ⁴⁶ См.: *Черняк Я.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.; Л., 1933. С. 353 — 354.
- ⁴⁷ См.: Звенья: Сб. материалов и док. по истории лит., искусства и обществ. мысли XIX века. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 143.
- ⁴⁸ Там же. 1936. Т. 6. С. 367.
- ⁴⁹ Там же. С. 378.
- ⁵⁰ См.: *Анненков П.* Литературные воспоминания. СПб., 1909. С. 167.
- ⁵¹ См.: Рус. мысль. 1902. Ноябрь. С. 159.
- ⁵² Более подробные сведения о деятельности И. В. Селиванова в г. Саранске и Саранском уезде см.: *Воронин И.* Литературные деятели и литературные места в Мордовии. С. 62 — 74.
- ⁵³ См.: Провинциальные воспоминания: Из записок чудака. Собрал и в порядок привел И. Селиванов. М., 1857. Т. 1 — 2; 1861. Т. 3. Цит. из очерка «Город и купечество». Т. 1. С. 1 — 12.
- ⁵⁴ Эти характеристики мордовской деревни первой половины прошлого столетия см.: *Селиванов И.* Мордва // Журнал землевладельцев. 1858. № 8, 11.
- ⁵⁵ См.: Пантеон рус. и всех европ. театров. 1841. ц 5. Прил. «Текущий репертуар русской сцены». С. 30 — 33.
- ⁵⁶ См.: Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. 3. С. 43.
- ⁵⁷ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 53.
- ⁵⁸ Там же.

- ⁵⁹ См.: Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... С. 36.
- ⁶⁰ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 54.
- ⁶¹ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. 2. С. 453.
- ⁶² Там же. Ч. 3. С. 36.
- ⁶³ Центр. гос. ист. арх. в г. Ленинграде, д. 2984, л. 2 об.
- ⁶⁴ Там же, д. 3273, л. 1 — 1 об.
- ⁶⁵ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. 3. С. 82.
- ⁶⁶ *Поспелов Г.* Указ. соч. С. 7.
- ⁶⁷ *Молева Н., Белютин Э.* Указ. соч. С. 310.
- ⁶⁸ Центр. гос. ист. арх. в г. Ленинграде, л. 3 — 4.
- ⁶⁹ Там же, л. 5.
- ⁷⁰ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... С. 175 — 176.
- ⁷¹ См.: *Корнилов П.* Указ. соч. С. 78.
- ⁷² Там же. С. 79.
- ⁷³ См.: *Поспелов Г.* Указ. соч. С. 361.
- ⁷⁴ См.: *Молева Н., Белютин Э.* Указ. соч. С. 82.
- ⁷⁵ *Корнилов П.* Указ. соч. С. 80.
- ⁷⁶ См.: *Поспелов Г.* Указ. соч. С. 363.
- ⁷⁷ *Корнилов П.* Указ. соч.
- ⁷⁸ Центр. гос. ист. арх. в г. Ленинграде, л. 1 — 1 об.
- ⁷⁹ См.: *Корнилов П.* Указ. соч. С. 133.

Академик И. К. Макаров

- ¹ Филиал Горьк. обл. арх. в г. Балахне, метрическая книга Ардаатовского уезда за 1822 г., л. 5 — 6.
- ² ЦГА МАССР, ф. 57, д. 50, листы не нумерованы.
- ³ Горьк. обл. арх., ф. 570 (Нижегородская духовная консистория), оп. 556 (1800 — 1829 гг.), запись № 87.
- ⁴ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 49.
- ⁵ Метрические книги саранского Спасского собора за 1806 — 1822 гг. // ЦГА МАССР, д. 537.
- ⁶ Там же.
- ⁷ В метрических книгах саранской Казанской церкви за 1799 — 1837 гг. часто встречаются прихожане с этой фамилией.
- ⁸ См.: Литературное наследство. С. 741, 930.
- ⁹ ЦГА МАССР, ф. 99, д. 44, л. 90.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же, л. 223.
- ¹² Там же, л. 232.
- ¹³ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 256.
- ¹⁴ См.: *Воронин И. А. И. Полежаев.* С. 187 — 189.
- ¹⁵ См.: *Воронин И.* Литературные деятели и литературные места в Мордовии. С. 26 — 74.
- ¹⁶ См.: *Масловский А.* Город Саранск (историко-статистическое описание) // Пенз. епарх. ведомости. 1880. № 19. С. 25 — 27.

¹⁷ Пенз. обл. арх., ф. 132, д. 2, л. 15 — 21.

¹⁸ *Масловский А.* Город Саранск... С. 26 — 27.

¹⁹ Там же. С. 27.

²⁰ Теперь пригород Саранска.

²¹ *Масловский А.* Город Саранск... № 18. С. 14.

²² Часовня у «Девятой пятницы» — на пойме реки Инсары, там, где теперь учхоз университета; Холодный родник — колодец на краю верхнего леса, там, где теперь ул. Чернышевского; «Явленная» — часовня в перелеске, там, где теперь коллективные сады в вершине Саранки; Дубрава — лесок, который стоял в 5 километрах севернее города.

²³ Новое время. 1897. 11 (23) апр.

²⁴ Подлинник аттестата хранится у внука академика Г. К. Макарова в г. Ленинграде.

²⁵ См.: *Масловский А.* Город Саранск... № 19. С. 27.

²⁶ См.: *Ключевский В.* Указ. соч.

²⁷ Пенз. обл. арх., ф. 81, оп. 1, д. 30, л. 2.

²⁸ Там же, д. 41, л. 8.

²⁹ Там же, д. 102. Формулярный список учителей Пензенской губернии за 1838 г.

³⁰ Реестр книгам Нижне-Ломовской фундаментальной библиотеки 1831 года // Пенз. обл. арх., л. 11 — 12, 25 — 26.

³¹ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 50.

³² Описание города Саранска, составленное Ф. Акаевским // Пенз. обл. арх., д. 40, л. 1 — 12.

³³ Пенз. обл. арх., ф. 290, оп. 1, д. 28, л. 11 — 14. Здание сохранилось, в нем размещается Министерство финансов Мордовской АССР.

³⁴ См.: Достопримечательные храмы в Пензенской губернии // Справочная книга Пензенской губернии за 1899 г. Пенза, 1899. Т. 1. С. 57.

³⁵ Об этом подробнее см.: *Воронин И.* Саранск. С. 111.

³⁶ *Салов И.* Указ. соч.

³⁷ В «Справочной книге по Пензенской губернии на 1894 год» (Пенза, 1894. С. 50) указано: «Село Никольское, Саловка, храм Спасский построен в 1842 году».

³⁸ См.: *Воронин И.* Саранск. С. 101.

³⁹ Заключение П. Е. Корнилова изложено в письме к И. К. Макарову от 22 июня 1971 г. Подлинник письма хранится у адресата.

⁴⁰ *Огарев Н.* Избранные стихотворения и поэмы. М., 1938. С. 366.

⁴¹ Мордовский республиканский краеведческий музей. Инвентарная книга Саранского музея родного края. Начата 1 ноября 1923 г., окончена 12 ноября 1929 г., л. 10 об.

⁴² Там же. Инвентарная книга за 1934 — 36 гг. С. 24.

⁴³ Центр. гос. ист. арх. в г. Ленинграде, д. 2672, л. 54.

⁴⁴ Там же, л. 55.

⁴⁵ См.: *Воронин И. А. И.* Полежаев. С. 70 — 71.

⁴⁶ Там же. С. 72.

⁴⁷ Центр. гос. ист. арх. в г. Ленинграде, л. 56.

⁴⁸ Там же, л. 57.

⁴⁹ Подлинник сообщения хранится у внука академика Г. К. Макарова в г. Ленинграде.

⁵⁰ Центр. гос. ист. арх. в г. Ленинграде, л. 59.

⁵¹ Пенз. обл. арх., фонд Пензенской городской думы, д. 399, л. 4 — 108, № 1027.

⁵² Подлинник аттестата хранится у внука академика Г. К. Макарова в г. Ленинграде.

⁵³ Из рукописной картотеки Всесоюзного музея А. С. Пушкина в г. Ленинграде.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См.: *Езерская Г.* Дочь Пушкина // Работница. 1967. № 6. С. 25. Здесь же цветной портрет И. Макарова «Мария Александровна Гартунг».

⁵⁶ См.: *Поспелов Г. Г.* Указ. соч. С. 500.

⁵⁷ Там же. С. 501.

⁵⁸ *Крамской И. Н.* Письма и статьи. М., 1966. Т. 2. С. 344.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Пенз. обл. арх., ф. 182, оп. 6, д. 127, л. 216 — 217.

⁶¹ Северное сияние: Рус. худож. альбом. СПб., 1863. Т. 2. С. 119.

⁶² Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 29, № 746. 30 апр. С. 355. Летопись искусств, театра и музыки.

Превратности судьбы

¹ Дед Ивана Кузьмича по матери умер в Саранске в 1845 г. В местном архиве, в метрической книге Казанской церкви г. Саранска, сохранилась запись: «1845 года, мая, 20, умер господина Горихвостова дворовый человек Терентий Козьмин 84 лет, болезнью натуральной, погребение совершил священник Семен Соколов, при погребении находились протодьяк Василий Рассудов, дьячек Михаил Лентовский. Похоронен при отведенном кладбище» (Метрическая книга Казанской церкви за 1837 — 45 гг. // ЦГА МАССР, ф. 57).

² Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 55.

³ *Островцов Ф.* Пензенский спасский, двухэтажный кафедральный собор // Пенз. губерн. ведомости. 1852. № 1.

⁴ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... С. 82.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 175 — 176.

⁷ См.: *Масловский А.* Город Саранск... С. 29.

⁸ ЦГА МАССР, ф. 20, д. 350 а. Мещанин Филагрей Васильевич Кудрявцев проживал на Рождественской улице, переименованной в 1918 г. в Гражданскую (ныне проспект имени В. И. Ленина), во втором квартале от центра. Теперь на этом месте — 12-я общеобразовательная средняя школа. У Филагрея Кудрявцева сгорело недвижимого имущества на 1 000 рублей, движимого — товаров, хлеба в гумнах — на 300 рублей (ЦГА МАССР,

д. 1, л. 1). Выдано ссуды Ф. В. Кудрявцеву 198 рублей (Там же, д. 3, л. 5).

⁹ См.: Пенз. губерн. ведомости. 1869. № 33. Старинная усадьба купцов Кубанцевых находилась там, где теперь концертный зал и картинная галерея (ул. Советская). Незадолго до революции 1917 г. на этом месте помещиком села Макаровка Г. П. Тепляковым был построен кинотеатр «Художественный», переоборудованный впоследствии в драматический театр, а позднее в концертный зал.

¹⁰ Цит. по: Граф Л. Н. Толстой: Воспоминания С. П. Арбузова. М., 1904. С. 51 — 52.

¹¹ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 54.

¹² Воспоминания С. К. Макаровой мне сообщил И. К. Макаров в 1971 г.

¹³ Воспоминания моего деда В. В. Воронина мной записаны по его рассказу в 1921 г.

¹⁴ ЦГА МАССР, д. 350 а, л. 33 — 34, 47, 50, 59.

¹⁵ Там же, л. 41, 45, 69.

¹⁶ Там же, оп. 2, д. 3, л. 1, 23.

¹⁷ Там же, л. 1.

¹⁸ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 55.

¹⁹ В ведомости о Христорождественской церкви за 1908 г. указано: «Построена в 1856 году тщанием и изживением прихожан оной почетных граждан саранских 1-й гильдии купцов братьев Ивана и Дмитрия Леонтьевых Кротковых на месте сгоревшей в 1852 году» (ЦГА МАССР, ф. 28, д. 9, л. 1 — 10).

²⁰ Проект здания был одобрен в департаменте проектов и смет 17 августа 1853 г., высочайше утвержден 7 января 1854 г., получил благословение епископа пензенского Амвросия 15 февраля 1854 г. (Там же, д. 7).

²¹ В 30-е гг. нашего столетия здание переоборудовано в хлебозавод. Фотоснимок церкви сделан в 1928 г.

²² Нижние Террасы — название улицы в Саранске, теперь Красная. (*Прим. автора.*)

²³ Архивариус: Рисовальная школа в Саранске // Мужик. 1906. ч. 6. (Газета издавалась в Саранске в 1906 — 1907 гг., была закрыта в 1907 г. за антиправительственные выступления, а редактор и издатель В. В. Бажанов был сослан на север. — *Прим. автора.*)

²⁴ ЦГА МАССР, ф. 75, оп. 2, д. 17, л. 151 об.

²⁵ Там же, д. 51, л. 191 об.

²⁶ Воспоминания Алексея Аполлоновича Дialeктова мной записаны с его слов в 1970 г. в г. Саранске.

²⁷ См.: *Воронин И.* Саранск. С. 80 — 81, 96 — 97; *Он же.* Достопримечательности Мордовии... С. 80 — 81.

²⁸ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 56.

²⁹ Рассказ Серафимы Кузьминичны Макаровой о доме был записан ее внучатым племянником И. К. Макаровым (младшим) в 1915 г.

³⁰ И. К. Макаров (младший) бывал в пензенском доме Макаровых в начале нашего столетия. Школы в этом доме уже не

было, но многое напоминало о ней. Воспоминания И. К. Макарова мной записаны в 1970 г.

³¹ Пенз. обл. арх., ф. 24, оп. 1, д. 2073, л. 164 — 165 (выписка из книги Пензенской палаты гражданского суда на записку купчих на дома и лавки за 1852 г.).

³² Воспоминания И. К. Макарова о переоборудовании пензенского дома записаны мной в 1970 г.

³³ См.: *Конаков С.* Список русских художников. Т. 2. С. 119.

³⁴ Центр. гос. ист. арх. в г. Ленинграде, оп. 14, д. 12, л. 5 — 5 об.

³⁵ Воспоминания И. К. Макарова (младшего) записаны мной в 1970 г.

³⁶ Воспоминания И. К. Макарова (младшего) записаны мной в 1971 г.

³⁷ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 5б.

³⁸ Там же, л. 57.

³⁹ Воспоминания И. К. Макарова. Записаны мной в 1970 г.

⁴⁰ Архив ЗАГСа Пензенской области, г. Пенза, метрическая книга Рождественской церкви (она же Духосошестввенская) за 1909 г.

⁴¹ Там же, метрическая книга г. Пензы за 1918 г.

⁴² Там же, метрическая книга г. Пензы за 1919 г.

⁴³ Там же, метрическая книга г. Пензы за 1923 г.

Наследство

¹ Издания Рузаевской типографии конца XVIII столетия хранятся в московских книгохранилищах.

² Эти две иконы сохраняются у жительницы с. Саловки Н. И. Харитоновой.

³ Перечисленные иконы хранятся: «Спас нерукотворный» у Е. А. Улановой, «Воскресенье Христово» у А. И. Толоконниковой, «Крещение» у С. Н. Шопина, «Святитель Николай» у П. Н. Шопина, «Святой Пантелеймон» у Н. Л. Мялькина.

⁴ Сообщено И. К. Макаровым (младшим) в 1970 г.

⁵ См.: *Корнилов П.* Указ. соч. С. 78.

⁶ Там же. С. 79, 81, 83.

⁷ См.: *Молева Н., Белютин Э.* Указ. соч. С. 308.

⁸ Центр. гос. ист. арх. в г. Ленинграде, оп. 1, ч. 2, д. 3273, л. 1 об.

⁹ Портрет И. К. Макарова «Две молодые мордовки» передан в Мордовскую картинную галерею им. Ф. В. Сычкова.

¹⁰ Девятнадцать живописных работ И. К. Макарова переданы в Мордовскую картинную галерею его внуком И. К. Макаровым (младшим) 6 января 1971 г.

¹¹ Священное коронование государя императора Александра III 1883 г. Экземпляр книги есть в г. Саранске, в Мордовской республиканской библиотеке им. А. С. Пушкина.

¹² См.: *Корнилов П.* Указ. соч. С. 85; *Воронин И.* Саранск. С. 112 — 113; *Молева Н., Белютин Э.* Указ. соч. № 173.

¹³ См.: *Езерская Г.* Указ. соч.

¹⁴ См.: Пензенская картинная галерея им. К. А. Савицкого: Каталог. Л., 1961.

¹⁵ Издание Государственного Русского музея (1941 г.).

¹⁶ Воспоминания Л. М. Жемчужникова, л. 58 — 59.

¹⁷ См.: *Костина Е.* Изобразительное искусство Советской Мордовии. Саранск, 1958.

¹⁸ О встречах с академиком И. К. Макаровым Ф. В. Сычков неоднократно рассказывал автору этой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

7	<i>Юрченков В. А.</i> Иван Дмитриевич Воронин и феномен «Саранска»
	Саранск
14	Предисловие
17	У больших дорог
36	Крепость на сторожевой черте
71	Разинские сподвижники
79	Ярмарочный торг
93	Пугачевские места
101	Первые очаги культуры
108	Живописная школа
118	Рельсовый путь
139	Революционное пробуждение
155	На путях к Октябрю
187	За власть Советов
215	Центр Советской Мордовии
237	В лесах новостроек
261	Примечания
	Саранская живописная школа
286	Зачатки образованности
291	Свет из Арзамаса
304	Живописное дело в Саранске
321	Рисовальный учитель
340	Школа
362	Академик И. К. Макаров
390	Превратности судьбы
403	Наследство
415	Примечания

Научно-популярное издание

И. Д. Воронин

ИЗБРАННОЕ

Редакторы *Е. В. Глазкова, Т. А. Чужайкина*
Корректоры *М. Е. Митрофанова, Е. С. Панкова*
Макет *О. И. Федосеевой*

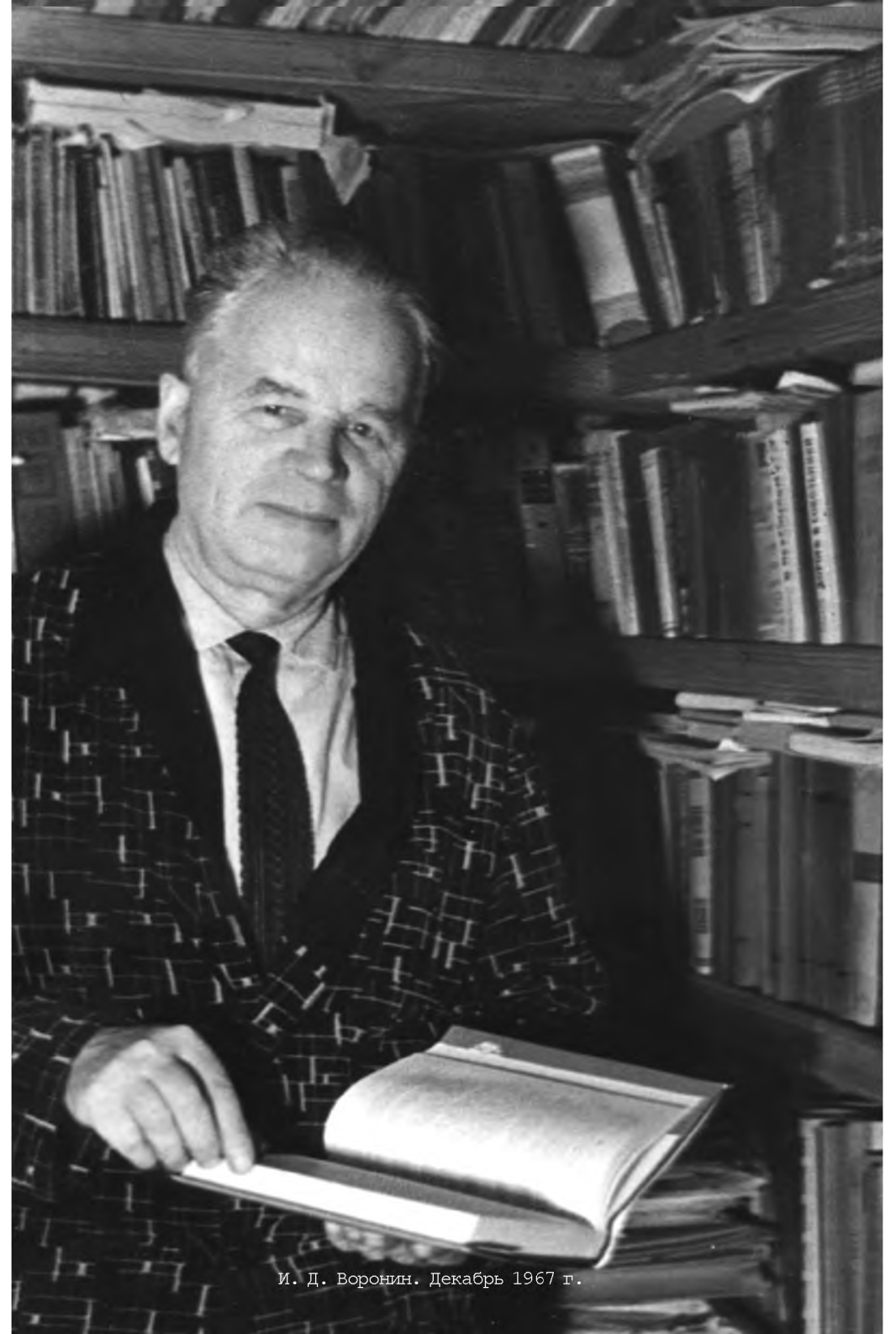
Подписано в печать 28.09.2005. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура AG Garamond. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 26,31 + 3,09 вкл.
Тираж 500 экз. Заказ №

ГУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430000 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ГУП РМ
«Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 г. Саранск, ул. Советская, 55 а.

Воронин И. Д.
В 752 Избранное / И. Д. Воронин ; редкол.: В. А. Юрчен-
ков (председатель), Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева и др. ;
НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мор-
довия. — Саранск, 2005. — 432 с.
ISBN 5 — 900029 — 15 — 8

УДК 908 (470.345)
ББК Т 3 (2 Рос. Мор) 6

И. Д. Воронин. Декабрь 1967 г.

Дмитрий Васильевич и Александра Васильевна Воронины
с сыном Иваном. Саранск, январь 1907 г.

Семья Ворониных. 1937 г.

Иван Воронин. 25 лет

Старший лейтенант И. Воронин.
Москва, 1943 г.

В. Ф. Авдеев (писатель, г. Москва), И. Д. Воронин
и Ф. М. Алемайкин (ученый-физик, г. Саранск)

А. К. Имяреков и И. Д. Воронин в кабинете директора
НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров МАССР.
фотохроника ТАСС. 1950 г.

На озере Рица. 1956 г.

С пензенскими писателями
в Гаграх. 1956 г.

Саранск, 1958 г.

Встреча в Саранске. И. Д. Воронин,
М. П. Девятаев и М. А. Кяшкин. 1960 г.

А. И. Смоленский (режиссер), Г. В. Павлов (композитор),
В. Н. Рупышева (пианистка), М. Н. Антонова (певица)
и И. Д. Воронин. 1963 г.

Совет ветеранов комсомола МАССР. 1966 г.

В день семидесятилетия И. Д. Воронина. Саранск, 1975 г.

Декабрь 1976 г.

Книги И. Д. Воронина

И. Д. Воронин в своем кабинете. 1968 г.

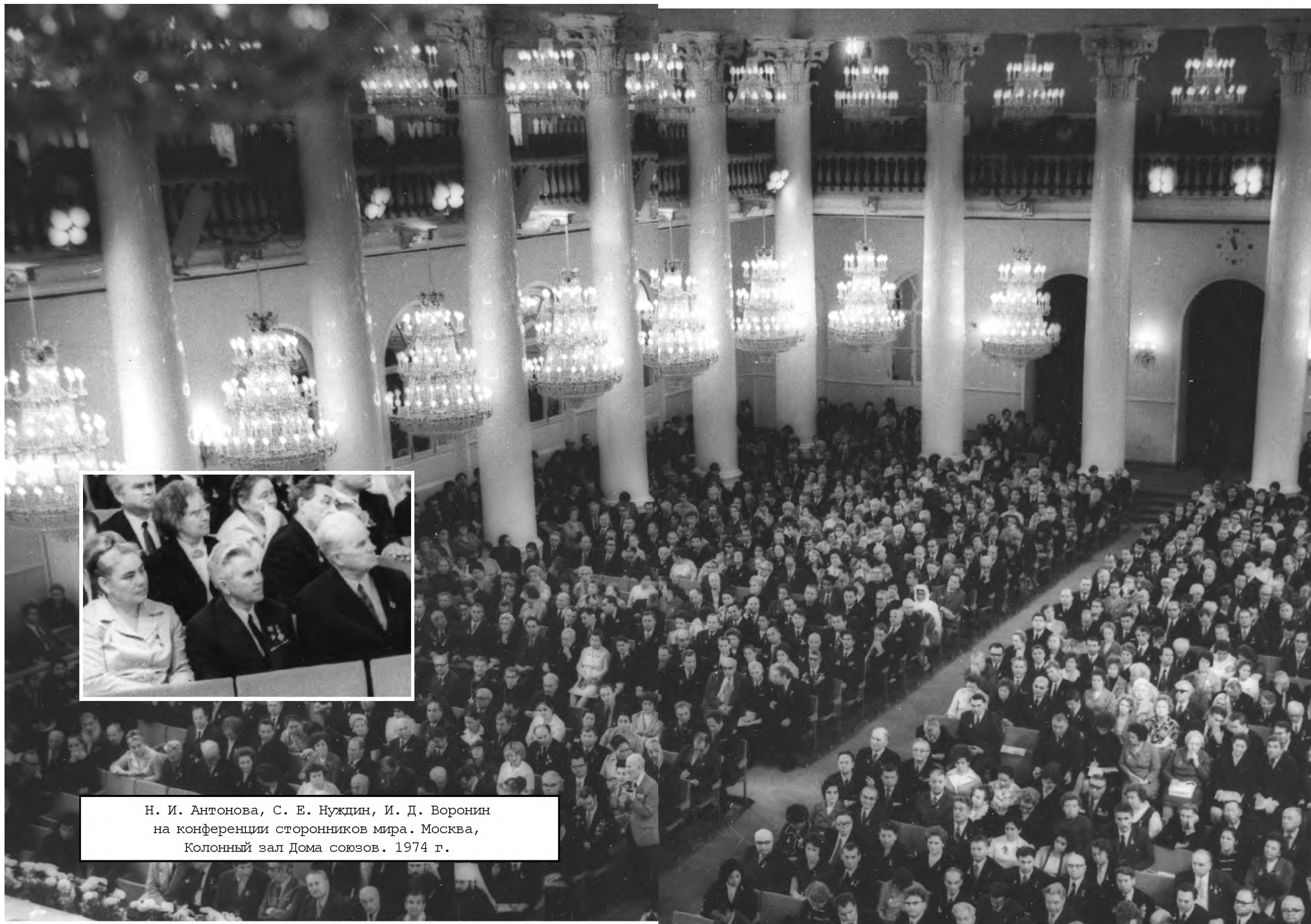

И. Д. Воронин
и И. К. Макаров.
1971 г.

Встреча московских писателей на саранском вокзале

Н. И. Антонова, С. Е. Нуждин, И. Д. Воронин
на конференции сторонников мира. Москва,
Колонный зал Дома союзов. 1974 г.

На семидесятипятилети И. Д. Воронина. 1980 г.

Памятник основателям Саранска

М. И. Махаев. Вид города Саранска с востока. Гравюра. 1768 г.

В. А. Кузьмин. Саранская крепость в XVII веке. 1959 г.

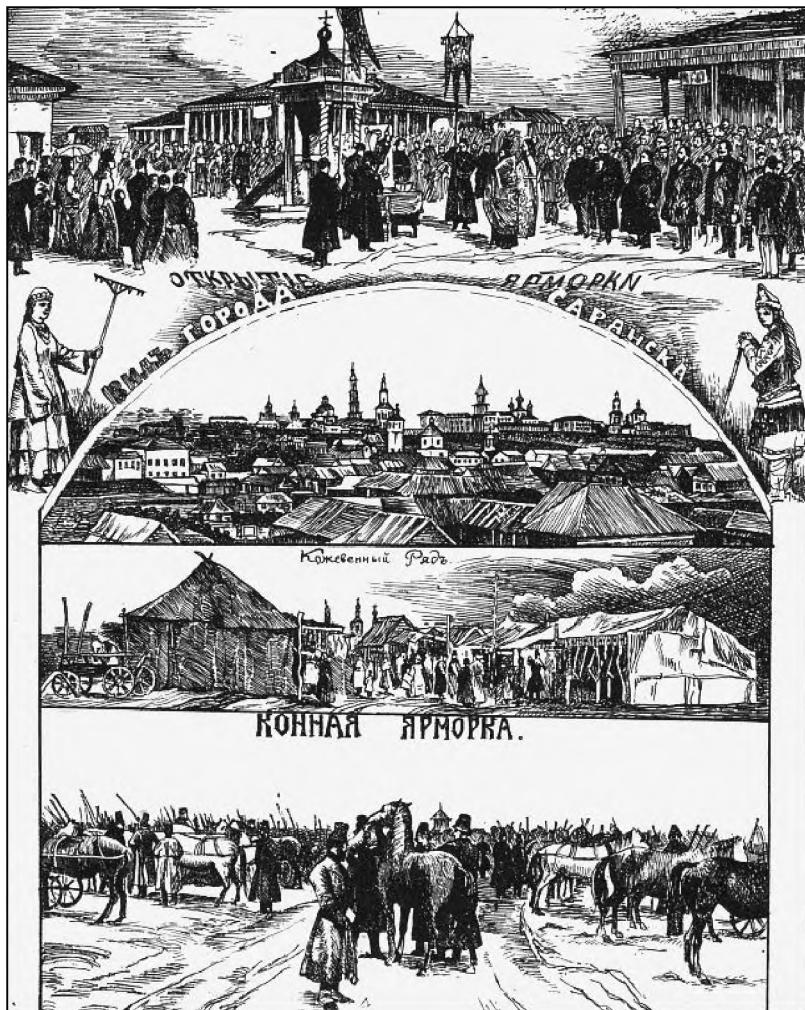

Е. И. Пугачев в оковах

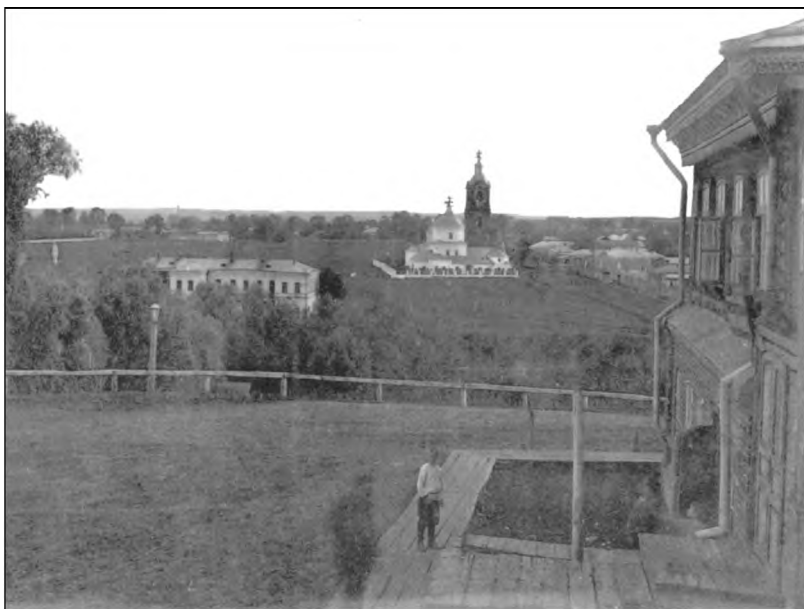
Пугачевская палатка. Построена в конце XVII в.

Саранская ярмарка.
С картины Н. Дмитриева-Оренбургского. 1876 г.

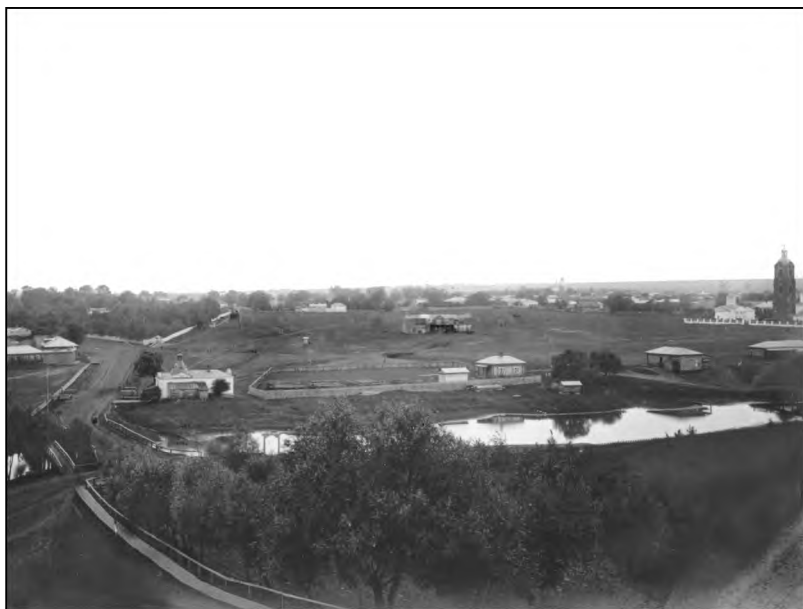
Общий вид центра Саранска. Начало XX в.

Саранск. Начало XX в.

Спасский собор. Построен в 1887 г. Начало XX в.

Саранск. Начало XX в.

Базарная улица (ныне Советская) . Начало XX в.

Московская улица (ныне им. Л. Толстого) .
Видна Покровская церковь. 1900 г.

1-я Троицкая улица (ныне им. Володарского) . Начало XX в.

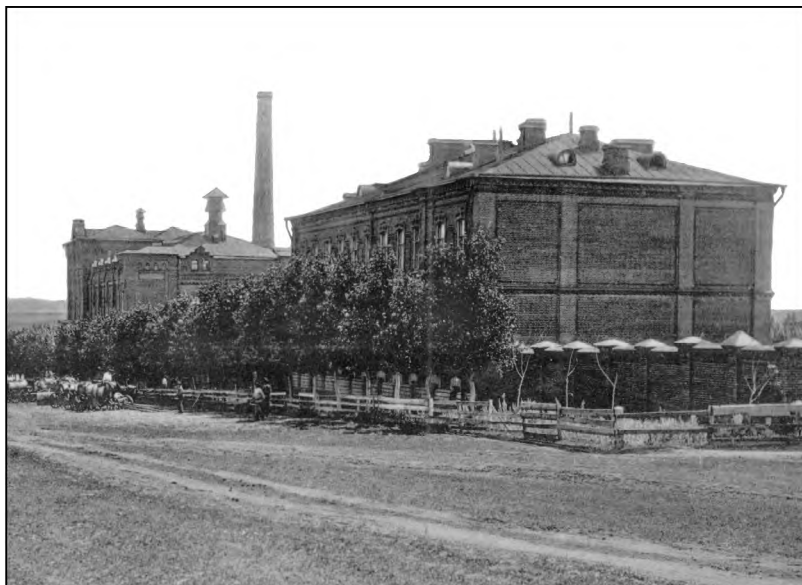
Успенская площадь, на которой проходила торговля в базарные дни.
Рядом городской Пушкинский сад (ныне Парк культуры
и отдыха им. А. С. Пушкина)

Петропавловский монастырь.
Слева и справа — торговые ряды. Конец XIX в.

Базарная площадь (ныне Советская). Первое здание справа —
городская управа. Рядом — городская аптека.
Видны Владимирская церковь Петропавловского монастыря
и гостиный двор. Начало XX в.

Винный склад. Начало XX в.

Здание электростанции. Начало XX в.

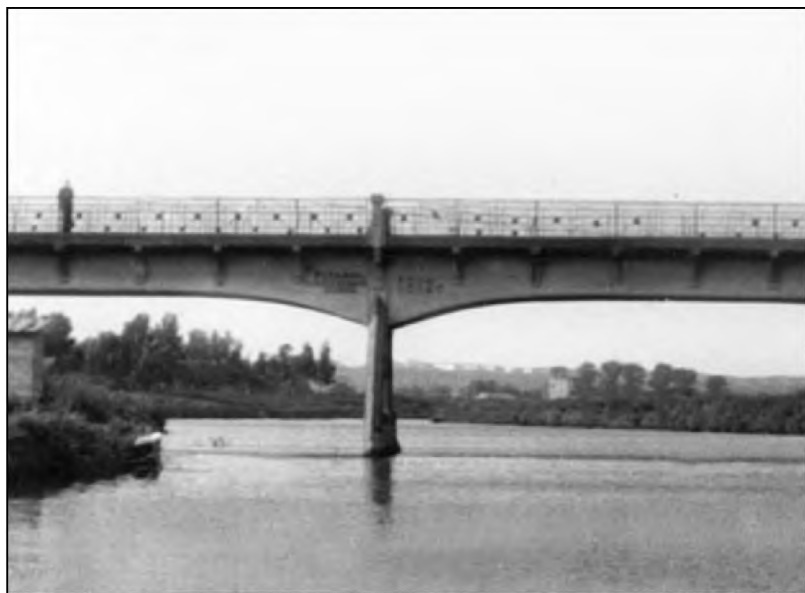
Саранское городское училище. Начало XX в.

Вокзал. Начало XX в.

Саранское пожарное общество. Начало XX в.

Железобетонный мост через реку Инсар.
Построен земской управой в ознаменование столетия победы
России в Отечественной войне 1812 г.

Учитель биологии Николай Николаевич Гридин. 1914 г.

Семья купца Дмитрия Ивановича Удалова. Второй слева – Дмитрий Иванович, рядом его жена Мария Ивановна. 1913 г.

Саранское общество любителей изящных искусств. Начало XX в.

Съезд библиотечных работников. Во втором ряду — Е. Л. Токарева (первая справа), в третьем ряду — А. А. Масловская (первая справа). Пенза. 1918 г.

Здание, в котором в марте 1917 г. был образован первый Совет рабочих депутатов города Саранска

Председатель Саранского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов П. А. Бусыгин

Здание, в котором 7 января 1918 г. был образован первый
Саранский уездный комитет РСДРП(б) (ныне ул. Советская)

Первый председатель Саранского уездного комитета
РСДРП(б) Ф. С. Каплев

Первое знамя Саранской организации РСДРП (б)

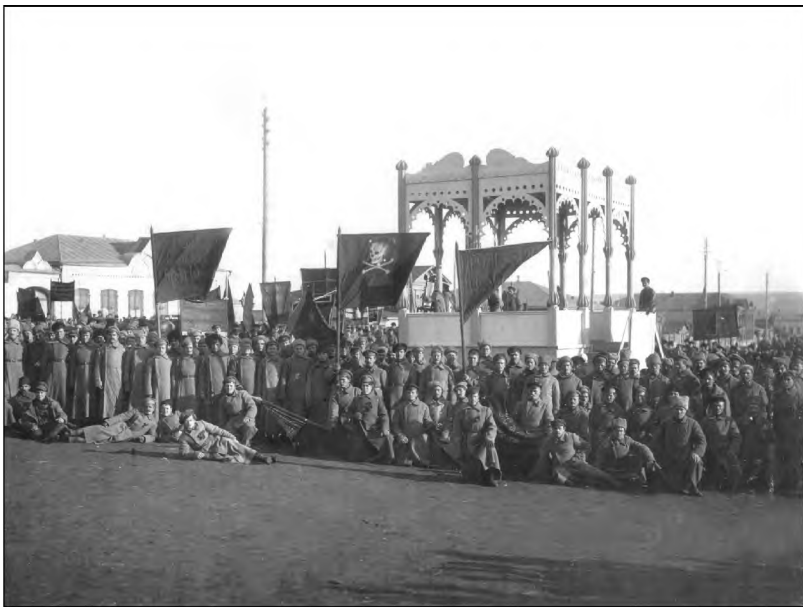
Здание, в котором в 1918–1919 гг. размещался мобилизационный отдел Первой армии Восточного фронта (ныне ул. Советская)

Группа работников мобилизационного отдела Первой армии Восточного фронта. Сидят (слева направо): заведующий политотделом — Алексеев, заведующий мобилизационным отделом — Ш. Н. Ибрагимов, заведующий отделом снабжения — Гаркуша

Башкирская конница в Саранске. 1919 г.

Сбор на демонстрацию, посвященную празднованию первой годовщины Октябрьской революции, на Советской площади в Саранске. 1918 г.

Демонстрация, посвященная празднованию первой годовщины Октябрьской революции, в Саранске. 1918 г.

Дом, в котором в 1869 г. останавливался Л. Н. Толстой. 1960-е гг.

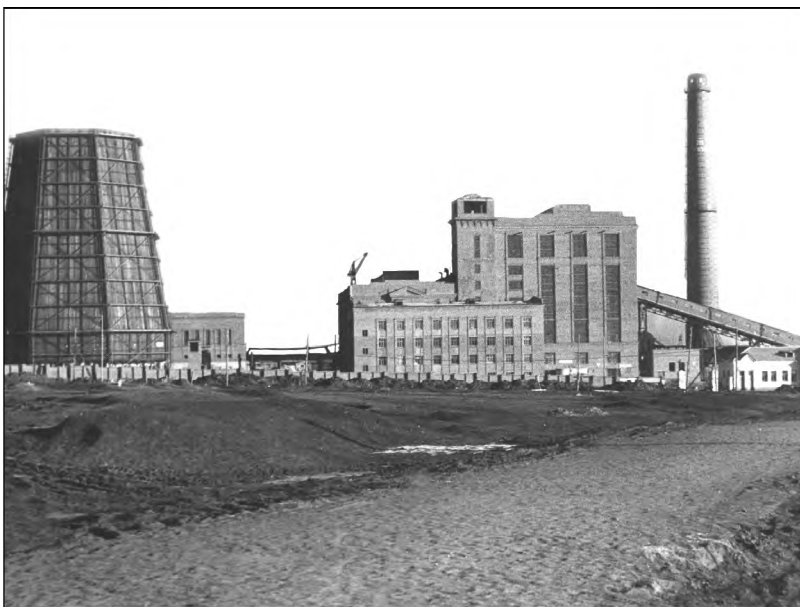
Мордовская республиканская библиотека им. А. С. Пушкина
(ныне Мордовская республиканская детская библиотека). 1960-е гг.

Памятник А. И. Полежаеву. 1960-е гг.

Жилые дома завода медпрепаратов на ул. Васенко. 1960-е гг.

Саранская ТЭС-2. 1960-е гг.

Строительство резинового комбината в Саранске. 1962 г.

Внутренний вид цеха Саранского электролампового завода.
1960-е гг.

Саранск. 1960-е гг.

Советская улица. 1961 г.

Пересечение улиц Советской и Пролетарской. 1960-е гг.

Советская улица. 1961 г.

Музыкально-драматический театр. 1960-е гг.

Главный корпус Мордовского государственного университета.
1960-е гг.

Кинотеатр «Октябрь». Снесен в 2000 г. 1961 г.

В одном из залов Саранской картинной галереи
им. Ф. В. Сычкова. 1960-е гг.

В городском Парке культуры и отдыха
им. А. С. Пушкина. 1960-е гг.

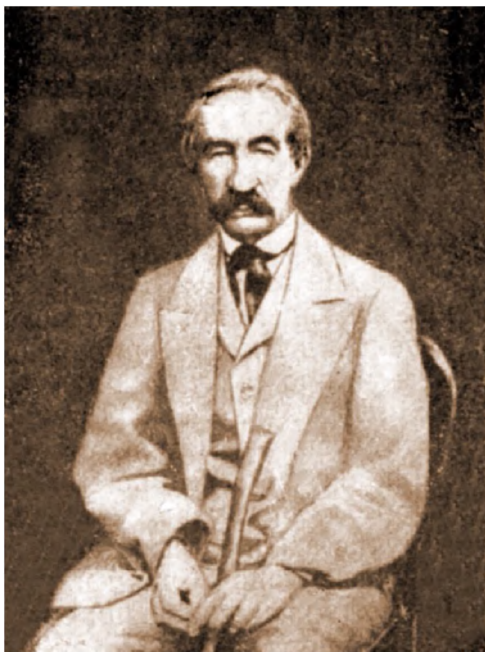

П. Я. Пяецкий.
Портрет И. К. Макарова. 1889 г.

Саранская школа живописи. 40–50-е гг. XIX в.
Рисунок Ю. Н. Макарова

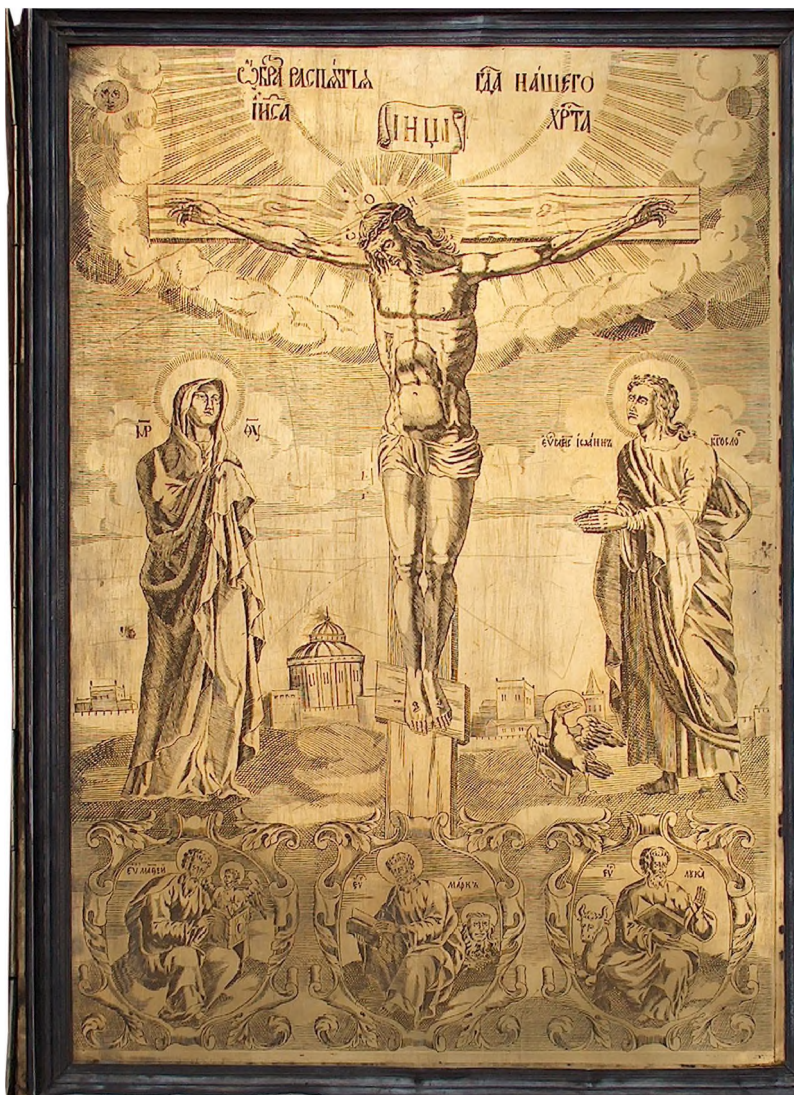
Портрет К. А. Макарова.
Начало 60-х гг. XIX в.
Фото Я. К. Макарова

Арзамасская школа живописи. Вторая половина XIX в.

Пензенская школа живописи. Начало XX в.

Напрестольное евангелие из Иоанно-Богословской церкви
Макаровского погоста. 1704 г. МРОКМ

Бог-Вседержитель. Икона работы Я. Тещева.
Первая половина XIX в. МРОКМ

И. К. Макаров. Евангелисты Матвей и Лука.
Икона. 40-е гг. XIX в. МРОКМ

И. К. Макаров. Евангелисты Марк и Иоанн.
Икона. 40-е гг. XIX в. МРОКМ

И. К. Макаров. Н. П. Огарев с женой. 1840 г. МРОКМ

И. К. Макаров. Мать Н. П. Огарева. 1840 г. МРОКМ

И. К. Макаров. Портрет мордовки.
Этюд к картине «Две молодые мордовки». 1841–1842 гг.
МРМИИ им. С. Д. Эрзи

И. К. Макаров. Две молодые мордовки. 1842 г.
МРМИИ им. С. Д. Эрьзи

И. К. Макаров.
Портрет двух детей из семьи Толстых. 1854 г.
Государственный русский музей

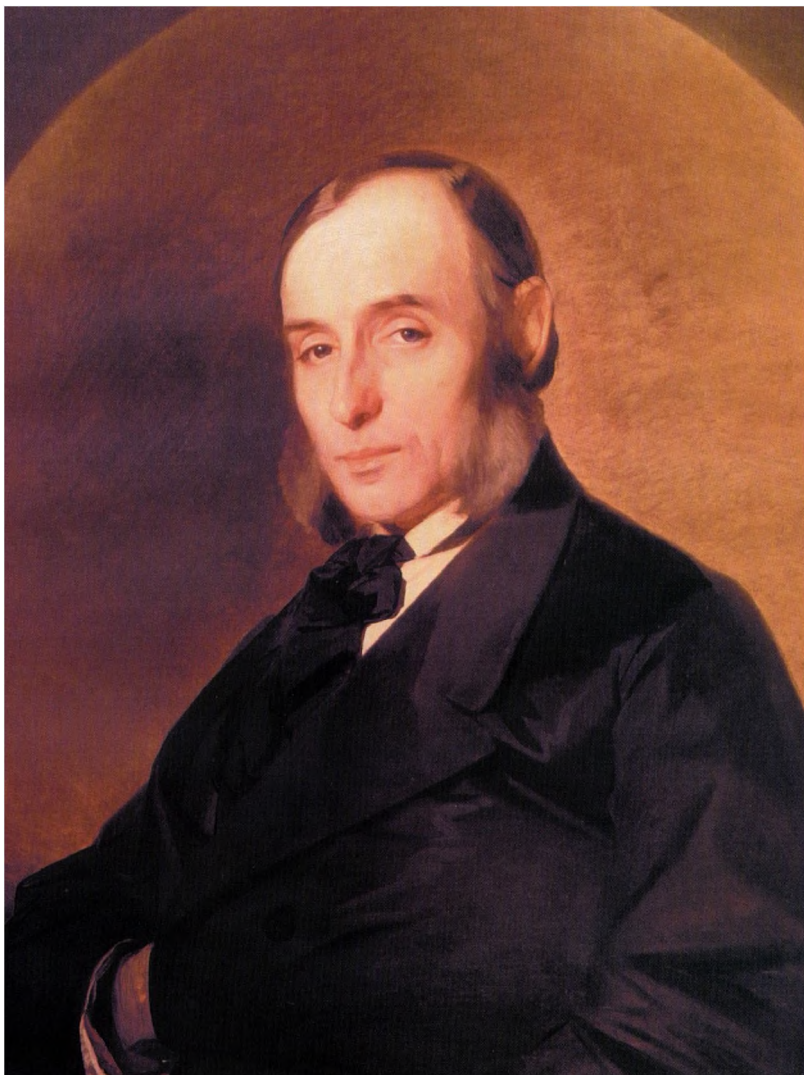
И. К. Макаров.
Портрет сестер Марии и Софьи Перовских. 1859 г.
Пермская государственная художественная галерея

И. К. Макаров.
Портрет М. А. Пушкиной (Партунг). 1860 г. (?)
Государственный музей Л. Н. Толстого (г. Москва)

И. К. Макаров. Портрет неизвестной. 1860 г.
Государственная Третьяковская галерея

И. К. Макаров.
Портрет архитектора И. С. Каминского. 70-е гг. XIX в.
Государственная Третьяковская галерея